М. М. ПРИШВИН

РАННИЙ ДНЕВНИК

РАННИЙ ДНЕВНИК

М. М. ПРИШВИН

Ранний дневник

Санкт-Петербург
2007

УДК 882
ББК 84Р7-4
П77

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Фонда Первого Президента РФ Б. Н. Ельцина

Пришвин М. М.
П77 Ранний дневник 1905—1913 / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; Коммент. Я. З. Гришиной; Указат. имен Т. Н. Бедняковой. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007. — 800 с.

Настоящий том представляет собой Ранний дневник М. М. Пришвина, охватывающий 1905—1913 гг. В отличие от хронологической структуры основного корпуса дневника писателя «Ранний дневник» выстроен тематически, сохранив при этом присущий жанру дневника стиль: записи не подвергались литературной обработке.

Публикуется впервые.

ISBN 978-5-94668-043-9

УДК 882
ББК 84Р7-4

М. М. ПРИШВИН
РАННИЙ ДНЕВНИК

Посвящается памяти
Гришина Владимира Юрьевича

ЛЮБОВЬ

(Смешанные клочки)

1905.

Что было бы, если бы я сошелся с этой женщиной? Непременное несчастье: разрыв, ряд глупостей. Но если бы (что было бы чудо) мы устроились... да нет, мы бы не устроились.

Я люблю тень той женщины и не знаю, мог бы узнать на улице или нет. Я по привычке всегда ищу ее глазами в петербургской толпе, но никогда не нахожу. В последнее время я раза два встречал на Невском женщину в черном, очень похожую на нее, необыкновенно похожую, но, кажется, чуть-чуть выше. Впрочем, я мог бы ее найти, и очень просто. Но я этого не делаю. Для чего? Это значит не признавать настоящего, а мне подчас кажется, что я свой minimum спокойствия, похожего на частицу счастья, сковал с громадной энергией и мужеством; так я думаю иногда, но иногда считаю эти мысли самообманом, иллюзией, без которой не могу жить.

Теперь мне 32 года, но я решительно ничего не имею. Время от времени меня влекут мечты, но они проходят, а пустое место заполняется снова. Но она мне сама говорила, что не стоит меня, она была искренна со мной так, как ни с кем. Я читал ее дневники, заветные, никому не открытые думы. Я ее знаю больше, чем они...

Через год после нашей встречи в Париже я сошелся с крестьянкой, она убежала от мужа с годовым ребенком Яшей. Мы сошлись сначала просто. Потом мне начала нравиться простота ее души, ее привязанность. Мне казалось, что ребенок облагораживал наш союз, что союз можно превратить в семью, и подчас пронизывало счастливое режущее чувство чего-то святого в личном совер-

шенствовании с такой женой. Я научил ее читать, немного писать, устроил в профессиональной школе, так как не ручался за себя. Она выучилась, но продолжала жить со мной. У нас был ребенок и умер. Теперь скоро будет другой. Яша вырос, стал хорошим мальчуганом, я его люблю. Я привык к этой женщине. Она стала моей женой. Но, кажется, я никогда не отделаюсь от двойственного чувства к ней: мне кажется, что все это не то, и одной частью своей души не признаю ее тем, что мне нужно, но другой стороной люблю.

Вот как в природе!.. в человеческом начале — в одном человеке, но в обществе его нет и не может быть. Общество представлено всей гаммой человеческих жизней — от величайшей пошлости до величайшей святости.

Революция как период любви, настоящей, физической, хорошей любви в жизни одного человека. Пусть укажут самую святую любовь к женщине, в которой бы не было окрашенного романистами грубого собачьего влечения к самке. И попробуйте остановить это чувство ссылкой на правильную семейную жизнь.

1906.

28 Мая. Петербург. Сегодня на пристани у Летнего сада все, ожидая парохода, обратили внимание на странного матроса. Он ходил взад и вперед так, как ходят моряки по палубе во время качки, а когда подходил к краю, то останавливался и напряженно всматривался в даль Невы. Иногда он нервно вздрагивал и словно искал, ждал чего-то вдали. Его о чем-то спросили. Он быстро остановился, видимо, понял вопрос, но сделал руками такие жесты, как делают немые. Тогда все уже смотрели с удивлением на странного немого матроса. Ему дали кусок бумаги и карандаш. И вот что он быстро написал: «С крейсера "Баян"», паралич, Иван Новиков — обо мне в газетах писали». Он по-прежнему начал по-морскому ходить, нервно вздрагивать и всматриваться в даль вдоль Невы. Кто-то сказал:

— А, верно, я помню, о нем писали.

Высокий пожилой рабочий с сухим темным лицом и тусклыми малоподвижными глазами подошел к нам и громко сказал, указывая на матроса:

— Немного, немного осталось ждать, отплатим мы им!..

— Ну, брат, они теперь уже по заграницам разъехались, не достать их, — сказали мы.

И вдруг рабочий нагнулся и прошептал таинственно и убежденно:

— Вы не знаете... и там тоже пролетариат... теперь все соединились...теперь конец. Теперь никуда не укрыться, голубчики...

— Это так, — сказал я, — будущее за рабочим классом, но ведь нельзя же думать, что мы сразу теперь достигнем всего...

— А отчего же нет, ведь это там они шли сначала через буржуа и все там такое, а у нас нет, а прямо, и к нам все пристанут.

Он говорил это пророческим тоном, глубоко убежденный. Мы сели на пароход. Он достал газету с какими-то стихами и просил меня прочесть вслух. Стихи были обыкновенные, газетные, с множеством слов о страданиях рабочих. Я стал читать. Меня сразу обступила толпа рабочих, и каждое слово ловилось на лету, все жили моментом, ловили слова, теснились ближе.

Заговорили о земле.

— Вот если бы хоть клочок земли, стал бы разве я вести ужасную жизнь? Эх, хорош у меня мальчонка! — И рабочий вытащил из кармана фотографии мальчика. — Это студент у меня будет, он впереди меня идет, газеты нам и все читает, а ведь только 12 лет. Вот бы землицы клочок, сейчас бы бросил все, ушел. Ну, скажите, кто им позволил землей завладеть. Земля Божья!

Я сказал, что если говорить о Боге, то и Горемыкин скажет, что частная собственность освящена Богом. И сразу десятки голосов заговорили: собственность на земле освящена Богом! Да где же это сказано, когда Бог это говорил? Нет, Бог никогда этого не говорил, и нигде об этом не писано.

Они говорили так убежденно, что не оставалось никаких сомнений в их глубокой вере в Бога. Это были люди убежденные, чистые, без тени сомнения.

А я им сказал:

— Но, может быть, Бога-то и нет совсем, и нет на земле правды, и никогда ее не будет...

Но мои слова приняли как не имеющие значения и, помолчав немного, продолжали:

— Никогда не говорил об этом так Бог, Бог никогда не говорил.

Пишу ***13 Сентября 1906 г.*** Припоминаю такую встречу, вскоре после описанного случая 28 мая. На пароходе в воскресенье... Пьяный смешной добродушный мужичок из самых серых стоит и издает пьяные восклицания. Иногда ему удается сказать что-то смешное. Все от нечего делать смотрят на него и смеются. Больше всего смешило то, что пароход качался — было сильное волнение на Неве — и мужичок постоянно терял равновесие. Раз он так махнул рукой, теряя равновесие, и задел пожилого, очень прилично одетого господина с седеющей бородкой, похожего лицом на крупного образованного фабриканта. Едва только мужичок коснулся его, вдруг он вскочил и стал перед ним, словно хотел вступить с ним в бой. Всем это показалось смешно. Господин, подбоченившись, смотрел на мужика. Мужик недоумевал и тоже молча глядел на барина. Все хохотали. И они все стояли и стояли друг перед другом.

Вдруг господин вытянул вперед челюсть, все лицо его покраснело, жилы на шее надулись, глаза налились кровью...

И он дико захохотал...

А толпа, безумно хохотавшая перед этим, сразу смолкла, и так, что сразу стали слышны всплески волн и ход винта в машине...

А мужик, как только захохотал господин, вышел из своего оцепенелого состояния и тоже захохотал: он подумал, что барин так же пьян, как и он.

Барин закричал пронзительно:

— По волнам, ха, ха, по волнам, ха, ха, ха...

И мужик смело подошел к нему:

— Забавник ты.

— По волнам, ха, ха...

Безумный схватил пьяного и стал с ним разгуливаться... Пьяный был очень доволен. И, повернувшись к толпе, безумный закричал:

— Это ведь он, голубчик... Сергей Юльич... вот он меня с чем оставил. — И показал медный пятак.

А пьяный вынул из кармана серебряный рубль и, смеясь, стал показывать рубль.

— А... у меня рупь... рупь... а у тебя пятак. — Пьяный и безумный стояли перед тихой испуганной толпой и, подняв руки вверх, показывали рубль и пятак. — Выпьем... пойдем со мной... угощу, — говорил пьяный.

Безумный начал бормотать громко, бурливо что-то никому не понятное. А пьяный один только понимал и тоже бормотал ему свое... Никто их не понимал. А они стояли и, словно старые знакомые, весело и остроумно болтали. Вдруг барин остановился, вгляделся в один из дворцов, притих, съежился, пригнулся к земле и в невыразимом ужасе закричал:

— Кр-р-р-о-вь!

А пьяный странно посмотрел на товарища и, кажется, понял:

— Ну уж, брат, это не того... ну тебя.

17 Сентября. Были с А. М. на Волковом кладбище. Посередине три аналоя, по бокам быстро, быстро читают женщины в черном. Тридцать женщин в черном на клиросе поют в нос, в унисон. У самого амвона направо и налево стоят два старика.

Четыре года тому назад в начале апреля 1902 года в Париже (у А.И. Каль) меня познакомили с молодой девушкой В.П.И. Она очень ласково со мной заговорила о чем-то, но нас сейчас же позвали обедать вниз. Мы побежали быстро с ней по лестнице и, веселые, смеясь, сели рядом. За столом было много пансионеров, и мы могли, не стесняясь, тихо болтать по-русски. Среди французов, сухих и, кажется, очень буржуазных, так было интимно приятно чувствовать себя русским. На столе, кажется, стояли какие-то красные цветы. Я потихоньку оторвал большой красный лепесток и положил ей его на колени.

Ей, кажется, это понравилось, она мило улыбнулась. Несколько дней спустя я был в театре с нею в одной ложе. В антрактах мы с ней о чем-то говорили. Между прочим, она сказала, что не могла бы жить в России в деревне. Я удивился: а наша литература, а наши мужики, неужели это не может примирить с деревней? Кажется, я сказал тепло, хорошо, она ласково на меня посмотрела и молчанием сказала, что согласна. Я ее провожал на Rue d'Assise. Она меня просила показать ей Jardin des Plantes завтра. Мы условились встретиться в Люксембургском саду у статуи. В парке все зеленело, апрельское солнце грело, дама кормила птиц крошками хлеба. Я внимательно смотрел на даму и птиц. В. П. подошла ко мне, розовая, с розовым бантом, маленькая. Мы пошли. В саду я философствовал, что-то говорил о Канте и объяснял естественно-исторические коллекции. Было приятно вместе. Мы встречались еще несколько раз.

Однажды, я помню, мы ехали на конке. Пришел громадный рабочий в синих широких штанах. Он был усталый, потный. Дамы вынули платки и, зажав носы, вышли на площадку. В. П. тоже вышла. Когда ушел рабочий, В. П. вернулась. Я сказал ей, что она поступила нехорошо, что я так не сделал бы, но я демократ и не пример, но если бы я был аристократом, то еще более не смог бы себе позволить так оскорблять рабочего. Она на меня внимательно посмотрела. Потом сильно покраснела и, смущенная, удивленная, сказала: «Я не думала, что вы такой глубокий». В этот момент она мной увлеклась, а я ее безумно полюбил. Я ее так полюбил, навсегда, что потом, не видя ее, не имея писем о ней, четыре года болел ею и моментами был безумным совершенно, и удивляюсь, как не попал в сумасшедший дом. Я помню, что раз даже приходил к психиатру и говорил ему, что я за себя не ручаюсь.

Через несколько встреч после случая в конке у нас вышло какое-то недоразумение. Кажется, она нашла что-то обидное в моей записке к ней. В результате оказалось необходимым для меня и для нее объясниться. Мы встретились в день отъезда А. И. К. в Лейпциг. Кто-то принес А. И. громадный букет роз на прощанье, и я увидел ее с

этими розами, с удивительно милым ласковым лицом. Мы молчали, дожидаясь отъезда А. И. Но без слов так много говорилось, ожидалось. Я чувствовал, что скажу все, что я должен сказать, что здесь, в Париже, на свободе и нужно быть свободным. И настоятельность, и значение признания росли с каждой минутой. Поезд тронулся, мы остались одни. На площадке омнибуса мы молча стояли и не решались говорить. Между нами был большой букет роз, но они не пахли. «Не пахнут розы»... «Ну, говорите же», — сказала она... И я ей все сказал, бессвязный бред о любви, просил ее руки. Она была в нерешимости. Мы сошли с конки, был сильный дождь. Я все время без перерыва ей говорил, клялся, что люблю. Она молчала. Когда пришли к воротам, она меня расцеловала неожиданно, быстро. «До завтра, — сказала она. — У статуи. При всякой погоде».

Утром она пришла ко мне на квартиру и дала письмо; там было написано: я вас не люблю... Но ее лицо говорило другое, она чуть не плакала. Мы пошли в ботанический сад, были в Notre Dame de Paris. Простились в Люксембургском саду, я плакал, она меня целовала. Я в тот же день уехал в Лейпциг и поселился на старой квартире. Через день А. И. приносит письмо из Парижа, которое оканчивалось: судите меня... Я с экспрессом в Париж. Мы снова у статуи, молчим или говорим пустяки, ходим в Люксембургском музее под руку в толпе, среди прекрасных мраморных фигур. Пароход на Сене. Большой зеленый луг, парк, кажется, Булонский лес. Мы высаживаемся на луг, идем под руку, она говорит: и так вот будем всю жизнь идти вместе... Дальше пока еще тяжело писать. Я пропускаю... Мы расстались почему-то на кладбище: сидя в густой зелени, на могильной плите, мы без конца целовались. Я помню, нас немного смутили две старые набожные женщины в черном.

Мы писали, но потом перестали. Через три года в Петербурге я получил от нее письмо, она назначила мне свидание. Я по ошибке пришел на другой день после назначенного, опоздал, и она уехала в Париж. Мне сказали, что она была невестой берлинского профессора, любила его,

но перед свадьбой отказала. Вот в это время я и получил от нее письмо. Ее близкие знакомые хотят уверить меня, что она меня не стоит, что она не может любить, ее не хвалят, называют сухой, кокеткой...

[1908].

Хрущево. Что для чего существует: сознание для жизни или жизнь для сознания? Жизнь сознания... Все христиане говорят о вечной жизни сознания, но не о «жизни». Христос говорит о жизни сознания. И, быть может, то, что мы называем «жизнь» — нет... Что-то должно умереть, что-то должно родиться.

Отец Афанасий — центральная личность в Хрущеве. Прошлый год, когда ругали мужиков, он заступился и назвал хороших: все такие же блаженные, как он. Недостроенная церковь — вот его образ. Против Петра.

24—25 Марта. Лебедянь. День размылся. Все плывет, расползается. Монах, спящий на Тяпкиной горе. Посты в Лебедяни: интеллигенция ест мясо, но пить бросает — из гигиенических целей. Звон. Раскачивают колокола. Мужик в тифу поехал из больницы, боясь разлива реки. Боязнь разлива. Значение разлива. Любовь русского человека смотреть на ледоход. Весна без исхода: так все расползается.

— Сколь далече? Поедемте вместе? — Что же, составим компанию.

Говорят: полуботы, про́центы, печной материал.

Осматриваю зарождение оврага на Хрущевской земле.

К обедне ходим, а уж езды нет, и мертвеца нельзя нести... — Почему же вы не заботились? — Да ведь овраги-то на Хрущевской земле, нам какое дело! — Погружаюсь в эти овраги, а на той стороне на склоне десять новых... И такие [глубокие], будто Мурман. Одна трещина красивая похожа на громадный анатомический взрез земли... Охватывает такое чувство: вот они взрезали землю, и что же в ней?.. Ничего... Глина, какая-то слякоть течет. Неужели это все загадочное о земле... Внутренность земли — некра-

сивая... Больная... Тут между оврагами будто в больнице в операционной...

В Мореве живут тесно... Солома и солома... Земли тут мало. Тут всё посад... Учительница, похожая на абрикос. На лежанке греется горка подсолнухов. Два букетика собольков. Открытки и фотографии... Дожидаемся экзамена. Поскорей бы в Елец! Старостиха. Входит Марьяна, высокая черная монашка с суковатой палкой. Что она говорит? Силюсь уловить... Деньги дают пропитание... Дождя просить, а я могла бы дождя выпросить... Жарили баранов, чтобы дождя... А Давид пророк [знает]... дым синий идет от барана и в облака не складывается... Сколько, говорит, ни жарьте баранов, дождя не будет...

Это когда же, теперь или тогда? Тогда! А где же теперь-то Бог — на небе, или на земле, или в человеке?.. Теперь на земле, а после Вознесения на небе будет... Вот и надо Богу молиться, а они не молятся. Я раз купцов на площади так палкой и отколотила. Я нагрешу, а потом покаюсь. Хорошо это хорошо, а только как не угадаешь, когда каяться, [так] язык отымется: мяк, мяк, и нету.

Колдун Куприяныч был, а за него Устинья Богу молилась, так святым стал...

Зачем гроб? А для караулу... Караулю этих людей...

Никто мне ничего не платит... Так за колотушки-то хоть деньги дают, а тут ничего...

Вот [на] Микольщину было... Поставили мне четверть водки и окорок ветчины... пляши, говорят... Я и заплясала... Глядят на меня... смеются, а ведь и Василий Блаженный плясал... Они про мой помысел не знают, чего я пляшу, про какой я помысел пляшу. А теперь на том месте, где я плясала, — школа стоит...

— В Мореве народ разбитной, все посадчики...

— Что ж говорить: начитанный народ!

Марьяна-дура! Позвали ее заговорить — мельницу рвет... Пришла, прочитала молитву... А вечером балтых! — опять вода ушла... Что она балабонит, шалава, дура и дура... Монаха раздевала, купала и воду пила. Затворщица такая радельная...

Теплынь! Прелесть какая. Значит, огурцы сажать можно. Можно вполне. На бугорках славно подсохло.

Возвращаюсь... Опять овраги... Далеко с поля слышно, как соловей поет в саду... Вал... Земля увлажненная... незащищенная... Аллея, где мать елочки сажала... постройки крепостных времен... Старые липы... другой мир, культурный, защищенный: совсем другая земля.

25 Апреля. Опять серый холодный день. Всю ночь лил дождь. Садовники в бане говорят: «О, Боже мой, как напиталась земля! На пашне по колено грязь. Теперь на месяц хватит. Сытая земля. И опять будет дождь: на лужах под елками пузыри. Это к дождю».

Серый холодный скучный день. Вышел в сад с ружьем поискать зайца. Какая-то серая птица метнулась передо мной. Я ее убил. Оказалась редкая у нас — невиннейший и полезный сарыч. Как отвратительны эти бесчувственные убийства. Иногда идешь так с ружьем, попадается такая птица, а так как никакой птицы настоящей нет, то и ее убиваешь, от скуки... И самое страшное в этих убийствах то, что ничего не чувствуешь: так, мерзость какая-то серая...

Серый день. Мечется и падает над садом самец убитой самки ястреба... Зимние птицы пищат. Сад притих, поник, сырой.

Осенние дни весной хуже настоящих осенних дней. Я думаю о себе и о том, что я значу в мире, какой смысл имеют мои переживания, как отражаются они во всем. Намеки на что-то значительное... Не доканчиваются мысли... И невозможно объять все это...

26 Апреля. Павел стоит в дверях. — К Марье Ивановне. — Тебе что? — Деньжонок! — Каких тебе деньжонок! — Отрубей нету. — Недавно брал. Нет у меня денег. — Павел стоит. — Ты чего стоишь? — Деньжонок. — Каких тебе деньжонок... (усиливается) и т. д. crescendo*.

* Крещендо (*ит.* crescendo, букв. — увеличивая), в музыке постепенное увеличение силы звучания.

27 Апреля. День свежий, но светлый и звонкий. Ветки берез не колышатся. Крапчатые зеленые бабочки сидят на тонких ветвях. Качаются золотые куколки...

Огородники с бабами свеклу сажают. Мороз был. Большой мороз, сырая земля от мороза. Зарею был. Мороз теперь всегда по зорям бывает. На земле лежит, а наверх на ветки не смеет подняться. Потому хорошо, если прикрыли розы. А почкам ничего. Так бывает мороз до Ивана Богослова. А впрочем, и в петровки случается, случается, и огурцы побьет.

Ну, ну, ну, Таня, не отставай. Но [крепко] держись, Таня расставила ноги, одна нога на одну сторону, другая на другую, нагнулась, все видно... Ты хухалиха! Чаще, чаще сыпь... Наладить бы дело... Хухал! Отчего? Оттого, что у ней хухал велик (хохол)... Хухалиха поднимается, смеется, глаза у нее чистые, лоб высокий... то... как выразить... молодое, такое безгрешное соединение... то что есть... как свеча? Нет... Свеча — это у хлыста... Монаха? ... и всегда чистая... хоть сто мужчин... Ругает хозяина... У Амвросия был... Он предсказатель... Предсказал ему.

<*Приписка:* у нас лен не делен>.

Я забыл помянуть: какая бывает весной ночь перед морозом. Вышел вчера на балкон, и вот звезды... Глянул и заблудился там, на небе... Холодно... А я не могу оторваться... Что-то они значат... Что-то такое в них есть... Это великая семья, не просто так... И только тут, в деревне, бывают вечера, когда одни звезды хозяева... В городе каменные углы на домах... А тут это ночное поле одно... Все остальное чуть виднеется... Все остальное — хаос без духа... тьма-то... чуть угадаешь, собака кость грызет... в дровах огонек от цигарки сторожа, тут все неявное, и забытое, и брошенное, как старое жнивье.

Ухает сова... Лягушки молчат...

28 Апреля. От первой проталины до кукушки, кажется, столько времени должно пройти, столько счастья впереди, столько всего в природе должно построиться, а все так быстро проходит. И медленно, спокойно, почти ле-

ниво, до утомления медленно, а в то же время и быстро. «Великий Художник» работает спокойно, он так силен, великий, деловит, и ему так легко все, что будто и не работает, а все само собой строится.

Суета и говор с 5 ч. утра. Над. Алекс. ночевала и уезжает. Я люблю полежать, говорит она, и это в крови, моя матушка любила полежать. Всё в крови... Встает... но говорит... Стакан с чаем остывает, она все не уезжает... Рассказывает, как она пригласила к себе революционерку, голодную, из жалости: я буду кормить вас... а вы немного почитайте с моей дочерью... нельзя же, по вашим убеждениям, так есть хлеб, так почитайте. А она все время слушала и молчала и так смотрела на меня... Она, вероятно, глупая... Ведь хлеб-то все-таки мой... Мой же хлеб... Я говорю ей: вы у меня кушайте, живите, но только, конечно, не поджигайте, крестьян тоже не собирайте... Все сидит в углу и молчит, дуется...

Очень похоже на то, как С. А. стояла над копной, где лежали женщины с травой...

Опять мороз был... Опять ясное, звонкое, свежее утро... Пруд — спокойное зеркало. С того берега на этот в отражении протянулись две ивы... Почти упираются в белый столб... Две утки, серая и белая, спрятали головы назади, спокойно плывут... Чуть плывут от ивы к каменному столбу. За гумном пашут... Соловей поет...

Картошку сажать везут... Маркиза ворчит... День такой ясный, что другая церковь из города видна, белая... Это редко бывает... Семен стучит топором, делает балясинки...

Прогулка моя вышла не очень интересная... Жарко в пальто... Семиверхи звенят... Солнце рисует на зеленых склонах еще не распустившиеся березки... Лес потемнел, но не позеленел... Лес наполнился. Соловьи поют и на Стаховичевом боку, и на Ростовцевом. Только в наших дубках все молчит... Снег лежит под дубками. Сзади в спину солнце печет... кукушки кричат.

(Закрываю на минуту глаза, переношусь в Петербург в свою квартиру... И слушаю оттуда... Соловьи поют, кукушка, и я угадываю зеленые склоны... и церковь в [дали]

горизонта...) Возвращаюсь по валу. Хорошо здесь... Всякий кустик пускает почки. Вот-вот все зазеленеет... Впереди далеко около сада, как зеленый дым, две ветлы, между ними еще виден черный сад. Кукушка кукует на голом ясени. Всегда на нем. Перелетает в сад на самый верх березки. Ястреб уснул на березе в ярком, ярком свете... Садовник говорит: «Хорошо, что морозец: цветы задержатся, а в свое время сад зацветет, числу к 12 мая».

Троица (17-го) будет цветущая...

(Вчера вечер был хорош... В окно виднелись ветви сада, неба не видно было... так много ветвей...)

29 Апреля. Утро росистое, безоблачное, поют соловьи в зеленом полном лесу, кукует кукушка, цветет черемуха, доцветает лозина.

Восхищенный таким утром, один из моих героев пишет стихи и посылает своей возлюбленной письмо, называя ее своей музой. А она, бедная, читает письмо с горечью и думает — так я и знала с самого начала: не меня он любил, а свою собственную фантазию.

Утро сильно росистое, безоблачное, солнце взошло безо всего, взошло, и ничего не сложилось. В полдень сильно разогрелась земля, опять сверкала без грома зарница. Земля, казалось, ожидала такого мужа, который бы взял ее и просветлил до конца, но не было такого мужа... и опять рождались новые дети — испытание для нового.

И бесы подымаются в неоплодотворенной, неузнанной земле и палят ее пламенем.

В полдень разогрелась земля, и даже кто одетой ногой ступает, жар проникает и тянет лечь на землю. (Облака-тучи кругом ходят по небу, а дождя нет. До ночи сверкают зарницы, а грома нет).

В какую-то непоказанную пятницу мужики изгороду поставили. Оттого будто бы, говорят бабы, сегодня весь день тучи по небу ходили, гремело, молния сверкала, а дождя не было. И стало душно, жарко. До ночи сверкали

зарницы, наконец поднялся сильный ветер и разогнал все.

Мужа ждет земля, который взял бы ее и просветлил до конца, но нет такого мужа... и, может быть, оттого и рождает земля детей, что не до самого конца испытала любовный союз. А если бы до конца, до самого последнего конца, так и не нужно бы было все вновь начинать и надеяться. Тогда бы все свершилось, все было кончено.

Наконец пошел дождь, но не надолго, и опять лежит земля: все растет хорошо, но не полно. И, может быть, оттого и рождает земля детей, что не до самого конца ею испытан любовный союз: если бы до конца, то не нужно было бы вновь рождать и надеяться, что лучшее детям достанется, тогда было бы все совершено и кончено.

Май. Дождь, холодно, только ивы позеленели. Видно, что почки сдерживаются насильно прохладной погодой. Мой апрельский порыв угас... Вчера ночью бродил по аллее: возле древа жизни горела такая большая звезда, как солнце, и все звезды в сучьях такие большие, и на песке движущиеся тени будто [шелестят]... каждое дерево будто опущено в букет черных цветов, и непрерывная трель лягушек... такая вековечная, будто мы давно, давно умерли...

Тупой перерыв в сознании...

Пролетала черная птица и плакала зелеными слезами...

Иногда и начинает подниматься фантазия... но днем увидишь на полях пашущих людей, и делается неловко так, сложа руки идти и мечтать... а ночью доносится гармоника...

Был у батюшки... Матушке жить не хочется... Дети... Что такое женщина, что такое дети... Ведь это кусок моего мяса... Женщина о своем думает... Если бы остался один кирпич и нужно было бы из-за него решить судьбу [мужа] о. Афанасия или детей, я положила [бы] его детям.

Коренева вышла замуж и разошлась с нами. Потому что мужчина может подчинить женщину, а женщина не может. Это противоестественно. От женщины всё... Она

животное начало. И потому мы (женщины) любим... мужчины не так... и мы мужчину того любим...

Над. Алекс. рассказывает, как Дуничка встречала с учениками Пасху. 11 учеников. Ничего: 12-й не предаст. Дала им по яичку, положила ночевать, они уходят и говорят: равноапостольная...

Ядовитая женщина Н. А.: вот, говорит, мы с детьми, растишь их, растишь, да еще скажут, зачем нас родила, а тут по яичку дала — и святая...

Ведем серьезный разговор, и вдруг маркиза перебивает: — Вы, Н. А., посеяли... — Посеяли... — И картошки посадили? — Нет, да у нас чуть-чуть... — Помолчали... — А вы слышали, обсерватория предсказывает, что все померзнет...

Смотрю на маркизу по возвращении из города. Какая она большая и как наполняет собою сад... и всё...Сколько она значит... Сад без маркизы ничего не значит...

Две хозяйки... Одна, старая, [всё] для дочери... А дочь стареет... И вот старая уезжает. Дочь хозяйствует... Все приемы, все крики и т. д. такие же... но голос не отдается в саду, и все мертвое... сад молчит... Написать об этом!

Ветерок подул... Блестки забегали по пруду под ярким солнцем. Одна оторвалась и блестит на зеленях... Цаца какая!

Кат. Ив.: — Первое, я считаю, ум, а второе — образование. И без образования можно хорошо деньги нажить, а без ума их не наживешь...

Под вечер захожу к осиннику посмотреть, как картошку досаживают, послушать, как бабы балакают. Вижу, у телеги (в деревне) Дедок стоит... Телега с резаной картошкой. На руках ребенок... Ушли и старика с ребенком оставили... Телегу окружают дети... Птиц мало еще. Сиверко. Кукушка слышна. Один перепел кричит... в бурьяне. За самками следит. Не жарко. Повешу на ясень хорошенького, на заре слушаю... Что зайца не подкараулишь? Каждую зарю выходит... Намедни ребятишки поймали: за пнем сидит [зайчиха]. (Дети хохочут.) Большая... Она теперь

вторых носит... Пчелы летают на вербу... Лозинки позеленели... бабочки летают...

Вечер... Иду по валу из лесу... к тому месту... Становлюсь там... Солнце садится... Между холмами внизу тишина... Каждое дерево хранит тишину... светится... березки растут группами... Всегда на закате тишина. Жнивье красное... Всё ожидает: что это значит... Мир становится тайной... Может быть, нет [тайны]... гармония... но птицы молчат...

Если мир есть тайна... Если принять эту тайну, то нужно о ней молчать... Нужно решиться никому, никогда не сказать о ней. Принять в себя и жить по ней, но молчать...

Солнце скрывается за холмом... Лес темнеет... Я поднимаюсь выше... Опять солнце садится... Я еще выше поднимаюсь, оно садится... все садится... Широкая тополевая аллея, она, пожалуй, по замыслу должна бы быть лучше нашей... Но нет... И весь Ростовцев сад — нет... И совещались со святыми, и поливали водопроводом, и вырос сад, но все-таки жить в нем не хочется...

Я поднимаюсь все выше и выше и наконец вступаю в аллею... прохожу по террасе, оглядываюсь назад... Солнце село... Я пропускаю немного и возвращаюсь... И вот начинается таинственный вечер... Сеть черных стволов на красном... Соловьи запели. Решено: мир принят как тайна... И я ступаю еле слышно... я боюсь нарушить тайну... (я крещусь). И все сильнее и сильнее поют соловьи... Таинственный мир принят... Сажусь на лавочку, и такие мягкие волны идут от меня... Вечерняя птица Сарыч порхает от черного дерева к черному дереву... И припадает к земле... вспорхнет... Опять вспорхнет... И пропадет на суку... И она порхает... И так долго, долго гаснет заря... И потом в комнате... видно, как все темнеет и темнеет сад снизу...Как снизу поднимаются тени... И еще долго, долго горит огонь зари... и все у́же и у́же. И совсем темно...

В этот вечер размеряли для новой аллеи... клубнику прочищали, отрезали старые усы, лук сажали... Первая теплая заря... Наволочь и тепло.

Два Аякса стоят, сложивши руки, рты разинули. Они, говорит Павел, всякий чин прошли, а у меня один чин по чернозему.

От мерина (про которого Лидя скрывала от матери) следы остались в саду... Про эту тайну мама: «Я ему политично сказала: какой-то мерин ходил в саду... Нет, при таком народе хозяйничать нельзя... Ты мне (Михайле) о земле не говори, я землю всю знаю, 40 лет хозяйничаю, не финти, пожалуйста».

Огонек горит в бане... Иду. Рассказываю про Лебедянь. Тяпкина гора. Был разбойник Тяпка. [Стал] монах. А монах — поп. Монастырь устроил и спасся. Разные мелкие города: Лебедянь, Ливны, Козлов, Задонск, Липецк... Раньше обозы какие... не объехать... Жуть! Через железную дорогу все перевелось и через господ.

Во Христово имя в Саров идти...

29 Апреля. Заря была теплая... Серо... Будет дождь или нет. Глеб ведет подкованную кобылу. Как? Бог ее знает... Оно как будто замолаживается, а может, разгуляется, тепло... Горлинка воркует... Нет, вероятно, дождя не будет... Серое теплое утро, медленно проясняется... Теней нет от деревьев... Марева нет... (Марево нужно запомнить, противопоставить серому теплому утру, когда яснее.) На горизонте ясно. Шматом висит край далеко пролившегося облака. На той стороне и здесь — везде пашут под картофель, везде исчезают квадратики жнивья. Над ним кукушка. Сизоворонка, синяя птица, метнулась на зеленом. Я спустился в долину. Зеленые склоны обнимают. Эхо кукушки... Я внизу, а она там... Верба в желтых пупышках, будто маленькие цыплята желтые вывелись. Встречаются два прохожих... мужчина и женщина. Хороши они между зелеными склонами. Поднимаются на Стаховичев бок... Ирисов нет... Через ручей на Ростовцев склон. Возле акации упрятался мужик и пашет и боронит склон... Один... Жалуется: земля дорога, стоит 16 р. + навоз и прочее, все обходится 23 руб. Мы с ней сумежные... вот и захватили... дорого... нечем жить. Что царь думает? Чужедум... Баба Яриловна... Хорош закон? Хорош... Недоразумение не за-

кон 9 Ноября, а «ораторы»... очень мне нравятся их резолюции... Ноги плохи... голова есть... чернь плоха... А крестьяне... другие теперь... Теперь на сходе примутся ругать царя, и ничего... Ужатие не такое, совсем другое ужатие.

Лошадь, которая в сохе ушла, а с бороной трется задницей об акации.

Сторожка ему кое-какая осталась... Барыня побольше земли дает, вот они и держатся... Говорят с печки: «Ах вы, озорники, не царя, а Бога трогаете. До царя добрались, теперь за Бога? — Нет, зачем же Господа трогать...». Но теперь народ понимает, «проглянул»: это все было старое, до ужатия...Теперь опять зажали? Так что долго ли, коротко ли — лопнет! Хутора неподходящие: корову [завести] лошадь можно, овцу, а скотину выгнать некуда... Фокус резолюции... Зачем у Стаховича 30 имений, когда семья небольшая... Чтобы земля общая... Вера в оратора...

Медленно светлеет, теплеет.. Будет чудесный день.. Дятел в Ростовцевом парке... Всюду зеленый дым... соловьи, кукушки... Две утки промчались... На валу перед садом чуть солнце...

Это генеральная репетиция перед маем: день-два, и в полном составе зацветет.

30 Апреля. Луг еще не заказан. Стада гуляют...

Откуда что взялось! Тучи набежали, и капнул теплый крупный дождь. Березка, только что одетая, в этом наряде первый раз увидела дождь и, покойная, отдалась вся, вся. И думает, бедная, что дождик льется только над нею... А у дождика много, много березок.

Пришел на то место, где стрелял вальдшнепов, и едва узнал его, так все сгустилось, слилось. Где-то иволга плещется в зеленых волнах... Где-то горлинка воркует. Соловьев нет числа. Майские жуки и всякие неслыханные звуки.

Вчера вечером: каменный образ Ксении, нельзя подкопаться, умерла — хороши ее распоряжения на случай смерти... смерть учитывается как неизбежный факт, холодная, каменно расчетлива (надо обдумать это).

Утро маркизы. Какие глупости иногда бывают — не спала с четырех часов: купила я для сегодняшнего дня (экзамен в школе) два свежих огурца и не помню, куда положила... и это не дает спать.

Разговор об Анне Алекс.: хороша собой, из хорошего дома, яства всякие были, шляпку за 25 руб. покупали, и вот теперь она погрузилась в тину нечистую...

Но я на стороне о. Афанасия: во-первых, какой же это поп — не требует... банк у себя устроил... Анна Алекс. говорит о его религии: что это? это азарт? это картежная игра. Я говорю: вот моя лепта.

Страшны эти легкие черные ожоги, сладостные, обманчивые, от которых остаются такие болячки... Но еще страшнее провалы... Вот вчера, сколько бы мог дать такой вечер, но приехал Саша, и все провалилось. Опыт целых пяти лет жизни... Аркадиха... Ревность к Акулине... [мама сразу вопросом] встречает: у вас опять неладно? Я предложил свои услуги. Отказывается. Все равно сам предложит себя, прислонится к тому «чистому и светлому»... То, что она делала — безобразно, эта «слава» по деревне. Но кто знает? Может быть, суть выше, не в «характере матери», а в нем самом, он без всего... в нем ничего... как может быть жизнь на ничем? Я говорю маме: не вмешивайся... Как она крикнет: как же не вмешиваться! Оставить его одного, что он наделал! Он не может. Зачем он полетел... Она опять засохла и извелась.

Сам под влиянием страсти, и вдруг Акулина какая-то...

Такой чудесный вечер... ходил и на конец аллеи, и на вал... Соловьи поют... На березах зеленые птички. Но тут такая глубокая тишина... Хорошо только слушать треск лягушек. И это только и удалось: вечером на балконе такие извечные трели: все выше и выше... и на самой высоте... на секунду смолкает и снова: рю-рю-рю... Черный памятник где-то внизу в темной долине, и вечно горит негасимая лампада, и вечно: рю-рю-рю... Соловей сказал было... но на полуслове смолк... рю-рю-рю... Вот эти повыше, а те пониже. Это в Ростовцевом... Нет, это только так кажется, они

в нашем... Любители ценят трели лягушек выше соловьиных, а мне кажется [нигде нет] таких лягушек — только в нашем пруду. И тянет неудержимо слушать... И страшно отдаться: покой мировой...

Экзамен был вчера в школе. За столом Ив. Мих., о. Афанасий... Способный мальчик (эти не выдадут)... будущий революционер... чем другим он может быть? Он загорается мозгом от вопросов, и бесконечна глубина и сила его ответов... он ввязывается, как на борьбе... любопытно глядит и загорается, любопытно-весело глядит и вспыхивает (кто [такой] Рюрик? — Русь)... И потом девочка, глаза черные... кто они будут здесь...революционер-мужик и горничная-проститутка?.. Но есть их какие-то знаки на небе... И вспоминается звездная ночь... Этой ночью должны вспомниться эти загорающиеся глазки... Этой ночью можно поверить, что и на земле живут небесные знаки...

Чтение такое: Вешние всходы, 3 и 4-я книга. Хрестоматия. Тихомиров (изд. 20-е). Петр за границей... «Немецкая земля во многом непохожа тогда была на Россию: народ там трудолюбивый, живут зажиточнее и чище русских. Ремесленники искусны; купечество предприимчиво и богато; духовенство образованно и усердно народ учит; школ низших и высших везде много; немецкие ученые считаются первыми в мире. У немцев хорошо обученные войска, прекрасный флот, благоустроенные города, много фабрик и заводов».

Довольно, расскажи своими словами! Мальчик рассказывает: у немцев жизнь хороша... такая жизнь, лучше и не надо. Первое — это духовенство образованное, не то что у нас, etc...

— Вы картошку посадили?.. А следует ли прорежать овсы... — Непременно. — Корочка образовалась... — Вы еще до дождей посеяли?.. Плохо... Корка везде затянула... Картошка будет мелкая.

— Как дети?.. — Детям теперь горе... Экзамены... Оля пишет: молитесь за меня, папа и мама... И какая разница между мальчиками и девочками: тот пишет, боюсь, а Богу не молитесь...

Входят Любовь Алекс. и Таня — незваные, и ничего не едят, потому что незваные...

(Люб. Алекс. NB. Она сажает мелкой картошкой, потому что выгодней).

Теплее, много теплее. Но солнца еще нет. Облака сырые задвинули небо. За садом по пути в лес будто чьи-то тяжелые веки поднялись. И солнце глянуло. Горлинка на ветле вся на виду загурковала. Грачи закричали. Жаворонок запел.

После отъезда Саши пустился по зеленым холмам. Жаркий день... На [зеленой озими] черные грачи и медленно поднимаются... Сколько фиалок! Все принялось зеленеть... Бежал и думал о том, что нужно ценить себя... нужно знать свою огромную духовную ценность... этого они не знают. И еще думал о Гоголе, о его богоискательстве... о том, нельзя ли все, что я видел и пережил, унести дальше, дальше нашей родины... ведь где-то есть общая родина, и наша родина есть только часть той... И еще: нужно, быть может, действенно устремляться к другой плоскости, чем та, в которой лежит тайна.

На высокой липе поселился грач... Весь день видна его [грачиха], черный хвост... Иногда прилетает сам хозяин, кормит ее... И он опять улетает куда-то... И так это там высоко наверху... хорошо... прилетает и улетает.

И так это просто, красиво там, над землей.

Обед с батюшкой. Слава Богу, сегодня четверг... нет, середа. Мама: какое затмение! Неужто середа?..

Леонард... Куда ездили? Сеять, в имение (несуществующее). А ведь клевер по снегу сеют... — Поехал, конечно, за аферой. — Ив. Мих. рассказал простую историю: он ликвидирует имение с Мих. Ник. А при Мих. Ник... — Слышал, он подчеркивал: при Мих. Ник.

Разговор о курнике. Стахович, Мих. Ник. Победила Соф. Алек.: курица стоит 31/2 р.

Мама обсуждает Сашин инцидент: там толстела, а тут в щепку. Мать-злюка... Эта история меня как обухом ударила... На Святой ведь это безобразие: он-то за ней как! Зной. Гром гремит, или масло сбивают?.. Но зачем же вы-

водить-то эти штуки? Она тогда (когда пополнела) с высоты величия... И вдруг они — здравствуйте! — на кровати лежат.

<*Приписка:* — Вот-те раз, — сказал дьякон. — Ну-те! — пономарь. — Ну-те, — ответил дьякон>.

Мороз — батюшка ребенка крестил... И только хотел было опустить в купель, вдруг младенец схватил батюшку за бороду. — Вот диво-то! — сказал батюшка. — Это диво — не диво, — ответил младенец, — а вот так диво: на Пасхе мороз будет 120 градусов.

Турлушки. Саша рассказал мне, что его приревновали к Акулине сиделке, что он ее рассчитал из-за этого. И вот когда он был в городе, Лидя с ним увязалась, его вызывает Акулина. Лидя у него там узнала о ревности и сейчас же уверилась: Акулина! — и высказала маме, а мама позвала Сашу и: «я ему все высказала!». Саша прибежал на балкон... «Всякий мне в душу лезет, помочь не могут, а лезут!»

И сели на балконе... Лидя и я. Лягушки поют...

Лидя: «Это наши цикады! Но только называют «лягушки»... Горлинка и лягушка — это самое лучшее... Но какая разница: тут смерть и жизнь. — Почему же смерть?..— Да как же, пруд этот тинистый... ведь они оттуда, и как-то не хочется ничего делать, говорить... и темно там и утром. — Ну, конечно, утро и вечер — противоположность. — Утро и вечер, жизнь и смерть...»

Саша: «Почему-то раньше их не было. — Нет, я помню, но только я не знал, отчего это... после узнал, что лягушки... звук я помню с детства, но люблю только теперь и понимаю. — И так на всю ночь установились? — Нет, они засыпают потом к заре. Вот соловьи же спят, так и лягушки...»

Зарю пропели соловьи, уснули. «А вот один... — Это так, спросонья...» Около полночи опять начнут... Перепел мавакнул.

Березка пылит. Мошкара рассаду ест. Перестанет, когда по третьему листу будет. Ходим с Михаилом Егоровичем по саду, вырезаем «волчки». Жалуется: на «Аяксов».

— Работники... только бы нажраться да лодырничать.

— Все такие работники?

— Все...

— Не может же каждый человек хозяином быть?..

— Кто может, это от себя... Я с двумя двугривенными начал, штаны рваные, рубашка. Пришел в Лебедянь за шестьдесят верст, взял в долг свечей и стал мужикам продавать... Я через покойницу стал хозяином... Покойница говорила: ну, ничего, что ж, продадим... И эта хорошая жена... Бабочками я очень доволен. Мужик теперь весь пропитан, азиатом глядит... Вот-вот лопнет все. Бог остарел, на печи лежит... Мужик теперь весь напитался.

Семен опять принялся за телегу... Рад: телега его на что-нибудь же нужна... Смеется...

Горлинка на ясени. Сходил по валу к лесу. Опять солнце садится... И чудится мне душа усложненная, далекая, которая живет на высоких ярусах и подходит сюда... И как тогда все это покажется?.. Земля обетованная... И вот этот мужик, который там пашет, и все это... В кустах: две горлинки гулькнули возле вишняка и вспорхнули... и такой нежностью благородной... сели на ясень... две... ближе подлетели... облако большое, свободное, налитое, белое подошло к ним... они стали под крыльями чесать... загнет голову под крыло и ущипнет... и еще... и так часами, и все облако... и черемуха зеленая... а там черные липы... и так они уснут на ясени...

Разгадка найдена! Не в душу я ему залезла, а в штаны. С Акулиной связался... Какая теперь слава пойдет! Женщина, двое детей, а может быть, зародник оставил? Сколько я ему примеров рассказывала, сколько писем писала! Ты тень кладешь на себя... Скажешь — и опять погиб во мнении народа... Век безалаберный. Что мне, что мне. Не пойдешь на рожон. Он знал хорошо и натрепал! Столпотворение вавилонское!

Я спрашиваю себя: а что если эта тина и есть зеркало, проверка всего... Нет...

1 Мая. Вот какой день, и вчера такой же... Так что на апрель можно и не обижаться. Окно открыто... Горлинки... Провожаем Сашу. Диковина! Нет, провинция разменивает людей: Лидия вся в мелочах, ничего не читает, а хлопотная возня.

Прогулка в лес: когда-то я написал в своей книжке от души: «на границе природы и человека нужно искать Бога». И вот теперь даже об этой искренней фразе не могу сказать, подлинная ли она. Вообще, если говорить о самом Боге, то никогда нельзя знать, о Нем ли говоришь... Чтобы сказать о Боге, нужно... очень многое... Бога нужно прятать как можно глубже...

Мих. Егор. «режет волчки» и говорит о мужике: «Жрет он картошку, носит он лапти — зверь зверем. Нужно школы устроить, университеты и способных учить, а неспособных гнать вон, а то еще его прадед был генералом, и отец генералом, и сын идет, а он ружья в руках не держал».

К Леонарду: вот мужики могут же жить в миру, что если бы две женщины!

В кружевной школе.

Привычка! Привычка свыше нам дана, etc...

Богу и Маммоне... — А где Маммон? — Вот здесь. Вы анатомию плохо знаете.

У мамы нет «мужик» вообще, но мужик индивидуален (к Маркизе).

Кто лучше, Саша или Леонард? Мама: Леонард, конечно, лучше живет...

Про Мар. Ник.: разиня редкостная... не мать она, не хозяйка...

Большую ошибку она сделала, что перестала с ним после войны в шахматы играть (от скуки).

Статья «Присыпуши». Земная жизнь сама по себе есть любовь и убийство, а стремление человеческого созна-

ния — устранить убийство и оставить одну любовь. Вот и все...

2 Мая. Борис-Глеб. Встал до восхода солнца... и встретил солнце вместе с птицами. Удод. Верхушки лип. Опять навязывается мне сравнение с обедней, с великим торжеством. В момент появления солнца вдруг стало холодно и, главное, трава влажная глянула по-своему...

Люб. Ник. высокая, как фабричная труба.

3 Мая. Утро 3 часа. Черный сад... Чуть светлеет, но еще кружатся над террасой летучие мыши, еще ухает сова... Соловьи запевают. Перепел кричит. Кукушка проснулась и смолкла. Горлинка проснулась и смолкла...

Я — частица мирового космоса... Я ее чувствую, я ее наблюдаю, как с метеорологической станции...

Эту частицу, которая сшита со всеми другими [живыми] существами, я изучаю. Швы болят еще... Это еще мешает наблюдать... Но настанет время, когда все будет чистое сознание...

Не скоро это...

Какое широкое море! Что если оно взволнуется или стихнет совсем. Что если парус повиснет... Если взволнуется — жизнь моя три дня...

Весна — болезнь... Я чувствую только боль, я не чувствую ни малейшей радости...

Но меня охватывают радостные волны предтечи сознания. Предчувствие того дня, когда я наконец пойму то, что было, когда мое сознание сольется со всем миром...

Ведь майская заря для всех... Ведь эти соловьи звучат на весь мир. Недаром же этот хор в саду напоминает мне церковь. (Молюсь... Утреня...)

8 утра. Сад черный, но кое-где уже сели на яблони зеленые птички, протянулись от липы к липе зеленые ожерелья, старый ильм одевается, под березами сень... На валу ивы цветут, и пахнет теми дудочками, которые мы делали в детстве из коры ив. Всюду светлые изумруды...

В груди неопределенное сладко-больное волнение... Высочайшие надежды поминутно сменяются черными ожогами.

Правда, есть что-то похожее во мне с наблюдателем на метеорологической станции...

Вечер у батюшки вчера. (Звери у попа.)

На диване красном (бордо) безмолвно сидит старый косматый о. Василий... Зубр в крахмальном воротничке и зубриха огромная, как лошадь. Кокетливый монопольщик, похожий на «биток», с женой, похожей на сову и с лягушечьими руками. Эти стилизованные пары сидят прямо две. Разговор о слышанном мной случае в Морской: мужик пьян напился, в глаза попало, и стал бить жену, а жена топиться бросилась. Мужик сел на лошадь и к реке, привязал жену косами к хвосту лошади и приволок...

Спор о том, когда это было: теперь или на Фоминой...

<*Приписка:* Она: А намедни, Лид. Мих., был такой случай: он в нее влюблен... счастлив... всегда показывает браунинг и пачку денег, и о. Василий всегда пугается и говорит: у меня сердце больное. У них друг сборщик (мытарь), ему завсегда стол накрывается, кто бы ни пришел, всегда накрывается>.

— А вот еще случай, — рассказывает о. Василий с удовольствием, — мужик раздел жену, поставил на скамейку у стены, а к голой спине приставил кошку. Кошка царапает спину, а жена ногами болтает. — Ну, уж это вы, о. Василий, чтой-то... — Истинная правда!

Монопольщик: — В настоящее время в Екатеринославской губ. как климат изменился: в прежнее время были трескучие морозы, а в настоящее время нет... Метелей таких нет...

Оттого что происходит в некоторых местах трясение земли.

— А как много вешают в Екатеринославской губ. (Подробный рассказ, как вешают.) Но, по моему расчету, было бы значительно лучше, если бы рыть глубокие колодцы и садить их на дно. Тогда бы не было страшно... — Подайте проект Столыпину.

Шатущие люди.

— А то вот шатущие люди ходят, административные по волчьему билету. Идет он от села в село, просит. Чтобы не [замерзнуть], останавливается. Это нехорошо: обременение населения... Намедни зимой приходит дьякон без сапог, ноги коленкором обернуты... — Что вы говорите, зачем коленкором? — А вместо чулок... Нечем обернуть. Мороз трескучий, а он идет... Ноги в снегу... Значит, у него кровь-то не греет уже... — Почему не греет?... — А снег-то прилипает... Если бы кровь грела, снег бы таял... — Пожалуй. — А дьякон настоящий. Как вошел в дом, сейчас же запел.

— Следовало бы освободить население от подобного налога. А вот еще с 15 числа введение нового налога на табак, на гильзы... Успевайте запасаться до 15-го... А в монополиях будут продавать чай и сахар... Это подрыв купцам... Чем купцы торговать будут... <*Зачеркнуто:* В настоящее время народ совершенно изменился, разговаривать разговаривает, а чтой-то прималчивает>. Рано или поздно опять взорвет... когда молодые новобранцы будут солдатами. Без офицеров нельзя, а офицера из дворян. Подобно тому, как у турок.

Никишка — кривая душа. У русского человека вообще кривая душа, потому что все под прессом... Дедок... и Дедок...

— Я вам буду давать по рублю за прямую душу.

Отец Афанасий называет несколько:

— Пишите: д. Сосново, Елизавета Матвеевна Жигунова — всю зиму даже картошки не съела и всегда весела, живет... посмотрели бы, в какой нужде она живет! Еще пишите: Федор Григорьев Мишуков, д. Ростовцево, человек с простинкой, но прекрасный. Семен Ефимович Глиночкин — очень хороший человек и умный.

— О чем вы говорите? — спросила Люб. Алекс. — Я вам назову много хороших людей, вот, например, Семен.

— Чем же он хорош?

— Человек работящий, трезвый, никому не должен, все его уважают.

— Да, но что же мы называем хорошим человеком...

Батюшка: — Аскетизм, смирение...

— Но нужно же, чтобы и люди признавали его.

Выходим с пира под руку с маркизой. Ночь майская, звездная. Лягушки поют... В воротах тень Стефана. Церковный сторож ударил в колокол. Он делает карьеру в викарные дьяконы.

Кулачные бои... Существуют до сих пор в родных местах. Идут стена на стену, деревнями. Начинают маленькие мальчики... Бывает, мальчик крепкий, как каган, — целую стену переваляет. Под конец старики бьются...Задорно... Терпеть нельзя. Это не от злобы. Это спорт. Потом везут человек пятнадцать в Красный Крест.

— Я думала, — говорит мама, — это давно прошло, это в детстве было...

— Ты думала, мир все к лучшему меняется, а он все такой же...

Итак, назад: утро во время обедни на ярмарке.

Несколько палаток из Ельца... В одной знакомые лица: Захар. Еще одно знакомое лицо... Мужики Левшинские... Яловые сапоги... Пиджак... Зеленые платья и кофты. Две шляпки... Восковая красавица. Картузы пожилых, из-под них горбатый нос, вострые, насмешливо-угрюмые глаза с выражением: глянет — и борозда, глянет, будто пашет черное поле... глянет — и борозда.

Как все переменилось!

Как все переделались... Все на господ переделались. Приехал бы кто, так и не узнал бы: скажет, другой народ!

— Здравствуй, Стефан!

— Я не Стефан. Стефан помер, я молодой...

Приезжает зять Самойлин на четверке с серебряной сбруей... Мужик этот появляется раз в год, у него много лошадей (извоз), направо и налево кланяется... Появляется Дедок в дипломате.

— Перепела кричат везде, и у нас за гумном есть хорошенькие... На хуторе две уточки живут...

Покупаю ему подсолнухов, пряников для детей, рассказываю про щенка, веду к щенку...

Подходит сын его Никишка — богомольный и хозяйственный. Евсей хромой — «на все ветры», маленький

староста, маленький картуз с дырявым козырьком, глазки маленькие, караульщик хуторской и много других. Спорят, нужна ли земля помещичья... Парадокс Евтюхи: от господ ничего не достанется... если на всех разделить... Опровергают...

— Мало ли земли болтущей... Турки сделали резолюцию, и свобода. А мы сидим, как в садке, и переселяться не дают.

Девки расфуфыренные стоят кучками и прогуливаются. Разговор о кулачных боях.

— У нас есть один боец, бойца издали видно...

Утром во время обедни на ярмарке... Прошу снисхождения у читателя за форму моего рассказа. В нем нет выдумки, нет умышленных положений и западней для того, чтобы поймать читателя. Я раскрываю душу поэта, как могу, как удалось мне самому проникнуть в нее. У меня нет вымысла, я изображаю подлинную жизнь русскую, повседневную... но я уношу ее в вечно далекие пространства <*зачеркнуто:* истинной жизни>...

Он мой герой... Я пишу о нем, [начиная] с того момента, как он взглянул на terra incognita.* Перед ним была карта уже <*1 нрзб.*>, etc...

Вчера первая зеленая ветка в аллее и сень под березами. Ужи на припеке. Сегодня первая иволга за сливами на ветке лозины. У нас есть южные птицы, такие ясные намеки на юг: удод, иволга, etc...

Просили послать летучек от березы, а он прислал семян крапивы... Почки на грушах уже как маленькие кактусы.

Нищий приходит: в кухню поди.

— У деревенских что нехорошо: ничего с ними без крику, привыкли они к поденщине, никакого самолюбия,

---

* terra incognita (*лат.*) — неизвестная земля, неизведанная страна; на старинных географических картах так обозначались неисследованные части земной поверхности; перен.: нечто совершенно неизвестное.

решительно никакого самолюбия. Нет, с ними измельчаешь!

Теща разнобитная. Цапы-лапы и...

4 Мая. День за днем проходят великолепные майские дни. И чем ближе к празднику, тем равнодушнее становишься. Нечем отметить день, хотя все в нем полно. Или это уже притупилась впечатлительность?.. Земля теперь мне рисуется в мареве... Все марево... все колеблется, все не доканчивается, все в намеках...

Какое оно страшное, это марево, если подумать. Все колеблется, мерцает, двоится... Поднимаются на воздух деревья, люди, дома. Камни, дубы, даже самая земля, покрытая зеленью, — все превращается в прозрачный, как стекло, пар. И через минуту опять каменеет, и через другую опять летит.

И чувствуешь сам, что тут же под ногами от этой теплой земли поднимается невидимый тот же самый пар, что он проникает все существо, что если кто-нибудь теперь на меня посмотрит со стороны, то и я, может быть, сплющиваюсь, как эти дубы, двоюсь, поднимаюсь на воздух, и опять иду по земле, и опять поднимаюсь...

Ни за себя, ни за что вокруг не ручаешься.

<*Приписка:* Значение и влияние на настоящие мысли. Марево и неукрепленные мысли...>

Как узнать истинные переживания от литературных, где настоящий Бог и литературный?..

Если все мои поэтические переживания происходят из двух родников: детства и любви, если это алтарь, то как быть: писать о самом алтаре или прислушиваться издали к звукам, исходящим оттуда?.. Если ловить звуки, то кажется, говоришь не о самом главном... и не знаешь, нужно ли о нем говорить... Если говорить о самой тайне, то, приглядываясь к тайне, можно ее осквернить. Вот только священники могут ходить перед престолом.

Я сейчас иду целиной. Мне страшно то, что я пролезу через лес и там больше ничего не будет.

Я могу писать всю жизнь о других людях, скрывая себя. Могу написать одну только книгу о самом себе. Мо-

гу, наконец, создать вокруг своей тайны искусство... могу вечно петь в новых и новых песнях о тайне, не подступая к ней... Что избрать? Пусть время решит.

— Вы фантазер! — сказала она с таким выражением: можно ли на вас положиться... ведь это несерьезное, это ненастоящее...

Как это больно кольнуло меня... Но я сейчас же справился и говорю ей:

— Нет же, нет, я не фантазер, но пусть фантазер, но я знаю, что из моей фантазии рождается самая подлинная жизнь. Своей фантазией я переделаю, я сделаю новую жизнь...

Боже мой, как верил я в то, что говорил, как это ясно было для меня, и как хотелось мне убедить ее... заставить и ее поверить. Фантазер потому, что нет союза, нет ответа у ней...

— Но что же мы будем с вами делать? — спросила она.

— Как что, — отвечаю я... — Мы уедем с вами в родные места, поселимся вместе и будем так жить прекрасно, что Свет будет от нас исходить. Мы будем радоваться жизни, и все вокруг нас будут радоваться...

Она молчала, а я все говорил и говорил. Я боялся, что она что-нибудь скажет и перебьет меня...

Но она молчала, склонивши голову... Нет, я чувствовал, что она побеждена... Я говорил лишь потому, чтобы закрепить в этом ее состоянии. Я говорил из страха, что, если я кончу, она опять подумает и скажет: а все-таки вы фантазер... Я говорил ей до самой калитки. Она уже хотела было протянуть руку к звонку, но вдруг, откинув голову назад, поцеловала... И исчезла...

Всю ночь сквозь сон я слышал звон колоколов. По всей земле звонили колокола, и какие-то тонкие золотые сплетения покрывали небо и землю. И я верил в себя, как никогда, мир я открыл, я доказал какую-то великую истину. Но на другой день все опять заколебалось. Она мне сказала:

— Нет, я не могу решить окончательно, кажется, вы слишком большой фантазер, чтобы на вас положиться.

Вы живете той повышенной жизнью, которой живут художники, артисты...

— Ну, так что ж, — говорю я, — ведь это хорошо...

— Конечно, — сказала она, — но... как вам сказать... в сущности же я вас вовсе не знаю...

— Да как же не знаете, я весь перед вами... Я вам могу все сказать о себе... вы должны видеть меня...

— Вы фантазер, — сказала она, — будемте пока только друзьями.

Она ушла и назначила мне свидание на завтра.

Я пошел от нее в парк, в поле, в лес, между прудами... Была весна. Пар еще выходил из земли... И вот как все колебалось! Хороши первые листики на черемухе — как зеленые птички сидят на ветках и светятся. Что-то они значат такое большое... Какая-то в них большая, большая радость... Сейчас я вспомню, я знаю, я назову... Но не называется... И вот опять они, но опять не называется...

Хорошо прислонить ухо к стволу липы и слушать, как пчелы гудут. Тут столько голосов... Но ведь это опять что-то значит, какое-то решение, какая-то тайна лежит в этих золотых голосах. И я ее знаю, отлично знаю, но мне не хватает чего-то такого тоненького, на волосок бы — и тайна открылась. А так — все закрыто, и так больно отходить от ствола этой певучей липы.

Ивовая аллея цветет и пахнет и уводит далеко, далеко. Хорошо я иду по ней, пусть мимо проходят эти зеленые кусты. Пусть мои ноги неслышно ступают по песчаной дорожке вперед и вперед... Быстрее и быстрее... Пусть эти птицы и зеленые ветви сливаются в зеленый звонкий хор, я буду идти все быстрее, быстрее и где-то найду, может быть, в конце этой аллеи... И вот передо мной большой, большой пруд, как озеро. Фонтан бьет... Деревья склоняются над водой. Большие зеленые шапки склоненных ив я обнимаю. Я такой большой, что могу обнять каждое это доброе зеленое дерево.

Да, вот тут... вот где решение...

Вода поднимается горкой, уходит к небу, а небо странное, большое... и светлое. И где-то там в самой-самой середине растет желтый золотой цветок... Поток множества

маленьких искорок-цветков везде, куда ни взглянешь. Эта золотистая пыль от того цветка рассеяна в небе...

Да, да, небо... Конечно, небо... Конечно, тут и лежит эта тайна... Она открыта. Вот она, бери смело, бери ее.

Да, конечно же, так это ясно: небо бесконечно большое, этот цветок посредине — красота. Значит, нужно начинать оттуда...

Красота управляет миром. Из нее рождается добро, и из добра счастье, сначала мое, а потом всеобщее...

Значит, если я буду любить этот золотой цветок, то, значит, это и есть мое дело, это и мы будем вместе с ней делать...

Ведь так? Так ясно... Конечно, так... Потом вот еще что... Там, в центре всего неба, этот цветок неподвижен... Все остальное вертится и исчезает. Все остальное вращается вокруг этого цветка... Значит, вот какое новое, вот какое огромное открытие: мир вовсе не движется вперед куда-то, к какому-то добру и счастью, как я думал. Мир вовсе не по [рельсам] идет, а вращается...

Все мельчайшие золотые пылинки совершают правильные круги...Каждая из них приходит неизменно на то же самое место, и все в связи с тем главным, в центре всего...

Значит, и я, и она где-то вращаемся... И, значит, наше назначение — не определять вперед от себя, а присмотреться ко всему и согласовать себя со всем. Значит, и вопроса о том, чтобы [определять] дело, не может быть никакого. Это ошибка... Нужно не так... Нужно ничего не определять, а вот как эти мелкие искорки — стать в ряды и вертеться со всем миром...

Значит, нужно совершенно спокойно ответить ей: мы не можем знать, что нам назначено делать. Мы будем так поступать, как для этого все назначено... Даже и вопроса никакого быть не может... Бог с вами...

И такая вдруг радость охватила меня: теперь так все ясно... Теперь я могу твердой поступью идти по той же аллее...

Вот опять гирляндой уселись зеленые птички на черемухе, светятся... И таким миром, таким счастьем наполняет меня созерцание их.

Я знаю, что в них...

Вот опять я припадаю к тому же черному стволу старой липы. Золотой хор гудит. И ни малейшей тревоги. Я все понимаю... Вот женщина продает в будке газеты, открытки, сельтерскую воду... Какая прекрасная женщина!.. Как все переменилось во мне... Что-то сейчас же непременно нужно сделать... Что?.. Ах, да... Я покупаю одну открытку с видом Вандомской колонны и пишу на ней: решение найдено. Все обстоит благополучно. Приходите в Люксембургский сад к статуям... Я вам все расскажу... Ничего неясного нет. Бог с вами.

Она пришла к решетке серьезная, с деловым видом...

Как все это пережилось! Еще прошлую весну я совершил последнюю глупость, написал последнее письмо, а теперь... нет... Довольно пока!

Маркиза присутствует при окопке клубники. Катают овес, корка хорошо разрыхляется, боронят посеянную картошку (а то земля сселась). Как за один вчерашний день неузнаваемы стали аллея и сад... Еще черный, но вдруг везде сидят уже на ветках зеленые птички. Кое-где в аллеях свешиваются даже широкие зеленые лапы... Вечер вчера был хорош... Брызнул дождь, и чуть-чуть захолодало... Просвет в аллее: розово-голубое небо с легким зеленым налетом. Но зеленое исходит, конечно, от ив... Вышел на вал, и вот раскинулись передо мной земля и небо: все голубое море... и зеленые рощицы... Для чего-то жаворонок один молча поднялся на заре и сейчас же упал в жнивье.

Мужики. Вчера утром маркиза договаривалась с мужиками, снимающими хутор. Хорош старик-красавец Артем — в черном, кудрявый, холодные глаза, переход от мужика к купцу (плут)... «Да ведь я сидеть не буду, караулить. — Это верно. — Вашей милости. Свояк нагнал стадо. — Аренду не доплатили. Теперь я [больше] не спущу. — И хорошее дело! — Я стара. — Господь даст, пожи-

вете». Сгреб деньги и ушел. Дальний клин. Верх рубежа. Поперечный рубеж. Идешь по рубежу — [дальний] клин.... Выше... Ниже... Выше... Ниже... Болотце... «До Николы не будем возить. — А вы сами ограждайте. На том и сиди! Я сказала: вот твое. — Мы вам [дорогу] только делаем... — На середке? — Нет. Видите, рубеж поперек поля идет. Болотце-то знаем. Этаким манером. Все вместе.... этот клин. — Теперь уже немного остается, и ссориться нам не из-за чего. — Зачем ссориться! А дорога вот здесь должна быть...»

Поездка с Никифором в деревню Морская.

Водка — сила. Шапка — сила. О земле: нужно, чтоб все ровно — и богатым, и бедным. А если собинку выделить... и... тогда какие собинки... Ежели десять десятин на душу — так, а ежели меньше переделят — опять ничего... Какая собинка? Как установить ее размер? Нашему мужику нужна очень большая собинка... а ежели разделить <*1 нрзб.*>, то господам куда же девать... Куда хошь... Ведь они ученые... Пахать его! Пусть с нами попашет... Смеются...

Вот видите, говорит шепотом Никифор, вот он дурак-то: я да я, а что я... что он храпом сделает... Шапку бы снял... Господа же всегда сильнее...

У тещи: теленок гложет мою ногу... Девочка звенит коклюшками... Коклюшки ясеневые, гладкие и звонкие... старается... Цыпленок вскочил ей на голову: некогда согнать... Старуха с печи...

Едем в воскресение, соберется народ многостранный (из других деревень) в банку*.

Муть о законе (шапка и внуки)... Корову на кон... а как же овцы... ведь десять овец две десятины черными сделают, а без овцы нельзя.

Старик заварил мятного чаю. Старик жалуется на закон... Что это за закон... Кто ж его знает... Какой-то закон... Бог знает, для чего это. Не поймешь, не разберешь. Чужие зятья теперь землю отбирают... Никифор вступается за чужих зятьев:

* в банк.

— А ты тещу-то поил, ты ее кормил? Я, может быть, сто рублей бы дал, чтобы кто-нибудь ее взял от меня тогда... А теперь отжила, так заговорили «чужие зятья»!

Старик:

— Так я же ничего... я же против закона — говорю, закон какой-то, не пойму. И так, и сяк умом раскидываю... Закон какой-то... А тещу укреплять укрепляй, да поскорей, а то помрет — и шабаш, общество отымет и на поминки не оставит. У ней на полторы души, на одну душу можешь укрепить.

— Как на одну душу, а полдуши...

— Та мертвая.

— И мертвая моя.

— Нет, за ту взыщут, за мертвых взыщут деньгами.

— Так ли? А как же Пав. Конст. укрепил?

— А Бог его знает... Не пойму. Закон-то путаный...

Я: — Да вы не делились?

— Нет, не делились с самого начала. Думали: живем смирно, терпит Бог, чего нам делиться!!! А вот как услыхали — закон, так и собрались: большая половина пожелала делиться, к земскому пошли... А земский обманул. Нельзя, говорит, делиться, не хватает голосов... А там двато на затылке были написаны, он тех *натарусу* не показал и обманул и закрыл *натарус*, говорит, нельзя делиться.

Я: — А может быть, это по закону так: кто больше четырнадцати лет не делился — тот не может делиться?

— Может быть, и по закону. Закон какой-то чудной: то так, то эдак, не пойму...

— А я, — говорит Никифор, — ежели теща мне оставит, берусь я ее допоить, докормить и похоронить.

Уезжаем. Никифор: — Поскорей, поскорей, надо дело делать, а то теща-то подымется... Поднялась, и была такова... Час добрый!

У сектантов. То же, что и прошлый год. Но нынешний еще ярче выступает религиозная темнота, безрелигиозность народа. Какою темною фигурой выступает Никифор при свете Евангелия!

Едем домой. Никифор, оказывается, «боец», не раз дрался на кулачных боях, и у него уже от боя переломлена «душевная кость»...

— Один дерется: так ударит и упадет — лежачего не бьют, но заметил — как он поднимается, а я его ка-ак — так в другое ухо кровь брызнула... Стоишь, стоишь, не можешь, так подымает самого ударить... Поглядишь, где половчее, и цапнешь... Терпеть нельзя, как видишь, что ловко ударить можно...

— А «попы» правильно говорят... — Что же правильного? — Да не прелюбодействуй... Все правильно... А там, кто знает...

Лидя уехала к Леонарду. Мама: нет, я довольна, хоть Лидя немножко из колеи выходит.

5 Мая. Ясный, но ветреный день. Ночью ходил [к пруду]. Сколько в лесу у прудов соловьев!

Вчера вечером бродил... Лес наш полураскрытый. Каждый кустик убирается. Под ними душистые фиалки и примулы. Постепенно все смыкается. На молодых березках листья уже большие, блестящие и пахнут Троицей. Внизу иду между склонами. Солнце светит через деревья сверху. Тени ложатся... Первые тени от деревьев на лугу, как зеленая вуаль на красавице. Маленькие насекомые гудят в воздухе...

Как хорошо в этих зеленых склонах. Так хочется признать единое великое значение всего. Что бы там ни было, но ведь это все прекрасно. Все это вне человека. Непременно каждый год приближается земля к солнцу, и вот что от этого бывает.

Земля прекрасна! Я носил любовь к бытию с детства, но ни разу не сказал искренно, от всего сердца, что это Бог так сотворил, что это Он. Я готов бы теперь произнести это слово, но чувствую вперед фальшь. Земле, однако, просто земле, убранной и зеленеющей, я готов бы молиться. «Земля Божья», — говорят крестьяне. Откуда это у них? Из Библии? Бог сотворил землю...

Правда, мне хочется собрать все пережитое и лучшее из него отнести к земле, передать его ей и творить из это-

го что-то прекрасное о земле... искание не своего мира, мир не от себя — Бога...

Кто-то кашляет за кустами акации... Мужики... Сидят, отдыхают под кустами, лошади усталые лежат на пашне.

— Вот Никифор тещу укрепляет. — Ай, можно? — Отчего же нельзя. — М-м... закон, значит. — Закон-то какой-то. — У тебя две души, так ты бы укрепился? — Ай, можно? — Отчего нельзя...— М-м... А я думал было в Сибирь податься... Говорят, Бог, Бог, а там... Мы говорим: Любовь Александровна, грех цену такую на землю накладывать. А она: это мое дело, я согрешу, я и покаюсь. Мы ей сказать не можем, а она нам чуть что — грех! Это почему? — Вот «попы»... Почему к ним не переходите? — Темнота. А живут они правильно. Утесняют их, как же к ним переходить? И так уже утеснили: овца анадысь забежала к мельнику на поле — и в тюрьму посадили.

Рассказываю о мужике, привязавшем жену к хвосту лошади. Хохочут. — Чего вы смеетесь? Дурак он, ну побей, бей, сколько хошь, а зачем же так... Вот его теперь урядник записал. Вот господа нас утесняют, а мы жен. Под прикрытием живем. Вот Турка как хорошо устроил. Да, Турка... И нам бы так: сделать р*и*спублику и никаких. — Известно дело: р*и*спублику. А как же согласиться? — Да, как бы согласиться.

— Общество ведь можно за водку купить? — Как можно... — Кто больше водки поставит, тот и прав. — Царь, царь, а что царь... — Землю чтобы общую и никаких, а там уж чтобы по чину, а то у царя-то много земли залежалось, да у сына сколько... Ну, довольно. Захватим хороший шмот и домой.

Поднимают лошадей. Одна с драными боками и черной, будто вырезанной, кожей на лопатках все лежит... голову положила в мокрую черную распаханную борозду, глаз блестит на солнце... «Подымайся!» Она подымает голову и опять кладет поудобнее в другую борозду. «Подымайся!» Подымается лениво, сонно. Мужик берется за соху, она тянет...

Вечерняя заря...

Дедок дома. Показывается сначала Никифор, потом он с корзиной.

— Сходим на перепелов? Во-о-н-на!

Показывает голубей: снимает доску. Тут турманы, летуны, космачи... Хочет поймать молодого, шапка сваливается вниз к голубям.

— Погонять бы... Да некогда. А то бы взвились. Во-о-н-на!

Я иду по валу к гумну и дожидаюсь старика. Медленно вечереет. Лягушки уже завели трель. Кукушка кукует в Петровском перелеске. В доме печь топят: синее облако медленно ползет со двора. Так высоко поднимается сад за домом. Пруд тихий... На деревне (Суслове) домики темнеют, один белый остается по-прежнему... Слышна оттуда гармоника. Поденщики возвращаются полем туда. И оттуда едут в ночное... Жуки жужжат. Мошкара танцует. Направо и налево зеленые склоны... Похоже на огромную развернутую книгу с зелеными страницами. Озимь хороша. Если так будет дальше, не устоит.

Показался вдали Дедок, попыхивает трубочкой... Все еще в осиннике кукует... Все еще допевают зарю соловьи. А лягушки завели ночные трели. Собаки гомонят на селе... Перепела кричат в разных местах. Дедок подходит. Он слышит хорошего.

— Вот этого поймать, хорошо, а то что... Мне сказывали: есть тут хорошенький, похоже, он...

Останавливаемся во ржи и слушаем: где кричит... Там? Нет, это тут, в косяке... А озимь пахнет, пахнет уже рожью, и в этом запахе свежесть, и какой-то резкий свист; когда проведешь быстро пальцем по ней — острый разрез... Роса падает. Сыро. Перепела почему-то замолкают.

— Гуляют, еще гуляют... Они теперь парами. Вот как смеркнется, так.. А *сигас* гуляют.. Утренними зорями росы большие... Нет, гуляют. — Тюкает в дудку... — Нетути... Ну, пойдем поближе...

Девки голосят на деревне... Эх, вас... Идем по озими. Крикнул близко. Остановились. Прислушались: девка страдает... Эх! Прокричит еще раз — и сеть стелить.

Что-ож ты не кричишь?.. Гуляет с самкой... Они теперь парами... парами... Самый крик... А они перестали... Подтрюкивает... И вдруг близко: как крикнет! Стелить скорей... Самку ставит на землю. Она в бабьем платке, похожа на пищу, которую носят на покос дети. Сеть вытряхивается из мешка. Мешок для перепелов. Стелим быстро, заботливо расправляем. Сколько уж дырок в ней... Садимся к краю.

И вот совсем близко сладострастный шепот «ма», совсем близко... Самка не отвечает... Дедок поднимает ее на воздух. Съеживается. У него какая-то лохматая шапка с белыми пятнами: видно, из клочков сделана. Виден только из бороды острый кончик носа и глаза. Какие глаза! Глаза глядят и слушают... Слышно и то, что какие-то птички зазвенели... и то, что соловей начал и не кончил. И все это имеет значение... Перепел еще мавакнул... Самка ответила... Теперь высшая степень напряжения. Тихонечко я ему говорю: — А этот, пожалуй, рублевый... — Нет, побольше! — Десятирублевый? — Очень просто... что десятирублевый... — А бывает и больше? — Во-о-н-на! — Он не любит шептаться в это время... Но я затронул самую его струну.

Десятирублевый! Но почему же и не сторублевый. Ведь есть и такие перепела... Есть такие перепела? Молчи-и! Ма-ва! Самка: трюк-трюк! Теперь мы замерли. Мы ищем глазами, с какой стороны сети зашевелилась рожь... Видим, шевелится. Подходит прямо к середине... Непременно выйдет сейчас на голое местечко на борозду... Показывается в зеленых воротцах маленький сторублевый комочек и исчезает. Теперь вопрос: под сетью он или нет. Мы не можем спугнуть, не убедившись, потому что рискуем спугнуть сторублевого. Самка должна решить этот вопрос, но она молчит. Что делать? Подпрыгивает... Рожь шевелится у самой сетки. Опять [показывается?]. Рожь не шевелится. Замолк, испугался... Смолк... Я наконец не выдерживаю и тихо шепчу: — Дедок, да есть ли на свете десятирублевые перепела? — Во-на! — И он даже толкает меня под бок... Это его заветная мечта... поймать хорошего перепела. Я притворяюсь, что не верю... — Кто их может

купить? — Как кто может, а купцы. Такие любители есть... Повесит и слушает... В каретах ездят за хорошим перепелом... Раз съехались. Встали около полуночи, а Гусек встал пораньше... сидят, дожидаются, а тот вперед забежал, поймал и увез... Так голосили! Мы бы, говорят, его из ружья треснули... Вот какие бывают перепела...

Я начинаю молиться, чтобы трюкнула самка, чтобы Бог послал этому беднейшему человеку сторублевого перепела. Малейший звук от нее — и перепел, опьяненный, ринется под сеть... Но самка молчит, чуть копается. Все молчит. Темно. Едва видна зелень. На пруду лягушки завели вечную ночную трель...

Остается последнее средство — тряхнуть сетью, быть может, он молча подошел... Шумно встряхиваем сеть. Фр-р... улетел перепел с края. Дедок долго молча смотрит ему вслед в темный полумрак и говорит: нехай.

Это значит, что он где-то нашел уже оправдание опять... оптимист... опять...

— Нехай его!.. Это, нишь, перепел... Бывает перепел, что и по двести рублей... А этот?.. Этот так... Этот так... Говенненький... Да знаешь ли, какой он — сторублевый-то! — воспламеняется он вдруг... — Ведь он белый... Весь белый, как бумага, как кипень... А кричит-то как! Он крикнет, так ногами брыкнешь! А это русак говенненький...

Мы собираем сетку. Нежданная загорается на небе звезда. Из белого домика, все еще видного, ей отвечает другая, деревенская, земная...

Роса... Мы сговариваемся выйти рано на утреннюю зарю. Тогда лучше кричат... Роса бодрит... Хоть и не поймали, но мы непременно поймаем.

— Поймаем?

— Во-на!

— У нас перепела «задвохольнички»... настоящего перепела мы не слыхали, его вон откуда слышно, — и показал рукой на горизонт верст за десять.

Побирушку мужик изнасиловал. Старуха приходит, просит написать на него прошение.

Ветер. Погода меняется. Мама: это перед рождением месяца. Верит в это.

Мама села в кресло у окна, развернула книгу Гоголя, сказала: «Как хорошо Гоголь писал». И принялась читать «Тараса Бульбу». В это время входит Котя и кричит: мя-мя... Мама раздражается: «Я тебе сейчас давала! Пошел!» Кот продолжает просить. Мама вскакивает, хочет пихнуть его ногой, но кот увертывается и переходит в другую сторону с постоянным криком: мя-мя. Мама за ним в другую сторону и наконец выгоняет. Потом садится опять в кресло и говорит: «Я сижу, сижу и подумаю, что домашние животные, кошка, собака, совершенные бары, сами ничего не делают, мышей не ловят, а есть просят».

К Дедку: Есть в природе прекрасные факты, неопровержимые, независимые от нашего воображения, от нашего творчества, — например, цветок. Это не наше воображение... Так и сказал Александр по прозвищу «Дедок». Впрочем, какой он старик: мне кажется, он всегда был таким.

Искание Бога, чего-то вне себя, что можно постичь и верить, брать верой, не домыслом.

Любовь: дама, похожая на голубое облако.

Хрущевские типы: Дедок. Вот человек, которого я люблю. Может быть, оттого я люблю его, что вижу в нем себя, как в зеркале, вижу свое лучшее, то, чем я хотел бы быть, что навсегда потеряно. Тут нет иллюзий. Я знаю: встречу его завтра, приду в его грязную избу, все равно я буду чувствовать удовольствие, я буду им любоваться, смаковать про себя... Идет по полю, ястреб... внимательность к глудкам... перепел... По колено в снегу... Избегает маркизы. Как живешь? Среди нужды? Что-то перепелиное... Я его... я ему голову оторву (перепелу)... И ему так грозит... И улыбается так: где, впрочем, тут хоть сказать-то... Отношение к немой: она серьезно качает... он искоса глядит... Фокус: немая забеременела. (Узнать-развить).

Мар. Ив.: — Побирушка! Как мне эти побирушки надоели. Всё именем Божьим и всё в карман. На, вот!

— Вот преимущество Людмилы: все они сосредоточены на нарядах, а она вне, и несмотря на то, что друг ее вылощен.

Приходит баню опаривать. Опарила и набивает папиросы. Мама боится идти в баню, потому что гроза собирается.

— Вы грозы боитесь, Мария Ивановна? — Нет. — А если треснет? — Божье дело. От Бога не уйдешь, чем накажет, неизвестно. — В бане? — Нет, на каждом месте, кому где назначено.

Гроза... Сижу на балконе и думаю: как, в самом деле, неловко сидеть тут на пьедестале и откровенно, в виду пашущих мужиков, в виду этого Стефана, пробирающегося через двор в калошах на босу ногу, ничего не делать. Маркиза — помню — тоже не любит этого и только в исключительных случаях, когда на террасе солнце, располагается пить чай там. Прежде для бар не было этого вопроса, потому что ограда каменная отделяла красный двор от конного.

Вода в пруду перед грозой как ртуть. Она здесь зеркало: все отражает: и дом, и ивы...Земля как развернутая зеленая книга. Земля — для меня это родина, эта черноземная равнина. А потом и всякая земля. Но без родины — нет земли.

Счастливая чета монопольщика: она Греночка (Агриппина). Леонард, но не Лев.

Слухи о войне: мобилизация объявлена (в деревне).

После грозы. После грозы пруд почернел. Ласточки вьются возле него, сверкают белыми брюшками. Радуга двойной дугой, осинники до озими: в осинник выливается. Омытая побелевшая зелень озими и черные квадратики еще чернее. Лозины цветут — совсем золотые.

Подобрав юбку, пролетает по двору королева с папироской во рту. Марья Ив. пробирается домой после опаривания. Лошадь во дворе [щиплет] мокрую траву.

Радуга тает. Одни обрывки. Пруд просветляется. Перепел крикнул. После грозы стало тепло. Кукушка, омытая дождем, не так кричит. Соловей почище поет... Ставлю

на окно букет черемухи. Маркиза не любит этого: «Опять веники, зацепишь и обольешь».

Сад после грозы в косых лучах солнца золотой, еще нежные полупрозрачные лепестки, почти красные. Золотой вечер, золотой сад.

Сказочный вид с террасы: черные тополя и вишняки в золоте, розовое облачко вверху, далеко это все уходит, издалека пришло. Хорош полуодетый сад. Теплынь... Громадная оранжерея. Потемнели зеленые листья. На золотом горизонте черный ряд тополей...

Маркиза: — Почему-то после бани много пьется? Вероятно, через испарину теряется. Нужно пополнить. Расслабление какое-то после бани.

6 Мая. Утро туманное, насыщенное парами. Думалось, туман только, а за ним оказались тучи, и скоро пошел теплый майский дождь и шел, шумел в саду до обеда. Все время ласточки вились над прудом, все время пел соловей и куковала кукушка под аккомпанемент дождя...

Этот дождь был предсказан Стефаном по особым приметам: рождение месяца. У Кузьмы еще вчера табак отсырел, у Никифора ломило «душевную кость», разбитую на кулачном бою.

Акулина спокойно идет под дождем. Этого дождя не боятся, не глиняные. То опогаживается, то опять дождь. Мама радуется: самая лучшая погода! Ах, как все развертывается. Завтра аллея вся зеленая будет.

А суп постный не состоится: грибов нету... Довезут ли до города рожь?..

— Сама не знаю, как нам ехать в Задонск: в пролетке или тарантасе? Если в пролетке, то можем не доехать. В тарантасе спокойно, но лошадям тяжело, — конечно, тройкой. Надо сейчас же приказать поставить третью лошадь на овес. А какая там уха из бирючков!

Ходит с планом Хрущево, подготовляется к сражению с мужиками. «Этот разговор еще десять раз будет. Это только предварительное условие». О Лиде: «Да сохрани Бог с таким характером, как она последнее время». К обеду опять прояснело. И удивительное явление: везде, где

только видна черная земля, валит пар, как из печи дым, земля горит.

— Воспарение земли! Нагорела земля и испаряется. Золото, золото, а не дождь. Много миллионов стоит такой дождь. Майский дождь дорогой. Для всего хорошо. Хорошо пролил. Теперь дня три поливать не надо. Очень хорошо! Как капуста растет, так, думаю, пройтить — ни у кого не найдешь. Для всего хорошо, хорошо вообще, преимущественно хорошо. И для огорода, и для яровых, и для садов. За этот дождь Бога благодарить нужно. Прямо Божья благодать, благорастворение воздухов и семенов земных!

В лесу деревья все убираются и убираются... Последнюю фиалку сорвал на бугре. Первые бутоны ландышей на припаре... Даже осиновые листья хороши молодые, они как вырезанные... На елках кровавые шишечки. На липах розовые крылышки. Даже дуб хоть и нехотя, а развертывается. Ничего не сравнится с кленовыми листьями, будто это [лапы] слепых щенят...

Пока был дождь, мама читала Гоголя.

— Вот талант-то! И за то с ума сошел! А Пушкин — тот аристократ. Читала за обедом описание его крестьянской избы... — И вдруг: — Какая свежина! Я у него брала. — У Пушкина?..

Продолжаются толки о Леонарде: — Ну, кто кого победит? Шансы на их стороне. Хорошую штуку удрала с ним Соф. Алекс. И как это в таком семействе вдруг таких людей. А что если Леонард здесь умрет от ушиба... Вот штука-то будет!

Нет, сплетня — это очень серьезная вещь. Это почти поэзия быта. Если бы не было сплетни, то ничего бы и не было: люди сидели бы и множились по своим углам. Сплетня — это птица, только что вылетевшая из гнезда. Крылья уже есть, летать можно, но Божий свет так велик... И вот она без плана, без цели порхает с дерева на дерево, с подоконника на подоконник. И везде ее принимают, везде радуясь ей... Сплетня — великое дело. Встречают ее смехом и радостью, таинственным шепотом. Сплетня — уже

не жизнь, но она так близко к ней, как ласточка к зеркалу пруда в майский дождь... Нужно следить за сплетней!

Что еще хочется мне написать? А вот давнее желание описать детство и любовь... Да вот, но будто жалко расстаться... Какие чудеса там, в глубине природы, из которой я вышел. Никакая наука не может открыть той тайны, которая вскрывается от воспоминания детства и любви.

Нужно только испытать сильное горе, нужно прийти [к концу] и почти умереть. И вот совершается рождение. Неведомые силы посылают утешение и великую радость.

Сон это был или... Не знаю... Но мне так дорог этот далекий, далекий склон на той стороне, эти полувоздушные деревья... Хороша тоже и огромная муравьиная кочка, ласково укрытая зеленым деревом. В ней есть белые муравьиные яйца. Можно собирать эти маленькие белые яички и тут же слушать, как где-то вблизи стонет соловьиная мать и тихо рокочет... Можно незаметно следить за ней, как она нырнет под ореховый куст... И подползти... Там гнездо — желторотые дети соловья...

И опять стонет соловьиная мать. И все тихо, тихо. Но что-то зашумело? Уж выполз на солнце погреться... Или так? Нет, не так... Желтый сухой лист сам бежит по тропинке... Сам! Почему... И безотчетный страх охватывает. Бежать! Скорей бежать из леса. Забыто гнездо соловьиной матери. Забыт мешочек с собранными муравьиными яичками. И так там останется... И другой раз к этому месту будет боязно подойти.

Круг. Как вернуть свои переживания в природу? Как раскрыть их во всю стихийную ширь? Как сочетать, что было, и то, что есть теперь, как одно претворить в другое, как слить это? В природе совершается великий круговорот. Это простой, но таинственный круг. Простой для всего мира, но таинственный для каждого в миру.

Кругом примеры... Но никто не знает про себя, не проследит: где он начался и где он кончится. Каждый вступает в таинственный круг и снова проходит то, что миллионы прошли...

Мои переживания, вероятно, обыкновенны... Но именно этой обыкновенностью я и дорожу. Я хочу выделить из себя то, что весь мир переживает. Я хочу сказать, что когда я любил, то одновременно со мной тысячи таких же, как я, и людей, и растений, и животных совершали этот круг... Я хочу сказать, что все их дыхания тревожные, все их мысли и чувства я сливал в себе... Я был велик, как мир. Это я хочу сказать.

И еще хочу сказать: как я мал был, когда оторвался от всего... Как я «маленький» цеплялся за росяной куст, за солнечный луч... Как я сходил с ума. И как из-под низу то, что плотное и прочное, исчезло, и я остался на воздухе и стал учиться летать... Великий круг завершен.

Я совершаю теперь второй круг спирали, но возле первого.

Сон в майскую ночь. Лягушки. Звезды. Покой. Я скитался в морях, кажется, в морях. Я возвращаюсь к жизни через любовь, в ее хижину, в вишняк. Я распаленный зверь. Я пробежал мимо, я увидел, что нет хижины. Но это я, распаленный зверь, пробежал. Вот она. Она лежит прекрасная, обнаженная, глаза добрые и загадочные. Она рада мне. Она готова ответить тем, что никогда я раньше и не смел подумать. И я припал к ее телу... И спрашиваю: можно? Она молчит. Можно? Она все молчит. И вот, когда все уже кончено, я слышу тихое: нет! И она исчезает... Соловьи поют, я вышел. ... нет и там. Черный сад. Первый коростель [крикнул]. Сад все черный. Соловей поет. Светлее. Я отломил зелень сиреневого куста. Но еще черный... Все светает. Коростель серьезно принимается кричать. Елки, как иконостас, и через него красная тайна. Зеленые смешные старики... Петух под солнцем... И так это утро — продолжение сна. И хочется надеть черную монашескую рясу для нее. Я понимаю значение сна. Нужно было отказаться тогда от нее, чтобы овладеть ею. И теперь я отказываюсь, чтобы овладеть ею (до сих пор). Сон... Моряк.

7 Мая. Вчера вечером я вышел перед сном на балкон. Небо было слегка покрыто облаками, совсем было темно внизу. Заливались трели лягушек. Так я и заснул под эти вековечные звуки. Снится мне, будто я откуда-то очень

издалека возвращаюсь домой... Где-то в саду в вишняке есть маленькая избушка, и там живет женщина, которую я любил. Чем ближе я к избушке, тем сильнее охватывает меня животная страсть. Я прибегаю к тому месту, но избушки нет... Ужас охватил было меня. Но вот еще два шага в сторону — и передо мною на траве лежит прекрасная молодая женщина. Я узнаю ее черты, глаза... Эти глаза, надменные и презрительные, обращены ко мне с величайшей добротой, эта гордая женщина, может быть, и не любит меня, но она бесконечно добра ко мне. И вот меня, моряка, распалившего свое воображение вынужденным воздержанием, что-то смущает... У нее прекрасное тело... Я обнимаю его... Но что-то меня смущает... Эти гордые глаза, почему-то выделившие меня из других, меня останавливают... Я спрашиваю: можно? Она молчит. Она спокойно предоставляет мне поступать, как я хочу... Но я не знаю ее воли... Можно? Опять я спрашиваю, сжимая ее сильнее в объятьях... Она все молчит, и я делаю, что словно указано судьбой... И, благодарный ей, я хочу обнять ее последний раз, но женщины нет в моих руках. Ее вовсе нет и откуда-то издалека, издалека в ответ на свое «можно?» я слышу тихое: «нет!».

Восход солнца. Я просыпаюсь... Соловей поет. Выхожу на террасу, обращенную к саду. Раннее, раннее утро. Зари еще нет. Сад черный, черный. Еще чернее, чем раньше, потому что весь покрыт теперь черными листьями. Коростель крикнул и смолк, первый коростель, которого я слышу этой весной. Иволга тоже первая, пропели и горлинки. А потом замолкли. Но зато соловьи вот разливались как! Чуть розовело за елями. Стенка черных мрачных елей заслоняла восток. И так я долго сидел в этом черном саду, ободренный соловьем. Наконец черный сиреневый куст стал слегка зеленым. И тут закричал коростель, и горлинки заворковали, и кукушка. Вокруг черного ильма еще вилась летучая мышь, но липы, эти старые старухи, уже зеленеют. Какие они смешные в своем полуодетом наряде... И вот за стеной елей, как за черным иконостасом, показалось красное пламя... Все пело, я ушел...

В восемь утра. Единственное утро... Чисто выметенная аллея. Золотые иволги и всякие птицы... И всюду легла зеленая сень... Я знаю, это мне снилась Анна Ивановна Каль — как же это странно, сколько я думаю о женщинах, выискивая себе героиню для моей повести, а о той, которая ярче, интереснее, добрее всех ко мне, забыл. И герой... Алек. Фед. тоже...

Поездка в село Крутое...

Туда: Трегубово — Маслово — Соловьево — Бороково. Крутое. Оттуда: налево на бугре — Братки — Сухинино — Завражки — Пальна.

Усадьба Стаховича Алек. мне окончательно не нравится: манерно и на иностранный лад. В старой усадьбе хороша ограда — обыкновенная, каменная, полуразрушенная, и с нее свешиваются там и тут цветущие черемухи... Налево с горы виднеется трегубовский лес, и где-то на пригорке несколько хижин, похожих на грибы. С этой стороны усадьба Стаховича более понятна: это один или два из холмов у реки, но не голых, как везде, а покрытых лесом и садами. Впереди народ возвращается из церкви, будто стая черных птиц. Спешу подъехать к ним, спросить, где дорога в Маслово. «Эта дорога, поезжай все прямо. А ты чей? Маслово — громадная деревня». Пока я спускаюсь и поднимаюсь на гору, дуга съезжает набок. Молодой мужик возле кирпичного дома помогает мне. «Где ваша церковь? — спрашиваю я. — В Соловьеве. — Как же народ-то шел из Трегубово? — А это другая половина: у нас две половины, одна четвертного права за оврагом, а другая душевая. — Где же лучше живется? — Душевым лучше, там ровнее, нету совсем безземельных. — Теперь сравняется и у них с вами, теперь новый закон. — Да, закон, что это такое? — Укреплять и продавать землю, чтобы кто-нибудь скупал и хозяйствовал. — А тех куды? — Переселять. — А вот так мы и думали, укручивать, значит, нас. — И в лице его мелькнуло что-то весьма недоброе. — Ну, до свидания. — Час добрый».

Спрашиваю кого-то, как проехать в Соловьево. «Очень просто, сама эта дорога: поедешь вниз, а потом

подымешься направо, и тут будет лес, и мимо леса налево, а там столб, и от столба опять вправо, а там спросите».

На самом же деле Соловьево почти примыкает к Маслову. При выезде из Маслова ложок, и на другой стороне на зеленом лугу под лозинкой сидит молодая чета. К ней подходит малый в белой рубашке, в валенках и с гармошкой. Так славно играет, и так славно склоняются над ними лозинки. Подходит и подает ему руку, на нее не обращая внимания, подает и снова играет. В Соловьеве у дороги на камне устроились два мальчика. Тут строится новая церковь, которую я принял за марево... По пути в Горшково как-то особенно глядят на меня со всех сторон свежие дома, отсюда далеко, далеко видно: и Погорелово, и Сухинино, и куда только глаз ни окинет. Тепло. Впереди неизменное марево: к трем лозинкам на горизонте подбирается океан воды, и лозинки поднимаются на воздух. Зеленая озимь плавится, и ветерок гонит дрожащий зеленый дымок. В Борокове весь народ на улице. За это время успели пообедать и высыпали: палевые, желтые, сиреневые юбки... Под лозинкой, толстенной и неожиданно оканчивающейся тонкими, как пальцы, прутьями, сидят и беседуют две женщины... Везде на заборах: там юбка, там штаны. Церковный сторож в Соловьеве в красной рубашке выбежал из церкви и, сделав руку козырьком, впился в меня. И здесь то же.

Наконец и Крутое. Хозяин Василий Евлампиевич Сазонов выходит мне навстречу, коренастый, держится с большим достоинством, даже в мельчайшем движении, поворачивании головы угадывается администратор... Тактичен, политичен.

— Закон... Да разве мужик понимает? Мужик — это топор источенный. Я им объясняю: 1) польза закона, что у кого есть дочь, может дочери землю оставить, 2) польза жене, за женой можно землю оставить и 3) если с обществом не согласен и хочешь хозяйствовать по-своему, к примеру, клевер сеять или томашлак, — то можешь один быть. Для трех вещей хорошо. Слушать не хотят: ты, кричат, заодно с ними, ты от них денег получаешь. И во всем виновники ораторы... Куда же, говорят, девать слабосиль-

ного человека? А я им говорю: законы издаются для мужественного человека, а не для слабого. Оно, положим, действительно...

Я поддакиваю и говорю: — Вообще, по-моему, закон несправедлив...

— Вообще, — сейчас же соглашается он, — вообще несправедлив и по преимуществу.

С этого момента он угадывает во мне протестующего человека и становится откровеннее (вскрывает себя) — на два фронта работает, и на оба добросовестно.

— Разве можем мы люцерну сеять, или клевер, или томашлак. И что такое томашлак, разве это мужик знает, на что годятся его семена... Сей, говорят, томашлак, и сыт будешь, и скотина сыта будет, и кваску попьешь. Как я могу сеять то, что не знаю: я должен до нитки знать. По 250 р. десятина земли! Да это чахотка! Эти хутора — чахотка! А сколько тут попуты! — Таинственно шепчет: — И много виновато во всем внешнее начальство. — Какое? — Которое поближе к мужику. <*Приписка:* они хоть говорят, что внутреннее, а я думаю, внешнее. Внутреннее начинается хотя бы [с] министра внутр. дел, оно и добра желает...> Народ сейчас разделяется на три категории: те, которые с социалистами, те, которые против, — это небольшая часть, — и третьи, которые чуть-чуть к социалистам не подходят. И все вообще меня не слушают, селятся только, чтобы землю захватить, а вот как война — так опять на три клина...

По-настоящему надо бы переселять народ, ведь это были бы живые стены... от врагов. А теперь только ждут войны...

— Я другой раз всю ночь думаю: как вывести народ, думаю, думаю — куда ни кинь, все клин. И так к тому прихожу, что Бог... Он выведет.

— На Бога надейся, а...

— Да все-таки от Бога-то это, Он ведь допустил все это, не может же быть, чтобы Господь милостивый — и вот погубил бы целое государство. Первая трудность найти таких людей, чтобы народ в них верил. Где найти таких

людей? Как вывести... Как найти таких людей, чтоб не хапали и к мужику близко стояли? Как вывести? Бог.

— Но ведь Бог иногда очень сердится, ведь погубил же в двадцати городах в Италии... так и нас...

— Так и нас накажет... Например, Франция... Ведь оно опять к тому же придет... Очень просто... Допустим, что я хорошо придумал... думал, думал и говорю: вот как народ надо вывести... Подговариваю с собой других... сделали резолюцию и устроили... примерно ввели одноконный плуг, а в это время другой придумал двухлемешный плуг, он, говорит, и пласты переворачивает и корни вывертывает... Я только успел, а он уже делает новую резолюцию. И так все выше и выше... Ведь это столп получается... а приходят ведь опять к тому же... Примерно, мой плуг одноконный — одно с сохой... и будто столп с одной стороны, а с другой плуг.

— Но так же всегда, всегда так и должно... как же по-вашему?

— По-моему, нет: выдумал однолемешный и подожди, пока все его введут, а потом уж вводи новое, а то стоп — и приходят к тому же... <*Приписка:* сладкое-то каждый проглотит, а вот горькое-то подавится и поперхнется...>. Думаю, думаю как вывести... Бог, только Бог выведет... Вот Моисей... Фараон... Казни..

Не финти.

Приходит мужик и говорит: участок хотел купить, все было приготовлено, а ораторы нашли «облаката»* и ухлопотали землю общиной купить... И остался без участка... заседатель и старшина из ораторов... В Германии как хозяйствуют... Приезжает какой-то путешественник в город: «Извозчик, — кричит. — Подождите, окоротитесь, здесь есть люди более вас образованные: тем нужно вперед». Когда те разъехались, ему подают лошадь. Свезли в гостиницу, дали номер, спрашивают: «Не желаете ли осмотреть. — Мне больно хотелось бы поглядеть, как у вас мужики живут. — Так что же, поедемте». Приезжает путешественник на поле. Подходит к мужику: ты, говорит, чей, откуда, рассказывай. А тот вынимает записную

* адвоката.

книжку и говорит: «Вот, извольте поглядеть: сейчас поедет государственный контроль и спросит меня, сколько ты борозд запахал? Как же я с вами буду разговаривать?»

NB. К люцерне: вот тоже Димчинский велит рожь рассаживать. Мысленное ли дело? Да он потребует, так десятину рассадишь, вырастет ли у него солома в три аршина и колос в четверть?

Система выборов:

— Почему вас не выбирали в Государственную думу?

— Да ведь это надо было бы с Петром Петровичем (земский начальник). Он предлагает...Соберутся мужики... Галдят... Ведь понять так ничего нельзя, что галдят. Приезжает земский начальник: я со своей стороны предлагаю такого, хошь тебя бы, к примеру. А я со своей стороны тоже не плошаю, суну и мужикам посулю вина поставить. Вот они и галдят опять: а по нас так что, хоть и тебя выберем. И выбирают.

NB. Земля Божья! Да ведь и я Божий. Так что из того! А капитал нужно нажить. Я на капитал землю куплю. Глупости! Общая. Да ты наживи. Я свою борозду так провел, а он не так... Так как же общая?

NB. Они говорят: как в Германии, как в Германии (на кол скотину сажать). А он привяжет к колу лошадь, а другой сел и уехал. Если бы воров вывести... А знаете, и очень просто вывести... Я это придумал... Приказ от губернатора, чтобы в волостях на каждую лошадь была [своя] книжка и чтобы при продаже отрывать... Вот и все. Очень просто перевести воров... И смотрит просветленный...

Мы едем на участки логом. Возле деревни имение Афросимовой, сад в 40 десятин дает 5000 дохода в год. Хозяйка Луиза Ивановна, была гувернанткой при детях. Афросимов ту жену посадил в сумасшедший дом и на этой женился. Деревня Дубовый Дол, тут имение М.И. Поповой продано крестьянам. Бабы гордо несут траву в мешках из своего сада, другие, разодетые, прогуливаются в своем саду. На первом участке мужики разгуливают хозяевами: у одного нос — похож на смирного индюка, другой — черный, красивый — похож на Сашу, мысль вспыхивает и

исчезает, так что в спокойном состоянии с ним нельзя говорить, замолкает. Третий все время говорит, лицо удлиненное, бледное, ругается. «Саша» к Сазонову: ты камень вырыл — заплати. Сазонов солидно: а ты мне заплати за то, сколько мне стоило выкопать. Тот, боясь «сурьеза», смеется: так-то и я к тому говорю; в этом коротком разговоре мелькает все: и административная сила, и «прижим» мужика, и бездна тех мужицких отношений (мелочных — хозяйственных). Навоз вывез. Зачем бы вывозить, говорят, навоз такой, что все так вырастать будет, и пахать не нужно ничего (смеются)... — Как вы будете хозяйствовать, на три поля или на четыре? — Пока делим на три, а там как велят, слышал, прикажут на четыре поля, а как мы не понимаем этого, так ничего и сказать не можем...

Бледный, длинный, ругается из-за скотины, это садок, это клетка. — Зачем брал? А три осминника. — У другого шесть десятин, но по правилам нужно из них 3 продать, если покупать участок, а это невыгодно: за ту платили три рубля, а за эту 20... — Так продашь и уплотишь долг, и здесь меньше [платить] будешь.

Пар обложили податью в 25 к. Землю купили, надо пахать, а он не дает: трава на пару. И свой карман. Ругают. Мужик 10 раз ходил в город (я его видел), чтобы выкорчевать кустарник. Нельзя. Наконец приходит, кому-то продал...

И невыразимо тягостное чувство охватывает: есть что-то такое в земле, отчего каждый, с ней соприкасающийся, становится низменным, пошлеет, есть какая-то особая власть земли. Очень серьезное настроение (и у Дунички тоже). Только и есть надежда на тех людей, кто ничего в этом не понимает.

Уезжаю через Бродки. Везде праздник, группы с подсолнухами... В Сухининном нападают собаки. Ужас охватил меня. Мчусь. Из Сухинина еду низом... приезжаю к горе: камнеломни, и завалили дорогу. Ехать некуда. Наверху в камнях малые дети. Ужас их охватывает: бегут с криком в деревню. Одна маленькая отстала, ревет... Хочу успокоить, ревет сильнее. Мать выбегает: ты почто детей напугал, — как наседка. Еду верхом. Еду низом. Шалаш... Бахчи... Хо-

рошо, наверно, жить в шалаше... в усадьбе Стаховича. Тут старинный сад, деревья уже и на ограде, и пение соловьев раздается особенно звучно. Внезапный холод.

8 Мая. День очень холодный. Стефан: градок где-нибудь выпал. Прохолодалось. На небе очистилось. Вот и дался мороз. Этот мороз невредимый. Так кое-где на навозе лежал. Садовник: огурцы на всходе, и ничего. Рассада сама собой ничего, нешто уж дюже ударит, и то только пожелтит, а не убьет. Легкий морозец, росой обдало — и пропал. Караульщик ушел, и Бог с ним! Такие люди не жильцы. Ни обут, ни одет, ни сыт, ни голоден, а говорить мастер: визгу много, а шерсти мало! Вот я, про меня никто не скажет, etc...

— Майскую травку кушаете? Пользительно, очень пользительно. У нас это сергибус называется. — И у нас сергибус — все равно, что у вас, то и у нас. Это все единственно. Вот еще снитка есть, щавель есть, баранчики. Очень пользительны майские травы.

За чаем мама беседует с М.И. — А я говорю, погода хорошая, делать нечего... Вот бы пришла. А то придет, ни к селу, ни к городу. — Телок околел. — Захолодало что-то вчера с вечера. Лидя капусту высадила, говорят, ничего. Мошкара — вот нехорошо. А холод капусте — ничего. В холод только не растет: земля садится... А дни-то стояли. Какие дни! — У меня, М. И., какое горе случилось: поехала я к Л. А., говорю: утку загоните. А они не загнали. Приезжаю: говорят, одни перышки остались, 20 яиц осталось, такое горе! Советую курицу на утиные яйца посадить. — Вы-и-ведет! Выведет, ничего.

— Нынче, слава Богу, корова Машка отелилась. — Слава Тебе, Господи... И быка опять... Ну те-с! — У П. Н. околел опять теленок. А теленок хорош был: на ноги сел. Поднимают его. Все думали, пройдет, пройдет, выходится, надышится. И вдруг вечером околел. И вот тужили! Как по ребенку. У него ребенок-то семи лет умер. Семи... Хороший теленочек был. И вот тужила: до чего дошла, что ударилась наземь и ревет, а потом на кладбище бросилась. Плачет, падает. Подняли, расходилась, и ничего. А то с ума сходила. Трудно за нею ходить. Все бы к осе-

ни-то выходился. Не покупать. — Народ валит к обедне, а батюшки нету. Батюшкиному [делу] год, батюшка уехал... — И посейчас все плачет по телку.

— Церковный попался вор (домовой). Ну вот он с ним знаком, на воре шапка горит. Позвольте ваши вещи. Оказались церковные вещи. И оказался у того извозчика выход, и сколько там церковных вещей! А нам-то пропажа неизвестна. И слуху нет!

— Вчерась вот... — Ну те-с... — Рассказ. — Вот те раз!

— Да, я у о. Афанасия про елки разговорилась. Хочу, говорю, елки сажать. А жена ему говорит: какие глупости! Вот те, говорю, раз!

— Имение Стаховича. Он не глядя купил. Хозяин приезжает — какую гадость купили. А Ив. Мих.: я дурака нашел, а этот еще дурее. — Ив. Мих. выручил...

— Да, у него заведено.

— Роса! Вечером маленько дождь заморосил. Роса (после возвращение к погоде).

— У них деньжонки были только на переверть. И горюют же теперича.

— Как-то не в руку. Только всего и делов! И слуху не было. Присылают письмо: Стрекоза (белая лошадь) ушла. А живет он, где у него родословие. И пишет только: Кате кланяется, Наташе. Этот год он озолотел. Гордец. Горд. Не одобряют мужики: вина не подносит. И много ли им нужно: рюмочку, а это им много... Его, Стаховича, мельница подорвала, а тут еще два ветряка выстроили. Помол был хорош. Завидно было. На отдание Пасхи служба, как в Пасху.

— Что же, старый пономарь жив? — Худо-ой. Декокт пьет. Бабка сказала, хорошо, только слабо, и только сомины не есть. Потом мазь дала. Как стал мазать, так чувствует себя нечувствительным, все одеревенело. Захожу к нему. Чай налил. Не хочу. Ай вы [брезгуете]? Я, говорит, аккуратен (сифилис).

— Батюшка покойников сам подымает (не диакон).

— Новый церковный караульный такой догадливый, такой уважительный. Так, М. И., вы думаете, яйца под курицу? — И будет ходить. Или корыто воды поставить,

и будут плавать. И они ведь льнут к ней. Они плавают, а она на берегу: квох, квох... Потом бросит... И утки ведь скоро бросают... К осени все равняются. Дети не по ней. Она все копается, а дети... Она бегает — дети за ней бегают. Случается, случается это: сама ли по себе, убьют ли, так под курицу. И под галок сажают. У нас была курица, так и называлась: Галка. Жалко даже резать было. Выводят. Теперь, говорят, пáром выводят. Ведь вот и подкладки (яйцо холодное, чтобы курица сидела) выводятся. Пропала, пропала курица... Цыплята под амбаром. Ее (мать) за ножку привязали и вывели цыплят. А она у них, как запометная...

12 Мая. Мороз весной.

Восьмого уехал с мамой в Задонск. Вернулся — все так же холодно, все в том же положении растения. Стыдь, говорят, была — страсть! Бог знать что. Хлопья, палки сухие-рассухие летели, свету не было видно. Работ на поле никаких. Велели землю «лешить» для возки навоза.

От мороза полураскрытые листья на липах стали как опущенные ладони, на дубах словно тряпки, [клены] опустили вниз пальцы. Нет ничего хуже этих холодных дней весной. Свежая зелень — [нежная]. Насильно остановленная жизнь, как неудачная любовь. На ильмах этими морозами убило листву, она осыпалась зеленая. Кто-то невидимый, неизвестный для своих дел остановил эту нежную жизнь... Говорят, какой-то циклон...

— Вот, вот, — подхватывает Ксения, — циклоны эти мерзкие какие-то.

Она, Ксения, по рассказу Лиды, стояла на лестнице, выставив пузо, и бранилась перед раскрытым нужником: русский народ перевешать надо. И для чего только нужники строят, такая мерзость раскрытая стоит...

Поездка в Задонский монастырь.

1. Сборы. Мысль поехать в Задонск была раньше. — Я, — говорила мама, — в один день причащусь... — А как же исповедоваться-то, — подхватила Лидя, — ты не младенец! — Ах, исповедоваться.

В пятницу как-то сразу собрались, и начались хлопоты. Послали за М. И. — Вы побудете без меня? — Отчего же, побуду. — Лидя протестует, она одна может заменить маркизу, но мама ей моргает... — Хорошо так собраться! На случай, кто приедет, есть сыр, есть грибки, есть солонина, сухая селедка. С чаем, когда приедут, не спеши... (может, и так уедут). Отчаивается: — Нет, не соберусь я, и тут делов, и там делов, ноги заболели ужасно. — У кого ты будешь исповедоваться? — Исповедуюсь как-нибудь. Там монах у раки стоит. Волосы седые, кудрявые... — А тебе все еще кудрявых хочется! — Вот в Оптиной монахи постные, а в Задонске щеголеватые, надушенные, каблуками щелк, щелк, подошвами шмыг, шмыг.

Передает хозяйство: вот ключи амбарные, вот сундучные, бумаги. Шепчет потихоньку о бриллиантах, о вещах, моргает усиленно... И много, много всяких сборов. Даже сундуки перетряхали и почему-то вывесили меховые вещи, может быть, потому, что маркизе по случаю холода потребовалась шуба.

Вся эта поездка возникла так: стали смотреть календарь, чтобы узнать, как велик будет Петровский пост, и вот оказалось, что Троица на носу, а поездка должна состояться до Троицы.

Путь в Елец: красивы эти черные головы грачей в зеленой озими. Батюшка встретился... Маркиза очень плохо <*3 нрзб.*> на ветру. Знакомые мужики встречаются. Стадо овец и коров... Маркиза внимательно рассматривает коров, вымя, цвет. Она любит молчать дорогой, на пути в ее голове роятся планы... Хорошо бы где-нибудь симментальскую телочку достать.

В Ельце иду к Черняховскому. При всем моем уважении к нему — остается от его благородных речей некий раздражающий осадок. Капелька польской крови преображает русского человека. Не потому ли это, что исчезает вопрос об отношении к народу?.. Русский народ для поляка не представляет никакой загадки... Судя по тому, что говорит о себе Черняховский, смысл его деятельности в Ельце — это спасти земскую библиотеку и общество взаи-

мопомощи учительниц. Можно ли этому поверить? Не то ли же самое у Ивана Алекс. с его Элладой? Не та ли пустота внутри, не то ли неудовлетворенное самолюбие?.. Но, может быть, это все оттого, что в глубине души [я] давно уже потерял веру и вкус к прогрессивной деятельности... К этой безвкусной и квадратной интеллигентности.

Проходит ночь... Может ли быть глубже падение? Жизнь свилась в керосиновую воронку над моей головой и обливает меня вонючей жидкостью, и нет ясного сознания, воли, что нужно это поджечь, чтобы все это сгорело вместе со мной...

Легкомысленно сменяются приступы тоски и радости. Я беру из них высшие точки, это меня утешает, это кажется мне смыслом. А между этими [высшими] точками — приступы...

Мама брюзжит в номере. Невозможный характер. Я, удрученный ночной бессонницей и воркотней, смолкаю на всю дорогу от Ельца до Задонска...

Холодно. У самой дороги свиньи собрались в кучу, положили друг на друга головы и уснули. Такая идиллия! Кучер усмехнулся. — Хорошо? — говорю ему. — Хорошо! — отвечает он...

Мне кажется, будто я лежу на дне какой-то огромной бочки с остатками огуречного рассола, и лежит возле меня всякая дрянь: обрезки картошки и лука и головки селедок... И все это воняет... И сам я такой же...

А наверху небо. Облака рядами, рядами как отваленные плугом синие пласты с золотыми верхушками. Такое чудесное поле! А снизу из зеленой озими с завистью смотрят туда черные головки грачей...

В этом припадке тоски совершенно отчетливо я представляю себе души знакомых людей. Стоит назвать имя, и сейчас же вижу душу в каком-нибудь образе. Вот Ксения Николаевна. Душа ее похожа вот на этот низенький каменный столбик у шоссейной дороги. Никакие ветры не свалят этот крепко врытый столбик. Нет никакой силы, которая могла бы повернуть этот столб, низкий и твердый. Весь мистицизм разбивается об этот столб, потому

что он может сказать: я уже давно умер, я очень умный столбик. Я победил самую смерть, я окаменел...

Душа маркизы — два камушка: добрый и злой. Вокруг камушков ожерельем вращаются мысли. Придется мысль на добрый камушек — хорошо, придется на злой — плохо. Иногда ожерелье быстро, быстро вращается, и все мелькает. Иногда останавливается на злом камушке, иногда на добром. Но долго ни на том, ни на другом не останавливается.

Душа Черняховского похожа на дрожину, катящуюся по чугунным рельсам: гремит, дрожит и катится, и все прямо, прямо по линии.

Чья-то душа похожа на — *<2 нрзб.>* страдающую... Да, это душа Иванюшенкова. Она вечно балансирует: на одной стороне нажива, на другой Бог.

Маленькая часовня на пути к деревне. Кто ее поставил? Страдающая душа. На одной стороне кредит, на другой дебет + сальдо = часовня. А может быть, это не очень плохо? Может быть, эта часовня и кредит — только балансы всемирных весов... Религиозное чувство — это тонкое чувство жизни. Весы колеблются вечно... И что за беда, если купец ставит часовню, самоед одевает свою куколку в олений мех, я создаю какие-то туманные ценности... Одно и то же в разных формах... Дело в форме... Спор за форму... Форма оскорбляет нас, а не суть... Форма сознания религиозного. Но мы стоим вне этой формы (купеческой), мы стоим вне их культа, у нас свой культ, а всякий культ извне неприятен...

Еще одна душа как толстое бутылочное темно-зеленое и треснутое стекло...

Каждого человека, который мне приходит на память, я вот так могу представить. Говорят, что все эти образы есть образы собственной души. Если бы моя душа была чистая, то я видел бы вокруг себя только чистые души. Когда охватывает счастье, то все люди кажутся прекрасными. Когда, вот как теперь, душа погружена в тьму, то выплывают лишь карикатурные образы... Всё во мне... Весь мир во мне... Но я? Ведь я не знаю, откуда я начался, где кончаюсь, не знаю, что будет завтра со мной. Значит,

с одной стороны, весь мир, который я представляю и оцениваю, есть мой мир, мое создание, — но, с другой стороны, я, творящий этот мир, весь связан по рукам и ногам, я пришел из другого мира, и там уже неизвестно, кто мной управляет... Но в моей воле устроить свое поведение к тому высшему так, что буду приводить себя в согласие с ним и больше и больше буду узнавать тот мир... Я не могу его узнать, но я могу чувствовать его и как бы знать... Это так же сильно, как и знание, так же реально. Это высшее, вероятно, и называется Бог?

А то, что мучило меня сегодня ночью, — это есть дьявол?.. Как я представляю себе Бога? Это что-то похожее на таинственные голоса перед зарей, когда в саду полумрак... А также и на те настроения, когда солнце садится, похоже на звезды...

Как я себе представляю дьявола? Это то сладкое ожидание ночью... ночные замыслы, подхватываемые какой-то силой, неумолимо влекущие к чему-то, [к] унизительным вещам... и кончающиеся стыдом и презрением к самому себе...

Почему я не хочу прервать дьявольское... Потому что, если оно и заводит иногда в ту бочку с огуречным рассолом, то, с другой стороны, приносит и счастье творчества... Впрочем, тут мой анализ кончается, и, вероятно, последнее неверно, и я тут не разобрался...

Какие-то «Вороновы дворы». Тут раньше мама останавливалась для отдыха. Задонск показывается издали. Так до сих пор много черепичных крыш. Он расположился на той стороне Дона. Река течет на дне очень широкого лога с очень отлогими распаханными зелеными берегами. Въезжаем под арку колокольни на монастырский двор. Швейцар в гостинице в овчинном тулупе и шапке, с лицом монаха, испытавшего многие мытарства. Послушник-служитель, тип безликого монаха-сироты.

— Что можно поесть? — Уху из бирючков... потом котлеты... — Маму стесняет прислуга-монах. — С теми, — говорит она, — легче, а то как-то... Какая уха из бирючков! Григорий Иванович съедал их здесь на 14 р.

Заказывает обед, а пока идем к обедне. У ворот, у стен нищие сидят, как два серых камня. Высокая каменная лестница, по ней направо и налево нищие с протянутыми руками... Церковь полна. Мы пробираемся через толпу к мощам. Мама становится вместе с другими барынями за гробом. Я внизу... Мне видно, как прикладываются с обеих сторон гробницы: с этой и с той... Как темнеет, как стареет лицо мамы в церкви. Та ли это... буйная маркиза, то ли это боевое лицо, когда она воюет с мужиками при заключении договора! И вот эти люди как-то деревенеют в церкви, будто это фотографии людей, а не люди. В церкви больше простонародья глухих мест Воронежской губ. в национальных костюмах. Виднеется лицо девушки невинное, глаза как роса... У раки стоят два монаха: один седой, кудрявый, с картинными поклонами. Я уже готов был поверить в искренность его молитвы, как вдруг во время прекрасного поклона он откровенно зевнул. Другой монах с гордо выпяченной грудью не молится, а воюет с небом, а глаза узенькими и хитрыми [щелочками] внизу. Оба монаха следят за тем, как прикладываются с той и другой стороны.

Хорошо крестится простой народ. Наметит точку и несет голову вниз. А с другой стороны тоже. И часто сталкиваются. Красиво, когда сталкиваются молодой парень с девушкой. Иные подходят под благословение к седому монаху... Почти все передают ему иконы, образок и крестик для прикладывания к мощам. Покупают масло и тут же его переливают в св. монастырские сосуды, чтобы горело его масло. Когда подходит прикладываться дама в шляпке, то монах сейчас же открывает руку в перчатке с вырезом на пальце. Как только шляпка покажется, так сейчас же отодвигается кусок парчи... Очевидно, это для того, чтобы белая перчатка не портилась от простонародных губ.

Заглянул на клирос к поющим монахам. Почему так неприятно глядеть на эти разбойничьи лица в длинных, хорошо расчесанных волосах и мантиях... Один, молодой, ужасно фигурничает... Маркиза подходит к старому монаху у раки, улыбается по-светски, просит себе исповеди. Но монах указывает ей на очередных духовников. А народ

все прикладывается и прикладывается. Запах... Хорошо прикладывался урядник: как он взошел на ступени, как он начальственно взглянул на людей, и как он не донес крест до другого плеча, а застрял у груди, но приложился, как начальник...

Я думал о том, как эти символы приспособлены к народу. Как, с другой стороны, они непрочны, как невозможно возвращение к ним. Как вообще непрочно религиозное дело, основанное на [почитании] этих вещей.

Церковь пустеет... Сор и запах... На лестнице обдает звоном... Облако звону!

13 Мая. Пение птиц — волны морские.

Сквозь сон на заре я слышал пение птиц в саду. И мне казалось, будто это волны играли... Соловей — как основная холодная [волна], иволги — верхушки волн, поднимаемых солнцем.

— Туман? — Да, роса. Такая роса. Даже на дворе остаются зеленые следы от ног Стефана.

Продолжение поездки в монастырь.

Мама исповедовалась у Израиля и пришла в восторг: — Ну, попался! Образованный, рассуждает. Обратил в веру. Какие штуки задавал. Большое, большое облегчение чувствую. Я ему про мелкие грехи не говорила, а все про веру. Он спрашивает, верите ли во Христа, что он действительно был... Нет, говорю, сомневаюсь... Он на это прочел главу из Иоанна. Но я как-то не прониклась... Котлеты, какие гадкие котлеты нам подавали, вспомнить противно. Ну, хорошо, а как, говорит, отношение ваше к рабам? — Плохое, очень я раздражаюсь и бранюсь, но живут у меня долго. — Ну, значит, у вас неплохо. Терпения вам нужно. Главное, не осуждайте никого, если осуждаете, значит, это все в вас есть... — А какой славный номерочек!

Первый визит к Леониду. Леонид — старинный знакомый мамы. Монах-ловелас... — Он был большой ухаживатель, ступай к нему. — Да сейчас всенощная, он молится... — Будет он молиться! Он не особенно... — Он очень рад будет! — сказал монашек.

Живет он в домике, окруженном цветниками. В передней никого не было. Я прямо прошел через столовую и кабинет в спальню. Монах лысый с остатками всклокоченных волос лежал на кровати... «Вот так ловелас!» — подумал я. — Так и так, говорю, я от Марьи Ивановны Пришвиной, я занимаюсь литературой. — А, — обрадовался он... — Садитесь, острого слова борзый писец! — И привстал на кровати... — Павел! — крикнул он, — дай папиросу... — Он начал либеральничать, бранить монахов, и так это было неприятно: нет ничего [хуже] неверующих и бравирующих этим попов. Обругал Синод: — Там мечтают, а семинаристы не хотят идти в попы. Перед пожаром крысы переселяются из домов, так и со священниками. Попы невежественны. Посмотрите на попа: как он держится, как он засмеется: ни бес, ни хохуля. Я это хорошо знаю, я сам был в семинарии и сам бы был таким, если бы не случай. Попал я в деревню к помещику учителем и кое-чему подучился... Знаете, я больше даю своим посетителям, чем они... Я вам расскажу о себе, а те вопросы предоставим астрономам. Нуте-с, изволите видеть, когда кончился срок моему учительству в деревне, я должен был приход взять, невесту искать. Кликнул клич и такую нашел раскрасавицу... Ну... что же мне с ней делать? Матушкой в деревню устроить... Нет, не хочу... И решил не быть попом, а поступить в монахи... С монахами управляться я умею отлично... Нуте-с...

(NB. Загадочные отношения с матушкой. В Петербурге есть некий штаб-офицер Снесарев, руководитель газеты «Голос правды» — он сын этой неудачной матушки.)

Нуте-с, как поступил я монахом, захотелось мне видеть свет, природу, путешествовать... Я притворился больным, подделал с доктором свидетельство, и отправился я на Кавказ. Целых четыре месяца я лазил по горам, знакомился с барынями, хорошо провел время... Потом вернулся назад. Часто ездил в Елец. Святитель Тихон называл Елец своим Сионом. Его очень почитали там. Иногда я приезжал туда с мантией святителя. Служил там... Как я служил! Вы слышите, вероятно, и так, какой у меня голос. Очень меня любили. Я был ручной монах. Такие пиры

задавали! Какие там повара были у купцов! Раз в одну из этих поездок Попов сказал: очень хотелось мне съездить ко Гробу Господню. Я эти слова намотал на ус, и в следующий раз выступаю с таким предложением: предстоит в скором времени перенесение мощей св. Николая [из] Бари. Едемте туда, а оттуда в Иерусалим. Едемте, говорит он. И вот мы поехали. Были в Вене, Париже, Венеции... Катались на гондоле. Ведь я там в светском платье был, в соломенной шляпе. Сел в гондолу и запел: «Гондольер молодой, ты в Гренаду спешишь... взор твой полон огня». Так вот, гондольеры ахнули и дивились. В Ватикане я виделся с папой... В Бари я надел рясу, епитрахиль и отслужил на славянском языке. Многие плакали от моей службы. В Иерусалиме я служил так, как никогда. Я представил себе, как Господь въезжает на осляти, как... Арабы, турки, армяне бывали у меня, просили меня остаться, но я уехал.

Был такой прародитель народный Антон Евсеич. Раз он забрался ко мне в школу. Слышу — бух! Кто это? А это он партой гремит. Ты, говорит, меня не замечал, а я вот о себе напоминаю. Потом взял палку и прошел в ворота и кричит: «Здравствуй, князь в золотой короне...» Потом был еще здесь один монах, человек неглупый, не скудный. Он тоже мне подарки подарил — архимандритский перламутровый крест. Вот он висит! Мне тогда и в голову не приходило, что я буду архимандритом... Нуте-с, изволите видеть, пока что, а меня сослали настоятелем в монастырь на болоте. Долго ли, коротко ли я там был, опять назад вернулся, и вот скоро стал настоятелем, а потом архимандритом... И вот теперь жду смерти, прихожу к общему знаменателю.

Монах попробовал встать и не мог... Солнце заходящее ворвалось в комнату, ударили в колокола, волны звуков ворвались в окно. А монах поднялся и ухватился за стенку кровати. — Позвольте, я вам помогу. — Нет, не нужно... у меня вот тут назначено, — и протянул руку к гвоздику в стене, потом к притолоке и так перебрался в кабинет... Тут показал свою коляску.

— Вот портрет святителя Тихона, писанный красками. Это единственный портрет: смотрите, как выражены смирение и воля!

— Все-таки вы жизнерадостный человек, — говорю я.

— Да-с, да-с! А о прочем умолчим... Бокль сказал, что это от состава элементов... легкие дышат хорошо, мускулы крепкие, желудок пердит здорово — вот и сангвиник. <*Приписка:* где-то он утешал вдову: можно ли с таким капиталом плохо жить...>

— Вот книга. Я не знаю автора, вот он пришел к другому результату... Это все от состава элементов... А впрочем, жизнь, знаете ли, устроена прекрасно, Господь все сделал хорошо, а люди не умеют ею пользоваться... Как это хорошо понимают народные прорицатели! Как они понимают... Посмотрите эту фотографию. — Он зачем-то дал мне фотографию одного красивого молодого человека. Я подумал, не сын ли это его? Потом стал показывать открытки... Множество открыток из России, из-за границы с самыми трогательными надписями. Очевидно, любимый многими человек... Ландыши, полураскрытые розы... — Эти вот ремантантные розы я получил от своей гурзуфской приятельницы... эти синтифолии из Крыма, эти... Ни одна барыня не уходила от меня без букета...

На другой день я привел маму к этому старику. Он очень долго одевался, наконец вышел. Мама ужасно волновалась и начала готовую речь: — Мы встречались с вами только три раза. Но три знаменательных... Первый раз я видела вас на исповеди, и вы оставили на мне сильное впечатление. Второй раз — скверное, окруженный дамами с шампанским... Третий раз — опять хорошее, я слышала вашу чудесную службу...

Старик все время стоял, держась за притолоку, и слушал, очевидно, силясь угадать в этой женщине одну из своих поклонниц... Сели и стали говорить о старости, о тех, которые умерли, которые живы еще... Пришел еще о. протоиерей с каменным ликом.

— Старость — это грех... Грех, иначе говоря, вред. Дьяволы всячески стремятся сделать людям вред. Бог сверг бесов за гордость... Если вы будете гордиться, то не сойде-

тесь с людьми... вот вам грех — вред... Если вы будете, etc... разные, разные грехи... Грех, другими словами, вред. Но, с другой стороны, это все ведет нас к счастью и прогрессу... Люди стремятся избежать греха-вреда и устраивают жизнь лучше... Вспомните, как жили в наше время... Вот, бывало, вот такая барыня-помещица, как вы, позовет скорохода: вот тебе письмо, это к Вареньке, а это к Катеньке, и отнеси, и вернись сегодня же. А Катенька и Варенька за сто верст живут. Или вот щи морозили, отправляясь в путь, когда ездили с молебнами. А в настоящее время, etc... Человек, говорю вам, есть сосуд большой и маленький, налейте в него много — он лопнет, мало — сморщится... Нуте-с, изволите видеть...

— А как же старость-то, — говорю я, — железные дороги само собой, а как же старость?

— Мне кажется, силой духа можно победить старость... Вот святитель Тихон.

— А что же святитель Тихон?

— Вот вам пример: раз во время службы он увидел в толпе девушку, и страсть охватила его... Тогда он подошел к свечке и сжег себе палец...

— Значит, победил?..

— Нет, пришлось же ему тоже к физическому миру прибегнуть... Это все от состава элементов. Одному монаху привезли больную девушку и просили о ней молиться. Оставшись с девушкой, монах изнасиловал ее и испугался. А бесы-то ликуют, бесы-то ликуют возле него... Завтра девушка расскажет матери, и конец монаху. Он взял убил девушку и закопал в песок. Скажу, мол, ушла, — а бесы еще пуще ликуют... Тогда он схватил крест, упал перед иконой и говорит: «Господи, ты мой заступник». Такой, знаете ли, не падал духом, и бесы и пропали...

— А девушка?

— Девушка ушла...

— Как ушла?

— Так, монах [обратился] к Господу, а она ушла... — и поглядел на меня так, будто хотел сказать: как ловко монах с бесами справился...

— Как же вы теперь живете, плохо?.. — Нет, хорошо... Вечером закутываюсь в одеяло, долго не сплю... Просыпаюсь и читаю. Просыпаюсь и читаю — и так до утра. В 8 чай пью и пишу письма до обеда, потом кто-нибудь приходит... Старость как старость...

Тут заговорил протоиерей... — В настоящее время господа ученые, подобные господину профессору Мечникову, предлагают всевозможные средства от старости. Старость, объясняют они, происходит от недостатка мужеских семян в крови, а посему, чтобы избегнуть старости, нужно вспрыснуть в кровь мужеские семена. Таковыми семенами наилучшими являются семена четвероногих. Не знаю, не реклама ли это?

Этими вопросами и обсуждением окончился разговор о старости.

Мама, впрочем, сказала что-то о страхе смерти. На это Леонид ей витиеватой речью сказал: — Сударыня, когда вы будете умирать, то ангелы на серебряном блюде поднесут вам отпущение ваших грехов, потом посадят вас на это блюдо и унесут вас живой на небо... — Мама упрекнула монахов. — Не осуждайте. Люди везде люди. Из многих тысяч бывают [несколько]... Одежда не делает еще монахом. Точно так же, как костюм барыню... а заглянуть внутрь... И что делать: певчие, бас и тенор, они сильны, как тенор, разбегутся — и через ограду. И потом назад таким же путем. Простой народ же эти монахи, а простой народ — полузверь, с этим надо согласиться. Из двухсот монахов только я и отец настоятель можем написать письмо, а остальные, даже иеромонахи, если напишут записку, то ее вы будете рассматривать как образец безграмотности и со смехом передавать друг другу. Материальная сторона при теперешнем настоятеле — он как бревно — настолько плоха, что зимой не хватает дров и монахи их воруют друг у друга. Так что не мудрено, если ночью увидите иеромонаха, крадущегося с вязанкой дров. — Но есть же хорошие монахи. — Основное это... есть, конечно, такие... Святые частью потому, что им жизнь незнакома (их жизнь изломала), частью по неспособности. Обыкновенно они мол-

чат, а если бы они сказали, то вышла бы глупость... они смиренные всегда, но загляните внутрь...

История. Открытие мощей: кто-то слазил в могилу и увидел мощи. И еще кто-то переложил в другой гроб. Потом группа из близких людей сделала остальное. NB. Приходит в голову мысль: а что, если это подделка? Как поглядел бы на это святитель Тихон? Без сомнения, народ сделал его святым уже при жизни... Он посеял веру в народе... Он собрал народные чувства к одному фокусу. Он повысил народную жизнь... приподнял ее. И вот теперь совершается культ его... этими «полузверями» — монахами...

История Тихвинского ж[енского] монастыря и Скорбящей. 1) Какая-то монахиня долго приставала к помещику, наконец победила его, и он пожертвовал 800 дес. 2) Какой-то писатель написал роман о помещике, в знак этого поставили памятник. Святитель Тихон сказал ему: здесь надо бы другой памятник поставить. Помещик ответил: приезжайте, батюшка, освящать.

В общем, у мамы получилось впечатление, что этот человек неверующий. — Как я рада, что не у него исповедовалась! Я подошла к Израилю по внушению. Обстановка для верующего человека хороша!

Ходил с Глебом в Тихвинский колодезь. Монашки пристают: вы чьи? Просят записаться, просят купить что-нибудь. Глеб купался: три раза окунулся, пар пошел от тела, вытерся полой, высморкался и перекрестился. У Скорбящей [иконы] двор, покрытый домиками-кельями с цветущими вишнями. Зашли купить просфор. Просфирня дала нам провожатую монашку, и вот мы гуляем в цветущем вишневом саду.

О Леониде говорят с улыбочкой: приличную кружечку получает. Обратный путь: мама ужасно боится собак и поездов, завидев издали поезд, она останавливает лошадь, как будто поезд бросается в сторону, подобно собакам. Встречаются особые «возки» из кож... Глеб рассказывает: — Утром проехали здесь безлошадные, народ удивил-

ся — катят без лошадей, и Боже мой. Говорят, у вас тут мороз, откуда мы приехали, картошка на четверть. Откуда же они приехали? Верно, издалече...

Два святителя: Тихон и Амвросий... Аскеты обнимают весь мир любовью, а мир от них отворачивается, считает их черными, потому что внутри их пусто...

14 Мая. Скверный сон о будущем, о нужде... Выхожу на террасу... Сияет, звенит майское утро... И думаю: это же малодушие. Ничего нет страшного, но это в малодушии... Нужно это победить... Но как? Так думая, иду по аллее... Такие зеленые дворцы вокруг строятся... Неожиданная зеленая [фигура], будто кто-то задумчивый, новый стал и тут, и там... везде зеленые гости. В дуплах звенят оркестры галчат... у галок рычащие, предостерегающие голоса... у птиц деловитость... все будто возмужало, перешло в солидный возраст отцов и матерей. На березах, на липах листья блестят на солнце. Такая свежесть проникающая... Черемуха цветет вовсю, и маленькие вишни, как конфирмованные барышни, и груши в подвенечных нарядах. Я не думал было идти и хотел сначала вернуться, чтобы подсчитать свои возможности на осуществление планов. Но вдруг этим утром мне мелькнуло: теперь, именно по этой росе, где-нибудь же да должен раскрыться первый ландыш. Пойду по валу за ним... И так дошел я до леса. На валу ландыши еще не цвели, я пошел за ними вниз по мокрой росе, не жалея новых башмаков... Заглядывал в кусты орешников, под полураскрытыми липами, под одевающимися дубками... Забрел в молодой осинник с листьями, будто вырезанными из бумаги русалочьими руками... Нигде не было раскрытого ландыша... Я весь промок и оставил свое намерение, но все-таки я твердо верю, что где-то в это утро непременно должен раскрыться ландыш... Для него это утро свежее...

Я опять на валу и думаю: тот мир, который надо мною — он какой? Нет, ничего нельзя сказать о нем... можно только угадывать... Быть может, для него-то и можно надеть ту рясу, которую я так боюсь, которая мне противна... Но если я ее надену ради прекрасного... радостного...

непременно радостного... значит, тогда уже исчезнет то недоверие к мрачному, черному... но, может быть, выйдет так, что это гордость моя, ради которой я надеваю рясу — хорошо?.. пусть... но там не я хозяин... и гордость, и всякие чины там сменяются не человеческой рукой... Так я мечтаю... а небо? Там светлые облака с востока догоняют солнце, перегоняют его и все небо — остается только голубая сень, поймавшая солнце.

Кукушка в саду... Где бы ни куковала кукушка — всегда возле нее таинственная зеленая глубина... и дети идут туда на таинственный зов. Что значит эта внезапная острая радость перед чем-то большим... в чем я деятельно участвую? Отдаваться ей... или владеть ею... понимать ее значение... Помню, как настоятельно просился этот вопрос тогда (на лошади в поле). И так я его не разрешил...

И так в это утро непременно должен где-то раскрыться первый ландыш.

Вчера договор маркизы с мужиками: — Управимся. Вывезем навоз. — Она удобрена, она сока не потеряла. Если вы истощите... Когда начнете возить? — Петровками....

Входит курица в дом. — Пошла!

Вечер потеплее. Первый огурец. «Стоит одному огурцу показаться, а там уж...»

Утром птицы молчали, было холодно, цветы не пахли.

Сцена с подшальником и с Глебом (вынужденная ложь).

Кошка на солнце купается в пыли на дороге и перевертывается. Курица глядит на нее.

Вопрос о потравах... Лезут и лезут в леса и сады. Удивительно раздражающие обстоятельства... Не нужно только представлять, что это «мужики»: каждый в отдельности мужик в отношении воровства в том же положении, что и помещики... (чтобы охранить ульи, Дедок спит на пчельнике).

Генеральное сражение маркизы:

— Идут, мужики идут... — Маркиза увидала в окно и прибежала в столовую взволнованная: — Идут, такие рожи... Такая жажда земли! Но этим поганцам — ничего! Ах, как трудно с ними... И не могу отказать. Ох, как тяжело отказывать...

Входит Софья: — Марья Ивановна, мужики пришли!

— Как ты смеешь, я тебе тысячу раз говорила, чтобы ты не смела входить, когда кушают... Что делать? Если сказать, дома нет, все равно придут, рано или поздно...

В деревне образовались две партии: богатых и бедных. Богатые арендуют землю на хуторки, хотят здесь снять для того, чтобы лошадей пасти, а лошадей у них не по одной, как у бедных, а по две и по три. Поэтому давно уже от бедной партии к маркизе подсылались тайные гонцы. Маркиза их выслушивала и соглашалась: во-первых, «те» нахалы, у них уже есть земля; во-вторых, у них по три лошади, они «этих» обижают... Значит, и «по совести» так, следует отказать... Но выйти к ним... они тоже нахалы... Волнуется ужасно...

— Миша, скажи им, чтобы они к террасе пришли... — Шепчет: — Будто что-то делаю там, занята... А ты как увидишь, скажи громко: «мама, мужики пришли», и как будто я ничего не знаю.

Мужики, как и предполагалось, появляются возле террасы перед липовой аллеей. К. — старик без шапки, Самойло тоже умасливо сияет и улыбается.

— Мама, мужики пришли!

— Что вы пришли?

— К вашей милости, пожалейте нас!

— Мне нечего жалеть... нечего вам десять раз говорить... Я слова не меняю...

Слово, в самом деле, дано. К счастью маркизы, «та» партия вперед явилась. На этом маркиза играет:

— Я что сказала, то будет.

— Мы вот что хотели вас просить...

— Вы всю меня измучили в такие годы... Я слову своему господин...

— Они...

— Я слова своего не меняю. — Выше и выше голос маркизы, горит боевым пламенем, кричит гордо, запальчиво, жестикулируя, величественно с балкона: — Я слово свое не меняю, не меняю, слышите ли...

— Слышим...

— Вы отступаете от своих обязанностей...

— Когда же мы отступали...

— Ты не верти! А-а-а... Я бы тоже желала, чтобы мне дали землю Стаховича, я бы тоже желала... я бы хотела вас всех наделить. Но раз я дала слово... кончено...

— Яровые.

— Я вам дам ярового... у вас язык очень длинный.

— Нет, Марья Ивановна, неправильно.

— А-а-а... — Улетает. Опять улетает. Опять прилетает, и все говорит: — Я слово дала...

Долго ожидают арендаторы... Советуются: «ну что тут поделаешь», расходятся. За ними наблюдают из окна... Ушли... Маркиза садится в кресло изнеможенная: «Такие нахалы!» Совесть начинает мучить ее... Ведь есть свободные 8 дес. отдельно... не дать ли?

— Что, они ушли?

— Ушли...

— Ну пусть, это такие нахалы...

Два брата попали, один в одну партию, другой в другую:

— Тут братьев нет! За землю братьев нет...

Изнеможенно: — Мне их нахальство...

15 Мая. Ночью загнали лошадей: топот и хлопанье кнута в тишине... Слава Богу, стало тепло, а то все из полушубка не выходили. Вчера приходила вторая партия арендаторов. Поднялся крик из-за того, что обнаружилось: богатая партия, очевидно, поднесла вина бедной, и та разрешила пасти лошадей. Таким образом, все маркизины планы были разрушены: 1) устранить многолошадных, 2) установить контроль одних над другими.

— Я неприятностей сколько вытерпела сегодня из-за вас.

— О скотину мы прошиблись.

Она всё ходит.

— Скотину мы можем окоротить, а лошадей...

— Разбой чистый: леса потравили, луга потравили. У меня план был: вам сделать пользу и себе. Но не даром: за пользование парами должны охранять. Говорили? — Говорили. — А... а... а! — С завтрашнего дня прикоротим. (Объяснение происходит в передней, дом наполняется запахом. «Они постоянно так, не держат, постное едят, от постного всегда так»).

— А то какая же мне польза!

— Прикоротим, прикоротим.

— Я вчера не стала бы говорить.

— Прикоротим. Вы передайте пар их нам.

— Да вы не имеете права!! Барышевать моей землей!! — Многократное чтение условия.

— Придем, прогоним, больше никаких.

— Как вы будете бороться?

— Легко. Иной не осилит ее брать.

— Вот, вот...

Пролетарий (3 класс, внепартийный) идет весь день поодиночке за десятинкой.

— Кто сила, мы дадим лишняка, кто тощ...

— Если этот год не оправдаете — всю землю отберу...

До обеда клянчили мужики о загнанных лошадях.

— Сколько прошу! А толку никакого... Сделайте, клянчат, одолжение, из головы вон...

— У меня из головы не выйдет!

— У вас, а у нас-то...

Всё продолжают приходить одиночные мужики просить по десятинке.

— Марья Ивановна, дайте мне полнивки!

— Ступай!

— Дайте!

— Ступай!!

Ночью народ, как мыши в саду, щиплют, роют, тащут. Пробовали бочку для поливки рассады укатить. Стоит заглянуть на вал, как отовсюду выглядывают головы старух с мешками травы. Подойдешь — загнусят: мы кострочку, что делать, скотине с голоду помирать.

— И греха с ними наберешься за день!

Туча заходит... Брызжет дождь... Ни холодно, ни тепло...

Двор: (два петушиных царства), сцена с курами, девочка с коклюшками, мальчишка голый. Пара на тропе: старик с Акулиной несут ушат. Лошади катаются. Хождение на ледник. Лавочки: у ледника, у дома, на улице. Под балконом. Пень для отрубания куриных голов, etc...

<*Приписка:* черт — женщина — Катерина Ив.>.

«От святого чистого тела ожидаю я возрождения, а не от святой чистой души! Это стародавняя истина? Тем изумительнее и трогательнее для человечества, что ей так долго нужно бороться, чтобы пробиться!» (П. Альтенберг «Внимание»).

Из него же: «поэзией жить нельзя».

Окончательно прихожу к тому, что Лидя и Кат. Ив. — один и тот же тип купеческой барышни. Сегодня за обедом мама сказала ей: — Ишь, набрала костей, обделенная... — Она промолчала. А я в рассеянности то же говорю спустя немного: кошки сыты будут. Она вскочила и бросилась в свою комнату с криком: черт, дьявол! Я поднял скандал. Настоящий черт в этой женщине сидит.

Вот еще надо заметить что: есть слова, которые записываются... И есть слова, которые нехорошо записывать. Как узнать то, что нужно писать, и то, что не нужно. Может быть, слишком мало писал, а может, слишком много? Чувствую, что путешествие, которое я совершил по жизни, еще не описано. Но мне хотелось бы описать его так, чтобы это было не воспоминание, а материал для будущей жизни.

Есть такие переживания, которые остаются для меня загадочными, неясными. Мне кажется иногда, что если бы я выяснил их значение, то мне стали бы ясны главные моменты мировой души. Я — со всем миром одно. Я — бесконечно мал. Мир движется вперед. Мир вращается. Вот, кажется, человеческие мои переживания... И еще: когда мир вращается, только тогда люди познаются.

Вечер из окна. Золотые горы налево от пруда. Голубые горы направо. В высоте затерялась птица... Пруд задумывается. Уть-уть-уть-утя-утя!.. Ласточка вьется над прудом низко-низко. Другая ласточка, ее отражение — мчится вместе с нею... И вдруг пропадает — кружок. Ласточка мчится за своим отражением, но как только коснется его — там кружок на воде... Угол пруда у плотины золотой. Первая трель лягушки... Еще кукует кукушка, соловей поет. В аллее новая громадная ветвь оделась листвой и закрыла аллею... По ней ползают красноголовые и черноголовые [букашки].

Мама читает «Лествицу» и говорит: «Зачем это им, куда-то на гору забираться нужно... Христос среди людей жил, он не фиглярничал. А это если забраться в уединение, так каждому разные такие идеи придут в голову... Так мало ли что... Разве такой Христос? Не знаю, может, я не так представляю, но только Христос мне кажется очень хорошим».

— Мама, Толмачева идет! — Морщится: — Не люблю я ее. — Толмачева входит: — Очень рада!

Рассказ Над. Алекс. об исповеди у о. Леонида... — Я тогда была молоденькая... Я была безнадежно влюблена. И думала, что ничего не остается. А он мне стал говорить... Я готова была сделать все, что он прикажет... Это все платонически... Понимаете ли, платонически... Не знаю, дурной или какой, но у меня осталось самое светлое воспоминание.

Какую штуку-то я сотворила!

Ходит по коридору долгие вечера и у запертой Лидиной двери читает... кто чью жизнь заел.

Написать о Саше, о его «логике»... О писателе (Ил. Ник.), которого съел «ум».

Был старик... Он потихоньку от гувернанток и маменек давал нам заряжать ружья, делал невозможные нелепицы в деле воспитания... И вот теперь все воспитатели забыты, а старика люблю. Значит, все воспитатели неправильно воспитывали, а старик правильно. Вспоминается, как с ним дрозда стреляли из заржавленного ружья...

Мама говорит: «Я всегда думала, что мужчины тряпки».

Сила женщины — господство над буднями. Мужчина — взлелеянный цветок... Что же такое свобода? Что же такое рабство? Быть может, рабство вечно необходимо, как тень ласточки, летящей над спокойным прудом? Можно ли гордиться свободой, когда ее питают рабы?.. Вот где коренится нужда в кресте, в рабстве во имя Бога... (Они мои рабы, а я раб Божий, у нас общее с Богом дело).

Когда весной покрывается зеленью земля... как все серьезно. Птицы поют... Листья развертываются, все прекрасно, но все серьезно. Какая гармония с свободно порхающей птицей и землей черной, укрытой зелеными коврами. Тут нет рабства, но нет и свободы, все покорно судьбе. Но вот в такие дни иногда вдруг с шумом срываются птицы с большого старого дерева и мчатся в ужасе... И слышится в глубине сада сдавленный крик, все слабеющий и слабеющий.

16 Мая. Ездил на именины к Федору Петровичу Корсакову. Был очень интересный обед. Старик, похожий на Фета, недвижимый, в коляске, сидел на краю стола с высоко поднятой головой. Он почти ничего не мог говорить, но видно было, что он все понимал как-то по-своему, както связан был со всем этим обществом за столом. И правда, нарочно приглашенных не было никого, все съехались исключительно по внутреннему влечению сердца к этому, нужно бы думать, уже никому не интересному старику.

Тут были представлены все поколения, начиная от крошечных грудных детей. Были тут с маленькими детьми молодые барыни, одна из Петербурга, другая из провинции. Был отставной штабс-капитан, мечтающий через знакомого земского начальника получить какое-нибудь место, а также напечатать свое «стихотворение»; была очень большая барыня с лицом Петра Великого (на дурных портретах); была мадам Хвощинская с хорошенькими барышнями-дочерьми и мадам Жаворонкова, тоже с подрастающей невестой; и два гусара в красных брюках,

два батюшки, много девочек и мальчиков и с ними множество каких-то неизвестных дам.

Кто-то из родственников подарил старику музыкальную кружку. Жена именинника предлагала вновь приходящим взять эту кружку и заглянуть в нее. Как только гость брал эту кружку в руки, она неожиданно для него играла вальс, и гость вздрагивал. Тогда все смеялись, и даже хозяин улыбался издалека-издалека...

Эту кружку подарил кто-то, очень тонко его понимающий.

Я знал его с детства. Сколько с тех пор забыто людей! Но его я всегда помнил и носил в своем сердце, и он представляется мне теперь в глубине прошлого большой волшебной кружкой.

Стоило, бывало, любому мальчугану подойти к этому старику, когда он копался в своей садовой «школе», как начиналась мелодия. Откуда она бралась — Бог знает — из каких-то пустяков. Подойдет к нему восьмилетний мальчуган, и вот этот огромный великан, старый и почтенный, оставляет работу, усаживается куда-нибудь под куст, важно пригласит сесть рядом с собой и потихоньку шепнет:

— Давай покурим!

— Давай, — согласится мальчуган.

И вот появляется знаменитый портсигар из карельской березы, книжечка курительной бумаги и длиннейший мундштук. Скручиваются папиросы. Закуривают. Сидят под кустом, — он, огромный Фет, и крошечный мальчик. Разговор короткий:

— Затянулся?

— Затянулся. — Силюсь...

— А в нос умеешь?

— Нет.

— Вот, смотри. А кольцами?

И вот запрокидывается большая серьезная голова назад, из прекрасных рыжеватых усов вылетает синее кольцо, другое, третье...

Я много бы мог рассказать про старика, такого чудесного, волшебного. Далекая волшебная поющая кружка!

Ему теперь больше восьмидесяти лет. Он сидит неподвижный. Ничего не говорит. Но непременно улыбается, когда заиграет поющая кружка. Гости сидят за столом как придется, рассказывают, что хотят, никто не чувствует себя стесненным за именинным столом. Никто!

Это открытый засеянный склон: наверху он, старик с кружкой, внизу младенец, едва улыбающийся, очень похожий на мать. В окно — другой склон: прямо от террасы вниз сходит аллея из пирамидальных тополей. Удивительно, как золотые и как серебряные, горят на них молодые смолистые листья. Кто-то из гостей залюбовался, задумался и спрашивает:

— Это еще Федор Петрович посадил?

— Федор Петрович. Эти тополя мы привезли черенками вот такими маленькими из сада вашей матушки.

— А яблони тоже Федор Петрович?

— Всё Федор Петрович. Вот только те дубки до него посажены.

Удивительно блестят тополя. Как они блестят! В ожидании второго блюда все смотрят на тополя. Последние холода задержали, а то в это время должны бы цвести уже яблони. К именинам Федора Петровича всегда цветет сад, и тут вот...

Подали второе блюдо. Ребенок закричал из другой комнаты. Молодая мать, приехавшая вчера из Петербурга с детьми, уходит на минуту и возвращается. Другая молодая женщина против нее участливо спрашивает:

— Что?

— Ничего, успокоился, — отвечает первая. — Дорогой расквасился, а то он у меня молодец.

Обе молодые матери провели в этом саду детство, потом время от времени встречались матерями... Что-то прошло между ними, не совсем понятное им теперь. Они теперь будто знакомятся и спрашивают разные мелочи об уходе за детьми: как то, как другое? Когда гуляют, когда едят?

— В Петербурге ужасно мало света, одна надежда на лето, — говорит первая женщина.

— А как ты поступаешь, когда дети не слушаются? — спрашивает другая.

— Это сложный вопрос, — отвечает первая, и какая-то капризная, но упрямая воля глядит из ее умных, холодных глаз, и легкое презрение к провинциалке в уголках губ. — Сложный вопрос, у меня своя система...

— А я без всякой системы, — возражает другая, — возьму и отшлепаю. И так славно получается, лучше всякой системы...

— Ну конечно, — соглашается дама с лицом Петра Великого, — конечно... Это Бог знает что, разве можно потакать детям. Мать имеет полное право наказывать своих детей. Как же иначе, какая тут может быть система. Возьмите в пример англичан.

— Англичане, — подхватывает госпожа Х., опытная мать взрослых дочерей, — те даже гувернантке разрешают бить детей. А уж не с англичан ли брать нам пример воспитания!

Мадам Ж. тоже поддерживает наказание шлепками. Рассказывают про Германию. Все, решительно все возмущаются новой, привезенной из Петербурга системой воспитания без шлепков. Все, решительно все принимают участие в споре, только за «детским» столиком в углу неудержимо хохочут с барышнями два гусара, не слушая умного спора, да маленькие дети шушукаются и шалят, пользуясь случаем. Да старик с поющей кружкой...

— Скажите, пожалуйста, — горячится «Петр Великий», — что вы имеете в виду, балуя детей, какую окончательную цель имеете вы?

— Детство! — отвечает упрямая молодая мать.

— Детство? Я думаю, не детство мы должны иметь в виду, а старость, нужно, чтобы ваши дети дожили до глубокой старости, оставаясь мудрыми...

— Этого никогда не бывает, — перебивает мадам Х., — старики всегда ворчуны, всегда... — Она остановилась и смутилась, заметив, что старик с поющей кружкой внимательно ее слушает. — Я думаю, — поправилась она, — не детство и не старость должны мы иметь окончательной целью воспитания, а средний возраст...

Спорят... Дети шумят сильней и сильней. Гусары потчуют барышень наливкой. Блестят тополя. Как блестят тополя! Те дубки, еще не развернувшиеся, с желтыми осенними листьями, имеют для меня какое-то особое милое значение. Что бы это значило? Откуда этот теплый ток от сердца при одном взгляде на черные уродливые стволы, на желтые прошлогодние безобразные листья, на кривые сучья?

И вот вспоминаю. Ранней весной прилетает в наши места множество дроздов, садятся на эти дубки и поют. Мне очень хотелось убить дрозда. Страшно хотелось. Прихожу к Федору Петровичу и говорю:

— Вот бы убить!

— Так что же, убей! — говорит он. Снимает со стены ружье. — Держи! Тяжело? Прислони к двери, а тогда к дереву прислонишь. И наводи. Видишь мушку?

— Вижу.

— И наводи ее на дрозда, а как наведешь — бухни.

Снимаю и весь дрожу: я, восьмилетний мальчик, неужели могу бухнуть из настоящего ружья?

А Федор Петрович засыпает в дуло пороху, дроби, надевает пистон:

— Ступай, бухни!

Страшно и сладко щемит сердце. Иду по тополевой аллее к пруду, прикладываю ружье к стволу дуба и — бух! Господи! И поднялась кутерьма! Выбежали из дому:

— Как смел взять ружье, как ты его достал, кто тебя научил...

Молчу.

— Кто тебе снял?

Молчу.

— Кто тебя научил? Говори, сейчас же говори, а то...

— Молчи, пожалуйста. Молчи, — шепчет мне на ухо громадный Федор Петрович.

И я промолчал...

Вот что говорят эти черные дубки на пруду. И такой теплой струйкой что-то переливается из сердца к голове!

А дамы спорят о системе воспитания английской и этой новой, в которой все наоборот.

После сладкого все благодарят именинника. Поднимают кружку, она играет. Старик улыбается. Потом седая в черном становится за спиной старика. Что-то шепнула ему. Он закрывает глаза... Головой к спинке.

— Тс! Федор Петрович уснул! Не шумите, ступайте гулять, погода чудесная.

Все осторожно выходят. Тихо прибирают со стола тарелки. Тихо закрывают двери. Старик спит. Против него высокая кружка. Если ее тронуть — она заиграет.

17 Мая. Ландыш цветет. После дождя пояснело, радуга показалась. В лесу гадает кукушка о счастье: кому достанутся ландыши этой весной. Оттого и тяжело, и жаль, и грустно бывает после младенческой весны вступать в цветущую, что вместе с цветами кто-то другой приходит, и не мне, а ему, ему, другому достанутся ландыши этой весны.

18 Мая. Духов день. Вот жизнь! Всю тоску о безграничном будущем вложить в день. Довлеет дневи злоба его.

Как прошла Троица?..

Прохладное ясное утро, мама дожидается обедни.

— Еще не благовестили?

— Должно быть, не благовестили. Глеб не слыхал.

— Акулина говорит, что не благовестили.

— Врет она. — Садится в кресло и читает газету. — Ничего не знают, никто не слыхал, нынче страшная обедня. Глеб! да что это, звонят к обедне?

— К обедне.

— Не к Достойной ли?

— Зачем... К обедне.

Садится и продолжает читать газету:

— Какой же это звон! К обедне... а там часы, обедня, молебен страшный, с коленопреклонением...

В саду рвут с груш цветы. Хотелось бы ей раскричаться, но крик будет слышен в церкви, поэтому она говорит «обыкновенным» голосом:

— Зачем вы рвете цветы?..

Лежат три молодых парня на траве и два пожилых мужика. Она подходит — они не кланяются. Опять маркиза говорит «обыкновенным» голосом:

— Почему это вы забрались в чужой сад?

— У нас своего сада нет, — отвечают мужики и молча уходят. Парни продолжают лежать и болтать ногами.

Этот случай обсуждался потом с В. Я. Нелепость положения этих парней, забравшихся в чужой сад хозяевами, откуда их могут выгнать самым оскорбительным образом, очевидна. Нелепость эта происходит из нелепости русской жизни. Если и допустить положение, что земля Божья, то из него никак не вытекает как следствие: забраться в чужой сад. Русская жизнь вообще такая: признание какого-либо теоретического положения ведет за собой немедленное практическое действие.

А разве мы, студенты, не так поступали? И разве мы тоже не чувствовали себя в высшей степени благородными людьми? Эти парни, болтающие ногами, чем отличаются от нас...

Вообще, это чувство собственности гораздо тоньше, чем кажется. Сад с этой прямой липовой аллеей от террасы, один из немногих памятников дворянской жизни — если бы его стали рубить мужики? Что я бы сказал?

Новая потрава... Траву всю вытоптали, доносят друг на друга...

Холодный вечер с недовольными невестами.

Вечер тихий, ясный, но прохладный. Поют соловьи. Цветет все... Терновник залез чуть не на середину поля и, незаметный раньше, теперь цветет... Но цветы не пахнут... будто замерзшие. Это не зима. Кругом цветы, и не очень холодно, но цветы не живут... Даже белые куколки черемухи не пахнут, сидят на сучках, как недовольные невесты... Луна освещает цветущий вишняк и зеленую высокую гору за аллеей.

В Лопухином саду гармония: ува-ува-ува.

Окончание инцидента с Лидей — мама счастливая: были посланы ключи от чая, и она ключи приняла. Но ничего еще не ест. «От своих капризов голодает, а как же там, в тюрьме!»

Родительская: идут после обедни с кладбища. Можно видеть, кто любит родителей.

22 Мая. Прежде всего, человек должен жить лично, а потом, если в том явится необходимость, справляться, совпадает ли его личная жизнь с Богом указанной <*зачеркнуто:* с жизнью других>.

А у нас все было наоборот. Мы все, интеллигенция, не имея личной жизни, не будучи личностями, беспокоились о нравственной стороне нашей несуществующей личности. Выходило, что мы не жили, а мечтали, а нас за это... мечтой.

Смотреть на себя извне — все так мелко, что не стоит ковыряться, стыдно. Смотреть внутрь — все велико и огромно. В первом случае я сравниваю себя с великими людьми, как они были мне преподаны, во втором «я» — мир, и этот мир — как «я».

Извне «я» ничтожен, «я» бессмыслица. Есть ли это действительно моя бессмыслица, или бессмыслен мир извне? Изнутри «я» — весь смысл, есть ли это смысл всеобщий, или...

Меня разрывали на мелкие части в разные стороны. Я прилагаю все усилия, чтобы собрать себя навсегда в одну точку, но не могу. Так и остаюсь с вопросом: для чего же я нужен? Я должен был разрываться вопросом: жить для себя или для других? — и, думая об этом, я не жил ни для себя, ни для других; а со стороны кажется, что я жил для себя, и жил весело.

Кулачный бой.

Духов день. Чудесное утро. Полодни бегут. Отчего полодни? Это лес впереди у большой дороги или стадо? Стадо. Рожь и рожь зеленая... Было, что рожь из поля прет, а теперь в эти холода завострилась. Видны пять церквей города. Видна Пальненская церковь. Не прозевать сверток с большака. Спешить некуда, покурим. Тпрр... тпр... Ей говоришь «тпр», а она все толкает, бестолошная! Брось вожжу — и пошла незнамо куды... Бестолошная!

Что-то там чернеется возле церкви? Ложок? Народ? Скотина?.. Останавливаем верхового, спрашиваем:

— Говорят, у вас кулачный бой сегодня, правда?

— Бьются, жестоко бьются. Вот там пивнушка на лугу сделана (балкончик), там и бьются. Порядочное собрание будет.

Ну, вот... стало быть, правда же. Недаром говорят: язык до кабака доведет. Спускаемся с горы в большое село на берегу реки Пальны. Оно дальше переходит в село Аграмач. Спрашиваем:

— Где живет кровельщик Яков Федоров?

— У самого Аграмача на пригорке.

— Этот?

— Этот.

Домик на пригорке. Цветущие вишни. Внизу лозиновая роща с грачами. Хорошо живет кровельщик! У него есть стулья, есть настоящий мягкий диван. В чистоте живет! Ему и можно жить в чистоте: ни у него детей, ни телят, ни птицы, одна только жена. Такой человек Яков, никого не обидит. Маленький белесый мужичок, и уважительный, вот какой уважительный!

<*Приписка:* испугался меня сначала, конфузился: барина принимает! А под конец напился и выругал>.

Жена его похожа на него: всегда-то одна, всегда одна, дом стережет, кружева плетет. Белые лепестки вишни влетают в окно... Видно, как пчелы ползают и гудят. Трава высокая в саду до самого столика, лавочки почти скрывает.

— Хорошо в саду чаю напиться!

— В саду, так в саду... — Разговор идет за чаем сначала о самих хозяевах. Этот дом чуть не съел кровельщика: 700 р. стоил дом...

— Хорошо так жить, когда ребят нету.

— Что ж тут хорошего, без детей? Кто будет кормить под старость?

— Наживешь до старости.

— Да и так как-то... Живешь, будто ни к чему.

— А этот мальчик?

— Это племянник, мой ученик, 60 р. в месяц получает!

И много уже выучил таких мастеров Яков Федорыч. Дела только теперь стали хуже, некого крыть: помещики не строятся, мужики не платят.

— Но другой мужик лучше барина живет. Только редко. Вот наш балаганщик... Умный мужик, развитый... Всю деревню в руках держит. Очень хороший мужик, все понимает, а отчего? Оттого, что там, в городе, у него знакомства всякие, и жандармы, и полиция. Сколько он в тюрьму пересажал!

— Что же здесь хорошего! — Яков понимает, что мы не сочувствуем мужику, и становится искренним, принимается его ругать.

— А как вчера дрались?

— Хорошо. Но только сегодня лучше будет, сегодня будет ужасный бой. Такое кроволитие будет.

— А ничего, что мы...

— Ничего, даже за интерес сочтут... Такой будет бой, что страшно глядеть, потому все дома, день тихий и ясный. Хорошо! Вон, слышь, мальчишки гамят. Прямо после обедни и будут затравлять, сперва маленькие, потом побольше, а под конец и старики вылезут. Бой будет ужасный. Вот мало морды метить, к вечеру и побегут в реку морды мыть. Тут крови будет! Весь берег будет кровью омыт...

— А насмерть убивают?

— Вона! Но только на редкость, чтоб сразу, а так постепенно начинает после боя сохнуть и помирает.

— Не грех это?

— Грех! Какой же это грех. Это же дело любовное, не от сердца дерутся, спасибо даже говорят, что ловко ударил. Было и так, что раз насмерть убили, а он благодарит перед смертью: за смерть мою спасибо тебе.

— Отчего же это дерутся?

— У нас это вечно, от сотворения Руси. Пальна дерется с Аграмачем. Пальне помогает Касимовка и Ламские бойцы, потому что земли их к ним прилегают. Тут греха никакого нет. Ведь он же не камнем бьет, ежели бы камнем, а

то кулаком. Тут честность! Хороший боец даже в морду не бьет, а норовит в душу.

— А бывает, что ребра лишаются?

— Вона! Отчего же желваки-то на ребрах. У хорошего бойца кулак, что копыто, так и хрустнет!..

Мальчишки сильнее кричат. Мы едем вниз в лозиновую рощу и через нее к реке, и потом направо к мельнице и через мост на ту сторону к лощине. В этой лощине сходятся оба склона луга. Здесь бывает главный бой. Пальна должна прогнать из лощины через луг к Аграмачу, а Аграмач Пальну к мельнице. Лощина внизу кончается рекой, вверху поле ржи. На той стороне длинным рядом глядят сюда домики — невинные свидетели будущего боя. Склоны покрыты белыми и синими рубашками. Это мальчишки — учатся затравлять. Происходит сражение один на один и стена на стену... Но большие только примериваются... Внизу у карусели на траве уже сидят разряженные девицы, дожидаясь кавалеров.

Рано! Чего тут гореть на солнце. Идем в холодок. Тут карусель. Тут бойцы, вышибая пробки из бутылок, мешают водку с пивом и напиваются. Парень, и глаза у него славные, будто большая волнушка. Разговор идет о церковном старосте. Первый боец был, а теперь неловко драться: староста. После будет. Зуб разгорится, и будет. Ведь тут, как глядишь, разгораешься, кровь за кровь зайдет — и, глядишь, поднялся человек и бьет. 80-летние старики подымаются... Это наперекор! Это дело по любви. Вышло — вышло, а не вышло — так дышло... Но только многие после боя в упадок приходят. Хорош моревский боец, сила в нем огромная: сорокаведерную бочку подымает, с тремя кулями пляшет. Силы в нем много, а развязки нет. Андрюшка его ударил: ухи кровью налились, и из горла ведро крови вышло. Кого-то убили и час купали в реке, потому бока были теплые...

Шумят на лугу. Выходим. Больше разодетых девиц. Порядочные парни вступают в бой один на один. Протягивают левые руки, а правой стараются цапнуть. Подъезжают бойцы Ламские на лошадках, убранных березками. Настоящие смоляные бойцы. Их встречают с уважением.

Играют в гармонии, гуляют с девками. Но время придет, и боец гармонию и девку бросит. Боя настоящего нет, а это только затравщики травят.

Мы уходим обедать... По всему видно, будет ужасный бой.

Яков Федоров опять про балаганщика.

— Недолго ему быть, зарежут. Их всех скоро порежут, а прежде порежут господ.

— Всех?

— Всех порежут.

— Но все-таки с разбором же, — говорит жена, — кого и оставят... Это дело Божье, кто больше грешил, тому больше и будет, а кто меньше, так и меньше. Без разбору нельзя.

— Какое же это Божье дело?

— Божье... сказано в Писании — в геенну огненную.

— Божье дело, Божье, — подхватывает Яков. Шепчет: — Многие даже за границу уходят, во Францию и в Англию.

— Что же они там?

— Бог весть... Уехал и пропал... Разве можно из-за границы писать? Господа и могут, а нам разве можно? Уехал и пропал. Крышка! Совсем, совсем теперь другой народ стал... Чегой-то ищет. Ищет и ищет... И вот какие задумчивые стали! Вот какие задумчивые. Бывало, выпьет и развеселится, а теперь нет, все чегой-то ищет. Какой-то неуловимый стал народ, текучий, все перемешалось. Кажется, кончится это страшно (сюда: господ вперед порежут).

Доносятся страшные крики... Бой начался, скорее туда!

Было первое легкое сражение. Аграмач прогнал Пальну к лощине. Оба враждебные лагеря сидят на склонах в молчании, отдыхают. Мальчишки-«затравщики» напрасно стараются вызвать в бой...

Сходятся со всех сторон расфранченные девушки. Женщин мало... Некоторые пришли с ребенком на руках. Одна несла ребенка и картуз мужа в руке, нашла его... Другая жалеет рубашку с мужа — новую рубашку разорвали:

вон, голый сидит, глаза подсинили. Над ней смеются — не мужа жалко бабе, а рубашку...

Шумит мельница. Солнце склоняется. Тени удлиняются. Один склон стал темным. Другой сильнее сияет... Сияют домики на другой стороне... Я думаю... Вот бы нарисовать картину этих лагерей. Качаются внизу качели. [Стоит несколько] женщин. Но это не «улица». Это не война... Это особое затишье перед кулачным боем... Не разойдутся так?

— Нет, не может быть. Будет страшное кроволитие. Это что было!

— А урядника нету?

— Нет тут урядника. Разве можно такой народ остановить.

— Десять казаков остановят.

— Остановят, — соглашаются для приличия. И вдруг сразу голосов десять:

— Нет, и двадцать не остановят! И тридцать не остановят... — И развивают: как можно стащить казака. — Суд остановит... Да... А не казаки.

Возле меня молодой симпатичный парень с балалайкой. Другой тоже блондин, с невинными голубыми глазами. У них такие кроткие лица. Хорош Парис: на руке его пальто, а на плече другое, покороче. Шляпа, ходит пружинясь... зубы сверкают из-под черной бородки... улизывает с «монашками»... Какие монахи размонашиваются, так вот и он... Какой же он монах? Кто он? Не монах, а так зовем: «монах»... а эти монашки настоящие были... он не женится, живет так, улизывает за девками, нонче неохота пахать, так вот на великую хитрость пускаются... Лысый боец: ему всю макушку обили, и стал лысым... Длинный боец в белом — и дерется... Толстый немец, изысканно одетый, с товарищем... Тоже мужик был... а потом в пивную лавку, и стал помещиком и немцем... Но во время боя не удерживается и превращается в мужика. С ним жена, которая останавливает... Красавец Андрюша, великан, русобородый, стройный, ходит красиво, затравщик: в белой фуражке, вечно на виду... Настоящие бойцы прячутся в народе. Вступят, когда поднимется страшный бой. Я

подхожу к одному знаменитому. Ему 60 лет, но глаза, как у юноши.. «Я был первым, теперь...» — а сам так и рвется... зорко вглядывается в положение боя... Тут тонкий расчет... Рядом старик с веткой... очень старый Приам, был седой и теперь желтеть начал... Он первый затравщик. Без него бой не может быть... Он измерял поле сражения: теперь только бы какой случай, один кто-нибудь сурьезно начал, и все подымется...

Боец тоскует, что долго не начинают...

— В наше время так не боялись. Теперь народ мельче стал, больше криком и стеной берет... Чуть что — и врассыпную. Отчего? Да свиней продавать стали... Раньше все сами ели, а теперь продают. Теперь народ чаевный пошел... Мертвый народ...

Его поддерживает захудалый земледелец: — Может, и не начнет, год тощий, народ подтощал... — затянул волынку.

Старый боец недоволен, спорит с ним: — Вот тебе покажут...

Выходят два бойца, один пьяный, в красной рубашке, другой в желтой... Затравщики... Дерется молочник... Один ударил здорово... Вдруг перед ним вырастает с Аграмача вдвое больше и — раз... И с Пальны вдвое больше этого и — раз! и вот затравщики... Красный притворяется, когда ему дали в душу, высовывает язык, закатывает глаза, а другой — он падает... красный — раз! того, тот упал... он лежачего... Лежачего! Первый с веткой Приам... Лежачего... За ним Андрюша и вся гора, и с той вся гора.. Господи... Взрыв крика... Перекаты... Крики на волне... Рукопашная... Громадная стая птиц кричащих. Блестят волоса и руки... Аграмач бежит, уж бегут вперед, девушки и женщины в стороны в рожь, по ржи дальше... Рожь покрывается народом, впереди шесть парней с монашками... Пальна гонит Аграмач к стене...

Я стою высоко на дровах. Вокруг меня бойцы... У немца лицо все в крови: курице клюнуть негде... совсем измотался... Андрюша весь в пыли... Рассеченная бровь у старика. Мирно беседуют... Дело любовное... Парис возле балоч-

ки с монашками... В ожидании нового боя... Выпивают... Умываются в реке...

Приходит чужестранный боец... в высоком английском крахмальном воротничке и в жилете... Затравщики опять начинают... И вот бросаются на чужестранного... На чужестранного всегда бросаются... Через мгновение он без воротника... Высоко его котелок... Бьют, падают, кричат... рвут рубашки. Скатываются в обрыв к реке... пыль столбом...

По камушкам уходят через реку... Мирно кричат в лозиновой роще грачи... Мужик спит под лозиной... Пьяненький Яков заглядывает: нет, не наш...

Разговор с кровельщиком о кулеше. Какая упрощенность! Сколько хлопот из-за пищи у нас... Почему Мих. Ник. упростил себя?.. Боец... Греха нет убить. Это дело любовное. И сердца нет. Любец (охотник, боец)... даст ему еще, у него сопля во какая выскочит... увезли... а там не знаю как. Какой грех убить? Ежели бы камнем, а то кулаками, это дело любовное.

Бока [намнут], зубы выбьют. Вона!

Если бы следовать одному добру без греха... кто эти пресные люди молочного цвета? — Чужеумы... без греха — значит, без сознания... люди грешны... перед тем, кто знает грех... сознается... убийство на кулачном бою безгрешно, убийство в родовой мести безгрешно, это природа... и есть зло, но нет греха...

«Смотрители». На пригорке в вишневом саду стоит супруга Якова, и возле нее два поросенка... Едем... Тревожно следят за боем оставшиеся люди: чья возьмет... Для угощения бойцов (Ламских), заступавшихся за Пальну, продан луг за 15 р., всю ночь будут угощать бойцов... и катать на лошади, разубранной березками. Одного, который насмерть положил, три дня катали (к беседе с бойцами).

Конец Весне.

26 Мая. Петербург. У Игнатовых. Я рассказываю Тане о мареве, а она: везде же марево...

Сумасшедшие весны. 1. Сумасшедшая весна в Хрущеве. 2. Клинская весна. 3. Петр.-Разумовская. 4. Лужская. 5. Петербургская. 6. Архангельская. 7. Хрущевская — Бал.

Сырые леса, хвойные, с почками... На севере стволы деревьев чернее, но зелень ярче, и воздух не тот, и свет... светлее... Высокие дома, гуляем, и тень от них... Ощущение между высокими домами... В воскресенье гулял я на острове... Липы только распускаются... Я слышу и чувствую страшно сложную жизнь... Солдат с барышней в шляпе отдает честь офицеру в автомобиле... В автомобиле букет дам... Убитая собачка у воды... Бока теплые... Старушка укрывает травой... Скворцы... Пения птиц не слышно... Природа перегружена людьми. Лодки и парусные шхуны... В ресторане цинические разговоры, и о закате: любуетесь закатом. Все было бы хорошо, но слишком много людей.

При выезде в Петербург: спасибо Петру... Новая Левушкина речь: много говорит на своем языке... Между своими.

Не забыть последний день в Хрущеве: пришел в лес и вдруг заметил, что все цветы цветут. Запах ландыша... Не отгадать... Чуть-чуть, и отгадаешь... Все цветы — о чем-то... А вот розы...

У Саши: молчание и хождение. Отчего все это? Не может подчинить? В больнице: селение Сорочий куст... Семья 15 человек — все чешутся.

У Саши: приходит женщина, просит лекарства. «Хрусталь»: хрусталь солонит, а стекло кислит. Стихотворение Штейна: «Политика мне ужасно надоела, пусть черно то, что бело, мне нет дела, держусь я для формы одной платформы, и с утра танцую я матчиш».

Маня рассказывает. Моль летит. Она ее ловит рукой и продолжает. Я вам доложу... жу, жу, жу. Ах! Сказал Сирах. Вот так кондистория (история).

В вагоне: — Вы сутолитесь, а без толку. Вот попросят удалиться. — Что за птица такая? Не ваше дело. — Садитесь, не торопитесь, не ваше дело рассуждать! — Я говорить с вами не хочу. — И я не хочу. — Заглушили: ничего не слышу. — Которые ненужные вещи — наверх! — По

вашему рассудку и очень просто. — Николаевка, как она была грабиловка, так и есть. Коклюш. Чайничек. Я боюсь. Чего? А как пересадка будет.

28 Мая. Прогулка на Стрелку. Такса... переливается... красиво?.. да... трамваи... котелки... городское... сад с лягушкой... с черепахой... городское: такса.

Господин остановился, соловья услыхал, в кустах над рекой, моторная лодка и экипажи заглушили... может, это была свистулька?

А насколько моторная лодка элегантнее парусной! Мчится по заливу, приподняв нос... красиво... Похоже на подстриженную бобриком голову.

Прогулка в город.

— Ты куда, желтоглазый? — кричит городовой извозчику.

— В трактир!

Поет граммофон... Звенит трамвай... Певец упражняется в пении... Искры улетают... Шляпы с птицами... Запах керосина... Новые книжки... и вот за стуком и треском какая-то чудесная песня... Да нет же песни, это воспоминание о звуке граммофона, не упражнение певца... но нет — будто песня...

Весна в городе начинается: продает старик дрожащей рукой ландыши на снегу, начинается тюльпанами, а не подснежниками. У моря... смешно созерцают закат... первое время смешно, потом ничего... одна к одной застывают... все смотрят на них — прямо с журнала... Красавица в шляпе... страусовые перья как снег... вся дама похожа в этой шляпе на цветок... Какая чудесная шляпа, где ее можно достать... Та пугается... Мода: психология моды: как только я нахожу наконец шляпку по собственному вкусу, сейчас же я чувствую, как это где-то есть уже...

Господин целует руку даме в пролетке... Он похож на пепел почти докуренной сигары, вот-вот свалится... Та дама грустна и бледна... ее спрашивает другая: отчего вы

грустны?.. так... грустно... о чем думать?.. вечер останавливается, блестят костры на воде (краски новых лодок от солнца). Спортсмены-мученики... белая даль и молчание... все смотрели на коляски (платное место)... и лошади, и кучера... Звуки трамвая... рожок... выстрелы... группа с модной картинки... Господин с такими длинными усами, что борзая собака испугалась...Моторная лодка... Студент любуется... барышня спрашивает: Будет ли у вас лодка? — Нет, — сказал «нет» и спохватился, — а может быть, будет...

Вечер остановился. Дама в коляске на двух лошадях. Жизнь с объятьями уходит в темную ночь, и белой ночью остается то, [что] мучит и плачет о темной ночи — это поэзия... Какие-то счастливые люди любят темной звездной ночью, а здесь творят... Любовь — какая же настоящая? Та, которая блестит и обнимает весь мир? Или та, которая никому не видна в глубине темных ночей?

Воспоминание: я иду с Лидей по большой дороге и говорю: мне хотелось бы, чтобы каждая минута жизнь превращала в смысл ее, поймать ее... Лидя сказала: это невозможно.

Идея вечности рождается из любви к жизни, когда вся любовь сосредоточивается на мгновении настоящего, то это мгновение — подлинность, после становится как вечность. Вечность есть сила жизни и тут бесконечная радость.

Она мне сказала тогда: я люблю не ее. А между тем я не оставляю ее до сих пор. Не помню ее земного лица, но что-то люблю. Да кто же она?

Замечательно то, что все образованные, развитые женщины теперь мне почему-то неприятны... Чем выше духовный мир женщины, тем сильнее это отталкивание во мне. Лучше Фроси я никого не знаю, но на нее так похожи и Саня, и Таня — все эти безликие смиренницы, великие в своей простоте. И все они представляются мне чем-то одним, чистым, телесным животным... Не зверским, а животным.

Той, которую я когда-то любил, я предъявил какие-то требования, которых она не могла выполнить. Мне не хоте-

лось, я не мог унизить ее животным чувством. Я хотел найти в ней то высшее себя, в чем бы я мог возвратиться к себе первоначальному. В этом и было мое безумие. Ей хотелось обыкновенного мужа. Она мне представилась двойною. Она сама мне говорила об этом: поймите, что в действительности я одна, а та, другая, есть случайность. Это то лучшее, что останется с вами всегда, что вы от меня отняли.

И вот это лучшее действительно со мной. Это то, что помогает мне писать, что вдохновляет меня. Это — если бы у меня оказался талант — было бы моей «музой». Но она и бич мой. Отдаваясь ему все более и более, я теряю вкус к тому, что казалось тайной во Фросе... Одно я питаю за счет другого... Вот так и произошло разделение. И чем это все кончится?

Как страшно то, что мир остается нераскрытой тайной. Что все кончится так, в каком-то тесном кругу...

Это был острый удар в грудь... Я сказал себе: да, это мое. Она мне ответила на один миг и, когда одумалась, отказала... Я уехал от нее... Я уехал... Сердце мое было раскаленный чугунный шар. Но на первых порах думал так просто: я займусь хозяйством, я люблю дело в деревне... Я думал, мое дело станет на место того, что сейчас сидит во мне. И когда это будет, то я совершу очень большое, мое личное перейдет в общее. А ведь в этом и смысл всякой жизни, чтобы личное перешло в общее...

Так я приехал в деревню... Люди все те же, все те же хижины, но как страшно переменился весь свет... Я вижу теперь все, что есть в них внутри... Мало того, я вижу даже вещи... Каждый камень говорит мне свою душу... Столбик... Мне стоит только спросить себя о предмете, и он сейчас же отвечает...

... волна поднимается подо мной... это судьба...
Это пытка... я вечно лечу.
(нельзя читать, нельзя изучать философию,
потому что еще кто-то изучает...)

———

«Где остановилась философия вследствие ограниченности человеческих сил, там начинается проповедь». (Шестов).

Часто я возвращаюсь в своих мыслях к тому странному и такому простому по виду человеку и к этому загадочному красному солнцу, объяснить которое он напрасно меня просил. Какой я теперь спокойный сравнительно с тем странным юношей, какого я должен был представлять в жизни. Именно должен был. В этом-то вся суть и страх. Я, маленький, был зажат между непонятным прошлым и неизвестным будущим и спрашивал вокруг себя всех людей: но как же у вас-то, как вы, настоящие люди, живете? Скажите мне, как то, как другое... Как это должно быть... Как можно что-нибудь назначить себе, когда не знаешь вперед, чем это кончится... Учителя!! Со мной все говорили по душе. Мне встречалось множество добрых, прекрасных людей, но у них у всех были такие же безысходные положения, настоящего ответа никто из них дать не мог. Все, что казалось мне у них настоящим, их преимуществом, их достоинством, было только внешнее.

Раз в таком состоянии я ехал тайно в Москву по железной дороге. Против меня на лавочке сел простолюдин в мягкой цветной рубашке «фантазия», помню его черные усы и лицо узкое, бледное, кажется, с рябинками, простое обывательское лицо приказчика или мещанина. Я не обратил бы на него никакого внимания, если бы он не заговорил со мной. Стал рассказывать про мать свою, про сестру... И так неприятен был его разговор для меня... это обывательское любопытство. Я отвечал ему все время пренебрежительно, едва снисходя до ответов. Но после первых расспросов он стал мне говорить, что много слышал обо мне как ученом человеке... это мне польстило: я ему сказал с гордостью, что окончил университет за границей и собираюсь окончить здесь. И в этом, вероятно, [была] такая гордость и такое презрение к нему, жалкому приказчику-краснорядцу.

В это время садилось солнце, красное, как огонь... Приказчик долго молча смотрел на красное солнце и вдруг спросил меня:

— Скажите мне, почему сегодня солнце красное?

Я стал ему что-то говорить о преломлении лучей в сырой атмосфере, но запутался и не мог объяснить...

— Вот как! — сказал он и странно поглядел на меня. — Ведь вы же университет окончили, ведь вы же все должны знать.

— Нет, все я не должен знать, — сказал было я, изумляясь странному его виду, странному проникновенному и едва заметно насмешливому взгляду. — Можно справиться в книгах...

— Нет, вы ученый, вы должны все знать и объяснить мне просто, без книг. — И еще насмешливее поглядел на меня...

И вдруг что-то проникло от него в меня... И мне стало стыдно... И я захотел своим тонким изящным общением загладить мое пренебрежительное отношение к нему и свое невежество в физике... Я стал с ним говорить как с равным... Но каждый раз, как только он ставил вопрос, я отвечал ему так же туманно и сбивчиво, как о солнце... Перескакивая от одного вопроса к другому, давая легкие, неглубокие объяснения, я будто спасался от кого-то. И его лицо, освещенное красным солнцем, стало каким-то демоническим ликом. Казалось, будто его простая речь была прямо связана со всей мировой мудростью и что в ней-то я, ученый, ничего не понимал.

— Да как же так, как же так, — мучил он меня, возвращаясь к тому же красному солнцу. — Если вы этого не знаете, значит, вы... А ведь я-то думал раньше: вот они, ученые, они все знают, им открыты все тайны... Да это...

Он вдруг как-то потух и стал равнодушным...

— Ученые ничего не знают... Я бросил это... Не в этом дело... Я не для себя вас спрашивал, я это так...

Он опять стал расспрашивать меня о мамаше, о сестре, о Ксении Николаевне. Теперь я отвечал ему обстоятельно, как наказанный ученик, и, словно загипнотизированный

им, рассказал ему о себе все, о том, что я в тюрьме сидел за рабочее дело... Солнце красное село... Стало темно. А я все говорил ему про себя... Он слушал, а когда я кончил, сказал:

— Но и в этом я не нахожу в вас ничего особенного, вы это для себя делали...

— Как для себя...

— Так, для себя... Это ваша гордость, а не их, о себе думали, а не о людях...

Я замолчал... Опять та проникновенная гипнотизирующая мудрость заковала меня... «Да, — думал я, — и то не настоящее, и то не мое, и тут я опять-таки перед этим приказчиком пустой верхогляд...» Он сказал мне тихо и искренно:

— Я все это уже пережил... Что из того, что я не сидел в тюрьме. Но про себя я пережил...

— Что же вы теперь?

— Ничего... Служу в магазине... И хожу в полицию... там пишу...

«Шпион!» — мелькнуло у меня в голове. И страх сковал меня. Я все ему рассказал о себе. Я был в руках этого человека... И началась унизительная ночь... для меня.

Но он не был шпионом... И то, что я подумал о нем после его искренних признаний как о шпионе, было последним ударом того краснорядца в меня, ученого человека, революционера...

Красное солнце, часто думаю я теперь... Отчего оно бывает красное, как кровь... Я не могу объяснить этого... А ведь настоящее-то знание должно все объяснить сразу, без справок, и во все стороны, и всё, всё, решительно всё... Но какая же это наука? Я не знаю ее... Положим, я объясню красное солнце... а вдруг новый вопрос: почему была луна совсем зеленая, когда в тот раз мы с сестрой катались на коньках на пруду... Опять справка?

Да нет же! Я хочу, я требую жизни без справок...

29 Мая. Это было у меня с тех пор, как я себя помню: постоянная смена жизнерадостности с опустошением, таким, что дно показывается и ничего не остается, на чем размышление могло бы установить возможность

завтрашнего дня. А завтра безграничная перспектива со всякими возможностями. В прошлом возникает какой-то путь, пройденный по законам, и в будущем ничего, и невозможно ничего выдумать, потому что все разбивается настроением: день цепляется за день, и складывается семилетие, но потом является десятилетие, и уничтожается семилетие.

Может быть, я могу наживать будущее, жить и наживать (какое прекрасное выражение), но это опять только кажется, потому что есть дни и есть годы, и семилетие, и десятилетие, иногда день отвергается днем, а иногда десятилетие отвергается новым десятилетием, а много ли их всех?

В пустоте, учитывая, однако, терпение, страх ее притупляется, в радости учишься умеренности, и так получается мораль благоразумного человека.

Клад, где клад, неиссякаемый источник тихого...

17 Июня. Фрося говорит, что она всех понимает, но во мне не понимает что-то последнее... И я сам этого не понимаю... Это последнее похоже на северный полюс, куда нельзя добраться... Там, может быть, ничего нет, пустая точка... И мне хочется стать ногой на эту точку... и вместо этого берусь за что-нибудь около, а самого-то нет... и когда я берусь, то через минуту уже знаю — это не настоящее... Достигнуть полюса нельзя... И если достигнешь, то все равно замерзнешь... Но как же другие-то люди? Везде укреплены, позиции. Долго питает любовь!..

Дневник, который я вел в то время, сожжен. В описании своей жизни, которую я изобразил в разных повестях и рассказах, я пропускал все, что было в дневнике, обегал это... Теперь я хочу восстановить его... Но увы! Прошло время, когда я писал для одного себя... Для того только, чтобы хоть как-нибудь закрепить то, раздиравшее мою душу на части, как-нибудь справиться с собой... Теперь я пишу уже не так... Я лучше пишу и хуже... Тогда я спрашивал себя: что же это будет? Я бросался из стороны в сторону, я был как зверь в одиночестве, спрашивая себя, как жить, когда не знаешь и не можешь ответить, что будет... Я унижался перед ничтожнейшими, но укрепленными

людьми, допрашивая их: вы живете, вы прочны, но так скажите же мне, как быть?..

Теперь не то... Теперь я знаю, что те люди — никто не знает того... Они все притворяются, что знают, они как плохие учителя — учат, а сами не знают... Теперь я спрашиваю иначе: что это было тогда? Какой это смысл имеет... Перед всяким проносится, и вечно все по-новому говорят о старом... Без тревоги за будущее спрашиваю я прошлое...

3 Июля. Кто виноват? Прихожу вечером и вспоминаю — 3 июля, день рождения Льва, а он уже спит. Мать и не вспомнила. Стал я к окну и думаю... как это страшно: голая семья, без праздников, без радостей, и так дети растут. Мать не знает, сколько месяцев в году, какое сегодня число... Какой смысл имеет все это... Я высказал все это ей, говорил раздраженно, что всюду пыль, клопы расползлись, что, если я не устрою скандал, матрацы так и не будут переменены, что, если бы мать моя узнала ее хозяйство, она бы воскликнула: «Как ты живешь!» На это она мне стала говорить, что у ней голова идет кругом, что клопов она потому не изводила, что думала, мы переедем на дачу, и денег я ей не даю. «Деньги» меня взбесили. Деньги не нужны, чтобы держать хозяйство в руках и поговорить с дворником. Я ушел и в передней кричал: «Врешь, врешь».

И пришел домой чуть не плача, со страшной тоской. И думаю, не я ли виноват. Если бы она была в деревне за мужиком, то была бы первой женщиной, и там все эти привычки и всё... Она теперь без мужа. Она весь день только с детьми... А я философствую и палец о палец не ударю... все собираюсь заняться с Яшей. Оправдываю себя так: она должна меня привлечь к детям, к семье, элементарные хотя бы укрепления жизни и радости должны исходить от нее... Все, что я ни говорю и ни советую, не выполняется за недосугом и откладывается. Что же это такое? Как спастись от этих сцен и от будущего несчастья семьи?..

У меня есть к ней чувство очень хорошее, и человек она хороший, но у меня нет способности к семье, и у ней нет никаких способностей...

Мещанство. Оно приходит с первым поцелуем невесты. Она приносит его с собой. Оно есть узы. Нелепо стремиться к этим узам. Но они неизбежны. Нелепо их устраивать мужчине. Их должна надеть женщина. Но нелепее из нелепого для мужчины учить женщину ковать эти узы. Это куют матушки и бабушки, это всасывают с молоком матери. Но именно в таком положении находится муж крестьянки. А я еще хуже: она не хочет того, у нее нет способности к этому... Ненавижу мещанство, а в личной судьбе, мечтаю о нем как об избавлении... Если разрушить этот мир родительских привычек, то нужно поставить что-то на его место. Что же я поставлю?

Бывают у человека неукрепленные мысли, неукрепленные поступки. Я не хочу их укреплять... Но они укрепились помимо моей воли...

Они вмешиваются в чужую жизнь только потому, что не имеют своей... для них жизнь — театр... каждый живущий — актер...

9 Октября. Я пишу: мне снится тяжелый сон в моей детской кроватке, завешанной пологом. Я думал ночь. Проснулся, выглянул за полог: там уже утро и горлинки поют, и недалеко от меня другая кроватка. И я зову: — Варя, Варя, высунь головку, тебе тоже снится ночь! а теперь день и горлинки поют...

11 Октября. Оборванная струна... Мне послышалась откуда-то мелодия. Я протянул руку к скрипке и хотел сыграть. Но скрипка была расстроена. Я стал настраивать, но тут оборвалась струна. Я повесил скрипку на прежнее место. Я больше на ней не играю... Пылью покрывается когда-то любимый инструмент. Я не играю. Но иногда, задумавшись, я подхожу к стене, теребдю между пальцами оборванную квинту. И вот тревога наполняет душу мою: мелодия звучит, складывается чудесная песня. Я протягиваю руку к инструменту, беру смычок и вижу: скрипка в пыли, струна оборвана... мир великий, полный таинственной жизни. Можно опять натянуть оборванную струну. Можно — и нельзя. Есть какие-то верные голоса, которые твердят: лучше не натягивать во второй раз оборванную квинту... Лучше шепот приближающейся мелодии

из кончика оборванной старой струны, чем старая песня на новой струне.

Нужно самому чуть-чуть только научиться играть на скрипке, чтобы понять, как хорошо играют...

16 Декабря. На днях я видел сон. Я ходил под впечатлением его целый день. Это был не кошмар, потому что меня ничто не душило, напротив, от него оставалось сладко-горестное настроение. Когда я проснулся, то стал переживать сон второй раз, потом третий, и так весь день. При первом переживании сна наяву... очень скоро все станет бессмыслицей. «Не в образах дело, — думал я, всеми силами стараясь продлить иллюзию, — нет, а в каком-то окружении этих образов».

Но, к моему ужасу, чем больше приходил я в сознание, тем резче выделялись образы из окружающей их среды настроения, похожего на море сладко-горестной, томящей влаги. И наконец, когда сон стал переживаться в третий или четвертый раз, я увидел образы пустыми, глупыми, бессмысленными, казалось, безобразные обломки плавают во все дальше и дальше отступающем море. Казалось мне, что сон — корабль образов в море настроения...

Теперь, дня три спустя после сна, вот что я могу записать: в руках у меня лошадка детская деревянная с отбитыми ушами. Эта лошадка во сне имела очень большое значение. Я стоял возле террасы какого-то загородного ресторана в саду. Она — я знаю отчетливо, кто она, — подходит ко мне, голова ее похожа на верхушку колонны из красного гранита, плохо отшлифованного. А может быть, она чугунная или глиняная, но только хорошо помню — темно-красная. Я подошел к ней, и мы пошли вместе по саду. Вы знаете, говорю я, я вас любил всю жизнь. Знаю, сказала она. И стал я ее уверять, что и она меня любила, что только меня одного она любила. Я ее долго убеждал, не давал ей говорить, боясь, что она откажется. Но она сказала так: «Да, я любила вас одного. Зачем вы теперь все это говорите, камень, глина и чугун от слова “люблю” не изменятся». Я хотел ей сказать: возьму железный молоток и разобью глину. Но тут обстановка изменилась. Я лежу в постели. В другой комнате за портьерой, я знаю, лежит она с кем-то, с ним, тут же лежит и моя детская лошадка.

Она садится на край моей постели. Вспоминает свою детскую лошадку, жалеет, что у нее отбиты уши. И так нам хорошо вместе. Вероятно, она угадывает мои тайные мучения о ней в той комнате и успокаивает. Показывает мне журнал с картинками: вот, говорит, три всадника: один далеко, он проехал, а вот едет, едет, а вот назади. Тот, указывает она на соседнюю комнату, проехал.

Лицо у нее при этом такое же, как и прежде, не то из красного камня, не то из глины...

Вот эти безобразные обломки от прекрасного корабля с парусами и мачтами...

Узнать значение сна, ищу «ее» — нет ее (тон всего сна, вкус его такой, как сон о ней), или это похоже на литературу — я в литературе, или как я у Елизаветы (в Тюмени) пропел раз «Марсельезу», или это синтез всего моего существа, всей моей отверженности и горя!

... шесть лет разочарования, тяжелого опыта не могли победить этой силы апрельского луча... этого безумия, уничтожающего в момент историю... Но... ответа нет... — неудача, а если бы ответ? Пора забыть этот романтизм... Ночью я видел во сне... даму с высоким лбом, я снимаю маску, и под нею на нежной губке два огромные прыща, а зубы попорчены... Как это нехорошо, снимать маски... но нужно... иначе... я не знаю что, но как-то не хочется жить где-то позади... Ведь за новые ценности умерло столько гениальных людей-борцов...

Вот отчего мои писания все мне не даются: я все не могу выйти из тесного кругозора своего «я»... надо стать повыше... и тогда так легко все это будет. Надо помнить Шопенгауэра: творчество есть забвение своего «я».

Тут много неясного для меня. Много того, что боюсь спугнуть мыслью-насильницей... Мысль должна созреть для этого... рождаюсь без нее, и жить не могу. Она безликая... она — первый рассвет, и я стою с лицом, обращенным к ней. Я иду навстречу к ее бледному свету, но все-таки свету...

Вот мой путь. Я — частица космоса, так же как мертвый камень на этом дворе. Если бы этот камень сознавал, то мог бы отметить, что все космические силы, реши-

тельно все отражаются, пересекаются в нем. Но камень не отмечает, а я отмечаю... Если я анализирую себя, то я узнаю и весь мир. Этот мир не маленький, он весь мир... Но, может быть, не весь мир отражается во мне? Нет, весь... А то ощущение, что мой мир маленький — не весь, происходит оттого, что я не все сознаю... неправильно сознаю.

Итак, для познания мира нужно раскрыть его в себе...

Вот пример: я знаю по опыту любовь к женщине. Что это значит? — задаю я себе вопрос... Значит теперь, отвечаю я, совершенно отчетливое ощущение в сердце моем тоски... Эта тоска стремит меня к исканиям... И вот тут узнаю я, что все люди и вся вообще природа стоят к моему чувству в том или другом отношении... Я отмечаю все, что встречается мне на пути в моих исканиях, и так мертвый, несуществующий раньше для меня мир оживает... Я беру его с собой...

Так надеюсь я на этом пути и понять все. Это все будет не больше того, что записал бы сиреневый куст перед моим окном, если бы мог писать...

Хорошо, буду думать над этим. Может быть, все это не так.

Слова Амвросия: «Любовь покрывает все. И если кто делает бескорыстно добро по влечению...»

17 Декабря. На тонкой ниточке за стулом привязали шар, «цветы» — красные. Цветы-шары. Мы стали кормить шар: ням, ням... Шар — баба на потолке, etc. Нужно следить за играми детей — тут и откроется то, чего я ищу.

Трагизм на лице ребенка при нечаянных уколах... Кормили красный шар: ням, ням. У детей одна любимая игрушка, поломанная, старая, разбитая.

[1909]

3 Января. Был в редакции журнала «Тропинка» по приглашению дам, обративших внимание на мою книгу. Мадам Соловьева встретила меня вопросами о Религиозно-философских собраниях.

Я шел по Невскому домой. И вдруг мне стало ясно: она теперь там, она у меня дома, дожидается. Я представлял себе ее, видел ее лицо: оно было необычайно доброе, детское, простое. Я приду домой, и она скажет: вот я! Так

я пришел к номерам на Пушкинской. — Меня никто не спрашивал? — спросил я швейцара. — Нет. — А писем не было? — Нет. — Тогда сразу что-то отхлынуло. Мой номер был в среднем этаже в каких-то путаных коридорах. Пахло гнилью. На полу заплевано... Спускалась по лестнице разодетая женщина. Маленькие дети играли в коридоре. Был ноябрь, и в номере полумрак синеватый. Я прилег на кровать и вдруг почувствовал, что она не такая, как я думал, не светлая, а некрасивая и злая. Что та, о которой я думал, другая, что их две. Тогда я сел за стол и написал письмо этой второй, злое, плохое письмо, и отдал швейцару снести на почту. Все было кончено, но в сердце оставалась ужасная тоска. Маленькие дети из коридора прибежали ко мне. Я положил их на кровать с собой, ласкал, рассказывал им сказки. Ночью темные силы начали меня душить. И вдруг к утру стало так ясно, радостно. Да ничего же нет такого, и можно заключить перемирие. Я написал ей письмо радостное, чтобы она простила меня, что не ей я хотел послать то письмо. Она не такая, как та, которой я вчера написал. Что это черти мне подсказали. Нужно их бояться. Но теперь я их победил, я вижу ее опять прекрасную, светлую.

Было такое счастье в моей душе, такой огромный просвет в какую-то чудесную страну. Такая отчетливая уверенность была в том, что я прав, не было ни малейшего сомнения в том, что я нашел истину. Я так дорожил написанным, что решил послать заказным. Сам пошел и послал. Но только что я послал, и когда вернуть стало невозможно, я вдруг увидел все в истинном положении вещей и вспомнил даже, что в конце письма были упомянуты чертики. Я вспомнил о ее письме («тюрьма повредила!») — и вдруг понял, что я весь раздавлен, что я совершил что-то такое ужасное, что даже это не я, а какая-то до меня существовавшая сила мной руководила. Я плакал у себя в номере, и вдруг явилось решение убежать, не жить здесь, а уйти куда-нибудь, и так, чтобы и этих трех дней не было. Я написал ей письмо, что нездоров, понимаю это, прощаюсь с ней, ухожу делать что-то такое, чтобы себя излечить, что, быть может, когда-нибудь мы встретимся, — а что ес-

ли вдруг от нее письмо, и даже не письмо, а возможность ожидания его!.. Я выбежал к швейцару и сказал: — Если мне будет письмо из-за границы, то прошу мне не доставлять, а изорвать его. — Швейцар ответил: — Мы не имеем права это делать! — Да, тогда бежать, сейчас же бежать! И я убежал, как советовал доктор.

Но теперь спрашиваю себя: у меня два письма были к двум женщинам, были две уверенности, какая же вернее из них? До сих пор я думаю, что та, светлая, существует. У меня даже было письмо от нее самой с такими словами: «Лучшая, да, лучшая осталась навеки с вами, вы взяли ее от меня». У меня есть и уверенность в подлинности того чудесного состояния духа, в его реальности, в том, что оно, быть может, имеет такое же законное право на существование, как и другое, то черное обычное состояние духа, в котором вещи видны в их так называемом истинном смысле или без смысла. Но что их побеждает? Моменты: до письма и после того, как письмо опущено.

Как будто есть для всех что-то законное, и как будто не все, что я переживаю, законно.

Описать исходную сторону романтизма: например, бытовые мысли и ощущения при опускании письма — тогда я увижу, вероятно, «ее» настоящую.

Письмо: естественный ход и «ящичек безумия», что безумие было необходимо и естественно в том, что цель поступка включает в себя невозможность достижения, и еще — что слово «чужая» не соответствует чувствам. Ищу не любовницу, не жену, не друга, а нечто себе самому непонятное, какое-то условие неудачи — в этом и есть психология неудачника, какая-то отравительница.

[1910]

Спас-Чекряк. Путешествие к о. Георгию в Спас-Чекряк Орловской губернии, Болховского уезда, понедельник 25-го - среда 27-го.

На ж. д. мосту стрелочник снял доску: «Ходить воспрещается». Теперь ему с прохожих нечего взять, а когда

вот грибы поспеют, он вывесит доску и будет брать с прохожих грибами и ягодой, осенью будет брать по копейке: на бутылку живо насшибает.

Трактир Лямина. Лошадь продают. Барышник [называет] цены, приводит покупателя, начинается торг... Барышник-прасол, худой, со впалыми щеками, с хриплым голосом, прожженный человек. На другом столике широкая спина, и против молодой человек, худой, с лошадиным лицом, на щеках нервный румянец: он говорит спине, что убьет отца, тот отговаривает, говорит: закон, по закону нужно. Худой горячится: — Закон! Закон можно и так, и так перевернуть, и так, и так, и еще вверх ногами. Закон был белым, а стал черным, и по-черному красным перечеркнуто. — Как это — перевернуть закон? — По-черкесски. Ну что же меня томить, лучше убью. Лучше бы он меня приколол при рождении. — Разве так можно! Силой ничего не сделаешь... Заметь: ласковый теленок возле ласки сыт. — Зачем же выпихивать человека, зачем его в трясину пхать. Если, положим, лошадь... — Подожди, не век ему жить. — Я не нуждаюсь. — Нет, говорить можно резонно, основательно, а ты... И чего он конопатится. Собрал бы всех сыновей, милое дело!

— Выкрутиться? На чем выкручиваться? Ломаешь голову и так, и сяк. Завидного ничего нет.

Барышники бросаются друг на друга, кричат, рычат, кажется, сейчас вот они вцепятся друг в друга зубами и разорвут друг друга на части, на мелкие части. Хочется крикнуть «караул!», позвать полицию. А они вдруг размахиваются руками. Кто-то кричит: кончено, куплено! Руки хлопают, звериные морды моментально повертываются к иконе и молятся... Потом кланяются и просят других к себе за стол выпить. Спина и тот, который хочет убить отца, переходят к лошадиному столику. — И за Тамбов заедешь, такой лошади не купишь. Какая лошадь! Сейчас шире твоей бороды, а покормишь — как медведь, на задних лапах пойдет. — Не втирай очки... — Очки... Очки носят дурачки. Графинчик побольше дай.

— Жеребец воронова крыла без всякой отметины...

— Кричат прасолы так, что стены дрожат, посуда звенит.

— У речки, на бою, на самом на бою...

Иван Йоныч. Иван Іоныч. Ёныч.

Иван Ёныч быстрый. Кобчик.

Кто первый раз увидел Ёныча, тот непременно принимает его за пьяного и говорит: «Порядочную лапку слапил!» А Ёныч в рот капли вина не берет. Пьяным Иван Ёныч кажется оттого, что очень быстр: говорит без перерыву тонким птичьим голосом, хотя сам уже седой. Глаза у него ястребиные, быстрые, сам худой, тонкий. Говорит он без перерыву и Бог знает что порет, мелет. И видно, что уж к этому он привык и выгодно ему многословие. Когда разберешь, что Ёныч не пьяный, а только быстрый, то скажешь: бездельный человек, болтун! Но и это неправда: дела он свои обделывает хорошо, веруя, что многими словами лучше. Оно и правда: сильный и осадистый человек одним словом действует, а как же быть слабому и жидкому человеку, как Іоныч? Если слаб человек и нет у него сильного слова, то нужно много слов. Из многих слов, наконец, и то сильное слово... Иван Іоныч силен многословием и дела свои обделывает, усыпляя, убивая многословием. Лошадь Ивана Іоныча такая же быстрая, как и он сам, и называется кошачьим именем Васька. «Лошадь, как он сам, быстрая», — говорят с насмешкой о Ваське. Летит этот Васька, не разбирая канав, оврагов, перекопов и рвов.

Увидев ястребиное и будто пьяное лицо Іоныча, услыхав речи его бестолковые, кинув опасливый взгляд на храпящую киргизку с большими, кровью налитыми, буйными глазами, кто бы поехал с Іонычем? Но с ним все-таки ездят, и все из-за его губернаторши. Говорят, будто губернаторша (не наша, а варшавская), пожелав съездить к о. Георгию, окинула взглядом на вокзале извозчиков, прекрасных извозчиков в рессорных экипажах, остановила свой взгляд на телеге Ивана Іоныча и поехала к о. Георгию с Іонычем. Правда, это выдумка самого Іоныча, но только

за губернаторшу многие ездят с ним. «Лошаденка, — скажут, — у него дурашная, сам он шальной, но ничего, как-нибудь доедете: он губернаторшу возил, и вы доедете. — И оглядывают, еще раз скажут: — Доедете».

Я попался в лапы Іонычу через свою тетушку, особу тоже птичьего характера. Сказала она о губернаторше... Рессорных экипажей я терпеть не могу, да и просто не хотелось совершить это паломничество к о. Георгию по-барски. — Поеду на телеге с этим Ёнычем, — сказал я тетушке. — Час добрый, и губернаторша на телеге ездила, — сказала тетушка и послала за Ёнычем. Он явился в момент, весь грязный, вошел и сел прямо в кресло тетушки... и понес свое... У него первая на весь свет лошадь, с ним и губернаторша ездила, и прочее. Цену заломил огромную. «Нет, — подумал я, — с ним ехать нельзя». И дал ему цену самую маленькую, чтобы отделаться... Сказал, что за одну лошадь и простую телегу эта цена велика. — Да лошадь-то какая! — закричал Іоныч, — ведь эта лошадь на три губернии одна. Этой лошадью я сыт, одет и обут, и детишки сыты и одеты. У кого так одеты дети, как у меня. И зайца в доме там увидишь, и салфеточки, и скатерть, и чисто, и живу ей-богу хорошо. Господи, хорошо! — Он вскочил, помолился... Еще побожился.

— А телега, говорите — на этой телеге сама губернаторша ездила, а не то, что вы. — Он быстро уступил в цене и наконец согласился на мое... Пришлось ехать.

— Смело садись! — сказал он мне, — Васька без меня не уйдет, садись первый, а то не сядешь...

Не успел я ногу поставить, а другую переставил в телегу за грядку, как Васька кинулся. Ёныч успел ухватиться где-то сзади телеги, и мы полетели с веселым грохотом по улице где попало, по камням, сухим каменным перекатам.

— Тише, Вася, тише, Вася, — уговаривал Ионыч своего киргиза птичьим голосом, — тише...

И задержал...

У меня от встряски дух захватило.

— Тише, тише! — мог я только сказать.

А Ёныч тем временем уже спокойно сидел на грядке и, не глядя ни на лошадь, ни на дорогу, рассказывал мне про священское лицо.

— Ей-богу, лицо святое. Вот перед истинным Господом скажу, лицо святое. У отца Петра так рука узловатая, костистая, — приложишься и слышишь кость. А у отца Георгия костей нету. Приложишься, — как у покойничка, мягкая и костей не слышно. И лицо у него священское, настоящее священское лицо, и может все знать...

Телега наша попала в яму, меня подкинуло на пол-аршина, еще раз подкинуло, и опять дух захватило. Ионыч сказал: — Тише, Вася, — и, обернувшись, опять заболтал. Через его плечи я стал внимательно смотреть на дорогу и чувствую, будто я правлю...

— Священское лицо по тому заметно, что видит тебя насквозь. Со мной был такой случай. Влюбись в меня барыня...

За барыней будто было тридцать тысяч денег, и предлагала она их Ионычу, чтобы обвенчался с ней. Но Ионычу барыня была противна, и он [поехал] посоветоваться к старцу Амвросию... Тот жениться не посоветовал. И вышло верно: через месяц барыня умерла... Хорошо ли или плохо посоветовал старец, [понять] было нельзя. — Вот от этого-то старца и взялся о. Георгий, — сказал было Ионыч и вдруг весь встрепенулся, привскочил на телеге: — Смотри, смотри! — кричит...

Стая птичек, маленьких, серебряных, совсем серебряных, блестят, будто слетели все с этого синего апрельского неба или со светлого облака и прилетели, догоняя нас. Иван Ионыч смотрел на них ястребиным своим взглядом, сам будто кобчик, готовый погнаться за ними... Я удивился... Не птичкам, а тому, что эти птички могли занимать прасола-хищника.

— Какие это птички? — спросил я.

— Фиалки, — ответил Ионыч, — фиалки летят...

Телега наша опять грохнула в перекоп.

— Тише, Вася! Я прежде птицами торговал: фиалки-птицы, соловей-птица, перепел-птица, всякой птицей занимался.

— Есть ли мост на Прониной мельнице? — спрашивает Ионыч.

— Есть, — отвечали пешеходы.

А когда подъехали к Пронину, то увидали, что сегодня нет моста. Спросили дорогу... Ехать через живой мост, и тогда будет сарай, и этот сарай останется вправо, и за ним ехать лесочком, а лесочек проедем, будет дорога прямая на Зайцево. Проехали мост живой, сарай, лесочек, выехали на прямую дорогу — вдруг на прямой дороге три прямые росстани в разные стороны. Думали-думали, куда ехать — спросить некого, кругом озими, а народ на пар сеет овес. Поехали по одной и заехали Бог знает куда. В Зайцево попали, когда солнце уже было над колокольней.

Ионыч чаю захотел: — От ветру душа горит. — Пьет без конца, солнце нижеет, я тороплю, а он: — Платочка не взял, вот скверно-то! — Оторвался от самовара, когда уже стало темнеть. Я опять ему: — Не лучше ли ночевать? — Он даже закричал: — Да что я, пьян, что ли, я каждую канавку знаю до Чекряка.

Поехали... Звезда. Зарница и месяц. Чибисы. Столб... Где столб? Нет столба. Где столб, там сворот, а столба нет и нет. И так долго, и все не было столба. Показались три всадника. В ночное едут. «Столб был и повалился...» Свернули и поехали темными полями, вспаханными. Все звезды высыпали... Ионыч остановился... — Что? — Соловей поет. Дурашливей птицы нет, как соловей. Его очень просто ловить. Шапку вверх, он и думает, что ястреб, и упадет и бежит, а ты поставишь вентерь и гонишь: хоть сколько гони, он все будет бежать и не подымется...Если есть тут сколько соловьев, то в час всех можно переловить...

В сырой лощине, куда мы ехали, заухали лягушки, те лягушки, которые живут в буковищах, в пропастях...

— Буколица краснопузая, — сказал Ёныч, — эта птица тоже бывает хорошая. Одна у нас буколица на десять верст бухала. Удивлялись. Съезжались слушать из разных стран. А когда подохла и всплыла, свесили: двенадцать пудов в лягушке! Вот отчего она так бухала. Брюхо у нее было не красное, а зеленое. А потомства у нее не осталось: после нее перестало бухать в буховище...

Спустились в лощину. Переезд был направо, Ёныч взял влево, и вдруг телега ухнула в пропасть, и все буколицы хватили. Ёныч вдруг и прыгнул в грязь по самую грудь и крикнул на меня, чтобы я прыгал, но я не решился. Тогда он стал меня ругать. Он кричит. Лошадь рвется, раз, два и безнадежно садится на зад.

— Попал!.. Попал в самую пропасть... — А кто во всем виноват: виноват один только я... Он ругает меня ругательски и требует, чтобы я помогал... Я не лезу в пропасть... Он меня ругает...

Где-то чибис кричит, голоса мужичьи в ночном и топанье лошадей...

Из пропасти слышится: — И кто родителей не почитает, так вот тут ему в то... место... турецкая сабля...

Все безнадежно... Уселись, телега и лошадь. Отпрягает. Телегу не сдвинуть. Назад — и назад не двигается... Пропастя.

Голоса слышны далекие, где искать их в этой тьме в поле, — оно кажется обманчиво близко, но очень далеко, и кажется, что подойти к ним так же трудно, как к голосам этих чибисов... И там, в этой тьме, искать их нельзя (искать, найти).

Разбираем телегу. Передок в грязи. И мало-помалу все приходит в порядок...

Немного спустя мы поднимаемся наверх... Крест. Тут убили человека и оставили записку: убит за одну денежку. Сходится три земли: земля тульская, земля калужская и земля орловская; орловская земля вошла клином, и на клинушке [живет] отец Георгий.

Ионыч остановился...

— Ты что?

— Соловей поет.

Ночевка на постоялом дворе. Яков Мих. Клушин, хозяин в подштанниках. Барышня. Ночевка на лавке. Хлопает дверь, ребенок кричит, храпят работники... Ионыч входит, хлопает дверью и говорит:

— Клопы заели... Я чистый, другой, может, рой у него в голове, а я чистый... — и чешется, как лошадь вонючий.

Немного спишь... На заре встает хозяйка и хлопает дверью, вышла в кухню и там принялась кого-то ругать и, ругаясь, вошла опять в дом, и прошла в спальню и там долго стала на что-то жаловаться хозяину.

— Не бреши! — сказал хозяин. Он замолчал и стал на молитву. Долго ястребиное лицо его не могло привыкнуть к молитве, и он птицей-ястребом кидал взоры в окно и под стол и оттуда доставал какие-то бумажки и все время шептал... и наконец сосредоточился и молился неподвижно долго. Потом, видимо, успокоенный, оправленный, вышел по хозяйству...

Ионыч принялся ругать. Черт и Бог на каждом шагу, и меня тоже стал ругать... Наконец я стал его ругать и, заплатив деньги, прогнал его... Немного спустя я слышал, как он смеялся за чаем, довольный, что заработал. И так все его дела: болтает, делает ерунду и все-таки зарабатывает. Кобчик. Так он и сыт, и тепел, и доволен.

К Ионычу:

— Холодит, стало за штаны похватывать (браться).

— Попал как шут в вершу.

— Черти забрали! Вот так залетела пташка!

— Вася, Вася!

— Блох стряхнуть (шибко поехать).

— В рот тебе шиш!

— Она меня повезла (дорога) — когда заблудились.

— Папаша и мамаша живы?

— Был ли в солдатах?

— Не веришь, ничему не веришь.

За чаем:

— Это не хмельное дело, это пить можно.

Как отучился пить внакладку.

— Внакладку сытно.

— Бери меня к о. Георгию, все равно тебе ничего не сделать, а со мной и к молебну допустит, и благословит.

— Будь дорога ракитная, боевая, донес бы, а так прямо пропадешь.

Село Спас-Чекряк лежит в ровочке, где три земли сходятся: тульская, калужская и орловская. Село все со-

ломенное, бабы ходят в старинных нарядах, и много мужиков в домотканой одежде... За селом на горе далеко виднеется большой белый храм и возле него красные две кирпичные постройки... Версты две, еще не доезжая села, указывают имение, купленное о. Георгием, где живут девочки из его приюта, и говорили при этом, что у о. Егора есть одно имение и еще. Школа стоит не доезжая села с версту, большая, будто гимназия, — тоже о. Егор устроил: тут на учителей учат, и уж много учителей повышло. Рассказывают, в деревнях прихода о. Егора есть еще две или три школы.

Женщины идут впереди меня: у одной сарафан в красных цветах, молодая женщина, у другой сарафан в белых цветах, тоже молодая, а третья с ними идет пожилая, сарафан в темных цветах. Идут просто, узелки маленькие.

Дед в армяке, опираясь на изгородь, говорит мне:

— Вот по стежке низочком иди, ручей перешагнешь, подымешься, сам увидишь, как пройти к о. Егору.

— Что же знает о. Егор?

— Кто благочестивый, так тому открывает, а нет — так проходишь.

— Откуда он у вас?

— Взялся он от о. Амбросия. Приехал сюда, видит, церковь деревянная, маленькая, как часовня, приход маленький, — обробел и уходить собрался. А о. Амбросий не благословил его, а благословил остаться тут... И вот ему пошло и пошло, посылает, посылает без счету капиталы...

— Кто посылает?

— Бог.

Старик говорит это так, будто Бог тут возле, где-нибудь тут в деревнях живет и всем известный старик.

Я иду по стежке, указанной стариком, поднимаюсь наверх, иду возле этой самой лощины, где бежит ручей, и разглядываю местность. В лощине, где ручей, впереди лесок и в нем на 12 круглых столбах деревянная крыша с крестом — св. колодец. Над этим лесом на высоком месте стоит храм и тут же высокое здание приюта.

У св. колодезя женщины и девушки достают воду и наливают ее в бутылки и пузырьки. У одной женщины сарафан в красных цветах, у другой в белых цветах, и видно, что она девушка, третья — старуха, и сарафан у нее в темных цветах.

Хорошо в лесочке: лозина, березы, орех распустились, липа зеленеет, дуб и осина стоят еще черные. Соловей поет звучно, журчит вода.

— Иду я по-мужнину делу, — рассказывает женщина в красных цветах, — муж гоняется за мной пьяный, убить хочет, не за себя — за ребенка боюсь. Собираюсь уйти от него, да вот хочу спроситься у батюшки.

— А я иду по-детскому, — говорит старуха, — сыновья хотят на хутор переходить, иду спроситься: ладно ли будет так-то.

Девушка в белых цветах собирается замуж выходить.

Подходит еще молодой человек, прилично одетый, рыженький, в черных очках, закрывающих правый глаз... У него нет пузырька, он не крестится у колодца и прямо садится возле, узнавая во мне ученого человека.

— Место чудесное, — начинает он.

— Весна... — отвечаю я, — везде хорошо.

— Весна и, кроме того, настоящее живописное обозрение...

Бабы стихают, слушая наши ученые разговоры. Было так хорошо, как в сказке, выйти из этого села в ровочке, где Бог живет под соломенной крышей, прийти сюда в лесок, где поет соловей, где женщины [верят] в живую целебную воду... И вот приходит рыжий в темных очках, Бог знает зачем приходит и путает сказку...

— Вы чьи? — спрашивает...

Я отвечаю нехотя, неопределенно и круто обрываю разговор и, главное, не спрашиваю, кто он. Ведь все сводится к тому, чтобы рассказать о себе.

Мы молчим. Соловей все поет. Все журчит вода, все блестят на солнце клейкие листья берез, смолистым ароматом напоен воздух.

— Вы любите природу? — спрашивает меня рыжий.

— Люблю, очень люблю.

— А я не люблю, — заявляет он.

И, отомстив мне, капризный, уходит. Женщины тоже поднимаются, идут просто, с легкими узелками.

Возле храма столько всего настроено, что окружить стеной — и готов монастырь. Но по всему видно, что хозяин всего этого дела далек от монастыря. Как и у обыкновенного сельского батюшки великое множество кур гуляет везде; дом священника каменный, веселый, с большими городскими окнами; приютские девочки в красных кофтах, синих юбках и белых передниках, свежие, здоровые, румяные, совсем не похожие на монашек; «сестра» в кумачовом сарафане, читающая с усердием Псалтирь, своим видом гонит всякую мысль о черной рясе. И великолепный храм, и прочное трехэтажное здание приюта, и яблоневый сад, посаженный приютниками между могилками сельского кладбища, и пруды с плотинами, насыпанными все теми же здоровыми девочками в кумачовых кофтах, — все это как-то говорит об удивительно здоровой и разумной руке.

Возле гостиницы, белого домика возле большого красного приюта, без конца всё лапти и лапти: богомольцы сидят в ожидании батюшки: молебен начнется в 9 часов. В гостинице два номера и общая комната, где на столиках чай пьют. Тут собрались, кто почище. Купец красный, очень толстый, с громадной бутылкой святой воды. Приехал, видно, из-за жены: томной женщины в темном платье, с темными большими глазами и землистым лицом... Вертушка беленькая с зонтиком — молоденькая девушка, вся на пружинах, с цветным зонтиком. Рыжий в темных очках, что говорил со мной о живописном обозрении. Другой рыженький в более скромном платье, с маленькими серыми глазками, весь какой-то сжатый, подобранный... И еще много народа попроще, все, кто осмелился до молебна чаю попить. Пьют молча, старуха рассказывает о своей болезни другой старухе, и та говорит, что болезнь от свиньи: есть такая свинья, которую кровью поят, и вот если съесть такой свинятины, то как раз и заболеешь.

— Ты съела кровавой свинятины.

— Глупости, — заявляет рыжий в черных очках, — все это глупости.

— А вы, Болховские... дулебы, — кокетничая, говорит ему вертушка с зонтиком.

— Мы не болховские, — с удовольствием отвечает очковый, — мы не здешние.

— А чьи?

— Поднадзорный из Петербурга...

На минуту водворяется молчание, и смотрят на поднадзорного...

— А все-таки дулебы, — прерывает молчание вертушка. Все смеются.

— Солонинники, — говорит очковый, оглядывая купца, — вы живете, [получаете] доход даете только <*1 нрзб.*> да портным.

Купец добродушно улыбается.

— И хотя вы народ образованный и интеллигентный, — говорит вертушка, — а все-таки дулебы. — Все смеются.

Колокол ударил. День будничный. Батюшка как подошел к своему храму, то сразу все изменилось: поднадзорный куда-то исчез, вертушка схватила зонтик, купец — бутыль, и все, все на дворе с пузырьками двинулись к церкви. Впереди толпы по ступенькам храма поднималась бодрая сильная фигура с седыми волосами, за ней хлынула в церковь толпа.

— У отца Егора молитвенный дар, — рассказывали мне раньше о нем, — стоишь долго, а незаметно...

Он служит обыкновенный молебен часа три-четыре, а потом в церкви воду сливает и дает советы часто часов до семи, а потом еще дома принимает. И так каждый день. Обходя приход, он служит в каждом доме часа два-три. И никогда сам не протягивает руку за требу. Ругатель попов, русский народ об о. Егоре говорит только хорошее... Раздражение, юмор, злоба — все исчезает... Поп превращается в священника. И больше: о. Егор обладает чудесным даром видеть судьбу людей, животных...

Вот он выходит через боковые ворота из алтаря, наклоняется к земле: увидал какую-то соринку, идет к па-

никадилу, ставит свечи, зажигает, там почистит, там свечу поставит, там масло нальет в лампаду, — все сам, в церкви нет прислужников. У него грозное лицо, глаза из-под больших бровей глядят строго, неласково...

Начинает молиться. Внятные слова и какое-то особое их значение, ставшее понятным только теперь...

— Молитва терпкая, стена неколебимая...

Склоняется седая голова, и все головы склоняются, вдруг как-то видно, что все в церкви уже связаны духовно со священником.

— Молитва терпкая, стена неколебимая...

Кланяется, поднимает голову, останавливает глаза на лике Божьей Матери и все повторяет:

— Молитва терпкая, стена неколебимая.

Лампаду с маслом берет в руки и начинает обходить поочередно всех собравшихся.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Ставит крест, спрашивает имя, и к следующему. И видно, что каждый со страхом ожидает к себе грозного видом священника. Мелькает в голове: все эти собравшиеся люди верят в то, что он знает тайные мысли каждого и видит будущую его судьбу... И, зная это, становится так жутко, когда этот сильный старик, обладающий сверхъестественной силой, подходит к склоненной голове.

Что если бы я верил в это... На одно мгновение представляю себя так, и холодная дрожь пробегает по телу...

А они, эти наивные, простые люди со своими куриными грехами, так просто склоняют свою голову, принимая помазание...

Он всех обойдет, никого не пропустит, никого два раза не помажет — все это, конечно, творят верующие люди свою легенду, чудесный дар.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа! — повторяется в церкви ритмично, пока наконец не скажется большое общее заключительное благословение.

Так во время молебна он три раза помазывает, подходя к каждому, и еще раз подходит с Евангелием, и еще раз с крестом. И кажется от этого, что всех он в церкви уже знает и что знает даже, с чем кто пришел к нему.

Выносит из алтаря копие, какую-то медную кастрюльку, становится против алтаря, все большой плотной стеной окружают пастыря.

Та девушка в сарафане с белыми цветами первая подходит и подает свою бутылочку.

Батюшка... Нет, он теперь уже совсем не простой батюшка... Жрец... Оракул... Как назвать обыкновенными затасканными словами то необычайное волнение, которое овладело мной, когда я увидел это грозное лицо с копьем у воды, окруженное сотнями глаз, совершенно верящих, что он знает судьбу каждого здесь... Сливая воду из бутылки через копие в кастрюльку и потом освященную воду обратно в бутылку, спрашивает ласковым голосом:

— Для чего водица?

— Жених посватал, — отвечает девушка в белых цветах.

— Хороший?

— Хороший, а там кто его знает...

— Узнай!

— Хороший, батюшка, хороший.

— Ну, в час добрый. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Не поняла девушка или удивилась, что все так просто и быстро кончилось, что слова батюшки слетели как бы нечаянно, и что вот уже протягивается вторая бутылочка, и судьба ее решена... Она растерянно большими, невинными глазами все смотрит на священника.

— В час добрый! — повторяет он ей и еще раз говорит: — В час добрый!

Женщина в сарафане в красных цветах подходит:

— Для чего тебе водица?

— Муж гоняется, убить хочет...

— А ты поосторожней будь...

— Не за себя боюсь, за ребенка, убьет дитю пьяный, уйти надумала...

— В час добрый. В час добрый! В час добрый, — повторяет выразительно батюшка, сливая воду с копия...

Судьба женщины решена. Сотни других ожидают решения, никто и не интересуется чужим, так свое переполнено, все теснятся, все лезут поскорей стать поближе, услыхать слетевшие слова...

— Для чего водица?

— Коровушка нездорова.

— А лошадь здорова, овцы?

— Все слава Богу, только коровушка скидывает.

— Вот тебе свечка. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Очередь старушки в темных цветах, что хочет спросить, переходить ли ей на отруба, но та, у которой корова больна, вдруг вспомнила что-то и бросилась назад, пробилась через толпу, ухватилась за край одежды священника...

— Забыла, батюшка, курица не несется...

— Помочи, крапивкой постегай.

— Мочила, стегала.

— Вот тебе ладану, покури. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Кровоточивая с бледным лицом обошла батюшку сзади со стороны алтаря, шепчет ему о своей болезни, и он ей дает какие-то простые медицинские советы. Другую благословляет на операцию, просит не бояться докторов, уверяет, что операция легкая. Та женщина в темных цветах с земельным вопросом едва-едва добилась...

Есть вопросы, от которых батюшка заметно светлеет, от других темнеет, третьим равнодушно и механически повторяет в ответ миллионы раз дававшиеся им советы. От земельного вопроса он слегка темнеет...

— Это не своя же воля, — говорит он нехотя, — сыновья хотят выселяться?

— Сыновья, батюшка.

— Что же ты поделаешь... Ведь это правительство хочет.

— Пра-ви-тельство?

— Ну да... В час добрый, — говорит он холодно. Старушке хочется большего.

— Батюшка, сыновья говорят, наделу будет тридцать десятин.

— Ну вот, что же тебе, прекрасный хутор можно устроить. В час добрый, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Старушка отходит счастливая к стене, где получившие ответ отдыхают на полу.

— Благословил, благословил, — рассказывает старуха, — переходите, говорит, жить прекрасно будете.

И другие в ответ ей говорят о своем, творят из простых слов, сказанных священником, свою легенду, хранят священную воду, в которой теперь вся судьба; и так отвлеченнейшее понятие о Боге тут чудесным образом соединяется с водой, и живая вода перейдет на кур, на коров и овец и людей, девушка в белых цветах выйдет замуж, женщина в красных цветах уйдет от мужа с ребенком, старуха не побоится оставить насиженное отцами место и начать новую жизнь... Батюшка все знает... И, вероятно, творит чудеса, тяжелобольные выздоравливают, встают. Но вот этому человеку с ландышевыми каплями он не поможет... ничуть не поможет. «Что сказал вам о. Георгий? — То же, что и всем: ты здоров, иди и работай. Ничего нового и особенного он мне не сказал». Так будет, маловерный, он жить и ходить дальше и дальше, и все праведники будут его бояться... этого человека с ландышевыми каплями. А простой народ творит свою легенду. Весь Болхов верит, хозяйств[енник] слушает его совета, земская управа советуется.

А там, у алтаря, со всех сторон осаждают священника, приникают к нему, хватаются, повертывают в свою сторону... Так с утра и до вечера, конечно, голодный, усталый, он стоит, и никто не подумал, что он может устать... Он все такой же грозный видом и с ласковым голосом, не раздражается, всем одинаково отвечает. Только склоненное солнце заглянуло теперь в церковь, и в луче стали видны глаза умные, твердые, чистые, чуть зеленоватого цвета...

Уходит из церкви. Со ступеней храма поднимаются новые лица, на улице пристают к нему, хватаются, задерживают.

— Чего же вы ждете? — спросил священник.

— Лучшего для своих детей: что им будет лучше, чем мне.

— Хотите для них меньшего опыта?

Наступило молчание. Мать не понимала, что лучшее сводится к малому опыту и всякий опыт дает только худшее.

Около часа священник отдыхает, потом начинает принимать к себе на дом. Купец с большой бутылью, получив совет, уезжает. Вертушка с цветным зонтиком уходит. Тот другой рыженький с масляными глазками человек подсаживается ко мне и рассказывает свою печальную судьбу.

Был он рабочим, хорошо работал и жил хорошо, только маленько выпивал, и от этого (должно быть, от этого?) вот и сделалось это: стал всего бояться. Работает, работает и вдруг страх возьмет, что не сделает или сделает, да не так, и руки начинают трястись и ничего-то не выходит. Ходил года два по докторам, и все доктора говорили, что болезни нет никакой, и давали пить капли, но болезнь не проходила, а напротив, стала сильней, так что пришлось оставить жену и ребенка. Нынче женщины какие, пока работаешь — хорошо, а не работаешь — уходи от меня. Понял тогда он, что доктора не помогут и что вся эта болезнь стала от натрия бромата и ландышевых капель. И бросил докторов и стал искать на Руси святых людей... Был у Иоанна Кронштадтского, но тот и не заметил его. Тот, как войдет, так сразу видит людей с душевным горем и с тяжкой болезнью, а на таких и не смотрит... Только сказал: «Ты здоровый, ступай работать». А какой же я здоровый, и пошел к другому святому, прозорливому человеку Михаилу Дорогобужскому. Тот в садике гулял, увидел меня: «Никак, говорит, — я тебе помочь не могу, хочешь, живи месяц у меня, но только не поможет, лучше будет, но опять то же самое будет». Так и вышло. И все, куда ни приди (в Тихоновой Пустыни), все говорят одно и то же...

— Виноват во всем натрия бромат и ландышевые капли.

Рыбьи, застенчивые глаза, стыдливый вид молодого человека, все показывает, что он врет, что он так живет, как говорит: здоровый воображает болезнь и ходит от доктора к доктору и теперь от прозорливца к прозорливцу, виня во всем ландышевые капли. И нет ему нигде утешения и приюта, и странствиям его и мелким терзаниям не видно конца...

Солнце село, месяц взошел. Из маленьких окон гостиницы великим чуть не до неба кажется храм, выстроенный сельским священником, громадная сила этого человека, собравшая в глухой деревне [этот] народ... Он кажется теперь каким-то былинным богатырем. Слышанное о нем от народа делает его святым человеком, виденное не уменьшает...

Мар. Ник. (Марфа) — это жизнь, которую Саша не мог осилить, всю привести в движение, всю одухотворить... Ему понадобилась легенда — творчество, и та женщина это все ему обещала. Он хотел променять жизнь на легенду. Женщина — это <u>только материальное выражение духа</u>. Начать новую жизнь с другой женщиной, или доживать век, или в стороне начать новое...

Свобода и творчество... фантазия или долг... Легенда или жизнь?

Целый ряд смутных вопросов промелькнул у меня, когда я в ожидании своей очереди бродил в лесу... Вопрос к священнику сложился у меня наконец в такой форме: «У меня брат умер, и причиной смерти его считаю отчасти и себя. Он умер от сыпного тифа. По свидетельству врачей, роковой исход его болезни зависел от поселившейся в душе его нравственной борьбы, обессилевшей его нервную систему. Одной из причин этой нравственной борьбы я считаю себя. Вот как это было. Брат хотел уйти от семьи к другой женщине. Жена его — превосходная женщина, которую он не мог не любить и не ценить, но она была для него Марфой, она смотрела на него как на ребенка, ходила за ним, как за маленьким, избаловала его. Она устроила ему превосходную внешнюю жизнь, но душу его упустила. Он опускаться стал: небрежное отношение к своим

обязанностям врача, играл в карты, пил. Другая женщина, которую он встретил в таком состоянии и увлекся ею, хотела спасти его, и, судя по первому времени, он сильно изменился в лучшую сторону. Так вот, когда он принимал решение оставить семью, то решил посоветоваться со мной, единственным человеком, с которым он мог посоветоваться. Я ему сказал так: "Если эта женщина для тебя будет Марией, то иди". Он мне показал ее и спросил: "Хороша?" Я сказал: "Хороша". К этому я, впрочем, прибавил: «Есть еще исход: ты когда-то уже был на таком же пути, но подавил в себе зарождавшееся чувство, никому об этом не сказал и почему-то стал выше в моих глазах. Вероятно, есть и другой исход: не уходить, а быть тут же, но уже другим человеком». Так я сказал. Но, когда он мне ее показал и спросил: "Хороша?", я сказал: "Хороша". И это было решающим словом».

Приготовив эту речь, я иду к дому священника. Дверь открыта. В передней безногая женщина дожидается... В зале поставлен ряд стульев, на одном дамская шляпа и мужское пальто. Дверь в кабинет открыта, виден помещик в синей тужурке, сидит, заложив нога за ногу, и спрашивает совета... — Вот еще один вопрос... — Говори! — Помещик советуется о найме рабочих. — И еще один вопрос... — Говорят всё о хозяйстве, о мелочах его... Барыня тоже спрашивает всё о хозяйстве. Когда земельные вопросы кончились и помещики вышли, я вошел и сел на место помещика. — По какому делу? — Я сказал первые слова. — Сколько ему лет? — Сорок. — Женат? — А потом не перебивал. — Ты на себя натаскиваешь это... Ты тут ни при чем. Ну что же, взял из Евангелия о Марфе и Марии. Это рассуждение. Просто он тебе был дорог, любил ты его и теперь ввязываешься. Сам говоришь, в карты играл, пил, к блуду склонился... Жил зря, смаху. После и прямо вовсю пошел. При чем тут ты... У него же есть свой ум.

Так сразу я почувствовал, что мы в разных плоскостях. Его заняла моя лишь виновность, а меня занимал смысл всего этого... Я, чтобы углубить разговор, сказал ему, что та женщина отравилась. Он перекрестился. — Хорошо, — говорю я, — если я не виноват, то та женщина,

та как? — Он задумался и долго смотрел в окно. — Неверующая... — Если нет той жизни, то как же... — А ты веришь? — От детской веры я отстал, но так вообще близок к вере, думаю о Боге, что главное в Нем то, что Он существует помимо меня. Иногда я чувствую, что есть какой-то мир помимо меня... — Вот, вот... Ну вот, спиритизм... — Заговорил о спиритизме как о силе, которую мы не знаем, и о радии... — А когда я вот служу и даю советы, так вот, я словно чувствую [то] что-то светлое, а то что-то темное, и передо мной люди проходят, и видишь какую-то засоренность. А то светлая сила... светлая и ясная. Вот это Бог...

Л. Н. Толстой... Вот у него не было этого, чтобы помимо себя о чувствовании: сам создал евангелие... сам все создал... (а у батюшки своего нет). — Есть множество людей, — сказал я, — которым от века прекращен доступ к личной жизни. (Я это сказал в связи с чувством какой-то обиды за небрежное отношение к (картежнику) брату). Земля даже, которую Бог повелел нам обрабатывать, для них занята. Вот у крестьян 9 саж. наделу, и его крестьянская земельная душа ограждена [стеной] необходимости такой суровой, при которой невозможна личная жизнь. Как же этих людей судить жестко... На них лежит какое-то проклятие. — Это ничего не значит... Вот вам пример: церковь у меня была маленькая, деревянная... Нужна личная жизнь и труд, труд...

И медленно, лениво, до утомления вяло движется весна, и быстро: вот уже настал полный страстный день. Ночью откроешь окно, и ворвется в комнату жук и крики — турлушки, соловьи, квакуши, ухалки и буколицы, — все это несется из леса, из сада, из темного монастыря и [с реки].

Вчера ночью отворил все окна своей избушки: ночной теплый шум весны ворвался в мою комнату... лягушки-турлушки, квакушки, ухалки и буколицы краснопузые, в общем хоре слились... любовь... болото... Луна. Соловьи поют...

Вечером из-за леса стал показываться месяц, я шел спиной к лесу и когда оглянулся назад, он уже чистый

весь, вылез из леса и смотрел вслед за мной. Я остановился — он тихонько запрыгал, или это сердце мое билось?

В монастырской избе собака тявкает, и на той стороне ручья отвечает ей лесовая собачка... Эта тявкает, и та... Из-за леса в облачке, как в шапке, стал показываться громадный сытый месяц... Я шел к нему спиной и когда прошел немного, оглянулся, то он уже, чистый, вылез из леса и смотрел вслед за мной. Я пригляделся к нему — он слегка прыгал (сердце билось от ходьбы).

Обратный путь.

Молодой крестьянин, верящий, что когда опять будет «заворошка» на Дальнем Востоке, так солдаты откажутся воевать. Он слышал, что это уже и совершилось и оттого-то и нет войны с Китаем. Господа обидели мужиков: им нарезали глинку, а себе сердечко оставили. Господа теперь у края держатся или вовсе порешились: потомство прекращается, а другие от пьянства.

Верит в ораторов. Удивляется шахтерам, которые вовсе Бога не признают; объясняет это тем, что они 12 часов под землей проводят.

Он наводит на размышления: Бог, в которого верит русский народ, почему-то исключает личную жизнь. У кого начинается личная жизнь (шахтеры и заработок), тот отвергает Бога.

Отец Георгий (лучший из священников) имеет личную жизнь, этим он отличается от других священников (я думаю не о «жадности»). Что изумляет меня, так это творчество внутри православной мертвой церкви. Но у меня большое сомнение в том, что творчество это церковного происхождения... Он строит школы... С одной стороны, удовлетворяет самым темным суевериям (старым мужицким) души, с другой — строит школы. И будет так, что когда выстроят школы, то и надобность в его храме исчезнет, перестанут в св. водицу верить. Приют для девочек он завел потому, что мальчики, окончив школу, уходят на сторону. Большинство советов о. Георгия — советы дельного, практического человека, следящего за умственной жизнью общества. Сам о своем колдовстве говорит с улыбкой.

Никого никогда не обидит. Попы на него злятся. Лыковый поп, что лыку скупает и плетет для продажи лапти.

В результате от этой поездки осталось чувство большого удовлетворения в существовании такой личности, но мои вопросы оказались совершенно лишними. Я ушел от него, как и тот рыженький с ландышевыми каплями.

[1912]

17 Января. Ночью я думал об этапах с почти десятилетними промежутками: уверование в Маркса, уверование в женщину и спасение ею, приобщение к жизни. Было ли хоть раз тут «второе рождение»? Так я и не решил ничего. Но все-таки остановился на следующем: в моем опыте бездна материала для мысли. Если я когда-нибудь задамся вопросом, что все это значит, то глубокая откроется тайна, но мне хочется нового опыта, жить дальше. Я был рожден для жизни (после того), и с тех пор медленно, но живу...

Так ясно думалось: вот теперь конец «ей», как и Марксу; когда наступил робкий конец, взрыв опрокинул все. Теперь наступил конец — не перед новым ли взрывом.

Нет, еще не самый конец: ночью приходила, была похожа на переписчицу с М. ул., но я говорил себе: узнал же-таки, вот думал, что не узнаю, была она бледная, худая, в темно-малиновом платье; виднелись какие-то темные спины, похожие на спины картежных игроков при свечах; я смотрел, что они делают, и кто-то меня целовал, и поцелуи были именно <u>те</u>, я их совсем забыл, и изумительно, как через 9 лет они так точно вспомнились во сне: поцелуи тонких губ и холодных и... Но я ничем не отвечал. И она вдруг заболела и ушла в другую комнату. Говорит: потому заболела, что я не отвечал ей, что ее забыл. Но немного спустя я попал в ту комнату и тоже заболел страшной болезнью, лежал и не мог двинуться с места, лежали и другие в этой комнате...

Проснулся: весь дрожал, будто по всему телу на маленьких детских тройных лошадках скакали. Холод проник под одеяло.

И думалось: да, ей конец, конец переживанию, наступило время мысли — но что-то все-таки прежнее милое оставалось в сердце к тому существу, которое я не принял во сне.

Это даже не любовь была. Какая же это любовь без тела, без конкретной души, любовь безликая, любовь к женщине без имени.

Только по всему опыту (11 лет) вижу, что она неистребима, на место ее ничего не становится, все остальное только навык, привычки, жизнь обыкновенная. А оно произошло из уединения и отчаяния весной, когда вокруг было так много искусства, природы, людей. Костер вспыхнул большим пламенем, дождь пошел. Не сразу большой костер заливает, и зола надолго остается горячая... Так вот и теперь зола горячая... как забыть мне пламя, создавшее меня?

Виден смысл, значение каждого цветка, каждого глаза животного, тонкие желания, затаенные мысли всего на свете... Это ли Бог? Этому ли молиться?

Хочу быть!

Раскрываю Евангелие:

Что легче сказать: «прощаются тебе грехи твои», или сказать: «встань и ходи»?

И коснулся руки ее, и горячка оставила ее, и она встала и служила им.

Когда же взошло солнце... увяло и, как не имело корня, засохло.

И вот, какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего, по воле Его, Он слушает нас. А когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни просили, знаем и то, что получаем просимое от Него.

Есть грех — не к смерти.

18 Января. Русская жизнь: в ней слишком много греха против Отца для того, чтобы говорить о Сыне.

Записать правило: мои несовершенства и недостатки (например, сознание своего невежества), которые мне кажутся роковыми и непобедимыми и оттого ложатся бременем на душу, — на самом деле не непобедимы, ощуще-

ние угнетения получается не от их непобедимости, а от других причин. Каких?

Нужно смотреть так, будто все победимо: напр., нет самой трудной для понимания книги, которую не прочтешь, как стихи, если в ней есть ответ, если есть нужда в ней.

Пишется легко и свободно то, что пережил. Значит, нужно писать как можно точнее и меньше сочинять. Но если так, то как возвыситься от формы дневника и записок до художественной формы.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

(Фет).

Если я принимаю хаос и живу в нем, и смысл моей жизни и деятельности есть достигнуть смысла, то как моя литературная деятельность может исходить из чужого смысла... Я так близко стою к природе и участвую в ее хаосе, и так искренно ищу смысла, своего собственного...

Я песчинка, носимая волнами хаоса, но я не могу променять свою свободную [жизнь] на чужой смысл, [данный] кем-то, кто когда-то уже принес его...

Итак, то мое чувство красоты в природе не просто так...

Если декадент раскрывает смысл раньше творчества, то зачем притягивать поэзию?

Птица случайная в вишневом саду клюнула вишню зеленую.
Алой зарей освященная ... зеленая вишня.
... ее клюнула случайная глупая птица.
... смотрели зеленые вишни на раннюю алую вишню.
И сами стали алыми. Но когда [соки стали],
та одинокая первая черною стала.

21 Февраля. Яша о Боге. Христос-то был раньше не русский, батюшка его крестил, батюшка святой.

8 Марта. Была семейная сцена, унизительная для меня до конца. И все-таки при всем своем раскаянии причина моего гнева остается: в квартире кишат клопы, тараканы падают в чай, кушанье готовится и подается кое-как... Неужели же все это бешенство от клопа? Конечно, нет... Есть основная ошибка: в неравенстве... тоже нет... Как раз как мать? А мать... отчего? От неудовлетворенности... жила с нелюбимым человеком... не было очищения души... хаос остался (и Лида!), и все в тьме бродит.

Но как же унизительно. Плачу... Тоска... Мысль о пуле... Неужто все от клопа?

Средство борьбы: клопа истребить не сердцем, а умом, и сердце направить в другое; поставить ширмы и ограды, то есть «взяться за ум».

Беру себя в руки. Не заглаживание, как мать, своего безобразия, чтобы забыть и потом начать снова, а наказание дисциплиной.

Вот наказание за свой поступок: вплоть до Пасхи, ежедневно я должен вносить в этот дневник несколько строк по поводу борьбы с клопом, как у староверов: можно ли самому на себя эпитимию наложить? И что вперед — пост или покаяние?

Итак: несколько вдумчивых строк, а они повлекут за собой и действие.

Итак, испуг! То пулевое невозможно для меня. Что-то приводит к ужасу. Я сегодня испугался. От испуга я возьму оружие. Оно неизбежно для меня, но не обязательно для всех.

21 Марта. Программа эпитимии рушилась. Отчего? Я устал тогда так, что не мог. И не так это просто. Это в природе, в характере, это от матери, это повторение матери. Вот у «графа» нет этого в природе, оттого он такой, и такой несчастный. Ко всему этому придется не раз вернуться. Тут дело и в действительно внешне трудном моем положении: чересчур близко сошлись два круга: мой личный и мой другой (их). Между ними должно быть нечто материальное, ослабляющее передачу ударов с одного места на другое.

Трагедия «графа». Травля его (природа русская). Безликость его, некультурность извне и глубина внутри. То же и с Легкобытовым. Прикосновение культуры к этому — губит. Теперь погубило много, почти всю интеллигенцию. Остатки же еще есть, и, может быть, они возродятся. Как мелко все писательское перед этим. Если бы соединить.

Яркое солнце весной. Из дома слепых выходят двое: один молодой, привыкший к панели, другой старик, вновь принятый. Молодой идет впереди, старый назади, положив ему руки на плечи. Оба черные в весеннем свете. Из глаз солнце <*1 нрзб.*> пустоту внутреннюю. Какой желтый мир — внутри закрытый... Жутко... Но, вероятно, они по-своему знали о весне, потому что старый вдруг подпрыгнул козлом и сел на молодого верхом.

Такса, отставшая от барыни, нюхает на панели пятно и возбуждается. Что за пятно?

Старуха-крестьянка несет мальчика на плечах, солнце насквозь пронзило окно трамвая, и все стали в нем золотыми.

В богатой квартире столько цветов, но занавеси спущены, приподнялся уголок, и мелькнула хозяйка с леечкой, она там, в глубине квартиры, от цветка к цветку. Стучали молотки в новом доме — весна!

Разговор с Фросей: она изумляется «графу»... Я говорю: да, он не знает красоты. Фрося пробормотала что-то: думаю, что-то недостойное о красоте. Ее слова о красоте: «тебе бы только было красиво!»

План. 22 еду в Москву. Устраиваюсь с «Русскими Ведомостями».

Еду к матери на месяц. Там один фельетон, один рассказ, сюжеты, etc. В мае ехать в Петербург и в Олонец. Или поехать к Саше. Будет видно.

Это несчастье... значит, я-то сам и хорош, и прав, да вот — мне судьба такая назначена, чтобы унизиться. А счастье бывает и дураку, и неправому человеку, и мож-

но со всякими пороками, и тоже судьба. Счастье и несчастье — это две богини, — как их назвать! Такие богини, которых держат в уме, чтобы объяснить непонятное. И тут как-то все около случая: вышел случай, и дурак на посту, но нет случая, ты хоть голову расшиби себе — ничего не будет. Ничего не поймешь, если этими мерками по счастью и несчастью разбирать человека: выходит, будто человек тут и не при чем, а только один, значит, подсчет его судьбы, аршин такой: сколько отмерено человеку в ширину — столько и счастья, сколько в глубину — столько несчастья. Итак, счастье иль несчастье — это зависть наша — одного человека перед другим. А так нет ничего: счастье и несчастье — это только две меры судьбы: счастье в ширину, несчастье в глубину.

Причина всех причин — есть собственная моя личность (перенесение веры с внешнего вовнутрь).

Спиридон-солнцеворот. Поездка в Гатчину: леса возле Петербурга, снега и жар-птица.

Мир как горизонт в ветреный день — облака несутся: то откроется на горизонте лес, и закроется, то церковь с горящим золотым крестом — и закроется, то город, белый город — и опять пропадет...

Стояли сильные морозы, а свет был весенний, и город, белый, засыпанный снегом, сверкал так сильно, что вечером, когда закроешь глаза, перед сном, отчетливо показываются дворцы один за другим по линии набережной Невы, и Адмиралтейство, и Петропавловка, и Невский, и так весь город белый, волшебный, прекрасный и страшный сиял днем, сиял ночью.

Была борьба, и на душе было тревожно. Теперь зима разбита...

Какие прекрасные люди собрались вокруг меня: люблю «графа», старуху, Аннушку, детей — ведь все на подбор и все несчастные и сильные.

Некрасивая горбатая девушка, бедная — кажется, это вот зачем она? И вот если и ее наделяю я чувством жалос-

ти, то не хочу ли этим я перешагнуть через перерыв в роде человеческом — связать ею в узелок оборванные концы — нити рода человеческого. И сколько же людей обиженных, заморенных существует для того, чтобы связать эти концы — в них красоты не может быть. И перейти в эту жизнь, решиться на это, но это невозможно, они к этому постепенно подошли, и их много, они вместе, а я один: я из себя живу, они — от судьбы.

Из времен марксистов.

Прошло сколько-то лет, я — vie juvenis ornatissimus студент Берлинского университета, хожу на собрания рабочих и слушаю настоящего живого Бебеля... Это все равно, что, прочитав при свечке в ночной тишине поэму, искать потом днем между людьми ее первообразы. Прилично одетые пролетарии сидят за кружками пива, жены их, утомленные хозяйством, скучают, Бебель тоже за пивом, прекрасный оратор, прекрасный человек.

Осип и Баранова. Горбачева конец: лесная дочь, жена и курсистка-Маруха.

Осип и его «экономическая необходимость» — судьба, ничего не нужно делать, все само сделается, а мы только облегчим роды... — Зачем я буду акушером, я хочу сам по себе. — Ну и будете сами по себе. — А вы же говорили, что нельзя самому по себе: что вот придет экономическая необходимость, и кончено: я стану не я, а просто идеологическая надстройка, это как? Это кто же она, экономическая необходимость, чтобы мне подчиниться ей? Кто она? — Метафизика! — сказал Осип и обернулся к другому ожидающему юноше. — Что же делать? — спрашивает юноша. — Ничего не делайте. — Я не могу так, и, по-моему, это просто буржуйство... — Право? Какое же право? Что такое право? — и юноша осел. — Право — это я! — Ну да, ну да конечно! — сказал оробевший юноша. Третий спрашивал о золотой куколке: — Вот золотая куколка... по Марксу, то есть я по Марксу говорю, что куколка золотая, стало быть, эти деньги, так сказать, концентрация всякого хотения, и вот они — во все можно превратить, и в духовные цен-

ности, и выходит, что и в любовь, искусство. — Искусство есть только идеологическая надстройка. — А любовь? — Осип расхохотался, юноша покраснел... — Любовь есть абстракция полового чувства: размножение [полностью] зависит от причин экономических.

... это я считал «чудесным» — «закон экономической необходимости» я полюбил больше всего. Только теперь я понимаю, что в этой любви не было никакой экономики. Закон экономической необходимости был просто некий святой, неумолимый закон, воля Всевышнего, как сказали бы религиозные люди. Волей Всевышнего мир должен быть перестроен, близится время, мы выполняем Его волю. Как в детстве, когда, бывало, нянька крестится темному окну, освещаемому время от времени молнией, казалось, вот-вот настанет час Суда и загорится земля от края до края, — так и в юности за чтением «Женщины» Бебеля такой представлялась Всемирная катастрофа, а волю Пославшего нас мы называли «экономической необходимостью». И мы пошли за мир и женщину будущего в тюрьму. Допросы, жандармы, окно с решеткой и свет в нем... женщина будущего, кто она, мать, сестра, невеста, Мария? Господи! В сердце рядового, в его смятенной, смущенной душе рождается образ Прекрасной Дамы, нужно быть рядовым!

Вечная игрушка и золотая куколка: у юноши как у философа было врожденное чувство необходимости найти начало всего, вечную игрушку: это, в сущности, было найти себя самого, но казалось, что это в науках и на стороне ключ ко всему; золотая куколка породила его: все знать нужно... а путь такой медленный: сколько времени проходило, пока прочтешь одну книгу... Тайный пламень под золотой куколкой и началом всех начал, и он подступил к Осипу — хотел сразу спросить о всем, на все [получить] ответ, но спросить не мог и в самую полную минуту сказал: «Все превращается в золотую куколку, а любовь?» Осип презрительно посмотрел на него, Миша вспыхнул.

Осип — вокруг него Ульрих, Горбачев: у Осипа ум философский, у тех другое: ум на службе социального... Ульрих: практика есть корректив теории. Осип на глазах бедного студента съедает колбасу. Практика или теория: практика — это чужое, теория — свое призвание. Осип за теорию, Ульрих за практику. Его отстранили из-за этики, уважая за ум: теория разошлась с практикой.

Осип появляется на бирже и у колонны ведет проповедь, и юноша подходит к нему. Как Осип постепенно превращается в шпиона: Мазуренко, Земляк, Соловей, Лапин, Горбачев, Семашко, Граф, Илья, Коноплянцев, толстовец *<1 нрзб.>*, Богданов, Богомазов, Ушков, Балкашин, Всеволожский, Немец Кютнер, армянин с Михайловского, Добычин, Гусельников, Герасимов и личное, Казакевич и личное, Балкашин и Казакевич.

Обида. Осип говорил: — Ну что же, пусть они меня исключили, это вполне понятно: человек — животное общественное, я не подошел к ним, они меня исключили; я остаюсь я, они остаются они, общественные животные, таков закон.

Враги: Осип и Горбачев. Ясно видно, что Осип обречен на обиду — и умный, и талантливый, а будет в стороне; на этом пути и Розанов. И вопль К-а то же самое: они общественные животные.

Где первый момент этой обиды? Греха отъединения... обреченные смотреть на себя люди... Бывает, люди в сорочке рождаются, а бывают голенькие и с зеркальцем, так что как родятся, так и смотрят на себя и знают, что вот они голенькие, а другие в сорочке. Так это потом и пойдет на всю жизнь, и ничем сорочку заслужить нельзя: надень хоть царскую одежду, зеркальце это все будет показывать голого. Главное, что почет таким людям всегда чуть-чуть запаздывает и приходит откуда-то со смертью.

Вчера меня мучило — фальшивые отношения с людьми. Это оттого, что я признавал необходимость общения и руководствовался не оправданным личным должным.

Должное выходит из личного, а у меня «от ума», что, в сущности, равносильно низшим инстинктам. И вот от-

чего «я» мое бьется в общественности, как сиг в неводе, и вот почему писательство как выход из этого — спасение, и опять-таки не сочинительство, не умственно, а то бессознательно-поэтическое «описательство».

И вот отчего признание глупости лучше иного ума, и вообще вывод: личное постижение жизни, бытия, сущего — то, о чем говорил о. Спиридон (о. Егор). Христос сливается, утверждение сущего, Отчее. А государство будущего? Там все на отрицании и на установлении будущего. У нас (у меня) как у попов: от монашеских идеалов к жизни.

Потычка. В чем же тут потычка? Я слишком мало отдаю должного Фросе. Между ними двумя моя эта двенадцатилетняя жизнь. Одно без другого непонятно, и одно другого стоит. И вот отчего тянет меня к Розанову, благословляющему живущую собой и в Боге ощутимую жизнь. И возмущение Марухой, и тяга к ней не есть ли отображение любви к этой женщине (В). От одной (Ф.) я получаю жизнь и смиряюсь, другая отрицает меня живого... Как это вышло? После объяснения на лавочке я пришел домой и стал писать, унижая себя, казнил свою «непосредственность». В сущности, это не была непосредственность... а что-то другое. И ей я не то, что она есть.

До сих пор казалось, что я ее не могу себе представить в действительности, но то ли пережилось наконец чувство, то ли так под влиянием чтения «скелетного письма» я увидел снова ее: глаза у нее карие, этим карим заполнено все в глазу, карие на розовой коже, розовое круглое лицо, а лоб высокий, волосы, как глаза, маленькая, склонная к полноте — ничего особенного! И все-таки...

Письмо, которое не будет послано.

В наступающем нашем русском снежном Рождестве поздравляю Вас, чтимая мною женщина.

Прошлогодние свои письма и Ваше письмо я сохранил и теперь, краснея за себя, вообще с великим стыдом перечитал: не понимаю, почему же это я к Вам всегда обращаюсь глупой своей стороной, с претензиями на героя,

на поэта и проч. и куда девается обыкновенный человек, настоящий, живой. А потом еще меня больно поразила в моем письме нотка почти наглости: ведь если допустить в действительности (а не воображении) все мои мучения от любви к Вам, то ведь Вам-то что? Единственная цель этой жалобы — если Вы только человек очень чувствительный, это и Вам доставит боль. И это все, что я после многолетнего опыта мог принести на алтарь моей богине!

Поверьте, что мне очень стыдно. Одна надежда, что Вы, проницательная и умная женщина, сумели прочитать в неправде правду: если я через 11 лет не погиб от любви и не сошел с ума, значит, ничего тут особенного, а больше от воображения и литературности. Если Вы сделаете эту скидку с моих африканских чувств, то останется все-таки нечто, что должно быть только приятно всякой женщине. Вчера, например, приходит одна почтенная мамаша и рассказывает, что дочка ее (институтка из Смольного) в восторге: учитель их весь час посвятил Пришвину, а она знает Пришвина лично. А я тоже был в восторге: из Смольного вышла моя литература и в Смольный возвращается! Это, по-моему, и вам удовольствие. Еще я хотел бы в этом письме успокоить Вас относительно того, что я, будто бы, создам какое-то гениальное произведение — не подумайте, что я воспользуюсь какими-нибудь, касающимися Вас лично фактами или Вашими письмами: описывать я буду в «гениальной» книге, конечно, только себя, а Ваш образ я создам при помощи народных верований, легенд о некой женщине Марухе (корень «мар» значит «смерть»), объясню Вам, почему это «мар».

За эти 12 лет, как мы с Вами расстались, я, конечно, создавал себе обыкновенную жизнь, подобную другим, и не могу сказать, что я был несчастлив, — наоборот, я, скорее всего, счастлив был в смысле удачи. Но все это время я чувствовал, что если бы Вы, эта самая таинственная Маруха, одним только пальчиком поманили меня, я все создаваемое во всякий час и минуту бросил бы. Но важно не то, что я бросил бы, — что в этом нового, — а что всегда сознавал это и жил не как все прочно, а вроде как на вулкане. И это меня заставляло часто как-то необыкновенно

сильно любить обыкновенное в жизни человеческой, все обыкновенное часто доводить до необыкновенного в моих чувствах, как будто остается жить минутку: и тут эта минута была началом почти великого чувства, почти религии. Вот для изображения этого всего мне и нужно будет воспользоваться той частицей Вашего существа, воображаемого мною имени с корнем «мар», значит, «смерть».

Смотрите, что же это: я опять перед Вами почти что герой! И это неизбежно, как неизбежно то, что никогда, никогда с Вами живой я не могу встретиться, и если встречусь, то не узнаю, и если даже узнаю, то наговорю пошлости — вот Вам и весь романтизм, а Вы в Смольном учили, что есть школа такая литературная. Но если не романтизм, то что же остается: неужели директор банка в Англии есть бóльшая реальность, чем женщина со слогом «мар» в небывалом имени.

Последние слова, которые меня окончательно придавили и показали невозможность нашей обыкновенной встречи, были в Вашем письме из Стокгольма. Вы писали, что я какой-то средневековый рыцарь и что тюрьма нанесла мне вред... «Не какой-нибудь необыкновенный, а просто физический...» Писали Вы это от страха, что я приеду в Стокгольм изучать маслоделие. И представьте себе, что все было налажено, мне даже была ассигнована какая-то значительная сумма для изучения скота в Дании. Тут получается Ваше письмо, и все мое скотоводство проваливается — да как! И потом много, много таких крушений — оказывалось, я все любил только из-за Вас, но что-то оставалось все-таки: я помню цветы, было какое-то весеннее безумие в цветах, я бросил агрономию и стал ботаником: занимался цветами, жил в какой-то избушке, и вокруг меня были люди с сокрушенными сердцами. Теперь я хорошо понимаю, что спасение... 1912 год*?.

Молодой человек П. Н. Прокопов сказал мне, что ищет место в банке. Мне пришло в голову попросить найти адрес В.П., которая тоже некогда служила в банке, ссылаясь на то, что она, может быть, поможет ему устроиться. Спус-

* Позднейшая приписка М.М. Пришвина.

тя несколько дней П. Н. достал мне адрес и сказал, что она занимает большое место в английском банке. Тогда я послал ей свои книги с такой надписью: «Помните свои слова: “Мое лучшее, да, лучшее навсегда останется с вами!” Забыли... А я храню ваш завет: лучшее со мною. Привет от Вашего лучшего».

Ответа на посылку книг не было. И через некоторое время я посылаю Ей письмо такое:

«Я вернулся в Петербург, В. П., и узнал, что адрес Ваш мой знакомый нашел и отправил по нему приготовленную Вам посылку с книгами. Теперь меня беспокоит мысль, что вся эта затея покажется Вам лишней и странной.

Вот как все произошло. Этот П.Н. Прокопов служит где-то в банке и слышал, что Вы сделались директором банка в Англии. Очень это меня поразило: моя Мария стала директором банка! Если верить, что дважды два — четыре, то мы с Вами совершенно незнакомые люди. Я верю, что дважды два — пять в некоторых случаях, но не хочу навязывать свою веру другим. Поэтому было очень трудно мне написать Вам что-нибудь, а книжки послать гораздо легче. К сожалению, я до сих пор так и не смею написать ничего по существу. Но я непременно это сделаю, потому что чувствую в себе призвание. Поэтому теперь Вы меня не судите строго.

Впрочем, книжки эти не суть дела, они интересуют меня лишь в то время, когда я их пишу. Чудо в том, что я сейчас Вам пишу, Вам, живому директору банка! И разве это не дважды два — пять? И, Боже мой, как я буду счастлив, если получу от Вас “исходящую”: любезный, хороший, хороший М. М., я очень тронута, книги Ваши интересны, продолжайте меня любить и будьте счастливы.

Как же мне подписаться? Ах, да, как Максим. Наш Максим писал Маше бесчисленные письма и подписывался: “Ваш вечный, Мария!” Потом он ей наскучил, она отвергла его, а он все писал: “Ваш бывший, Мария!” И когда она вышла замуж и много, много у ней было детей, он все писал и писал: “Мария, ваш бывший и будущий”. Вот и я так подпишусь: “Ваш бывший и будущий, вечный, Мария!”»

С волнением я дожидался ответа на свое письмо, в промежутке у меня произошел роман с маленькой девочкой, которая ходила в нашу квартиру лечить зубы. Девочка, увидев меня, перепугалась сначала, а потом привыкла и прислала такое письмо:

«Мишка (посвящается писателю Михаилу). Однажды у меня заболели зубы, и папа послал меня к докторше, у докторши жил один писатель по имени Михаил. Однажды я сидела, ожидая моего приема, как вдруг из комнаты вышел один господин. Волосы его были взъерошены и довольно длинны и черны, борода его тоже была черная, но не такая длинная, ресницы у него были черные, как уголь. Я так и присела от страха, так как я еще никогда в жизни не видела таких людей. Как только я вошла в лечебную комнату, так и спросила: "Кто это такой был раньше меня?" Докторша отвечала: "Это был писатель". Тогда я рассказала ей, как я испугалась его, и докторша передала все ему.

С тех пор я начала называть его "Мишкой", так как он, по-моему мнению, похож на Михаила Ивановича Топтыгина, стихотворение о котором я только что выучила наизусть.

На другой день я пришла к докторше и сказала: "Все Мишки любят сладкое, так я этому Мишке положу коробку конфет на зеркало". Как только Мишка это услышал, так он сказал: "Посмотрим, кто раньше положит, я или Марися, посмотрим, ведь не только Мишки любят сладкое, его любят и маленькие девочки". Как только на другой день я пришла, так я увидела на зеркале коробку конфет. Сперва я не взяла ее, но, идя обратно, я взяла, и на другой раз положила ему карточку с мишками.

Как-то раз, придя к докторше, я раздевалась в прихожей, как вдруг услышала, что кто-то стучит, я оглянулась и увидела (у докторши было над дверью оконце), что из этого оконца смотрит Мишка. Я так испугалась, что прямо сказать не могу, но зато когда я уходила, тогда я крикнула: "До свиданья, Мишка", и ушла. Марися Еленская. 8 декабря 1912. Санкт-Петербург».

Вскоре... после этого письма было получено и от настоящей Марии, я узнал его по английской марке и такое испытывал волнение, что долго не мог распечатать и носил в боковом кармане. Целых десять лет прошло с тех пор, как я получил от нее такое же письмо, а волнение попрежнему было сильное. Наконец я распечатал письмо и решился на чтение, как решаются в жаркий день сразу броситься в холодную воду.

«Я получила Ваше письмо и книги, но не ответила Вам сразу, потому что надпись на одной из книг возмутила меня. По какому праву берете Вы на себя монополию на то, что есть во мне «лучшего»? Поверьте, Михаил Михайлович, мое «лучшее» осталось при мне, и было, и будет со мною всю жизнь, потому что не может один человек отнять у другого то неотделимое и невесомое, которое называется «лучшим». И разве может женщина с седеющими волосами быть ответственной за слова и поступки двадцатилетней полудевочки? Годы, пропасть, Михаил Михайлович, и если бы мы с Вами встретились теперь, то мы друг друга не узнали бы. Но не для того, чтобы сказать Вам это, пишу сегодня, а для того, чтобы рассеять смешное недоразумение. Хоть Ваш знакомый и служит в банке, но, по-видимому, сведения были получены из недостоверного источника, потому что я вовсе не директор банка, а весьма скромная рядовая работница. Видите ли, я имела несчастье родиться женщиной и потому навеки осуждена на ничтожество и работу под начальством людей, которые не стоят моего мизинца. Напрасно Вы думаете, что быть директором трудно, — я наверно была бы им, будь я мужчиною.

Про Вашу книгу ничего сказать не могу. Мы с Вами говорим разными языками, и мне, при моей крайней утилитарности жизни, трудно даже настроить свою душу так, чтобы читать с пониманием о психологии людей, столь далеких от меня во всех отношениях. Я ничего, кроме английских газет и книг, теперь не читаю.

Почему Вы не пишите о чем-нибудь более ежедневном и близком?

В. П. Лондон. 4/17 дек. 1912».

После нескольких неудачных попыток написать что-нибудь в ответ на это письмо я все-таки состряпал и отправил такое послание: «Ваше письмо получил. Оно было для меня страшное. Беру большой лист, чтобы хоть сколько-нибудь сделать себя понятным. Вы спрашиваете, отчего я не пишу о чем-нибудь ежедневном и близком. Как художник я должен сливать это ежедневно близкое с далеким близким. А мое близкое так далеко, что для воплощения его я должен искать людей и природу необычную. Меня смешит иногда, когда я читаю статьи моих противников, спорящих о моей «позиции». Вы были всегда моей единственной «позицией». А Вы далеко, вот почему я не пишу о том, чего Вы хотите, для Вас, впрочем, я могу написать немного и об этом.

Ежедневно в квартиру женщины-врача, в семье которой я живу, приходит девочка Варя лет семи в сопровождении англичанки: девочка лечится. Моя комната выходит в тот коридор, где перед зеркалом раздеваются пациенты, а я иногда подсматриваю, чуть приоткрыв дверь. Мне в голову не приходило, что в зеркало видно меня. И вот однажды я слышу, девочка Варя говорит англичанке: “Мишка (медведь) опять смотрит!” Англичанка пожаловалась врачу, и мне строго запретили подглядывать пациентов. Я послушался, но вот, проходя коридором, вижу на столе конфетку и записочку: “Съешь мою конфетку, Мишки любят сладкое. Варя”. На другой день взял я эту конфетку в зубы, стал на стул и смотрел на Варю, не в щелку, а сверху (верх двери стеклянный), и состроил такую уморительную рожу, что англичанка расхохоталась, я вышел из берлоги, познакомился и стал с этой чудесной умненькой девочкой дружить.

Ну вот, из моего ежедневного. Теперь подумайте только, какой мне приснился сон вчера: будто бы не дверь, а стена огромная каменная разделяет меня с девочкой Варей, а я — настоящий медведь с конфеткой в зубах, лезу на эту стену. Бог, покровитель медведей, помог мне взобраться на стену. «Варя! — говорю я, — Мишка опять смотрит, и конфетка цела». А она отвечает сердито: «Годы, пропасть, Михаил Михайлович, я теперь не девочка, а женщина с

седеющими волосами». Так сердечно, так искренно она сказала, что я — хоп! и съел конфетку и говорю: "Мисс! Лучшее со мною, привет Вам от Вашего лучшего!"

Ну, довольно шуток и слов! Мне было очень больно, Варвара Петровна, что Вы не поняли мою надпись на книге. Я думал о том "лучшем", детском, которое весь мир бросает как ненужное нам, мечтателям, поэтам и художникам, и мы возвращаем его миру обратно. Я же у Вас ничего не отнимал, а просто подобрал ненужное Вам, это Вы и теперь не цените, и назвал его своим и Вашим "лучшим". По-моему, "лучшее" и не во мне, и не в Вас, а в Боге. И это «лучшее» по существу своему должно быть отдано, как Вы давали мне розы, а я отдаю их миру. А Вы пишете, что "лучшее" всегда с Вами одной и никому Вы его не отдадите и будете вечной копилкой. Значит, это не то "лучшее", о котором я Вам говорю. Не Вы одна, но и все мы, сами того не зная, отдавали свое "лучшее", и другие творили из него свою веру. Мы где-то основными концами все в пучок связаны, а другие концы так болтаются. В этом наше небесное благословение и земное проклятие. Я потому называю страшным Ваше письмо, что оно пустое, голое, как скелет, и в то же время искреннее (скелеты — самые искренние).

Теперь Вы, надеюсь, поняли смысл "возмутительной" надписи, но я признаю, что мысль моя выражена в надписи неясно и как-то задорно очень, и потому прошу Вас вырезать эту страницу. Скелетных писем мне больше не нужно от Вас. Но я напишу Вам теперь еще лет через десять и пришлю Вам основную книгу, эта книга будет о Вас самой, и Вы, тогда совершенно седая, как императрица Мария Федоровна, поймете наконец, что значит: "привет от Вашего лучшего". Рыцарь Максим.

P. S. Эту книгу напишет рыцарь Максим, и книга эта будет знаменитой. Это совершенно серьезно (потому что в ней же все мое счастье и горе будет)».

Узел завязался, и две они проникли все мое существо. Тут нужно раздумать: чем я отличаюсь от Обломова? Тем, что, во-первых, Ольгу мою я не по лени не взял, а в

хозяйских мечтах видел святость, брак. В этом я схожусь с православными русскими людьми, а расхожусь только в том, что я тут сам все изобретаю: в борьбе дается мне это «православие».

Сны. Большой белый дом, где-то в нем ее квартира. Надо мной шутят: «вот она». Я знаю, что это не она, но делаю вид, что мы знакомы...

Лунный свет. Неясный портрет ее, нарисованный ею самой. Рядом с нею портрет ее главного поклонника с медалью на груди: синий фон, на синем еще более синее растрескавшееся на квадратах старое, дряблое лицо с черными необыкновенно красивыми глазами; лоб — не лысина, а ущербный-сияющий месяц, что-то в высшей степени смешное и в то же время героическое, и название: «Поэт такой-то». Вокруг этой фигуры маленькие аккуратные многочисленные фигурки в котелках — все другие поклонники. Обидная карикатура на меня, но я все прощаю. Она подходит к моей кровати, и мы сердечно с ней говорим: — Узнаете эту картину? — Да, я знаю ее, — равнодушно говорит она. Я рассматриваю его черты (мой двойник): очень аккуратный, деловой человек, похожий на Алешу Игнатова. И он мне рассказывает, что он женился... А я, женщина, я смотрю на это снисходительно, я люблю высшей любовью.

8 Ноября. Кто она? Любовь к жизни? или это смерть? Радость. Французская поговорка: «Всегда возвращаются к своим первым любовникам».

В тот день, когда я увижу ее, — я скажу себе: победа! Я победил! Что победил? Вот что: необходимость — стена выросла однажды передо мной, и страх, что ничего не можешь сказать о будущем, сознание беспомощности своей, что-то внешнее, разделяющее с ней, и она стала двойная, она в это время писала, что она есть мечта моя, творчество мое, что она — совсем не такая... Мечту любил, и она казалась действительностью подлинной, а все остальное — ненастоящее. Значит: когда я увижу ее — будет победа моей мечты, меня! Для победы теперь уже не нужно,

чтобы она была женой моей, а тогда это было необходимо, и вот, вероятно, оттого и победа, что нет настоятельного в жене, что теперь что-то чувственное отмерло... Значит, чем меньше чувственности, тем ближе цель, и смерть, может быть, настоящая победа? Но почему же мир так становится близок и понятен от любви к мечте? Задержанное, неосуществленное объятие раздвигает мир... на пути к любви, к миру — смирение: рушится «я» маленькое и переделывается в «я» большое, стихийное; отсюда и страстная любовь к земле, цветам; рушится «я» маленькое, заслоняющее мир; как оно рушится? смирением; пусть оно погибнет, но сверх него остается что-то большое, «я» — виноватое перед людьми, потому что «я не как все»; «я» [маленькое] хвалится: «я не такой, как все», а большое страдает и кается: «не могу быть, как все»; в гордости гибель (к Ивану Александровичу), в смирении — спасение. И вот, когда все гибнет... — нет, в последнем отчаянии хватаешься за обломок и плывешь по океану, нет берегов, нет земли, всюду подвижные волны... и тут конец? смирение до конца: не я правлю, а кто-то правит мною, и я отдаюсь, предаюсь Ему. И новый мир складывается в этом опасном путешествии, и новый берег, украшенный никогда не виданными раньше цветами, и опять она: то свидание. Вот почему встреча с ней так дорога мне: тогда оправдается жизнь, и будет понятно, для чего и что это было. Тогда, быть может, я отчетливо увижу в своей, иначе бессмысленной жизни, завет: любить искусство, как ее.

Это мой путь: путь моей мечты — «победы» — мужской путь. Но есть еще путь женщины — не мечты, она желает другой любви, не любви-порыва вдаль, а любви-внимания, соединения, любовности, устройства дома, обращения внутрь, «жизни», слияния, тепла, понимания двух, долга, «реальности» (в самых мечтательных женщинах порождается это, присущее им всем, деловое, точное, «реальное» восприятие вещей — у попов есть это тоже; тут сила земли (долга), там — свободы, неба).

Он становится поэтом, она — директором банка. Он ей пишет о своей победе, но правда ли это победа, если она

(действительность) находится в банке? Чтобы заявить о своей победе, нужно презирать действительность.

Момент слияния — совокупление, огонь; соединение того и другого начала: сердце — жизнь, жизнь — пламень.

11 Ноября. Петербург и (она), Россия и (ты). Когда возвращаешься к Петербургу, то это всегда сопровождается катастрофой: я думаю, что вот я теперь же силен и могу сказать слово, но когда я говорю его, то слово это просто гаснет, и она восстает холодная, правдивая, гордая, уничтожающая молчанием. Я становлюсь тогда маленьким, ничтожным и вижу и вспоминаю в себе только омерзительно дурное, и все, что я ни сделал, ни написал, кажется мне жалким фиглярством; и когда я представляю себе, что это фиглярство, она читает чуждое ей... мне... и ясно видит, как я карабкаюсь... паучок, то стыдно ужасно: опять сделал глупость, опять в новой форме пал перед ней, не победил, а пал. Тогда меня покидает вера в себя, в людей, все связи с людьми распадаются, родина, чувство природы, любовь к маленьким людям бывает отравлена... какая-то холодная белая рука, из камня высеченная, давит меня, как насекомое. Часто бывает так, что образ этого ужасного для меня существа кажется мещански тупой, холодной женщиной, но как только готовлюсь я презрительно отвергнуть ее, то вдруг вместе с этим вижу причины в себе самом, почему мне так хочется отделаться от нее по-обывательски: она меня отвергла, и я ее отвергаю; это кажется низким для меня, и тогда я бросаю мысль о ее «бытности», она снова мраморная и страшная...

Что меня спасает от смерти? Чем оправдываю я явление и значение этого образа? Тем, что в этот период бессознательно подготовляется другой, который начинается взрывом теплой любви к природе, детям, жене, к исканию красок для нового творчества; я уезжаю в глушь к семье, получаю оттуда силы, создаю что-нибудь для того, чтобы это жизненное повернуть и разбить в прах перед каменной статуей.

Значит, никакой победы, новый круг!

4 Декабря. Светлая точка существует в душе — совершенного спокойствия, когда совершенно ясно все, и задай в эту минуту самый трудный вопрос — он будет разрешен, и жизнь кажется в эту минуту так просто и легко устроить, и так много времени, и хочешь только одного: чтобы это состояние духа возвращалось хоть раз бы в день или вся последующая работа исходила из этой точки и возвращалась к ней. Задача: найти условие появления этого состояния духа и сделать опыты. Условие: когда станет очень плохо, останешься один, и когда один останешься и совсем потеряешься и ни за что не берешься, все противно и вяло, то вот тут-то и появляется свет разума. Не есть ли у религиозного человека это момент обращения к Богу — молитва? Значит, чтобы найти светлую точку, нужно все потерять и остаться одному. Теперь вопрос: нужно ли все терять, кто имеет, ради этой светлой точки? Когда имеешь, она не нужна. И спроса на нее тогда нет. Значит, если я завтра буду иметь, то система достижения светлой точки есть система разрушения того, что имеешь. Новый вопрос: эта светлая точка не есть ли обман?

Что она такое в моей жизни? Творчеству она не помогает непосредственно, потому что творчество есть страсть, волнение, неясность, а она — спокойствие и ясность, прежде всего. Помогает ли она так, что дает силы для новой страсти и направляет эту страсть к лучшим ее достижениям? Не знаю, это надо исследовать. Ясно одно, что она сама по себе представляет такую ценность, за которую можно (кажется) отдать все. В дальнейшем, когда будет приходить такое состояние духа, я буду развивать эти мысли под знаком С[ветлой точки].

О Боге я думаю так, что Он должен быть в действии, что Он — живое творческое начало и, чтобы постигнуть Его, — [надо] действовать, как Он, в сердце по отношению к ближним (любимым); что искать Его нужно совсем близко от себя, а не в иконах и храмах.

7 Декабря. Неудачи мои в художественной публицистике происходят потому, что слово «художественная» требует личного отношения к предмету, а слово «публи-

цистика» значит... одним словом, трудно сочетать искренность с чужими идеями.

9 Декабря. Две любви: одна из пустоты рождается и направлена в сторону — где-то она! — из одиночества рождается. Другая любовь от полноты, из шуток и веселого досуга, из общения и понимания, из незаметных привычек: так незаметны бывают деревья в городе возле домов, и вдруг они зимой покроются инеем или весной зелеными листьями, что такое дерево в городе — пустяки! А нечаянно взглянул на покрытые инеем или зелеными листьями сучки — и стало радостно. Так и любовь бывает — сама приходит из пустяков, созревая в буднях. Эта любовь всегда кончается свадьбой и потом детьми, домом, семьей — семейная обыкновенная любовь, из которой создается обыкновенное общество, быт его. А та долгая любовь из пустóты, образ ее — Маруха, отравительница жизни.

И бывает так, что борются между собой пары: 1) Семьянин и Маруха: он добивается жены, она хочет из него создать Жениха. 2) Он стремится к Марухе (видит в ней), она ищет мужа — говорят на разных языках.

17 Декабря. Себя нельзя описать, если не верить в нечто вне себя, и если даже пишет человек «я», то это уже другое «я», отделенное... и чтобы это «я» показать, нужно взять его в отношении к другому.

Вокруг «я» иногда застаиваются вредные выделения, и тогда человек беспомощно повторяет: «я, я, я». Как выйти ему тогда из тупика? Нужно действие (вначале было действие). Как начать (что делать)? Нужно скинуть балласт, и шар полетит выше; это момент, когда «все равно»: были деньги, были средства для будущего, и я берег их — и вдруг я трачу эти деньги для настоящего: «все же равно». Из будущего я переношусь в настоящее, и мне ценны теперешние мои средства, и я трачу себя на ближайшее, на любимое, на свое, а не на должное, чужое, будущее: «все равно пропадать». И вот пропадающий человек не боится ничего, ему все равно, и кто-то, следящий за ним со стороны и не смеющий в былое время подойти к нему, теперь приходит к нему как добрый друг.

Тут может быть и погибель в дурмане, и некто другой, может быть, явится в образе собутыльника, но это все равно: погиб все равно не один, в слабости, а не в гордости. Мало того, только вступил на этот роковой... и так раскрываются два пути: один в слабости, другой в гордости, путь неизвестного и путь известного; и первые шаги на пути неизвестного открывают мир страданий других людей, и тут же любящая рука протягивается, и бывает тут немой разговор через стены, открывается улыбка, звук голоса, и за всем этим, за самой дальней стеной самый ласковый, самый верный голос: «приидите ко Мне, все труждающиеся...» И шепчут близкие друзья: бросай, бросай балласт... бросаешь, и шар летит в ту сторону, и голос все слышней и слышней: «приидите ко Мне...»

И тут борьба: вот и вся Россия нищих и пьяниц и хищников всяких, и страшна пропасть, и потом: «может быть, они все хулиганы?» Так опять рассудок говорит, что «вы и не достойны того, чтобы я с вами», и снова накопляется «я» и колеблется почва, и опять <u>она</u> (Маруха): вся состоит из моего самолюбия, из самости моей, из гордости. Все мои уродства от М.: как только я к ней обращаюсь, то словно в кривом зеркале, и тогда все достигнутое — неприятно, противно («Людей этих не понимаю»).

Ненависть ко всему существующему, к быту.

Прошлое становится жизнью, как раньше было будущее. Настоящее не существует там и тут. Оправдание настоящего во имя идеала будущего: [прошлое] — юность, проститутка и мадонна, мать, мещанство, феминизм. Отрицание настоящего из-за прекрасного прошлого: настоящее — жена, быт.

По существу, чем отличается психологически состояние идеалиста прошлого и будущего? За будущим — идея — воля (чувство), в прошлом — чувство... какое это чувство.

Я хочу создать ее (женщину будущего) из ничего, потому что я верю в нее. И вот является настоящая женщина, и борьба сделать из нее будущее (обидная ей борьба) не удается, воля разбита, как в зеркале, видна узость идей,

анализ подтачивает подстройки идеала, идеи как жалкие подстройки... Я иду по улице, капли падают на камни, камни — внешний мир; и «я» — как капли падают на меня и растворяют что-то и превращают в дух. На минуту я отрываюсь (наталкиваясь на кого-то), какие-то подстройки на Софийском соборе. Подстройки, подстройки... Какие это подстройки? Это — марксизм. Это идеи социализма — подстройки — какие грубые подстройки. Упали подстройки, и настоящее требует своего признания. Я виноват перед настоящим, я устраиваю себе быт, все тетушки оправданы, я женюсь, быт не удается: и вот тут каким-то образом волшебная сказка прошлого — вся ширина и глубина мира открыты... Звезда сотворенная, сотворенный мир... и тоска по собственному творчеству... Мария... Чтобы стать поэтом, я должен отбросить фанатизм, частичные идеи, пассивно приобщиться к миру, я сам должен стать как женщина...

[Поэты] ради художества не были мужчинами. Я думаю об этом так: они не могли быть мужчинами, а потому и стали поэтами.

Но потом, когда стали стариками, понятие «мужчина» у них стало проще... Не хватает силы увлечь «ее» в свои грезы о жизни... И грезы остаются грезами и не становятся «жизнью». Но если бы грезы были разделены, явилась бы семейная жизнь и, быть может, не было бы поэзии. Что же лучше? Во всяком случае, тут жалеть нечего: выбор зависит не от себя. Я ставлю прямо вопрос: если обладание «ею» совершенно доступно, откажется ли кто-нибудь от этого для поэзии? Кто станет искать поэзию на небе, если она в руках? Если нет «ее» в руках, вот тогда ищут на небе... Но может быть иллюзия: «я сам отказался от нее»... Не я отказался, а слабость, мечты стали между мною и ею я не мог быть мужчиной, потому что я слаб, я поэт...

Я ездил по океану, по лесам, по степям Средней Азии, притворяясь, будто я этнограф — изучаю жизнь полудиких людей. Обман удавался: меня стали читать, воображая, будто в самом деле где-то в необъятной нашей родине есть страна непуганых птиц. Я становился все смелей

и смелей, хитрости мои стали все утонченнее. И вот наступило время, когда, мне кажется, я уже не хитрю: я победил, не в них правда, а во мне и моей Версальской Деве. И, быть может, наступит час, когда я прямо это скажу, без всякой посредствующей цепи технического литературного приема: вот где правда: я и Она! и вы с нами, покуда вы верите в нас. Только я прошу одного у Бога на этом пути: чтобы Он помог мне не заблудиться на этом пути, чтобы мой путь был истинный общий путь, чтобы свет был, а не безумие.

Город и штамп: улицы, дома — все штампованное. Он шел мимо окна и видел, как свет отражался на золотой рыбке и зеленых водорослях в аквариуме, и его опять кольнуло: это счастье — обладать таким аквариумом, положительно счастье. Он не знал того, что красота отраженного света на золотой рыбке и водоросли была его собственная способность видеть красоту, не знал он, что аквариум штампованный, не знал — ворчливая старуха наполняла водой этот аквариум... Вокруг него было все штампованное: и улицы, и дома, и вещи, выставленные в окнах, и часто в домах эти штампованные вещи брались напрокат или покупались не потому, что они красивы, а потому, что «принято так», и что, пробудь он с ними в такой обстановке три дня, он бежал бы от них. Чем же манили его, едущего под дождем на верхушке омнибуса, эти так радостно освещенные квартиры? Манили они его покоем и радостью: казалось, что у них там, в этом штампованном царстве, нет этой боли одиночества. На том месте, где у него острая боль одиночества, — там... радость связи со всем этим огромным штампованным царством.

После этих переживаний женить его и после опыта женитьбы возвратить к тому же, но только мебель будет прошлых времен. Опять тот же вопрос: почему от обращения к прошлому возможно творчество и почему невозможно от обращения к будущему — не потому ли, что идеал социализма неосуществим до выполнения идеала анархизма... и потом вот еще что: не имея опыта в мещанстве, как отрицать его, как отрицать то, что при встрече

с женщиной явилось как атрибут... Для нее я должен создать это, это пустяки в сравнении с настоящим моим, но если я этих «пустяков» не могу создать... то невозможной становится и психология аквариума и виноватость перед всем этим штампованным миром.

А вот и тогда верилось мне в глубине души моей, что Вы моя, что я понимаю Вас и Вы меня понимаете, и живем мы вместе, и что если бы один как-нибудь устроился — и мы бы сошлись. И вот эта единственная причина и причиняла страдание...

Земные предметы, однако, мне непрерывно казались в этом состоянии прекрасными: они прекрасны, но только *я* не могу обладать ими, *я* в чем-то виноват. В минуту кошмарного отчаяния бессознательно взялся я за перо и неуклюжим отвратительным языком стал писать о прекрасных тех предметах, изо дня в день, пугаясь, что язык мой слаб...

Вероятно, воспоминания об этих версальских сказочных деревьях и волшебном озере между ними были передо мной, когда в медвежьих углах России, в дебрях лесов я писал о стране непуганых птиц. Чем дальше уйти от города, от людей, тем больше приблизишься к этим сказочным деревьям...

Раз в своей жизни видел я Бога. Это было, когда мы встретились весной. Сколько было света! Какая чистая, тихая вода была в озерах. Какие волшебные зеленые светящиеся деревья были вокруг озер! Мне казалось, что оскорбил Вас предложением быть моей женой... Что все неясное от этого. Тогда я ушел за город в ясный солнечный день. Кажется, это было в Версале. Там было это волшебное озеро, и купол небесный был над ним такой большой, большой. И тут, идя по берегу озера, я вдруг понял, до того ясно понял всю, всю правду. Хотелось слышать ее, хотелось сказать Вам сейчас же. И вот я подхожу к киоску, покупаю лист бумаги и карандашом пишу Вам: что понял все, что нам увидеться нужно немедленно. Одно, что тяготило меня в эту минуту, — что не могу я тут же сказать

Вам все, что Вы, не зная этого света, промучитесь еще во тьме.

И вот Вы пришли в сад, потом ко мне... Боже мой, какой вздор, какие глупые слова пустые говорил я Вам (сигара, предупреждение девушки, жены...). Спасение было от этих слов в нашем общем чувстве, оно возвысило нас, и потом, гуляя где-то, мы были как святые, и я почувствовал, что вот опять возвращается то, что я видел у озера, но только теперь еще это лучше: теперь нет тревоги, теперь так просто, ясно, спокойно, теперь Вы меня понимаете... нет этого разделяющего наше свидание дня, что-то достигнуто. Но как раз в эту минуту Вы зовете меня куда-то в уединенное место, и я вижу... Я ответил Вам в эту минуту неправдою, и неправда была в Вас, такая же неправда, как мое предложение. Зачем быть моей обыкновенной женой после видения Девы на светлом озере.

И так пошло дальше все хуже и хуже, и пропасть разверзлась между нами: разная земля, разные люди, все другое, и так было, что...

Далекий друг мой! Судьба разлучила нас в лучшие годы, время изменило наши черты, мы не узнаем друг друга, если встретимся на улице... Больше, услышав голос, я может быть, не узнаю, что он Ваш, и Вы — что мой. Что же может нас соединить? Между тем, я могу Вам писать, я постигаю Ваш духовный облик, я верю, что Вы существуете, и Вам, если только пишу Вам в лучшую минуту и вижу Вас, ни одного не будет слова неверного. Вы и моя совесть, и правда, истина и красота... И как я могу не верить в Вас, если все лучшее от Вас?

Бессмысленность того, что считалось раньше смыслом (деятельность) — как зеркало со стертой амальгамой...

Вот я теперь не узнаю ее лица... Может быть, она десятки раз проходила мимо меня, с любопытством заглядывая мне в лицо, но я ее не узнал... И между тем, от нее я начинаюсь, в ней я...

1913.

Сочельник Рождественский.

Там где-то говорили о театре и о быте. Как будто быт не вера наша, а вещь: так и делили пьесы на бытовые, значит, плохие, и символические — хорошие. Говорили, думая о мертвом быте, на самом же деле быт есть форма выражения нашей жизни: люди живут, любя, веруя, и создают быт; таким образом, вся культура есть не что иное, как бытовое явление.

Слабость тем плоха, что когда нужно решать что-нибудь, то к слабому человеку на помощь приходит чужая и, значит, неправая воля и решает, и тут бывает плен и рабство слабого и огрубение сильного. Сила вовсе не добро, но она бывает настоящим добром, действует из себя и на себя...

Чем примитивней душа, чем ближе к природе, тем напряженней переживания любви...

Первоначальное чувство: овладеть женщиной и порадоваться, вильнув хвостом: я победил! [потом вызывает] и боль, боль вызывает злобу, потом наполненное злобой существо становится само себе противно, и вот он кается, уничтожает, сбрасывает с себя все, чтобы новым быть, и опять к той же женщине: я не такой теперь, я идеально люблю; и снова крушение идеалов, и опять злоба, сначала мелкие колебания, потом больше и больше, сначала она двойная, потом волны больше, и она наконец становится Мадонной, а потом Марухой. А она желает обыкновенного [мужа], ей это ничего не нужно, и чем тоньше он становится, тем дальше от нее чувство: секрет найден, как избежать уколов жизни: нужно не соприкасаться с раздражением, хорошо! — но это найденное спокойствие всегда сопровождается чувством, что настанет когда-нибудь время расплаты — это все больше и больше обостряется, и вот наконец наступает расплата: любовь.

Как первое покаяние: Бебель, жизнь и женщина заменимы искусственным кругом. В основе боязнь овладеть женщиной, потому что испуг перед грязью, а в основе испуга детская основа, мечта с детства, самоанализ (задница

большая). Чем острее «я», тем выше стремление к «мы». Из тюрьмы, когда выпустили, такой переход: женитьба = уверование в Бебеля.

Но вот вопрос, в каких тайниках детства коренится это начало: изучить Колю, наш дом.

Религиозное чувство, как и поэтическое, есть поправка жизни. Кто живет всей полнотой жизни, тот не подается ни в поэзию, ни в религию. Я не могу отказаться от представления возможности жизни вполне счастливой и прекрасной без искусства и религии. Я не вижу такой жизни теперь, но верю, что она была и что она возможна, если человечество почему-нибудь одумается и обратит свой взор не на старость, а на детство. Но как все это будет, я не знаю.

Я знаю, есть другое мнение: жизнь есть для философов...

Мое основное настроение теперь: я колеблюсь между признанием того или другого. Страшно вот что: все это рассуждение старо... Все, что я думаю, — было думано и передумано. И я могу лишь дать другие оттенки тому же самому. Сущность жизни одна и та же. Мы все работаем над изменением ее формы. Сущность неподвижна. Формы ее изменчивы. Шляпа одна и та же — перья другие. Когда человек любит — он проникает в суть мира. Поэтому мир ему должен представляться вращающимся вокруг неподвижной точки.

Вижу край зеленой одежды мира. Хочу о ней писать, хочу ловить все, что летит и вьется и реет вокруг... Дальше и дальше от центра... Все ловить... все хватать. И всегда беречь в глубине души тайную тягу к тому, что скрыто под зеленым покровом. Никогда не называть это. Вечно чувствовать. Называть только то, что вокруг вьется... Тогда будет поэзия...

Я никогда не смогу описать свой роман, самую его суть... Я не могу взять море, но я могу подобрать самоцветный камушек на берегу его. Я не могу погрузиться в бездну вулкана. Но я могу собирать пемзу и остывшую лаву...

Большой соблазн послать сестре письмо: Милостивая Госпожа Анна Петровна! Случайно я увидел Ваш адрес в справочной книге Петербурга и решил, что Вы непременно сестра Варвары Петровны. Я ее старый хороший знакомый, утерял ее адрес и вообще ничего не знаю о ее судьбе. Мне хотелось бы сделать ей удовольствие: послать ей одну из своих книжек... Быть может, Вы сообщите ее адрес или просто позволите послать книгу Вам для передачи ей.

Послать или нет?

Письмо солдата к Маше-Галке (копия).

Дарю на память Марии Ивановне от вашего любезного дв.* Максима Леоновича г-на Сушилова. 1911 г.

Милостивая Государыня Мария Ивановна!

Лишь только счастливый случай познакомил меня с вами, как тайный голос сказал мне, что вы именно тот Ангел, которому суждено осчастливить и украсить мою одинокую жизнь, предчувствия говорят мне, что я могу рассчитывать на вашу взаимность и на то, что вы отдадите мне ваше сердце и руку.

дв. М. Л. г-н Сушилов.

Милая Маня!

Помню я день наших встреч, помню я сад и луга, помню священные речи, помню объятья твои, помню конец нашей встречи, чудную слезу любви, умные и приятные речи помню, позабыть их я не могу.

Милая Мария Ивановна! От лица службы моей благодарю вас за ваше взаимное со мной согласие, а за мои для вас худые и оскорбительные для вас речи прошу извинения. Только хотел узнать ваш характер. Затем прощайте, меня худыми словами не поминайте, добра вам желал и всю правду сказал. Затем объявляю мою сердечную благодарность Николаю И. Умнову за отличное устройство его квартиры, я надеялся под его покровом провести остаток дней моей службы, но вышло наоборот.

Милостивая Государыня Мария Ивановна!

---

* дворянин.

Я надеялся с вами найти вечное блаженство, а теперь не знаю. Если же вы от меня непрочь, то я с удовольствием готов стать с вами перед престолом и обменяться нашими венчальными кольцами, но как вы... жду от вас ответу за мои слова. Остаюсь ваш загробный страдалец дв. Максим Л.

Милая Мария Ивановна,

мое место жительства: житель я города Климовичи Могилевской губернии, происхождения я из дворян, отец мой в дворянском собрании, но я все время не сказал никому, потому что мне совестно, что я дома имею прислугу, а здесь я сам в прислугах, образования я не получил, потому что не хотел учиться, захотел испить чашу великих для меня страданий...

В виду моего отправления к новому месту моего служения вам желаю счастья в будущем, а мне пожелайте счастливого успеха бороться в деревенской жизни. Любящий вас до гроба дв. М. Л. г-н Сушилов.

17 Июня. Маговей-птица. И было утро... Чайка летела высоко и думала: там внизу огромная рыба с боку на бок переворачивается. А это океан лежал. Чайка упала в океан.

И вторая птица летела в облаках. И вторая упала. И третья летела. Много птиц поп дало из воздуха в воду. Верно, перед дождем.

И был вечер...Тучи собрались над землей. Молния упала на темный лес. Загорелась и закурилась сосна. Вторая молния упала на лес. Еще закурилось дерево далеко от первого. Третья молния ударила. Третье дерево закурилось.

Пар поднялся с воды. Закрыл океан. Дым протянулся над лесом. Закрыл лес...

Я остался один на голой скале, и со мной в камнях один лиловый колокольчик. Господи! Как велик этот мир внизу.

Сколько птиц на моих глазах упало в воду. Сколько деревьев загорелось от молний. И сколько не загорелось. Я один. Я слышу, как бьется мой пульс. Я вижу, как я ти-

хо качаюсь от его ударов. Я слышу дыханье <*зачеркнуто:* этого> лилового колокольчика. Я его люблю. Он связан со скалой. И через любовь мою к колокольчику я связан со всем великим миром. Звезды зажглись. Тайна легла над землей. Господи! Оставь так. Оставь меня таким, как я есть, как я сейчас. Господи! Дай мне сил не оторваться и встретить вместе со всеми Солнце.

Дым протянулся над лесом. Закрыл лес...

На скале один остался лиловый колокольчик. Мигая, звезды зажглись над ним.

Внизу в леске запела Маговей-птица...

И тысячи веков прошли. И тысячи раз было утро. И тысячи раз был вечер.

И еще прошли тысячи. И еще тысячи. И еще. И тысячи тысяч прошло. И было утро, и был вечер...

Маговей-птица все пела и пела <*зачеркнуто:* в лесах>. внизу на земле.

Крик во сне!

В неизвестном лесу на кусту можжевельника у самой земли прилег человек, и этот сон его у земли ранней весной так не пройдет, земля его полюбила и потянула прямо на ток, на поляну, где стоял один только одетый можжевельник.

На темном кусту можжевельника среди вырубки, окруженной большими лесами, спит учредитель школы пролетарских вождей, и хорошо ему, и никогда ему теперь не найти лучшей постели, и если он потом... и очутится на пружинном матрасе первоклассной гостиницы, не быть ему покойным: его теперь будет вечно тянуть поспать на кусту можжевельника. Спать, петь и любить всему живому назначено в одной своей собственной точке, тут скрещиваются все параллели и меридианы земного шара, тут он ставит потом свой чистый дом и неподалеку отхожее место: чистый дом — источник добра, отхожее место — источник зла. Но у всякого добра есть один порок — склонность к покою, и отсюда лень — мать всех пороков, всякого зла, в покое дом стоит и гниет. И у всякого зла есть добродетель: оно не любит покоя, у него тысячи [дел], оно

действует. То, что было в отхожем месте, заражает почву, [зло] закопаешь в творчестве — и порождает добро.

— Отец, отец, дом твой сгнил совершенно.

— Бери топор, сыночек, строй новый дом.

Так пришел в лес человек, уснул на кусту можжевельника и нашел свое место. А у птиц оно давно уже было любимое: с незапамятных времен сюда собирались тетерева начинать весну, и тут был их ток. Вспугнутые, они разлетались в разные стороны, и там, не в силах остановить в себе призыв любви, начинали петь, но песнь [тетеревам] не удавалась, на чужом месте не выходила... Смелый поднялся и полетел, куда его тянуло: спать, петь и любить назначено на одном месте. Он летит туда, садится на высокую ель возле того куста можжевельника, осматривается — нет никого! Слетает, садится в темноте возле спящего и поет — все покойно... Тогда он покинул куст и слетает, пригибаясь и подпрыгнув вверх, ужасным криком вызывает рыцарей всего леса на бой. Этот крик его и шип «чу-ф-ш-ш-ш» на язык человеческий переводится: всех, любовью сгорая, всех зову на смертный бой. Все рыцари слышат и отвечают: чу-ф-ш-ш... Весь лес шипит. Услыхав этот смелый [вызов], рыцарь-токовик, как бы уверовавши, что дело его правое и есть с кем показать себя, начинает приготовляться к серенаде: свою лиру на хвосте он поднимает вверх, крылья опускает к земле и страстно чиркает и царапает ее, еще холодную, снежную; голову, украшенную огненным цветком, пригибает к той же земле, где и слух, и сила. Синеватые перья на шее все широко расходятся, и серенада начинается, это как у человека: гаснут дальней Альпухары золотистые края. Эта серенада — предчувствие движения воды и песни первого проснувшегося ручейка — [звучит со всех сторон в лесу]...

Сын идет против отца, он выдумал, что прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками, бросил отца с его добром и поступил кондуктором на железную дорогу. И это его знание и дело отец объявил злом... Но у всякого добра есть один порок — склонность к покою, и отсюда является лень, мать всех пороков. И у всякого зла

есть своя добродетель: оно не любит покоя и действует. Много накопил отец добра, и дом его загнивает.

Параллельные линии сына покривились, и рельсы сошлись в одну точку, и тут на кусту можжевельника усталый прилег и видит — отцов дом стоит и гниет.

— Отец, отец, дом твой сгнил совсем.

— Бери топор, сыночек, строй новый дом.

На каменном фундаменте, по правилу «прямая есть кратчайшая [линия] между точками», сын строит дом и для добра отводит особое отхожее место.

И так все идет, убегая и возвращаясь на то же самое место, где человеку назначено быть самому собой.

<*Приписка:*> Может быть, поначалу у него нет имен для добра и зла, и то, что у него на дворе остается от себя, и его-то называет добром, удобрением. Только преодолев [отца], он делает себе чистую горницу и чистое добро... [источник] зла — отхожее место.

И у птиц тоже есть свое место любви. Тут на этой полянке большого леса, где стоит куст можжевельника, был тетеревиный ток. Птицы, обманутые месяцем, раньше времени собрались сюда, пришел человек, они разлетелись. Месяц померк, человек уснул на кусту, они подождали. Было еще совсем темно, но беспокойный бекас, длинноносая птица, в темноте взлетел на воздух высоко и оттуда заметил острым своим глазом никому не видимое первое движение света. Обрадованный, он сложил одно крыло и поднял, рассекая воздух другим крылом так сильно, что из этого звук вышел, похожий на крик молодого барашка. От этого крика забрало неспящего зайца, и [он], зная, что все спят еще и ему это так пройдет, закричал: зайцы тоже раз в году кричат, и у них это совсем ни на что не похоже выходит. Удивительный крик зайца взбудил токовика. Старый боец ...

В неизвестном лесу на кусту можжевельника прилег усталый человек, уснул и отдался тяге земной. Это ему так не пройдет: земля опять потянет его на то же самое место, и захочется ему тут спеть свою песенку, быть мо-

жет, придет на звуки его души и возлюбленная, они тут вместе уснут. Спать, петь и любить назначено человеку силой земли в одной точке, это его место, его собственный меридиан, тут он — сам. Вот он уже тут срубил себе хижину и возле поставил двор для скота. Вначале он не очень различает, как мы, добро и зло, и называет добром то, что остается на дворе от скота, он тоже ходит каждый день до ветру: тут скопляется его добро — удобрение. Не за этим ли добром и потянула его мать-земля, когда он уснул первый раз на кусту можжевельника? У него сын растет, смелый малый, против отца, против матери-земли он объявляет, что прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками, прямоту, чистоту он называет добром, кривизну, грязь — злом, и ставит для этого особое отхожее место. Ему не сидится, он поступает кондуктором на железную дорогу и наслаждается прямыми параллельными линиями рейса.

29 Августа. **Петербург.** Ночь в пустой квартире пыльной. Ночью является желание, в одиночестве и тишине ночной встречи целомудренные объятья с милым, единственно по-настоящему близким и несуществующим существом. Встретились где-то на улице, оглянулись, узнали. Улица-река, дно какой-то огромной реки, рыба массой валит плотной, всё рыба, рыба холодная. И вдруг проходит мимо кто-то, оглядываюсь, и тот оглядывается, и мы узнали, узнали до конца, до последнего, когда возьмешь за руку, и рука как своя собственная, и говори, что хочешь, все будет верно, каждое слово будет настоящее.

Лицо было свое, в своем виде явилось, только было лицо печальное: сестра умерла...

Что же это, наконец, значит? Эти вечные преследующие меня везде и милые сны? С этим, наконец, нужно считаться, это факт, это жизнь, это моя, только моя собственность, ни с кем из живущих не разделенная.

Сон: какой-то знатный и богатый человек приглашает меня на заседание Гаагской конференции мира, после этого заседания он ведет меня на какой-то великосветский базар и там оставляет меня одного между роскошны-

ми дамами. Мне страшно неловко, вдруг узнают все, что я живу в избе и рассчитываю каждый грош для своего пропитания. Ко мне подходят дамы с подносом, и на нем вещи, которые я должен купить, но везде стоят огромные цены в тысячи рублей, и только на одной белой розе стоит 95 руб.; я говорю растерянно, что у меня денег нет, что я живу в избушке и могу купить одну только белую розу. На меня смотрят странно, шушукаются, уходят в другую комнату, я слышу: «Как он смел к нам сюда, ведь мы же его видели с N». Я как пригвожденный; если принесут мне белую розу, я спасен, нет — получится такая, такая обида, что я весь должен как-то вывернуться от боли. И вижу я, что не дождался, мне не поднесли белую розу. Тогда я вдруг выбираю какую-то бледную даму Елизавету и все ей открываю о себе, и что-то отвратительное вижу в другой даме и ее дочерях и об этом говорю вслух всем. И потом остаюсь наедине с Елизаветой в ее доме...

В полусне просыпаясь, я уже стараюсь...

Снилось, будто живу я в большом доме, и в коридоре напротив меня она сняла комнату, и все-таки я ее не вижу и несмело выспрашиваю Сашу, какая она. Так, трудящаяся, — отвечает Саша.

Каль, в сущности, глупый человек, мещанин, когда ухаживал за Анной Ивановной и она смеялась над ним, что-то чувствовал, и на этих своих чувствах он потом стал играть и достигать (по-мещански) и достиг профессора истории музыки, а в ней он достиг лобзания голой ножки. Такой человек во время своей «течки» опасен, потому что легко может симулировать искреннего человека. Во время «течки» могут сойтись самые противоположные люди, и как им потом стыдно встречаться! В сущности, я их презирал: его и ее. Она была подруга ее; но, робкий, не смел я обратиться прямо по адресу и ухаживал за этой: этой я подносил цветы, думая о той, эту я любил, сам верил, что любил, думая о той. И она мне стала отвечать. Развращенная тем, она иногда допускала себе со мной двусмысленные шутки и становилась в эти моменты невыносима для меня, и я говорил ей о чистой настоящей любви, и она

была рада безмерно и называла меня «идеальным, поэтическим». Я ходил к ним часто, страстно как-то ходил в надежде встретить ее настоящую, но она редко бывала. И я был в своих чувствах так высок для А. И. и для ее мужа, что никто меня не мог ревновать: я — идеальный и поэтический. А я чувствовал к ним глубокое презрение, но лгал себе, и тем чувством, как шлейфом волшебным, превращал презренных и обыкновенных в милых, прекрасных людей; и так весь этот роман презренный и недоступный мир превратил в мир любимый, прекрасный — я простил им все.

А у ней, у настоящей, была фланелевая шашками блузка, в этой рабочей блузке прямо от книжек она в этот блестящий мир показывалась, простая, с глубоко затаенным (как и у меня раньше) недоверием и жаждой того же мира: у этих все открыто, все внешне, у той — все затаенно.

Действительная реальность — она и теперь такая для меня существует [в том], что уже ей принадлежит постоянно — что же это?: оно в стороне от мира (она: «трудящаяся»), гордая в образе зайца, оттуда решительная, смелая, здесь робкая затаенная, что с ней [связана] тайна.

Роман детей: Глебу вложить эти чувства. И так любил он весь мир обманно: ее любил.

Нужно было только раз в щелочку увидеть ее — и тогда конец на всю жизнь, я так себя спрашиваю о ней: какая же она? И мне отвечают: да такая, как все, обыкновенная, трудящаяся...

31 Августа. Когда-то я завидовал тем ученикам, в которых никто не сомневается, что они кончат гимназию, для меня кончить казалось невозможным. И я завидовал всем во многом, чего, мне казалось, я лишен.

Потом я заметил по опыту, что и у меня все это приходит, то есть я уверился, что кончу гимназию, что в меня влюбляются гимназистки и т. д. — но только у меня это приходит несколько позднее, чем у других. Уверившись в этом бесчисленными примерами, я стал успокаиваться.

Как раздражает меня критик своим довольством, своим недовольством общественной жизнью, своим литераторством, бездарнейшим исчислением свиней и баранов в разных уездах. Какие тупицы эти умные литераторы «Русских Ведомостей», куда я посылаю благонамеренные фельетоны. Неужели все это так-таки и может продолжаться.

Какой хаос неоформленных чувствований! Как бы хотелось превратить все их в стройное, ни для кого не обязательное миросозерцание чувств... Как все это давит меня... Как манит... Сколько обещает... Какая тоска у себя дома, в семье... Как я выйду из всего этого... Как добыть сил на спокойно-мудрое управление жизнью.

Фрося поет песню: «Мое личко, как брусничка».

Пришла Фрося. Долго молчала, а потом спрашивает: «Ну как же, Яшеньку будем в деревню отправлять?» Она мне мешала. И еще раз спрашивает... Потом мы вышли с ней на улицу. Я наговорил ей дерзостей. Я чувствовал: тряпка висит на мне и болтается. Я ей так и сказал: она должна любить свое дело, я — свое, я ей ничего не обещал. Если она не любит свое, то я возьму детей, и пусть она живет, как хочет. Она сослалась на десять лет сожительства, на то, что она не может воспитывать детей без отца и что она необразованна...

Я ушел и бродил по улице. Тьма, кошмар насели на меня... Бросить — значит воспользоваться женщиной и отпустить. Она мне отдала все, что у нее было. Нести крест — не могу. Пустить пулю в лоб и поручить остальное родным? Я представил это себе — и жизнь как радость, писательство. Фрося добрая, беззаветно мне преданная— [самоубийство] нелепость. Об этом думать рано. Надо решить вопрос, буду ли я воспитывать детей как следует — тогда нужно отказаться от искусства; как поступить, если не воспитывать: отдать в деревню к родным, платить за прокорм, когда подрастут, учить ремеслам. Все это надо решать на днях. Фросю я люблю. К детям ничего не чувствую. Воспитывать не умею, не могу.

Какая нелепица из этого брака. Любил. В безумном отчаянии ухватился за другую, простую. Она пошла и пошла по следам, как тень. Из-за нее разрушились отношения с матерью. Из-за нее жизнь пришла в какое-то отчуждение, в дикость. Из-за нее я стал писать, мучиться и искать. Из-за нее я должен теперь прекратить, что нашел, и остаться совершенно ни с чем.

Общий результат размышлений таков: нужно отнестись к вопросу спокойно, дельно, ни с кем не советуясь, и, разрешив, идти неуклонно по намеченному пути.

До завтра!

Звуки...

Звуки звенящие... Слышите?

Слышите, дорогая... Звон и звон.

Прощайте... Забудьте...

Навек? Да, навек, навек, навсегда и вечное, вечное время, вы не увидите больше меня...

Прощайте...

Прощай...

Прощай...

28 Сентября. Вечер на Петербургской стороне.

Отдать себя жизни, пусть ранит она сердце, чем больше ран, тем глубже свет. И каждый человек будет открытая книга, и по одному звуку голоса другого человека будешь сразу узнавать, кто он такой, что с ним было, чем он мучится, как он ранен... А то можно забить себе в голову гвоздь и так с гвоздем всю жизнь прожить и ничего не узнать (Мейер).

30 Сентября. Свободен тот, кто понимает законы необходимости. А кто понимает законы необходимости, тот ищет свободы выполнением долга.

Но все эти законы должного действительны только в пределах личности; законы должного, найденные для себя и гарантирующие для нашедшего свободу по отношению к другому лицу, не имевшему тождественного опыта, являются источником несвободы.

Наиболее свободен тот, кто берет на себя ответственность за мировое рабство и согласно этому действует —

принимает крест, как Христос. А наиболее несвободные люди — христиане, потому что они навязывают другим формы пережитого должного в природе. Они хотят начать жизнь с конца, а жизнь с этим не мирится.

Христос есть не больше как мировой врач, но если я здоров, то врача не зову, а начало жизни есть радость здоровья. Я со своим опытом перед этим началом просто старичок, ценой жизни своей, светлой благословляющей улыбкой и еще тем, что, если будут раненые и страдающие, я приду к ним на помощь. Такой врач-старичок будет с вечным удивлением вглядываться в новую жизнь, с вечным изумлением перед бесконечным разнообразием новых и новых форм жизни.

Заключение всего этого рассуждения: путь к свободе есть путь болеющей личности, мир вовсе не болен. Законы свободы, найденные для личности, совсем не применимы к «миру», и даже так, что в этих законах есть закон понимания этого и любовного умолчания о них — закон улыбающейся тайны.

Царство Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю и спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он. Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе.

Земледелие, клевера... Это все само собой сделается, а где же я?

Богат и счастлив тот человек, который живет и делает и показывает пример другим. А есть которые, делая, все на других озираются: как они плохо делают — эти несчастливы. И еще есть, которые ничего не делают и только на других озираются: когда, мол, эти начнут, и мы начнем. Такие люди и бедны, и несчастливы.

Теперь каждый может заметить, что в писаниях, исходящих из верхних слоев интеллигенции, постоянно повторяются слова «личность», «личное» в том особенном значении, которое приобретают слова, когда становятся флагом. Понятия «индивидуальность» и «личность» в широком житейском обиходе смешиваются, а между тем,

эти понятия часто становятся противоположными. Индивидуальность может быть всякая, пассивная, активная и прочее, а личность — одна.

Может ли возникать личность без попрания индивидуальности? Великая правда индивидуализма состоит в том, что он служит фундаментом для построения личности... Индивидуальность от стихии, личность от человека... Личность создается не разрушением индивидуальной стихии, а напротив: в личном индивидуальное получает свое крещение. Творчество личного есть крещение индивидуального: выбор святой, создание церкви, общины свободных личностей. Изнанка всякого «мы» есть, конечно, «я» — индивидуальное, материальное.

Индивидуальное есть щупало земных вещей, посредством этого щупала они разлагаются, выбираются, и тут бой идет великий за обладание землей, тут создается вкус мира, творчество мирового обеда...

Совершается творчество мирового обеда и великое местничество за столом, и вдруг совершается чудо насыщения пятью хлебами, все едят одинаково хлеб от семи просфор из одного теста и при насыщении не дерутся, не считаются с местами, едят и похваливают Господа... теперь нет больше местничества, нет больше земного обеда, индивидуальность чудесно перешла во что-то общее, земля общая, вся материя общая... все люди братья: я не сам по себе как индивидуум, а «я» стал «Я» с большой буквы, «Я» — часть Божественного Существа — личность, «я» с маленькой буквы окрестилось и стало «Я» с большой буквы, «Я» — Божественная Личность.

Вся беда в России, говорил мне высокий чиновник, что нет средних людей. Средний человек — это существо, прежде всего, удовлетворенное всей жизнью и там, где концы ее с концами не сходятся вообще и для всех, готовое подчиниться Богу, начальству или закону. Но представьте себе страну, где каждый постиг как мировую тайну принцип всеобщего беззакония личного и в то же время высшее право личности, где каждый имеет психологию гения без гениального творчества, где и действительный гений не

может быть законодателем, потому что тайну-то гения (личное беззаконие) все подглядели, тайна (личное беззаконие) стала всеобщим состоянием, и всякого «законодателя» винят в двойной бухгалтерии.

1 Ноября. Араби — овца в Туркестане, очень редкая, из которой выделывается драгоценный сорт каракуля. Голубые бобры. Спросить у Молчанова еще о каких-нибудь редких промышленных видах животных.

Пересматривая материалы 3-го тома, пришел к заключению, что все мои лучшие писания основаны на описании своих непосредственных впечатлений. Из замыслов ничего не выходит. Из воспоминаний тоже.

15 Ноября. После месяца дождя и всякого ненастья с наводнением и пушечными выстрелами, ночью, проснувшись в кровати, увидел освещенное электричеством рыжее небо, и на этом небе две маленькие звездочки, одна побольше, другая поменьше. И этим звездочкам я обрадовался, и это были не две звездочки на рыжем небе, а две совсем, совсем [маленькие] и чистые минутки жизни моей...

Справиться, где живет родной брат.

Как же это вышло? Вышло это все от обращения... дикари такие росли, все звали этих мальчиков «дикари». Ив. Ив. тоже дикарь и мать, у них у всех не хватает одного какого-то высокого чувства, и они знают об этом, стыдятся и ходят вокруг шалые и дикие. Мелочны, скупы в домашней жизни и вдруг расширяются беспредельно, как леший может показаться то травинкой, то высочайшим деревом, а вот линии-то у лешего нет, того, что есть у святых и у людей уже просто «порядочных» (дворян, образованных).

Еще одна черта в семье диких: любили место, а не друг друга, тянуло к саду, к земле, а не к братьям и матери.

Из этой дикости — храбрость... и выросло то особенное чувство к «ней»... чувство катастрофы мировой и женщины будущего: катастрофа — это гибель «порядочных», торжество соединенных дикарей и «она», женщина буду-

щего. Действительная катастрофа это была, когда явилась «она» реальная и пришлось в нее верить... и проч.

Образ матери.

Вот странная семья: все братья и сестра хотели семьи, болели этим желанием, и никто не создал ее. И сами между собой без всякой причины отдалялись, отдалялись и умерли в разных углах, ничего не зная друг о друге, не справляясь...

У мужика все привычно, на земле все известно...

Помню гигантское дерево в одном саду, и вокруг этого дерева меня венчают с нею, и все думают, что она моя невеста, а это самая ненавистная мне девочка; я потому и согласился на брак, чтобы замести следы, чтобы они не знали, не подумали, какую люблю я настоящую, и не посмеялись бы над моей любовью: эта краснощекая круглая кубышка шла со мной под руку вокруг дерева, та настоящая была далеко, я только в щелку забора видел ее бледное лицо и стройный стан в коричневом гимназическом платье с кружевами. Не было свидетеля, когда я смотрел в щелку забора: яблоки и груши, бессемянки и бергамоты единственные были свидетели, но я и их боялся, как бы они не разболтали тайну мою, что я видел ее! Ненавистная румяная Маруська сама сделала мне предложение, и я принял его, я венчаюсь с нею, и уж теперь никто, никто не будет знать и никто мне не намекнет, и я не покраснею: теперь я как все, у меня, как у всех, будет обыкновенная жена Маруся Толстая. А покраснеешь — это самое страшное, что только может быть на свете: покраснеть за общим столом! Раз или два в месяц за общим столом кто-нибудь говорит слово «Таня», и если я успеваю перед этим за один хоть момент сообразить, что сейчас будет слово «Таня», я закусываю нижнюю губу до крови и шепчу про себя: «Ад, Сатана! Господи Иисусе, Сыне Божий! Свят, свят, свят Господь Саваоф». Для этого нарочно и придумана [тайная] эта молитва: когда я говорю «Ад и Сатана», то вижу глазами красную преисподнюю и чертей с крючьями, самое страшное, и с этим ужасным борюсь словом

Божьим; борьба эта бывает смертельной, я сплющиваюсь в пластину, чувствуя себя холодной белой пластиной, и не краснею, и все за столом проходит благополучно, бледность моя смертельная проходит мгновенно, никто ничего не замечает. Но если только я не успею закусить губу и не успею прочитать свою страшную молитву, то непременно покраснею пожаром, пламенем и сижу весь в огне, в пламени: тогда я как будто в аду, как будто молитва не спасла меня, и вот-вот... все будут надо мной смеяться, издеваться и разгадают мою тайну страшную, и тут уж... поздно шептать, ни к чему эту молитву: «Ад, Сатана! Господи Иисусе Христе, свят, свят, свят Господь Саваоф». Да, у меня тайна! Я не такой, как все, эти мальчики и девочки, я завидую им, что они каждый день могут [сидеть вместе] и за общим столом и болтать всё, что хотят. Всё я не могу, я не могу быть свободным, как они; у меня тайна, и каждое случайно сказанное слово «Таня» может меня [бросить] в смертельно белое [унести] с собой или бросить меня в пламя пожара.

А когда в буйных набегах воровали яблоки — все они воровали просто, а я воровал для нее...

29 Декабря. Нужно решить к 1914 году: оставаться здесь и писать о том, что возле себя или же ехать наблюдать тайгу: ехать — молодеть, сидеть — стариться, ехать — продолжать писать по-старому, сидеть — добиваться нового, ехать — создать нечто новое, сидеть — быть может, ничего не создать.

НАЧАЛО ВЕКА

[1908]

7 Октября. Вчера познакомился с Мережковским, Гиппиус и Философовым. Пришёл, рассказал им [сразу] о «немоляках». Как только я сказал, что на Светлом озере их помнят, Мережковский вскочил: — Подождите, я позову... — И привел Философова, высокого господина с аристократическим видом. Потом пришла Гиппиус... Я заметил ее пломбы, широкий рот, бледное с пятнами лицо... Я рассказывал...

— Так что же делать... практически... — торопился Мережковский. — Пошлем им книги или...

Перешли к религиозно-философским собраниям... Мне все рассказали о них... просто... Гиппиус оживилась... Долго мне говорила о том, что нужно вместо иконы и Библии готовить что-то реальное... Общественность... Я сказал что-то о «рационалистическом мосте» от декадентства к соборности. Но его не оказалось... Соборность, общественность есть лишь результат более утонченной личности. Зинаида Николаевна оживилась... заискрилась. Я заметил ее прекрасные золотистые волосы, глаза. Она подарила мне все свои книги.

— От них к нам! — сказала она мне...

Я уже член совета Религиозно-философского общества. Мне открывается что-то новое... большое. Я понимаю значительность этого знакомства... Но многое мне неясно. Оттого, что я не чувствую одинаково... Мне кажется, у них много надуманности... Я не чувствую путей к этим идеям. Для того, чтобы сказать так значительно: <u>от них к нам</u>, нужно остро чувствовать: они и мы... А я этого не чувствую, и мне все кажется, я боюсь, не то донкихотство, не

то просто комедия не из-за чего... Алекс. Мих. растаял от моего рассказа. Как ему хочется войти в этот круг... Но голос ничтожности своего «я», вечное ковыряние в себе не допускает <*1 нрзб.*> общения. Иван Александрович тоже видел. С ним мы пойдем в следующий понедельник к Мережковским. Вот когда я поближе узнаю «цикл идей».

Сон. Лес северный. Просека. Пильщики идут. Девушка. Она свернула. Пильщики за ней. Страшно. И вдруг: пильщиков нет, а на ветке девушка — и не девушка, а горлинка.

Снился мне сон... две девушки склонили головы друг к другу. Вот две горлинки! сказал мне Саша. Стреляй, убьешь двух, скорей! Я выстрелил. Упала одна девушка, другая убежала. Это не птица, а девушка! Ужас, ужас... Бегу на улицу. Скорей в суд. Скажу, я не знал, я невинен... я правда невинен. У порога суда я думаю: но кто же поверит мне, что можно девушку принять за птицу? Меня сочтут безумцем или лгуном. Девушка — не птица. Ужас страшнее первого... Слава Богу! Это сон. Подушка в слезах. Засыпаю. И опять то же. Я не могу идти домой — там убитая девушка. Я не могу войти в дверь суда: меня не поймут. Весь мир не поймет меня. Я скитаюсь по улице, день, ночь... и еще день, и еще ночь...

15 Октября. Осень в Петербурге. Чуть вижу в тумане черные стволы деревьев, красные пучки рябины. Непрерывно, как убитые птицы, из тумана падают ко мне на подоконник желтые листья... мокрые.

17 Октября. Знакомство с Ал. Степановичем Прохановым, — молоканским врачом. Высокий, грузный, лоб низкий, кавказец. Разговоры о религиозности народа...

19 Октября. Проханов и Рязановский оба сходны тем, что искали самостоятельного творчества в русском народе и в результате исканий сказали: «все это уже было в Европе». Что значит это искание самостоятельного и последующий пессимизм?..

21 Октября. У Мережковского. Приведите, пишут, Проханова. Пришел Проханов, идем к Мережковскому. Насилу уговорил. Это высокий господин с маленькой

головкой, низким лбом, черный, что-то кавказское. Сектант... доктор и теолог. Разрушать веру в «букву» — вот его задача, христианство искалечило русский народ, нужно его вернуть ко временам дохристианским, языческим... Издает для этого журнал «Духовный Христианин»... Он пессимист. Верил в творчество русского народа, теперь не верит: все это было на Западе. Как будто и большие мысли, и большое дело... Но и что-то в нем есть такое, что не очень хочется слушать: вянет у него и скучает это в голове.. И сам он большой, и мысли большие, и голова большая, но кажется маленький, тоненький...

Проханов говорит, что хочет «логику ввести» сектантам.

— Почему же вы тогда христианство распространяете, а не философию?

Проханов опешил... Я объяснял, что такое «логика» Проханова, это систематизация сектантского хаоса.

— Но мы как раз и дорожим этим хаосом, — ответил Мережковский. — Меня только сектанты и понимают, а здесь нет...

Мое сомнение: понимают ли? Не есть ли это то чувство, когда усталый человек уходит в деревню, и вот даже растения ему ближе, и в мужиках, этом первоначальном мире, он видит уже нечто неразложимое... Примитивный человек, размышляющий о Боге. Как это красиво! Ведь самый чистый, самый хороший Бог является у порога от перехода к человеку... Но как его уловить? И вот приходит к ним иностранец, эстет... Какой путь одного к другому? Где этот нерв?

Д. С. Мережковский — настоящий иностранец в России... Он не прислушивается, не озирается... от быта он не берет, а дает. Чувствуешь, его так легко провести... Он Дон-Кихот, гуманист... Декадент, парит высоко-высоко... И вот он у костромских мужиков... обыкновенных русских мужиков, хитрых, прикованных к мещанскому факту бытия... всей этой соломки, дровец... Что общего? Он является туда не в лаптях и рубашке, а барином и даже с урядником на козлах...

В результате: Мережковский говорит, что поняли его только мужики, а мужики говорят — они знают о каком-то совершенно чуждом им мире, что из этого мира оседают в их среду господа. Господа бывают разные... И вот не было еще ни одного такого человека, как Мережковский, Короленко с ними близко не сходился... Он природу описывает. «Мережковский наш, он с нами притчами говорил». Есть путь к душе простого человека такой: соломка, по этой соломке можно прямо добрести к земной душе человека...: «Как живете? — Плохо... Правительство обижает...» Правительство обижает и интеллигента — и вот союз... священный союз, против которого неприлично говорить порядочному человеку. Впрочем, этот союз может украситься разными экономико-социальными теориями. Но этот союз непрочен... У меня есть один знакомый чиновник, человек либеральный, который всю жизнь мечтал съездить в Крым... Ему мешала семья, малый заработок. Когда же была брошена первая бомба, почувствовав дыханье свободы, он собрался и уехал... не в Москву, не на баррикады, а... в Крым.

Я говорю о модернизме, о писательстве, об искусстве — это «Крым»! Мережковский явился в костромские леса из сияющего юга... Но у него нет ни покаяния, ничего... он декадент.

И вот устанавливается так... Мережковский говорит с мужиками про Апокалипсис, об Антихристе. Мужики его понимают... Но тот ли это Антихрист... Это тот же самый... Но как они с двух концов добрались к нему?

В этой точке на Светлом озере сходятся великие крайности русского духа... В широких слоях общества думают, что мужицкий Антихрист что-то вроде черта... Ничего подобного... Это настоящий христианский Антихрист. Но понять трудно, не будучи всем этим вооруженным...

Когда я был там и напал на следы Мережковского, то меня приняли за него. И говорили, как с ним: «Вот как есть такой же!..» Но скоро раскусили. «Нет, брат, далеко тебе до него. Не силен ты...»

Я стал Завет с ними читать... И понимание мне открылось, что тут какая-то своя наука... Что этой наукой ни-

кому из нас в голову не приходило заниматься... За этими огромными книгами с медными застежками, за славянскими буквами скрывается особый, недоступный мне трепет души... И в этих апокалипсических словах скрывается что-то соединяющее Мережковского и мужика... Но как они непохожи друг на друга!

Вера мужика мне недоступна. Вера Мережковского тоже: ведь его плоть Христова требует огромного гносеологического аппарата... или же огромного утончения души... особых дарований... По-мужицки верить нельзя... По Мережковскому тоже нельзя... По-своему?.. Но я не религиозный человек. Мне хочется самому жить, творить не Бога, а свою собственную нескладную жизнь... Это моя первая святая обязанность. Я не религиозный человек. Религиозного человека из ста увидеть можно. И никто никогда не скажет, что я имею какое-то отношение к Богу... Я люблю творения рук Его, а потому Он мне нежелателен...

Так понимают ли сектанты Мережковского? Да не есть ли это просто курьез? Имеет ли это общее значение? Не знаю, покажет будущее. Пока мне ясно, что факт этот психологически чрезвычайно глубок. Исторически — не знаю. Надо познакомиться с «Русским Богатством», узнать у них: были ли с их стороны такие попытки?

Хорошо... Когда собрались, перешли в столовую пить чай... Давила пустая комната... Картин я не заметил... Философов по-прежнему в углу, курит... Все курят. З. Н. Гиппиус тоже с папиросой... Похожа на актрису. Мережковский принимает капли Боткина и говорит о вечности плоти... об искуплении... о воплощении... рассказывает о каком-то теологе, который признает две плоти во Христе, одну бросили в общую яму, другая воскресла... Часты искристые шуточки... Я веселю их рассказами — хохочут. Что-то внутри поджигающее и веселье, и религию... Шампанское не очень удивило бы меня. З. Н. очень умна... Как она резко поправила Мережковского... Движения у нее изящно-вульгарные... что-то парижское... Говорят, как джентльмены: всякое пустое детское замечание когонибудь подхватывается и серьезно разъясняется. Что-то утонченно-католическое... И что-то Соловьевское. Рели-

гиозно-философское общество — «мы». Библейская критика нужна — она очистит. «Мы» останемся... только то, что нужно. А что нужно от христианства — это сознаем «мы». И переживаем это нужное каждый день, каждый день «нам» открывается всем, всей группе... Я им говорю об Ионе во чреве... Это приводит к Воскресению Христа. Мейер говорит: — Это Мережковский понимает как эстетизм. Мережковский отвечает: — Да, я боялся этого, это путь Ницше... Ницше погиб. — Как? — Так, от него ничего не осталось. Нужен не эстетизм (ницшеанство), а теургия, богоделание, религия богочеловечества. Воскресение плоти. Теперь гносеологи работают над этим... Но я плохо знаю это... Я прохожу другим путем. И всякому легко меня можно разбить. Но только это открывается не одному мне, а всей группе... Я хотел бы быть последней бездарной овцой, но только в Боге.

Это различие от Ницше...

Я стал говорить: — Но как же мне принять это воскресение плоти? — Так нельзя, — ответил Мер., — нужно найти это в прошлом, в связи с предыдущими поколениями. — В детстве... — Да, может быть, с этого начать.

Мы вышли на улицу: воплощение, искупление, папироски, женщина, похожая на актрису, эти священные поцелуи в лоб... Секта... И как это далеко от народа...

Я помню 17 октября, когда уличная толпа с красными флагами с пеньем «Марсельезы» повлекла меня к площади возле университета, то на Дворцовом мосту встретились мне мужики, — увидев всю эту толпу, они перекрестились... Быть может, они приняли тогда красные знамена за хоругви, а «Марсельезу» за «Боже, царя храни»... Не знаю. Но вот почему-то до сих пор я помню эти кресты как самое важное на улице... И, кажется, я так понимал, что они так хотели выразить радость революции... И меня то именно и поразило: что мужики крестятся на красное знамя. Мне так хотелось... и так я понял...

И помню молчаливую толпу крестьян перед горящей усадьбой. Никто не двинулся для помощи, — а когда уви-

дели в огне корову, то бросились заливать... потому что корова Божья, безвинная...

Почему же люди, которые говорят о Боге, невнимательны к собеседникам, не видят их?.. У Мережковского будто и внимательны, но как-то джентльменски, с внешней стороны, а не с внутренней.

2 Ноября. Отдал рассказ «У стен града невидимого» З. Н. Гиппиус и сегодня ночью все представлял себе: как она мне ответит... И не мог представить, и решил про себя все замечать, когда пойду за ответом. Кроме меня, там была г-жа Ветрова, и разговора о моем рассказе даже не было... Потом З. Н. стала цитировать из него места. Думал, хорошо. А потом нет. Много лирики, мало эпоса.

— У вас есть способности, вы будете хорошим писателем.

— Одним словом, — сказал Философов, — многоточие и восклицательный знак вы должны заменить точками...

— Хорошо это место, — сказала З. Н., — где соловей поет в голом саду... Зачем эти звездочки и пропуски?

— Мы напечатаем, — сказал Мережковский, — сделаем сокращения.

— У вас много вкуса, — сказала З. Н., — но много модности, то, что мы уже теперь называем старомодной модностью.

И еще по поводу рассказа З. Н. мне много указывала мест неудачных.

— Мыслей вам хватит на всю жизнь, — сказал Философов.

В общем, что же я заметил, понравился рассказ или нет?.. По-моему, они разочарованы моим модернизмом, им это кажется уже старо... хотелось бы больше содержания (эпоса), т. е. то, что сказал и Ив. Павл. Ювачев («вы не для вечности пишете»).

— Как же нужно учиться? — спросил я.

— Нужно писать, — ответила З. Н., — и слушать, что говорят.

Умная женщина: за чаем я рассказал им о впечатлении на меня от чтения Евангелия. Мне оно показалось скучной брошюрой. Господи! как это подхватили. Я объяснил

это тем, что вне церкви нет Христа, что я, не имея церкви, получил Христа через литературу светскую, через жизнь и потому лучше пойму Метерлинка, чем Евангелие.

— Есть два пути для вас его понять, его красоту, — сказал Мережковский: — первое, церковь, второе, нужно научиться понимать красоту в простоте, декаденты все разбиваются о «Капитанскую дочку», и когда вы научитесь понимать простоту эллинской статуи, тогда поймете Евангелие...

Говорили много против хлыстов — против, потому что они обожествляют человека... значит, делают то же, что другие, обожествляя царя или Папу. Не представляю себе ясно — что же они хотят от интеллигенции... «уклонить ее на путь богоборчества или богоотступничества» — что это значит?

Говорили о том, что «я» есть еще историческое, что там так же совершается, как во мне, но то «я» не состоит из суммы индивидуальных «я»... Значит, спросил я, есть и ощущение этого исторического «я»... Ощущаете Вы? да, частично, всего нельзя...

Потом мы с З. Н. разбирали мою рукопись, остановились на втором небе...

— Я не согласна. Вы признаете только Бога Отца... но ведь Христос есть смысл, Вы смысла не признаете?

Я говорил, что люблю жизнь, с женой скитался, как зверь, и любил ее как женщину.

— Вы любите жизнь, — сказала З. Н., — но как же без смысла?

И тут вошел Д. С. и сказал:

— Об этом можно без конца говорить... Дайте мне программу реферата...

Гремели тарелки к обеду... И я удалился.

— Вкусная ваша вера, — сказал я, уходя.

И из всего этого вечера мне больше всего понравились слова: «Поймите красоту "Капитанской дочки", эллинской статуи, и вы поймете, что Евангелие — не брошюра... Вы оттого не принимаете Христа, что боитесь смысла...»

Вот что говорят о моем писательстве: человека нет.

3 Ноября. Бытовики русские все пессимисты (Розанов — *<2 нрзб.>)* Мережковский сила, что он вне быта. Мне вчера сказали еще, что у Венгерова меня найти нельзя. Потом вот что понравилось [им во мне]: дух какой-то от начала истории. Когда я погружаюсь в стихию, то нахожу в ней то, что во мне.

6 Ноября. У хлыстов: косоворотки — метафизика, освобождение духа... Человек (чело)... Бог — звук. Когда Бог работает, люди спят, а когда Бог отдыхает, люди работают. Когда говорят «Бог» — значит, Он ушел... везде говорят теперь про Бога, значит, Его нет... Барышня спрашивает Бога-причину... А они говорят: Бог непременно в человеке. Начала нет — круговращение: весна, зима, лето, осень... Душа человеческая едина, слита и иногда проявляется на человеке, и лишь тогда он человек... Алексей Иванович... а тогда Иван Платонович.

Программа моего реферата. Как завелся Розанов: от сахара к метафизике... самоучка... любовь к метафизике.

— Как же приму я вашу религию? — спросил я раз Мережковского. — Так нельзя, — сказал он, — это надо от прошлого принять...

7 Ноября. Деревья с инеем при фонарях — цветущие яблони. Дом в зимних деревьях при фонаре. На именинах у Рябова. Книжник, черный, шепнул зайти к Ветровой. Она много говорит обо всем, декадентка — со сладостным замиранием рада, что декадентка (там признали)... эта искренность мелкая на искреннем основании, завтра будет другая искренность. У Рябова: девушка в дверях (духовидица). Хозяин в сюртуке: улыбка «хи-хи».... холодная вежливость (от Петербурга), в глазах огни лампы, или они это сами так светятся. Столы с пряниками. Девушки в платочках («табатёрки»). Марфуша запевала: остренькая, белая. Речь хозяина об архистратиге: ***микроскопы*** в крови... и проч... замечательные слова... и Он — Христос... А каждая речь — красивым жестом: прошу по стаканчику. Тут, там пряники да орехи, вина нет, но в этом пении, в жестах хозяина сказывается таинственное прошлое и то-

же какое-то опьянение. Угол со столиком и иконой — там хозяин. Группа хлыстов — земные напевы: плыл маленький кораблик Израиль... соломку стелить (под вечер, осенью ненастной). Спор о чистом сердце: яблоко, яблоня (она: сэрдце). Хулиганчики, хулиганчики, а сколько в них божественного. Хлыст: Христос воскрес, раз и два — раз, два — шагом марш по домам.

— Зайдите, обменяемся... — Мыслями? — Мыслями... хулиганчики. — Божественный жест. Налеты божественные — когда можно расцеловаться... Спор о многобожии.

12 Ноября. Заходил ко мне хлыст. Все веры хороши. Православие даже лучше многих языческих (другая вера— Израиля, хлыстов). — Но если я в Вас поверю, как во Христа? — И будет хорошо, в вас будет Христос. Во что поверите, то и будет в вас. Казаки 9 января верили, что во мне Антихрист, но я был кротким и хорошим, они верили, и Антихрист поселился в них. Хорошо сказал о детях. Духовность — отличительный признак, приточность. Алексей Григ. всех победил, потому что мы признали, он выше Павла Михайловича. Рабочие 9 января не с того конца начали. Петров по книгам учился. Коммунизм. «Ты выше я» — коммунизм.

Отчего же в них нет поэзии и такой грубый символизм, несмотря на все хорошее, а в Рябове есть поэзия, и в нем, и в стихах. Не оттого ли, что тут ново, что тут человек — объект, а там Бог и предание. Овцы и пастыри. Этот овца.

13 Ноября. Пав. Мих. Реверансы-резонансы. Христос — и щелк пальцами. Моя правда такая, что человек сначала должен в безумие перейти. Писание все о человеке. Тело — это тело, и громко хлопнул себя по щеке. Полюби меня черненьким.

14 Ноября. Вечер у Павла Михайловича.

Чан. Ветка сирени в мерзлом окне (жизнь). Он блевал на меня, он расстроил мою семью... Но я его поднял... десять лет жизни отдал за него (указал на портреты). (Легкобытов о Щетинине). Понять резонанс... Социалист с рожками... Всякая женщина имеет право на мужчину.

Чтение Сологуба у хлыстов. Вопросы Ветровой. Моя досада, что она спрашивает, она так ничтожна перед Марьей Яковлевной. Стиль Павла Мих.: веселые, в пылу признаний похабные слова, в голосе трагизм или удовлетворение? Ветрова думает, удовлетворение... она не может отказаться от себя... найденная вера [приносит] удовлетворение — чан. Идеализм, реализм — слова ученой женщины. Состояние равнодушия перед самоубийством.

Я вижу Блока, слышу и опять боюсь; вот закроется окно... нечаянная стена, вообще нечаянные стены... закрытая и полуоткрытая форточка, боязнь быта... искание бессмертия... индивидуальный исход... Первое впечатление, второе, третье — разные люди...

На рел.-фил. собрании: Блок и Рябов, Философов и сектанты, Гиппиус и Рябов. Впечатление первое о Мережковском — эллинский Христос, второе — Бог произнесен и это есть грехопадение. Я не хочу говорить о Боге, потому что берегу Его, берегите Бога, когда Его назовете, останется сушь. Зинаида холодная, умная, дельная. На собрании — «они—мы». «Ты больше я» — хлысты. Небо на земле. Куски сахара. Посредник между небом и землей. Книга — все в ней верно.

Стиль каждого человека, угадать его ритм, мелкие повторяющиеся словечки, другие слова можно подбирать. Стиль Павла Мих.: кольми паче, ускорения, примеры и притчи, переход к притчам <*1 нрзб.*> с авторитетом профессора: скажем, вот самоварная пуговица, если, к примеру, поддевки нужно сшить на Проханова, то кольми паче на Бога (одно слово тысячу тянет)... Веки обрезаны. Отправимся в глубину на поиски Бога, пример, скажем... все мы вышли из Египта. Подождите, подождите...

Павел Мих.: как я в это чучело-то поверил? Тут глубина, есть кое-что и не так, потому что, скажу вам, чучело чучелом, а кое-что и посерьезней. Скажу вам так. Послушайте. Я вам всю эту механику-то наизнанку выверну, вы и увидите, как чуть что прикасается, в каких шагах века сходятся. Вот это первое, раз, а вот вам второе — это два и три. Кольми же паче на небе и на земле. Вот горы высокие? А как думаете, до неба не хватают? Нет... И <*1 нрзб.*>

непременно придет. Горы высокие и звезды, и все опять на свое место, и опять весна-лето. Скажут: лапоть, Павел Мих., или сапоги. Так неужели же я лапоть захочу... Понимаешь, где тут механика-то, где его канцелярия. Вот то-то, что... Кольми же паче по-духовному. Это вроде как вот идет цыганин по улице, зипунишка старый, рваный, съежился, смотрит на месяц — светит, звезды светят: ох ты, бисов сын, что же ты даром у Бога хлеб ешь, светишь, а не греешь. Так и наука наша, вы постигаете горы, моря, океаны, все царства: Францию, Германию, Швейцарию — все пересчитали... А стало ли кому от этого лучше? <*зачеркнуто:* Наружность Павла Михайловича>

Стиль Вер. Ник.: Сэрдце... Поймите, что это только индивидуальный выход. — Чего же вы хотите? — Хочу бессмертия, что мне до того, что он успокоился и отупеет [смертным] человеком. Я не хочу спокойствия. Поймите же, что это только забвение. Мне кажется, вы меня обокрали.

Подхожу сегодня к Блоку, спрашиваю его, и так он ответил мне проникновенно. Я его понял без слов. Хотел ему что-то сказать. Тут подошел М.Н. Все закрылось. Теперь я встречу его — кто знает — что-нибудь помешает, и закрылась душа, и нет его. Кто подходит — мешает все во мне. Я подхожу. Инстинкты.

Кабинет Мережковского. Что-то серое под ногами, вроде театра Комиссаржевской. Письменный стол, шкаф с книгами. В углу неизменная молчаливая аристократическая фигура Философова — скучающий человек. Скучал около Дягилева, скучает и здесь, около них... но скрывает это от себя. «Книжник», черный, лохматый — хлыст... Карташев, еще два-три «своих». Свои... Секта? Собрание? Журфикс?*

— Мы все нездоровы. Зинаида Николаевна больна. Заседание неудачное, — говорит Мережковский.

Значит, заседание...

Шел я вечером по улице. Тускло горят фонари. На серой стене блестели [снежные] блестки. Я думаю о чем-то неопределенном. Вдруг встречный человек сильно толкнул меня, чуть не сбил с ног. Одно мгновенье, то мгно-

венье, которое мы привыкли забывать, злоба, звериная злоба поднялась во мне на этого человека. Неизмеримая злоба культурного человека. Если бы дикарь имел такую злобу, то он убил бы этого человека. Но я не только не убил... и в бешенстве издал неожиданный звук, похожий на крик задушенного зверя. А человек, толкнувший меня, протянул палку куда-то совсем в другую сторону от меня и кому-то сказал в темноту детским голосом: «Простите меня, я слепой».

Меня никто не понимает. Прошла эта иллюзия с мужичкой, осталось двое детей. Когда я с ними, то забываюсь, и дети меня любят. Когда ухожу, порывается последняя связь с бытом. Что такое быт? Это...

Стиль Ивана Алекс.: а я вам скажу, это вот что: это фетишизм. Они висят возле него, как две фалды...

Нет, нет, нет, это вкусно!

Стиль «Христа»: хе-хе-хе, посыпался сухой горох. Хе-хе-хе — отчего у него такой смех? оттого что пьет, курит или ужасно, бесконечно презирает людей... Они приходят, и я прихожу. Стоят. Я им говорю... Что ж, я крещусь... День был жаркий: хе-хе-хе... — Ха-ха-ха, отвечают все... День был жаркий... Окунусь — дурак все равно дураком останется, стечет... Хе-хе-хе... Стечет!

Стиль Ал. Мих.: — Ну, рассказывай о себе...

Стиль Павла Мих.: — Как вы в это чучело поверили? — Вот есть [университеты] разные, есть Киевский Университет, есть Московский Университет и есть Варшавский Университет... А какой лучше? И когда Христа не за Бога, тогда ведь тоже дипломы выдавали. Все это известно. А получил ли Христос диплом? Укажите мне место в св. Писании, где Христос диплом получил. И апостолы тоже не получали диплома. А вот через чучело это «я» и получил вроде как диплом и могу жить без диплома, «я» больше диплома.

В собрании: Павел Михайлович и его преклонение перед культурой, и его страдание, его диплом, самолюбие. Мережковский говорил о себе: был револ. народником, самодержавие, ницшеанство.

15 Ноября. Не человек, а бунтующий атом человечества, и не человечества, а священной протоплазмы его и всего мира восстал, и с ним поднимается тьма и пламень мира. И тут бывает рождение злобы во имя чувства попранной правды, рычащей злобы, звериной и страшной.

Есть он, этот атом, в революционерах в серединной их чистой, искренней части, и есть он у черносотенцев — такое вулканическое вздутие коры.

Этот священный атом не видел Достоевский (Бесы). Тут голос извечной правды безликой. Образ, отвечающий этому чувству: «граф», Сем. Трофим., любовь Разумника, чувство священной земли обетованной. И так, будто родился и сразу наткнулся на неправду и сразу восстал во имя правды, бывшей до моего рождения. И тут уж рок: чем больше живешь, тем больше накопляешь это чувство неправды, и наконец получается невозможно всякое обыкновенное бытие. Тут выход — бунт во имя настоящего бытия (социализм, государство будущего), и второй выход — что «я» существует, «я» живет и ничего больше: 1) я со всеми поднимаюсь, 2) я один — неумирающий, неистребимый.

Отношение Верховенского к Ставрогину замечательно похоже на отношение Легкобытова к Щетинину. Это показывает, как верно изображены вожди, но в то же время и нет середины у Достоевского, середины революции, священной протоплазмы.

Некий лысый колдун вышел на кафедру и рассказывает о литературе. Мир для него населен не живыми людьми, созданными священной природой, а людьми, созданными творческой фантазией человека: живут не эти люди возле меня, а те — король Лир, Гамлет, Дон Кихот. «Иногда, — говорит он, — подходит человек, бормочет что-то, и ничего не понимаешь, и вдруг озарит: это Гамлет пришел...».

И так еще очень часто бывает: приходишь к ученому человеку с открытым сердцем, чтобы он помог открыть самого себя, а он не тебя видит, а Гамлета или короля Лира. И уходишь от него, возмущенный, обиженный. Так бывало, помню, не один раз в юности. И помню великую тоску по человеку видящему...

Меньше всего видят, как это ни странно, оккультисты, теософы и тому подобные: у них стена между ними и жизнью, и люди совершенно и навсегда заменены, зашиты схемами. Это, кажется, у них называется «ментальным планом».

Особенно это заметно по детям: когда вдруг почувствуешь какую-то стену между собой и детьми.

Истинного человека я представляю себе насквозь видящим и понимающим преходящее мгновение мира сего. Тем нам и дороги мужики, старцы, купцы и дети, что они все видят мгновение насквозь. Обыкновенно они с этим мгновением и сами пропадают, это их ежедневная трагедия, то есть не их, а вообще трагедия будней, но в этой же будничной трагедии рождается существо неумирающее, понимающее, ценящее мгновение. Между теми глубокими существами есть и Христос видящий и, по-моему, ласково как-то, для пользы каждого управляющий мгновениями.

Этим я объясняю себе и законность моей литературы «безликой»: нужно смириться до животного, чтобы поймать мгновение жизни; изобразить — это уже дело кабинетное. Тайна в том, чтобы поймать...

Путь мой правильный, но беда моя в чем-то другом: нужно узнать, отчего это я с таким трудом достигаю так мало, что вижу в достигнутом только ничтожную часть себя.

Еще говорил лысый колдун о «дульцинировании Альдонсы». Какая цена будет поэтическому творчеству, если оно скользнет по девице Альдонсе и, предоставив ей кухню, создаст Дульцинею? Рыцарь, живущий этим образом, будет смешон. Мой рыцарь должен войти в кухню Альдонсы, взять ее дело, на кухне обезличиться, пропáсть и воскреснуть настоящим живым рыцарем, — одним словом, чтобы Альдонса не сделала из него пирог, а он все пироги Альдонсы доставил на какую-то священную вечерю.

16 Ноября. Воскресенье за городом. Спят суда в замерзшем канале. Воробьи расклевывают навозную кучу. И большая семья голубей. Одна баржа высунула нос с канала и приглядывается к голубям. Тихий звон из города.

Прошли студент с барышней. Смеется с ней. Вчера весело было: два гимназиста были, семинарист, три курсистки.

17 Ноября. Вечер у Мережковских. [Знакомство] с А. Белым, у поэта красная роза в петлице, плешив, тих, говорит вкрадчиво, впечатление сосунка Зинаиды Николаевны. «Знакомьтесь, хорошо знакомьтесь».

В столовой Дмитрий Сергеевич со Столпнером и с Базаровым. Базаров — большевик, но литературный, что-то почти кадетское. Говорят, будто крадутся... Д. С. подбористо-вежливо и *ratio*,* те скрывают иронию. Столпнер говорит о Боге марксизма, о мистическом разуме, который позволяет ему быть марксистом и не рационалистом. — Но большой ли это разум? — ловит его Мер. — Нет, особый. — Базаров говорит, бесконечность познаваема, узнаешь, а стихия убегает. Мы каждый день это испытываем. Впечатление от этого разговора: Мер. нащупывает среду, смущен неудачей рел.-фил. собрания. Как ловко Зинаида Николаевна вставляет словечки, скажет — и столичным холодным, резким голосом схватит и повернет. Общее впечатление: нащупывался.

— Что же вы ничего не сказали? — спрашивает меня З. Н.

Я говорю о своем ощущении марксиста русского за границей, о конторе европейской. Все оживляются, начинают говорить как попало, у кого как это было. Меня признают рядовым марксистом. Я им говорю о хлыстах и Сологубе. Как на меня набросилась З. Н.: — Хлысты — болезнь, Сологуб солипсист, мы его знаем.

В заключение величественным резким жестом [лорелейной] богини она дает мне мою рукопись для поправок.

В заключение я, по обыкновению, взволнован чем-то так, что на другой день охоты нет работать. Что-то не так... и это мучит... будто лгу... будто суюсь, куда мне не надо... будто прошелся нагишом и стыдно... Отчего это? От искренности, которая ведет к раскаянию, от неудачи моего положения, от холодного и резкого жеста пишущей дамы? Что это значит, что лишает меня спокойствия, самообладания? Неравенство среды, моя неподготовленность?

* ratio (*лат.*) — разум.

Моя хаотичность? Отсутствие выработанного самообладания?..

Мне кажется, что это скрытое несерьезное основание моей связи с людьми. Иногда я упрекаю себя в рабстве перед моими авторитетами; я, раб, обнюхаю его, узнаю, и больше мне он не нужен. И все сближение с людьми основано на раболепстве и на любопытстве. <*Зачеркнуто:* Я не чувствую себя>. Пример — Мережковский. Вот путь сближения: рел.-фил. сознание... это какая-то туманная основа модности, декадентства... мне хочется не отстать — как я боюсь этого! — и хожу на р.-ф. собрания. На Светлом озере я расспрашивал о Мережк., что-то загадочное манит меня... прихожу... говорю лучшее, худшее скрываю... меня подхватывают, в результате я устраиваю свою статью... Стоит ли весь подход дела?.. Нет, подход — это подсознательная практичность... много романтизма... легкомыслия, обмана минуты. Дух[овная] суть исправления, я всю жизнь думал о нем, — уединенная творческая работа. Писать книжки? Нет, [нужна] работа по плану, когда исчезают личности. Те же Мережковские исчезнут, как раздражающие обстоятельства, если иметь в виду, напр., серьезное изучение времени по их идеям. Итак, план: изучение времени в отношении идей Мережковского. <*Зачеркнуто:* Для чего это?>

Рассказ «Зорька». Бог послал мне спутницу умную, верную, но без слов. Мы молчали днями, неделями, годами. Иногда мне становилось тяжело... Она ничего не отвечала, а только смотрела на меня умными глазами. Раз утром мы вышли...

19 Ноября. Читал в газетах: студент застрелил своего брата из сострадания. Крест взял на себя... Новый Каин.

25 Ноября. В религ.-филос. обществе. Розанов. В сознании народа — и всякого народа — Бог есть нечто существующее вне его, есть то, перед чем он преклоняется. Народ не может сказать: я — Бог. Поэтому обожествление народа Горьким просто атеистично.

Тернавцев: Христианство со своим аскетизмом не общественно, оно отрывает человека от земли. Наш крестьянин, однако, будучи христианином, должен быть у земли. Он и семьянин, и общинник, и все это он совершает как христианин. Страда посева до жатвы есть ткань положительного религиозного действия. Русское крестьянство есть единственное выражение христианства. Интеллигенция, поклоняясь народу, поклоняется в нем Богу, через народ Богу.

Мережковский: Доклад Тернавцева есть византийская мозаика и ложь. Народная масса языческая с легким налетом христианства. Отношение к земле как к матери в народе языческое. Язычество привязывает крестьянина к земле, а все подлинное христианство уходит от земли. Сельскохозяйственная мудрость Ермакова, рисует идиллию, а Успенский — трагедию. И действительно, тут трагедия: земля Божия, а ее продают.

Иванов: Бог живет не в народе, а в моем сердце. Я не могу себя назвать интеллигентом, потому что случайное развитие моих духовных способностей не отделяет меня от народа. Тот, кто обращается к народу за религией, тот не свободен. Религия в сердце, а не вне, обращаясь к народу, мы делаем как бы [механически], химическое соединение.

Л. Галич (Габрилович): Бог находится в движении. В практической деятельности, в партийной, здесь же и происходит действие. Тут же не может быть действия. Религия — это то, что ставит для меня, помимо моей практической деятельности, трагические обязанности и долг. Обращение к практике оттуда, сверху, есть бегство от религиозных задач, и такая практика всегда несерьезна (Достоевский), это есть мещанство (Мережковский).

Философов: Нет, есть серьезная практика. Интеллигенты проглядели значение церкви, оттого все и не удалось, Интеллигенты не знают, что такое церковь. Думали, что батюшка — это что-то несерьезное.

Мережковский: Галич проповедует теософию: можно молиться и ничего не делать. Он сказал: там, на практике можно серьезно делать, а здесь несерьезно. Это двойная

бухгалтерия. С одной стороны, созерцание погибели — буддизм (небытие, против которого возражать трудно), и с другой — действие. Помесь христианства с буддизмом — и ядовитейшая. О реальности народа (Иванову): пусть попробует быть с народом, кости переломает, если здесь народ заговорит, его никто не поймет. Интеллигенция устала быть, это говорят и Бердяев, и Чуковский, и Струве, и «Новое Время».

Неведомский: Народ не един, и интеллигенция не едина. Горький случайно высказал свою мысль: обожествление народа. Вообще же он языческий индивидуалист и социалист и, чтобы слить это, обожествляет народ. Деревня — кошмар. Раз Мер. говорит, что пропасть отделяет его от народа, то как же возможно действенное вмешательство, выходит, верую, Господи, помоги моему неверию — хочется, да не можется.

Философов: Нет. Есть пути: борьба с рационализмом, с позитивизмом.

Доклад Пимена Карпова.

Письмо Толстого. Именем народа. Интеллигенты и политическая свобода. Свобода тщеславия и декабристов. Все пороки ложатся на интеллигенцию, а не на народ. Оптимизм: мир прекрасен, люди напортили... Религиозное постижение сердцем тайны бытия. Не о хлебе едином. Без духа нельзя. Идея русского народа: сознание всемирной гармонии. Народ не смешивает самодержавия и православия... Достоевский думал, что русский народ — монархист, но ошибся: русский народ — не монархист, а только свобода, ибо тайно, а не явно любит он церковь. Вот доказательство: недоверие к священникам. Пример: в селе Куранки Курск. губернии население не допустило к освящению воды попов. Случай из Курск. губ. Ночью толпа грабить. Кто-то с дерева: братцы, помолитесь! Победит душа, а не материя. Лампады у колодцев. Народ — одухотворитель природы и тайновидец ее.

Иванов В.

Тайное православие есть. Происхождение: корни народа, а воспитание церкви с явного православия. У явно-

го православия через Афонский йогизм. Он приводит к йогийскому монизму (буддизму), упал дух от земли, это постепенно лишает народ интереса к земле и ее устройству. Другие придут и сделают, что нужно. Такова прогностика. Теперь причины: в схизме. Рим остался главой. Как известно, догматическое православие остановлено у нас невозможностью созвать вселенский собор. (Соловьев). Отсюда демократизация православия и безиерархия, безглавность, дезорганизация. Он сказал не самодержавие извращено, а церковь... Значит, причины: 1) в демократизации церкви, 2) в спиритуализации, личной святости и ухода от земли, непризнание Майи, женоненавистничество. Компромисс: народно-душевное и церковно-внешнее. Религиозно-этический монизм... Нет! Нельзя отнять от жизни начала самопроизвольности... Нужно, признавая религиозный монизм, признать дуализм в церкви: церковь и мир. Жизнь богаче церковности. Так: наука и искусство, люциферианство... Церковь — мать. Это известно. Она сохраняет ценности. Сын отрывается от матери. И опять, если ему удается — возвращается. Мать охранит. Эта церковь ограда. Священной весной сын приходит в отчий дом. В церковном смысле непременно двойная бухгалтерия. Одна только церковь может ввести в правильное русло. Кафолическое чувство: церковь — мать. Но она не должна < *нрзб.*> Упреждение полноты времен...

Карташев: Христианский моноцветок. В каком же положении служитель церкви. И где же реализуется опыт мира (как сохраняются ценности). Практически тройная бухгалтерия.

28 Ноября. У Ветровой.

Новая страничка моего журнала жизни. Поэты-декаденты, хлысты, философ-талмудист, святодуховец, и еще, и еще... человек 15-20.

Ремизов представил меня Вячеславу Иванову, и первые слова того были: «Какая у вас пратформа — христианская или языческая?»

Кто-то приехал в Петербург и сказал: я знаю истину, нашел, и стал вдруг о ней говорить. Это Павел Мих.

Он и Рябов — их сразу поняли декаденты. Как они говорят — и как хлысты — искренно, после как все фальшиво. А Рябов говорит о двух психологиях — психологии крови и другой, высшей, и с высшей [низкая] совпала... сладкий янтарь — постав Божий. Началось с religio — (святодуховец — связь, etc)... потом я спросил Гюйо про различение науки и религии... Пав. Мих. — всуе труд (научно)... Рябов. Почему интеллигенция разошлась с народом: солнца два... звезд много, их не сосчитаешь, а внутри одно, интеллигенция считает, а мы прямо имеем... Нужно поверить в человека, нас 15... нужно в одного поверить... А если это Антихрист? Хорошо и в Антихриста поверить... Светлая вера и темная вера...

Столпнер: разум, зачем вы торопитесь хвататься за истину, нужно слушаться разума, накормить людей нужно...

Возражения: а вдруг разум скажет голову отсечь другому, или [вдруг скажет] разум не покоряться; а все посвоему, и будет как теперь...

Блок с Книжником: есть нечто, в чем все люди сходятся (полов. акт).

Требование Павла Михайловича — единомыслия (единочувствия).

6 Декабря. С большими людьми лучше не сходиться лично, потому что идеи часто есть последнее, что они могут дать, больше ничего у них нет.

Вот так, как они, нужно быть и художнику, и, может быть, всякому человеку... Большая неисчерпаемая мудрая жизнь. Пусть она всегда останется неисчерпаемой. В этом же есть смысл и все...

Ал-а Мих-на рассказывает: в 1905 г. кружок В. Иванова, Розанов и Мережковский собирались для... (рука с кровью, белая одежда, хоровод). Хлыстовство идет от шаманизма, христианство от идеи (обратные пути — мнение Ивана Александровича Рязановского).

9 Декабря у Ремизова: рассуждение о чане и окне *<1 нрзб.>* — Кузмин, etc...

... отвечал, что плохо понял реферат, т. к. обдумывал свой. Пригласили к чаю. Тут были и барышни, и дамы, между ними молодой человек, гр. Толстой, родственник Алексею Толстому. Другой молодой человек, большой франт, племянник поэта Гомилевского — так он рекомендовался родственнику Толстого, — заговорил что-то о гекзаметрах и о том, что он едет куда-то.

Спор с графом. Я: Гоголь сошел с ума, потому что ему привиделся черт. Г.: нет, оттого что прогрессирующ. паралич. Я: мое объяснение с точки зрения внутреннего сознания. Он: да. Отсюда к мистицизму и позитивизму. Я: пример — земля круглая.

M-me Манасеина, написавшая обо мне хорошую рецензию, предложила мне в подарок персидского котенка. Я поблагодарил и обещал ей взамен ирландского щенка. Она мне много рассказывала, какой нехороший человек Чуковский, как он вел себя нехорошо в лит. обществе. Но еще хуже, говорила она, вела себя публика по отношению к нему. Между тем, постоянно входили и уходили новые гости, и я не мог разрешить вопроса, в редакционном ли я заседании или на именинах. З. А. Венгерова по телефону пригласила меня к себе в понедельник и очень мешала звонками разговору.

При беседе с м-me Манасеиной я, по своему обыкновению, выпалил грубую нетактичность: раньше, сказал я, пока не был знаком с лит. средой — лучше было, теперь я слышу только сплетни. Так и сказал! Между тем, сейчас только сплетничали. По существу, однако, я чувствую себя правым. Сплетни начались, едва я переступил порог первого знакомого мне писателя. Вот нравоучение из этой грубой выходки: относиться к этому новому миру, необходимому мне, как к тому интереснейшему миру при путешествии: добро и зло, вероятно, и здесь в том же соотношении. Вся разница от путешествия в том, что здесь нужно быть осторожнее с собой. Такое нравоучение.

Манасеина, видно, славная и умная женщина. И так любит свое дело. Я заметил в ней искреннее увлечение литературой, в частности, как это приятно, моей книгой.

Она сказала очень метко, что моя книга и русская, и в то же время общекультурная. Я рассказал о своем впечатлении от Мережковских: они «личники», за пять шагов от них веет холодом, но в то же время чистотой. Правда: чистоту в человеке дает только развитие личности, быт нечист, если только не считать «страны непуганых птиц». Но такой страны м. б. вовсе и нет?

На последнем рел.-фил. собрании Розанов по поводу моей книги высказал убеждение в существовании такой страны. Это был замечательный разговор уже потому, что я торжествовал над ним свою победу. И разве это не победа? Мальчик, выгнанный из гимназии, носивший всю жизнь по этому случаю уязвленное самолюбие, находит своего врага в религиозно-философском собрании, вручает ему свою книгу с ядовитейшей надписью: «Незабываемому учителю и почитаемому писателю» — и выслушивает от него комплимент. Вот победа! А он-то и не подозревал, с кем он имеет дело.

Разговор, насколько я помню, был такой. Василий Васильевич, встретив меня, взял за руку, отвел в сторону и серьезно, очень серьезно — я это заметил — стал восхищаться книгой:

— Лопка! Какое чудесное слово, и об охотнике хорошо, и о грехе хорошо, и о детях птицы хорошо... вы интересный человек, а когда я там смотрел в собрании, вы казались мне каким-то статуеобразным...

— Вы меня считали за тупого человека? — спросил я.

— Нет... плотный вы... а в книге охотник... живой.

Еще он мне говорил там, как все эти лопки и птицы изменились в культуре, сколько мы потеряли.

Страна обетованная, которая есть тоска моей души, и спасающая, и уничтожающая меня — я чувствую, живет целиком в Розанове, и другого более близкого мне человека в этом чувстве я не знаю. Недаром он похвалил меня еще в гимназии, когда я удрал в «Америку».

— Как я завидую вам! — говорил он мне.

К одному и тому же мы припадаем с ним, разные люди, разными путями. Отчего это? Что это значит? Когда-нибудь я буду много думать об этом. Но теперь [некогда]. Ро-

занов и Мережковский прельщают меня своей противоположностью: бытовики и личники. Особенно интересна Гиппиус: она представляется холодной снежной Дамой: смерть от весеннего луча — вот все ее страхи. Недаром она написала прекрасное стихотворение «Снег». Надо запомнить: она мне сказала последний раз: «Вам 16 лет, вы наивный человек».

Очень много говорили вокруг о маскараде у Сологуба...

Вышел я на улицу... Такая тоска... Кажется, где-то выше меня и ниже меня живут такой простой и веселой жизнью. Кажется, там и тут настоящее, а у меня нет его. Давно я не видел на улице такого движения: из тьмы выскакивают то и дело фонари и белые лица... Потом на Неве: сколько тут огней, море огней, есть движущиеся, целая жизнь фонарей и всяких огней. Дома всегда одно и то же: всегда одинаковая Фрося, добрая и хорошая.

Фонари не зажигаются в месячные ночи. Городовой отвечает: «Темно, потому что ожидаем луну...»

20 Декабря. У Мережковского. Был Блок. Блок сказал, что Мережковский, как крестоносец, застрял в Риме.

— Мы не донесем, — сказал Мережковский, — я знаю, мы не донесем, но другие донесут. Наш трагизм вот в чем: это не мы, но мы должны говорить — это мы.

[1909]

4 Января. Был у меня В. Н. Белокопытов, звал на «кутью» в Крещенский сочельник. Рассказывал об этом Фросе. «Кутья!» — обрадовалась она по-деревенски. Глядел на нее и думал: то, что я с ней — абсолютно ценно, это сживание, срастание — существующий факт. Значит, если я так думаю, ценю я больше всего общение людей. Те, которые называют себя «личниками», могут обойтись без этого. Как они чувствуют себя в своей полосе жизни?

К 14-му Января я буду свободным от своей работы.

6-го был у З. А. Венгеровой. Дама из «Вестника Европы», образованная, культурная. Натасканная собачка. У нее была артистка Ведринская. — Вы не в Петербурге живете? — спросила она меня. — Нет... — Села на диван

и пролепетала: — Красивая застенчивость... мы так в Петербурге не смотрим... Мы прямо смотрим. — Она рассказывала про свои роли, жаловалась, что не дают больших ролей, рассказывала о «Мертвом городе», где она будет играть Бьянку. Много и изящно перевертывалась перед нами, рассказывая о роли. Умная простота в ней. Рассказывала еще про натурщицу по призванию, которую художник по ошибке назвал Артемида № 4-й.

Венгерова тоже хочет изучать сектантство. Все хотят изучать сектантство. — Лютера нет! — сказал я. — Вы не знаете, какое большое слово вы сказали, — ответила она. Говорил ей о своем призвании. Оказывается, еще есть один такой писатель от природы, бывший лесовод О. Дымов.

7 Января. В р.-ф. собрании собрался, было, говорить, но выступление не удалось, Струве занял время своей реформацией.

Вошел Блок. Вот тоже полярная противоположность Ремизову. Тоже Европа и Россия, тоже личность и быт, тоже открытое высказывание своих взглядов и присматривание к другим... и много всего.

Блок-юноша. Как охотно говорит он о своих переживаниях. Я попросил его прочесть мою книгу, обратить внимание на стиль и сказать мне о книге так, чтоб мне что-нибудь осталось для себя. И тут мы разговорились вообще о том, остается ли что-нибудь для себя от критики. У него, признался он, остается только несколько слов, остальное мимо. Но кто критикует? И так мы подошли опять к вопросу об интеллигенции и народе, о расколе интеллигенции, о том, куда легче предаться — Леониду Галичу или мужику.

Он мне рассказал любопытное: есть в нем такое чувство к Венере Милосской, что хотелось бы разбить ее, чтобы остались только геометрические формы. То же чувствует и Бенуа... Наш разговор остался неоконченным, но он и не может кончиться...

Был у Охтенской Богородицы. Это вторая Гиппиус по уму. Как с вами говорить, спросила она, по букве или по

духу. Я сказал, что в букву не верю, а по духу мне непонятно. Условились говорить смешанно, частью по букве, частью по духу. Говорили про мир видимый и невидимый, «астральный». Вы близки, сказала мне она комплимент. Богородица слегка нарумянена и напудрена — быть может, потому и напоминает Гиппиус. Нет, вот еще что: те же холодные глаза. А рост! А груди! У богородицы два собственных дома. Премудрость свою она получила не от человека, нет, она так родилась. Больше всего меня поразило в ней ясное разграничение науки и астрального мира. Наука мешает религии, если становится ей на пути. Тут было коечего сказано, чему могли бы многие «ученые» поучиться. Потом хороша эта самородная интеллигентность. Говорят, ей кланяются в ноги, но сама она себя богородицей не считает (а может быть, врет?). Я показал на икону. — Этому вы не придавайте значения, — ответила она мне.

Интересно, что калитку в заборе не видно, открывают, спрашивая пароль. У порога растут три дерева. Хорошо очень она рассказала про то, что где бы она ни начинала говорить, везде замолкают и просят больше не ходить. Очень умная, одинокая и сильная личность нарисовалась в моем воображении. Именно «личность», о чем я так много думаю теперь. Интересно, что во время праздника Крещенья возник вопрос, как быть с Невской святой водой по случаю холеры. Решили воду кипятить... Эту воду, которая не портится.

9-го были у меня опять хлысты. Подготовлял их к выступлению на р.-ф. собр. Если бы пробить их схоластическую мудрость, то внутри оказалось бы поразительное явление: в 20-м веке — начало христианства, «начало века». Т«э»ма Павла Мих. Марья Яковлевна. Как они хорошо угадали Мережковского... Вслед за ними и я думаю: он иностранец, ему не понять русского народа, он только словесник... нет... он словесник, который искренно хочет отказаться от словесности, т. е. от самого себя...

Блок и Мейер, по мнению хлыстов, обладают «пророческим» даром. Просто, по-моему, они искренние люди. Но ведь Мережковский тоже искренний, почему же он всегда все же кажется неискренним... Нет, это не религия...

Но что же это такое? Если рассуждать, то это настоящая религия, если чувствовать — нет. Что это такое?

— Хорошо, — сказал хлыст, — отвергнете церковь, но что вы поставите на место ее?

— Что вы поставите? — спросил я.

— Жизнь, — ответил он просто.

Интересно это их перемещение Бога с неба на землю. Хорошо это когда-нибудь изобразить на фоне петербургской жизни..

И вот, говорят, христианство умерло... Или это его смерть...

Нужно разобрать их секту, изучить основательно.

Читаю Гёте: письма из Италии. Некоторые места я особенно заметил: «А между тем мир простое колесо, одинаковое во всей своей окружности, но кажущееся нам таким удивительным, потому что мы сами вертимся вместе с ним... Иногда я вспоминаю Руссо и его ипохондрические жалобы, а между тем для меня понятно, как такая прекрасная натура могла свихнуться. Если бы я не чувствовал такого участия к предметам природы, если бы я не видел, что в кажущемся беспорядке сотни наблюдений согласуются и складываются в определенный порядок, подобно тому, как землемер одной протянутой линией отмеряет много отдельных измерений — то я часто сам считал бы себя за сумасшедшего».

Много я нашел для себя интересного в его записях о своем творчестве. Когда-нибудь я сделаю работу о пантеистическом начале творчества.

Интересно, что, когда я ответил на вопрос богородицы «чего я хочу», — хочу быть творцом, — она меня очень одобрила. Надо продумать вот что: сколько принес вреда творчеству рационализм? Я сам оказал признаки литерат. творчества или вообще творческого отношения к жизни только после того, как отбросил рационализм. Подумаю иногда про себя: каким я младенцем живу... «Продолжай, мой милый брат, думать, искать, соединять, сочинять, писать, не заботясь о других! Надо писать так, как живешь: сначала для самого себя, а потом уж для близких существ».

18 Января. Сюжет для небольшого рассказа «рожденье по духу»... глухонемые... Стук [палки] по мерзлой мостовой... руки, протянутые в пустое пространство. Семейные пары слепых, закон о запрещении жениться. Разрешение. Родится ребенок зрячий, с ним разговаривают. Дитя видит свет... открывает его родителям.

Сходить в колонию слепых. Еще сюжет: чан. Еще: лес, звезды, Бог.

Каждый день, переживаемый теперь мною, год в моем развитии...

Лекция Мережковского о Лермонтове: от неба <*2 нрзб.*> к земле. Он истекает словами, как кровью. После лекции Рябов (он попал сюда, когда прочитал слово «сверхчеловек»)... Пустяки... что им сделать... вот хулиганов выпустить под голубое знамя... самый первый бриллиант... ха, ха... Стенька Разин... Все хлыстовство — падение неба на землю... Скука на земле... [Красота] во Христе. Конец красоте (против храма Исакия).

Беседа у меня: Мейер, Венгерова и Легкобытов... Люди, тварь и творцы. Творчество: икона, лик, видимость, душевность и духовность. Хохот над их Щетининым.

У Мережковского с ними... Фейербах или Луначарский или Горький, чей это человек?..

На другой день в Совете: хлысты не пришлись в метафизическую систему неоплатоника и etc... Человекобожество, язычество, гордыня... все обрезано... У Дарьи Вас. Смирновой (охтенская богородица). Целовали руки... Умиленность И[вано]ва: Поразительное совпадение, я как раз пишу об этом. Отдельные разговоры. Полочка с мертвецами (бессмертие, покойники). Рождение по духу есть... Я с бомбой: мир естественный, душевный и духовный. Иногда не туда... Нужно знать, кто куда... управлять... Прежде всего познай себя: а когда познаешь, то еще (нужней) высшее...

Это правда: помню, и я при уверовании в марксизм...

Рождение по духу есть смерть.

Разговор с Ремизовым: наблюдение: о. Иоанн Кронштадтский молится за смерть Толстого, Толстой убивал Шекспира.

Смирение русского народа...

Мысль моя, подхваченная у Мережковского: интеллигенция не религиозна, потому что когда-то, в силу роковых сил, взяла меч железный...

Лекция Белого: поворот литературы к народу. Индивидуализм есть выкрик религиозных чувств, это то, чем живет: к Пушкину и Гоголю.

23 Января. День моего рожденья: 36 лет. Планы. Написать книгу бытия. Май, июнь, может быть, июль проведу на Кавказе. Первая половина Кавказа: в степи, изучение хлыстов (христианство на земле). Вторая: изучение осетин у ледников (язычники). Чтение теперь: Реклю, «Земля» в связи с библейским событием. О Кавказе: Марков «Изучение хлыстов»: Мария Прокопьевна, Щетинин, etc: Прочесть Гёте всего, Гомера и ознакомиться...

Финансы: в кармане 100, плюс касса 250, плюс «Русск. Мысль» 450, итого 800 р. Для осуществления плана нужно: до мая 300 р., до августа 500 = 800 р. Эти 300 заработаю. Продам книгу минимум 300=600 р. Остаток 200 р. Тогда 1 августа у меня 600 р. Как заработать теперь: Коновалов 50 р., рассказы 100 р., журн. работа 150 р.

28 Января. Мелькнула такая мысль: как близко хлыстовство к тому, что проповедуют теперь декаденты: все царства Легкобытова, Мережковского, Иванова, Рябова... И процесс одинаковый: Я — Бог. И потом образование царства. Ты больше Я.

2 Февраля. У Мережковского. Карташов: кто имел церковного Христа, тому по разрушении его, быть может, невозможен другой. Студенту: что для общества? Да общество-то есть только случайность для религии... один момент. Я: как все-таки это страшно: зеленые ростки тянутся к духу, и он прилетает — случайность! (Изобразить). Я думаю так: если Христа взять без церкви, то останется Евангелие, фермент, для одного он будет бродильным началом, для другого будет скучной брошюрой. То же, что

с Шекспиром: для культурного человека — церковь, для дикаря, как Толстой, — бездарный писатель.

— У вас, — сказал Мережковский, — биографически: вы не проходили декадентства. — А что это значит? — Я — Бог. Нужно пережить безумие. А вы здоровый... жизнь... — Если так... если так, и хорошо... Есть такая черта... я ее не переступил, но как ее переступить, когда, я знаю, то, чего я хочу, что не выскажешь, что это невысказанное, неиспытанное дано мне тоже Богом и противоречит другому Богу... Любовь? Она не далась мне... ушла... я не захватил ее... Призвание... я не использовал его... Я страдаю до безумия, но и в самые мне тяжелые минуты, когда мозг затиснут в кулак, я все-таки чувствую в сердце боль, почти физическую боль... но из этой боли рождается само «я», знаю, боль пройдет, будет на том же месте радость. А они уже этого не испытывают. Какое право я имею быть пессимистом, когда жизнь не удалась мне... Я должен быть царем и богом, чтобы принять Христа.

3 Февраля. Читал ст. Шестова (Русск. Мысль) о Толстом: приложение Розановских идей.

Шел по улице. Стал переходить на другую сторону. Лошадь бежала. По привычке я хотел пройти перед самой мордой. Но поскользнулся, и чуть меня не задавило. Я переходил, по обыкновению, возле морды лошадей. Поскользнулся. Меня переехали...

Есть в жизни какая-то [кроткая] логика, вечная прекрасная форма. Надо научиться выделять ее из природы.

6 Февраля. Ехал к Иванову. Встретил Павла Мих. Табуны табунятся... все равно полетим вместе. Как он недоволен, что к богородице Иванов. Говорит: не знаю, куда... Я говорю: и у вас же то же... Я скажу: будешь наследником. И она то же скажет. К ней овцой нельзя... она своего не отдаст... Они не могут сойтись как равные... Птицы — это хорошо. Перспектива его: 1) Иванов и богородица — похоть. 2) Грех — смерть. 3) Воскресение... Ему невыгодно: людей интеллигентных... если богородица интеллигента найдет, он много даст ей.

7 [Февраля]. Решил написать «Иван-Дурак». Я это, вероятно, сделаю, потому что мысль моя так захвачена, что весь мир я страстно полюбил, мне захотелось сказать Зинаиде Николаевне, какие у нее прекрасные волосы, и какой она благородный человек, и как она красива. И Дмитрию Сергеевичу: какой он рыцарь. И Философову: они мое счастье, они меня дали миру... [как] родившая меня глубина природы, что-то страшно чистое... И Варваре Петровне, что я напишу ее сестре, узнаю, где она, что она моя муза (только сохрани Бог написать «крест»).

8 Февраля. Так бывает при засыпании: еще не уснул, еще видишь живых, настоящих людей, но местная временная связь между ними вдруг заколеблется, будто мир разломится, и вот полезут из страшного далека близкие люди, селятся тут же рядом, а те, которые близко живут, куда-то уплывают на края. Близкие люди, которых уже не встретишь больше в жизни, о которых в обычной деловой жизни не вспоминаешь, тут живут, возле, в своих квартирках собираются вместе...

Разговор с [Феофилактом] Як.: я убил в Фросе Бога, я должен оправдать убийство. Всякий, ради кого умирает человек, совершает грех, и будет спрошено, ради чего он убил другого... В похоти родится смерть — грех. Кто покорил другого (убил), тот совершил грех и должен оправдать его. Я могу умереть перед... но оправдает ли она свой грех — мою смерть?.. Семя в природе умирает и воскресает... Птицы, рыбы — жаль их убить. (Смерть остается неоправданной?)

Тут два круга (спинка стула с парными кругами, но из одного в другой переход).

— Разница с социалистами: те бессознательно движутся, не знают, куда, они отвергают церковь, Библию, иконы. Мы не отвергаем, мы говорим: всякому времени свое (весна, зима... неизменно вращаются круги, постоит град Иерусалим, и снова рухнет, и опять настанет). Иерусалим можно лишь чувствовать. Словами нельзя сказать.

Я сказал: — Мережковский говорит, что Бог входит в человека, Он вне человека. А куда же Он выходит? На небо? Но что есть небо?

— Я верю Алексею Григорьевичу, я раб его... То, что он грешил раньше, что же? а если он раньше добро делал, а теперь грешит, так ведь то считать не будут... Нам было больно вчера (когда А. Г. разделывал комедь передо мной в кругу, пьяный) <*1 нрзб.*> ему материал <1 *нрзб.*> филос. собрание, живут так, а говорят так. Этот пьяный человек в кругу, эти овцы... быть может, его мерзости — сумма грехов указывает в то же время и на страшную силу, принятую на себя... Если верить в то, что он воскресит, то ведь чем он мерзостней, тем больше его сила, чем больше убитых, тем больше греха, тем больше он воскрешает: все эти богородицы разве устоят перед его мудростью, все они от него... Мы его не променяем ни на кого, мы его подняли, хоть и тяжело же нам (деньги). Ф. Як. просит Павла Мих.: помоги мне, тяжело мне стало поднимать...

Как странно все это совершается вокруг меня: такой разговор... а сегодня же был в «Салоне». Долго смотрел на картину Сомова: радуга, сияющая природа и все, все <*3 нрзб.*> и просто страшно за страну обетованную... и стыдно за дикий лес... и кажешься провинциалом...

Пав. Мих. говорил вчера о своей гордости: это не гордость, это правда, я хочу всякую фальшь выкинуть, истины хочу, а это принимают за гордость...

9 Февраля. Был у И-ва. Рассказал ему о своем романе. Он говорит: нужно пережить убийство, чтобы писать о нем, нужно проделать внутренний опыт, писать нужно о себе, и способ объективности зависит от таланта. Я ему говорил о том, что я не религиозный человек, а просто любопытный, что убийство я понимаю в мировом значении: напр., я убил Бога в своей жене. Он отвечает: об апокалипсисе... плане... плюрализм... найти истинные «я», светлую точку...

16 Февраля. Легкобытов. Надо отрезать путь к Богу, нити порвать. Тогда обещающие и чающие станут лицом к лицу, предъявят иск... Я не хочу быть седым волосом в голове

Авраама... Корни утомились. Нивы побелели. Плоды висят. Любовь — центр между именем Бога и человека. Я сказал: буду рабом его — как он глазами-то заходил! Вот гордость! Это же искушение сатаны и есть: будешь Богом...

17 Февраля. Ночью часто просыпался и видел: спит рядом со мной черная змейка, тонкая, блестящая, как шнур, намазанный дегтем. Утром в последний раз я видел, как она зашевелилась, опустила с простыни голову и побежала вниз. Меня почему-то взяло зло: отчего я ее так оставил, нельзя так оставить, ведь это змея же, никто не оставляет змей спать рядом с собой. И чем-то я ее ударил. Она быстро стала собираться назад, подняла голову и поняла меня. И я не знал, что делать, испугался, бросился к стене и слышал где-то тонкий укол.

Иногда просыпаешься и чувствуешь: сон это или не сон, и хочется сделать, что это не сон, и слышишь и видишь доказательства: холод на пальце, башмак на ноге — вот хорошо это поместить в конец рассказа о звездах... Что-нибудь такое осталось...

18 Февраля. Темы для рассказа: 1) Право религиозного искания. 2) Зимние цветы. 3) У Книжника. 4) У богородицы. 5) Поклонись мне — и будешь Богом...

В лавке: маленькая грешница-старушка (5 лет) покупает конфетные крошки. Ей отпускает буржуа серьезный с окаменевшим лицом. Человек поднял мой кошелек с деньгами и сказал: мне их не нужно, на эти деньги все равно не разживешься, это пропащие деньги.

20 Февраля. У Мейера разговор.

Быт есть зло. Ценности через быт. Языческий пантеизм начинается жизнерадостностью, кончается смертью. Эллинизм, христианство: менады бежали безумные в горы, рвали бога на части и возвращались стоящими выше быта. Бог Ягве у бедуинов — это образование лика, потом гремел Иегова. Воля, личность исчезали в воле. Надо сказать: «Я — Бог», утвердить свое лицо выше быта. Рассказ о [*1 нрзб.*] Иммермана: грешный [аскет], чистый [*1 нрзб.*], чистый сатана, безгрешные дети сатаны. Грех необходим,

чтобы возникла личность. Грех в оторванности от коллектива. Коллектив в тайне.

Как неверны мои приемы писать на задуманную тему. Всегда, когда я задумывал — ничего не выходило. Нужно оберегать свободу. Нужно не думать, а чувствовать и жить, и делать опыты, и по пути таких опытов пусть рождаются мысли...

Типы Ивана-Дурака. Чувствую то и еду туда навстречу и непременно приеду. Нужно только ехать и ехать. Близится к марту. Голубые вечера. Небо приподнимается, темное небо уходит, и забывают на Невском погасить электрические фонари-искорки... (Все блестит...)

День был теплый. Солнце хотя и у горизонта, но играет. Светились огни, обращенные к солнцу. Светились люди, углы домов. Все светится. У конки много народу, люди ленивые. Дамы все с птицами на шляпках...

Хотел купить для Левушки красного рака на нитке. И вдруг подошел толстый господин и тоже спросил такого же рака. Потом еще одного. «У него двое детей, — подумал я, — как и у меня». Но он спросил еще одного рака и еще одного. Мне почему-то расхотелось покупать игрушки, и я ушел.

21 Февраля. В И. монастыре. Голубой вечер. Звезды. Забытое окно и фонари. Углы домов. Между двумя домами на голубом светится березовая рощица. Она светлая от фонарей. И над ней звезда. Переулок. Громада монастыря. Замерзшая река с барками. Калеки с красными глазами, руки. Чудесная монашка торгует пузырьками с деревянным маслом. Внизу в склепе воздух — смерть... Поп до потолка... благоуветливые монашки... две хорошенькие... смеются прилично, как полагается. Калека ползает у гроба, целует мраморную плиту, не отрываясь долго. Возвращаюсь: так же сидит грустная монашка, задумчиво бродит черными глазами... бледная, прекрасная... Купил у нее пузырек с деревянным маслом. На улице надвинулась ночь. Месяц огромный перерезан черной полоской тучи. Пригляделся, а это не туча, а телеграфная проволока или от трамвая. И чуть не раздавил черный, быстрый, как бес, автомобиль и скрылся спокойной малиновой точкой, и в темноте в проулке много, много фонарей в воздухе.

1 Марта. Первая и самая большая роскошь, которую я себе дозволяю, — это доверие к людям. Быть как все. Страдать оттого, что я не как все.

Иван-Дурак постоянно проваливается, а когда как все — счастье.

1-я повесть: детство (Иван-Дурак) в сказочной форме.

2-я повесть: граф Стахович (герой потерял имение, весть дошла до Парижа) отправился в Россию искать место и не может устроиться. Дон-Кихот — Стахович.

Если у писателя есть свое оригинальное содержание, то он никогда не будет неоригинальным по форме. Бояться подражаний не нужно, если помнить, что единственный путь — это от содержания к форме.

Черный человек: глаза похожи на... глаза будто не глаза, а выглянувшая черная кожа, натянутая внутри. Кожаный человек.

4 Марта. Пришел Легкобытов. Говорю ему: — Еду к земле, хорошая земля! — Да, — отвечает он мне, — но только мало мы живем на ней, только поселили — и простись! И, о ужас! (его поговорка) завел очень тонко речь о том, как бы продать труд Щетинина. Я сказал: — Интересный он человек. — Легкобытов весь насторожился: — Знаете меня, не так чтобы я был вовсе бы человек маленький — нет? Ну, так вот, я в рабство ему отдался не зря же? — Он машет руками, брови его всегда дугой, усы хохлацкие... — Пожалуй, — говорю я, — лет через пять и я к вам перейду. — Через пять! — удивился он, и я понял, что меня они уже считают своим. Признается, что написал письмо Мережковскому назначить ему свиданье. В дверях признается, что хочет его переманить к себе: — Вы простой, вы возле земли живете, а он улетел высоко, вот его оттуда бы хорошо свести.

Сколько тут самоуверенности! И какая простота!

У Троицкого моста вечером: город огней, трамваи, похожие на огненные сороконожки, бегут и бегут. Одна сороконожка, другая... И на другой стороне между неподвижными глазами два, быстро бегущие... (Он... сел на трамвай... Сцена... начало романа).

6 Марта. У Рязановского. Полетаев-Розанов.

Розанов — книга «О понимании»... «Я» выше всего... книга не пошла. «Я — Бог» — страшно избежать этого: Бог надо мной... и новый подход, и вечно так богоборчество (онанизм)... и, наконец, самоедский бог. Он созерцает только низ пола, а не верх. Он... Эллада — гармония. Вообще дуализм: добро и зло — все религии односторонни, а Эллада — добро и зло в гармонии... Гёте сломался на востоке (Divon), Ницше в сторону зла, Мережковский в сторону добра, Иванов свободно творит, как эллины. Эллин отбрасывает Венеру и создает новую, у него вечное творчество бога. Они свободны. И потому у них нет религии. Религия там, где государственность. Возрождение есть возрождение Эллады, а не семитизма и христианства. Почему статуя холодная? Потому что тут законченность. Где законченность, там холодность и нет действия. Нумизмат — Розанов-Полетаев. Хорошо бы об этом нумизмате собрать сведения.

И потом это собрание у Пругавина: Мистик (кроткие черные глаза) и сектант с крючковатым носом, женатый на якутке, с верой в сознательное воспроизведение потомства и воспитание крепкой личности. Инквизиция или Эллада? Этот вопрос для меня или для других? Для других — не знаю. Для меня Эллада — хотя бы ее никогда и не было... Я должен создать ее, если её нет. А не создам — умру. Вот программа... так надо бы. Эллада — Бог?

10 Марта. Религ.-фил. собрание с Тернавцевым. Он абсолютная мерзость: большие красные губы, школьный смех, этот странный смех откуда-то, инквизитор или черт, грузный <*1 нрзб.*> интонация... вертелся, как крест показали. Ангел с закрытыми глазами: для христианства это (государство) случайность. Мережковский и другие— интеллигенция, и там (черт) Россия, непонятная логика (Александрия Византийская), загадочные корни в православии... ясность в Европе... интел[лигент] — европ[еец]. Тернавцев не интеллигент... Отвращение Ивана Александровича к этому народному... лукавству. Розанов подошел: — Хорошо? — Хорошо! — А он всерьез: — А то собрались книжники! — И сам он: рядом с Татьяной, извилина в подбородке, обывательский глазок, смерд и <*1 нрзб.*> дряблый, и все это дряблое богоборчество, и весь он как гнилая

струна, и кривой (сбоку) подбородок с рыженькой бородой, и похоть к Татьяне... он живет этой похотью, это его сила.

12 Марта. У Иван. Александр. Рязановского. О символизме. Нездешний мир. Здешний [превращается] в нездешний... Теперь я понял весь свой путь: [делать] записи природы и людей и вторичное и большое их переживание. «Ивана-Дурака» напишу. Творить из природы или из метафизики? Я из природы в метафизику. Опишу и марксистов: из себя к природе и к чему-то вечному... найти «я» к миру, технический путь: вечные запасы образов... Смерть Пана. Я умру, как природа... Смерть Пана не менее страшна, чем та смерть, которую испытывают христиане, переходя в христианство. Я потом буду жить, они теперь. Тургенев — Пан. Писатель не может быть в активной жизни. Он на одну ступень выше жизни.

Я чувствую, что умер как стихийно-бытовой человек.

Трамвай: простолюдин в котиковом воротнике и перчатках и интеллигент. Как их надо различать. Как неприятен простолюдин. Интеллигент черный, с большими красными губами. Длинная улица сзади трамвая... как ветки (от телеграфных столбов)... огоньки вуали... и другой трамвай, красный... радужные фонари... огни в тумане... волшебный город огней за Троицким мостом и там огневые сороконожки. Отражения в стеклах трамвая...

Мой путь на трамвае по жизни: путешествие. Я еду на трамвае каждый день, и каждый день моя жизнь — путешествие. Нищие на трамвае. Зимние ощущения (все вместе): если два разговаривают, все слушают особенно... как неприятен взгляд напротив (будто смотрит всегда)... То роскошная дама с компаньонкой. Крики на кондуктора... Взрыв... Толстая купчиха с гордым взглядом... Ледяная сосулька на крыше трамвая. Вера Ив. — глаза вниз, похожа на иву над прудом. Студент-архитектор о домах на трамвае: «проэкт» и дома и квартиры. И пережитое: аквариумы и проч. И зимний сад... лес в инее где-то... Кривые отражения сучьев на асфальте. Хорош из трамвая Париж: эта толпа Итальянок, бульвары и Опера, и что-то роковое... смеющийся человек. Этот город мне кажется чужим и холодным.

Пейзаж. Среди грохота трамвая лошадь ржет... Ржанье между камней. Копны сена в саду. В лучах солнца девушка в шоколадном платье... Блеск красных стенок трамвая. Блеск [черной] крыши автомобиля. Над вывеской «табачный магазин» дощечки страхового акционерного общества и № 44, светящееся еще повыше окошко. В окошке герань и девушка-брюнетка задумалась. В каменном балконе большого каменного дома в бельэтаже толстый чудак и офицер, перед ними две вазы с персиками и виноградом, что- то пьют. Столбы электрических проводов один за одним далеко-далеко... Только что зажгли фонари, первый раз после белых ночей зажгли фонари. Одна лампочка... не знает куда смотреть, и глянула на небо и повернулась спиной к публике, а на небе молодая луна и так они и смотрят друг на друга...

Офицер растопырил руки под накидкой... загородил всю улицу. Квартира сдается — билетики, недорого. Главное: шоколадная девушка и солнце, девушка в герани, труба, луна и фонарь. Еще деревянная квартира с открытыми окнами, двуспальная кровать, рояль на всю комнату.

Капля. Упала одна слеза из окна высокого дома на телеграфную проволоку и покатилась к фарфоровой чашечке. Другая упала и другая покатилась. И третья упала и третья покатилась, и все три вместе упали вниз на мостовую (к роману электрической лампочки и месяца — месяц светлый ненадежный романтик — налепил на ж. бантик).

Мчался трамвай. Шли под руку влюбленные... Те, которым [всё] было смешно... Господин в котелке и дама... На балкон вышел веселый толстяк с офицером. Перед ними две вазы: смеются и закусывают... А третий молодой человек сладко потянулся и весь отдался сладости и, потягиваясь, даже присел.

Упала вторая капля на телеграфную проволоку и покатилась к первой и слилась с ней в большую слезу... И в этой слезе: отражалось все и электрические проволоки и блестящий бок мотора и черный автомобиль и те два чудака...

На сапожной висела рука с указательным пальцем на золотую корову и над коровой были билетики в окнах, и еще выше герб страхового общества и еще выше телеграфная проволока и еще выше герань, и в герани черные глаза.

И еще третья упала капля на телеграфную проволоку и покатилась к двум первым, слилась с ними, и все как одна упали на мостовую. Но уже новая катилась капля, и вторая догоняла первую и третья влекла вниз. И опять то же. Шел дождь.

Истощенная, пустая жизнь всегда философствует и строит принципы: прот. Малявин... Клин... идем на станцию: вот так и будем ходить и будем (как принцип).

Богу наскучили все человеческие жалобы, ропот. Он вновь сказал: сотворим человека из глины и воды, но с бессмертной душой. И вновь рай был открыт для них. Но они опять согрешили... и опять были изгнаны из рая в поте лица добывать хлеб и вновь обрабатывать землю. Бог упустил из виду, что земля уже не та... Но земля была теперь не та. Прежние люди всю до последнего клочка захватили ее. Новые люди напрасно искали земли. Все занято говорили им, и так они пришли в большой город и поселились наверху каменного дома.

Я был их сыном и, глядя вниз из окна, вспоминал ...

Две дамы в конке: у одной была открытая короткая шея и грудь большой высоты. На самом верху груди — золотые часики. Все смотрели, будто на часики и <*зачеркнуто:* видели огромную грудь>.

Два встретились: — Бродяга! — другой: — Водяга! — и долго перекликались во тьме. При месяце город огней... И перекликаются ночные голоса на реке (фабрики). Трамвай — рельсы вперед и вперед (кругом). Кто-то поцеловал девушку и вскочил в трамвай.

Дом, где живет она: булочная и контора, швейцары. Пьяный и безумный. Месяц шел за мной на Невский. Перья на дамских шляпках. Старики. Пылал фонарь — всю ночь пылал фонарь — какие-то [плохие] дворники. Это сказочный город (не Петербург, а сказочный) с прямыми улицами. Пустой вагон, наклонившийся на бок, почему-то был наполнен [людьми]. Огненная надпись: остановка. Огонек перед иконой. Далекая звезда фонаря в двух рядах. Где Казанский собор? ветка сирени, она зацвела... Месяц-фонарь в деревьях.

13 Марта. Утро в трамвае: въезжает на улицу старая чета финляндцев на маленькой лошади, собака спит, свернувшись в комок наверху. Остановившиеся автомобили на Литейном и Невском, три дамы разговаривают...

31 Мая. На берегу Светлого озера у меня создался романтический образ Светлого иностранца: он приходит к нам не с капиталом и голым знанием, а со словом истинного Христа, и это новое слово слушают не книжники и фарисеи, а простые несчастные сектанты Ветлужских лесов, потерявшие всякий смысл в поисках истинного Бога. Истинную вражду я чувствовал тогда к прежнему интеллигенту с его умилением перед мужиком и разговорами о землице и всяких экономических отношениях. Нет! я не смиряюсь перед рабами тьмы, я прихожу в нее со словом истинного Христа, и все, что так фальшиво было раньше у меня в отношении к народу, отныне совершенно исчезает, и все становится ясным.

Что меня встретило, когда я стал проверять этот образ жизни?

Вот это все нужно припомнить.

Смысл этой веры был, конечно, в освобождении своей личности: я могу жить свободно. На самом деле у Мережковского я встретил новые цепи. Практически: от меня требовали простого подчинения. А у меня свобода... я хочу писать свободно. Пришлось отшатнуться. Вот почему явились Ремизов и Разумник. Вопрос: если они эстетическими путями своими, т. е. свободно, на пути призвания своего пришли к Истинному, то почему же для других этот путь исключается? (как меня Мережковский, так я Коноплянцева). Постоянно возвращаясь к этому, нужно использовать все мои наблюдения и так свободно написать 2-ю часть Града.

3 Июня. Вчера ходил к Р-у. Низкое солнце слепит черную улицу, только вывески светятся. Забастовка трамваев. Пришлось возвращаться поздно ночью. Белая ночь. За Невою разгорается и разгорается. Веселый электрический домик на воде. Электрический сад. Все, что освещено электрическими огнями, кажется в гостях здесь. Или:

укрепленным на воздухе. Как встречают рассвет окна дворцов, такие серьезные. Забыл: площадь перед театром, суматоха... Стало понятней, когда я взглянул на коней над театром и вспомнил Гомера. Сразу нарисовалась картина площади. Значит, для того, чтобы нарисовать картину, нужно найти в окружающих предметах один, но свой, и отсюда взглянуть на другие предметы. Нужно учиться объективировать. Пример: описать моду (Вехи: взморье: дама в коляске — ее носок — ее кучер — шляпа-осень, шляпа-лютик, шляпа-луг, на скамьях люди, как птицы на ветках).

Интересны слова Р[азумник]а: писать с людей можно при условии писать о них подлинную сущность.

Счастье Александра Михайловича. Как он наивен становится: сколько безликого и предрешенного в любви. Как обманываются влюбленные, что они творят любовь. Какое умное учреждение — «свахи». Свахи — выразители безликого стихийного начала. Игру случая они приводят к закономерности, безумие к уму, личность к безличию. Влюбленный — это чайка, падающая в океан и думающая, что она сама туда падает. Не то что-то... хороша эта поповская свадьба...

Еще вот что: аскет, угодник, приходящий к народу, есть величайший индивидуалист. Религиозное чувство есть чувство личности, индивидуальности. Оно есть тончайшее выражение личности, оно есть предел личности, в котором исчезла личность...

Из городских впечатлений: как разговаривал франтоватый офицер со скромным молодым человеком [не поднимая] глаз, [быстрое] легкое откидывание головы назад — знак невнимательного согласия.

Хорошо народное выражение: когда ночь обнимет.

Дымка сизая как подкрылье голубиное. Отсветившая ночью луна чуть виднеется, или это здесь солнце такое? Запах на улице сырой, будто из недр морских вынули губку.

В окнах тяжело расцветающим утром зажжены огни. Ставни магазинов открываются, и образцовые товары, будто паутина, искусно сплетенная пауками для уловления, будто щупальцы огромного гигантского спрута.

Кто с книжкой, кто с сигарой, кто с дамской материей, и все они будто не от себя занялись этим, а кто-то их научил, натаскал и пустил, и человек с сигарой в глубине магазина — он служит сигаре, и сигара как паутинная сеть обращена к этому живому бегущему потоку.

Офицер едет верхом и разговаривает с барышней, и она часто-часто мигает глазами — учится неловко кокетничать.

Вот чьи-то два водянисто-голубые глаза, как два пятна на сером. Глаза, направленные в разные стороны, подчеркнутые грязными рубцами на сером лице, грудь в орденах солдатских — черносотенцы. Знакомый профессор — бедняк, как он иссох! Барышня красивая. Чья-то милая улыбка как искра сверкнула и растаяла, даром отданная бескорыстностью юности и красотою.

Еще бы раз взглянуть на это милое лицо!

Трамвай загородил дорогу. И когда проехали, — на том месте, где искра-улыбка сверкнула, теперь были глаза на молодом юном лице, устремленные безумно в толпу, напрасно буравящие чужие, равнодушные лица. Что спрашивают они?

Ищут брата по духу в этой толпе? Ищут встречи с потеряным, надеются?

В сизом тумане печально отвечает рожок: да, ищут брата по духу, надеются.

Колесо гигантской машины повертывает толпу. Но где же очаг, отчего все повертывается, где рука, приводящая в действие?

— Ничего, — отвечает равнодушно, — все по-старому.

— А как у вас?

— У нас тоже ничего, все по-старому.

Они свою размеренную жизнь не замечают, а в провинции свою. Ищут точек соприкосновения.

— Бисер в моде, — говорит, — не попадалось ли вам в провинции хорошего старинного бисера?

Я замечаю: у них бисер в моде, это новое, и бисер старинный.

Я перехожу [от одних к другим] везде слышу о старинности...

Наконец, знакомый полковник. Спрашиваю о недавнем прошлом, о религиозно-философском собрании, о крайних революционных партиях.

— Нет ничего. Все это в прошлом. А новое, самое новое — это заниматься старинностью.

— Пора! — поясняет мне жизнерадостный полковник, — патриотическое чувство, это, знаете ли, в природе вещей, это основа всего — жена моя бисер собирает. Нет ли в вашем древнем городе, где вы живете, старинного бисера? Бисер в моде!

Черты провинции: сплетня, газета по знакомству.

6 Июня. Пишут о Л. Шестове, будто он делает какие-то изыскания о старости: старик Ибсен и Тургенев на старости лет жалеют, что...

При закате солнца между петербургскими домами: до чего второстепенно это явление тут, как очевидно, что человек стоит против этого, не считаясь с природой, и что в этом все существо различия старого и нового, старой религии, старых людей.

15 Июня гулял с Алекс. Мих. в Павловском парке. Он говорил мне: я своими писаниями искажаю природу. Настоящая природа страшна. Он даже помыслить не может, как страшна она. Мы так далеко ушли от нее, что и не можем представить себе, какая она настоящая. Природа, говорил я, не есть что-либо вне меня лежащее, я изменяюсь — изменяется и природа; всякая вещь, которая откликается на мой дух, есть природа. Да, говорил он, но вы же хотите быть пантеистом, быть как природа. Это невозможно. Вы городской человек со всеми тонкостями городской культуры. Вот та тропинка культурная, она вьется по пятам за нами, и нет возможности отделаться от нее.

Тропинка вилась и вилась стрелой из зеленой травы за прудом, перебегала из рощи в беседку, исчезала за мостом, потом поднималась в гору, опять пропадала... барышня под зонтиком, дальше француженка на лавочке читала роман, генерал шел...

Облако белое.... Вечером, когда туман поднимается, думал: завтра решу. Утром осмотрел, будто дело сделал, стало легче на душе, а к вечеру обостряется, все обостряется, возьмешь ружье — и в болото, в леса. Знаешь белую ночь в городе, а кто бывал в лесах — какие там только разговаривают деревья, много они знают. Небывалое красное солнце под вечер... И вот тут Нептун вдруг поднял [зайца] и спас от безумия. Благодарить бы надо, а доктор ...

Или так начать 2-ю главу: привык к охоте и стал настоящим охотником... конец — под утро нет Нептуна.

На зайца смотрел, а хвост был как будто он понял перед смертью: Бог создал собачью любовь, чтобы человек [понимал] человеческую задачу: люби, как собака, и освободись.

— Эх, Нептун, — сказал доктор, — это человеку задана такая задача, а ведь ты собака, как ты мог это? или тебя сатана искушал?

— Сатана, сатана! — ответили, освобождаясь из вечного молчания, говорящие деревья.

Ему хотелось по-человечьему воспитать собаку в свободе, а не вышло.

29 Июня. Петров день в городе.

Неужели же это все напрасно тысячелетия просвистел соловей в саду... Я думал и думаю: есть же какая-то подлинная жизнь. Только художник я, [пока я] творец. Поскольку я творец, постольку «я» — все.

30 Июня. Дождик шумит в саду. Самовар умирает. Сад во время дождя, как шумящий самовар. Шел крупный ровный дождь. Полно шумел сад, как расходившийся самовар. Пузырями, все пузырями вскипали лужи, соединялись и неслись потоками по аллеям. Чан переполнился и тоже ушел.

Из дневника Левина: я встретил вчера своего учителя. Он сделался акцизным. Почему? Удобно, объяснил он мне. Обыкновенный человек. Но он был необыкновенный. Или это я был необыкновенный, а он всегда был обыкновенный человек. Кто же из нас изменился... А он

стоит, как сухая ветка... быть может, немного согнулся... В нем нет ничего... он сухой. Так значит, это я видел в нем... А если бы в этой сухой ветке я увидел бы правда то, что было во мне... Если бы он сейчас сказал мне, как и тогда, о звездах... Но он не скажет, он акцизный. А если бы мои лучи тогда встретились с его лучами... Мы бы теперь не так встретились? Если бы не... Мы бы не засохли... Мы обманывали друг друга...

Раз я нашел в своих бумагах 50 р. Как я рад был... Как сделать эту радость? Нельзя. Откуда же пришла мне тогда эта радость, кто ее дал мне... Я рассеянный человек, я мог забыть бумаги... и это дало мне нечаянную радость. Но я принимаю ее ценою горя. Я помню, как мучился о том, что денег почему-то стало мало. Значит, радость — награда за горе. Дети постоянно плачут и постоянно радуются. Можно ли сознательно устроить радость? Нельзя. Значит, нужна для радости бессознательность.

Идет старик в парке, кладет конфеты на деревья и зовет детей. Дети, трясите дерево! И конфеты падают. Это старик сделал счастье. Сидят дети за чаем вечером, скучают. Дети, говорит мать, подите в столовую. Дети идут, а там елка горит... Мать устроила радость. Но кто же положил эти деньги мне в бумаги. Как мог я забыть... Не сейте... Будьте как птицы...

8 Июля. Шарманка играет под окном что-то быстрое, быстрое, а выходит такое грустное. Стихает, а за ней не то песня, не то молитва... певица где-то поет. Бьют часы в моей тихой квартире: восемь. Глухие голоса возвращающихся с фабрик рабочих.

Читаю «Записки из подполья». Что-то пережитое. Что-то осталось большое... будет приходить опять и уходить. Но что это, я сказать не могу. Как близка эта мне сцена в ресторане, сколько тут из моей темы «я маленький». Это пародия на «Демона»? Нужно подумать над этим.

Приходил ко мне А. А. Волков. Сколько в нем под формой нового чиновника с заграничным образованием чего-то поповского... рот... улыбка... он вечно думает... но думы его — острые края чего-то разломанного. Ни до чего он не

додумается. Говорили о «смысле жизни»... Смысл жизни в служении, сказал он... Мой отец священник... Я видел на служении его жесты... Я служу и чувствую, как все складывается. Во имя чего же служить? хотел я спросить. Но он смахнул искренность, будто щеткой, и заговорил о Петергофе. Это от французов. Как умели, сказал он, жить в те феодальные времена? Поговорили о народе: привыкли одного придерживаться, народ темный, ничего нет организованного.

И сколько скуки, сколько пустоты скрыто в этой [обывательской] жизни, и тупость какая то. Хорошо это: сын, государственный человек, изучает движения своего отца-попа во время службы и любуется — как все прочно сложилось. Религия и государство. Батюшка и чиновник...

Говорили о быте. Я сказал: в России быт только у диких птиц: неизменно летят весной гуси, неизменно и радостно встречают их мужики. Это быт, остальное этнография... и надо спешить, а то ничего не останется. Россия разломится. Скреп нет.

Хороша пространственность... этого не будет.

Демонический культ и семейный. Женщина — мировой секретарь.

Я ложусь спать, улегся, тепло. Но мне приходит мысль, что медный крючок на шкафу — я сплю на откидной доске шкафа — повернулся в правую сторону, а нужно в левую. Почему нужно? Непременно нужно. Если я не встану, то худо будет. А я не встану. Ну, так будет же худо... будет худо... Не встану. Ну, так смотри же... и медный крючок идет против меня. Что я ни начну, куда ни пойду в этой свободной долине сна, везде я буду идти насильно, все я буду брать с бою.

А так легко было бы встать и повернуть крючок, как мне указано, в правую сторону. Теперь поздно. Весь мир будет жить легко и свободно... А я буду жить один по-своему, потому что я не послушался, я не повернул крючок в правую сторону.

Так легко и вращается прекрасный зеленый мир, а я не верчусь вместе с ним, а иду трудной, тяжелой дорогой... прямой, прямой...

И тупо глядит на меня этот путь. И все чужие вокруг. Я подхожу к ним и спрашиваю что-то свое. Никто не знает моего. Я должен его скрывать.

Тогда я сказал себе: нужно бороться, дух сильней физической немощи. Вот бессмыслица: человек отдал свой дух на изучение крыла бабочки. Он заживо превратился в мертвеца. Им оставлено изученное крыло бабочки. Так нельзя: вышло, будто крыло бабочки победило дух человека. Нужно, чтобы после крыла остался остаток, т. е. нетронутый творческий дух жизни. Но если крыло изучено, если жизнь кончена, то вот бессмыслица: «дух жизни» = дух нуля = дух.

Дух. Значит, дух не от жизни, значит, он сам...

24 Августа. Вечер на балконе. Облака нижние и верхние. Березки верхушками шумят и трамваи, извозчики ругаются. Женщина с улицы в окне парикмахерской, погода славная, воздух легкий... как движутся листья на деревьях. Женщина молодая (в плаще), голос пожилой женщины с ребенком, учительный для молодой: нет, мстить нужно, и тогда мстить, когда он в слабости, а то...

Сюжет: 1) слепой с костылем во тьме 2) тот же слепой, когда он стал продавать газеты (в пустое пространство: катастрофа, новая строительная катастрофа, разоблачены действия... — куда-то в забор... и как гордо стучит костылем, и как высоко задирает голову, и как всем надоел: кричит «Газета “Копейка”», его стали звать «копейка»... обстановка — угол Песочной и Каменноостровского...)

5 Октября. Соколова хозяйка и ее дочь Верочка (Красная шапочка на Песочной). Встретились. Едут в Новг. губ.: мать экономкой. Вся в долгах. «Вот мой капитал!» — сказала мать. Капитал! Мать всю жизнь скрывала от дочери ее незаконнорожденность. Оттягивала время представления в гимназию бумаг. Скрыла диплом. Одно спасение: жених! Хозяйка всю жизнь боролась с дворни-

ками. Итак, вижу ярко: Песочную улицу, хозяйку и Красную шапочку.

Стиль моей хозяйки... Каждый день, каждый день одно и то же... «А как же ты смела...» Всю жизнь боролась с дворниками. Отрывисто, с выкриками: «Печку затоплять — тоже искусство. Вы не можете. Всю жизнь, всю жизнь ученая этому, бить, бить, бить в одно место без конца. Ах! Сколько я муки имела. Но уж теперь два раза по одному месту не пройду. Не пройду!»

23 Октября. Вчера у Рязановского и Ремизова. Путешествие, — говорю я, — пост. Вы не знаете отрешенности от себя. Настоящий аскетизм ждет награды. Все живут физической жизнью. Отказываясь, значит, ждут себе награду. Одно бессмертие не бывает. Бессмертие ради чего-нибудь: напр., рая. Нельзя получить бессмертие без веры в рай, а потому Толстой — нелепица.

Если мне нужно описать Петербург, то я задумаю такое путешествие; «Дневник корреспондента»: я хотел описать путешествие. Мне не пришлось сделать этого. Я должен был из-за куска хлеба сделаться корреспондентом. Я весь день на трамвае. Трамвай моя сфера. По Петербургу на трамвае: тут и роман, тут и пророки — хлысты.

Опять тот же вопрос: какой же смысл всякого духовного совершенствования, если в результате плоть — материя — становится все несовершенней... Ответ Ивана Александровича: это два параллельных процесса, то навоз, а то... Враг человечества — религия. Ошибка Мережковского, что он исходит от исторической религии. Если следовать ему, то его совершенные плоть и дух дадут миллионы совершенных Вильгельмов, и с закрученными усами.

Слова И. А. = все это верно, когда я попадаю в память этого мышления, то все хорошо, все так... Как выхожу, то все пропало...

С этого дня: продолжать вести дневник Петербурга.

[Один прошел] и сказал с усмешкой: «Думает!» — и еще один прошел и тоже сказал: «Думает!» Он о чем-то думал, этот уснувший в окне человек.

... ее часики были спрятаны. Глаза напрасно искали их и ничего не находили. Шея у нее была длинная и прикрыта высоким белым жабо с белым [кружевом]. На голове ее была шляпка с веткой сирени. И все смотрели на шляпку.

Отставной беззубый генерал кушает, будто кому-то во рту его тесно и он, то и знай, лапами распирает щеки... Поест генерал, как отработается. [Сразу] засыпает...

За столиком молодой человек в черном и барышня. На ней розовая вуаль до кончика носа, будто верхняя часть лица ее озарена. Со шляпки свесилось маленькое восточное [украшение] с серебряными шариками. Оба от черт, от движения похожи на двух птиц какой-то породы... но зато он пьет, а она улыбается.

Другая пара: возлюбленная инженера, брюнетка, он слушает ее: глаза его страшные, хотят убить, а рот отдельно сладко улыбается ей... Два коммивояжера в шикарных пальто с биноклями (дикари культурные)... дама...

22 Ноября. В парикмахерской на Песочной: старик говорит, при Александре лучше было: квартиры дешевые и воров меньше было. Песочная улица раньше: свалки нечистот, потом дачки.

В трактире: хозяин с гостем пьют чай, одеты по последней моде, с проборами до затылка. Разговор идет: тули-мули, тули-мули. — У меня бывают только интеллигентные люди. Я умею подобрать людей друг к другу. Борисова в первую голову. Его обязательно надо пригласить. Во вторую пустим голову тройку Микулевых. Сумеем кого пригласить, я недурно умею подобрать компанию, кого нужно и кого не нужно. Потом Кидневы — это постоянный элемент нашего ресторана. — Роман! сходи ко мне на квартиру и принеси пенсне, я хочу сегодня пошикарней выглядеть, интеллигентные люди издалека видны: это приятные во всех отношениях люди, в грязь лицом не ударят и почтительные.

На христианской секции. Аггеев о Леонтьеве: красота трагизма — сын, заколотый в жертву Богу, и его мировой судья. Судья — пошлость, отец Авраам — высота. (Эстет Нерон, созерцающий горящий мир.)

Столпнер: у Леонтьева нет Диониса, вот чем он отличается от Ницше.

В. Иванов: средневековая церковь, соединяющая людей. Возрождение: возникновение личности и распыление рода. Кооперативное соединение — пошлость. Православие соединяло русских... Если смотреть изнутри, то... А снаружи... Смысл речи: мистическое рождение личности в эпоху Возрождения.

Мережковский: православие несет самодержавие. Так же, как рождение личности в эпоху Возрождения, в православии личность царя мистична. Рождение зверя... Он пережил [идеи] Леонтьева и Ницше. Православие без самодержавия немыслимо: [невозможно] проявление его в Греции, в Болгарии и т. д. характерно, православие только в России — третий Рим. Павел I-й потребовал архиерейскую одежду, желая сам совершить литургию. Ему ответили: второбрачные священники не могут служить.

Розанов требует меня к себе...

24 Ноября. Рел.-фил. собрание. Беседа с Блоком. Мне путешествие — ему водка: единственная возможность слияния. Почему Легкобытов не понят? В нем два каких-то человека, и это мешает... испуг — вот что может служить руководством для определения того момента, когда невозможно сливаться со средой... Гармонического писателя нет: все с провалами. Пушкин под конец жизни сгустился и умер естественно, если бы не умер, то пал бы. Я ему говорил: я должен быть мистиком после своего злоключения, истинное должно быть свободно, как все растущее из земли. Он не понял и принялся доказывать: нужно сказать «да», рано или поздно нужно; такое состояние, как у меня, было и у него до [краснения].

Сказочная страна... Где точка соприкосновения такой личности с ней?

26 Ноября. Опять трамвай. Кондуктор выталкивает пьяного. Кто-то заступился, предлагает место свое. Ну, смотрите же, говорит, соглашаясь, кондуктор. Пьяный садится и начинает приставать ко всем. Выходит по кондуктору. Трах! Останавливается трамвай. Глядят в окно:

человек ничком лежит. Убило. Женщина стонет. Кто-то говорит: тоже пьяный, их, бродяг, так и нужно, вешать их... Женщина стонет: о, Господи, сердца нет... Составили протокол и поехали. Как это легко в городе. Столько в деревне возле покойников, а тут протокол...

Тот пьяный называл себя «дворянином». В разговор ввязывается «крестьянин», тоже пьяный. Начинается курьезный разговор. На мгновение мне казалось: я ощущаю какой-то подлинный нерв жизни. Тут это все случайность несвязанная: этот убитый человек, и эти два клоуна, и женщина, и смех пассажиров... Все это явления какого-то городского нерва, и, кажется, кроме электрических проводов и телеграфных, есть еще какой-то провод. Нужно каждый день наблюдать эту жизнь в трамвае вокруг того провода и не забывать это настроение. Бывает пасмурно и сыро, и людей мало, тогда в звоне трамвая что-то похоронное... вспыхивают искорки и звенят... и сырость сейчас же [появляется] и ложится на вагон сверху.

— Какое вы имеете право, — говорит «дворянин».

— У нас в России права нету! — отвечает «крестьянин».

Дворянин доволен и предлагает сесть крестьянину. Тот гордо отказывается:

— «Право»! Сидите и не пищите. Право, как ляжешь спать. Верно, верно! Вы подвергнетесь административности — и прости, дяденька. Такую дадут; что и сами себя не узнаете. Право на трамвае. А то «право» в России. Он генерал — кондуктор. Понимаете? Верно?

— Верно! Я дворянин, меня никто не бил, а вас секли.

— А вас теперь высекут, и еще до заутрени. Вы ежели компетентная личность, то никогда не произносите слово «дворянин», дворянство себя уронило.

— А вы ничего не читаете, от потомства глупость унаследовали...

Диспут русский. Общий смех...

Дома Аннушка говорит: муж ее караулит, грозится убить, нож показывал. «А может быть, и не убьет. Как Бог даст. Может, и не удастся». И не пужается, и весела. А пьяный муж, может быть, уже сейчас караулит и сидит на

подоконнике на лестнице. Ведь это тоже природа человеческая.

28 Ноября. Состоялось свиданье с Розановым. — Пришвин был тихий мальчик, очень красивый. — А я бунтарь... — У меня с одним Пришвиным была история. — Это я самый. — Как?!

Встретились два господина, одному 54 года, другому 36, два писателя, один в славе, сходящий, другой робко начинающий. 20 лет тому назад один сидел в кожуре учителя географии, другой стоял возле доски и не хотел отвечать урока...

— Это было когда-то. Я не мог поступить иначе: или вы, или я. Я посоветовался с Кедринским, он сказал: напишите докладную записку. Я написал. Вас убрали в 24 часа. Это был единственный случай... «А с Бекреневым?» — хотелось спросить.

Он рассказывает, как плохо ему жилось учителем гимназии. Теперь вот учат, а тогда... Место покупалось у попечителя. Розанов — мечтатель, а тут нужно было что-то делать до того определенное... — Казалось, что с ума схожу... и сошел бы... Я защищался эгоистично от жизни... В результате меня не любили ни ученики, ни учителя... Потом служил в конторе. Там подойдет начальник: ну, вы что тут делаете. — Несколько примеров, как он выполнял свои обязанности. — Вы женаты? — Да... — А где же кольцо? На лопке? На крестьянке? Вы приведите жену...

Мой фантастический полет... Я говорил часа три подряд. Меня слушали, переспрашивали. Когда я сказал о том, сколько потеряло человечество, меняя кочевой образ жизни на оседлый... Розанов сказал: это у Ницше... Когда я говорил о насекомых, жена Ремизова ужаснулась и говорила: а как же... Розанов: это надо понимать... и хитренькая улыбочка... Нет, говорит жена Ремизова, Василию Васильевичу нельзя уж ехать: 54 года. В. В. с ружьем у дикарей! Он дарит мне свою книгу с трогательной надписью. Завет... Если бы дети были здесь... Какое воспитательное значение это имеет. Меня зовут на обед...

Так закончился мой петербургский роман с Розановым. В результате у меня книга его с надписью «с большим уважением», «на память о Ельце и Петербурге». А когда-то он же сказал: из него все равно ничего не выйдет! И как и сколько времени болела эта фраза в душе... Умер тот человек... Умер и я со всей острой болью. Поправляюсь, выздоравливаю, путь виднее, все уравновешеннее. Но почему же жаль этих безумных болей... Выздоравливаешь и тупеешь. Мне всегда казалось: я не такой, как все, я рожден для чего-то особенного и вместе с тем роковым образом я не сделаю того, что указано мне судьбой... в этом виноват кто-то искони... учителя? буржуазия?.. Потом: кто-то исказил природу, совершил грех...

Теперь я думаю: очень возможно, что я что-нибудь сделаю не как все, что я для этого рожден... Но что же из этого? Жизнь перелилась в какой-то другой план...

29 Ноября. Христианская секция. Спор продолжается о том, связаны ли православие и самодержавие мистическими неразрывными узами. Вдруг Протейкинский говорит: диктатор и самодержец, какая разница? Цинциннат, например?

— К чему он? — А я понимаю: подбирается к Антихристу.

Мережковский: мистически или догматически? в развитии церкви оба эти течения. Так, уже в Евангелии есть [Матфей] и есть Иоанн, догматическое и мистическое, законное и пророческое... Доказательство криком, по вероятности...

Мережковский: в самодержавии никакого догматического смысла, корни его все в мистике.

— Помазание на царство есть ли как обычного мирянина? Это в другой зоне. Если бы Павел отслужил обедню в архиерейском облачении, его сочли бы сумасшедшим. [Второбрачным служить] невозможно, но все-таки и возможно. Основание Синода, напр., голос св. Духа: царь объявляется главой церкви. Самодержавие: миропомазание, архиерейство и главенство в церкви. Соблазн в соединении порядка и свободы, предельный соблазн русского

народа в теократии, в идее Царства Божия на земле. Православие есть русское христианство. Хлыстовство есть высшая форма плененности: есть роскошное православие. Вот доломит — горная порода русской души: весь народ становится женщиной. Даже Толстой преклоняется перед Алекс. III. А в «Войне и мире» — изумительная страница: Ростов и царь-солнце. Тут мифология! и чем царь неправедней, тем он слаще, пример: Щетининские хлысты.

Метафизика Отца: отдача себя. Ходынка — гекатомба Отцу. Психология народа, обращенного к самодержцу, есть демоническая, как смещение Нового Завета Ветхим... Христианство лишь потому уцелело и живо, что в нем есть какая-то зацепка за землю. Я сказал Мережковскому: — Весь народ русский внутри круга, весь он склонён. — Нисхождение?.. — Да. — Он улыбнулся загадочно...

2 Декабря. Вчера иду на Херсонскую. Спрашиваю дворника: «Это Херсонская? — Да. — А где тут № 5-7. — Вот 5, а вот 7. — Как же так, у меня в адресе 5-7 на одном доме. — А вам Херсонскую улицу? — Да, Херсонскую. — Херсонская вот там, а это Консисторская». Прихожу на Херсонскую к Бонч-Бруевичу. Там Легкобытов. Опять религ. разговоры. Круг закончился. Секта «Нов. Израиль» вступила в новый фазис. Бонч-Бруевич говорит: во всем народе распространено сравнение с поспеванием яблока. Семя возвращается в землю. Все из земли-народа. — Бог должен вернуться в лоно человека. Роковое число 17 марта: до этого они были рабы и за поступки свои не отвечали, теперь наступила жизнь. Так и считаем: до 17-го и после 17-го. Легкобытов описывает, как нужно уверовать и начать: все, что было раньше велико, нужно умалить и начать все из себя, действительность отвергнуть и вне действительности создать действительность: умаление великого для того, чтобы разглядеть, отчего что произошло.

Бонч-Бруевич говорит, как произошел этот процесс с Веригиным, как он, нервный и беспорядочный, научился сразу владеть собой и все понимать. Итак, картина: шествие духоборов в новую, уединенную часть Америки. И

таким грандиозно-стихийным кажется это шествие возрожденных людей-земледельцев в страну дубов.

— Суть не в изменении моего характера, а в отношениях друг к другу, — говорит Легкобытов, — восстановлении векового первоначального отношения людей, заботы друг о друге: не один, а семья, одно живое целое; это реальное, а самое главное в семье — равенство, результат рабства. Нужно привести человека в совершенную простоту и дать ему простое назначение. Бог и человек — две диагонали, равные, — показывает на столе. — Человек нуждается в Боге, пока он еще не человек. А как стал человек, тогда зачем Бог? Есть чающие Бога, и есть обещающие Бога, и есть называющие себя богами. Когда настанет час расплаты, то боги станут маленькие, шкуры спадут, и настанет время, когда овечки скажут: простите! Вот наше дело посредников и состоит в том, чтобы клубок безначалия привести к началу.

Щетинин не провокатор, а убежденный хлыст-бог. Он делает все, чтобы испытать жизнь до конца, зло до конца...

Еще: начало одно, Бог взял начало, значит, человек безначальный, и нужно взять начало, и вот мы и есть начало века.

Бонч-Бруевич встречал на Кавказе часто книгу М[ережковского] «Петр»... — Зачем он неправду о нас написал. Бонч-Бруевич говорил: — Он не знал правды. — Так зачем же он писал? — Спрашивают, кто такой Мережковский, миссионер?

На улице я спрашиваю Легкобытова: — Кто Мережковский? — Он... я чувствую в нем дух, равный себе, его лицо, его все поведение, но он шалун. Фантазия... И гордость... Нужно умалиться до нас... Нужна простота и искренность... А он шалун... И, потом, отсутствие сознания, что мы будем судимы, т. е. ведут себя как боги, — они боги. Между тем, если бы они бросились в народ, то поняли бы, что тут в нем все: и археология, и история, все, что от зачатия века было, есть в народе. — Что же такое народ? Есть ли из-за чего туда бросаться? — Народ — это земля... Зачем Мережковский на церковь — пусть она отходит со славой...

Черная каменная голова, гранитная, лысая, выдвигается передо мной. Безгранично сильное и равное себе: две сложенные вместе половинки целого. Жутко до бесконечности. Все, чем мы живем: сказочки и проч. искусство — все сказочки, пустяки; мы — шалуны. Особенно мне чуден кажется Ремизов, отвергающий народ и потихоньку роющийся в Дале в погоне за народными словами.

Учитель (Легк.) бежит за конкой и исчезает во тьме. А в голове черные мысли, и на сердце камень: все в землю вернется, в народ. Все мелко, мало...

Я чувствую в этом человеке спокойную силу, в которой, как в зеркале, все шалуны...

Этот тупоумный Бонч-Бруевич, раб народа, заваленный бесчисленными материалами о народе, которые собирал всю жизнь, и теперь не может ни издать их, ни обработать.

Дома о. Иона. Сила их в том, что Христос-социалист — это близко народу. Я возмутился за Христа — смерть. Правда: все они только и говорят о смерти. С[венцицки]й, русский пастор, даже прославлен пьесой о смерти. Но ведь есть же и живая жизнь, и дети, которые не знают смерти. Я сказочник, я хочу рассказывать сказки, я не хочу смерти. Я состарюсь, уйду в келью, и из кельи буду говорить о жизни, о любви... Весельем победить смерть. — Обман? — Нет, веселье, высшее смерти, надсмертное веселье...

Тут о. Иона так хорошо заговорил о Христе: как сын его разбился любимый и как он это благодаря Христу принял...

Рассказ его о себе: Бранд [рисковал] жизнью. Я не Бранд <*2 нрзб.*>. А тут семья голодная, все встречают: вот Бранд, а я прихожу, чтобы попросить место... заговорил о Христе.

И тоже признает: искусство, красота чем-то мешают... Сближение Мережковского с народом. Характерный рассказ Ионы о том, что Мережковский дурные стихи на страницах народного журнала признает сальными пятнами. А Философов успокаивает: там, где все сало, — это

сальное пятно лучше блестит. И вот с этим и мирится. А сколько сделано литературы за это время! Как красив Брюсов! И все так просто разрешится. А тут трагедия: красиво — значит, не народно, народно — значит, некрасиво.

3 Декабря. Утро. Отец Иона в полусне мне представился теплой божественной печуркой. Печь натопили давно... другие. Духовенство русское вообще, даже в лучшем случае, неспособно к трагическим положениям. Если даже уверяют, что Христос «страшный» — не верь! их Христос всегда теплый...

Назвали Иону Бранд. А ему есть нужно, семья. Он ходит и просит местечко, а его встречают: вот наш Бранд! Положение хуже губернаторского.

Есть секта служителей красоты в Петербурге: декаденты. Изучить их историю. Народ, земля, отец, мать — требуют возвращения в свое лоно: отдать отчет. Чающие зовут на суд обещающих. Эти служат разным богам. Красота есть тоже бог. При этом суде народа не пощадят и красоту, и вообще форму. За форму Европа. Там защита мировой формы. Если же стать на народную точку зрения, то в корне восстать на Европу, Христа — как сделал Розанов. Легкобытов есть верующий Розанов. Он для меня больше народ, чем, быть может, весь народ. Он мне представляется большой доменной печью: дверцы открыты, видно: полна печь углей; затопили — дверцы захлопнулись, что-то гладкое черное перед глазами, чугунное; дверцы захлопнулись, все черное, ничего нет, но изнутри все накаляется и накаляется. Как можно спорить с такой печью?

NB. для будущего: если я буду писать повесть или роман и буду мучиться и сомневаться, что не напишу, — вспомнить, сколько колебаний, труда, сомнений стоит всякая написанная мною вещь: вот хотя бы этот будущий «Степной оборотень».

Декабрь. И долго рассказывал Мережковскому миросозерцание Легкобытова. — Интересно? — Да, но ведь все это давно пройдено метафизикой...

Да... круглый корабль.

«Народ» в Петербурге

1. Политики. Далеко за полночь. Тишина. Далеко слышен разговор двух друзей. Обнявшись, идут городской и приехавший к нему в гости мужичок. Обсуждают новое положение о мировых судьях. «Три тысячи рублей жалованья! — кричит городской... Понимаешь ли! — Одному? — Одному. Образование не ниже среднего! И камеру. Подай ему камеру...» Оратор гремит на всю улицу, далеко раздаются полные негодования слова: «Подай мировому камеру!» Извозчик заинтересовался, остановился, сказал: «Законники!» — улыбаясь... Потом послушал: «Дураки!» — и уехал.

2. Частный поверенный из крестьян в новых [плисовых] сапогах, с черными закрученными усами поучает [купца] гражданственности... Возмущается порядками: раньше с девяти тянули, а десятого оставляли, а в настоящее время со всех десяти тянут.

— Грамотей! — презрительно прерывает речь оратора купец. — Грамотей! Ты все на сторону, все на сторону смотришь, а ты на себя посмотри. Где ты живешь? Ведь это Россия! Вот дом, квартиры, чужие квартиры. Что мне в них смотреть. Русский народ земледельческий. Знаешь, как в деревне: заглянул к соседу, так я тебе дам! Смотри у себя... В России вовсе и не усовершенствовано так, чтобы смотреть на другого. От сотворения шалой Руси. Закон! — садись на кол! — Раньше с девяти тянули, десятого оставляли, теперь... — У нас вовсе и не усовершенствовано так, чтобы на другого смотреть... — А всего лет через 10 так восстанут сын на отца, дочь на мать, сестра на сестру, брат на брата, все как кошки сцепятся.

Так разговаривают два на конке...

— Грамотей! — говорит на подстриженного частного поверенного [купец]. — Ты все на сторону, ты на сторону не смотри, ты на себя смотри! У нас вовсе и не так усовершенствовано, чтобы по сторонам смотреть. И так взять, к примеру, огород... Вот огород... А все дело. Что мне чужой ум... В деревне неужели же скажут: смотри на соседа. Да, конечно же, смотри на себя. А к соседу посмотришь, так

и... я тебе дам! К соседу... У нас не усовершенствовано, чтобы смотреть на другого, чтобы вместе и обсуждать, что там...

Оба расходятся недовольные, не прощаясь.

3. Один частный поверенный из крестьян на суде называл боа* хвостом. Судья, шутя, сказал ему в конце заседания: ну, господин про-хвост, ваше слово.

Взрыв на Астраханской. Трагический смысл: личность взорванного Карпова — не больше кончика электрического провода.

12 Декабря. У Мережковского.

Студент из подполья: с белыми ночами и Кнутом Гамсуном. Необходимость опыта. Христос. «Прагматизм!» (стиль Зинаиды Николаевны Гиппиус). Студент: в жизни кошмар, не хочу фантазий. Боюсь Христа. — Он страшен, потому что вмещает все. Исключает... все дурное. Сколько раз сходит в ад. Много раз. Отец — понеслись — и все... необходимость и потом тихая долина спокойная, где Христос. Христос, как палка, показывает путь. Дух святой, который соединяет... Отвращение Мережковского от Гамсуна и Андреева — они зовут к реакции (не реализму, идеализму)... Гёте — у него есть [реализм]. Студент-кролик.

Мережковский сказал Гиппиус: — Что ты, Михаил Михайлович (я) весь в жизни, его, напротив, надо отвлекать от этого.

Мистический путь без философии ведет к хлыстовству...

Чиновники по-своему занялись религией. Лекция о масонстве. В эпоху взяточничества и пр. Как изумительно-болезненно и призрачно это русское рыцарство-масонство. Птица Феникс, вылетающая из потухшего костра, — символ возрождающейся природы и пр.

В секции: несколько определений религии. Религия есть стремление к реализации человеческих потребнос-

* боа — шарф из меха или перьев.

тей, реализация бесконечного. А если не знаю? Отсюда выходит: религия Нерона и Христа тождественны. Религия есть стремление человека без самоубийства освободиться от своей оболочки. Религия есть путь соединения человека с Богом с целью спасения от смерти. «Для меня Бог проще жизни», — сказал рабочий-сектант. Гиппиус: религия есть признание, что есть Бог. Философов: ощущение коллективной связи с Богом, т. е. иррационального и имманентного... Личного Бога...

Л. Д. Блок: «Нет определения, сердце религии — выражение неизреченного».

И поднялось!

Из метода вышли! Экзотеризм!

Я вперед говорю, защищается Философов, что говорю формально. Очаг неизреченного — какое употребление разуму? Имеет ли он право отражать очаг бытия? В метафизике непременно есть рациональное. Для чего метафизика? Родник засыпан мусором, а мусор нужно разумом... Все слова лживы, но есть минимум и максимум. Все слова, значит, отрицательны. К чему же слова? Есть слова, ничего не говорящие. Как же прийти от неизреченного к слову и чтобы сказать «Бог»... «Бог введен!» (Ищущие Бога и нашедшие. Изучить типы. Неизрекшие Бога и изрекшие).

19 Декабря. Лекция Аничкова об Оскаре Уайльде.

Смутно пробежало что-то очень знакомое, близкое. В моей придавленной хаотической душе есть все, чем и как страдать за красоту.

Природа некрасива. От человека узнали, что она красива... У меня есть наблюдения: две любви природы: 1) как любят родину (природа — родина) и 2) как предмет искусства. Киргизская степь — родина. Швейцария — картина.

— Не хочу добра! — говорит красивая женщина. — Добро скучно.

Мадам Каль от красоты к добру: — Не хочу добра, потому что оно некрасиво. Убейте, я буду красивой. И потому не хочу к Христу: в красоте я все это признаю, но не касайтесь меня. Красота рождается из страдания. Она есть просветление страдающего человека, [гордого].

21 Декабря. Понимаю свое искание: хочу цельной жизни.

Вчера мне сказали, будто я стою против духа. Трава зеленая против духа.

Безумие... Но и так все равно... Один конец... Трагедия...

Неудачники... Идея о вновь изгнанном Адаме и о его искании земли. Пока не будет земли — до тех пор Адам не может выполнить заповедь Бога. И вот нелепость: весь Адам с его божественной сущностью выражается в требовании трех десятин земли, то же и со мной: разве я могу принять Бога, когда им совершена основная несправедливость относительно меня... Не здесь, а там неладно. Там ошиблись, оттого и здесь не так, как надо.

[Поверили] этому обаянию прошлого — там свобода, там жили люди без Адамова проклятия.

Величайшая скромность и признак хорошей крови во мне то, что я не браню Бога. Я джентльмен... Я не могу отвечать плевком на плевок. Я лучше, скрепя сердце, уйду. Я, Адам, сознаю свою нелепость на земле: мне нужно три десятины земли, без этого я не могу быть. И делаю все усилия воли, чтобы отсрочить нелепость, я обманываю себя... Я герой в этой борьбе. А «я» — мужик? не личность, а коллектив в трагедии...

И я не виноват, что в природе, созданной не мною, есть внешние силы, которые каждый день напоминают мне о нелепости... Как мне из этого выйти?

Отвернувшись от Бога, я творю три десятины из себя самого. Тут чудо во мне, я не обязан им Богу. Я сам создал эти три десятины, при чем тут Бог?

Потом: если бы Бог покаялся и прислал бы мне эти три десятины или объяснил, что и те три десятины созданные им, невидимо посланы мне, то как я верну назад прежнее свое чувство? Я так привык все относить к себе за время моих исканий трех десятин, что не могу уже больше возвратить потерянное чувство к своему источнику. Как я верну?

Разумом? Но этого мало... И как Он и всякий его пророк докажет мне, что им даны три десятины?..

Тоже разумом?

Но я разумом докажу Ему обратное.

Откровением, чудом?

Но я привык сам творить чудеса и чужих чудес не принимаю.

Мне слаще мои маленькие чудеса, чем большие, но чужие.

Итак: признаю, что мир, созданный Богом, прекрасен, хороша земля, украшенная цветами. По точному плану Его творений я творю свои. Частица себя, из которой я делаю свой мир, есть частица Его...

Но из этой частицы сделал свое. Чувствую это свое отдельно. Значит, в этом я — бог...

Я — непреклонное. Я — гордое. Я — совершенно отдельный бог.

Что мешает моему пути?

Неудачи? Но я принимаю всякие неудачи и всякие провалы и никогда не сравню их с тем величайшим падением, унижением и позором, на который Он осудил меня в поисках трех десятин.

Я горд. Он требует смирения...

Нет, никакие объяснения невозможны мне с Ним. Но есть другие Адамы без земли. Он ежедневно творит таких Адамов.

Могу ли я сказать им: идите по Моему пути?

Нет, не могу. Им нужно испить всю чашу своего гнева. Пока они не поймут, что все пути согласия исчерпаны, нельзя их остановить, это почти грех. Она свята, эта природа, требующая своего «я». Кроме того — все попытки заставить творить человека свой мир из себя, до того как он испил свою [чашу], все опыты добыть три десятины — немыслимы. В этом закон.

Итак, я вернулся к началу: люди другие то же совершают, как и я. Те же круги.

Между мной и ими общее: мои воспоминания о пережитом.

Я вспоминаю себя в их жалком положении и сочувствую им: требуйте свои земные три десятины. Требуйте. Идите на бой с крестами и иконами, потому что дело ваше святое — вы хотите выполнить заповедь Божью: в поте лица твоего обрабатывай землю. Но если вы потерпите такие же неудачи, как и я, то сотворите сами себе свой собственный мир, потому что в каждом из вас есть что-то самотворящее.

Но до своего умирания я сохраню чувство глубочайшей несправедливости по отношению ко мне Бога, и это меня соединяет с другими Адамами.

Итак: на примере Адама и Евы, которым Бог велел в начале мира обрабатывать землю, а земля оказалась занятой, и на другом примере — девушки, созданной для замужества, но не вышедшей замуж, потому что жениха нет достойного, — не видна ли ошибка в самом Промысле? Они (революционеры) не виноваты, потому что не сознают... они действуют под давлением тех же природных (божеских? дьявольских?) начал. (А евреи искали страну обетованную?) Но ведь то, что на такой прекрасной земле ничего не растет, ведь это уже затрагивает самого Бога.

26 Декабря. Каждый огонек в церкви есть символ огня на небе, каждое движение священника что-то значит... Нужно все перевести на небо.

Вот что одобряет моя новая наставница.

Неожиданные приступы боли... Отчаяние... Тоска... И радость, и мечта о будущем...

То же было и тогда еще, за границей, до той страшной схватки.

Не перед новой ли схваткой это? Схваткой за смысл жизни, за ясность сознания.

А то как-то обидно: будто песчинка на волнах...

Можно делать всякие опыты, но нужно оставаться свободным... Вот чем страшнее всего Бог: он поглощает. Ив. Павл. хотел бы быть Дон-Жуаном и уверен, что он гениальный писатель, но ему мешает Бог... Какая нелепость! Я приму только такого Бога, который мне помогает. Весь вопрос только в том, кто же я, в чем мне Ему помогать? Я

хочу писать о жизни. Хочу писать о вечных законах жизни. Хочу изобразить жизнь в ее тайнах. Показывать тайны жизни.

Природа! В ее вечных кругах...

31 Декабря-1 Января. Фрося стала укладывать ребенка без 20 мин. 12 ч. Вспомнилось, что за этот год совершилась потеря чего-то родного... Я встал и вышел на улицу. Звон колоколов и звуки через деревья, покрытые инеем. Так мягко и тихо. Горят фонарики. Спеша, перебегают из дома в дом [нарядные] люди... встречать Новый год. Елки горят. Все вместе... представляю всех вместе... А я так нелепо один... Делаю усилие... Боже! Пошли мне на будущий год силы не упасть в эту тьму, которая раскрывается передо мной... Эту тупую, бессмысленную тьму. Хочу быть с самим собой и со смыслом. Пишу для того, чтобы жизнь моя — хаотическая тайна — стала ясной, полной смысла... Чтобы ночь стала днем. Хочу этого. Тайная точка, с которой...

Сюжет главы, о чем писать.

Вчера были воры, пересмотрели все мои бумаги, перетрогали все мои вещи, разбросали, затоптали и загрязнили письма от милых мне людей. Их испугали, и они, все бросив, — что связанное, что упакованное в чемодан, — ушли! И тут я пришел в свою квартиру, к себе, с новой интересной книгой, мечтая просидеть вечер за книгой при лампе в тишине. В квартире были дворники, искали вора, думали, не спрятался ли он где в квартире: в чулане, в клозете, под кроватью, в кушетке, на крыше у желоба — всё дворники осмотрели и ушли. Я остался один с разбросанными бумагами: на всем этом лежит теперь воровская печать: никто в мире не касался моих бумаг, и я во время болезни, когда приходила мысль о возможности смерти, всегда — прежде всего — думал об этих бумагах, чтобы успеть сжечь их. В них нет ничего преступного, это просто личные письма, записки для себя, для меня одного. А теперь некий другой человек все это перетрогал пальцами. Пока я убирал записи, я до того сжился с этим другим человеком, что видел его, как будто он был тут со мной:

у него гладкая черная густая короткая шерсть на круглой голове, лоб низкий, глаз вострый, весь он тонкий, как уж, и с небольшим хвостом, который следы заметает, а в общем, огромная мышь, человек-мышь. Достаточно для меня одного такого скребка мыши под полом, чтобы я не мог работать и спать, но присутствие в квартире огромной человеческой мыши меня [взволновало] необычайно. И вдруг что-то скрипнуло, тяжело повернулось в оттоманке: оттоманка была пустая — я вздрогнул...

Сон-сказка. Лунная ночь. Звезды. Какая-то особенная звезда, которой я служу. Звезда раньше была на земле в сердцах людей, это лучшее, что было у ней; когда люди умирают, то это лучшее поднимается на небо,— это звезды. А синева небес — это [умершие] поэты, которые служат там у звезд. Я тоже там. Но что-то случилось. Я очнулся на земле... ищу ту, чья это звезда. Я средних лет, нет задних зубов, а какие-то черные остатки, и улыбнуться нельзя мне — увидят черные зубы... Да и не хочется... я не улыбаюсь... лицо восковое... глаза белые, словно выцветшие от света, который я видел... Я скрываю их, прищуривая... лицо восковое... На мне все черное: длинный сюртук, я вообще скрываю что-то от людей, и это делает меня чужим везде, холодным, как мертвец, я постоянно боюсь, что как-нибудь выдам себя. Я член теософического общества. Мои приключения в поисках ее. Как я ищу ее, пишу ей. Она жена полковника... она...

Без года.

25 Июля. Иван Александрович [Рязановский] и два попа. Один черный, порывистый в движениях, гласит примитивную правду, и тогда бывает хорошо, а то вдруг, принимая на себя общежитейское, становится жеребцом. Другой белый, с тонкими губами, маленькими глазками, умный в житейском и приличный, но в умственном правды не знает и врет. Один чует правду, но прост и в простоте правдив, другой, хотя и более умный, ничего не знает. Разговоры о вере, о непереходимой пропасти между церковью и интеллигенцией. Черный поп бросается: «Да как

же непонятно, вера самое хорошее, вера...» (долгое перечисление)... поверил и бросил узкие брюки, автомобили, аэропланы, и как на рельсы лег...

— Да поймите же, батюшка, что я не могу своей воли отдать, подчинить себя, я как тот грешник, который «блуда ради лишен Царства Небесного, а милости ради помилован»: привязан к столбу.

Черный: — Ну, а если не церковь, то что же, все воруют...

— Да поймите же, что я неспособен украсть, что...

Белый поп: виновато духовенство, если бы оно умело развернуть интеллигенту красоту... Для Ивана Александровича величайшее наслаждение говорить с попами, представляя, что вот он уже у них под бородой, и все-таки нет — и то, что они просты: «самая культурная женщина может дать не более, чем кухарка». Отдать-то нечего! Попы понять не могут, что отдавать нечего: вынуть из кармана платок, весь грязный, замаранный — и служить... отдать — да кому он нужен. «Дед мой священник, отец отступник, служит сын, не имеет традиции — все пусто и отдавать нечего».

— А я для архиерея нарисовал древо родословное от Петра Великого с сучками и листиками, и все дьячки, дьяконы, попы.

Попы решают, что И. А. близок им... а у него как вынуто — что ему отдавать, когда воли нет и все равно — перейти в католичество, православие... основы нет для Бога.

Час добрый, Никола в путь!

Белый о красоте и неподвижности церкви. Черный: смотри туда, все туда, в одну сторону, и подвигайся, и подвигайся.

Поп никогда нас не поймет, а если он нас поймет, нам будет плохо!

Был у отца столик дорожный письменный, складной, красного дерева, и в стене столика вделан портрет сына: 15-летний лейтенант с косой. Отец смотрел на сына в дороге. А потом исчезла мебель, исчезла и религия. Религия связана с вещью (с традицией, с бытом).

Под щиток, под кусточек, под бороду, да что же это такое! Да ведь они-то не знают, что я обладатель кладов восточных царей, я (перечисления) его...что я индийский мудрец...

Подчинить себя церкви — значит что-то дать ей и что-то получить, вступить в обмен. Лавочка должна быть с товарами, а товаров нет и нет. Одни имеют, да не отдадут, а мне отдавать нечего...

Женитьба = книгу, картину написать.

Начало века (год 1908–1909)

Меня нашли не искавшие Меня,
Я открылся не вопрошавшим обо Мне
(Исайя) *

I. Общество религиозного сознания.

Кающаяся интеллигенция.

Вехи: семь смиренных (православный еврей, в черносотенстве Дух Божий, возвращение к славянофильству, стихии, религии, детству, мистике через Метерлинка и оккультистов.) Шикарный жест Гершензона: европейский крах индивидуализма.

Кнут Гамсун пропах треской.

F-а спросил Мережковский, что ему больше всего в литературе нравится. — Кнут Гамсун! <*зачеркнуто:* — сказал студент> — Индивидуализм! — сказала Гиппиус. — Да, Гамсун уже пахнет треской, — спросонья сказал Философов. — Мне нравится лирика, — продолжал F. С усмешкой

* Люди настоящие смиренные не знают света, исходящего от них. Вообще лучшее человеческое дается даром (поэтому прост. народом не ценится красота) — это такой же дар, как свет — вода. Добро = красота есть дар природы. Этой естественной силой завладевают пророки и поэты, но если они оторваны жизнью от почвы, то неизбежно теряются в личном, становятся в лучшем случае колдунами, их слово висит в воздухе, возникает культ слова и за этим словом разломанная душа (декаденты). — *Примечание М. М. Пришвина.*

отвечала Гиппиус: — Теперь время эпоса. — Мережковский говорил, что русская литература не ушла дальше «Капитанской дочки». Нужно видеть красоту в простейшем. Другие студенты говорили о чем-то смутном, Гиппиус в их сторону как из пушки стреляла: прагматизм, индивидуализм анархизм!

Время эпоса, а не лирики.

— Теперь время сильных людей, даже статистически доказать можно — время города (Брюсов).

— Как избежать ошибки Ницше? — Разве он ошибся? — С ума сошел. — Это физиологическое. — Нет, он должен был сойти с ума, это не физиологическое, это возмездие. «Я хотел бы лучше быть последней овечкой в стаде Господнем, только бы не впасть в ошибку Ницше».

От них к нам!

«Они» — народ, ищущий Бога, «мы» — Мережковский, Гиппиус и Философов. Студенту казалось, будто он на небо попал, и небо это было стеклянное. На этом стеклянном небе не было икон, тараканов, сундуков из мороженой жести, старых салопов — это он видел у себя на своей земле. Стояли столы, за столами сидели люди и все время говорили об умных вещах, о книгах. «От них к нам» — естественно, но как «от нас к ним»? Самый легкий путь — ославить секту, в России только скажи что-нибудь, и сейчас же организуется секта. Но секта есть частичное решение вопроса. А если предложить целое, то примут за Ивана Царевича, а это человеко-божество. Следуют ссылки на Достоевского. (Бесы).

F-у казалось, что у декадентов он найдет какую-то особенную чуткость в душе другого, и робел перед этим: он груб (но никто здесь не хотел и знать о нем, вокруг было сухо, черство, книжно, холодно), обедать его не оставили, хотя ему очень хотелось бы посмотреть, как будут есть эти совершенно умственные люди; казалось, что они вовсе не едят, не спят, не рожают и все время говорят, читают и пишут.

Мы и Они.

— Вы приведите их к нам! — Назначили день и час. Хлысты, собираясь к Мережковскому, надушились у Марии Яковлевны, жены водопроводчика, а у Мережковского в это время покупали пастилу (серую) и пряники (круглые жамки) для народа.

Мария Яковлевна, (Яков?) Павел Михайлович, Мережковский: от кого-то ландышами пахнет? Кривлянье Павла Мих., смех Философова, страх Мережковского.

— Верите? — Верую. — В дедушку с бородой? — Хохот и проч.

Диагноз Мережковского: у нас был Антихрист.

Мобилизация духовенства.

Отец Спиридон и английская миссия. Почему Общество религиозного сознания не приняло ноту о. Спиридона и стояло за сохранение Византии? Ответ Мережковского: англиканское духовенство еще более косно, чем православное. Ответ Розанова о вечности церкви и законе (если один глаз испортить, то погибнет другой). Личность Спиридона героическая. Другой герой — о. Иона Брихничев, ожидали русского Бранда, а когда сбросил рясу, оказалось, у него большая семья, и пришлось кланяться редакциям и даже ссылаться на семью.

Толстый поп, когда приходил в собрание... «Вареньки!» — племянницы, падчерицы. Ссора Розанова и Блока на почве этого: Розанов стоял за падчерицу, Блок стоял за факелы (выпрыгнул из готического окна).

Ссора Розанова с Мережковским: задан был вопрос соединения духовенства с интеллигенцией: общее — религиозное чувство. Конец: Мереж. возвратился в интеллигенцию, Розанов в церковь. Мобилизованные попы: Спиридон, архимандрит Михаил, <*приписка:* теургия, Распутин>. Красивый брюнет. Архимандрит Мих., голгофское христианство (литургия в Финляндии: «достали чашу»), Карташов, сжигающий корабли.

У о. Спиридона лампа закоптила языками, он зовет попадью: — Матка, поправь лампу! Поправила, да плохо. — Ну что же такое? — С этим, батюшка, ничего не поделаешь, это гарь такая, фигаро.

У батюшки секретная мысль: старика Византийского в чулане посадить, а самому к епископу кентерберийскому.

Тип священника Круглого все примиряющего, все объединяющего, оптимиста...

Тип Рождающего, исповедующего Бога Сидящего. Власть канонов — власть Византии. Павликианство (разделение духа и плоти). Единоженство от римлян, многоженство из Библии. Целует Библию. Требует стихов (Давид стихами).

Люди богатые были: на кухне по десять пудов медной посуды, в передней бочонок стоял с зернистой икрой, а у матушки мешок с медными деньгами: горстями давали нищим.

Неудавшийся опыт.

Что рассуждать о Сладчайшем? нужно действовать. Это был вихрь и готовность на всякие опыты (Ремизов, Блок, Кузмин). Собрались для мистерии. На всякий случай надели рубашки мягкие. Сели — на квартире Минского ничего не вышло. Поужинали, выпили вина и стали причащаться кровью одной еврейки. Розанов перекрестился, выпил. Уговаривал ее раздеть и посадить под стол, а сам предлагал раздеться и быть на столе. Причащаясь, крестился. Конечно, каждый про себя нес в собрание свой смешок (писательский) и этим для будущего гарантировал себя от насмешки: «сделаю, попробую, а потом забуду».

Мистический анархизм.

Если каждый будет творить согласно природе своей индивидуальности, то и будет достигнуто священное безначалие. Мы — боги, мы начинаем. Потом, когда это не удалось, то на помощь явились оккультистские настроения разных планов: это совершится в каком-то плане, и тогда, а не теперь, страна покроется оркестрами и факелами.

Чан.

В то же самое время Легкобытов стал проповедовать «Начало века» и выступил с предложением интеллиген-

ции броситься в чан народа. Таким образом, были два чана: интеллигентский и народный. У народа чан удался, потому что там сохранилась способность отдаваться, здесь же каждый хотел быть царем. По Мережк., способность отдаваться (царю) — русское начало, а быть царем (личностью) — европейское, так что схематически получается чан Европы и чан России. Богема противопоставляется хлыстовству. Кающаяся богема, ищущая нравственности богема, кающиеся боги, а там обожествленное рабство. *«приписка:* рабы умирают и воскресают».

Не теософия, а теургия!

«Над этим работают гносеологи» (над вопросом о Христовой плоти). Вывод гносеологов: у Христа было две плоти, одна как обыкновенная была брошена в яму, другая воскресла, так вот мы в эту верим. Простой человек верит просто в плоть, а интеллигенту необходимо познакомиться с гносеологией.

Так что, когда Светлый Иностранец спустился в Капернаум, все было хорошо, но когда пришел к интеллигентам, то они спросили: какую же он разумеет плоть, если, по законам науки, всякая плоть умирает? Совещались долго, как ответить на это обществу, воспитанному на материализме. «Вторая плоть» — вот ответ — «иная земля, все иное». И вот дело доходит до собирания избранных, ставится вопрос: что такое религия? «Связь» кажется банальностью. О частичке «ре». Вопрос о плоти. Рабочий сапог. Падаль! Скандал.

Это были поиски моста веры между интеллигенцией и народом. Мост веры обломился. Истинный мост есть любовное действие в молчании. (Испытание смирения, «святые мертвецы» Добролюбова). Неверность тут в тоне, а не в смысле: претензия.

Биография Светлого иностранца, Розанова и других. Заседание совета. Выделяется загорелый сильный господин — провинциал Алпатов. При учреждении экспериментальных фракций возникла мысль организовать общество экспериментаторов. Инициатором этого общества нового был замечательный образованный чело-

век, известный Лялин, которого за его исключительную утонченность и образованность в кружках его идейных приверженцев звали «Светлый иностранец», — светлый в отличие от темных, приносящих нам в Россию не цветы европейской культуры, а шипы конкуренции: всеобщую вражду и разделение.

Желанная.

Мережковский долго говорил между этими дамами, и одна из них переживала смутное волнение, ей захотелось что-то сказать, что — она не знала, но и не хотела знать, в этом и была сладость — подняться, куда-то подняться над этими людьми собрания и сказать прямо по духу ему, говорящему так красиво. Она поднялась и вдруг спросила громко на всю залу: — А она желанная?

До Мережк. долетело это, и ему показались и этот голос дамы, и внезапность вопроса, и особенно прелесть самого слова «желанная» чем-то значительным, он тоже прямо по духу ответил: — Да, желанная!

И потом с высоким пафосом, повторяя «желанная, желанная», стал говорить, но совсем о другом, [не] про что думала дама.

Платформы богоискателей.

А.А. Мейер имеет целью своей проповеди поставить на место экономического фактора марксистов Христа. Читает Канта рабочим не с целью образования их в философии, а чтобы показать в практическом разуме и у Канта Бога.

Идеи Мейера: поставить Христа на место экономического фактора марксистов. Кружок совершенно таких же отрешенных и гордых людей, как марксисты, но только «на базе Христовой», «кружок одной шерсти». База объединения — Христос. Платформа и позиция — Христос. «Какая у вас платформа: христианская или языческая?»

После марксистского экономизма, полной оторванности от народа — как реакция — приобщение к глубинам, нутру, недрам, глухим местам и религии народа, язычеству.

Мейер есть «публичная библиотека».

Проханов, редактор духовного журнала, практически склонялся к языческой платформе: русский народ (сектантство) запутался в христианстве, и его нужно вернуть на прежний естественный путь (до Крещения).

Переход от индивидуализма к соборности (и общественности), по Мережк., такой: личность, утончаясь, перестает быть отдельностью и чувствует себя соборно. «Я» и надо мной (в истории) второе «Я» всего мира.

Проханов и Мережковский. Пессимизм Проханова: «все это уже давно было в Европе». Задача его обратная Мережковскому: хочет «логику привить сектантам». Только вопрос: почему же он распространяет христианство, а не философию? — Систематизация сектантского хаоса. — Но мы как раз и дорожим этим хаосом...

А в другом случае, когда Книжник говорит о хлыстовском радении, Мережк. возражает ему: — Нужна философия, одним мистическим путем ни к чему не придешь. Есть два пути, один церковный, другой от искусства (через эллинскую трагедию и «Капитанскую дочку»), я боюсь этого пути, это путь Ницше: нужен не экстремизм(ницшеанство), а теургия. Я хотел бы быть последней базарной овечкой, но только в Боге — вот различие с Ницше.

От собрания осталась беспрерывная терминология: воплощение, искупление... и очень уж много курят.

Цель: «поставить интеллигенцию на путь богоборчества или богоотступничества».

Начало века
(Материалы к задуманному роману)

Меня нашли не искавшие Меня,
Я открылся не вопрошавшим обо Мне.
(Исайя)

I. Предположения.

1/. Найти в душе F. такой момент, в котором могут отразиться богоискатели.

2/. Место действия — окраина Петербурга.

В типах интеллигентных и простонародных отщепенцев отразить отчасти и наших известных богоискателей.

Щетинин и Легкобытов. (Фауст и Мефистофель, искушение Господа дьяволом: Христос бросился). Щетинин возле истины, Легкобытов возле правды, союз между ними и борьба — мысль повести. Россия — страна, где живут эти два рода людей: общественники и личники. Щ. и Л. после заключения своего договора (как в «Фаусте») отправляются покорять Россию и, в конце концов, попадают в Питер, где встречаются с интеллигенцией, где хотят покорять ее. Щетининское тут изображается в лице Розанова, Легкобытовское — в «графе», а отчасти в Мережковском. Религиозно-фил. общество — выразить борьбу Л. с Щ. Заключение: правда торжествует: Л. устраивает плоскую коммуну «Начало века», а Щ. сажают в тюрьму.

Легкоб. во время своего путешествия ищет сближения с людьми, веря в общее, Щет., маскируя тем же, издевается над всяким обществом. Легкоб. — задача: «похитить ложь у истины», вернуть истину на землю, а то она любит уходить на тот свет. Но правда может в борьбе с ложью истины бороться и с самой истиной. Ложь истины любит соединяться со смирением. А правда всегда гордая. Легкобытов ложь небытия хочет искупить правдой бытия.

Мережковский и Базаров. Ratio, мистический разум. — Не большой ли это разум? — Нет, особый. — Человек, какой это человек — Фейербах, Луначарский, Горький?

II. Капернаум.

Трактир (чайная) — всякий ищущий из народа приходит в соприкосновение с этим Капернаумом и здесь вступает в сферу какого-нибудь царства.

В то время было модно и в интеллигенции ходить в эти чайные (возможно, что Светлый Иностранец там выступит вместо Светлого озера со своей проповедью). В числе романтиков из народа может быть и ходящий без шапки Данилов, и декадент, исповедующий культ молчания (Добролюбов).

Это плазма народных царств (чанов), аналогичная плазме Общества религиозного сознания.

Для переживающего основу всех основ жизни F. кажется, что и там, и тут говорят все об одном и том же, люди одни и те же, хотя всем кажется, будто они все начинают век. Например, у Блока рядом с Прекрасной Дамой — проститутка, и то же самое у Кукарина и проч. Франциск Ассизский затерялся где-то в [недрах] базара (ларек икон, цветочки). Последнее завоевание мира: сознательная религиозность здесь называется гордостью.

Романтики.

Сапожник: начинать начинает, а выдержать не может, натура слаба, душа коротка. Сапожник теперь под влиянием «Бисмарка», в Бога не верит, а все-таки, когда ему грыжу вырезали, молебен отслужил. Убежал от сварливой жены к другой, рассчитывал открыть лавочку, но дело не вышло, разорился и задами-заборами вернулся домой к жене.

Бывший портной влюбился по воздуху в дочь соборного протодьякона и стал ей сочинять письмо, и до того дописался, что с ума сошел и стал подписываться *<1 нрзб.>* «ваш бывший Максим», а потом «ваш будущий», и письмо уже было адресовано не Маше, дочери соборного протодьякона, а св. Деве Марии. И теперь он ходит и всюду говорит об одном и том же, что жизнь надо изменить так, чтобы каждый человек в день мог получать рубль семьдесят пять копеек.

Православный, ясный.

— Прочитай третью главу из книги Ездры, он тоже домогатель был. Испытывать человека — дело пустое, и испытывать Бога. Верь, и больше ничего. Хочешь — верь, а хочешь — не верь, и тоже ничего не будет, вот в этом-то и штука: тут свобода, хочешь — верь, а хочешь — не верь. Только не испытывай, испытывать человека — дело пустое, а испытывать Бога... Испытать не испытаешь, а только заразишься гордостью, «мое мне!» — а моего и нет ничего, все Божье, что мое? Священники, говорят, церковь умаляют. Ну, хорошо, священники умаляют, а кого же церковь

худому научила — нет, говорят, пойду в избу, буду в избе молиться... вот и Толстой. Так издания разные убили веру, и, конечно, ему легче в кинематограф сходить, чем в церковь.

«Бисмарк».

(Мораль прочнее религии).

Прозван так за усы. Левый кадет, держится за социалистов, потому что считает их «передовым авангардом». Рассказывает о себе: — Икону к нам Николая приносили раз в год, и больше ничего не было, вся религия: церкви за мхами и болотами. Когда приносили икону, вот и начали говорить: кто грешен, так того не допустит, — а я был грешен, и ничего: меня допустила. Вот с того времени еще начало меня от религии отталкивать, неправда это и ложь. Религия — фальшивая монета, в религии честности нет: там всегда выход есть, там нельзя прижать человека. И опять тот свет. У нас непременно тут надо, а у них выход: тот свет. У нас и честности больше, и любви к человеку больше: человек человеку, по-нашему, болезновать должен прямо, а у них справка с небесной канцелярии. У нас, как у всего живого, есть религиозность на земле, а у них всё выходы, всё фальшивые монеты. Умирает у меня близкий человек и у религиозного — кто больше чувствовать будет? — Я, потому что у тех выходы есть. Религия — одно затемнение, всё выходы и обещания, а я запер в человеке всё.

Чистое Христово учение отчего не принять? Это же учение о человеке у нас тут на земле. — Не иначе! — Только почему же земные блага не у нас, а у церковников? — Не иначе! Материализм! — Нет, у вас материализм, а у нас любовь к ближнему.

Приват-доцент.

Продает сыр, ходит босой, девственник, пишет статьи в трактире. Философ, ему весь этот мир далек: война — сцепление и отталкивание частиц сфер, это все материальное. Живет аскетом и ни до кого ему нет дела. Холодный строгий взгляд (Сологуб) — солипсист.

Крючков: душа одна, а сердце разное; душа, я это понимаю так, душа — дух — сознание, — это у всех одинаково, а вот что на сердце легло — это разное. Как может душа согрешить, как можно за душу молиться, зло — это тело, тело разрушается, гниет, это зло на сердце, а не на душе.

Причина всех причин.

— Как же без религии человек будет другого любить? — От времени, будет толкаться между людьми и приноровится. — Нет, самое-то первое начало? От животного, чем человек отличается от животного... и проч. (о льве). От книги... От обезьяны... (Птичий генерал).

Как только Молочников сказал, что народ смиренный, на него накинулись (так же, как Мережк. на Вяч. Иванова). — А все-таки народ смиренный и покорный — все его обирают, грабят, а вот он все сидит у земли. — Заврался! — Провокатор! — Подкидыш! — Не смирение, а рабство, из-под палки смирение. Вот смирение: смирюсь и тебя рогами поддену (Исайя 53).

Тогда вошел незнакомый человек с большим хлебом, все посмотрели на него и, зная, чувствуя, что сидит тут новый незнакомый человек, продолжали говорить, будто его не замечают. Незнакомый выслушал и сказал: — Вот у меня большой хлеб из пшеничного зерна, были когда-то зерна разные, одно побольше, другое поменьше, теперь все зерна смолоты, и стал хлеб: ни одного зерна не узнаете, хлеб. Вот и вам надо так. — Незнакомец замолчал, и все молчали.

<*приписка:* всех на Охту>.

— Религия — это, друзья мои, естественный свет жизни праведной, а что ваша жизнь: как черви точили, източили все дерево, проделали ходы-червоточины, изъели всю древесину, и закопались, и задохнулись в червоточине. Где же тут свет?

— Вот это правильно, — сказал Легкобытов — какие данные для вашего требования?

— Что же требовать света, от кого требовать света, если вы сами свет? Заблудились! други мои, живете кроха-

ми, падающими со стола покойников, посмотрите на птиц небесных: вы думаете, легко им? летят, а под крыльями шишки. Прилетели, погуляли денек — и на гнездо. Вывели — таскай детям червей, выкормят — опять в дорогу, опять набивай под крыльями шишки, и попить в реке светлой, и поклевать в полях не радость, кругом враги, чистое поле глазасто, лес темный ушаст: клюнет и оглянется, клюнет и оглянется, а после этого всего смотрят на птицу — нет краше ее, нет свободней. Так давайте, говорят, и нам птичью свободу.

III. Чан.

— В этом рабстве мы узнали друг друга до нитки, до чулков, до подштанников, и у нас все общее, у нас чан, где мы все варимся, чан, где варится человек.

Щетинин — царь, его мудрость принимают чающие и мало-помалу воскресают. Такова теория, но по какой-то ошибке (греху личному), быть может, потому, что это задуманное дело (частичное, сознательное), Легкобытов сам превращается в царя, и те — в его рабов.

Щетинин был просто обыкновенным Христом хлыстовства, мошенником, и понемножку имел от всего, но Легкобытов его практику ввел в теорию, «поднял человека» и за это свое хорошее, гордое дело стал царем.

Брак.

Апофеоз дела Легкобытова: свержение Щетинина, сам становится царем, объявляет воскресение (будто бы все сразу почувствовали, что воскресли, а на самом деле сам подготовил смешками и проч.). Израиль достиг земли обетованной, и все могут теперь венчаться. Все эти рабыни, старые, изможденные, надели белые платья и венчались, закончили круг, православие принято, общие лавки, общие детские и проч., земля принята, но земля не такая, как есть (Вифлеем в Саратове, альбигойцы в Москве и проч.). Православие... но не такое православие... и проч.

Когда венчались, то вместе с ними венчались и горбунья с моряком (горбунья выходит замуж за молодого моряка).

Христос не там где-то...

С. В. Эфира (сын вольного эфира) (Нов. Изр., география Нового Израиля).

Что значит ввести Христа в нашу земную жизнь (опрокинуть небо): значит признать его в личности человека — какого? Алексея Григорьевича. Это значит — война против инстинкта, тайны, надежд, неба, высоты, прошлого, далей, горизонтов, — только настоящее. Раб поднимает человека. Уничтожение ночи. На Легкобытове видно, как он гибнет от чужого сознания (слова берутся от интеллигенции).

Вот мой университетский диплом.

Марксизм и Легкобытовство <*зачеркнуто:* хлыстовство> имеют общим: 1) причина всех причин (метафизика), 2) требование царства на земле, 3) превращение рабской массы в сознательную личность.

Хлыстовство есть раскаленное православие (рабы и царь). Легкобытов-раб побеждает последнего царя.

История секты Легкобытова («Начало века») есть не что иное, как выражение скрытой мистической сущности марксизма. Тем и другим хочется, а жить нельзя (например, стыдно жить, когда кругом нищета); между тем, совсем нельзя не жить, потому что не пережито, и вот это непережитое и недоступное материально обвеивается новым, предустановленным к нему отношением, получается не земля просто, но земля обетованная (Лондон вместо Москвы), государство будущего вместо обыкновенного государства. Не пережитое и страстно желанное — это исход всего Израиля. А потом уже начинается с этим расправа (сознательное требование).

Усвоение мудрости Щетинина массой рабов есть победа над Богом — вот вопрос: что если бы это усвоение было сделано над истинным Христом, усвоилась бы Его вознесенная личность — как бы рабы, став человеками, с Ним разделались? Бог есть утерянное имя — слово «человек»: Бог + раб = человек. Заблуждение Легкобытова состоит в том, что он не за того Христа уцепился, но что если бы он

то же проделал с Христом: вместо Христа — христиане, все боги. (Он не знал, что образованное человечество в то же самое время воспитывало своего Христа — оккультизм). Он не знал, не понимал, что рабы всего человечества (социалисты) давно уже отказались от Бога, решили это и действовали практически для устройства царства рабов-христов на земле — спаять людей в одно личное существо творчески здесь, на земле.

И никто из них ничего не устраивает, ничего не выходит и выйти не может, потому что, признав, что Христос на земле, они в то же время считают, что не сейчас, не здесь, а нужно еще что-то для этого сделать, и это что-то губит религию. «Что-то» — усилие раскрыть тайну другим, как будто Христос по существу своему не раскрывается в словах, а в делах.

Обездоленные здесь, они свое непережитое переводят в идеи чужие (чужие, потому что за каждой своей идеей скрыта своя жизнь: у идей в их прошлом есть свой материал).

Ибо мы спасены в надежде, надежда же, когда видит, не есть надежда: ибо кто видит, то чего ему надеяться? Но когда надеемся тому, чего не видим, тогда ожидаем в терпении.

Собрание у Ветровой
(декадентка на мели).

— Сэрдце мне говорит, и вот открывается форточка: слышу человека, и встретилась на другой день, и форточка закрылась.

Первая встреча с П.М. Легкобытовым и первые его слова: — Теперь везде говорят о Боге, я спрашиваю, что же такое Бог? Бог есть звук. Когда Бог работает, люди спят, и когда Бог отдыхает, люди работают. Теперь везде говорят о Боге, значит, Его нет.

Ветрова спрашивает: — Но кто же причина, Бог или человек, отчего все началось? — Бог непременно в человеке, но начала нет, тут круговращение: весна, лето, зима, осень. Безначально.

Именины у Рябова.

Столы с пряниками. Девушки-свечи. Икона и возле нее сам хозяин. Его речь о Михаиле Архистратиге. «Настанет время, когда все *микроскопы* в крови замерзнут... Христос — самый замечательный талант... прошу по стаканчику». Пение рябовцев и «начало века»: борьба небесных мотивов и земных. Манифестация земли. Спор о чистом сердце и яблоке (тоже намеки на небо и на землю).

Овца Легкобытова.
(Ты больше я).

Все веры хороши, но из вер языческих православие лучше. Кто во что верит, то в нем самом и будет («казаки били меня, считая меня за Антихриста, и Антихрист бил в них»). Всех царей победил Алекс. Григ. (Щетинин). «Ты больше я».

Легкобытов.

— Бог есть не больше как резонанс человека, резонанс, и больше ничего, а посему самому я делаю Ему реверанс, — и щелкает двумя пальцами. — Моя правда такая, что человек должен сначала в безумие перейти, без этого ничего нельзя понять.

— Тело — это тело! — и, громко хлопнув себя по щеке: — Полюби меня черненьким.

Мереж.: — Вы что же, с бородой представляете Бога?

Легкоб.:— Ха-ха-ха, Дмитрий Сергеевич, что вы смеетесь?

Мереж.: — Я серьезно: или я, если я человек, бросаю все.

— Исторически я <*2 нрзб.*>, а если нет — с бородой.

— А в конце концов... был бы Бог.

— Бог есть звук.

— Как звук?

— Да, — резонанс человека.

— И не больше.

— И больше ничего; только резонанс, а поэтому я делаю Ему реверанс, — и щелкнул двумя пальцами.

Философов фыркнул. Мережковский, бледный, посмотрел и покачал головой.

— Ты что, Дмитрий? — спросил Философов.

— Тебе, Дима, смешно, а мне страшно.

Гиппиус присмирела.

У окна цветочного магазина в сильный мороз на Невском.

— Хороша ли эта ветка сирени? — Хороша! — А что если вынести ее сюда в мороз, замерзнет? — Конечно, замерзнет. — А нужно так, чтобы не замерзла и вечно была бы такой... Ветка сирени — это жизнь наша.

— Он плевал и блевал на меня, и, бывало, и семью расстроит, и разорит, но я его поднял, десять лет жизни отдал за него, я человека поднял.

Говорит он увлеченно, словами похабными. Ветрова признается, что не может отказаться от себя, и спрашивает, как это сделать. И если даже будет найдена его вера, она не удовлетворит ее. «Для меня существует только индивидуальный исход».

— Веки обрезаны — как это может быть? А вот пример: вы идете, и, скажем, Алекс. Гр. идет, или вот самовар и на самоваре пуговица. И так мы все вышли из Египта. Подождите, подождите!

— Вы спрашиваете, как я в это чучело поверил. Тут есть кое-что и так, и кое-что не так просто, потому что, скажу вам, чучело остается чучелом — видимое, а невидимое во мне самом. Не правда ли? Тут глубина. Позвольте, подождите, подождите, я вам всю эту механику наружу выверну, и вы увидите, как, через что, и что где прикасается, в какой точке века сходится. Вот этот первый раз, а кольми же паче во второй и в третий. Вот горы высоки? А как думаете, до неба не хватит? Нет! Горы высоки — и горы рушатся. Звезды высоки — и звезды падают. Все опять на место возвращается и опять с этого места возносится. Так и весна, и лето, и осень, и зима — все назад возвращается во всем круговороте. Понимаете, где тут механика-то, где Его канцелярия-то: скажут, Павел Михайлович лопает, а того не видят, что в Павле Михайловиче вся канцелярия.

Это я вам по-душевному, кольми же паче всё по-духовному. Подождите, подождите, я вам еще об этом небе, о том свете загадаю загадку: идет зимой, холодно ему, и месяц светит на небе, и звезды, и говорит месяцу: ах, ты, бисов сын, даром у Бога хлеб ешь, — светишь, а не греешь. Так и наука ваша, и искусство ваше [в каждой стране] разные: Италия, Франция, Германия, Португалия.

Щетинин.

Сухой, добрый смешок не то от пьянства, не то от курения, не то от презрения к людям или к себе самому:

— Хе-хе-хе! — посыпался сухой горох, — они приходят, и я прихожу. Что ж, я говорю, я крещусь во Иордане. День был жаркий... хе-хе-хе. — Ха-ха-ха! — за-хо-хотали все. — Окунусь! окунусь: дурак, все равно дурак остался, стечет. — Стечет! (Развитие «акрид».)

Живые мертвецы.

И увидел Легкобытов, что все люди его возраста вокруг него были мертвые: кто умер за семью свою, кто умер за табачную фабрику, кто умер за место на почте или в казначействе. Ходили, ели, смеялись, но все смеялись смехом мертвецов.

И когда Легк. умер, только представил, что умер, — ясно ему показался весь мир здесь, у себя, что каждый момент отражает вечность, и каждый человек — отражение всего человека; [если] эту часть вечную человека сложить с тем, другим, третьим, и весь мир, и все эти люди в нем живут, и он может, если только захочет, сложить. Как только он вообразил себе, что умер, так сейчас же и начало все складываться одно в одно.

Истина — Бог, правда — человек. Что есть истина без правды? Ложь, дьявольское наваждение. А что такое правда без истины? Голый человек, человек-животное.

Нивы побелели.

На трамвае встретил Легкобытова: — Посмотрите, вокруг нас уже нивы побелели, грачи табунятся, пора собирать урожай.

9 Зак. 4404

Феоф[илакт] Яковлевич.

Я верю Щетинину: то, что он грешил раньше, что же? а если он раньше был добродетельным и теперь только согрешил, ведь то его добродетельное уж не будем считать?

Если я убил кого-нибудь, то я должен оправдать это. Всякий, ради кого умирает человек, совершает грех и будет спрошен, ради чего он убил. В похоти родится смерть — грех, кто покорил другого, убил, тот совершил грех и должен оправдать его.

Семя в природе умирает и воскресает...

Социалисты бессознательно движутся, не знают, куда, все отвергают: церковь, Библию, иконы. Мы ничего не отвергаем, мы говорим, что всему свое время. Неизменно вращаются круги, град Иерусалим и снова рухнет, и опять настанет.

— Щетинина мы не променяем ни на кого, мы его подняли, хоть и тяжело же нам. — Феоф. Яковлевич, — просит Павел Михайлович, — тяжело мне стало поднимать, помоги!

Седой волос Авраама.

Нужно людям пуп от Бога отрезать, я не хочу быть седым волосом в голове Авраама. Корни утомились держать старого Бога, нивы побелели, плоды вянут.

Собрание у Ветровой.

И зачем-то и тут евреи: хлысты, декаденты, евреи.

Рябов говорил о двух психологиях, одна психология крови, другая внешнее, и нужно так, чтобы внешнее было сладостный янтарь, постав Божий.

Мейер сказал про Гюйо...

— Всуе труд (научный), — ответил Легкобытов. — Почему интеллигенция разошлась с народом: интеллигенты звезды по штукам считают, всуе труд. А нужно сразу посчитать: поверить в человека. Здесь нас пятнадцать человек, чтобы сговориться, нужно в одного поверить.

Столпнер сказал о разуме: нужно разума слушаться, накормить нужно людей.

— А вдруг разум велит голову отсечь?

— Есть нечто, в чем все люди сходятся.

Венгерова и Лютер.

— Лютера нет!

— Вы знаете, какое большое слово вы сказали! Впрочем, может быть, Толстой...

Охтенская богородица.

По духу или по букве? Условились говорить смешанно.

— Наука мешает религии лишь в том случае, если становится ей на пути.

— Премудрость свою получила не от человека. Где бы ни начинала я говорить, везде замолкают и просят больше не ходить.

Астральная пропасть. Индивидуальное «я». Три человека: внешний, индивидуальный и духовный. Брось свой самовар! а другой говорит: вы коптите ветхого Адама. (Спор о хлыстах и духоборах: духоборы ставили чистоту жизни, а хлысты — глубину мысли. Хлысты природу отрицают: она свята...)

Трубка: поклонился чему — табаку. Не поколеблю льна курящего. Природа свята, что же и спрашивать. Я борьбой утверждал себе [душевное]. — Как же общество? — А если я стану лучше, то и общество лучше — это человеческое основное расхождение и непонимание.

Виновата ли Смирнова, что ее считают богородицей: 1) Иоанна Кроншт. обоготворяли, значит, что-то от себя, свое толкование.

Белый поп: богородица, развоплощение. — Не одна: Казанская, Тихвинская. — Вы не понимаете. Христа никто не видал. Он в человеке. Религия есть утверждение своего «я».

— Вам куда? — Процесс. Богородица. — Богородица! какая она богородица; женщина, мать, рождающая человека... не чтобы страсть, на страсть кидаются...

Астральная пропасть: они ее перейдут, когда установят «я», а когда «я» установлено, то увидят «я» в другом, и вообще, что судить нечего, потому что «я» виновато.

Это из вопроса: что если бы судья слышал и видел, что мы говорим, но ему не попасть.

Щетинин *<1нрзб.>* кающийся, высоко ставит [ее] нравственно, но чуть-чуть обижен, что у него увели паству; все одинаково высоко ставят ее. Показание мужика: научился грамоте от богородицы.

По одну сторону верующие, по другую грешники...

— Что такое хлысты? (христы, Христос есть дух, разум человека, а не то, что он явился раз и воплотился.)

Всякая женщина есть богородица, и всякий мужчина — Христос (уничтожена история, перевод Библии, символ, всё здесь, нет того света), и я думаю, что образование царства есть их падение и в этом случае падение Дарьи Васильевны и, может быть, наказание, — потому что православие диктовало единство. Разве что хлыстовство есть раздробление исторической церкви, разрушение сказки единой.

Самое важное в этом, что свои, кровные восстали на богородицу: кровь на дух.

Красивая женщина поселила раздор и ревность.

Сатана Легкобытова: нет греха, воскресение. Мое заявление: я считаю, если не принимать во внимание единство русской народности в духе православной церкви *<1 нрзб.>* учение Дарьи Вас. Смирновой высоким. А Дар. Вас. как человек совершенно неспособна пользоваться религией для эксплуатации в личную пользу. Но чего [пишет] мерзкая пресса?

Иуда был высоконравственный.

Путь от крестьянской Евы до женщины, рождающей Бога, — вот жизнь Дарьи Вас.

Мы — боги. Свидетельство Христа: вы боги. Тело — храм, душа — дом. Разрушение храма — процесс.

Типы: Богородица — женщина. Муж кривой. Платочек. Священник: крест глупости. Психология ищущего и нигде не застревающего человека, цель его: не сдаться никому, все понять, все отвергнуть и создать свое, перед всем преклониться и все отвергнуть, кроме истинного.

Суд есть сила греха. Хлыстовство — анатомия [православной] христианской церкви.

... чувство матери: своего жальче, свой ближе, — отсюда всё, весь человеческий и животный мир. Что же, если матерей в тесном месте обратить одну к одной... как гнилыми остриями зуб к зубу, глаз к глазу, грудь к груди у плиты, у стола с четырьмя керосинками, в спальне, где один ребенок возле другого, одни рожки да ножки...

Бес живет в пустоте и соблазняет человека начать жить по-новому, совсем по-новому, так, чтобы всем жилось хорошо, он толкает идти к бедному, замученному человеку и сказать ему простые слова о лучшей жизни, соблазнить его мечтой о настоящей жизни. Дарья Вас. пошла к этим людям не потому, что правда хотела добра им, а просто она была одинокой женщиной: из бедности выбилась и к настоящим просвещенным людям не пристала. У тех как-то все было легко и выходило так просто, их общение <*2 нрзб.*> чтобы дети трудились, работали и проч. Невероятные усилия делала, чтобы обыкновенное чувство матери сделать не обыкновенным, а как у тех (те жили любовью Лесбоса): социализм нужно начинать со своих... чтобы между ними было ладно, пусть деревенские люди увидят, что мы, образованные, ладно живем.

С этой проповедью идет она к бедным людям, и те слушают новое, совсем новое и понятное. Бедная женщина не знала, кто приходит к ним, она видела вокруг корысть, бой... их чувство приниженное свято, ангел прилетел в их темную хижину и осветил их темную жизнь светом, радостью. Бедная, наивная женщина [из] рабочих не знает, что в сердечных трещинах, как червь в земле, заводится бес благих начинаний и начинает соблазнять человека жить по-новому, совсем по-новому, так, чтобы не себе, а и другим жилось хорошо, что это не ангел, а *он* толкает идти к бедному человеку и нашептать ему слова, [зовущие] в новую жизнь. Их прекрасные рассуждения она слушала на собраниях, все ловила, всему училась, ко всему подготавливалась, но им с ней было тяжело, им всем даром давалось, а ей трудом, она молчала, затаивая в душе, догонять хотела жизнь настоящих людей, слушала; из этих собраний она уносила с собой, что где-то там, в верху общества,

есть прекрасная жизнь, что они, таинственные ей люди, живут, а она живет совсем не так, это свое постыдное, от чего надо бежать, что надо скрывать. И она скрывала, это было ее тайной, эту тайну она [внесла] в общество и молчала, и ее сторонились. Она догоняла чтением книг, посещением театров, концертов, народного университета — все это хорошее, ко всему хорошему она стремилась, чтобы быть как все те хорошие люди, и ничего не выходило. Когда она с ними встречалась, то говорила, что училась по новой системе, — велосипед необходим для движения, я люблю и считаю важным, чтоб...

Начало собственности, государственности коренится в чувстве матери к ребенку (обладание, исключение других детей, война матерей). Тип Праск. Вас.: социальная хозяйка воскресла индивидуально, пробудился инстинкт первобытный, отвратительный, от перехода высшего к низшему, от утраты принципа. А у настоящей матери-мещанки — хорошо. У настоящей матери — окружение инстинкта, вера в вещи, которые срослись с семьей, земля, почва, корни мировые (быт), а тут, например, ванна — символ неверия.

Исстрадавшаяся интеллигентная дама на коммунальных условиях пригласила трех дам, все без мужей (в этом прием важный — метод исключения); типы дам... Смирение и гордость: обыкновенная семья — смирение, интеллигент — гордость: идея.

Раз нельзя общее сделать от идей, то нужно начинать с себя, со своих детей, устроить их будущее, тут легко подменить социальное первобытным, получается мотивированная самка...

Если мужчина с мужчиной сойдутся, ну, поругаются, а после опять нипочем. А как женщины сойдутся... то знай — быть беде.

Небо и земля, и друг друга принципиальное отрицание и использование, небо дает деньги, земля — покой, друг без друга жить не могут, и что-то соединяет. Что это? Жизнь есть вера в соединение земли и неба, смерть — раз-

деление. Что же соединяет? Привычка? такая это привычка? Мир соединен вовсе не пространственно: одно к одному, — напротив, часто один находится на одном полюсе, и близкое ему — на другом. Одиночество — самость — сильное одиночество — есть это чувство общности на отдалении, а грех социальности в том, что они насильно хотят сблизить все и соединяют несоединимое, и это называется общественность — ломка (исчезает упование, объем мира, звезды меркнут, надзвездный мир становится плоскостью). Разрушение организма, жизнь-организм, крушение быта — признаки организма, и разрушение его — община.

Чего-то им всем не хватает высшего, объединяющего, а это есть в простом народе (некий Х). Некий Х в Ефросинье Павловне: просто, дельно, естественно, от природы, здраво, сюда же входит и помощь другому — все это некий Х человека, которого нет в интеллигенции. И вот столкновение некоего Х с неким У: там смирение и сила, спокойствие, тут гордость, волнение, слабость, крик...

Успеть захватить жизнь, что-то сделать, бешеная погоня, испуг, их грех: идеи — теории — разрушение — «общественность» — теоретическая, а в конце концов, злоба на жизнь, желание жить, решение обратиться к мещанству, интеллигентское мещанство, измена небу <*1 нрзб.*> небо, звук и гордость (гордость красива, претензия безобразна), примесь гордости не дает возможности жить обыкновенной мещанской жизнью. Эгоизм идейный и животный, эгоизм первобытных людей наивен и постоянно переходит в обратное, а тот никогда, там мель, на мели, а здесь глубина и возможности. Искупление — труд, стань в ряд и оправдаешься: тесто месит... нечистота, отсутствие быта. Что же остается: голый скелет. Скелет ученой женщины, жестокость, битье детей. Конец скелетный: она — публичная библиотека, она — самка. Настоящая самка никогда не одна только родильная машина, а неизведанные возможности, у ней же скелет, обнажение, возможности ученья — самка — вот это и есть разложение, исчезает вера в возможности, разделяется жизнь...

21 Июня. Описать все бабье (типы Гомеровских женщин, поэзия стирки белья на закате, раскаленная плита и помои через окно, ванна — грязь в окно, гуттаперчевая ванна, огонь внутри, вода наружу, бабья утроба, голая утроба, газета в лесу.

Мейерша не может ходить по лесу, не чувствуя, что у нее в кармане лежит газета, а дома журнал. «Я не читаю в лесу, но я должна знать, что у меня в кармане газета, когда подхожу к дому, тянет [толстый] журнал».

К Дуничке: бывает женщина — прирожденный мужчина, проживет и не вздохнет. А то бывает, как Дуничка, всю жизнь делает мужское дело, настоящее, большое, и всю жизнь вздыхает, что она не мужчина, — это вздохи женские, и она вздыхает, что она женщина. Дуничка и царь.

Женщина Сионской горы Елизавета Ивановна с младенцем на руках, усталая до обморока, дрожащей рукой зажигает керосинку. Прасковья Васильевна делает нечеловеческие усилия, чтобы отстоять себе тихий уголок, где она могла бы начать читать Соловьева: слышала, что Владимир Соловьев — необходимая ступень в религиозно-философском сознании. Вся белая от тайной злобы на Праск. Вас., варила яичницу [Елизавета Ивановна] всей душой, всем сердцем презирая идейность Прасковьи Васильевны, разлучившей ее с мужем, с законным природным ритмом естественной природной семьи. А дети всей массой с веселым гамом катили по улице телегу. Отдельно у столика... Лида с Павой, невеста с женихом, говорили о душе: куда после смерти душа девается, и потом еще немного о самодержавии...

Наши дамы совсем извелись: сами моют, стирают, и так целый день. А дрова у всех собственные, и кладут по счету. Как дети печь ночью затопили, дежурные Лида и Павел: строго было наказано пораньше, и вдруг чем свет грохнули дрова. Тесто месить. С ног сбились. Прислуга напугалась. Всю деревню напугали: дети природу разобрали на «индейские» шалаши.

Каменная баба: оденется, причешется, ученая! хожу и разговариваю, а уехал гость — сбрасывает с себя все, остается в одной рубашке. Баба-Яга... приговаривает: «Я хочу жить для себя!» Или на реке сядет на песок, трет ляжки песком, чурбаки свои, и говорит громко, чтобы все слышали: «Я хочу жить только для себя!»

Как Яга в траве возилась... что-то она [делает], а это она палкой хлещет Аркадия. Глеба бьет за его воображение, талант; хочет, чтобы дети были таланты.

Баба-Яга — факт. «Мир есть мое представление», думаю об априори, и все верно, но только остается факт — злая жена; что мир вне, она заполняет, мир из камня. Настоящий мир, подлинный, без нас есть каменный, а это мы украшаем его цветами, что цветы — все наши, наши, а сам мир каменный, и так он существует: каменная баба.

Город. Человек с каменной поясницей из мужиков пробился в председатели земской управы, человек факта.

Лицо проститутки: нос, губы — все будто обрывки какие-то, и глаза светлые и острые —далеко видящие зрачки. Лицо — устремление, как ветер, раскрытые рты и носы — клювы, будто все эти женщины — какие-то проклятые птицы, в бурю открыли острые длинные носы, с напряженным резким криком, отбивая друг у друга, несутся над морем...

Хлысты.

— Что же вы поставите на место церкви? — Жизнь!

Богородица и декаденты.

— Чего вы хотите? — Хочу быть творцом, — сказал декадент.

Рябов.

На лекции о Сверхчеловеке: разгоревался, думал о сверхчеловеке, а читали о Лермонтова стихах.

Богородица.

F. спросил о бомбе. — Нужно разделить мир, — ответила она, — мы должны им управлять, зачем же нам бомба?

Шалуны.

Сатир из рел.-фил. собрания: хохочет, хохочет, вдруг серьезно: — У них пророческий дар, у них есть часть того, что есть у меня, только они... шалуны.

IV. F.

F. — маниакальный интеллигент в момент полного распада его прежних (чужих) идей. Временами его собственное, личное пробуждается, и тогда словно проясняется небо, загроможденное тучами. Но опять на ясном толпятся рои чужих идей — оборвыши туч: общ-во религиозного сознания — очаг этих туч.

F. — дергается, глаза кролика, невинной жертвы, за каждой его фразой слышится готовность в любой момент (если что...) пойти до конца. Из-за этого на него набрасываются и марксисты, и оккультисты, и мережковисты.

Его личное («бестучное»), как в фокусе, сосредоточено на одной «змейке» общ-ва религиозного сознания.

Сон о змейке.

F. снилось, будто на одной подушке с ним спит, свернувшись колечком, небольшая, тоненькая и очень ядовитая змейка... (есть сны еще более вещие о змейке, что он идет на нее с топором, а змейка не боится топора, идет на него, высунув ядовитое жало, и он не может шевельнуться от ужаса, первый раз в своей жизни испытывает состояние двойное — бесконечного желания и в то же время немощи, как будто его насквозь прокололи, как насекомое, надели на иглу и оглушили серным эфиром).

Встреча с Легкобытовым.

В вагоне были приказчики и все незнакомые, только один сидел против него — очень знакомое лицо, но где он встречал его? Сон, и вдруг ясно вспомнилось: краснорядец. (Красные ряды — злейшие псы), он гимназистом ходил в Красные ряды чай пить и к Гр. Пет. Некрасову Антре! Словарь Брокгауза. Фарфор. Самолюбие. Краснорядец пропал. Вихрь: всю ночь носится: прощайте, друзья, мне теперь нужно московскую купчиху соблазнять.

Теперь сидел перед ним этот краснорядец. Разговор с ним: как будто он теперь все знает, и то, что он едет теперь к невесте с подложным паспортом. И что же такое к невесте, это извинительно, и это есть у всех нас. Он вдруг перешел на обывательский тон: — У меня есть невеста. — Из каких же она? — Из дворянок. — Из дво-ря-нок? — Окончила Смольный с шифром. — Но краснорядец как будто видел все-все, что таится за обаятельным тоном, и он попался и был в руках и, рассказав одно, не мог уже больше остановиться. Виноватость. Низкое красное солнце. — Почему солнце красное? — Такой простой ответ, учили как-то про атмосферу, но он забыл и объяснить не мог, и тут совсем не в атмосфере дело было. — Как же вы это не знаете, — усмехался краснорядец. F. был совершенно разбит, потом собрался с силами — что он делал? Он признался, что сидел в тюрьме, страдал для народа. — Вы это для себя страдали, и потом еще самолюбие, не называй моего пирога лепешками. — И опять будто змейка пронзила жалом. Утром в Петербурге он ясно почувствовал, что это шпйон, и тот насмешливо провожал его: — Увидимся, с вами-то мы увидимся! (Про красное солнце: — Можно ли все звезды пересчитать и проч.).

Исповедь психиатру.

Борьба из-за письма. Обессилен этой борьбой: величайшее торжество сменяется величайшим унижением, и добрая старая дева советует лечиться: — Всякий со стороны скажет, что вы больны. — Такое унижение, что покаяться хочется, последнее сбросить, и вот старая дева указывает на психиатра. Всю ночь ему пишется исповедь. У психиатра: исповедь приколота на шпильку.

Мир круглый.

Это состояние духа начинать развивать от красного солнца в беседе с Легк.: раз науки ни к чему, то исчезает вера в «прогресс», и тогда остается тот круглый мир, в котором все начинается от себя и понимается от себя; тогда ему сразу стали понятны и люди, даже в вагоне, и разговаривать с ними было пустым, все так понятно: у каждого есть своя боль. Вера в «прогресс» этого не давала. Люди

обманывают и себя, и других, и они даже совсем не понимают, как они несчастны: смеются, острят, и под этим ясно слышно то.

Скорлупа лопается.

Снилось ему, будто лопнула одна скорлупа — нет ничего, и другая, и третья — все это он без жалости разбивает, и, наконец, ничего, ничего — все прошлое обман.

Дом Комарова.

Горбунья вещая и F. Прочие люди: археолог, сын монаха, проповедник сознательного брака (Данилов): женился в ссылке по необходимости и ввел этот брак в сознание и стал проповедовать.

Боль, раскрывающая мир.

Мгновенно пронзившая боль душевная, — и все стало вокруг понятно, понятно, что такое взрослые люди (этой болью воспользоваться, чтобы соединить с душой F. души всех этих несчастных людей: Данилов без шапки, Мережковский, горбунья, Легкобытов и проч.). В общем, люди и не знают радости и до того привыкли к своему ужасному состоянию, что... ничего, — а вот на этих несчастных все и видно, как построен мир взрослых.

«Бюрократия».

Мышиный тиф. Энциклопедия. Памятники на Волковом кладбище. Стебун и другие чиновники. Жизнь Виктора Ивановича Филипьева — труженика — и Стебуна; в их отношениях имеется что-то общее с отношением Легкобытова к Щетинину — то же самое, только + идеология. Раб, сознавший свою силу, и благодарность жизни за это сознание (Филипьеву — энциклопедия, Легкобытову — искаженная земля, марксисту — философия причины).

Грех.

Я знаю свои грехи и чувствую их как грехи, но мои сверстники делали то же и не чувствовали греха, значит, не в самом поступке грех, а в моем сознании: в чувстве бо-

ли от этого и в чувстве отдельности. И значит, это чувство не из факта, не из жизни пришло ко мне, а было со мной, и когда я поступил, возникло «я». Вначале было сознание, дух, а когда дух с чем-то соприкоснулся, стало «я». В духе нет греха. То, что я чувствую, — не грех, а дар мой. Я не виноват, но я чувствую себя виновным, я беру на себя грех мира, — и в этом есть Христос.

F. и Гамлет.

У Гамлета сознание отстаивает свои права у природы, а у F. природа в своем священном и вечном значении отстаивает себя.

Начало повести.

F. и горбунья на Охте и всякая беднота вокруг (смотри мои этюды Петербурга).

NB! Бюрократия.

Та бюрократия, те враги всего живого на Руси, какими представлял себе их F., и какие это люди лично: их великий труд, распределение времени, порядок, семья, любезность, тайное страдание — вообще, те же самые люди, как и везде.

Виктор Иванович: — Вам без двадцатого числа жить невозможно, в России без этого нельзя жить. — Мое глубокое убеждение: бюрократия собрала самых способных людей. — Ну что ж вы сделаете? — Сделать ничего нельзя: делайте для двадцатого числа и для себя. — Он еще надеется! — Это нравилось: F. на что-то надеется, наивность его.

Черта русской интеллигенции.

Лично бесплотные духи исповедуют материализм. Это чисто христианское дело: умереть за других — значит самому лично стать духом, а другому дать жизнь, материю, питание для духа, плоть; умереть за других — значит воплотить, вот почему материализм.

Начать!

Когда спадает одна, другая и третья скорлупа, все хочется сбрасывать дальше, дальше, что бы ничего не оста-

лось, сбрасывать, как сбрасывает уж свою омертвелую ненужную чешую — все омертвело, задор охватывает, и вот момент... Охватывает радость: начать все вновь, решиться в одно такое мгновение — и вся жизнь будет другая: начало жизни, самое первое начало ее; и так ясно, так стройно, что вот взял бы лист бумаги и все написал. F. взял лист белой бумаги, карандаш, сел за стол и в самом центре листа решительно и твердо написал: «Человек». Потом он провел от слова «человек» во все стороны — на север, юг, запад и восток — черточки и к ним хотел приписать что-то, чтобы постепенно так от чертежа к чертежу и изобразить все. Но тут словно облака проходящие заслонили солнце, и все смешалось и потемнело, на белом листе осталось только «Человек».

Рыжее небо.

На рыжем, залитом электричеством небе горели две маленьких, с булавочную головку, звездочки. F. смотрел на них, на звездочки, а две какие-то сладостные, радостные минутки жизни смотрели на него. Он думал: что же все требуют признать Христа, когда вот Он и есть, как опознавать еще то, что есть постоянно и живет постоянно с тобой во всей этой скудной жизни? Христос — это горе наше, это то, чего мы лишены, это тоска по земной неудавшейся нашей радости. Там где-то о Нем, как о себе.

Но как все-таки вошел в душу мужика Христос? Подлинно ли это Христос?

Ампир.

Из соблазнов буржуазного мира: квартира с аквариумом. Как бывает в предсонном состоянии, в утомленных глазах необыкновенной красоты рисунки и здания, так и теперь, как в закрытых глазах, проплывали перед ним здания золотистого цвета с колоннами и прочее.

Так бывает при засыпании: еще не уснул, еще видишь живых настоящих людей, но [привычная] временная связь между ними колеблется, будто лед ломается, и вот лезут из страшного далека близкие люди, селятся тут же

рядом, а те, которые близко живут, куда-то уплывают на края.

Близкие, которых уже не встретишь больше в жизни и которых в обычной деловой жизни не вспоминаешь, селятся возле и во всей своей обыкновенности, с подробностями мельчайшими.

Найденное F.

Доверие ко всему: к людям (подойти и говорить), доверие к природе (нет, не страшна, как не страшен мороз, если со всей силой работать, не страшен труд никакой, потому что везде есть люди).

Начало F. на Охте, где находится Капернаум и все те странные люди. F. — один из тех людей, про которых была корреспонденция в «Новом времени»: «Странные времена, человечишко в рыбьем продувном пальтишке идет с Охты пешком на рел.-фил. собрание и тоже говорит что-то о Боге». Это факт, но там был необычайно унизительный для человека в рыбьем пальто [факт] — как будто он не имел ни малейших прав на существование. В то время я сам жил на Охте, ходил тоже в рыбьем пальто, я хорошо знал этого господина, мне было очень больно это прочесть, оттого навсегда запомнилось и теперь принесло пользу: я теперь могу из этого рыбьего пальто завязать узел моих странных встреч, переживаний, настроений, — словом, я могу теперь написать роман о господине в рыбьем пальто. Фамилия этого господина мне была хорошо известна, он был из моего родного города и когда-то вместе учился со мной в гимназии.

— Не миновать тебе, Семен, идти по Владимирке, — говорил ему не раз наш учитель истории. Семен дергался, бледный, с горящими черными глазами, посмотрит на учителя — и тому учителю не было совестно, а нам было жутко, жутко, как и на Охте было жутко и больно прочесть, что прав на существование Семен не имеет. Как он дернулся, когда я однажды нечаянно, встретив его на улице, сказал: «Семен!» Он отвел меня в сторону и назвал свое новое имя — странное имя: фамилия его была переделана на русскую из армянской и только одной бук-

вой различалась от фамилии знаменитого графа. Я не мог себя приучить выговаривать это имя и стал его называть просто «графом», и мало-помалу [он] стал настоящим графом в рыбьем пальто. О, как это глупо, как обидно и неверно — замечать следы проходящего мимо существа и говорить по следам о всем человеке! Но кто не страдает этим? Вот, вспоминая теперь всё под этим рыжим небом с единственной звездочкой-минуткой, кажется мне, будто я (ребенком) раскрываю огромное пасхальное складное яйцо, и одна за одной падают ненужные цветочные крышки, они мне не нужны, я ищу настоящего чего-то, и настоящее, наконец, показывается маленьким нераскрывающимся точеным яичком. Я вспоминаю все, что было со мной, все отбрасываю цветочное, ненужное, и вот, наконец, мне кажется, что все равно, о ком ни говорить, о себе или об этом графе в рыбьем пальто: это не я, это не вы, это не Семен, мой товарищ, это некий граф в рыбьем пальто.

Владимирка.

Сам «граф» ужасно побледнел, когда учитель сказал ему про Владимирку: он боялся не Владимирки этой и циничного учителя, но что выдаст себя волнением, и тогда все узнают о нем всё, — а что это всё? Всё — это о чем никогда никому раскрыть нельзя, и кажется, если раскроешь, то тебя мгновенно все в клочки разорвут. Вот он едет на линейке с родными, близкими людьми мальчиком, вокруг необозримые поля наливающейся ржи, все говорят просто и лениво о простых вещах, а ему представляется будто неизбежное то самое, что теперь учитель называет какой-то Владимиркой, —неизбежное, как темные тучи надвигаются; чтоб скрыть свое страшное волнение, он прикусывает себе губу до крови, чтобы спастись от неизбежного, про себя шепчет какую-то самим собой придуманную молитву-заклинание: «Ад! Сатана! Господи, милостив буди мне, грешному». А вокруг него говорят про куколь в овсе, про васильки во ржи, про Петровский пост и какой-то вкусный суп с грибными ушками. Так и тут в этом классе: Владимирка похожа на то неизбежное, вот она надвигается, эта Владимирка, учитель-циник почти

разгадал его и уже сразу заклеймил презрением, а что же будет, если все то узнают, если все то узнают? И смутно поднимается со дна души таинственная молитва-заклинание против неизбежного. Владимирка: «Ад, Сатана! Не как фарисей, не как фарисей, но прошу Тебя, как мытарь: Господи, милостив буди мне, грешному!»

А все вокруг не знали и никогда не узнают, что было в душе этого «графа», и сам учитель сказал это просто: все такие точно мальчики, по его опыту, в то время непросто кончали.

Встречаю теперь через много лет на улице огромного города этого «графа», говорю ему «Семен», а он вздрагивает, он уже не Семен, и в испуганных глазах его смотрит на меня та же Владимирка, страшная, неизбежная Владимирка. Он пришел в себя, улыбается, целуется со мной, говорит о всяких пустяках, еще немного побыть с ним — и привыкнешь, и он будет как все, но сейчас я вижу насквозь его: он в своих тайнах.

Я — маленький.

Это особенное чувство соединить с настроением осеннего дождя, день и ночь шумящего по крыше: дождь размывает, мельчит, все становится дробным...

Природа смирения.

Круг. «Я — маленький» оттого, что явилось зеркало безнадежности, и тут явилась необходимость смирения, но где такое смирение, за которым не скрывалась бы гордость? Это можно перенести с F. на Мережк., и на Легкоб., и на всех.

Флот.

Из первых времен новообращенного марксиста: — Не нужны деньги на флот. — Но ведь нужно же защищать отечество? — А что такое отечество? Это классовое положение: то отечество, которое нужно защищать флотом и армией, предоставьте защищать буржуазии, а нам, представителям пролетариата, флот не нужен: для пролетариата везде одно и то же отечество.

Взрослые.

Оказывается, что взрослые сами ничего не знают; до тех пор, пока сам не станешь взрослым, все кажется, будто кто-то что-то знает, но вот, когда сам станешь взрослым, узнаешь, что не в людях дело, люди все заняты часто большим делом, и берут это на себя, и гипнотизируют своим знанием (это очарование мундира, очарование костюма и проч.).

Кружок одной шерсти.

— С чего начать? Извините меня, я человек необразованный. Я понимаю так, жизнь как колесо: вертится и постоянно приходит на то же место. Как выйти из колеса? Как бы нам скомбинировать, чтобы выйти из тяготы?

— Сразу невозможно.

— Что сразу? Если мне и удастся для себя, другие останутся, и опять колесо, — извините меня, я человек необразованный, — как я могу против этого самого колеса?

— Начать бы с какого-нибудь маленького вывода, чтобы вся механика сразу двинулась.

— Сразу не двинется.

— Ну, не сразу, а все-таки чтоб вперед двинулась, как бы нам с чего-нибудь начать, составить бы кружок одной шерсти.

— На какой базе?

— Найти такую базу всеобщего объединения.

— Какой же у нас будет связующий цемент? — сказал печник, — ежели я работать хочу, работаю, не покладая рук, а другой лежит. Вот я избавился от запоя, при последнем запое до кровавого пота молился, и Бог смилостивился надо мной, и я стал строить печи на диво. И никому не поверю, что нельзя вино бросить, это все от себя. Первоначально я так думаю, нужно с нутра начинать.

— Твой дар свыше, что ты умеешь ковырнуть, — а если я не умею?

— Не верю, что не может человек. Я хоть неученый человек, самоучкой учился грамоте, но понимаю, как Господь Иисус Христос говорил: нужно все принимать на себя.

— На себя, на себя, что это значит? Священное Писание всё притчами, то есть загадками, а кому дано разгадать эти загадки?

— Что бы ни значили загадки, а за базу принять можно только одного Господа нашего Иисуса Христа.

Спор о Христе.

— Язычник Гёте сказал... — Этот Гёте, что «Фауста» написал? — Он самый. — Слушать не хочу.

— Поле все из разных полос, и на каждой полосе разный колос, и каждый живет для себя, и только на далеком расстоянии кажется, что это целое поле. Так и у людей: нельзя сделать, чтобы все для других жили, пусть всякий живет для себя, а со стороны все равно будет поле.

— Верно, у меня свое кадило! Нельзя идти по всем стопам Христа: у нас детей не будет, никого не будет, и все станут праведники, — по всем стопам Христа идти невозможно.

— Если ваше за базу взять, то нашему брату будет петля хуже теперешней, вы хотите нас всех в петлю поймать.

— Не понимаю вашей точки!

— Вам хочется найти такую базу объединения, чтобы всем мошенникам, ворам и разбойникам ход был, не базу вам хочется, а всеобщую покрышку!

— Не покрышку, а ход!

— В вашей базе дыра есть. Вы-то ее не видите, а вор увидит. Вы думаете, вот нашли покрышку, покрыли лохань, сели на базу чай распивать. А покрышка-то ваша плавает, и на нее из лохани все лезут, говорят, и мы с вами чай пить хотим. Вы не покрышку давайте, а ход, чтобы ход был ко Христу, всякому вору, всякому злодею и даже супостату и хулигану. И тогда увидите, что последние хулиганы будут первыми. Хулиганчики, хулиганчики, сколько в вас божественного!

— Не понимаю вашей точки!

— И не поймете, моя точка живая, а ваша мертвая.

— Что же это за база: выходит, Христос разъединяет, а не объединяет, скажи только «Христос» — и тебя в шею, а

настоящий Христос — правильность, база всеобщего объединения, а не одного кружка.

Кукарин пробовал считать до тысячи, чтобы скрыть свое волнение, но чем больше считал, тем более злился, и вдруг его взорвало:

— Будь у тебя одна дорога, а то у тебя их тридцать.

— Хотите составить кружок одной шерсти на мягком Евангелии.

— С блохами воюйте, а шубу не троньте.

— Да я ничего не воюю, я только хочу ему ухо отрубить, как апостол Петр.

— Сами не хотят и хотящих не пускают.

— За святыми прячетесь!

— Я остановился на «Братьях Карамазовых», а вы на «Бесах».

— Вот, имевши такой образ мысли, мало <*1 нрзб.*> и смотреть в корень.

— Я не о людях говорю, а содержу свое.

Отсекает христианин жизнь ветхого Адама, а мы оттого и христиане, что любим жизнь этого ветхого Адама. «Царство Мое не от мира сего», — сказал Христос. «Значит, это неправда, что мы христиане, — думал F. — Это грешная, нехристианская жажда жизни ветхого Адама.» — И ему вспомнились мучения Кукарина и спор с ним Легкобытова (база-покрышка, а нужен ход), и все пророки предстали в двух видах: Мережковский, Легкобытов и другие сектанты приходили сюда из пустоты, а Кукарин, Розанов хотели придти ко Христу, сохраняя с собой земное, что-то такое прекрасное, без чего скучно, пусто христианство. («Мережковский — говорящие штаны!» — сказал Розанов, и вообще, принимая во внимание и Капернаумовское: и тут одни стояли за Христа интеллигентного, общечеловеческого, другие — за национального, — это старая тема, но надо довести ее, переломив в психологии простейших людей, до конца).

— Вы такой народ, что и галки вас боятся.

— А вас замуж взяли: на денечек.

— Представьте себе, что мы добрые египтяне и присягнули на верность фараону, и фараон издает закон.

— Фараон должен первый этому закону подчиниться.

— Не зажимайте рта, вы опять меня затираете.

— А ты высоко лезешь: смирись, пора ум копить.

— Скажите, кто выше: царь или патриарх?

— Было время, что патриарх ехал, а царь лошадь под уздцы вел, а ныне царь едет...

— Не царь, а император.

— Ну да, наконец, Петр фигу показал патриарху.

— Зато не царь, а император.

— Хорошо, господа, ну а как же Бог реагировал на это?

— Тебе все охота Бога за бороду ухватить.

— Какого Бога, ежели это Христос?

— Мы придем к тому, только ежели в вашу дырку смотреть будем, а я смотрю в дырку Христову.

— Позвольте, господа, ежели Господь всемогущ, то как Он допускает всякое безобразие между людьми?

— Не дай тебе Бог дойти до того, чтоб понять.

— Вот до чего ты нас довел!

— Он не дает мне лестницу к Богу.

— Он так мне вольет в голову, что всю жизнь ковшом не вычерпаешь.

— Ты меня пузырем, а я тебя пестиком.

— Погоди, я тебе воткну.

— Воткни — посмотреть, сколько у тебя стало.

Различия в понимании Христа.

Христос духовный и гордый (Толстой, сектанты) — и Христос материальный и смиренный. Один общечеловеческий — другой национальный, родной (интеллигентный — и простонародный). Православному кажется, что без чувства родины пустые слова о Христе. Интеллигентному кажется, что без выхода ко всемирному Христу нет Христа в православии.

Голос еврея.

Религия — обман, в основе национальность. Моисей и пророки — все они за народ стояли, за кровь, а Христос: «снимайте рубашку». Чего не хватало Христу, сделали

апостолы, и так церковь создалась. В основе, стало быть, национальность!

— На Библию ссылаетесь, вот пророк Елисей как с детьми поступил: дети смеялись, что лысый, а он медведя позвал и натравил.

— Не горюй, Сергей Иванович, этого не было.

— А за кого же вы Христа считаете?

— Христос — это социалист, это наше время, как из нас социалист, так и он.

О смирении.

Смиренный русский народ и непокорный — встречаются две правды: одна религиозно-христианская, вечная правда смирения перед Богом, другая политическая...

Садовник.

Бабочки, бабочки, скажу вам, много в жизни от бабочек зависит! Куда бы я ни пошел, ни поехал, — сады ли арендовать, в трактир ли пошел проветриться, газетку почитать или умных людей послушать, — не миновать вернуться домой, а дома жена. Я благодарю Бога, у меня хорошо: бабочками я очень доволен. Анна Иванна, моя первая жена, духовного роду, дочь дьячка — двадцать лет прожили, слова худого не сказали. А как собралась умирать, позвала свою племянницу Лизу и говорит: «Вот тебе, Лиза, муж», — а мне говорит: «Вот тебе жена». Благословила нас и отдала Богу душу. А с Лизой мы еще десять лет прожили, и опять у нас ничего промеж себя не было. Нет, что говорить, бабочками я очень доволен.

Кукарин.

А я с женой всю жизнь свою по-скотски жил, так и скажу, что по-скотски. Посмотришь другой раз вокруг себя, вспомнишь время: Господи, я ли это и та ли это жена. Бывало, стоишь на клиросе и знаешь, что тут она, — и голос, и чувства — всё для нее. Отвергла меня, женился зря и всю жизнь прожил, и всю жизнь, казалось, по-скотски с ней жил, а любил ту; умирала жена, и тут вдруг что-то стукнуло в меня: да это она, та самая, моя первая умирает, а я-то и не знал, да как же это со мной случилось, — всю жизнь

прожил и не знал, с кем живу. Тут я смерть как любовь принял, вот как совокупление со смертью произошло. И голос был: отдайся, отдайся Христу. Смерть меня словно елеем смазала: отдайся, отдайся Христу, это действительность, а то все воображение. Тут принял Христа, как заразу, вот как сифилис принимают, так и я неизлечимо принял Христа, и существо во мне воссияло! двадцать веков существовало, было в затемнении, и тут вдруг воссияло.

<*Приписка:* Необъяснимое русское — китайское — восточное (Горький) — поиски выхода из этого...>

Кукарин — Розанов воплощают в себе необъяснимое: так что одни люди стремятся к объяснимому, другие — к этому Сладчайшему.

Необъяснимое происходит от уединенности, это разрыв с жизнью, с людьми, и те, кто взывает к логике, к Европе, к обществу, кто отказывается от Бога, — все это люди жизни, люди правды (не истины).

Поэтому Легкобытов ставит Щетинину основной вопрос. Легкобытов — жизнь и правда, Щетинин — ложь и истина.

Соединить жизнь и правду...

Задача Легк.: похитить ложь у истины.

Борьба правды с ложью истины.

Истина, окруженная ложью.

Истина на том свете.

Правда на земле здесь.

Правда иногда, борясь с ложью истины, борется с самой истиной.

Правда не может сказать: «знаю».

Истина знает, но стоящий возле истины и не обладающий правдой, действует ложью.

Ложь и истина соединяются со смирением.

Правда — с гордостью.

Понятно, потому Легк. не расстается со Щетин., что берет от него «мудрость» (истину) и ложь его небытия хочет искупить правдой своего бытия.

Служба у Павла Михайловича Легкобытова была очень покойная: в чайном магазине служил у Кузнецовых. Отве-

сит фунтик, два — и опять садится пить цветочный самый лучший кузнецовский чай и за чаем учить энциклопедический словарь Брокгауза. Однажды гимназист пришел к нему чай покупать с книжкой в руке. Павел Михайлович полюбопытствовал о книге, посмотрел — алгебра Давыдова. — Что это значит — алгебра? — спросил Павел Михайлович. Гимназист объяснил, что слово это арабское, и кое-что рассказал про алгебру.

— Так жить нельзя, — неожиданно сказал Павел Михайлович, — вы знаете, а я не знаю, как бы мне начать понимание? — Гимназист плохо понимал, Павел Михайлович густо покраснел и стал лепетать что-то странное: — Как бы это научиться, чтобы каждое слово было...

— Купите себе энциклопедический словарь.

Пав. Мих. выписал словарь Брокгауза и вот уже целый год учит его с буквы «А» по порядку. И многое он за год узнал, и еще больше узнал бы, если бы, служа покойно у Кузнецова, довел бы до конца: хватило бы ему словаря на всю жизнь, как вдруг его опять что-то с толку сбило. — Можно ли, — рассуждал Пав. Мих., — все небо за вечер — а наша жизнь и есть один вечер! — все небо пересчитать по одной звездочке? — А почему нельзя? — оборвал он себя. Такая у него всегда была манера обрывать, как будто чувствовал, что для него, человека, все возможно на свете. — Да как взяться? Как начать счет? Нет, — подумав, сказал он, — это невозможно! — И сразу перескочил с буквы «Д» на «звезды». И узнал он из словаря, что звезды сосчитаны, но только видимые, а невидимых всех вселенских звезд сосчитать невозможно. На этом он окончил изучение словаря и даже почувствовал какую-то большую злобу на обманщиков. — Нужно, — решил он, — узнать одну настоящую звезду-ключ, а по ней все откроется небо, этого же нет в словаре. — Словарь он уложил опять в ящик, зашил, запечатал и отправил обратно с надписью: «лично самому Брокгаузу и Ефрону».

И без словаря тоже, оказалось, жить невозможно. Взял сто рублей и пошел к либеральному батюшке, объяснил ему про свою звезду-ключ ...

Однажды ехали из бани. Легкобытов спросил его: — Скажи окончательно и по правде. — Правда — это твое дело, а у меня истина, а правды твоей я не знаю. — Как же совокупить правду с истиной? — Просто, — ответил Щетинин, — за правду надо умереть — тогда и будет эта правда истиной. — Дай, я убью тебя. — Убьешь? Рад бы умереть. — Ну, что ж, давай я убью тебя. Убью, и ты воскреснешь — беда твоя, что ты диплома не получил, а я тебе диплом выдам, ты с дипломом воскреснешь: заработаешь.

Я — Христос. Поверишь во Христа — будет Христос в тебе, поверишь в дьявола — будет дьявол в тебе, это дело твое. Воплоти! Человеку нужно пуп от Бога отрезать. Бог работает — человек говорит, работает человек — Бог говорит. Я обещаю — а ты верь. Чающий победит обещающего. Я тебя убью, ты будешь рабом моим, и ты воскреснешь человеком.

Так я это рассказываю, будто все это было так необыкновенно интересно. Если б вы встретили на улице где-нибудь Легкобытова, то великая скука охватила бы всякого: эти слова, перемешанные с энциклопедией и Библией. И это небо плоской проповеди. Начало века.

Насильно завязанные узлы нашей жизни. Чан. Пропал человек. В родном городе удивлялись, что пропал человек. Был и пропал. Легенды. Рыбаки сидели у озера. *Вьюнош* — купчиху московскую соблазнил. Узнали: казначей. Покажу всю Россию. Нужно деньги нам достать. Купчиху соблазнили: сын у нее погиб на войне, плохо ему на том свете, все снится. За восемь тысяч принял на себя сорокадневный пост. Легкобытов ему помогает. Исчезает из города. Был человек — и нет его. Никто ничего не узнал. Был купец хороший, помешался и пропал неизвестно куда. Однажды рыбаки сидели на берегу. Вихрь показывается, голос. Выходит человек — вьюнош. Вина предлагает. Выпили вино, и вдруг вьюнош этот купцом показался в своем виде и говорит: — Эх, вы, старички, зачем принимали и пили! Я бы с вами остался. — Оставайся. — Нет, мне

теперь нужно московскую купчиху соблазнить. — Вихрь поднялся, закрутил, и купец исчез.

II часть.

Город, подобный Ельцу городу. Открыл некий человек транспортную контору. Камень-правда. Начали купцов соблазнять. Общество хоругвеносцев. Выстроили церковь новую. Постройка церкви — рассказ для Легкобытова о том, какая ложь в религии, как она делается. Заключение: черти выстроили церковь.

Полный очерк про [историю] города. Возможно изобразить эпоху борьбы с революцией...

III [часть].

Соблазняет интеллигенцию в Петербурге.

Куда бы ни пошел, ни поехал, — сады ли арендовать, в трактир ли проветриться, газету почитать или умных людей послушать, — не миновать мне вернуться домой, а дома жена. Я благодарю Бога, у меня хорошо. Первая моя жена была духовного рода, дьячковая дочь — двадцать лет прожили, слова худого не сказывали друг другу. А когда Анна Ивановна собралась умирать, позвала племянницу Лизу и говорит ей: «Вот, Лиза, тебе муж!» Соединила руки наши: «А тебе она будет жена, как и я, доживайте время!» Благословила и отдала Богу душу. Зажил я с Лизой тихо, в меру жизни, будто первая не умирала, до чего доходило: Лизу Анночкой звал. Нет, что говорить, бабочками я очень доволен.

Во время этого разговора вошел человек с большим хлебом, высокий, с седой щетиной по щекам, щеки пьяного цвета, а глаза черные и пронзительные. Легкобытов сразу его заметил, сразу его чем-то потянуло к нему. Неизвестный человек, когда услыхал, что арендатор Лизу Анночкой звал, усмехнулся и задал вопрос необыкновенный: — А как же в Царствии-то Небесном, которая будет у тебя по правую руку, которая по левую: Лиза или Анночка?

Легкобытов даже на месте подпрыгнул от этого вопроса, очень понравилось, но другие и сам арендатор садов не

обратили внимания: человек с большим хлебом был неизвестный, видно, выпивши, и сказал чуть слышно: — Ты говоришь, бабочками доволен и жил с женами хорошо, а я со своей женой, всю жизнь с одной женой, по-скотски жил. Так мне все представлялось, будто не та она, а настоящая меня отвергла, настоящая — протопопова дочь Маша. — Позолотчик улыбнулся, как бы прося снисхождения у публики за <*зачеркнуто:* воспоминание>.

— Стою, бывало, на клиросе и все на Машу смотрю, и так потом с женой живу по-скотски, а духовными очами все на Машу смотрю. Уморил жену, помирает — и вдруг что-то стукнуло в меня: так ведь это же она помирает, Маша моя, та, первая, настоящая, без этой и той не будет. Как же я этого простого не знал? Это проспал? И тут я смерть эту как любовь принял — вот как совокупление со смертью произошло — и голос мне был: отдайся, отдайся Христу. Смерть меня словно елеем смазала, это действительность, а то все воображение. И принял я Христа, как заразу, вот как сифилис принимают, так я неизлечимо принял Христа, и существо, бывшее во мне две тысячи лет в затемнении, воссияло. Ты говоришь, что в Царствии Небесном Анночка будет у тебя по правую руку и Лизочка по левую, а у меня одна звезда, и в ней ключ к тайнам Завета.

Широко открыв глаза, слушал Легкобытов неизвестного человека, и как говорил он «отдайся, отдайся Христу!», так и ему тоже будто голос был: «отдайся, отдайся этому человеку, вот он пришел, твой избранник». Только вдруг произошло необыкновенное: неизвестный человек захохотал пьяным хохотом и сказал: — А вы все сволочи <*2 нрзб.*> — и ушел. Легкобытов за ним выбежал из трактира.

На базаре неизвестный человек с большим хлебом затерялся, и Легкобытов долго бродил в толпе. Вдруг увидел он его возле ларька, где продавали палочки лакрицы, похожие на длинные сосиски, которые торговцы выдавали здесь за акриды Иоанна Крестителя. — Акриды иерусалимские, акриды палестинские, девий мед! — выкрикивал торговец.

— Как девий мед? — спросил неизвестный. — Акриды, или девий мед, — повторил торговец. — Дикий мед, — поправил извозчик. — Торговец крепко заспорил с извозчиком: один стоял, что «акриды» значит «девий мед», другой — что «дикий». Неизвестный вмешался: — Погодите орать, вот у меня тут есть прейскурантик. — И вынул из кармана маленькую Библию. — Дикий, — сказал он торговцу. — Так точно, — ответил торговец, — мед дикий, а как у нас народ боится дикого, мы его пускаем за девий, пустынный.

Купив одну палочку дикого меда и весело помахивая этой длинной сосиской, неизвестный пошел по базару, то там, то тут останавливаясь.

— Полакомиться пустынным медком? — говорил ему торговец.

— Девьим, девьим, — смеялся неизвестный.

И, высунув из кармана бутылку казенного вина, выпивал из горлышка, закусывая акридами. Колебался Легкобытов, подходить ему к этому странному человеку или уйти: мерзкий был вид у неизвестного. Наконец, он подошел к нему и спросил о хлебе, где он такой хлеб достал, в этой местности не пекут таких больших хлебов. — Хлеб этот нездешний, — ответил неизвестный, — это не хлеб, а подобие жизни небесной и человеческой: истинно, истинно, говорю тебе, человече: пока не будет зерно человеческой жизни истерто в муку, правда человеческая не совокупится с истиной.

Изумленный стоял Легкобытов, неизвестный отвечал на его мысли, а вид его был пьяный и гадкий, и [он] говорил всякие мерзости. И тут неизвестный ответил ему: — Я держусь двух Заветов: с мужем разумным, как ты, говорю по разумию, а с мужем безумным — по безумию.

— Кто ты такой и откуда ты? — спросил Легкобытов. Неизвестный отвечал: — Я заяц в поле. — А родня твоя? — И родня моя все зайцы. — Легкобытов просил его зайти к нему, и неизвестный, забежав на минуту в казенку, с удовольствием пошел к Легкобытову. Увидев образа, крестики и книги искателя правды, захохотал. — Над чем же ты

смеешься, окаянный? — Над человеком, — ответил неизвестный холодно и стал раскуривать, выпивая [целую] бутылку казенного вина. И стал он пьянствовать... мерзости, и верующие люди приходили к нему...

Легкобытов изумлялся, чем он покоряет людей. Это что за мерзость — искупить. Он не может привлечь, но он может искупить.

Хлыстовские радения <*1 нрзб.*> свет конца.

— Шел послушать «ныне отпущаеши» в граммофоне и вот на базаре человек предлагает мне купить акриды...

— Ведь такого рода явилось: крест объявился на дереве вросший (Паниковка ожидает чуда, а на станции...)

Деньги показались (не было, и вдруг показались, легенда о них).

Ненормально бороду остриг и прямо стал похоже, можно сказать, на... Дон-Кихота.

— Бабы?... ну да, вот именно, женский пол.

18 пудов — якорь через двенадцать <*1 нрзб.*> нес — вот какая сила!

— Иван Иванович был [сильный] человек, прямо богатырь, якорь 18 пудов через 12 <*1 нрзб.*> нес, а теперь силу потерял, бороду обрил ненормально и стал похож... прямо стал похож на... Дон-Кихота.

Священная проституция (монашеские рясы — тайна).

Путешествие двух купцов, двух девиц, студента с извозчиками по монастырям. Слушали обедню, гуляли (Артюшка-извозчик рядился в монашескую рясу).

Хорошо принимать гостей знавши, а незнавши можно только родных принимать.

Пьяный купец с возу свалился и просил мужиков помочь — Ну-ка, Ив. Ив., лезь на воз, как на свою Марию Васильевну. — Отошло, братцы. Кошка подберется, брысь не скажу. А Мария Васильевна смотрела раньше, как я умываюсь (разуваюсь), а теперь, как я обуваюсь.

По склону берега рассыпались монастырские кельи до ограды, за оградой избушки рыбаков перемешаны с ивняком и еще гуси гуляют.

Было раньше в городе тысяч девять народу, а теперь осталось только две: кто уехал в настоящий город, кто по уезду разбрелся: мельницу поставил или лавочку в деревне открыл. Кто остался — живут как мокрые тараканы.

Прежде, бывало, идет баба босоногая, увидела кума и присела к земле, а теперь...

Старичок-чудак молится какому-то святому Сисилию, а больше никаких святых не признает и попов ненавидит.

Образ явился. Я подошел и осмотрел и говорю: молод! молодые не являются. Внесли в церковь, я опять говорю: это не святыня, святыня так не дается.

Поверил и бросил узкие брюки, автомобиль, аэроплан.

Человек-качан. Ресницы белые и большие как капустные листья и в пазухах листьев глаз блестит человеческий... И старушка-качанница. Будто вот только что выглянула из огуречного рассола и кричит: огурчики солененькие!

Старик дал обещание не ругаться по-матерному и, чтобы легче нести послушание, вместо матерного слова чуть коснется, твердит «волосатик тебе в рот» или «шкура барабанная». За то, что он неправильно ругается, прозвали его «черт с кривым рогом».

— Маешься, маешься и ни к чему. Состаришься и увидишь, что маялся, маялся, а тебе нет ничего и все ни к чему. Стало быть, для потомства. — Для потомства известное дело, чтобы по ветру пустить. Да оно бы все ничего, будь на каждом шагу правда. — Правда у Петра да Павла. — Суд я понимаю руль, а выходит торговля.

Девица хороша собой да степени нету, а так она не спящей руки, что говорить, утешная и на побаютки гораздо ловка, ну и не хломуша какая-нибудь.

Нестор Кузмич гундосый, вроде дурачка, яблоки-падалицу продает по деревне. Вокруг него оживление, едят шутят (яблоко и никакого в нем воздуха); облакомилась яблоками (перед Богом согрешила).

Мирская няня всю ночь сидит на печи с младенцем в руках больным и не спит и все, что слышится и видится

ей в полутьме, принимает за действительность и потом рассказывает о своих видениях.

Доцент и старуха: одинокий интеллигент соскучился и нанял старуху и все заговорить с ней хотел, но она оказалась грубая и ничего не отвечала («я почем знаю!») и вот он оставил старуху и принялся за свои книги и сидел так два года. Однажды он старуху дома не застал, двери были открыты. Чтобы вдруг чего не было, он симулировал гнев, бросил палку, швырнул пальто, и вот с того момента старуху как прорвало, и такой оказалась чудесный человек (а уходила старуха к чужому ребенку, была мирская няня).

Маша (Ушакова) «я такая!» Когда брат умирал, то говорила, что хоть бы поскорее помер (из-за наследства), а ей доносили (ошибочно), что умер, начинала ужасно голосить (дворянин Сумилов, его письма). Разошлось у них из-за мебели: у Маши какая-то мебель была и вот «дворянина» подзыкнули Маше про эту мебель сказать, он и скажи, а Маша ответила: «если мебель желает, а не меня, так этого хламу везде много» и отказала и свадьба разошлась.

[Вот] весь наш разговор, но сущность, почти формула нашей торговой жизни, данная собеседником, состоит в следующем: власть в наше время по существу своему такова, что обладатель власти неминуемо должен сдать материальную часть письмодателю или секретарю, а тот берет в плен остальное содержание власти. В этом и вся беда, в разложении власти; разлагаясь сама, она распыляет и наше купечество. — Почему же нет Минина? — Потому нет и Минина. У нас наживаются молча, а проживаются с шумом. Как заговорил человек, стало быть, он проживается, и никто ему не верит. Минин же говорил и не проживался — вот в чем секрет!

Мы замолчали. В темном углу моей комнаты виднелся всадник на белом коне. Голова у дракона была маленькая, копье у Георгия тоненькое, а тело чудовища преогромное. Приходило в голову: «Хорошо Георгию копьем разить головку, а как нам тут, не-Георгиям, жить долго возле огромного смрадного тела врага?» — Как вы себе представ-

ляете, — спросил я гостя, — какая связь между геройскими делами...

Собственность буржуазии, рабочая собственность — интеллигенция (гуманизм, бледное христианство).

<*зачеркнуто:* поэт — величайший собственник... для других, но и мужик свинью кормит для других, поэт — скупой рыцарь.>

Собственность — всемирное тяготение [собственности] — когда лишился всего, как хорошо, свободен!

Индивидуалист, иначе собственник — разбить индивидуальность и выпустить пленную личность.

Капитализм: мир дворцам, церквам [хранить] красоту, социализм хочет сделать ее человечней, приручить, одомашнить.

Сапог рабочего и футуриста — все они говорят: «ощупай материю», зовут в чан, в материю, в безликое.

Зов бездны: тянет в пропасть, в безликое, в материю (мужика в свинью), а рабочий хочет только того, чтобы все были одинаково в свинье: [жизнь] материальная, духовное — надстройка ее. Жорес: я хочу, чтобы все ездили в 1-м классе — [всё одинаково] и всем будет хорошо. Вот почему буржуй.

Мережковский — Светлый иностранец — общественность (революция) создала религию: «Я» и «Мы» (Я — это Ты в моем сердце Божественный). Падаль и сапог: раскаявшийся эстет и дело его — дело покаяния (но рабочий — сапог): исходил в словах бесплодно, как Керенский. Литература была в острой тревоге и расцвете трагической красоты, но не была проникновенной, чтобы взять инициативу в свои руки, вот почему теперь нет поэтов. Есть ли у общества щупальца земли, как у индивидуума? Начало собственности выходит из индивидуальности, которая есть сама по себе домик личности. Задача социалиста: разбить индивидуальность и освободить из нее личность, общую всему миру, личность «человека» — Христа у христиан, пролетария у социалистов.

Заповедь собственности: полюби и познай вещь, как самого себя. Собственность проникает в радость жизни через вещь, через материю. Рабочий тоже хочет проникнуть в радость жизни и требует, чтобы всё одинаково (Жорес), проникнуть в эту радость одинаково: вот материализм.

Секретарь обер. прокурора Св. Синода говорит: — Вы наши будете.

Алекс. Мих. Бутягина потерпела крушение у Гришки Распутина и нашла приют у красивого брюнета.

«Начало века».

План. Рел.-фил. общество — мастерская, где выделывались крылья поэтов. Мастерская, идеи — это стальные молоты. Циклы идей: Ницше, Розанов и проч. Джемс — Мережковский. Люди общества: до сатира Легкобытова.

Заключение: символы коммуны. «Начало века» и чан.

Вывод: коммуна — крест народа, и дальше не нужна мастерская для крыльев: радость жизни и радостная песня (сфинкс исчез).

Крылья поэзии последнее время все более или менее искусственные: Ремизов делает себя из археологии, Клюев — из хлыстовства, Андрей Белый — из оккультизма, Брюсов — из Пушкина. Непосвященная публика ничего не понимает... Декаденты и модернизм. Но не до средней публики этому <*1 нрзб.*> мельница словесная с пропеллером: свой кружок и сокровища недр своего народа.

Петербург был умственным центром России, сюда были проведены кабели огромной Империи, и здесь... кабель разорвался, сверкая всеми искрами. Религиозно-философское общество собрало сюда весь цвет, здесь мрачная жизнь Руси скрывается, и мы входим в теплицу с цветами среди зимы десятилетия мрачной реакции от 1905 года.

Я вошел в литературные круги Петербурга, когда писатель покинул старый народный крест и радостно взял в свои руки цвет. Я вошел в литературу в это время — после 1905 года — и хочу с вами теперь поделиться... увы! теперь уже воспоминаниями: теперь старый крест сопрел, цвет

10 Зак. 4404

увял, крест и цвет лежат теперь одинаково под обломками нашего быта. <*приписка:* очерк декадентства>.

Вспоминаю, раздумываю: какой это цвет был в руке у художника, лесной, полевой, луговой, цвет своей родины, окруженной лесами, полями, лугами, — или это один из тех цветов, которые мы видим студеной зимой в витринах цветочных магазинов Невского проспекта?

Однажды я шел по Невскому мимо одного такого магазина, где цвела сирень в декабре. Два прохожих остановились у витрины. Старший сказал молодому: — Хорошо цветет сирень?.. — Очень хорошо! — ответил молодой. — А если вынести ее на мороз? — Пропадет. — Вот видишь. А я тебе дам такой цвет, что цветет на морозе и не умирает. — Дайте мне такой цвет, — сказал я. — Пойдемте со мной, — ответил мне старший незнакомец. Я пошел за ним и так познакомился с одной из интереснейших мистических сект, именующей себя «Начало Века». Что бы ни говорили о стадности, но способность русского человека отдаваться, слушаться почти всегда имеет что-то красивое, точно так же редко бывает обратное — чтобы красив был человек, взявший власть. Я встретил в секте «Начало века» чистых голубей послушания и двух вождей: один именовался Христом, царем, другой по своему положению был такой же раб, как и все члены общины, но замыслы его были властные, он учил, что настанет час, когда царь-Христос в их общине не будет нужен, отпадет, и все рабы воскреснут свободными, и тогда будет настоящая коммуна и начало века.

Вопрос: какие знамения времени были в художественной литературе в последнее десятилетие падения Российской Империи? Я готовлю вам не ответ, это не по моим силам, а приношу вам раздумье свидетеля и участника.

Мне представляется чан кипящий, клокочущий, то рука покажется, то портянка, то нога, то голова. На краю чана стоит поэт и спрашивает показавшуюся в чане голову: «Что мне делать? — Голова отвечает: — Бросься в чан, и будешь народом. — Поэт говорит: — Я погибну. — Голова: — Ты умрешь как поэт и воскреснешь вождем народа».

Поэт не бросается в чан и продолжает петь, но как соловей на подрезанной березе... беспокойно, ибо он сознает, что из березы снова сделают крест и цветы поблекнут.

Но, может быть, со времен Пушкина вся наша последующая литература, за немногими исключениями, была песней на краю кипящего чана, песней соловья на подрезанной березе.

Вспомните, как Лев Толстой отказывается от своей художественной песни, называя ее болтовней, и бросается в этот кипящий чан. Где теперь писатели, поэты, художники, — где лицо нашего времени? [Невмоготу?] Смутно чувствуется каждым, что не потеряно все совершенно и лицо где-то есть, но лица не видно, и зад времени засыпает нас, [мелких обывателей, лавой и пеплом]... нет сил превозмочь, нет сил выбраться из-под пепла и увидеть истинное лицо времени. Где тот писатель, поэт, почему он молчит и не скажет, где лицо: и есть ли в самом деле это лицо, есть ли время, и правда ли, что это революция...

1905 год был для литературы — жизнь для себя (возрождение, аполлоническое просветление). Литература после 1905 г. была как женщина-мать, не знавшая любви: вдруг посреди почтенной семейной жизни взрывается пламя личного чувства, вулкан извергается, засыпает огненной лавой и пеплом приютившиеся около его кратера сёла и города. Так литература. Пепел порнографии, засыпало читателя пеплом порнографии...

Светлый иностранец и декаденты и порнография.

Серг. Городецкий, Ремизов, Клюев, отчасти и М. Горький — все декаденты.

Раньше было целостное чувство народа — пусть славянофильство неправильно, но оно система, пусть народничество — выдумка интеллигенции, но оно дает программу дела злобы дня даже для фельдшерицы в земском углу Тмутаракани. И вдруг ничего: литература живет для себя...

Литература, искусство — это лицо народа.

Так вот с каких времен начинается «саботаж» интеллигенции. Литература должна умереть была и воскреснуть вместе с тем [классом], который составлял тот чан общества.

Чтоб стать религиозным вождем народа, прочитайте Глеба Успенского как биографию раздавленного художника. И вот из самого последнего времени — судьба поэта-декадента Добролюбова: поэт бросает свое искусство, уходит в народ и становится вождем одной из очень могущественных религиозных сект. Есть еще очень талантливый, но малоизвестный поэт Семенов-Тян-Шанский, племянник знаменитого путешественника; он поет и мечется между разными партиями, приходит, наконец, к Оптинскому старцу, тут песня его замолкает, он хочет сделаться вольным священником, селится в какой-то избушке, где его во время последних восстаний убивают крестьяне. Всюду вы встречаете одно и то же: спев несколько песен, поэт видит себя поющим на краю кипящего чана — народа: не до песни, нужно дело, он бросается в чан, в бессловесное, где мы его потом видим уже не поэтом, [а,] по выражению Мережковского, живым мертвецом.

Искушающий броситься в чан не сдерживает своего обещания, поэт воскресает не как поэт, а как сектант, лжепророк, самозванец.

Я был свидетелем героической попытки художника отстоять свою личность и не броситься в чан: литература последнего десятилетия вся состоит из памятников этого усилия: есть поэт Алексей Ремизов, который в защиту своей народной личности вызывает все тени нашей истории с фольклором, этнографией, [историей]. Пришвин — живое восприятие русских медвежьих углов, Сергей Городецкий — славянское язычество, Клюев — хлыстовская поэзия.

Все эти писатели говорят: «Мы сами народ в своей личности (как Пушкин)». — И им отвечают другие: «Подите в настоящий народ, и вы себе шею сломаете».

Сопоставьте на минуту творчество народника Глеба Успенского и Сергея Городецкого, как оно выразилось в

его первом замечательном сборнике стихов «Ярь»: «Дубовый Ярило на палке высоко у дерева стал».

Успенский страдает за народ, Городецкий радуется, у одного страдание — у другого радость, крест и цвет.

Заключение: коммуна стала как крест.

Наша литературная эпоха начиналась борьбой мистиков с рационалистами и позитивистами: Волынский, Мережковский, Метерлинк, Ницше, прагматист Джемс, Бергсон, Бердяев, Карташев, Рудольф Штейнер. Розанов — язычник, Мережковский — светлый иностранец. Все — как магазин с цветами. «Я это Ты в моем сердце Божественный». Брюсов под Пушкина. Вырождение в эстетизм. («Аполлон» и педерастия — аполлоническое просветление).

Рел.-фил. общество в Петербурге ничего не имеет общего с Московским Соловьевским обществом, тут были богоборцы. Розанов и архиереи, и православные, и старообрядцы, епископ Михаил и люди прямо из народа: рабочие, баптисты, штундисты, хлыстовские пророки, раза два я встретил там знаменитую Охтенскую богородицу, Мережковский, Гиппиус, поэты Блок, Кузмин, писатели 1-й г[ильдии], художники Бенуа, Добролюбов поэт, Белый.

— Вы на какой платформе, христианской или языческой?

Горький был на Капри, но о Горьком были доклады: поклонимся народушке.

Русский Бог: как связано все и мрачно (Горький и Капри).

Мережковский и Легкобытов: Антихрист.

Стихия красоты стоит выше человека, и она может быть очень недоброй к человеку. Ручной, человеческой, доброй, домашней она становится через поэта-художника, через его страдание она делается родником для всех.

И если человек из чана говорит поэту о страдании, искуплении, то это вполне понятно — законно; но непонятно, неестественно, что, приняв на себя страдания, поэт

погибает как художник, и остается только человек, и красота через него не становится нашей, доброй, ручной...

Не знаю, как это назвать — чан, пропасть или пасть, поглощающая художника. На одной стороне — пасть религии страдания, на другой — эстетизм бесплодный, беспочвенный (группа «Аполлон»). Третий выход: приспособление к новой социальной демократической религии (напр., Горький: назвался груздем — полезай в кузов) — не полезли, а живут хорошо, и дворец искусств — министерство изящных искусств.

Оккультизм. Мы удивляемся доброте членов различных сект, но красоты мы не видим: красота будет пленена и приручена, когда весь мир человеческий освободит цельную душу, а секты — часть, партия. Секты — это собственницы Бога, божественные товарищества на паях. Мужики кричали: «Земли, земли!» Интеллигент кричал: «Бога, Бога!»

Труд по призванию — охота, не труд. Собственник — охотник: идеал рабочего — быть всем собственниками. Труд и необходимость (экономическая необходимость): болезнь, беременность, стальные узы, стена, то, что разделяет барина и мужика, мужчину и женщину, мать и проститутку. Мужчина в сравнении с женщиной — вечный барин. Социализм требует всеобщего брака: т. е. признает материю как жену. Избегает рабства, плена индивидуального: это врата, через которые можно пройти поодиночке, врата в радость на земле — земные врата в Царствие Божие, есть ли врата общие, чтоб всем сразу: откройте же врата!

Индивидуальность — билет на право разового прохода через земные врата в Царствие Небесное без передачи другому.

Собственность — это материал, из которого построен домик личности, называемой индивидуальностью. Собственник — это пленник, привязанный к колу с заповедью: ходи вокруг на привязи, пока не полюбишь и не познаешь вещь, как самого себя. Дырочка в Царство все-таки

одна, и секрет Спасителя общества — разместить всех в порядок, в очередь.

— Я согласен, что всем есть место в Царстве Небесном или, если хотите, в Земном, только вход туда по порядку, по очереди, нельзя туда войти всем сразу. Потому создается общественный строй, то есть хвост в Царство Небесное, охраняемый попами и жандармами. — Нельзя даром! — кричит жандарм. «Терпенье, терпенье, — уговаривает батюшка, — не торопитесь, — все там будем».

Так было, и вдруг Красная Армия повернула фронты в Царство Небесное. Итак, по социализму, каждая личность, заключенная в индивидуальности, сознает свое единство с соседней личностью и согласует с нею жилище свое — индивидуальность. Связь личностей: пути и дорожки от одной личности к другой — любовь. Люби ближнего, как самого себя — закон духовный. Материальный закон: люби вещь, как самого себя.

Футурист огромным булыжником кидает в Толстого и кричит: чебулдыр!

Литература раньше пережила революцию: декадентство, футуризм и есть революция.

Я хочу жить — я сам народ (против «долга», «покаяния»).

Закон познания материи: люби вещь, как себя самого; он существует как закон, как правда жизни до тех пор, пока не встретится с законом душевного человека: люби ближнего, как самого себя, — и не вступит с ним в противоречие, в борьбу, из которой побежденный выходит калекой — буржуем, мещанином.

У каждого человека в душе целый погреб взрывчатых веществ, и он часто умирает, так и не узнав ничего о них, но — толчок бывает извне, и погреба взрываются. Из общества бывает толчок, и пламя человека возгорается (один идет на баррикаду, другой давно собирался съездить в Крым и не решался, но как все решилось, так и он в Крым поехал, потому что началась революция). Точно так же коммуна вызвала тысячи людей скромных сделаться

буржуями: сорвался с крючка — так с 1905 г. литература наша сорвалась с крючка и дошла до футуризма.

Удовлетворение потребностей — это социализм. Мережковский: «Вы, социалисты, говорите о земле без религии, но то же говорит и анархизм, а социалисты и анархисты исключают друг друга». Виноградов: «Я буду заключать блоки...» — «Отрадно: мы и Виноградов — значит, есть мы». — «Я хочу обнажаться».

Мейер успокаивает строптивого: каменные истуканы сильнее живого человека, живой приближается к каменному, но каменный выше. Ярое око, каменный. Мейер каменный. Виноградов живой.

А как Мережковский кричал Виноградову: «Вы падаль!» (то есть умрете) — с негодованием, и было в нем что-то удивительно благородное, в этом серьезном крике, философски принципиальное — в ответ на «мать!» кричать философское «падаль!»

Слабое место: когда Мережковский против индивидуализма кричит, то аргумент — смерть. Но ведь это ощущение смерти, ядовитое дыханье, оно сокрушает молодое... Это борьба с молодой природой...

Виногр. [со] своей землей стоит у порога религии... второй Адам... религия новая должна взять и второго Адама... Тут где-то близко и Михаил: если чувствуешь кровь Голгофы, то нужно взять на себя всю полноту страданий... Михаил и Виноградов — два острия друг против друга... второй Адам и Христос.

Обработка предыдущего. «Начало века».

Где теперь красота жизни и все те, кто пишет лицо нашего времени и творит цвет нашего века? Невмоготу: лица не видно, а зад времени засыпает нас своими отбросами; хоть бы кто-нибудь помог выбраться из-под груды вопросов дня сего о продовольствии, питании и эпидемических болезнях.

Накануне революции пророк секты Нового Израиля («Начало века») говорил мне: «Теперь осень, время жатвы, смотрите, нивы побелели». И началась жатва, настала

зима, — где же теперь закрома, наполненные хлебом, кто его ест, кому достанется, где лицо нашего времени?

Временное бывает возбудителем гения; раз возбужденный, он творит вне времени, и в гениальных творениях его нельзя увидать, какое временное толкнуло его. Это мы вырастили дерево в нашем саду, крона его свесилась к другим, и плоды падают за ограду нашего сада.

Идет мальчик за куском черного хлеба, обещанным ему по случаю праздника Революции. «Нет, мальчик, подожди, еще у нас не оказалось черного хлеба, подожди, милый, скоро ты будешь учиться во дворце и сидеть на шоколадной скамейке!» Но мальчик умирает от тифа. Плоды жизни падают за ограду нашего сада. Закрома наполняются для будущего, здесь нам нет ничего, мы ворчим, мы бунтуем, как поденщики, лишенные заработка, и сомневаемся во времени, говорим: «Нет времени, нет лица, красоты нет, смысла нет, это не творчество — смута, а не революция».

И все-таки, вот эта старая женщина, потерявшая все, приходит ко мне на квартиру за картофельными очистками. «Вас какая-то старуха с ведрами спрашивает, — говорят мне во время обеда. — Спроси, чего ей надо. — Отвечают: — Картофельные очистки».

Входит бывшая богатая помещица с двумя «погаными» ведрами, старуха в рубище нищего, и с нею две козы. Получает очистки, идет в следующий двор с «погаными» ведрами, покрикивая на коз: «Мильда, Матильда!» Старуха, я знаю, не верит, что ее имение вернется ей и в нем ей можно будет по-прежнему жить, и не верит в коммуну, — у нее только две козы, Матильда и Мильда... И все-таки она живет, и все хотят жить, хотя бы этой жизнью без красоты, подземной корневой [жизнью], в поле, засыпанном снегом.

Ничего нет кругом, только снег, все замерзло, все [застыло] — нет-нет! палец высунулся из дырявой рукавицы — нет! спрячься, отмерзнешь! Закутался в шубу — сыпная вошь, сыпной барак, сыпная могила. А там,

в холодной подснежной глубине земли, в молчании корни растений живые хранят, копят наше будущее.

Так мы живем бессловесной корневой жизнью в молчании подснежной глубины: вот почему теперь нет у нас слов, цвет увял, крест земли, бремя страшное задавило все пущенные когда-то стебли наших корней, цвет увял, крест задавил. В морозной снежной пустыне я слышу крик старой помещицы: «Мильда, Матильда!»

И мне чудятся два креста снежной Скифии.

Тот знакомый вольный крест Христов: я как жертва иду на распятие, — сладостный вольный крест. И другой, подневольный крест земли: ты, как цвет [летний] отцветешь, и не увидишь и не познаешь [там] места своего. Крест земли не как Христов крест: там крест для человека, тут человек для креста, там целью бывает для меня цвет, тут для меня только крест, и вокруг все бессловесное, пустыня, снег: не я иду, а меня куда-то ведут.

Вы, мои сверстники, кто родился и вырос на этой нашей земле, разве не знали вы раньше лик нашего черного бога, и не слыхали вы разве крик младенца, у которого трещат косточки, и не говорила вам тоже, как и мне, родственница-курсистка, что тьма эта от народного невежества и народ надо учить? Нет, это дальше и больше ученой и доброй курсистки: это бог наш черный и его крест земли. Наши человекоборцы никому другому — ему, ему отдают свой народ на пожрание. Это туда и Лев Толстой бросил свое великое призвание, туда же отдал и Достоевский свой великий дух, когда пророчил: «Константинополь будет наш».

И это он, тот самый лик черного бога показывается, когда некто из народа лепечет иностранные формулы: свобода, равенство, братство, коммуна, экономическая необходимость и пролетарии всех стран, объединяйтесь.

Повторяю известное: временное бывает побудителем гения, но, раз возбужденный, он творит вне времени и не для времени. И тот маленький гений всякого человека, заключенный в скорлупу его индивидуальности, совершает поступки, с точки зрения идеи возбудителя, совер-

шенно невероятные: на наших днях мы видим, как при диктатуре пролетариата и лозунге коммуны, в дни гибели бюрократии и буржуазии на место одного чиновника становятся тысячи новых и на место одного буржуя — тысячи мелких и цепких, — всю эту бесчисленную свору коммуна переносит с собой в будущее. Так, я недавно нес с собой тяжелый хлеб из деревни в мешке и думал про себя, устало оглядываясь из-под мешка на голые поля: сколько зерен было в полях, и теперь вот они собраны, измолоты и стали хлебом — коммуна у меня за спиной. Я устал, сел на камень, и стало мне представляться, будто вдруг из моего мешка из хлеба все зерна сбежали, рассыпались... Так в наши дни поразительно наблюдать это обратное действие лозунга.

А когда в 1905 году началась революция, я помню, как один маленький чиновник, всю жизнь мечтавший съездить в Крым, вдруг поднялся и поехал — такое было действие революции на этого маленького чиновника. И так наше искусство после «пятого» года, когда после мгновенной вспышки искры свободы снова показался на горизонте лик старого черного бога, вдруг оно оставило свой старый народнический крест, как чиновник свой письменный стол, и самостоятельно на свой страх и риск отправилось в какой-то свой солнечный «Крым».

Литература после 1905 г. была как женщина-мать, не знавшая любви: вдруг посредине строительства почтенной семейной жизни вырывается пламя личного чувства — вулкан извергается и засыпает пеплом и лавой приютившиеся у его кратера селения. Пепел непонятных ощущений, идей, образов — порнография, наглость, претензия засыпает читателя, как засыпает нынешнее комиссародержавие от глаз народа идею коммуны.

Точь-в-точь как теперь перед лицом обывателя какого-нибудь уездного города проходит наше, быть может, великое время: лица не видно, а зад времени засыпает его своими отбросами. Так засыпала всего читателя вспышка свободы искусства начала нашего века, получившая позорное название «декадентства и модернизма».

Так всегда было с русской волей к личному счастью — всегда оно было как ясная заря перед ненастным восходом, блеском огня, зажигающего костер новой жертвы. Чуть показалось счастье — сейчас же отделяется из личного двойник и слуга того большого черного русского бога — и так портит все вокруг личного дела, что другому и не пройти, и остается неузнанным зерно общей свободы, заключенное в личном цветке, и на месте изгаженном воздвигается, как виселица, громадный крест общего дела, безликий, черный и страшный.

С детства чувствую, как надвигается страшное, черное — бьешься, бьешься, пока не затвердеет в жизненной скорлупе свое великое вольное «Я».

Я — скромнейший участник и свидетель революционной вспышки нашего искусства — мечтаю сейчас рассеять завесу дыма, навеянную декадентством и модернизмом, и показать всем «тайны образующее».

Плохо помню, кто начинал это дело освобождения Слова... я знаю, конечно, что был Пушкин, как чудо, но после, когда на освобожденное слово навалилась вся тяжесть государства, церкви, общества... Я говорю не о силе самой стихии поэзии, а о сознании, когда началась у нас борьба с позитивизмом, рационализмом. Кажется, во главе этого движения был Мережковский со своей проповедью религиозного сознания, Розанов со своим православным язычеством.

Два светила восходят в сознании русского мальчика конца прошлого века: Маркс, а потом Ницше. Одно, Маркс, стоит во главе движения, цель которого есть счастье среднего человека. Другое, Ницше, представитель иной цели — сверхчеловека, личности. Мы видим, как при помощи «Капитала» Маркса он борется с последними народниками, как Михайловский, задавленный лилипутами-марксистами, все еще вскрикивает: «Нет, я жив, жив!»

В чем спор и чего хотелось мальчику? Ему хотелось найти формулу для всего человечества, чтобы такое непонятное, как личность и герой, подчинилось закону эконо-

мической необходимости. В этот свой период марксизма он пишет трактат о рынках. В 90-х годах прошлого века с ним совершается внезапный переворот, он делается неокантианцем и пишет трактат «от марксизма к идеализму». Через несколько лет он становится приверженцем Ницше, яростно вступает в бой с рационалистами, позитивистами, материалистами, изучает славянские мифы, воскрешает древнее народное язычество. Пробует писать стихи. После 1905 г. становится богоискателем, соловьевцем и, наконец, когда юношеские его идеи восторжествовали на родине, во время III Интернационала, постригается в священники и проповедует Христа восточной церкви.

Товарищи его: один замер на своем юношеском марксизме и теперь стал честным комиссаром. Другой, пройдя с ним весь путь до Ницше, остановился на эстетизме («красота спасет мир») в редакции изящного декадентского журнала. Третий во время религиозных исканий сделался основателем одной секты; четвертый стал профессором ботаники, приверженцем витализма Бергсона и Джемса. Пятый пишет стихи о Прекрасной Даме. (Характер Блока.)

Судьбу нашего мальчика уже предрек Достоевский, он сказал, что, куда бы ни бегал такой мальчик, в конце концов он прибежит ко Христу. Почему так? Верно, потому, что самый исходный пункт его исканий есть утрата родного Бога, на место которого последовательно становятся на испытание все господствующие учения века.

Над черной бездной русской неволи павлиньим хвостом раскинулось искусство модернистов, декадентов, футуристов.

Недаром мальчик наш восстал в самом начале на гения, на личность (Христос есть высочайшая данная сознанию личность). Недаром он, будучи марксистом, вначале ожидал всемирной катастрофы. Быть может, это чувство конца и соблазнило его стать марксистом, а чувство конца света им воспринято от русской старухи, когда, указывая мальчику на хвост кометы, она говорила ему: «Вот начинается, скоро загорится земля».

Чувство конца и окружающей тебя мерзости и своей неудачи: быт России разлагается, семейная жизнь теряет всякий образ... На пустом месте становится идеал общего счастья и мыслимая близость с несчастными всех стран — пролетариями. Мать — универсальная формула человеческого счастья, отец — заговорщик и цареубийца, братья, сестры — вот они возле — такие же мальчики и девочки, готовые идти в тюрьму и на казнь, как на крест... Наш мальчик был готов на вольный крест, и вдруг случилось такое, как бывает у староверов: в старинной иконе с черным, страшным ликом Христа белый поп приписал третий пальчик — вся святыня рухнула. Так у нашего мальчика вся система рухнула, когда появились «ревизионисты»: не все верно у Маркса, вся революция, значит, обман...

Она встретилась ему как от века предназначенная, та лучшая, желанная, и стала единым образом красоты и добра, она единственная, Прекрасная Дама. И он стал единственный, не средний нищий марксист, а собственник единственного своего «Я» — он стал ницшеанец и больше не заключает себя в черную скорлупу, а раскрывает свои способности, ищет призвания: «Будем как солнце, забудем о Том, Кто нас влечет по пути золотому».

Метерлинк всколыхнул в нем инстинкты, ощущение прирожденного ему с детства, с колыбели; откопал он их, и земля родная вся зацвела ему в это время разнообразными цветами: не общая всем красная гвоздика в петличку, не каменная казарма с желтым забором, а душистый забор, анютины глазки, кудрявая мурава на большаке, можжевеловая изгородь, крытая соломой изба — родная, просветленная и любимая риза земли. Ницшеанец оброс родными скромными цветами и травами и вдруг узнал в своем боге-сверхчеловеке родного православного Бога — Христа. «Я — это Ты в моем сердце Единственный...»

Вот пример: Булгаков стал священником, Добролюбов — основателем секты, Семенов помазался на подвиг в Оптиной пустыни. Максим Горький преклонился перед народушкой. Никогда не было литературное мастерство на такой высоте, как в этот период эпохи... литераторов.

Короткое счастье скоро окончилось: на горизонте опять показался черный лик, крест общего дела, как виселица, и Прекрасная Дама Блока потускнела, померкла и стала блудницей.

Явился вопрос Слова и Дела. Слово — литература стало одно, дело — народа другое. Прекрасная Дама Блока стала блудницей, новый Пушкин — Валерий Брюсов — затерялся в романах падения Римской империи.

Вы спросите меня, какие же цветы выросли на литературной ниве в это декадентско-революционное время? Отвечаю: никаких. А сделано очень много: нива вспахана, теперь у нас есть литература.

Странствуя по Руси в это время, странную я вижу картину: высшая часть народа, цвет его, просвещенная интеллигенция (ибо есть и непросвещенная интеллигенция), задыхаясь в смраде русской жизни, ищет Бога, вопит: «Бога, Бога!» А вся многомиллионная масса народа земледельческой страны от Дуная до Алтая, от Амура до Днепра вопит: «Земли, земли!» И в то же самое время всем известно, что хлеба так много в России, что он вывозится за границу. Вывозится избыток хлеба при вопле «земли, земли!», и то же о Боге: нет страны, где бы столько было людей, живущих религиозным сознанием, нет народа, творящего столько религиозных сект, европейские религиозные писатели смотрят на Россию как на единственную хранительницу Бога: Россия в Европу и хлеб свой, и Бога своего... без преувеличения: вспомните, когда печаталась морально-религиозная повесть Толстого «Воскресение» в «Ниве», в то же самое время каждое слово ее при громадных издержках передавалось в Америку. Русская литература вся исканием Бога была, о Христе: Достоевский...

Что наш черноземный край, оскуделый центр, где на душу крестьянина, правда, приходится так мало земли, нет! — я был в Сибири среди необъятного простора, и там одинаково я слышал все тот же самый крик «земли, земли!» Что же это значит? А что народ наш рос, все ширясь, ширясь — настало время роста в глубину, но там, в глу-

бине, громадный слой, и на помощь народной сохе нужна машина, капитал, чтобы пробиться в более глубокие пласты. Народ, ширясь, привык к этому крику «земли!», а нужно ему кричать «капитала, капитала!» И «Бога»? О, конечно, и «Бога»! Будет капитал, будет и бог*.

Я это хорошо помню, как стрельнуло мне в сердце, когда однажды из своей бедной лачуги-квартиры на Малой Охте в далекий путь на ту сторону Невы, в Петербург, на заседание религиозно-философского общества я купил «Новое время» и прочитал в ней насмешливую статью жирного человека про этого интеллигента в рыбьем, подбитом ветром пальто, идущего с Охты пешком в рел.-фил. общ-во. Я очень хорошо помню, как издатель-немец моей первой книжки «В краю непуганых птиц», споря со мной о гонораре, сказал: «Россия — не Америка, где автор может пить шампанское, вы русский — довольствуйтесь малым». И вот такое получается положение: нет капитала — народ кричит: «земли!» Нет средств существования — интеллигент кричит: «Бога!» А буржуй-иностранец знает, где собака зарыта: нужно включить отсталую страну экстенсивной культуры (расширения) в систему интенсивную, чтоб человек русский не думал о широком просторе Божьей земли, а каждый копал, копал бы свою норку под землей через гранитный ее подпочвенный слой.

Я видел умного иностранца в Сибири, и он мне говорил, глядя на работу там крестьян-переселенцев: «Нет в мире народа, более неземледельческого, чем русский». Видел я иностранцев, которые говорили о русской интеллигенции, что в России образованный человек всегда не на своем месте и занимается в свободное время совершенно другим, чем его дело.

Так выходит на взгляд постороннего человека, что люди, ищущие Бога, не делают по своему призванию, а ищущие земли — не умеют пахать ее.

Цивилизация несет нам завет свой: люби и тем познай материальную вещь, как самого себя. Культура наша обра-

* с маленькой буквы. — *Примечание* М.М.Пришвина.

щена к человеку: люби ближнего, как самого себя. Цивилизация создавала до сих пор у нас кулака; привязанный к колу собственности, он ходит вокруг своего владения, повторяя завет: «познай вещь, как самого себя, и умри в вещах своих». Культура в России создает странника с его заветами: «ни града, ни веси не имам».

Так мы ставим вопрос: спутанный проволоками цивилизации мир Антихриста... наш кулак доходит до последней своей вещественности, а странник — до последней духовности (кулаки и странники: симбиоз — хлысты), и все разрешается революцией, которая хочет заключить дух в форму материальной коммуны. Как это должно разрешиться? Ответ: эта борьба разрешиться не может, так как противники равные, она может принять только универсальные размеры, захватив в себя весь мир. Русский вопрос сделается вопросом всего мира и даст нам возможность существования на земле только тем, что будет принят на плечи новых свежих масс.

И так в будущем наш русский кулак-мешочник сделается американским капиталистом, а странник града невидимого — каким-нибудь новым Ницше.

Светлый иностранец (Д. Мережковский).

Светлое озеро — Светлый иностранец. Простор художнику — поверье Христос и Антихрист: Розанов и Мережковский. Всемирно гениальный и самый образованный (говорящие штаны, не человек). Мереж. и рабочий: падаль. Сопротивление Христу, общее всему живому: любите врага, отдайте свою рубашку — и многое, особенно такое чувство, что если пойти за Христом, то нужно бросить все и как бы умереть, и раз я этого не могу, то нечего мне и говорить о Христе, ибо я его противник. Но я противник только сейчас, когда мне хочется жить, а как перестанет хотеться, и нужно будет умирать, то в смерти своей я признаю Христа; выходит, здесь тоже смерть, а жизнь против Христа — дело Антихриста. И живу я так всю жизнь с Антихристом, а в старости прихожу к Христу, и два бога у нас мирно уживаются в жизни: Христос и Антихрист. В нача-

ле этого века два мыслителя у нас в России восстали против этого: Мережковский и Розанов.

Мережковский это чувство соприкосновения Христу относит ко Христу церковному, Розанов против Христа церковного, но церковь (и старообр., и правосл., и котол.) понимает Христа неизбежно как часть: история проходит, Христос остается за оградой церковной. И вот этот Христос за оградой церковной верующему церковнику кажется Антихристом. В этом сопротивлении всего живого церковному, Христу — Антихриста, Мережковский разбирается.

Мережковский однажды сказал нам: ко Христу можно придти двумя путями — или через церковь, или через чувство красоты в культуре человечества; так, например, я пришел через греческую трагедию — в распятом Прометее и есть Христос! Но когда после изучения этих трагедий подходишь к Евангелию, то оно оказывается еще неизмеримо прекраснее, совершеннее этих трагедий.

Он еще говорил: с высоты сознания красоты этого Бога церковный обряд кажется понятным прекрасным символом, но только символом; конечно, я, пришедший к Христу из-за церковной ограды, не могу с такой же верой и чувством приложиться к плащанице, как рядовая церковная овечка, но в то же время я желал бы быть последней этой овечкой... — Как? — спросил я, — и забыть сознание личное? — Не забыть, — ответил он, — а сохранить в этой овечке, только это невозможно...

У камина я слышал, он однажды разговаривал с молодым студентом: — Д. С., — говорил студент, — правда, я вас так понимаю, вы хотите нам сказать о Рождестве светлого младенца Христа и призвать нас всех к молодому творчеству и возрождению в России, а церковь Христова — это старенький старичок, который помогает старым, нищим, убогим умирать спокойно, безболезненно, непостыдно, свято, мирно и безгрешно?

Мережк. просиял, услыхав, и ответил: — Да, Христово начало в нас — это, прежде всего, личное сознание в себе Бога, что я — богочеловек, но тут на один волосок от того,

чтобы сказать: «я — бог» и сделаться человекобогом, как социал-демократы.

Однажды Мер. говорил на одном собрании христ. секции рел.-фил. общ-ва о богочеловеке и человекобоге, вдруг один бывший среди публики рабочий положил ногу на стол, показывая всем на вид свой дырявый, грязный, истоптанный сапог.

— Что вы на это скажете? — спросил рабочий.

Мережковский в гневе закричал на него: «Падаль!»

Я хорошо понимаю, что сказанное слово «падаль» было как религиозно-философское понятие, т. е. что о смертной плоти-материи говорил рабочий, о том же, что спустя несколько лет говорил Керенскому солдат, отказываясь идти в бой: «Я умру в бою, мне ничего не достанется».

— Падаль! — сказал Мер. Рабочий понял эти слова в площадно-ругательном смысле и, сказав «сволочь», вышел из комнаты.

После, дома, он говорил со студентами:

— В Церкви есть Христос, но нет человека, а у этих (рабочих) есть человек — это их правда, но человек — самоцель, человекобог: человек без Бога есть падаль.

Мережк. обращается с проповедью Христа не к старому человеку, а к творческому юноше. В своей проповеди он истекает словами, как кровью.

Постигнуть истинную сущность Бога вне времени и пространства невозможно, мы ее постигаем постепенно в разные времена, разными народами. Только постижение это, ограниченное по существу своему, и есть способность считаться абсолютным на все времена и сроки: в этом состоит сущность сект и религиозных «войн»: мой больше твоего. И происходит от невозможности вместить в ограниченное (претензии, фанатизм, сектантство, самозванство).

Развить мотив: где скажут слово «Бог» — тут и начинается смута, спор, и драка даже; это потому, что мы утратили веру в целостное понимание Бога, но без этого быть нельзя, и каждый внутри себя несет свое понимание, [которое] сталкивается с пониманием другого. Остается, что-

бы вместе быть, — забыть употребление слова Бог, иначе пролетарий не соединится.

Мережковский живет в Петербурге, трудно представить себе его живущим в Москве и почти невозможно — в провинции. Этим городом Петербургом кончилась наша Россия, и отсюда можно было смотреть на нее со стороны Европейской. Мереж. смотрит на Россию из Петербурга; нам, русским, страшно важно знать, что есть такой вполне серьезный человек, вполне европейский, который пристально следит за тем, как мы живем, действуем. Он писатель для Европы о России, в которую влюблен: его читают в Европе гораздо больше, чем у нас. Мне рассказывали про Шаляпина, что во всех странах, в Италии, Швейцарии, Франции, даже Германии умеет он жить так же бесшабашно, благодаря своему положению, как в России, но когда он попал в Англию, вошел в салон мисс Грей и увидел, что все лорды при его входе встали, то он оробел. Шаляпин оробел! и после с большим уважением отзывался об Англии. У Мережковского есть такая же строгость и серьезность чисто европейская, перед которой робеет наше удальство.

Розанов, писатель русский, уж на что ни с кем не считается, даже с Мережковским, но втайне почитает его. Помню, однажды Розанов по одному поводу сослался в личной беседе мне на Мережковского. Я удивился: — Ну, так что же, что Мережковский? — Как что, — это образованнейший человек, это самый образованный в России человек. Верней, самый культурный человек, в понимании культуры как связи между людьми.

У Мережковского и есть такая миссия: он хочет связать нас тесно с Европой и подвести нас с нею под общего Бога: он рыцарь нашей Прекрасной Дамы. Я много раз встречался с Мережковским, видел его во всех положениях жизни обыденной, но все-таки затрудняюсь представить вам живую фигуру этого иностранца в России: он до того застегнут в европейские формы жизни культурного человека, что не сразу разглядишь, то ли он Дон-Кихот, то ли Бедный Рыцарь.

От всех наших несет бытом, и в двух словах [можно] изобразить каждого: Розанова, Горького, Шаляпина, Л. Андреева, все это наши коренные русаки, но Мережковский совершенно неуловим с этой стороны и уж никак не дается, чтобы похлопать его по плечу. Точно в определенный час между завтраком и обедом вы можете встретить этого небольшого роста брюнета, гуляющего размеренной походкой в Летнем саду. Розанов как-то увидел его таким гуляющим, покачал головой и сказал: «У нас так не ходят, иностранец какой-то...»; европейский рабочий человек, все рассчитано время, и зря зайти к нему нельзя: положенный день, положенный час приема для посетителей, для знакомых, особенный для друзей. Перешагнув порог квартиры Мережковского, прощайся с жизнью: тут нет детей, и, мало того, чувствуешь, что и не может их быть. Жена Мережковского, известная поэтесса Зинаида Гиппиус, всем своим существом исключает представление о деторождении — все, что угодно: Белая дьяволица или хлыстовская богородица, духовная жена, Звезда, Прекрасная Дама — только не женщина, рождающая живых детенышей, мало того: полярно противоположная жене, рождающей в муках и болезнях детей.

Как в церкви, где одни должны стоять неподвижно, время от времени даже на коленях, и отвешивать поклоны, касаясь лбом пола, [а] другие в это время стоят на клиросе и поют ангельские песни, так Мережковский и Гиппиус — это вечные, до гробовой доски, певчие. Переходя через порог их квартиры, вы как будто переходите из коленопреклоненной потной, смрадной толпы на клирос и там имеете дело только с нотами. Я не могу сказать даже — с псалмами, а именно с нотами. Оговариваюсь про Гиппиус: ее мистические стихотворения, похожие на стихи хлыстов-сектантов, — высокосовершенная поэзия. Но сам Мережковский в существе своем занят не самой поэзией, [не] что петь, а как и по каким нотам. Это регент в том высоком смысле, как я сказал, наш учитель по искусству, но сомневаюсь, очень сомневаюсь в чисто поэтических истоках его стихотворного и эпического мастерства.

И при всем том это исключительное положение на клиросе, вполне естественное, предопределенное; у гениального, молящегося в толпе, не должно шевелиться никогда вопроса: «Почему я, быть может, в сто раз гениальней Мережковского, всю жизнь пресмыкаюсь в этой толпе, за гроши размениваю свою гениальную творческую душу, а ведь он никогда, никогда не знает материальной нужды и, предвечно устроенный, чистый, стоит на клиросе?» Такого вопроса не поднимается никогда, потому что он, бесспорно, правильно при рождении своем освобожден от всеобщей нашей хлебо-воинской повинности.

Розанов в своей книге «Люди лунного света» дает нам прямо анатомию психики таких людей: есть люди, выделенные природой из общего языческого мира, где едят, размножаются и дерутся из-за еды, — это «люди лунного света», христиане, псалмопевцы. Не будь у Мережковского никаких средств к жизни, ну, он занял бы положение опять такое, что этот языческий, материальный, грубый способ борьбы за существование бил бы его только по телу, но не по душе: душа этих людей имеет прямое отношение к слову.

Мережковский — бедный рыцарь, живущий в условиях генерала от литературы, рыцарь, попадающий в смешное положение дон-кихотское, когда он хочет сделаться генералом от революции.

Обратимся теперь к самой песне этого трубадура XX века: она в начале века известна, это песня одна и та же, про Христа и Антихриста. Давайте переведем ее — эти ноты — со славянского на обыкновенный язык нашего бедного прихода.

В церковной ограде мы видим Божье стадо, пасомое пастырем — Христом; тут, в конце концов, личность одна — Христос-пастырь, каждый из индивидуумов этого стада имеет ту же самую личность в себе — Христа, а его индивидуальность есть оболочка материальная, которая, в конце концов, должна разбиться и обнаружить зерно заключенного в ней Богочеловека.

За церковной оградой находится индивидуальность, живет вовсе не для того, чтобы лопнуть и обнажить в себе божественную личность, а живет сама для себя, сама по себе — язычески материальное обособленное существование. Это ничего не значит, что огромная масса «пролетариев всех стран» соединяются: они соединяются не в единую духовную личность, как в ограде церковной, а в союз индивидуумов, защищающих свое материальное земное бытие, человеческое существование на земле человекобогов. Дело коммуны в ограде церковной заключается в подражании одной высокой личности Христа. Дело коммуны за оградой церковной состоит в создании равных материальных условий для всех: думай, как хочешь, молись, как хочешь, но живи, как все. Одна коммуна заботится о совершенствовании существ, заключенных в земной оболочке, другая — о самом доме, в котором живет это существо. Одна — о духе, другая — о материи. Масса материально соединенных людей — одно, и масса, воплощенная в один индивидуум (Наполеон) — другое, все это вырывает из-под земли зловещий пламень вулканов революции.

Мережковский хочет объединить правду человекобога, живущего за оградой церковной, и правду Богочеловека в ограде Церкви. Для этого нужно освятить материю (святая плоть): «я (личность) и Отец (материя, плоть) — одно».

Хлеб Мережковского — его романы, его исторические анекдоты.

Вся эта христианская философия — игольное ушко, через которое нужно провести верблюда в Царство Небесное, богатого верблюда, у которого в одном горбу дух, в другом плоть, и который страдает от этой разделенности и от своего уродства в этой разделенности. Но ведь не все же родятся богатыми двугорбыми или одногорбыми верблюдами, есть множество существ, которым ворота Царства открыты настежь, но они падают от голода, не доходя двух шагов: их нужно только накормить. И какая будет польза, если я приду к такому, падающему от голода и бу-

ду рассказывать об игольном ушке для горбатого верблюда, — ведь это будет в лучшем случае сражение Дон-Кихота с ветряными мельницами («Падаль»).

И вот еще вопрос: нужен ли Иван-царевич, как и Алеша Карамазов с тончайшей христианской психикой, обнимающей землю: ведь такой уже прошел в ворота и там, уже по ту сторону врат, обнимает райскую землю, а тут перед воротами великой массой в грязи под осенним дождем столпился народ и никак не может попасть, — не потому, что недостоин, а [потому] что невозможно всем зараз пройти в ворота, и каждый хочет захватить себе место раньше другого: тут драка, безобразие.

И зачем тут святой, когда каждый почти достоин Царства Небесного, и каждый имеет билет на вход, а не хватает только порядка? А может быть, нужен обыкновенный блюститель порядка, почтенный внушительный полисмен, чтобы вся эта безгрешная масса перевалила в Царство?

Узнают ли только они, перевалив за ограду Царства, желанную землю, не будут ли вести себя по-свински и не загадят ли Божественный сад? Ведь как ломятся туда с единым вопросом о хлебе насущном, и, наевшись, вспомнят ли свою первоначальную душу?

— Почему же не узнают: как еще узнают, да ведь она... нет, весь тут вопрос хлебный в порядке: не по существу, а в порядке. Значит, вопрос о хлебе сводится к вопросу о порядке. И тут опять вопрос: добровольно ли они подчиняются или силе. Если добровольно, то это бесполезно, потому что каждый должен проделать путь греха, а если силе, то на что же это похоже (на старинку?).

Итак, вопрос о хлебе сводится к вопросу о порядке и законе, и мы приходим к необходимости государства как организации порядка входа в Царство небесно-земное, которое, может быть, есть на земле, возле самого нашего носа.

Не бойтесь мудрецов, ибо всякий мудрец имеет достаточно простоты, и ваше дело только разглядеть, в чем его простота.

Рабочее движение несет нам новый порядок, новый закон и новое государство, и сила его в том, что оно ...

Когда лишился всего, как хорошо, как свободно!

Разбить индивидуальность и выпустить пленную личность. Мережковский — Светлый иностранец — общественность (революция), созданная на религии.

Сапог рабочего и футуриста, они говорят: «ощупай материю», зовут в чан, в материю, в безликое.

Рабочий хочет только того, чтобы все были одинаково в свинье. Зов бездны: тянет в пропасть, в безликое, в материю (мужика в свинью).

Задача социалиста: разбить индивидуальность и освободить от нее личность, общую всему миру личность «человека» — Христа (у христианина), Пролетария (у социалистов).

Раньше было целостное чувство народа — пусть славянофильство неправильно, но оно система, пусть народничество — выдумка интеллигенции, но оно дает программу дела злобы дня даже для фельдшерицы в земском углу Тмутаракани. И вдруг ничего: литература живет для себя...

Не до песен — нужно дело. Поэт бросается в чан, в бессловесное, где мы его потом видим уже не поэтом, а, по выражению Мережковского, живым мертвецом. Искушающий броситься в чан не сдерживает своего обещания, поэт воскресает не как поэт, а как сектант, лжепророк, самозванец.

[В чану] поэт, приняв на себя страдание, погибает как художник, и остается только человек, и красота через него не становится нашей, доброй, ручной. Не знаю, как это назвать — чан, пропасть, или пасть, поглощающая художника... На одной стороне пасть религии страдания, на другой эстетизм бесплодный, беспочвенный (группа «Аполлон»). Третий выход: приспособление художника к новой социальной демократической религии (напр., Горький: назвался груздем — полезай в кузов: не полезли, а живут

хорошо, и дворец искусств — министерство изящных искусств). См. 1918-1919. С.336.

Я был свидетелем героической попытки художника отстаивать свою личность и не броситься в чан: литература последнего десятилетия вся состоит из памятников этого усилия... [ищут] сокровища недр своего народа: есть поэт Алексей Ремизов, который в защиту своей русской народной личности вызывает все тени нашей истории с фольклором, этнографией. Пришвин — живое восприятие русских медвежьих углов, Сергей Городецкий — славянское язычество, Клюев — хлыстовская поэзия. Все эти писатели говорят: — Мы сами народ в своей личности (как Пушкин). — И им отвечают другие: — Подите в настоящий народ, и вы себе шею сломите.

Петербург был умственным центром всей России, сюда были проведены все кабели огромной империи, и здесь... кабель разорвался, сверкая всеми искрами. Религиозно-философское общество собрало сюда весь цвет, здесь мрачная жизнь русская открывается, и мы входим в теплицу с цветами среди зимы десятилетия мрачной реакции от 1905 г.

Рел.-фил. общество — мастерская, где выделывались крылья поэтов. Крылья поэзии последнего времени все более или менее искусственны: Ремизов делает себя из археологии, Клюев — из хлыстовства, Бальмонт — из всего возможного. А. Белый — из оккультизма. Брюсов — из Пушкина. Выход: коммуна — крест народа, и дальше не нужно мастерской для крыльев: радость жизни и радость песни: сфинкс исчез.

Рел.-фил. общ. в Петербурге не имело ничего общего с московским Соловьевским.

Мужики кричали: «Земли, земли!» Интеллигент кричал: «Бога, Бога!»

Труд по призванию — охота, не труд. Собственник — охотник. Идея рабочего — быть всем собственниками.

Земные врата в Царство Божие, через которые можно пройти только поодиночке. Есть ли ворота общие, чтобы всем сразу, — откройте же ворота!

Индивидуальность — билет на право разового входа через мнимые ворота в Царство Небесное без передачи другому.

Дырочка в Царство все-таки одна, и секрет Спасителя общества — разместить всех в порядке в очередь.

«Я согласен, что всем есть место в Ц. Небесном, если хотите, в Земном, только вход туда по порядку, по очереди, нельзя туда войти всем сразу. Потом создается общественный строй, т. е. хвост в Ц. Небесное, охраняемый попами и жандармами: — Не лезь, дурак! — кричит жандарм. — Терпенье, терпенье, — уговаривает батюшка, — не торопитесь, все там будем.»

Так было, и вдруг Красная армия повернула фронт в Царство Небесное.

Литература раньше пережила революцию: декадентство, футуризм и есть революция. Футурист огромным булыжником кидает в Толстого и кричит: чебулдыр!

Вопрос: какие знамения времени были в художественной литературе в последнее десятилетие перед падением Российской Империи? Я готовлю вам не ответ, это не по моим силам, а приношу вам раздумье свидетеля и участника.

Мне представляется чан кипящий, клокочущий, то рука покажется, то портянки, то нога, то голова. На краю чана стоит поэт и спрашивает показавшуюся в чане голову: — Что мне делать? — Голова отвечает: — Бросься в чан, и будешь народом. — Поэт говорит: — Я погибну. — Голова: — Ты умрешь как поэт и воскреснешь вождем народа. — Поэт не бросается в чан и продолжает петь, как соловей на березе подрезанной и готовой упасть.

Может быть, со времен Пушкина вся наша последующая литература за немногими исключениями была песней на краю кипящего чана, песней соловья на подрезанной березе. Вспомните, как Лев Толстой отказывается от своей художественной песни, называя ее болтовней, и бросается в этот кипящий чан...

Литература, искусство — это лицо народа. Так вот с каких времен начинается «саботаж» интеллигенции. Лите-

ратор должен умереть был и потом воскреснуть вместе с тем классом, который составлял тот чан общества.

Мережковский: «Вы падаль!» (т. е. умрете) — и было в этом что-то удивительно благородное, в этом серьезном крике, философски принципиальное, будто в ответ на «мать!» кричит философское «падаль!»

Философов засмеялся, а Мережковский ему (бледный): — Ты смеешься, а это страшно.

ХРУЩЕВО

1909

22 Февраля. <Хрущево> Возвратился из поездки в Петербург-Москву (неделя). Издание журнала. Продажа «града». Второй том в «Знании». Картина Иванова (Христос). Гамлет: Садко. Наталия Васильевна. Кютнеры. Манасеина и актрисы. Гершензон.

20 Марта. У Коновалова. Илья Ник. Чтение стихов Наташи... Вечер с мрачной барыней... моей поклонницей... Неудачный анекдот Ильи Ник. И вообще весь он какой-то сухой... известно это все... неинтересны они для меня...

Вечером на вокзале... Второй класс битком! В первый класс пожалуйте, первого классу мало. Еду один в первом классе.

21 Марта. Родные поля... Вглядываюсь в пейзаж... Изучаю... Хочу смотреть на все это, как свалившийся с неба, sub specie aeternitatis*...

Дубовая рощица вся желтая с прошлогодними листами, в ней проталинки.

Дорога по полю... то черное на белом, то белое на черном... Должно быть, просевов много... Две бабы провалились и упали... Едва поднялись ...

Насыпь с [горизонта] тянется, закрывает пейзаж... Поломанная заносами изгородь... День серый, туман, [грязный] снег...

* sub specie aeternitatis... (*лат.*) — с точки зрения вечности.

В родных местах.

23 Марта. От Петербурга до Хрущева. 19 марта вхожу в спальное купе третьего класса. Инженер маленький с красным носом мучается около огромного тюка... Не может справиться с ним, кричит кондуктору: — На попа! на попа! — Кондуктор ставит на попа, но и так тюк занимает половину лавки. Входит дама, старая дева: — Мужчины! мне дали билет с мужчинами, какое безобразие! — Ушла. Входит плотный господин с широким лицом, с прекрасными русыми волосами, в кожаных перчатках... Что в нем неприятное?.. Не слишком ли крупные черты лица? Или, быть может, мужественные черты лица при мягких глазах... Веселость какая-то... Но сразу виден художник... Где-то я его встречал... Садится он возле «попа». Инженер вскакивает, кричит: — Нет, нет, я имею законное право спать — здесь спальный вагон! — Но я же не оспариваю ваше право, — улыбается поэт. — Да, да, да, — не слушает инженер, — и я имею полное законное право... [Спите] пожалуйста!

Мы вместе с поэтом поднимаем громадного «попа». Инженер благодушествует.

Заводим речь с поэтом о Петербурге. Он бранит религиозно-философские собрания и Мережковского... Как все бранят. Говорит: Бог должен являться в молчании и т. д.

Пейзаж в окне: черные косяки леса у снега, ручьи и канавы, логи. Какая-то широкая черная полоска с синей полосой на горизонте. Петербургское болото? Много куч навоза. Мелкие деревья. Черные домики. Березки так и летят. Сколько ни бродил на Севере, а все-таки он так и остается для меня холодной чужой стороной.

Вечереет... Появляются солидные рощицы. На полустанке старик зажигает лампу и освещает ею клюквенный квас. Какой-то старик подходит, пьет кружку кваса и уходит куда-то по грязной дороге... Еще тут начальник в красной фуражке и два оборвыша у забора...

Мы разговариваем с поэтом.

— Почему нам не назвать свои фамилии, — говорит он. — Я Волошин.

— Я Пришвин, — говорю я. Я называю свои рассказы.

— Да, да, да, — говорит он, — я их видел в «Русской мысли» и у Венгеровой.

— Я о вас, наверно, слышал, — говорит он, — наверно, слышал.

Из любезности?

Говорим о хлыстах. Инженер ввязывается. Не помню, как я перевожу разговор с религии на землю. Инженер начинает ругать революцию: стало хуже, ничего не сделали и т. д.

— А закон 9-го ноября, — говорю я.

— Закон прекрасный, — отвечает он и принимается мне рассказывать, как необходима частная собственность, сколько зла сделала община: овраги, чересполосица и прочее.

От его слов получается впечатление, будто русского человека необходимо посадить в какие-то тиски маленького клочка земли, выучить и вышколить на нем... Что-то безнадежно тусклое и страшное в этом насильном закрепощении человека, в этой школе. Я говорю о том, как охраняют общину в Германии, о том, сколько связано с землей и других сложнейших вопросов жизни. На все это у инженера ответ один: очевидная несуразица общины. *<2 нрзб.>* и в доказательство рассказывает о воде, о пользовании водой.

Выхожу из купе. Волошин просит меня на площадку поговорить.

— Какой, — начинает он, — это был у вас чуждый меня разговор о земле. Я так отстал от русской жизни... Я десять лет жил в Париже. Я хотел бы только вам сказать о воде... Какой типичный пример. Славяне не умеют пользоваться водой, ценить ее... Это молодая земля... Тут не умеют ценить... Только вот весной еще и знаешь шум воды...

Мы глядим в окно. Какая ночь! Луна... Темные леса на буграх, в белом черное... И чувствуешь, как тает ночью снег...

— А как там умеют ее ценить, воду на старой земле... Я бродил в Средней Азии с караванами в пустыне. Там маленький фонтан, из него бьет тоненькая струйка воды, но

сколько любви тут около фонтана... Каждая капля звучит особенно...

— А вот, — рассказываю я, — на Севере, там, где я бродил, столько водопадов, рек. — Я рассказываю о полуночном солнце... о таинствах северной пустыни...

— Есть две пустыни, — говорит он. — Та пустыня ждет слова, молодая пустыня... А другая... на ней уже все изжито... людей нет... вся она, эта земля, каждая частица пропитана человеком... а звезды там близкие... пустыня как на ладони поднимает... тут я первый раз понял, что есть нечто большее Европы...

В этом лунном пейзаже было что-то таинственное, что-то отвечающее нашему разговору.

— Вот, — говорю я, — где-то Бальмонт говорит об этом пейзаже русском.

Он сейчас же прочитал стихотворение...

Россия... Ей нужно... просветление... аполлоническое просветление. Недаром же над гробницею Диониса стоит Аполлон. Счастье должно быть дано человеку, он должен все делать с ощущением счастья.

Мы что-то еще долго говорили о таком. Я больше слушал. Не то зависть, не то горечь поднималась у меня со дна души... Та земля... изжитая... культурная... будь то Эллада или пустыня, дразнили меня своей вечной законченностью... и эта моя пустыня, другая пустыня, простой случайностью... мимолетностью... <*приписка:* детская игрушка>... то, чего этот поэт коснется, может быть, лишь случайным стихом... у него в руках вечная игрушка, о которой я мечтал с детства, у меня игрушка, которая вот-вот сломается... И так завидно, что он ее имеет, что он ею играет... И в то же время как-то смешно: наша земля с землеустройством, с мужиками — и это аполлоническое просветление... шоколад и угощает меня...

И шоколад, и аполлоническое просветление, и сам он какой-то солидный, полный, с широким лицом, с бородой, похожий на помещика и с речами ребенка или женщины... сам он несет какое-то удивительное противоречие двух пустынь...

И интересно, и тяжело... Разговорились о Бальмонте. Вот как он его характеризует: умный, вечно с книжками, ботаника и пр., оттого в его стихах часто естественная история; ребенок... пишет и опьяняется, и это опьянение усиливается, когда он кончает... неиспользованные силы влекут его на улицу... он бродит, часто благодетельствует от переполненного любовью сердца... пьет... безобразничает... попадает в участок... оттого такие различные мнения и слухи о Бальмонте... В домашней жизни он однообразен до точности часов... все это опьянение повторяется [каждый раз], начинается оно тем, что он хочет свету больше... увеличивает пламя ламп, и они начинают коптить...

Утром мы пили вместе кофе. Он прочел мне три своих стихотворения о пустыне (культурной), о звездах, о Распятом...

Хорошо... Но я далек... Я так и говорю: я далек... это хорошо, но я далек...

— Прочтите что-нибудь свое, — просит он.

Я... вот дикость! — прочел ему о том, как перешептывается северная ночь с южной... Конечно, он похвалил! Он еще раньше меня похвалил, когда прочел «Согласие Д. И.»

— Я, — говорит, — читал Короленко. Как далеко теперь ушли...

Так прошел день 1-й первый путешествия по земле и начался второй день.

Милославское... Возвышенная площадка. Группа неподвижная в ракитах. Начальник станции — руки в карманах... Скоро?.. Помощник — руки назад, ходит взад и вперед... Сзади телеграфист — руки тоже в карманах. Фигура в поддевке забрызганной... обветренное лицо, обжитое лицо, испытанное, с седой бородкой. Сбоку люди в полушубках и сверх их армяки... но руки у него по-прежнему сложены назади... Задумчивая корова... Петух бродит.

Скоро? Сичас... Динь! Свисть... «Стой!» — кричит начальник, со всего маху смешно бежит в дом. Что-то забыл. Все смеются. Возвращается с какой-то бумагой. Помощник идет отдавать окончательный приказ об отходе поезда.

11 Зак 4404

Полустанок Гротовский. Сидит человек на лавочке в меховой шапке, в тяжелых рукавицах. И время от времени вытирает ими нос. Сидит и сидит... Лестница, забытая у телеграфного столба. Закопченная лампа фонаря.

Березовая рощица... Спрятанная жизнь в ней...

В общем картина: сбоку степь без жителей... Сверху логи и в них прячутся в серых мелких березках... как между холстами белыми... ручей... ветлы... подробности... пейзаж — это миг в подробностях... в разглядывании... скромно выглядывает из березовой рощицы церковь... Синеют проталины вдали... Усадьба, обсаженная ветлами. Они как неизменные кроткие сторожа. Вспоминается усадьба покинутая, окна забиты, перед заросшей бурьяном клумбой сидит заяц... Зловещий маленький ручеек на дне оврага... края черные... разольётся... затопит... дубняк на склонах... Дым не дает смотреть.

Троекурово. Висит на раките ситцевое одеяло из разноцветных уголков. Начальник станции. Светло от весеннего солнца. Глаза слепнут. Медленно поворачивает крыло ветряной мельницы. Земля пегая, белыми, черными пятнами. Баба с красным флагом... Земля! Живут на ней... Изжили ее?.. Нет... Чувствуется, что нет... а смотреть, будто изжили. Опять вспоминается «аполлоническое просветление» и петербургские собрания. Смерть! — было последнее слово, которое я слышал. Смерть! — на разные лады повторяли все. У дверей клуба А.А. Мейер сказал мне, прощаясь... играют, но ведь смерть...

А мне это так... не мое... никто не станет называть смерть раньше времени... И сколько тут головного... Целая теория смерти.

Лепаново. Это потянуло на меня теплое пахучее... непосредственная близость с грязными овечьими шкурами... толкают... прут... Я угадываю внешний мир лишь как отражение неприятное в себе... Забыл про Шатилова... Октябрист с кроткими смирными глазами... на все вопросы отвечает: у нас в Лебедянск. уезде и т. п... Признает за законом 17 окт. огромное значение.

Примеры: полосы в две версты, в сажень ширины. Помещику теперь хорошо: цены на землю 300 руб., цены на рабочие руки невысокие... доходность увеличилась. Тип провинциального октябриста...

Коротнев... Был холоден со мной... Я думаю, почему это? А вот почему: он очень пахуч... и чувствует, что я не так пахну... Враль... Как он бросился ко мне, когда увидел собаку, принялся щупать ее... Как он спросил о спаривании, едва догадался.

Контролер Алексей Коротнев общий любимец в Лебедяни, возит из Москвы свежие огурцы в подарок, а главную популярность создали ему «зайцы».

Лебедянь... Страшная грязь... И такой мир... Так невинно стоит острог на берегу Дона между двумя деревнями... Ведьмины ветки на березах и [стаи] грачей... Тяпкина гора... Попик так, словно [плывет], по той стороне из оврага в овраг, из лога в лог, между маленькими домиками, мимо усадьбы, разрушенной теперь, и синей сапожной вывеской, мимо женщины на пороге в калошах и с папироской в зубах... На заборе разбитый горшок и чулок... выше и выше попик... Сколько мещанства в этом маленьком городке!

Вербный туманный весенний день...

У Саши. То же самое... Вечер с выходящим...<*2 нрзб.*> один из играющих выходит для разговора со мной...

Рассказы Фонтина: ваш читатель... Романово — [родовая] вотчина Филар. Никит. Книга Екатерины... Помещик Штейн... Сын его и брат ушли в Соловецкий монастырь с гитарой, по пути собирали деньги... Сочиняет стихи мгновенно за картами и повторяет их: например, «Фаина ждет к себе Фонтина»... Или: «Говорить и божиться без свидетелей можно. А на бумаге писать невозможно».

Все слуги: Абрамка. А другие кричат: Епифанка... больше никаких? — без никаких. Психология этого...

По пути в Талицу Илья Волуйский... Безобразный разговор с ним и Юлией... У нее черные ресницы над зелеными глазами... У него: глаза маленькие, красные... не дает говорить... виселицы... примеры ужасные... его ужас... похож на сухой пустынный татарник и где-то назади за

нами... Пушкина ненавидит... Аполлона их [разобью], настоящее дайте... похабные слова при барышне... бравада ими... «Русское богатство»... Лунные сонеты... ругань Сологуба... неинтересные и какие-то страшные примеры... Савонарола.

От Талицы до Хрущева...

Две подводы. Далдонов сын Михайло и Глеб. Дорога плохая? — Никуды. Лошадей угрели. Прикоротится. Ветрово. Зима без ухабов (снегу много).

Вербная. Сугробы раскиселели. Хлестнешь, и лошадь разогрелась. Добре. Уж дорога! И не сгонишь. Бугор на припаре и грязь. А дальше в поле снег и глубь. Воды большой нет. Может, и сами сгондобим. Я утопить боюсь. Через Ивановку поедем рубежом. Осенью хоть бы дожжик! Заморозило и шабаш. Выдачку ждали и не дождались. Выбрались на холм. Внизу длинные деревни... железнодорожная станция... рельсы, мост, церковь, направо Поповка [уходит] обрывами, налево Микулино и Кулешовка... Земля втоптана... показывает на межу, полную воды: ручьи не бегут. Поселились книзу... она (деревня) пошла селиться к Мореву... Картавый... Красные крыши из деревни и все серое и белое и черное.

Хрущево.

Новые обои. Комнаты светлее и шире. Лидины именины днем раньше. Батюшка вечером.

Я: государство хочет общину...

Он: государство заблуждается...

Спор об общине. Съездить в Суходол.

23 Марта. Утро. Мар. Ив. присаживается чай пить. Пирог раскатамши. Весна ранняя? Какая весна... 3° мороза. Ранняя: неделю до Благовещения не доездят... А может, выпадет дождь, и пойдет, и пойдет.

С Пасхой рано взгомозились... Под гнет творог оттянуть.

Весна какая-то неприятная, нет красных дней. Огурцы по четвертому листу... Что-о ты! Редиска давно...

Рассказы мамы. Это такую штуку сотворили... Прежде всего предварительно расскажу. Она жалится на Сашу, а я

говорю ей: между мужем и женой не должно быть посредника... Искренность...

Это я ей все в своей спальне прочитала... Саша около печки стоит, молчит. Я ему говорю: — Саша, ведь мне известно, что между вами черная кошка пробежала. Мне грустно. Его взорвало... Почему кричите вы все на меня, вы мою жизнь не знаете...

Очень важно: сближение с мамой... Уезжаю к ним. Она трах! уезжает в Москву... Вижу, а будто не знаю... Сцена с сюртуком... Уговорила спросить Сашу о сюртуке. И он уже, видимо, согласен и отвечает ей обыкновенным голосом... (Осталась бы... и все.) А она трах! меня провожать... Я холодна с ней... От женщины зависит устройство жизни: все хитрости, все мелочи жизни. А она как кошка (хуже) стала. Что только ни делала... Когда печи перекладывать (в больнице), возьми детей... Проходит неделя, проходит две, проходит три. Я еду к ним. Туча страшная! Смотрю: тележник, Мар. Ник. едет, и с ней двое детей... Меня это поразило... Что-нибудь есть... Уговорила вернуться... туча. Она при ямщике и при няньке трахнула. Я молчу этот день... Дуничку вводить. На какой почве... Прислуги... Она (М. Н.) всегда подлая была насчет этого. Что за история! Она говорит: это вы на какой почве... Он не любит, что она служит... Торчат друг перед другом, даже физически надо... в спальне, их служба — все вместе даже физически... Наумов говорит о месте. Она пишет прошение. Саша уезжает. Ночь страшная. Чуть не подрались, так люди говорят... Он пишет отказ. После этой бурной ночи она разрывает конверт, вкладывает прошение и своей рукой пишет адрес. Какие дуры ведь! Приехала ко мне с детьми. Я с ней холодна... Я мать ему... Живут неделю, живут две, живут три... хилеет... Саша приехал — на детей не смотрит. Когда она вышла, осмотрел А. как доктор. Еду в Лебедянь. Вы, говорю, как хотите, а жертвой может ребенок быть. Расходиться — так расходитесь, а сходиться,—так сходитесь. Нет, кричит Саша, после того, после ее мерзости... а за барышней (новая акушерка в больнице) он начинает ухаживать. За ней можно ухаживать: веселая, бедовая, молоденькая. Детей нужно оформить, но я не замечаю у

нее любви к детям. Да что, говорит Саша, уж мы год с ней не живем.

Я молчу. Она живет у меня. Приезжает Саша на беговых дрожечках — чтобы не увязалась. К А. не подходит при ней. Был ласков с Верочкой. Я говорю: что-нибудь делайте. Коля приехал. Лидя едет туда. Оба «под шафе» и ушли гулять с барышней...

М. Н. приехала. На первых порах... <*3 нрзб.*> шпильки... Она тут сделала из-за шпильки. Саша вызов делает... гуляет мимо ее окон с барышней. Так с месяц.

Вдруг... пишет Лиде письмо, просит 40 р. в Москву. Едет. И в театры ходит, и все. Саша болел, она приезжает и уезжает на место (Саша устроил).

Я ему говорю: деньги я тебе не советую ей давать авансом, и положить надо для девочки. За барышней он продолжает ухаживать... Она подсматривает. Вечером Саша всегда видит две головы в окне: ее и Аркадихи (жена фельдшера). Все известно... не тайна... поговорю с Ксенией. (Духовное завещание. Ксения. Три тысячи. <*Приписка:* злодюга>). Вера удручающее — была капризная девочка, а стала тихая, тихая.

Саша такой недвига. Я ему: я говорила со специалистами (Ксения)... но как же с деньгами... останется с деньгами, а без образования? Раздумал брать. Замечать стали, что он от ребенка уклоняться стал... Стала бонну искать: человека более или менее... Саша кричит: прекращу свидания, это раздражает девочку. Начинаем поиски — за бонной... Чистота у Саши и порядок, так что лучше прежнего. Приходим к убеждению взять бонну. Говорю: вмешиваться в ваше дело прекращаю.

Именины в Лебедяни. Сходятся все. Открывается место врача городового.

Объяснение с Сашей (оба плакали и кричали, и Саша: лучше с прежней сойдусь... но только очень она безобразна).

Саша выпивши и фельдшерица на душе (не было фельдшерицы). Приглашаем ее приехать. Приезжаю я, и можешь себе представить, что узнаю. Дверь заперта... В щелку... На одной кровати. Я видела все... до всего до-

шли... Супружество возобновилось. Кончилось молчание. Начались медовые дни (молчание и худеет).

У Ксении Николаевны никогда ничего не бывает неожиданного, все рассчитано. Чтобы не платить пошлины на завещание, не делает его и хочет сделать в последнюю минуту, потому очень боится удара (единственный страх). Конверты старые выворачивает и опять посылает, а половины почтовых листов отрывает и прячет.

Пробовал добраться до леса. Не добрался. Зима. Существенные признаки весны: куры под балконом. Собака в снегу, только уши и хвост видны. Соски у ней набухли и красные...

Третий [день] горит!.. Что завтра, не поехать ли в город? Щиты закрыть. Сама не знаю: до четверга что ли отложить (ходит по комнатам и глядит в окна)... А там: голубые тени от белых бугров на плотине... грач дремлет на рубеже. На желтых ометах три черных грача. Топят баню в саду, не топят, а протапливают.

Пошли мне Ивана Егорова... (С приезду: Новостей! Колоссальная новость!) Саша — демон.

24 Марта. 3° мороза. Вчера вечером была Люб. Алекс. Белый снег в саду. Она едет вечно и вечно устраивает... Мрак... брачная жизнь... Дом с зайцем... Приехала, привезла калачей и рыбу. Школа Амвросия. Монах есть сухой кол, вокруг которого вьется хмель...

Рассказ мамы... Была нежная, чувствительная... родственница [писателю] Тургеневу (Лутовиново)... Ладыженский офицер, дворянин. Хотела счастье сделать. Раз увидала ребенка на дороге, бросилась: вот мое счастье. Но он был мертвый. Стала подушки носить... не всегда аккуратно, когда потолще, когда потоньше. В Оптиной ей дали ребенка... Двуличие Амвросия... Обманули. Ребенок умер. Школа Амвросия: ложь нужна...

М.Л. Хрущева: любила артистов, певцов, полюбила Амвросия как Бога... Интеллигенция Шамординская, эти люди равнодушно переводят глазами по полям, а там проталины, грачи голодные возвратившиеся... Люди, похожие

на птиц... Так щур сидит в красный весенний день на раките... Удивительно невинное выражение... Бездейственное... Посмотрит в одну — ничего... покажется грач... может быть, подумает: голодный... ищет... глядит в другую — там ничего... Ничего так ничего, и опять глядит: и там на горизонте торчит шпиль и крест. И так водит глазами то вверх, то вниз и все по плоскости.

В сущности это птицы... Но мелькают еще и хитрые испытанные глазки... Нельзя по-птичьи жить и как-то хитро и скверно приспособляться...

Вижу, как неуклонно со дня на день стремлюсь к выражению характера своей матери: та же основная струна характера: спешить вечно, необычайно спешить, торопиться и вечно чувствовать, что не успеешь — куда? — и винить ближних людей, что они за тобой не успевают.

Сны — черта первая. У меня не так, как у людей, — черта вторая. Третья черта, что как хорошо на стороне увидеть нового человека — вышел в новое место, и как ничего за тобой не было. В результате: на стороне видеть прекрасного человека, дома видеть тирана и деспота, мелочного скупого мещанина. И еще черта — испуг самого себя: когда дошел до безобразия, унизил, оскорбил ближнего до [смерти], вывернул его нутро (вызывание из другого зла, дьявола) — вдруг оглянулся на себя, испугался, старается как-нибудь загладить. Создается другому невыносимо трудное положение: смертельно оскорбленный, готовый к мщению — и вдруг оттуда как из рога изобилия [полилось] благоволение... Еще черта: любовь к сильному, ненависть к слабому: может, поэтому и ковыряет другого, чтобы вызвать его на бой, на бурю — ну, вызвал — бой! и вдруг: т. е. когда [пришло] отвращение к самому себе и возвеличение другого: я разбитый, я стал слабый, другой стал сильный, я теперь вижу его величие, и я преклоняюсь. Как будто вся суть была для того, чтобы только создать себе сильного, самому стать слабым — какое-то необходимое ограничение в буре, в катастрофе... поставить себя в положение грешника с верой, что этим вся моя жизнь будет искуплена — началом новой жизни, искупленной и радостной, новой, в которой все старое будет погребено; с радостью,

которая во [мне], с новою силою я иду к нему, а он сердится с мщением в сердце. Потом опять компромисс, и опять противнеет ближний человек, и сомнение в нем. И опять радостно — кончилась буря. А тот, другой человек? Ему не уйти, не прийти. Сцены перед исповедью или когда пасху делают и боятся друг друга. Сцены больше к празднику: когда праздник и гости, больше опасности.... В общем, ей радостно и хорошо на свете, кажется, живут где-то люди, а у себя только плохо: больной и [слабый], раздражает, что есть больной, и не будь его, жилось бы хорошо, и есть абсолютно счастливая жизнь на стороне.

Какое спасение от созерцательной красивости кладбища? Какое спасение от «умной» воли (тенденции)?

К этим вопросам я постараюсь подойти в задуманном мною романе, где изображу трагедию примитивной души как путь к творчеству, как творческий процесс. Такова моя литературная воля. Посмотрим, расплывется она в созерцательные картины, или вырвется грубой претензией, или останется волей, разукрашенной земными весенними одеждами.

<*Приписка:* Неделя православия (1-я поста)>.

В гостиной Марья Каспаровна поднялась, тяжело вздыхая, с подушки. Долго не могла сказать слово, откашливалась... Мама в это время смотрит на картину, вышитую шелком: Петр Великий и на коленях [перед ним] лоцман: не вели казнить, вели миловать!

— Я все думала, все надеялась — ну, теперь уже кончено: чувствую, кончено... — Ну, что вы, Марья Каспаровна, пройдет...— Не-ет! Чувствую: пусто вдруг становится, пусто вот тут... Интересы кончены все...

Разговаривает подробно о своей болезни, как лучшеет и как хужеет...

На террасе Таня с гостями. В аллее возле тополя дети с лопаточками насыпают могилки: похоронили двух грачей, сажают цветы, украшают могилки, как видели на похоронах Надежды Сергеевны. Грачи ужасно кричат... Луговые цветы. — И так все время кричат? — Весь день! — слышится голос М. К. — Паша любит... — Что тут лю-

бить... Коровы мычат, грачи кричат — нет, я люблю только человеческие голоса...

Таня спрашивает: — Слышали, у Иван. Мих. руки отнялись... — Что вы!

Сидим мы вечером — вечер был такой хороший! Няня рассказывает сон, будто луг зеленый, хороший луг, и на лугу стоит Мих. Мих. и зовет туда — ручкой указывает, там, говорит, лучше... И вдруг слышит, Ив. Мих. застонал и захрипел...

Помолчали. Ветерок шевельнул луговые травы, закачались лиловые колокольчики. Опять стало тихо. Большой летучий комар припал к тонкому стеблю травинки... На желтых цветах, на каждом желтом цветке сидит черный жучок. Шмель, будто старый, но живучий толстяк, медленно облетал синие, желтые и белые чашечки, спускаясь в них и опять поднимаясь...

— Я думаю, я чувствую, — сказала Надежда Ивановна, — что мы были когда-то и не умрем, а так, что одно в другое переходило... — Опять родимся? — Непременно. — Какие глупости! Как это у крестьян просто: вот намедни убили мужика на кулачном бою, и вот еще бык забодал мужика, а другие говорят: просторней стало!

— А как ваш бык? — спросила практичная Мар. Ив.— Ничего, у нас бык-годовик, хороший.— Не дадите ли вы... — Мар. Иван. запинается. Таня понимает. — С удовольствием... От быка главное дело, в быке главное — бык. У нас одна корова была, уродка такая: без рог, на голове шишки, все смеялись над ней и прозвали Аксинья Ивановна, ну прямо на диво некрасивая, а теленок вышел от нашего быка такой шустренький, ресницы белые, опушка розовая, настоящий симментал!

Ветерок опять шевельнул луговыми травами. Закашляла старуха. Дети закопали грачей и прибежали: мама, мама, дай цветочки на могилки сажать. Как хороши цветы! Птицы как хороши. Дети с лопаточками, но если только ослабеет струна родовая, грачи и совы ближе поселятся, в трубах, окнах, травами зарастут дорожки, бурьян до окон дойдет... Весь этот сад теперь будто в согласии, но чуть ослабнет струна, и все двинется.

— Терпеть не могу этих звериных голосов! — слышим ворчанье старухи. — А мне с Пашей все равно: совы, грачи, нам все равно.

Рассказ Марьи Каспаровны.

Бывало, все тарлатан! Хороша материя, платья хорошие: тут бебе, тут пуф — а иначе облизанная, срам смотреть.

Софья Гавриловна Лонджерон вышла замуж за старика улана Полянского таких лет, что с разрешения венчали. В церкви [улан] сказал: смотрите, на своих ногах венчаюсь.

Алекс. Гавр. весь день гудит жене о хозяйстве. Вечерами четыре старосты на половине стоят. Девочка думает: как он не [устает]: спать хочется, ведь их четыре, а он один...

Скупая: деньги — купить зелени, потом *<1 нрзб.>* У меня в четыре узелка сдачи две копейки — из какого узелка?

Дочь высекла и заставила пук розог отнести к гостье.

Александр Гавр. к его Настасье. Совет: выходи, все равно у него еще будет Настасья какая-нибудь. У него везде дамочки. Все своим порядком.

Как повезло Алекс-у Мих.? Домашние вечеринки. За 25 руб. кормить... Кур щупала... платья переделывала. Одевалась по-деревенски. Ал. Мих. всегда неестественный.

Вера Алек. когда устроилась и обжилась, то завела роман и поссорилась с Мещерской (начальница гимназии). Ей ничего не оставалось делать, как идти за дочерью в монастырь. Прощание с миром. Мещерская.

Маня: Поссорилась (в карету бросилась) и к Амвросию. Любовь Алек. в землю, а Маня в монастырь. У Мани родители дурные, она в воздухе, неправда во всем, через все к правде; чистая: не знала любви. Как насильно загнали Веру Алекс. в монастырь. У Февронии совет: жених поляк — пусть перейдет в православие. Она остается, спрашивает: — А как же жених перешел... — Тем лучше, православие — истинная религия.

Весна родится в марте, как ребенок с чистыми глазами, целует, не думая, нечаянно...

Я шел по рубежу и все проваливался. Некогда было глядеть на небо. Разогрелся. Перелез через опушку на южный склон. Тут между кустами орешника мне попалась первая проталина теплая... Я остановился: и вот пахнуло на меня от земли... знакомым теплым запахом, как может пахнуть только родная земля.

Это начало весны... Я это почувствовал... Посмотрел вперед, а там еще проталинка, и еще, и еще. Весь южный склон леса в таких темных душистых проталинах. А снег белый, белый... Тут я глянул на небо... А там! Облака много нежнее этого белого снега... на синем небе были такие легкие, прозрачные... И вдруг я понял, откуда они. Они из леса... из снега... улетели на небо, а тут остались темные пахучие проталины. Сколько проталин — столько облаков.

<*Приписка:* подлец на подлеце (к Лебедяни)>.

<*Приписка:* 1. Зуб. 2. Старуха застонала: про старуху>. 3. На другой год.

Разговор с Никифором, лесным караульщиком. Прошлый год я пришел в его лесную избушку. Дождь меня загнал в нее. Ребятишки как мыши брызнули от меня на печь, и глянули оттуда на меня пять или шесть пар. И вижу, на лавке лежит старуха и стонет. Повернулась ко мне, глядит на меня старческим взглядом... Дождик барабанил в окно, я сел. Никифор... говорит, старуха теща, не дождусь, как распрастает Господь... глядит... внимательно... распрастает Господь.

Мне стало неловко по непривычке: я не поддержал разговора. Он стал жаловаться на народ. Народ — это разбойник. Беда! Прошлый год осенью его чуть не убили. Пришел на ночное.

— Я подхожу к ним и вздремнул у костра. Слышу в тонком сне, говорят промеж себя: толкнем его... А топор... возле меня лежит... Я это тихонько руку к топору... Хотел было резнуть, да побоялся: их трое, а я один.

— А если бы двое было, резнул бы? — спросил я.

— Знамое дело, резнул бы, — ответил он просто.
— Выходит тогда: око за око, зуб за зуб...
— Зуб за-а зуб! — согласился он...

Тут я заметил, дождь перестал, и ушел. Теперь через год встречаю Никифора и спрашиваю: как старуха, жива? Тот отвечает: дышит... Да что вот задумала она вдруг... Вышла оказия... — Какая? — Да вот этот закон новый... У старухи-то земля есть. Кабы по старому закону, так... моли Бога, чтобы убрал Бог старуху, потому она бездейственная, пользы от нее никакой, землишка только вот ее... — Ну что землишка. Года два пропашешь, старуха помрет... — А по новому закону, можно ***уключить***... — Что?.. — ***Уключить*** землю на вечные времена. Так вот и молю Господа Бога, чтобы пожила до дороги. Как вода сбежит, подсохнет, свезу ее к земскому, землю ***уключим***, а там и Бог с ней...

Мне показалось это рассуждение жестоким. Старуха глядела.

— Пусть, — говорю, — поживет... Поправится...

— Сохрани Бог! — так и вскрикнул Никифор. — Сохрани Бог, измаялись с ней, лежит, пьет, как есть будто обыкновенная старуха... сколько лет не работает...

— Мальчики, — указываю на пять голов на печи, — тоже не работают...

— О тех другой разговор. От мальчишек ждешь перемены...

— Ну, девочки, — говорю я... — Тех какой расчет кормить?

— Тех замуж выдать... — так рассуждает отец...

— Значит, не все ж с расчетом?..

Никифор задумался... И спустя немного сказал: — Да и наши ж матери были девочками.

<*Приписка :* мать недокармливают и недопаивают>.

<*Приписка:* разум расчет человеческий не принимает в чувстве матери только?>

25 Марта. Благовещение. Маркиза покупает раки и рыбу... Я всегда любил этих холодных рыбаков...

Мужик жалуется: холодище, страсть, [крест]!

Поземок... – 5°. Серый день.

Как сгорела маркиза: выехали мы в город с обозом, въехали в Роготовскую гору... Дали лошадям отдохнуть... На этом месте всегда даем отдохнуть, час и больше стоим. Сели в кружок, трубки курим... Глядим, а там на нашей стороне ктой-то с красным фонарем вышел... ходит туда и сюда... Думали: Сем. Федор. вышел с фонарем лошадей запрягать, тоже в город собирается... Мотается фонарик туды и сюды, да ка-ак хватит сразу полымя... Кто?

Назначенный... Тоже так горел Х. Глядим, человек неизвестный лежит... трубку курит... Чей ты? — спрашиваем... Ничего не сказал... И пошел..

Раки перешептались (уснули) шепчут усами.

Рассказ маркизы о поваре Стаховича... Обеляет его... Он же лавку ей дал <*2 нрзб.*>... Он все сделал... Спасал, а сам... Противно, а маркиза обеляет. Почему? Не потому ли, что он в высшем свете живет: дети в гимназии, рояль и все...

Дедок поседел... Говорит: рябые грачи прилетели какие-то... ходят «куру-куру», никогда не видал, галок белых видал, воробьев, а грачей никогда не видал. Рассказывал про [камыши, которые растут] возле реки... туда [идти охотиться], вот где хорошо шалаш для уток поставить...

Разговоры о новом законе: Софрон укрепляется, хочет зятя устроить... Но общество недовольно и хочет отказать пасти на лугу: пусть пасет на своих полосах... Может, и так будет: чужой явится на нашу землю... Что как же? А маленькие ребятишки так останутся.

На новой мельнице укрепился Павел Констант. (3-й дом справа). Хрипуновское имение участками. Это неудобно: дорого, и если бы дозволили — луг общественный, хозяйствовать, как захотят... Я спросил, как они поступили с купленным у Ростовцева хутором? Ездят туда и делят, как и прочую землю...

Королева: я брежу карточкой, я в него влюблена, прямо влюблена я в эту карточку... Пропала? Не шутите. Она смыта.

В церкви: бороды растут на этих красных лицах как сухая трава... Один довольно солидный мужик дал другому тут же в церкви подзатыльник... Регент в енотовой шубе с поднятым воротником [несмотря] на жару... Батюшка изможденный... И какая-то несуразная церковь... Они, эти мужики, усвоили себе благочестие... временное... А он должен бы вечно греть в себе очаг... Откуда это пламя здесь?..

И припомнились Лебедянские картежные вечера с маленькими проигрышами и выигрышами, с чередованием искусственного повышения и понижения настроения, и смех их, и [слезы]... Потом эти магнетизеры, к которым теперь ездят лечиться. После обедни раздавались посевные [разговоры]. День был красный, и говорили, что с половины лета пожары будут (если в Благовещенье красный день). Все холодно. Только полдни теплые. Двор чернеет больше и больше. Утки и куры пьют из лужи. На столбах дремлют грачи. [Татарск. лес на белом — грязная полоса], темная полоса на горизонте. Дальний *<1 нрзб.>* едет на розвальнях (Благовещенье переездили!), ближний идет врассыпную, старик с длинными палками впереди себя... Далеко [белеет] собор...

Вечером в саду кричит филин. За ужином первая ссора с маркизой из-за собаки. Я попросил ее не давать хлеба с ужином, потому что нужно за раз кормить, а так и собака голодная будет, и неприятности. Она начала точить и упрекать. Я погрозился, что уеду. Она выскочила из-за стола, язвительно проговорила: эти новые мыслители! Затем установилось традиционное молчание на вечер. И у меня явились серьезные колебания: не удрать ли? Не удерешь, конечно, это было бы бессмысленно. И вот эта неизбежная логика жизни... Дикие натуры... А там тоже: каменные лики и холодное презрение в душе. И так нехорошо. И вот на этой бессмыслице построена, в сущности, вся наша хрущевская жизнь.

Около 9 вечера, но такая тишина! Маркиза с Лидией умерли за хальмой. Прислуги спят на печи в кухне. В окнах тьма... Ночь... Настоящий зимний вечер... Петерб. белые ночи, белые вечера кажутся болезненной фантазией.

В маленькой комнате глядит на меня икона Николы Угодника, и через него я чувствую связь со всей своей родней: это купеческий Никола Угодник...

В Оптиной пустыни мои дяди выпивали и говорили матери: ты седая, когда почернеешь, и мы пойдем к Амвросию... Неприемлемое родство...

Через двойные рамы донесся удар колокола... Собака залаяла. Мать кашлянула по-своему. И кажется, вот стоит в дверях темная старушка-няня и смотрит теми глазами...

Иногда вот что мучит: мы еще живы, мы стоим во плоти друг против друга и в то же время уже мертвы друг для друга... И хочешь протянуть руку... но не можешь... будто во сне... или в параличе...

Нет... что бы это ни стоило, а нужно топить очаг, нужно жечь дрова, нужно не жалеть дров. Самое страшное в жизни: это потухшие костры, этот черный пепел, размываемый дождями. Еще страшнее: несгоревшие костры, незагоревшиеся дрова, камни...

У Дедка вспоминаются два парня в пиджаках, маленькие, заскорузлые, один похож на зарошенный крючковатый огурец, другой — на небольшой кожаный сапог, вымазанный дегтем... Вспоминаются девицы у церкви, перетянутые нелепо, некрасивые, глянешь на них — и захихикают, а рожи!

Вероятно, луна взошла, потому что темная пелена у окон словно растаяла и в окно стало видно небо, большое, с легкими облаками и звездами.

Да... так и есть: налево над маточной, между двумя черными тучами, луна.

Над двором светлое небо со звездами. Двор тает: белые островки снега уменьшаются... На одном островке остаток дороги... Мелькнула черная собака... Где-то прогудел бас Павла... Ночь...

26 Марта. Снился мне Михаил Евтеич всю ночь... и стойкий человек, и религиозный. Природу любит... Церковь ближе к природе, чем христианство... Но почему-то Дедок не ходит к обедне никогда... думаю, вот отчего: ему, чувствующему красоту природы человеку, церковность должна быть чужда. В церковь ходят больше люди хо-

зяйственные... а ему зачем... Когда он выходит в поле, то он чувствует все, все в ней... А мужики идут по земле, как мы в конторе... Это надо запомнить: земля для [мужика] прежде всего «кочковатая» или как там... И Дедок выходит не в поле, а летит где-то...

Утром маркиза яйца красила. Анюта пролила краску на скатерть... Латошит... Спешит... 40 яиц окрасила и трах! Так все шло хорошо, чисто, аккуратно и вдруг трах! Это шутовка! Энта шутовка...

Термометр 0°... Почта потерялась... Что значит в деревне термометр и почта! Наблюдать людей, как они воспринимают природу...

В саду с дерева на дерево перелетают грачи и галки, все устраиваются. Мелкий снежок перелетывает... Запорошил все черные проталины на дворе.

Пришел мужик: корова [того], просит к ней быка. Маркиза кричит на него... Я, — отвечает тот, — заплачу, без заплаты не оставлю. Маркиза смягчается: а может быть, она не того?

Ну да поворачивайтесь же там скорей, яйца стынут!

Пришел мясник. Миша! какого барана я купила! Режет мясо на части к Пасхе рабочим... Мясник славный парень. Маркиза вдруг начинает с ним разговаривать, как с близким человеком... Замечательная черта в маркизе. Как я мужика любила! Я тебе дам, шутовка! Масло сбивай! За тобой человека нужно...

На дворе случают корову. Бык лижет, а она кокетничает, повертывается от него и сама прыгает на быка. А потом становится к нему лбом, рога с рогами... Ничего, обыграются!.. Не всякого тоже быка сразу примет...

Вчера у старика: староста Артем и как все женщины от умных разговоров залазили на печь и там засыпали... Два парня: один похож на зарошенный крючковатый огурец, другой — на небольшой кожаный сапог. Говорили, что Христос может быть предсказателем, вот как Брюс предсказывает.

Облака [еще] темные, но светлеет. Солнце, как и вчера, непременно проглянет. Беспрерывно кричит петух...

Маркиза распоряжается: чаны поставить, ковер в сад отвезти, ворота поднять. Жалуется на плечи: баня дает знать!

Не забыть, как она сказала про монаха: кто его знает! Ты бы после чая парники посмотрел: какая там земля нужна.

Стелька — Стёшкин сын.

Петербургские дамы с двойными мужчинами.

Маркиза делит провизию: окорок свежины. Кур щупали? Нет. Что же ты нащупала? Миша! Огурцы взошли, а парник охладел. Вот-те на!

Не забыть: письмо Люб. Алекс.: если родится клевер — сын, если тимофеевка — дочь.

Как люди у земли тупеют: Люб. Алекс., Дуничка делают счастье.

Зовут лесного караульщика! к Марье Ивановне. Рысью! Пхались, пхались к земскому, не укрепляет... Лагутин (прозвище)... Я таких делов не знаю, по судам не был...

Свадьбы замучили. Трех дочерей выдал. Одна завихрилась... Он телеграфистом был и сызмальства. Потом на войну взяли. И будто там что неладно вышло: пришел назад, а места не дают. У него два креста и медаль. Теперь не служит, а на кресты живет. Так она пропащая и пропащая. Абрам нажился: 5 лет хлебы не родились. Шалава. Он (вор лесной), [закона] боится, бежит, теперь строго стало.

На дворе тепло, в поле сиверко.

К чаю пришел соловьевский староста... Сторонник закона... Закон одобряет... Я говорю: у нас боятся, что чужой человек в общину придет... Да, — говорит, — раньше везде боялись, теперь привыкают. Везде укрепляются: В Алексеевке, Моревские, Новые Мельницы. Посочувствуют: Морево, Суслово, Левшино...

Отец непостоянный (моряк)... пролетарий... вот что с теми делать? Как родоначальник захочет, так и продадут... Исход: выделиться. А если маленькие дети, и исхода нет...

— Ничего, это у нас за обыкновение, не все глупые.

— Провались ты!

Как поднялись тогда, то уж порядочным людям, что мужикам, что помещикам, жития не было. Теперь все кончилось... Время сделало бунт, не они (мужики), а время...

С Ростовцевой не переделялись с крепостного права, земля окуплена, а её отбирают. Как иначе назвать то, что теперь делается в Новых Мельницах: малодушные укрепляют землю, а большедушные страдают.

— Это, вероятно, производит большие волнения?

— Большие переверты. Но ничего, у них это за обыкновение, не все глупые.

В общем: все делается под великим страхом.

Пришел печник Сергей из той же Новой Ростовцевой... Жалуется на закон: явная несправедливость.

Маркиза: когда обоюдно друг другу делают.

Вечером к Стоянию.

Много черных птиц прилетело к вечеру на лимы над оградой... На горизонте за прудом розовые клубы облаков... Ветлы мягкие, мягкие... Бабы на пруду вальками колотят... Ударили в колокол: раз! Стояние... Долетают слова... проклятие Иуде... нечесоже... архиереево... Они то загораются, то тухнут. На женской молодой половине веселье. Батюшка окрикивает... в общем веселье. На мужской половине есть солидные группы: Кирилыч... старуха с огнем, будто стоячий мертвец... Хозяйственные люди ходят в церковь, им это нужно. Мальчишка подкатывается под ноги: ты чего путаешься... Другой задумался, свеча наклонилась: ты чего, гляди, куда нужно... В окнах голубой вечер и ночь. Огни. Знакомый мужик под шкурой что-то про «попов»: один умирает, так едут, как хоронить...

27 Марта. Великая Пятница.

Сон о Туркестане, Алтае, Кавказе... мы упрочиваем в снах действительное... я один в южных горах... и бегу... и никому не скажу... Еду я с Кавказа и думаю, махну туда (Алтай), и приехал, камни желтые вокруг меня, а солнце жжет... небо голубое, страшно светлое... и никого... Я вышел из повозки, посмотрел и [уехал] скорее... и так осталась пустыня, о которой я ничего сказать не могу... и то, что не могу сказать, тяжело, тоскливо... Этот сон посто-

янно возвращается... во сне я узнаю его, как действительность. Или это такие сны, как будто они повторялись?

Утренний разговор с мамой: как её в колодец опускали в Тихоновой пустыни. Вода была ужасных градусов... Я окуну ногу и говорю: страсти какие... у меня сердце не то... Как они трахнут на меня: вы, неверующая... молитесь... а тут иконы большие стоят... и силой окунули... И Лидию тоже... Лидя ездила, Люб. Алекс. уговорила...: Ну, он посоветовал, конечно, замуж выходить... Она тогда бешеная была. Стоит против печки и стоит, лицо черное... Теперь это со всеми бывает... А женихи были у неё прекрасные... Он теперь профессором... тогда был <*1 нрзб.*>. Пришел в аптеку к Арцышевскому: мне хотелось бы жениться... Он пишет мне записку... А Лидя думала, что, может быть, из аптеки, распечатала... Трах! И начала бить все... сколько всего перебила! Другой раз... он теперь директор банка... где-то видел ее, он был со мной знаком, присылает гонца сюда в Хрущево, другого, третьего... Я говорю: Лидя, дай ему ответ. Опять она как принялась бить стекла, зеркала. Я через Ксению. Та уговорила: Лида написала отказ... Сами виноваты... Я обо всем написала Амвросию, спрашивала его совета: не дать ли ей средства жить отдельно. Он ответил, яйца курицу не учат. Но, однако, я виновата перед ней: когда она кончала гимназию, то просилась на курсы. А я подумала: не сможет она... Куда ей, 17-летней девочке.

Маркиза изготовляет пирожное для Пасхи бланманже и ворчит, как барабан: — Тысячу раз об одном и том же говоришь. Намедни [говорила]. Кончай! Куда ушла? Отчего... «Отчаго» (передразнивает). Ищут ключи. Вот чудеса-то! Туды да куды, опять, опять... Не так, сидеть-то нечего над ней! Облокотились, сидим! Давно бы сделала. «Я да я» (передразнивает). Какая-то своенравная. Куда они делись? Странное дело! (жалобным голосом) Нет ключей... Нет, вот они... Три раза ей говоришь... Вот я дело все сделала. Вот шуты-то. Ну, ну, поскорей, поживей. Крыло пропало. Тут было крыло, два крыла было... Оно полетело... Покуда я сама не пойду... Как сумасшедшая. Оно полетело,

а я буду ждать: ваше превосходительство, ума что ли не хватает. «Ум, ум» (передразнивает). В одно место изволь!

Иду в лес. Караульщик жалуется: возвели напраслину. Алешка девок хочет собрать своих. У него они все в разброде. Ну, раз дурак, разве поставишь на путь... Ему маркотно показалось... Тещу разве пристукнуть... Слёживает сено в избе. И что за изба. Собачья конура в аршин под навозом. От навоза тепло... В окно над красно-темной подушкой глядят глаза, глаза — у детей живые. <*Приписка:* Спрашивает: есть ли вдовий надел (для тещи)>.

В то время, как я говорю, ты не смеешь говорить. [Лезешь] со своими советами. Советов не нужно, а дела... Что ей ни говори, что ей ни долби, сто раз... не разговаривала бы лучше... Иди скорей (повышенно)... сто раз за одно дело.

Не догадается: дай вот это постелю.

Редюшку подстели!

В сущности, весь этот лес — лощина, лог, овраг.

Проталины как-никак чернеют все больше и больше. Разогреет же наконец... Лед на палец толщиной... Март в ожидании Апреля... Какой-нибудь один только день — и весна. Утро морозное и светлое, березка тонкая белая и вверх темные гибкие ветви, будто обнаженные на солнце нервы земли... Такое белое, что глаза слепнут... Сел на пенек... Собака катается на снегу... Снег хрустит на кончике ее носа, белый... На поле в одном месте последняя пушинка, и так странно: вот она растает, и нет уж ее надолго... совсем нет... совсем будет не то... Камень, как заяц на корточках... [похож на] зайца белого. Птичка полетела, трезвонит, овсянка. Щегол поет. Жаворонки поют. Идем с Никифором домой. Рассказывает о несправедливости Нового закона... Заплатили ***«тижолую*** подать», а теперь отбирают... Кто отбирает... У кого мертвые души... Мертвыми душами от живых душ отбирают...

Я жаловался маркизе на то, что караульщик рубит слишком большие сучья (в четыре пальца). Она как увидела старосту, так и набросилась на него:

— Ты в лес зачем ходишь?.. В четыре пальца! Я говорила, мелочь или солому... а ты не знаешь, чем топят! Я сама соломой топлю, уж насколько я берегла этот лес!

— Быть может...

— Быть может... там осинник есть... лозина... А дубами, конечно, хорошо топить! Быть может... Быть может... Осинки, дубок...

— Я приказывал...

— Что ты приказывал... Все приказывают... Ходил бы да сам смотрел.., а то приказывал...

<*Приписка:* Вот-те дождались... И опять по морде [начали] бить. Ведь это Бог знает что...>

Случай с Павлом Константиновым. Он укрепился. За это будто бы, когда были торги для сдачи общественной земли в аренду, ему отказали. Он в суд. Друг на друга направляют.

Хотят закрепостить (спросить у Ивана Абрамова).

28 Марта. Про Амвросия: хорошо отгадывает... Анна Павловна пришла в деревенском платье, а он сказал: вот щеголиха. Еще пришла раз беременная женщина в корсете, а он встречает: вот гора идет!

— Вот те раз! Принеси еще ковригу! Если теплынь будет, так картофель будет расть. Ведь это смешное дело! Покоя не дают. Все приготовишь, все в рот положишь им. Ни об чем не думают! Сто раз одно и то же... Когда бы вы думали о чем-нибудь, а вы ни о чем не думаете...

Закат был красный, холодный, вишняк пылал, потом над ним погорело, стало голубое, а в глубине темного вишняка загорелись пурпуровые фонарики (27-го вечером).

Посылает за <*1 нрзб.*>. Я не успел повернуться, она уже ворчала: лентяй, страсть... Это в Горшковых, у Игнатовых энергичнее, а уж Горшковы!

Про Сашин роман, тихо и начинательно: я сама была против ее... как увидела ее раздетую... Очень она уж физически-то... спина, фигура, как у матери.

Тесто бьют для куличей: час будет, как она бьет! Сцена между мной, маркизой и Люб. Алекс. (как-то на неделе):

Я: — Очень уж монахи-то испорчены, наблюдать их противно: пьянство да пьянство.

Маркиза поглядывает на Л. А., боится за меня...

Л. А.: — Не все же монахи пьяницы, вот я скажу, ваш монах Леонид, очень хороший монах.

Маркиза: — Кто его знает. С удовольствием бы пошла в церковь, но там кулич, там пасха, там то...

В 8 час. Плащаницу! Какая же иллюзия! Религию всю испортил Афанасий, очень неаккуратен.

Спор из-за чана: капустный чан, известный, дождевой... Кто занял чан? Никто не занял.

Быстрый наряд за обедом.: — Навоз свезли? — Свезли. — Солому отправили? — Отправили... — Пусть Илья едет на гумно, а Павел дрова рубит... Ключи мои не взяла? Хоть бы что-нибудь (Софье) в интересы входила: дай я то-то сделаю.

Как странно, если взглянуть на Сашутку с высоты тех петербургских религиозных разговоров?

Как рисуется в народе жизнь Стаховичей? Господа... интересна Маркиза с Толстым: живые лица, иллюзия, Стаховичи-Толстые...

Маркиза говорит: Соф. Андр. показывала ей Толстого в стенографии...

Маркиза: вот в стенографии-то она его и не признаёт...

История Штыка... Дуняша (женщина)...

Сашутка: заяц сидит перед домом: к началу рассказа о белом ангеле.

А ты уйдешь, и конец. ...Махотку дайте большую. Ты бы сейчас бухнула! На чью голову (Софье) воет собака.

Кубанский корень пророс. <*Приписка:* Овес. Зеленые свечи.>

Пасхальный стол для освящения: пасхи людские и наши, и куличи, и яйца...

Маркиза спускает лампадку, зажигает... с фитилем всегда неладно... я смотрю с кресла, вижу сиреневые кусты в снегу и липы страшно высокие...

Вот-вот явится батюшка освящать... явился... Весь в поту.

К заутрене пошла только Лидя...

29 Марта. Пасха. На окне дождевые капли первые — интересные, как первые огурцы, какие-то темные, как две [кляксы], дождевые густые облака... — На дворе дождь? — Дождь. — Давно идет? — Недавненько.

Маркиза встала... Похристосовались... Разговелись... В комнате было очень темно.

Ну, Пасху тоже переездили... А впрочем, на чем теперь ездить. Самая ростепель... Никто не приедет по такой дороге.

И вот запорхал снег.

Отнесись к нему скептически: это все равно, что дождь... летит и тает... Немного спустя снег повалил по-настоящему. Маркиза зароптала: вот те дождичек. И опять на мороз может быть... Нет... Это Бог знает что...

В ожидании батюшки поставили под иконой корзинку с овсом и в нее поставили зеленые свечи. Маркиза стала рассказывать о прежних временах...

В этом доме есть мебель дворянская (Левшинская) и купеческая. Маркиза с гордостью показала мне в гостиной свою мебель. Она застала здесь мать с двумя дочерьми, одна глупая. Тогда (в 61 г.) дом только что был выстроен... стены были неоклеенные, дубовые. Маркиза приехала на мельницу и оттуда сделала визит... Оделась в розовое платье, кудри были... Повели в сад. Перед террасой клумба цветов. Аллея вся заросла бурьяном...

Двор был такой же, но построек не было: это все было в лесу. И лес тянулся до самого Морева. Кругом были леса: там, где Сусловский овраг, была прекрасная роща. Клады были. Огни горели. Деревни были не так расположены: Ивановка тянулась в два ряда против дома (там, где гумно теперь, крепостные [жили]), Ростовцево — где караулка. Левшинский был на том же месте... Теперь еще сохранились старики с крепостных времен.

Остается впечатление: избы — это что-то вроде палаток переносных... Дворовые и государственные чуждались барских, с неохотой женились на них, одевались иначе.

Интересно: Моревские пропили свою церковь Танеевским.

Михалкина-покойница 14 летней девочкой была отдана в распоряжение барчуков для здоровья*.

После визита маркизы имение вскоре было куплено Пришвиными, но только 10 лет спустя поселилась в нем маркиза. Эти 10 лет пришлось выжить в Ельце. Внешний блеск купеческого быта: тройки, костюмы; и внутреннее разложение: пьянство молодежи... Впрочем, Дмитрий Иванович был мягкий добрый человек. Отец был похож на Колю**. Никогда не читал ничего, даже газет. Маркиза получала свое либеральное крещение от чиновников судейских, которые играли в то время первую роль в городе.

Между тем маркиза вела политику отделения... Очень угнетала ее Марья Дмитриевна. По одному слову ее, напр., она должна была [менять] платье...

В Хрущево начали чистить сады, устраивать. Отец был большим любителем природы: сажал фруктовые деревья, мать — аллеи. Дворянство в это время чуралось купечества. Толмачева познакомилась с маркизой, чтобы [просить] у нее чепчик для бала. Это было единственное знакомство из дворян...

<*Приписка:* «чепчик» от chaperonir (фр.)>

Не всегда же, значит, в купеческих руках гибли поэтические барские усадьбы...

Рассказ Мар. Ив. Она похожа на сухую лозинку, воткнутую среди поля... До звону, все до звону ходили (Борис) и в землю, все в землю кланялись. Народ тогда несмелый был.

<*Приписка:* Дмитр. Мих. из Ростовцева, о кладах...>

Было это, все было, но а как о. Иван пьяный был... Вековали, жили и жили, вековали, подумать, подумать, как это? Не умею сообразить.

Как свели дубовую рощу в Суслове: срубили, подросли, раз в оглоблю свели, потом в кол, а потом и скотину пустили.

* Подчеркнуто красным карандашом.
** Так же.

Все счастье от Суслова видели, все счастье видели... Когда мужик зоровал: на 100 голов, говорит. А ему ответ из-за дерева: на 100 колов. (Было это на кашинском дворе).

У Дедка до сих пор на огороде орешники — с крепостных времен: леса были, в [старину] такая жизнь, а теперь... Простей, веселей было...

Зять был крупчатник (Мар. Иван.), а он засыпник был. Значит, Божье дело. А сын любил винцо запивать. Места достаток, а владеть не мог...

Чуру (крепостную) взял, (смеялись над ним). Нонче не поспеем, завтра не поспеем, семена прорастут. Поспели овощи, и распоряжается королева, пришла (рассказ о потере сыновей). Хлопотала, сбирала, а он пьяный... Началось с чего: пришла к ним королева, башмаки [грязные] и зовет к себе Мишу. Я говорю ей: сними башмаки, здесь натоптать можно. Нет, говорит, потому как у меня чулки грязные, старые — не сниму. Спал в риге. Стала замечать: когда и не придет. Так что... Спросить: где был? Ничего не скажет. Мешок с огурцами к ней несет. Я у него с плеча сняла. Вы, говорит, чужое не смейте взять... Я взяла. А потом матушка (попадья) сказывала: едет королева и так когой-то ругает, так когой-то ругает!

Едут... Сын прогнал мать с телеги. Ив. Ив. впереди пьяный. Окороти вожжи. Хороший человек: мать докормил, допоил и похоронил.

Под Светлый день: брось починку чинить. Как он на меня: змея ты! Проняли меня слезы. Лучше ты меня [не] попрекай. Ты меня кормить не корми, и попрекать не попрекай. А кормить не будешь, Господь накажет, без рук, без ног, недвижимый будешь. Хоть бы он что-да-нибудь в ответ. Пихнул. Огурцы расшвырял.

Как отравила мужа: дала капель, а он: ох, ох, сердце. Ему нельзя ведра из колодца вытащить. Над ним смеются, а он (муж) как дерево сидит...

Не сказать, что он веселый человек, а так поговорить с каждым поговорит (муж *<1 нрзб.>* Серг. Янов.). Ничего в ней нет, обвела их. Муж оборот всякий делает, а жена

досужа. Только с мужиками брехать, и выгнать, и оговорить. Венчались бы уж. Кружитесь...

Королева колдует. Лепешки с месячными.

Паводок был... Он плыл... Стал тонуть... Вытащили, а он стал черный и такой черный до смерти остался и кровью харкал. Умер... А на другой день она говорит: ты, Миша, чего ж не приходишь, ты ж знаешь, что после покойника страшно... А может, отравила, капли давала от зубов — говорит: а я каплями ошиблась. Брехали и такое еще... И прочим всем говорила: давно бы управилась с ним. Ей только с мужиками повякать... Дайте, говорит, мне Монтекриста почитать... А Евангелие давно церковью опровергнуто, может быть, и есть теперь от него два-три слова. Есть только «Отче» да Заповеди.

Сбирались письмо в Кронштадт написать.

Вечер. Матушка и две Мар. Ив.

Насморк напал, где я его достала.

Мама: — Я такой режим вела! — В вашей пасхе есть особенный вкус! — Сладкая. — Дело не в сладости. Есть какой-то вкус... — Одну неделю молоко не ели, а уж отозвалось.

Лидя: у меня зуб распломбировался.

О пьяном дьяконе. Его помнят. О пьяном отце Иване, как свалился в купальню...

Инфлюэнция... везде инфлюэнция... Поветрие... Про батюшку: сколько работы, треплется где-то на мельнице. Как он сегодня шел через двор пешком, улыбочка... Работа все: языком и ногами. Матушкина теория: лучше не вдумываться... Умники века сего... А вы не рассуждайте...

Задняя мысль.

Мар. Ив.: отдай в кузнецы, мне способней: стучит да стучит.

Мар. Ив.: с детства не знала счастья, осталась сиротой.

Я: о воспитании детей в счастье.

Матушка: если я буду хорошо себя вести, то никто меня не тронет... Книжку написать — пустяки, а вот сделать жизнь...

Лидя: (показывает журналы): вот фасончик для кофточки.

Лидя: материя не стоит фасона, хороша, очень хороша.

И пустились во все тяжкие... Такая сцена! Избави Бог! Для пожилой дамы. Для стареющей дамы. Вот как маркиза.

Мар. Ив.: счастье от Бога не дано, счастье Божье дело.

Лидя: Леонард, похожий на <*1 нрзб*>.

Кадушка... Много ли в этой кадушке, как вы думаете? Наша баня хуже. У нас громадная кадка. Надо пудов пять сжечь — не попахнет в бане.

Холодно: все думали, кончится, нет...

В Белых берегах хорошо: монахи постные, а в <*зачеркнуто:* Задонске> церкви хорошие, ну а монахи...

Лидя: как ходили пешком в Задонск и Воронеж.

30 Марта. И ночью было выше нуля. Инфлюэнция у всех. Лидя ходила в лес посмотреть, нет ли вальдшнепов, возвратилась с молодою крапивой. Завтра зеленые щи...

Стефан просил меня привезти ему котелок. Играет на гармони... Удивительный старик! ...пальто, с гармоньей, сидит на ограде, играет и поет. Борода у него расчесана. Говорят, у него есть зеркальце. Лидя ему подарила кусочек розового мыла. Надо наблюдать этого старика.

Афанасий приходил пьяный, говорил: кочета разодрались, черный забил красного...

Набиваю патроны. Читаю жизнь старца Амвросия. Какое у меня отвращение к монахам.

У мамы бывает часто беспричинное раздражение: сегодня собака грызла кость... Мама спросила Анюту: что это собака грызет? — Мосол, — ответила девочка. — Какой-то мосол. — Я тебе дам «мосол, какой-то мосол»... Бог знает что, не может сказать «кость», мосол...

Нет-нет и возвращаюсь мыслью к земле... Земля... Что это? Отзвуки слышанного от мистиков или подлинное свое? Кажется, будто я так ясно слышу внутри себя ее

голос... Голос женщины, перед которой мы должны умереть... <*Приписка:* чужое!>

31 Марта. Порхают снежинки. Кое-где белеется. Вот уже неделю борется зима с весною.

Утром рано ходил в лес. Морозно, но светло, светло. Из мерзлой почвы выскочила мышь, собака моментально заела и бросила. Месяц, как невинное око, уголком глядит на этот, будто невинный, мир... еще закованный легким морозцем... Все уже есть в природе, чтобы развиваться, но легкий морозец держит. На ходу разогреваешься, и будто уже настоящая весна... В лесу вылетел первый вальдшнеп... в полдень перед окном у Лиди... Вот светлое небо... И облака светлые... Тревожный свет... Блестит ручей, стекающий в замерзший пруд... За гумном на проталинках марево... Проталины с каждым днем все больше... теперь уже меньше снега, чем земли. И в полдень при свете она такая черная и [даже почти] уже живая... Уже соединяется небо с землей. Уже начинается то, неизбежное. За оградой идет старуха по дороге... черная, черная на свету... и так в ней все мирно, и костыль впереди, и шаги...

Лидя стала говорить: не люблю весну, в ней мне тревожно, я люблю осень, Пушкинскую...

А я говорю: люблю весну... люблю Лермонтовское... безотчетно тревожно зовущее... Я люблю этот трагизм, это [дыхание] любви и смерти и это новое и новое переживание... новое безумие.

Входит мама с «Житием Амвросия» в руках: скажите, говорит, что такое гипнотизм. Он (Амвросий) настоящий Гипнотизер. И принимается читать вслух случаи, как он заставил сделать свечу в рост человека и зажечь и, когда она догорела, человек выздоровел... Как один помещик советовался о том, нужно ли ему принимать душ, как другой просил разрешения устроить в саду водопровод и т. д.

К вечеру приехали гости: Любовь, Краевские и Леонард... Тут болтовни! En trois*. Зачем Леонард... Вот в томто и секрет — легенда о нем: Над. Алек. Стахович видела их вдвоем в Лепешке. А на другой день говорит им: я вас

* Втроем (*фр.*).

вчера в Лепешке видела. Нет, отвечают, мы там не были. А на самом-то деле были. Так зачем же им врать? И вот решили, что Леонард живет из-за нее. [Говорили] о пасхе... Эта красная пасха из вареного молока... А это белая... Красная нежнее... И не так скоро скисается...

— Вы теперь в Петербурге?

— Я давно в Петербурге...

Начинает толковать о поэзии, о Мережковском, о декадентах... Леонард подсаживается: — Вы не слушайте Мих. Ник-а.: у него так устроено, что, когда одно полушарие мозга думает, другое спит, и так он может говорить беспрерывно...— Сколько в вас жизни! Я давно умер... Вот в Петербурге все говорят про смерть. — Какая смерть? Что такое смерть? Обыкновенная, физическая? Нет, это что... Умрем и лопух вырастет, так говорил Базаров... — Ну, так его же и съели лягушки... — Как лягушки... — Так... Вивисекция... И на могиле лопух вырос... — А у вас вырастет чайная роза... Чайная роза! А может быть, метапсихоз... Может быть, вы превратитесь в какую-нибудь чудесную горлинку... а я буду голубем, и всё кругом, всё кругом...

Уехали... Что значит Леонард... Да, что он значит?

1 Апреля. Леонард едет! И... бросились бежать... 1 апреля телку выгнать на двор? Погодить... Дайте-ка розовый горшочек. Сегодня клецки сделаем. Я ко двору пойду. Зачем это? Да как же, Марья Ивановна, детишки, нужно похристосоваться. Ну, ступай. Кто-то подтибрил спички... Ты что лебезишь?.. Наделали пасхи на Маланьину свадьбу. Воспоминание о Леонарде. Никаких тут ему делов нет! Думали, один Мих. Ник., и вдруг тот едет. Лиде купили новую кофточку. Задняя мысль... Туманный день. Только + 2°. Мама: Это безобразие, только 2°! В лесу перелетывает бесшумно вдали один-единственный вальдшнеп. Земля еще мерзлая, не отходила... Немая с девочкой на огороде лук собирает. Девочка кричит издалека: Дедок на Аграмачную ушел. Папаша на печке спит. Немая, как всегда, смеется... Но как она постарела... Морщины на лбу... Она всю жизнь смеялась и всю жизнь про себя страдала. Веселье для других. Вероятно, каждый, обращающийся к ней

человек... его простые слова — для нее уже целое событие... И так из этих событий сложилась развеселая жизнь...

Когда я оглядываюсь назад, то жизнь наша, нас, пятнадцати связанных друг с другом людей, кажется, будто проходила на высокой горе. И будто там стоял монастырь и мы оттуда управляли миром... То есть, это так казалось, мы так были уверены, что чем-то управляем... Правда, мы были настоящие монахи. Вот как я пришел тогда к этому, etc...

Итак, если для меня весь мир — «я»... если *<1 нрзб.>*, то могу ли я жить в нем вообще, не только как созерцатель, но и как... Например... смертная казнь... Как я могу успокоить себя... Государство существует для меня. Для меня казнят людей: нужно ли казнить людей? Два ответа: 1) нужно. В таком случае я отвергаю государство. 2) не нужно... это делают недобрые люди. Тогда я принимаю идеальное государство и борюсь со злыми людьми. Мне не нужно государство, г. Иванов. Я его отвергаю. В самом деле: я представляю себе его хорошим работником, на всяком месте я представляю себе его джентльменом, отрицающим государство. Он должен рассуждать так: я могу жить без государства... я не могу себе представить такого положения в моей жизни, в котором я нуждался бы в государстве... А если нападут бродяги и нужно позвать городового? Я позову... Но это я отнесу к несовершенствам жизни, уже созданной другими. Как отнесу к тому же падение на меня камня с крыши... землетрясение... мне кажется, что тут неизбежно нужно призвать Христа... Вторая точка зрения: я эмпирически сильнее... Я выступаю против зла прямо.

А сам то ж [самое] делает: смерти боится. Он не должен смерти бояться... Он, как Спаситель, не должен смерти бояться... Я здесь иду, а уж этот умер... Нечто можно смерти боятся...

У старика гармонью вышибли... И что я им делаю?.. Иду по выгону, играю. Подходит Иван Кириллов... Раз... И вышиб... Другой раз [вышибли] на *<1 нрзб.>* дороге. Третий вытащили ночью... Играю только страдания да... а я песни умею.

Сад скоро [нужно] засевать: клеверы, тимофеевка. Садовник-поэт...

2 Апреля. Пошли мне Михайлу... *Сичас...* Повел ко двору. Манкируешь... Михайле: глупые идеи... Парень приехал с письмами, а газеты забыл в чайной. Вот-те почта!.. <*1 нрзб.*> да это там, в бочке вода, [полно] воды! Там Бог знает что, дегтем пахнет вода. Ветер, гадкая погода сегодня. А пруд все не открывается.

Вчера собрался к вечеру пройтись с ружьем. Стал натягивать сапоги, а Зорька уже воет. Взял ружье, вышел... Никифор идет из конторы, говорит: какая-то у вас собака умная, чует, что хозяин на охоту собирается... Умнющая собака... Охотничья.

...блестящими черными глазами. Мне даже страшно немного стало. Пиль! кричу я собаке. Она все стоит. Ш-ш... и шумлю кустами — вальдшнеп не летит. Тогда я осторожно захожу с другой стороны канавки [сзади] птицы. Подхожу. Собака стоит, фиксирует птицу глазами. Я держу ружье наготове со взведенными курками одной рукой, а другую осторожно, с бьющимся сердцем протягиваю к птице, тороплюсь, потому что боюсь за собаку: не выдержит и тяпнет, а я ненавижу это отвратительное зрелище... Собака моргнула, я быстро протянул руку и схватил птицу... Схватил ее и сейчас же бросил и задрожал. Она была холодная. Собака тоже понюхала и удивленно посмотрела на меня. Через минуту я сообразил: это был вчерашний сидящий вальдшнеп, вслед которому я послал шальной выстрел. Я очень обрадовался и положил птицу в сумку.

<u>У батюшки</u>.

В сенях у батюшки развешано белье. И пахнет. А в доме тоже пахнет как-то особенно... Над самоваром висит олеографическое изображение Касимовской невесты из приложения «Нивы». Мама и Лидя сидят и молчат... Это потому, что сидение у батюшки всегда долгое и соответственно тому [долгий разговор]. Кроме того: Тиша выпил квасу... — Я всегда говорю: не пейте, дети, квасу — убежал воевать, вернулся весь красный и слег... Приходит кто-то

в сени... Батюшка! Отец помер! Батюшка делает распоряжение к завтрашнему дню, возвращается и говорит: такая беднота, такая беднота. Вот если бы там это знали... А там не знают. Падает православие. За границей, там священники все с университетским образованием, а у нас теперь семинаристы отказываются идти в духовные. Положение невозможное: у того же самого мужика, которого предстоит просвещать, нужно просить милостыню... Вот теперь все богатство по случаю скверной дороги оставил в разных местах. Перепеченые яйца (чтобы не портились).

Я говорю о цезаризме... о невозможности у нас соединения в личности монарха церковной власти и светской...

Он приводит пример Филиппа... Я Петра...

— Петр Великий, — говорит батюшка, — когда нас учили в семинарии, признавался Великим, а теперь вот, слышно, не признают...

— Важные вопросы! — говорит мама.

— Очень важные вопросы, — отвечает батюшка.

О Соборе... Он против... Мотивирует: Дума решает... А думает: собор из архиереев тоже может решать. Падает православие... И городское духовенство падает, там вредят: соблазн жизни и толстовщина. Важные вопросы...

Очень важные вопросы. Вообще он против синодского чиновника, но не против царя. Взгляд мужицкий: чиновники — обманщики... Принцип обывателями не затрагивается. А матушка говорит о какой-то [знакомой] даме, которая не пришла, потому что у нее нет цельного платья. Стиль ее: ну, скажите, а там-то как же... Может ли так оно быть... Я говорю ей: придите, посмотрите... — У Лидии Михайловны всегда что-нибудь новенькое. — Да это старое! — Или это у вас так много всего...

Отец Афанасий: улыбка... и его черный колпачок из земли... *<2 нрзб.>* вехи черноземные... серый [незаметный] русский... [православный] попик. За ужином он рассказывает страшные истории, но все думали, вычитал из «Света» или из «Вече»: (кажется, это он для защиты смертной казни примеры выискал), какие изверги есть. Кладбище. Покойников откапывал, свиней кормил... По кукле уз-

12 Зак 4404

нали... Арестовали, а у него подвал и свиньи мертвечину едят. [Людей] кормил колбасой.

При прощании попросил выйти девочек. Анекдот об Иосифе прекрасном... Такой прекрасный! Дали по яблоку и по ножу... Так яблоки не разрезали, а руки...

3 Апреля. Здравствуйте, матушка, пожалуйте на погорелое. Все общество собралось в сенях маркизы: полевая дорога есть, а там [лишек] есть, пущен на дороге... Маркиза видит в этом посягательство на новые земли. 5 десятин оттяпали. Ведь это химера! У вас воображение сильно развито... Никита, расскажи, как при господах было, Мих. Мих-у нужно:

— Красный двор... Конный двор... — Сама начинает рассказывать...

<*Приписка:* всякая птица прижумилась. На ржи корешки обмываются>.

А раз гусыни на яйца сели... Гусак один остался. Ну, летят вот [дикие] гуси... Он глядит на них, да и себе замахал... [стал вверх забирать], выше да выше, и полетел с ними... Осенью вернулся назад, а те улетели...

А раз тоже на Дону было. Гусак с гусыней поднялись, вернулись 24 гуся с ними... вот поди так...

Еще был случай... Опускаются... все... Старый гусь упал... Впереди всегда самый старый... Песок [привезли]... Насыпали аршина на два... Поглядели, а там гусь закопан...

Летят гуси... Такой восторг в душе... И не скажешь, отчего... И я понимаю, вот отчего: есть такие птицы серьезные, которые летят... Это не ласточки... [Так] лететь могут серьезные, не все так летят...

Около кустиков тропа... в деревню... Мы простились... Завтра пойдем! — говорит Алексей... Нет, — отвечает Дедок, — завтра дождь будет.

Ссора за хальмой в тот же вечер. За хальмой мама и Лидя — одно существо. Я часто думаю, глядя на них: как сжились они... какая мирная, идиллическая картина... и не узнать теперь уж трагедии... и немного страшно за себя:

этот мир закрывает истину... И что такое истина? Придет время, отупею я, и будет казаться: ничего, можно жить на свете, все хорошо кончается... Пожалуй, стану писать повести с хорошими концами... И вот жизнь напомнила о себе... Перед игрой за чаем разговаривали об охотнике Алексее, мама сказала: он животоподобный. Не животноподобный, а живото... Лидя улыбнулась, я засмеялся... Лидя говорит: я не тому, я своему, «животоподобный»... У меня есть одно воспоминание. И расхохоталась... Маркиза про себя обиделась этому смеху... Вероятно, ей просто нездоровилось, не по себе, и потому ей нужно обидеться.

Сели играть в хальму... Как и всегда, умерли за ней. Я принес подушку и прилег на диван. Вдруг слышу взрыв мамин... Что-то у них произошло с мамой. Она вдруг вскакивает, смешивает и кричит: — Что такое! Прямо мне в морду, прямо мне в морду!.. — Лидя тоже вскакивает, бежит в свою комнату... Я скорее беру подушку и убегаю к себе и слышу по пути истерический вой в Лидиной комнате, злобный: — Подожди, фигура, попятишься, подожди! — Немного спустя в коридор вышла мама и крикнула: — У, бешеная... — И хлопнула дверьми. Ушла к себе, и все смолкло.

5 Апреля. Все в снегу. Сад белый, + 1°. Воскресенье. Народ идет в церковь. Прошел молодой мужик с лопатой, тот самый, у которого умер отец.

Продолжение случая с хальмой. Мама проснулась в примирительном настроении: — Миша, хочешь кофе? — Самое отвратительное в этой войне то, что третий, невинный, страдает. Впрочем, часто этот третий и есть яблоко раздора на почве ревности. Миша! Я решаю так утишить грозу: устроить поездку к Леонарду. Это должно радовать и маму, и Лидю. — Лидя, поедем к Леонарду? — Как хочешь... — А сама рада... Мама тоже. Громко говорит: — Уж ежели ехать, то пораньше поезжайте, а то чтобы не было, как намедни ехали к отцу Афанасию. — В воздухе начинается мотив примирения. Вернемся от Леонарда, и попрежнему сядут за хальму. Лидя приготовляет пасху и решается сделать крупный шаг к примирению: — Мам! Попробуй пасху. — Мама пробует, но ворчит, потому что

позиция сдана. Так произошло признание вины. Лидя [признает] свою ошибку и тоже ворчит... Мама опять обижается и кипит гневом... Подпускает такую шпильку: на столе после приготовления пасхи нечисто, она подходит сюда и кричит: — Анюта! Поди сюда, сотри, тут Бог знает что наворотили!.. На людей, всё на людей сваливают... Я с шести часов встану, прибирай за ними, я экономка у них! Я нахожу, что все крепостные... — Лидя с треском вылетает из комнаты, громит посуду, орет на весь дом неистово, что-то бросает на пол, что-то хлопает. Мама бежит в спальню и стихает. Ухожу в лес... Прояснит, и опять тучи, и крупа, и холодный ветер. Вальдшнепов нет ни одного. Много дроздов. Убиваю одного и возвращаюсь домой: усадьба, [вокруг] деревья, ильмы, тополя, ели; мягкие, сырые, [тяжелые] синие облака висят над ней, жаворонок поет низко и садится на дорогу... В саду ряд черных деревьев и синяя туча над домом и покосившаяся терраса... Тревожная тьма... Будто гроза собирается.

Обедали без Лиди в молчании. За чаем тоже в молчании. Невыразимо тяжело ни в чем не повинному человеку пить, есть вместе и бояться встретиться со страшными глазами. Смотрю в окно в сад. Там через деревья виднеется светлое пятно. Я знаю, это площадка у парников и [саженцев], та площадка, где мы вечером с фонариком ходили есть вишни, воровали арбузы и дыни и много всего такого... В родном саду каждая почка, каждый сук яблони творит маленькую поэму... Светлое пятно то появится, то исчезнет. Это оттого, что одна липа от ветра сильно качается и то откроет, то закроет светлое пятно. Мальчиком, я помню, изумлялся, как может ветер качать такие большие деревья, и боялся лазать на них в грозу... Молчание — очень тягостная система угнетения...

Мы едем в Пальну. Лидя всю дорогу сидит, отвернувшись от меня, и не говорит ни слова. Визит вышел скучный... По возвращении мама встречает, готовая все забыть, радостная... Но Лидя молчит и уходит к себе. Вот тут опять всё на меня... В сущности, мама очень слабый человек, деспот на мгновение... деспот на мгновение, деспот в увлечении. Деспот мгновений... А Лидя может молчать бесконеч-

но, и это ее сила, этим она побеждает мать. Кто же прав из них? Мама [тихо про себя] плачет, говорит, что и она не знала личной жизни, она жила с человеком, которого ненавидела... — Ненавидела? — Да, ненавидела, — говорит она как-то опасливо, будто боится, что за это ей что-нибудь будет... Молчим... — Я нахожу, — говорит она, — что лучше всех устроился Илья Николаевич, там хоть двух детей, но воспитывают как следует; жертвуют собой... — Не жертвует, — говорю я, — а только цепляется за жизнь. Я много таких людей знаю: для них семья — не дети, а последнее средство для жизни. — Мама молчит... И говорит: — Если бы также все люди воспитывали детей, как Илья Николаевич, то всем бы было хорошо... — Но это были бы несчастнейшие люди, — отвечаю я, — говорят, Таня давно уже плачет... — Молчание. И в тишине встает вопрос: но как же быть, как нужно устраивать семью. И в глубине... нет ответа. А мне хочется сказать: нужно любить... и потом пусть все само собой устраивается... Сегодня 5 апреля, утром мама говорит: — Я не могу, она будет две недели молчать, я заговорю, я скажу, что признаю вину за собой, правда, что была с моей стороны винишка... — Уходит в Лидину комнату, разговаривают, и уезжает к обедне.

После обеда ходил в Татарское с Никифором... Вышли в Глинище. С холма на холм, с холма на холм, овраги, ни дерева, ни куста. В одном овраге прилепился вишневый сад, хороший, вишен дает — страсть... Это все следы хозяйственной деятельности Ал. Мих. На той стороне Татарское, в кустарнике спугнули вальдшнепа... Ребятишки пасут скотину. Играют гармоники. Решаем идти в Бахтинский лес. По дороге едет телега, на ней лежит рыжий мужик и молодой парень с ружьем. Вы чьи? А... Молодой — сын нового хозяина В... имения. Я говорю ему: зачем купили, земля плохая... А он: да она хорошая... А рыжий: Ванечка-то 6 тыс. жалованья получал, 6 [тысяч]. Так это грубо у него вышло, что и Никифор говорит мне потом: вот эти охряпки-то из деревенского поколения, слова сказать не умеют, пустоболты.

Земля совсем оттаяла... Клином подошла сюда Сусловская... Куда ни глянешь — все простор. — Это деревня

Паленская? — Паленская... — А это? — Это город. — И там город?.. — Монастырская церковь... Там Аграмач... Там ростовские выселки... А это Крючково... Все как на ладони... Кое-где в логах снег, белое, а то все черное, черное... Чуть зеленеет кое- где озимь...

— Славные корешки! — говорит Никифор. — С осени были хороши и теперь хороши...

Разглядываем под ногами стелющиеся низенькие зеленые кусты ржи. Хорошие корешки... Жаворонки поют... Солнце проглянуло из синих, синих облаков, и кажется, будто там вверху серебряные колокольчики звенят... Земные колокольчики.

Есть лесные птицы, есть водяные, есть небесные, но жаворонок — птица земли...

Никифор усвоил себе манеру выжидания, прислушивания. Будто кто крадется сзади.

Приходим в Бахтинскую чащу. Где-то шум? Что это?.. Вода. Внизу с большой высоты падает струя воды, размывает огромный овраг. Идем мы долго, долго, не встречаем ни одной птицы. Разговариваем-то про Дедка: есть ли у него самовар? — Нет... Лет пять собирается купить. Хоть и стоит всего 4 р., да хозяйство не указывает. Хозяйство не туды ведет... — То говорим про его жену и какой-то спорный [вопрос]. Спускаемся к реке. По дороге идут какие-то две женщины. Куда они идут? В Шибаевку... вот куда... Шибаевка — это идеальный тип будущего... Деревня по полям двумя-тремя дворами... Стаховичи при освобождении наделили своих бурмистров и других землей, и так они живут с тех пор дворами. Один двор с кирпичным домом, с оградой вокруг — настоящая помещичья усадьба... Тут самый первенный шинок. Ребятишки встретились... Вот, говорит Никифор, а ребятишек куда? В корзинку собрать? Так приходим мы в дер. Ростовцево... Никиф. остановился: вот тут мой дядя живет, 600 р. в банке лежит, а вот тут брат... А вот тут и Павел Константинович. Сговариваемся зайти к нему будто за вином... но только скажем, верхом шли, а то спросит, почему в Шибаевке не выпили. Входим... Сторож в полушубке, видно, сердитый, тот самый Пав. Конст, из-за которого чуть ли не вся деревня

разобралась... Тут же сидит и красный толсторожий кожевенник, и дочь сторожа Пелагея...

Женщина про отсутствующего мужа: занялся [поэзией], пьянствует, и три года нет. Нельзя ли разводную, теперь, говорят, это можно...

Я завожу речь о законе 9 нояб. Как сцепились мужики между собой! Этот закон против 5-й заповеди... Раньше хоть шмот земли, да есть, хватит на овес, теперь ничего...

Возвращаемся к вечеру... Саша приехал. Сидят за картами. У мамы с Лидей «печки и лавочки».

6 Апреля. День проходит под влиянием съеденных блинов вяло и серо...

Вечером приходит учительница. Сидит прямая, рассказывает свою поездку в Елец. Опоздали к поезду... С самоваром? Ночевали у учительницы... Блохи кусают... а когда не спится, то всегда Бог знает что лезет... Едем в товарном вагоне... За 5 верст от города останавливается... Несем с артельщиком корзину... Руки устали... Садимся... Артельщик: вам нужно бы гири купить... руками разводите, и в морду кому дать...

— Ну, как вы провели праздники?.. — Опять: — Ну, как вы провели праздники?.. — Хорошо, ели-пили, играли в карты и меня засаживали. — На дешевку-то поедете?

7 Апреля. Логи прошли. Сеять или не сеять?.. Сей овес в грязь — будешь князь. Оттого я и князь, что не сею овес в грязь. Грязи нет... Земля рассыпается. Решили обсеять сад клевером... заделать огрехи, раскидать снег...

Маркиза выходит в сад, старая и темная... Везде ворчит и распекает: ничего не сделают, пока сам не скажешь... Сам, а не сама... Стефан и Глеб на веревке переводят телят из людской в маточную. Телята брыкаются... Тут им лучше... Там воздух тяжелый, а тут легкий... Оба бычки...

Вальдшнепов нет. Гусь летит, все летит и летит... Гусь пролетит, жировать затурукает...

Дупелиная высыпка. Щучий бой. Стефан с заячьей губой. А с батюшкой говорили о каких-то пропавших приходах (связать с исчезнувшей церковью и службой для покойников).

До сих пор осталась ограда, разделяющая красный двор от конского. Маркиза разломала ограду и соединила дворы: видите...

Шли мы с Зорькой в лесу. Нет вальдшнепов, только дрозды. Дрозды пели хорошо, везде, везде на голых сучьях сидят птицы и поют хорошо, будто славят, и продолжением их хора звенят на небе серебряные колокольчики жаворонков. Мне захотелось петь и слушать... Я сел на пенек возле орешника, собака, изумленная, остановилась в кустах и долго глядела на меня, не решаясь вернуться назад... Еще лежат между кустами орешника белые круги снега, будто маленькие скатерти в лесу... Капнуло... Небо мягкое, серое: может быть, взглянет солнце, а может быть, дождь пойдет... Пахнет корой... Овраги, будто траншеи на нашей земле... etc.

[Запах] старой листвы и белый кружок снега. Зорька стоит в ветвях, чуть приподняла свои длинные великолепные, будто шерстяная косыночка, уши, спрашивает, куда идти, где птица?

Беседуем с Иваном о новом законе. Он смиренный труженик, самый тихий человек на земле. Хотел взять Хрипуновский участок, но отказался. Почему? Невыгодно по трем причинам 1) негде пасти скот — на десяти десятинах нельзя содержать скот, к стойловому кормлению непривычны, 2) нету воды, вот если бы Ростовцево имение купить, так мы все бы у пруда... — Но ведь имение в 1000 десятин, тогда до дальнего участка будет версты за 4? — Тогда пусть продают по 100 десятин товариществам, а не по десяти... 3) дорога — что же мне одному жить, занесли дорогу, и не расчистить одному.

Если бы, однако, предоставить товариществу, то тогда поселились бы, подобно деревням. NB. Изучить тему: если предоставить нашим мужикам свободно селиться, как они поселятся?..

Материал: аренда товарищества... (у Залежицкого). Цена сходная: посевная десятина обходится 15 руб.: средняя цена десят. 200 руб. × 10 = 2000 р. 4,5% = 90 руб. С де-

сят. = 9 рублей. С посевн. дес. = 131/2 р. (не очень точно среднее взял). Если же без переноса, то 6%.

8 Апреля. Дождь... А пруд все не разошелся... Так и вышло: пока пруд не разойдется, сеять нельзя... Сеять клевер или не сеять: посеешь — все равно потравят крестьяне. Взмет-то хорошо раскородится. Одному сеять и боронить, а потом клевер сеять. Завтра (вчера говорила) резку резать... Сеять? — Сеять! — А дождь? — Сев, а он резку резать будет, резку резать... резку... резку... Погода будет... — сеять и боронить...резку...

<*Приписка:* Баба-рассыпуха>.

Вы все такие [ужасные] растрепы... Это шут знает что такое, что это за люди. Ни о чем не думают... — Я думаю... — Ты только думаешь, а исполнять...

Ссора Зин. Никол. с Соф. Алекс. Соня была в гостях у Кати. Катя обидела Соню. Соня ушла. Пришла Софья Александровна... — Вы обидели Соню... — Я Соню обидела! Странно! — Не Вы, а в вашем доме обидели... Катя обидела. Ее костюм, ее фигура, ее поза! Оскорбление. Здесь оскорбили внучку Алекс. Алекс. — Внучка Алекс. Алекс.? — Дочь главного управляющего оскорбила внучку Ал. Ал-а!

Приехал Карп. Жалуется. А он: женщины, женщины, здесь столько женщин, деревня...

Зин. Ник. в народе прозвали «Принчесса» — едет! чтобы собака не лаяла, птица не кричала, корова не мычала, часы останавливались...

Как вы праздники проводили?

Были на беспроигрышной лотерее цветов. Такая гадость! Отцветшая герань, отцветшая желтофиоль, бегония обмерзшая, листья опали, одни ветки торчат, такая гадость, и в руки не стоит брать...

Кто этот Светлый человек, о котором признался раз Коля?

Дождь пойдет! Туча заходит страшная! В саду сеют. Маркиза стоит черная как туча, распоряжается. Безветренно, клевер ложится ровно.

Старик Петр, старый опытный сеяльщик, особенно ступает... и, кажется, шепчет молитву... Иду с маркизой через сад в поле осматривать десятину для посева... Хорошо разделали сад!.. На валу встречается парень, кричат в лесу утки, парочка уток вьется над нашим прудом, полетели на Ростовцево. Я подхожу к своему пруду... неосторожно, утки летят на тот пруд.

Иду обратно. И вот вдруг стало тепло, тепло и светло... На одной тонкой светлой березке присела птичка смирная, и в осинничке тоже щеглы и разные мелкие птицы и дрозды, все сидят [сразу] разогрелись...

Посмотри направо... туча! Да такая страшная, такая черная, настоящая грозовая, и как сжалась и как поблекла [стоящая] против тучи тонкая волосатая березка... И тут... радуга... Неужели гроза? И так я неосторожно подхожу к пруду и пугаю уток. Они летят назад. Я подхожу к караулке сдать собаку. Караулка, что копна соломы, корова мешает войти в дверь... Отворяю... Там ребята... там теща, там теленок... Я сунул собаку туда и пошел скорей к пруду. Услыхал сверху селезня... он особенно трещит перед уткой... Помню, как трещал тогда всю ночь такой же селезень по убитой... Уток не видно... Я наблюдаю, как он плавает... Дождь, [надо] идти... Я ползу от куста к кусту... Снимаю пальто... Наконец не выдерживаю и стреляю... Обе утки улетают, далеко белеют на черном, дождь идет... Спешу домой... Обхожу Ростовцев пруд. Уток нет... Выхожу на выгон... на кладбище... Разглядываю памятники... самый ранний 1789 года... И какая жалкая могила отца... Как это страшно... это пренебрежение...

Недавно разговаривали о смерти... Я, говорил он, совершенно не боялся смерти, но как только заболел, сейчас же начал бояться. Хорошо бы, говорит она, умереть без болезней, болезнь страшна... Я, говорил он, совершенно не боялся... Рассказывает про мать, как она за два года до смерти стала дурочкой и ей давали гривенники... Все-таки поразительно это равнодушие к концу... постепенное угасание сил...

Мне не дает покоя Колин Светлый человек — и хочется мне думать, этот Светлый человек его же... он сам. Вет-

хий человек бесконечно пал... и потому тот бесконечно возвысился...

Мы родились в одну и ту же минуту, от одной и той же матери, нас назвали одним и тем же именем, и мы не знали, где каждый из нас начинается и где каждый из нас кончается... Мы были близнецы...

Раз мы бежали с ним по аллее за галчонком. В руке у меня был [камень]... Я ударил галчонка... Мне нельзя было не ударить его. Галчонок упал. А вечером я видел, как мой брат пробрался к липкам... посадил этого галчонка на сук и плакал над ним...

Детские образы: подбитая птица... зеркало... вечная игрушка... чтобы никогда не ломалась... герои, к большим... в спички играли... заговор против меня...

Хренников — герой, его сестры... а может, я родился от лешего... Значит, я дурак... шепчу «ад»... и легче... мгновение счастья. Я герой, я положу душу за всех... одобрение... я в восторге... и непоправимое мгновение... а как же я люблю их! И Хренников использовал, я для него крал... Подхожу к ним, а они-то ничего не знают: на глазах их как ударю птицу, а потихоньку жалко... на глазах у всех схватил... а что они скажут про меня... И вот эти самые соловьи, про которых рассказывают... и ягоды... Лучше сначала потопление, а потом я бегу, а на охоте думают, закрыл... и побег после горестного отчаяния. Рождение мечты... Но ведь это правда... Да как же правда-то: не бывает березок с золотыми листьями... А если поискать? Ведь ты не искала? Сидим под деревом... Какие они счастливые: они знают то. Я никогда того не сделаю, что они... Меня обидели... Я, я, я... лучше всех... я такой... вот я что видел, вот я что видел. Я мечтаю о юге (наслушавшись рассказов). И хороша та сцена: Ивана! Помяни, Господи, Ивана... Как умирают животные: встрепанная ворона задумается. Я убежал в ту сторону (юг) и заснул... Чуть-чуть ошибся, одно слово — и не так... Вообще я совсем такой же, но на волосок не хватает... Я проваливаюсь.

Итак, я живу в доме маркизы и точно отмечаю всех людей, которые с ней соприкасаются... Сколько их уже!

Вчера, разговаривая с Люб. Алекс. об Амвросии, я убедился, что религия вне будничной жизни, вне человеческой жизни, вне практики... для неё не существует... Бог — это какой-то хитрый помощник в её делах, это компромисс, это примирение непримиримого и это школа Амвросия. Я старался ей сделать понятным себя... Мама начала речь о науке... Я говорю: ты верищь, что земля круглая, а не знаешь этого, ты не сомневаешься, а ученый, утверждающий это, сомневается... Так, говорю я, и Бог. Он тоже вечно сомневается, он вечно мучится и терзается, как поступить в таком случае или как в таком... А вы разве сомневаетесь?..

Идея аскетизма ей непонятна... Батюшка велел жить в миру... и все...

Как удивительна вся их жизнь: эти Таня и Маша...

Таню Амвросий велел матери (прачка Люб. Александровны) отдать. И что получилось... он говорил: там люди богатые. Не велел ей оглядываться назад, когда отдает ребенка... Откуда такая власть распоряжаться жизнью людей!.. Настоящие библейские жертвы...

Как жили эти девочки? Говорят, им устроили счастливую жизнь, любят мужьев и детей... и любят именно тех, кого назначила мать... Вот ведь можно же сделать людей! У Тани было несчастье: узнала, что приемыш... в церкви сказали... Мама, что такое приемыш?

Рассказ Люб. Ал. об исповеди у другого монаха, духовника Амвросия... — Ты играешь в карты? — Играю. — И бросился от меня в ужасе и долго не появлялся из алтаря, и так много раз...

Рассказ Лизы о Хрипуновой Екатерине Димитровне, как она, духовная дочь отца N, после его смерти явилась к одному священнику и рассказала сон: будто отец N велел дать ему взаймы денег... Тот дал... Ксения: — А поп-то глуп!— Вы бы не дали? — Я бы не дала!

9 Апреля. Ты ведь вообразил, что дождь! Однова дыхнуть был утренник... [Небо] прояснилось. Собираюсь идти в имение Хрипуновых, которое распродается участками. В саду птицы [пропали] в ветвях в тумане. Осинники в лесу как зеленые свечи. Вальдшнеп неслышно пролетел.

Поднялся с треском на опушке. Несколько раз безуспешно стрелял, потому что весь в разброде. По склону в оврагах пробежала лисица. Девочка с мешком идет. — Что у тебя? — Вино несу казенное в банку*, мужики съедутся, пить будут. — А мне можно выпить? — Можно. — Где кузнец Алексей живет? — На Михайловке, вон белая изба. — Кузнец купил участок. Он на барском дворе, иду по берегу, виднеется дом Ал. Ал. младшего... Встречаются два мужика, один Кузьма Васильев из Михайловки, другой Логин Трофимов из Морской. Разговариваем об укреплениях. — Что укреплять-то? Мало. Что там! — Путаница в пользовании законом... От их рассказов, как и вообще от рассказов мужиков о земле, остается только то, что очень все недовольны законом. Вообще же, извне как-то очень мало можно видеть, а внутри что-то произошло.

Встречается Краевский... Спускаюсь вниз по страшной грязи...

В саду [весенние] работы — яблони развязывают или чистят сад, слышны «страдания». Грачи, грачи, грачи! По саду, берегом реки и в поле... Озимое поле... Несколько [охотничьих] шалашей у озерков для уток или для караулу... На другой стороне видны белые ступеньки в реку... строящийся барский дом, сад, парк вдоль реки. По берегу реки мужик, мальчик и собака идут. Зачем-то спускаются вниз к воде. Зачем? Подойти разве узнать? Подхожу. Длинный худой мужик, вялый, мальчик с идиотским лицом и тощая собака. — Что вы там делали? — А вот идем по мосту, глядим, верша плывет... так зашли посмотреть... может, крепкая, а может, с рыбой. — Отчего собака такая худая? — Кормить нечем, мы сами худее собак. Вот ваша собака добро! За такую собаку оно можно в прежнее время деревню мужиков купить... Разве стоит мужик такой собаки... У ней небось щенки по полсотни штука. А наш — в цене копейка... Бывало, в карты проигрывали. — Из какой деревни? — Недалекие, из Маслова... барские... барыни Арсеньевой... Девица... — Жива?.. — Жива, что ей деется... Сытая... Землю продала Стаховичу, а мы так остались... И

* в банку (искаж.) — в банк.

на что бы ей земля? Одна живет... А вот оставила без земли.

Подходят два бродяги с ружьями... Стреляли в ястреба. Он падает. Бродяги говорят об утках. Нетути... Тут на каждую утку двадцать Ванек... И зайцев всех выбили... Говорят, еще волки выводятся, прошлый год переловили детей*... Удивительное дело, как волки могут тут жить...

— Пойдемте на вальдшнепов... — Идем в Катухи. Немного боязно бродяг. — Чего же вы бродите?.. — Лошадей нет, пахать не на чем, вот и бродим так, а надысь утку убили и гуся, принесли на барский дом, не верят, говорят, домашняя. Сиверко. Птица не летит. Полетит, полетит и остановится. Холод не пущает. Намедни гуси летели низко. Подстрелили одного — все бросились к нему, а мы стрелять! Выбежал заяц — убили: самец... Вылетели два вальдшнепа... — Расходился. Закусываю на пеньке... Холодно. Нахожу валочек и валочком по полю. Где-то далеко пашут... Небо мрачное... Земля мрачная... Небо все-таки хорошо, много неба! Это самое лучшее здесь. Далеко виднеется Маслово — хутор Стаховича в лощинке... Снег в лощинах... Выхожу на дорогу и к деревне Завражково. Иду по загуменьям... Спрашиваю мужика, где Сухинино. — Вон дорога... — Собаки бросаются на меня, всевозможные кобели, но, почуяв мою суку, мгновенно стихают и глупеют. Пятилетний мальчик верхом... — Куда ты едешь? — Попоить... Тпр, но!.. — Тут у реки столько грачей! Полуразрушенная мельница... Народу нет: сеют и пашут. Иду дальше по дороге... Где-то перехожу ручей, глину...

Река по берегам покрыта льдом... Льдины обрушиваются и пугают... Желтая мутная речонка... с ивами на правой стороне... В Сухинино еще больше собак, еще сильнее сплоченность. На прислоненной стене... висит юбка розового цвета. — Где изба Никиты Ильича? — Посередине деревни, с крыльцом, окна под решетку, лозинки навалены... — Здесь? Опять нет... В окошко баба смеется с жидкими сиськами... Нахожу... Здесь. Сидят две бабы, сучат длинную нитку... — А зачем тебе Никита Ильич... — Участок покупать... — Все разобраны... Нет участков... — Где же

* волчат.

остановиться... Говорили, у них самовар есть — я видел этот самовар в разных избах, по нему сгибался, но здесь нет... Грязно... Теленок... Немыслимо... — Куда же идти? — Иди к Сирену... к приказчику прямо в имение, с ним и побалакаешь...

Еще идти две версты! За деревней пасут мальчики большие стада. [Обкуривают овода].

Мальчишка маленький просит спичку закурить, от земли не видно, просто маленький заржавленный железный крючок, брошенный... Одна спичка не загорается, другая, третья...

Иду дальше на барский двор... Впереди опрокинуты сохи, за сохой по грязи идет молодой мужик, иду рядом, ничего не говорит... Мрачный... — Соха! — говорю я, — пора бы плугом пахать! — Плугом! — усмехается он, — да чего пахать-то? Нашу землю плугом... — Говорим об общине... — Разрушают? — Конечно, разрушают... Они хотят общину разрушить... теперь-то нельзя... а тогда они и всех покорят християн... Они в тюрьму сажают... Они его Величество держат... В забастовку темно было... студентов не понимали... теперь другое, теперь будет такое!.. Они против христианск. общества.

Этот спропагандированный человек за род, за общину... Непременно же крестьяне за общину... Размножится?.. Так что, переселятся, а теперь пока... Кутузов... Один как есть... Все <*1 нрзб.*> во время забастовки отдал... а теперь назад. Сдал елецкому купцу... а сам во флигеле сидит, пьет... 200 десятин у одного, не хозяйствует и пьет! Если бы еще хозяйствовал! Красовский во время забастовки сколько в тюрьму отправил... Кругом помещик: Прогорелово... Хутора... Лугов нет... Это общий голос... Здесь сухининские сняли 24 (всего 150) участков (!)... Кто побогаче... а бедному...

Подходим к дому, он в сиреневом саду, низкий, деревянный... На Финляндск. замок... Пимен Егорович у [окна]. Самоварчик... Веет от старика добром... Хорошее это, быт... ум, ясность...

— Служил? — Служил при полковнике Иване Петровиче Бироновом... В то время лучше было... теперь он (ду-

рак) говорит «свобода, свобода», и теперь ничего, а тогда оброк заплатил и не знай... Ну там когда борона или что... а насчет того, чтобы секли... так как себя поведешь, меня никогда не секли... ну и посекут, так что, а теперь разве не секут...

Входит мужик... наивно удивленный... весь смятение: — Недотолчка вышла... лихоманка... смертный их душу знает! Недотолчка у бурой вершины... Этот туда, а этот туды... — Куда? — Да к бурой же вершине... Там полосеменник не выходит... Полполосеменник запахан. — Кто? — Кузьма мордастый. Возле лядвинки... Пословица: с богатым не судись, с здоровым не борись. Он богатый, а я что... из роду вышел. — Закон... — Да, скажите, что это за штука? Что бы такое?

Недоумение... искреннее... такой [узел] — община... род... и вот что...

Уходит.

— Это штука! — Говорит Пимен, хитрый и умный старик, за чаем... — Что это за штука... Эта штука, Мих. Мих., перейдет на старинку... Ха-ха... Перелезает (к свободе)... — Скажите же, как нужно устроить?

Рассказывает: — Я в Сухинине при Б... жил — знал каждую десятинку... вот поделили все ровно... все ровно... Я говорю Якову Алек.: так нельзя... Как! кричит... Это, говорю, 40 р. отбавить... Отбавил... А тут, говорю, прибавить — прибавил... Съершился... «А тут скажи, Пимен Егор.». Тут, говорю, отбавить... Тише и тише...

— Да он же не понимает...

— Зачем не понимает, он нашего брата вывешивает... А как вовсе стихло, я ему и опять говорю: «Яков Александр., дозвольте русскому мужику самому поселиться, мы каждую полоску определили... — А клевер?.. — Что клевер, не в клевере дело, а если клевер понадобится опять, опять мы сумеем...»

Искренне... верится, что сумеют...

— Польза мужику будет... Настоящая польза... Он опять кричать: «Ну, как же вы сами-то устроитесь? — Да вот, пруд, и у пруда вешкой, мысленное ли дело одному торчать, как веха, и сейчас на три поля... И переделим... — А

чересполосица... — Чересполосица никому не мешает... Зато польза...» Как он затопает ногами! «Поди от меня, диавол-искуситель...» Вышло же все-таки по-моему... Корова удавилась... привязал, пошел, и она обмоталась и удавилась, лошадь привязал... Вышло по-моему... удается урожай, а не удастся?.. и сгоняет всех...

Прощаюсь и ухожу, по пути вспоминаю... Как он меня встретил, этот Пимен...

Я: — Хрипуновы добровольно?.. — До-бро-вольно... Живет теперь, в полку служит... — Чего же добровольно... А в Сухинине... — Тоже добровольно... — А у вас как... то же на участках?.. — Когда спросил Яков Алекс. меня, я ему: а не нужно разделивать, отдать мужикам, всем чтобы ровно, а они уж разделят... Они разделят: где кому [хочется], отведут там полоску, там другую... etc (спросить у Глеба, как делят землю).

Когда входил в избу (в Сухинине), корова загородила дорогу, я почесал у нее между рогами и осторожно прошел в избу...

NB. Прибавить: охотники — люди безземельные. И: ищу избу по самовару.

Иду к пруду, хочу через плотину пройти, а на той стороне наверху холма черная корова шла, увидала Нептуна и остановилась как вкопанная. Мы тоже остановились. Что делать? В руке ветки нет. Стояли, стояли, думали — пастух подойдет. Пастуха нет, и корова все стоит и стоит. Мы перешли плотину: как она пустится! Ветка лежала на земле, схватил ее, машу, она не остановилась. Мы пошли, и она пошла за нами, мы в лес — она в лес, мы в поле — она в поле, мы остановимся — она остановится, идет и идет, черная... А может, это не корова, а колдует, бросить в нее что-нибудь, и рассыплется корова золотыми червонцами. Корова потому идет вслед за собакой, что принимает ее за волка, а когда волк, то все стадо так его провожает... И вот одна корова поступает, будто она не одна.. И волк этим пользуется... Выманит так теленка из стада и уведет его. Так гибнут телята за общее коровье дело.

Деревянный барин (на деревянной ноге).

Барин, который решил апельсины сажать...

Барин и 12 добрых дел...

Утка! ползу... стреляю... убил... бросил... Охотники: это русские утки и забрали...

Опять я против строящегося дома... теперь строят каменные, виднеется купол... Слышны удары молота о железную крышу... Железную... белые ступеньки... льдины...

У Краевских... Ал. А.: раз день был хороший... Ал. А. подумал о севе и велел сеять по всем хуторам. Управляющий обиделся... У крестьян нет социализма... есть род, община... Личности нет... Нужно узнать стихийные основы народа: как он желает, и потом селить... Нужно выделить стихийное начало...

Л. Н. спрашивает о детях? Как отделаться от них... Леонард предлагает аптекарское... Это не то... А раз они есть... Как быть с ними...

По 80 р. в день зарабатывала, развращенность в продаже земли.

Осадок отвратительный... Кто Леонард? насчет клубнички... Авантюристы... Букет... Романтик, как вы, и классик.

Собаки... Вера в студента.

10 Апреля. Майская ночь. Весну 189... года я решил провести <*зачеркнуто:* на лоне природы> и для этого снял себе старый дом в заброшенной помещичьей усадьбе. Местоположение дома было очень красиво: на высоком холме над озером в заросшем бурьяном сиреневом саду. За фруктовым садом, тоже сильно запущенным, были поля, сдаваемые в аренду крестьянам, а дальше громадный лес с непроходимыми болотами. Вот где отвести душу, вот, я думал, раздолье для нашего брата-охотника. Осмотрев эту усадьбу, я отправил туда свои вещи, а сам приехал позднее, в мае, когда цвела сирень... Погода была <*зачеркнуто:* райская>, я решил совершить путь от ж. д. станции до Заполья — верст двадцать — так звали усадьбу — пешком вдвоем со своей собакой Лэди. Что это было за утро! Что это была за прогулка! Первые три версты до деревни

Малый Брод я не шел, а летел. И так я, вероятно, дошел бы в восторженном состоянии все 20 верст. Но вот что испортило мое настроение. Как только я подошел к деревне, огромная овчарка величиной с теленка выбежала из крайнего дома, взвизгнула, зловеще смолкла и понеслась на меня громадным белым шаром... Я очень боюсь собак. Лэди тоже, самая изящная (француженка) на тонких ножках, взвизгнула и прижалась к моим ногам. Камня, сука не было на дороге. Чем и как я мог защитить ее и себя от страшного русского кобеля?.. Я решил его задушить... <*зачеркуто.:* и приготовился... и на минуту успокоился хоть этим>. Но не успел я устроиться на этой мысли, как вдруг слышу, еще что-[то] визгнуло на деревне и стихло: вторая огромная <*зачеркнуто:* не белая, а черная> собака черным клубком катилась на меня вслед за белой. За второй третья, четвертая. Десятки собак мчались на меня, поднимая по дороге облака пыли. Господи! взмолился я, помоги мне. И вот что случилось: первый белый кобель, достигнув меня, вдруг остановился как вкопанный и навострил уши. Потом как-то сразу весь осовел, опустил уши, оглупел и робко протянул язык к Лэди. Она согласилась <*зачеркуто.:* подняла хвост>. (Тубо) Tonbear!— крикнул я. Она опустила хвост. Не успел белый кобель обидеться на меня, как налетел черный и тоже остановился, оглупел... Сцена повторилась. Потом еще, еще и еще... Через несколько минут я продолжал свой путь, за мной Лэди, а за ней десять огромных собак с высунутыми языками, с повисшими ушами, с глупейшими мордами.

В деревне Малый Брод к нам присоединились еще десять... В деревне Средний Брод — сорок, в деревне Великий Брод я потерял счет... <*Зачеркнуто:* Потом стали присоединяться случайные... не доходя несколько верст до усадьбы>.

А потом когда подул ветерок, то с подветренной стороны беспрерывно стали к нам присоединяться новые и новые спутники...

Так я вступил в усадьбу. Никого не было в ней. Караульщик вдребезги пьяный спал в сарае. Я не мог его растолкать и открыл дверь дома своим ключом.

В усадьбе я быстро прошмыгнул со своей Лэди в комнатку и закрыл ее на крючок. «Какая пакость!» — изумился сторож, оглядывая множество покорных собак, оставшихся за калиткой.

Он открыл мне дверь дома, помог мне разложить вещи и ушел... <*Зачеркнуто:* Я остался один со своей собакой>.

Такая тишина осталась за ним! Такая радость охватила меня. Люблю я эти запущенные усадьбы с покинутыми домами... Вечерело. Я прилег на кушетку... Через окно проникал ко мне запах сирени и пение соловья. Завтра, мечтал я, рано утром меня разбудят птицы. Я проснусь ребенком, увижу высокую липу с этой кушетки, и на самом верху её горлинка тихим голосом будет скликать барашки на небе... В деревне иногда бывают такие пробуждения... Я уснул...

Пробудился я среди ночи. Кто-то ломился в дверь, царапал ее. Собаки! сообразил я. Собаки обошли калитку валом и теперь лезут, чуя мою Лэди. Как я ни пытался заснуть — не мог... Царапанье в дверь все усиливалось, принимало в этой уединенной усадьбе какой-то зловещий характер... Я взял веревку и открыл окно, ближайшее к двери. Собак собралось не очень много, наверное, не все еще узнали лазейку. Я стегнул их из окна веревкой, они попрятались в кустах сирени... Я скоро забыл о собаках: такая была чудная майская ночь. Сотни соловьев пели в сиреневом саду. Ниже в болотистых кустах кричали коростели. Блеяли бекасы. За озером показывался край огромного месяца... У меня будет лодка, непременно заведу себе её. Буду с удочками и ружьем ездить по этому озеру. Какое оно широкое! А там лес... Можно пристать к лесу, уйти в него и долго не возвращаться. Иногда можно пропасть на несколько дней: пищу сварить можно в котелке... Какой темный лес... Как пахнет сиренью! Я открыл все окна и опять лег на кушетку. Завтра на этих липах, стал я мечтать, рано утром на этих высоких липах в зеленом свете будут купаться большие золотые иволги. Как тогда, совершенно как и тогда, когда я был маленьким... Я опять уснул счастливый. Сильный стук разбудил меня. Что-то упало с окна. Я открыл глаза и вот что увидел: прямо против меня в окне пониже месяца, положив четыре

мохнатые лапы на подоконник, сидели, высунув красные языки, два огромнейших пса. В другом окне то же самое, в третьем — везде сидело по два или три пса. Я был окружен собаками, Лэди с визгом прижалась ко мне. Сначала я струсил, но потом приступ звериной ярости напал на меня. Я схватил веревку и выбежал за дверь с целью разогнать псов опять за калитку, разбудить сторожа. Лэди с визгом бросилась за мной. И вот какое зрелище ждало меня там: весь двор вдоль сада был наполнен черными, белыми и пестрыми собаками. В сиреневом саду в каждом кусту горели огни, в тенях лип горели сотни маленьких лун. Ниже на лугу вплоть до озера чернели темные спины... Огромная луна серьезно смотрела вниз. Соловьи попрежнему заливались... По-прежнему кричали коростели и блеяли бекасы... Веревка выпала из моих рук... Я хотел было отступить назад и запереться... Но мне вдруг показалось: сделаю я один только шаг назад, и звери растерзают меня. Мгновенно пронеслись в моей голове детские воспоминания об ужасных собачьих свадьбах. Стоит, говорили мне, в этих случаях виновнице мрачного торжества броситься на встречного человека, и все звери мгновенно бросаются на него... Значит, все дело в ней, а не в них? Значит, если она не изменит мне, то все эти стаи будут моими рабами... Никогда я не гладил мою собаку с такой любовью. Она отвечала мне теплой дрожью... Она была мне бесконечно верна. От неё я получал уверенность и силу. Я смело махнул веревкой по мордам ближайших зверей... Они покорно отступили. Я вошел в дом, затворил дверь, закрыл все окна, кроме одного, сел тут на подоконник и замер в созерцании... Одна луна рождала эти тысячи маленьких лун между липами и в сиреневых кустах. Она одна это делала... Пахла сирень, соловьи заливались над темными звериными спинами. Тысячи звериных сердец бились единою связью... Тысячи зубатых пастей покорно смыкались и размыкались от горячего дыхания.

Я, бесконечно сильный, я, царь природы, если б хотел, мог идти по этому морю покорных зверей... Я царь природы... Да, но если бы Лэди укусила меня? Что бы было тогда? Я превращался в ничтожество. Но Лэди меня не куса-

ла. Соловьи пели вечную песню. Луна мирно светила над озером... Бекасы... Завтра опять стану я мечтать, будто в липах [большие] золотые иволги, горлинки мирно будут на небе барашки скликать... Звери [мои разошлись], значит, опять подумал я, дело...

11 Апреля. Маркиза велела мне сходить за сад, где стоит клевер, и прислать Михайлу. Я, говорит она, послала за ним одного долбня — не идет, другого — не идет, сходи ты. Я иду через осинник, вижу, лошади стоят, возле них все стоят и покуривают. Холодно... Петр-старик укутан шерстяным женским платком, вероятно, с плеч маркизы. — Холодно? — спрашиваю его. Молчит, не понимает. — Сиверко? — говорю я опять. — Сиверко, сиверко, — отвечает он. — Такая стыдь! — подтверждают другие... — Это ты от холода, — спрашиваю, закутался? — Нет, зубы болят, шибко болят... — У Петра-старика глаза всегда такие, будто он вечно переживает тяжкое страдание, или у него это зубы болят так... — У тебя всегда зубы болят? — Всегда... Бывает, отпустит, а там опять закрутит. По погоде. Сиверко, вот и болят... — Глядит своими печальными глазами и спрашивает: — Скажите, барин, а чего это у господ зубы не болят? — Что ты говоришь... — Пра-а-вда. — Все хохочут. — Ей-богу правда, — говорит старик серьезно. — У господ зубы не болят... Едят хорошо, пьют хорошо, спят вволю, оттого и не болят... — Зубы, — говорит Михайло, — болят от сахару и от горячего, а господа сахару-то больше нашего едят... — А вот поди же ты, у них не болят... Стало быть же, не от сахара зубы болят...

Королева примеривает рубашку из полотна «мадепалам». Говорит: еще раз примерю, только не капризничайте. Здесь пониже, а носят повыше.

Любовь Ал. потихоньку от мамы купила у Лиди елочки по десять копеек штука. Когда мама узнала, она сейчас же заахала: — Обманула, этакие елочки по 10 коп. Я ей скажу. — Да как же ты скажешь? — А так скажу: да какая же вы, Люб. Ал., Лидя мне елочки не продала, а вам продала. — [Ссора] из-за елочек.

Зайчик на парники прибежал.

Попалась мышь в парниках.

— Они и тут перебуровили, и там перебуровили, и это шут знает что!

Приехал арендатор садов. В шалаше еще холодно. Поселили в бане. Был <*1 нрзб.*> теперь усердно работает, собирает к себе бродяг и носится с ними, лечит их. Но не богомольный... Хочет снять сад у Лопатиных, удобное сообщение... Интересна связь таким образом двух семей.

Другое Степан: кривой человек, лживый, купил паникадило на церковь и весь заработок отдавший туда... Потом влюбился в кухарку, купил гармонию и перестал жертвовать на церковь...

Семен чинит решетку в палисаднике, стучит топором. Перед ним [дубовые столбы] с полосками, и он вечно стучит по полоскам... Оторвется на минуту, и опять. Не любит отрываться. Сработает ни больше, ни меньше. Ты, говорит, Семен, это поскорей сделай. Он удивился и даже стучать перестал: Да я ж, Мар. Ив., всегда одинаково делаю.

В воскресенье поехал в Суходол, вернулся во вторник. Описание поездки. Настоящее апрельское утро. Снег только в логах. Квадратины полей, полоски, кустарники, все вычищено, подметено, будто к Пасхе. Прошлый год в это время была Пасха (13-го). А сам Апрель поместился где-то между ивами, золотящимися, или в ореховом кустарнике. Он теплый и мягкий, и скромный.

В Лад. мы замечаем несколько новых домов с краю. Не купцы ли это? Спрашиваем, — нет, просто новые постройки... Где-то за зеленой [кроной] виднеется красная крыша. Кто это? Имение Красовского. А тут Колодези.

<*Приписка:* Захилился>.

За Орепьевом попадаются два странника с котомками. Спрашиваем о поселенцах. Они самые и есть. Жалуются на жизнь, зимой побирались, теперь идут в город на заработки... Первое дело: луга нет, скотину негде пасти... Внизу в логу показывают на поселенцев: по ту сторону новые, по сю сторону старые. Но нам нужно проехать через

д. Александровку. Александровцы обижаются: их земля Суходольская, а досталась чужим.

Суходол — лес... Поселения друг от друга на далеком расстоянии... Глебу нравится... Заглянул в контору: управляющий Вас. Вас. и Федор Фед. Конторщик «подсидел» Ф. Ф-а. Вас. Вас. медного цвета кулак. Выжига. Тут же Надежда Ал. Накинулась! Ум мутит, пересчитываем всех покойников и живых, [скот] и кучеров.

Про неё интересный рассказ: когда приезжал Конст. Конст., она тайными ходами проникла, поднесла просфору адъютанту: от бабушки, внучки которой воспитывались... Вдруг появляется князь; она выхватывает просфору и подносит: это от той самой Мар. Ал. Хрущевой, которая в Шамордине... Хорошо сюда: Ростовцевы раньше были купцы Чижиковы, а вот поднесла просфору, и стали дворянами.

Суходол, по рассказу Над. Ал., в далеком прошлом принадлежал Дубовицким, был устроен либерально: там была школа, больница и прочее. Над. Ал. устраивает своего повара. Ищем сопрыкинского мужика Василия Филиппова. Осматриваем избушку повара. В ней пять шагов, гнилая... Очевидно, построена лишь для формы, а не для житья. Ищем по слободе... Незастроенные места... Вас. Филиппов оптимист: только рады, что попали. Интересного в скотине ничего не будет, а как дома и козы не имеешь, так и рады. Охота смешать (хутора на троеполье) хорошее по-хорошему, плохое по-плохому. Я предлагаю расчет на четырехполье. Но они говорят, что и картошка нужна, и просо... — Разбогатеете? — Сумку бы не надеть. — Сумку хотя и не наденешь... Я весь в овце, а здесь овчонок выпустить некуда... — Приходит сапожник из Александровки, критикует... Сам поселенец, не живет в Александровке и «злует», что новосёлы пришли со стороны и заняли их землю. Право на землю природное. Он приходит сказать, что его коровы разбрелись на его участок. «Я и там хозяин, я и тут хозяин». Три категории: 1) хозяин пролетарий — издалека, 2) хозяин из недалекой деревни, имеет и там, и тут поместье, 3) имеет поместье в своей деревне (ходят обрабатывать люди).

На лошади едет, а корову в поводу ведет, разве это жизнь? Жизнь сибирская! Я не одолею коровы. Поедешь с лошадью, а за тобой сосун бежит. Спор о сосуне. Разводить можно только меринов. Сосуна не привяжешь. Сосуна нельзя, это напрасно вы говорите... Оптимист! ничего, мы подгоняем под бок (несколько хозяев собралось, участки рядом).

— Что-то вы чудно рассуждаете... Мой участок на боку: сосун 1000 раз пройдет, и 1000 следов, а ведь сосун-то у вас, да у второго сосун, да у пятого, да у десятого — посчитайте, сколько сосунов, ведь сосун на косяк бежит... — Я подал прошение на вашего сосуна. — Да вас не примут с прошением. — Я плачу. — Да и я плачу. — Мой сосун... Твой сосун... — Ну да ладно, еще не топтал. — Топтать не миновать. — Еще никаких видов не видала, а у нас уж сосун есть. — Он его угреет (дубинкой), раз, другой, он и ляжет.

Сев! Жаворонок поет...

Продолжение поездки.

Мар. Ник. нет дома. У Саши смертная скука: дети и парники — весь его интерес. Ходили встречать Марию Ник., но не встретили. Везде сеют... Мальчик на телеге и отец с сохой... Какой-то мрачный сев... Мрачно вечером в деревне.

Обратная поездка: овцы на пути, как малые дети, перекликаются... Пастух-старик и мальчик на бугре...

Раннее утро в лесу. Шел дождь, теплый, как роса, пахнет корой, пахнет березой, по озими над болотистой [травой] ржавой с радостным криком кувыркается чибис: поднимется вверх и опять бросится, поднимется и бросится... Почки раскрывают крылышки, будто лететь собираются. Ласточки показались, а до Егория еще далеко!

Батюшка опять философствует о природе, что Бог был великий художник и создал природу для всех одинаковой. — Природа — демократка! — сказал батюшка, и тогда же вспомнил, что святой Тертуллиан сказал о душе: «Душа по природе своей христианка», и продолжил от себя такое: «Душа по природе своей поэтесса». И еще хотел

что-то сказать, но тут сыновья крикнули с воды, что потерялись верши.

Вид с могильника за реку: лес и луг обещают столько впереди, когда клевером запахнет.

Гусак улетел. Раз в Апреле я возвращался домой мимо дома батюшки. На выгоне трава зеленая, вдали квадраты полей сияли свежей зеленью, земля была, как будто готовилась Пасху встретить. Но Пасха давно прошла: Светлое Христово Воскресенье было на грязи в Марте. Батюшка давно уже обошел деревню, и матушка давно уже запекла собранные яйца и услала куда-то... Отсеялись... Сад вычистили. Я заглянул в окно: хозяев нет... Где бы им быть, подумал я, не в саду ли? Заглянул в сад, а они двое сидят в саду под вишнями и пьют чай на свежем воздухе. Он тонкий, тонкий, она толстая, толстая.

Раненько, раненько! хотел я им крикнуть, раскланиваясь... Но не успел раскрыть рот, как злейший поповский гусак укусил меня за ногу... и с шипением приготовился укусить другую... Я бегом к калитке и за калитку в сад... Меня усадили чай пить...

За чаем, почесывая укушенную ногу, я очень нетактично сказал: — Почему-то у батюшек всегда бывают злые собаки и гусаки... — Потому, — ответил батюшка, — что нашему брату духовному нужно одним глазом на небо смотреть, а другим на [землю]. Намедни опять лошадь украли... — Но матушке, не любившей шуток батюшки, наш разговор не понравился. — Причем тут гусь, — сказала она, — у всех есть гуси: и у диакона, и у дьячка, и у пономаря. Не привязывать же нам гуся, как собаку, на цепь... — Батюшка, боявшийся дурного настроения, поспешил замять матушкину речь словами: — Кто же говорит, чтобы привязывать гусака на веревку... Пусть он гуляет... Гусю нужен простор... Гусыни на яйца сели, он и скучает, и злится. Гусю непременно простор нужен. Как-никак, а он же потомок тех диких гусей... Только что белый, а так ведь он тот же, вылитый дикий гусь...

В это время мне вдруг ясно послышалось, будто кто-то из сада со стороны пруда позвал меня по имени. Я оглянулся. Ряды яблонь, хорошо промазанные глиной, свети-

лись чудесным апрельским светом, вишняки волосатые, расчесанные скромно [ветром] ... Никого не было. — Вы слышали? — спросил я батюшку. — Кто-то позвал меня... — Нет, — сказал батюшка, — это гуси крикнули...

Мы посмотрели в другую сторону на гуся. Он стоял спокойно перед калиткой, вытянув шею, и глядел совершенно так, как говорил про себя батюшка: одним глазом на небо, другим на землю...

Батюшка последовал его примеру и вдруг воскликнул радостно:

— Глядите, глядите, гуси летят. Славный хороводик... Раз, два, три, четыре....

Гуси летели!

Пока батюшка считал, я как охотник вдруг почувствовал неизмеримую радость....

Гуси летели над нашими полями... Строго летели, серьезно... Летят и покрикивают... поправляют, выпрямляют свой треугольник...

Кажется, будто это старые, старые люди помолодели и сказали: будьте как дети...

Кажется, будто это мудрые старцы, тоже величественные с [гусиным криком] вдруг поднялись над землей... И, такие же мудрые и величественные, полетели...

А на земле остались все согнутые, измученные, все эти...

Мудрые старцы, просветленные, летели над нашими полями и кричали: будьте как дети, будьте как дети....

И столько детей, не умеющих летать, глядели на этих гусей с земли...

Гуси летят! Гроза, радуга — все это прекрасно... Но полёт гусей — это лучше... Это самое возвышенное явление в нашей природе...

— Раз, два, три, четыре... всего тридцать штук в хороводе, — сказал батюшка.

— А я насчитала тридцать два, — сказала матушка, очень часто не соглашавшаяся с [батюшкой].

Они принялись пересчитывать и спорить....

В это время я заметил необычайное волнение, охватившее домашнего батюшкина гуся. Не одним глазом, а

двумя, высоко вытянув шею, глядел он на небо, где над высокой колокольней летели его дикие предки. Он вдруг захлопал крыльями и побежал и...

Батюшка с матушкой перестали спорить...

Гусь бежал и махал крыльями....

— Тоже инстинкт! — сказал батюшка.

— Никакого инстинкта тут нет, — поправила матушка, — а просто это потому, что гусыни на яйцах сидят...

Заспорили.

А гусь все бежит и бежит, и машет белыми громадными крыльями и кричит...

Сверху дикие предки кричали ему и звали к себе...

И вот черная Апрельская земля медленно отделилась от гуся. Белый, тяжелый, большой, он поднялся на воздух.

— Опять забыли крылья обрезать! — сказала тревожно матушка, — гусям непременно весной надо крылья обрезать.

— Надо бежать! — встревожился и батюшка, — он же залетит невесть куда. Николай! Николай!

Но работник Николай не отзывался. Батюшка побежал сам, за ним матушка и за матушкой я...

Диакон, изумленный, выбежал из своего дома.

— Гусак улетел! — крикнул на бегу батюшка.

— Вот диво-то! — изумился диакон и пустился за нами.

Возле караулки к нам присоединились церковный сторож с женой.

<*Зачеркнуто:* А гусь поднимался все выше и выше>.

Мы бежали во весь дух... И так далеко впереди нас неслась белая птица, за ней батюшка, махая широкими рукавами, потом матушка в паре с диаконицей, потом все мы шире, шире треугольником.

Сверху звали... звали... Гусь поднимался... Напрягая все силы, батюшка замахал широкими рукавами и медленно стал подниматься.

За ним матушка. И так мы улетели...

У отца Афанасия очень сердитый гусак, так и щиплет за ноги.

Роса! Не утренники теперь, а росы пошли. Скоро Егорий, Егорьевская роса лучше овса.

День прекрасный... Везде сеют... Жаворонки неустанно поют... Все меньше и меньше становятся непосеянные квадратики, все чернее становятся... люди, прикованные к земле... Лошадки бегут (марево)... Ветряная мельница... предметы постоянные...

Деревня Силичево переехала к пруду, на другое место. Осталось несколько полуразрушенных изб...

15 Апреля. + 12°. Выхожу в одной рубашке, хочу отдаться [теплой] погоде... Дымчатое, но ясное утро... Синее моря... Деревня обыкновенная и [дома] кажутся развалинами старинного города... Апрельская дымка... Вчера шмель прилетел на балкон... Свежие зеленые иголки травы вокруг пня березы... Земля сереет... Сегодня перелом весны... Кончился Март... Начинается сладострастная весна... Пока она, впрочем, невинна... Цветы из-под старых листьев... Завтра орех зацветет.

Возле бани лук сортируют. На гумне пашут... Свеклу посеяли.

На парниках готовят землю под рассаду.

Маркиза нацепляла множество орепьев.

Соня. Как она замуж выходила...

Михаил Николаевич... Художник.

14-го при возвращении от Саши (визит Левшина) заяц перебегал нам дорогу. И откуда только взялся? — Это не к добру, — сказал Глеб. — Вероятно, — говорю я, — это сука без меня ощенилась, и мама возилась с ней и даст мне нагоняй. — Ощенилась, — ответил на это Глеб, — к добру, а как бы хуже чего не было. — Приезжаем. У крыльца мама встречает! — Ну и задал же хлопот! Собака ощенилась... Двух... Одного задавила... — Ощенилась 13-го утром. Вот к этому-то событию и перебегал заяц дорогу. (Рождение утренней зорьки.)

Умер Петр-сектант. Рассказывают бабы... Хоронили без всего, как чурку. Говорят ли они «Господи»? Эта вера, говорят, еще до Христа была... А там кто её знает...

Разговор с Михаилом Ильичом перед баней вечером. Две лошади стоят между елками, мерин и кобыла. Мерин простой, заезженный, с кривой спиной, а кобыла кровная... Хорошая кобыла! Славная кобыла кровная. Попала только в собачьи руки к мужику. Мещанин ненавидит мужика. Мужик — [господа] ему все дают — и землю, и деньги, он ничего не делает. Есть бык, черт и мужик; бык забрухает, черт замутит, а мужик ограбит, сожжет и убьет... Попала кобыла в собачьи руки. Лошадь кровная, а он пустил её с жеребятами простыми... Продал за 10 руб. диакону, а тот диакон — яичнику, а яичник — барышнику. Просит барышника 50 рублей. Нет, говорит ему, давай похорошему. Не боярься... А в лошадях я не понимаю. Был я всем: кокошники скупал, и серебро... свечником, яичником, мясником... крашенником. Наша жизнь мещанская — египетская. (Ирония на крестьянских работников).

16 Апреля. К рассказу «Гуси». Иду: посев, тот Сашин вечер, мужики прилипли к земле... Конец: эти мужики бежали вслед за батюшкой. — Вот вечер, — сказал мой приятель, — слышите, звезды звенят. — Может быть, дышат? — сказал я. — Нет, звенят, именно звенят...

У моего приятеля всегда что-нибудь звенело. Он очень любил всякий звон. Я объяснял это себе тем, что где-то в глубине его рода был батюшка, а у батюшки отец был [звонарь].

Вечер, когда мы так говорили, был синий апрельский. Мы сели на лавочку. Первые звезды уже дышали над нами. Блестели между черными сучьями старого сада. Звезды звенят! — сказал мой приятель... И рассказал мне про звезды.

Она была молодая монахиня. Я начал с ней знакомство в склепе: она там продавала святое маслице бедным людям от всяких болезней. Каждую всенощную я покупал у нее пузырек с маслом. И так познакомился. Мы никогда не сказали с ней ни одного слова, потому что другие сестры зорко следили за своей подругой... Я долго ждал. И вот, наконец, настал такой вечер, как теперь, мягкий, уступчивый... Она шепнула мне: у старой часовни... Я вышел за монастырские стены в сад. Был вечер покаяния... Я шел...

Грехи... Часовня, куда я шел, была полуразрушенная. От неё осталось только четыре столба, крыша с крестиком, под крышей висел позеленевший от времени колокол с длинной веревкой... Она неслышно, черная, как и деревья, с бледным лицом, [подошла] и села возле меня на мягкую листву, пахнущую медом. Мы молчали. Она постепенно темнела, темнела, как и вечер... Оставалось еще одно только мгновение, и ночь скрыла бы её от меня навсегда... Навсегда! Потому что она была не монахиня, не женщина, а единственный, проходящий навсегда Апрельский вечер. Она темнела и темнела. Я успел коснуться её руки и сказал: не уходи! Едва я коснулся её, как вдруг раздался звон над нами. Мы взглянули на небо. И вот видим: там, между ветвями, крадется совсем молодая звезда к совсем молодому месяцу. И тот глядит сюда к нам и ничего-то, ничего не понимает! Я пожал её руку еще... <*Приписка*: чудесно в монахине>. Опять ударил колокол, вторая звезда загорелась на небе возле месяца, чуть-чуть подальше первой. Чудесно... Я обнял её... Тогда колокол зазвенел сильнее. Глянуло на небе сразу сто звезд... и каждая стала еле заметно дышать и тихо звенеть... Какая-то маленькая птичка пела на крыше часовни и неустанно просила: освяти, освяти! Я взглянул на птичку и вдруг заметил причину таинственного звона: веревка от колокола обмоталась вокруг меня, и при малейшем моем движении колокол звонил. <*Приписка*: И до сих пор звонит и звонит>. Тогда я взял веревку, обнял монахиню и зазвонил. И миллиарды звезд зазвенели на небе. А земля-то всё каялась... И так пахла старой листвой.

17 Апреля. 15° в тени. В лесу жара от земли, охватывает тепло с ног, здоровье... Первая бабочка желтая над сухими листьями, первая, живая; орех цветет тоже...

<*Приписка*: Иван Григорьевич Аверин, хутор около Ново-Мельницы, спросить о хозяйстве>. Он соглашается, но говорит: — Кто же поднимется? Никифор умный, а ему не подняться. Кто богатые, поднимется. Значит, неправда... Если бы всем, а то богатый побогатеет, бедный победнеет... Неправда, правда — земля всех. Кто богат, тот и

умен! А кто бедный, тот подуровеет. И пьяница трезвый, как нечего пить... Только земли! Да вот еще у попов не закон...

Течение дня: Маркиза утром говорит в восторге за чаем: — Арап Петра Великого... Вот говорят худое о Петре, а сила-то какая была! Не физическая, а нравственная... Как он женил и замуж выдавал. Ну, колосс был страшный. Михайло рано баб отпустил в 11! — Ксенофонт овса просит. — Маркиза так и привскочила: — Какой овес, какой Ксенофонт! Как он смеет!

К чаю приехал двоюродный брат старосты в [новом] картузе, в крахм. воротнике, на шарабане... Просит продать овса. Торгуется. — Подешевше! — Я мужикам дороже продам. — И я мужик!

Старик Петр скородит луга... Озими живые... Сегодня ожили... В лесу лежат снега покоренные, бессильные...

Полуднуют. Сажусь на лавочку. Такой тихий пруд. И в нем отражается гумно, ометы веток, красные, синие юбки, белые кофточки... На дворе бабы уселись в кружок, пересмеиваются, перехихикивают. Кагал воробьев. Белая кошка крадется в дровах. Время от времени петух нарушает тишину: при белом свете соединяется с курицей. <*Приписка:* двор>.

Озими живые. Один склон похож на зеленую крышу громадного помещичьего дома под землей. На гумне бабы из дворовых полуднуют у омета. Одна девка растянулась на соломе. Мальчик залез на столб, лезет выше и выше. Маркиза, вся черная и седая, в зеленом шарфе и с палкой важно разгуливает по гумну. Галки кричат. <*1 нрзб.*> обрадовалась! увидела телегу с А.: кланяйтесь, кричит, дружку. Собор виднеется синий в синем мареве. <*Приписка*: сырое место немо, в сухом лесу гул>.

Мимо столбов проходит Александр, друг королевы. В воротах останавливается! — Здравствуйте. — Саша, вернись! — Даже плотник Семен оставил пилу и топор и скрылся в избе... — Вставайте! — Ха-ха-ха... — Семен вылез, идет со скребкой, и слышно по земле, что именно он это идет.

Гудок из города. Я думал, это звон, и вспомнил, как прошлый год звонили в городе... Семен выползает из избы.

Чистят сад. Почки сирени готовы, зеленые рожки, вишневые почки наклюнулись. Зеленая трава куртинками, как зеленое шило, пробилась... Стволы черные старые... Древний сад... Малину забыли развязать; так и осталась со связанными верхушками. Видно, как нет листьев, как яблоньки бегут от больших деревьев к свету. Кусты крыжовника старые как нечесаные мужицкие головы. Бабы в цветных кофточках в черном саду. Не трава, а бурьян. У Ф. [жар] и мороз по коже ходит: нездорова. Девица нацепила на грудь розовый лоскуток... барышня!

На гумне... солнце низко. Лук сажают. Грядки плохо нарезаны... дождик пойдет, лунки нальет, будет хорошо. Они сидят как королю кум... Стоим, беседуем... Девки угнулись... На той стороне [ивы], отражаются прекрасные в пруду. Хозяин пошел к лозинам поссать. Девки смеются, целая кутерьма. — Мы тебя кострикой! — Мальчик камни бросает беспрерывно в пруд. Булькает. Утка дремлет белая. Софья хочет загнать. Уть-уть-утють... И сама она, безобразная, так прекрасна там, с ивами. Обманула селезня хлебом, вышел сухопутный, покачивается... съел и опять... — Омморок* тебя! Венька, не пужай! Я тебя зашвырну в пруд. Я тебе говорю: отходи! Осталось две грядки посадить. А солнце садится, удержать его!

<*Приписка*: это не жених, а заяц>.

Рассказывает хозяин о своих детях и многотрудной жизни, о каком-то богатом. Отчего разбогател? Без причинки, не съесть ветчинки.

Солнце садится. Ивы стали золотыми. Бабы в золотых оторочках. Петровская роща стыдливо зарумянилась... и все поле до горизонта кровавое... И выглянули овраги... как заплаты... Но стало так много всего значительного... Идем домой. Работники собрались у сарая. В саду закат румяный, сад черный. Птиц нет еще, сторожевые галки... Месяц и звезды, как и природа...

* Омморок (искаж.) — обморок.

13 Зак 4404

Сад из [окна] черный... Кажется, летучая мышь кружится... Сколько тут... мистики, <*1 нрзб.*> причудливых... Для чего это? Откуда это недоверие... Кажется, я уже больше не встречу человека, которому бы поверил совсем. Все какие-то ненастоящие... И странно это утихание, и радостно. Прошлый год я еще безумствовал. Теперь уже нет... Теперь я все созерцаю. Работаю беспрерывно... Умер для... Совсем другая весна... Теперь уж больше не зависит...

Молчаливый черный сад без птиц. Черное на золоте. Далеко закатные поля и там черные яблонки. На балкон! И тут тишина. Думал, лягушки уже затянули весеннюю трель. Нет, это Софья уток зовет: уть-уть-тю-тю и повыше: утя-утя-утя.

Телега скрипит... Мужик погоняет: — Омморок тебя!

Мама в столовой: — Ух! Уходилась я!

19 Апреля. Воскресенье. Вечер. С пятницы живу в Ельце. Ехали в дождь. На горизонте пахари лентой, как лопари. Дождь окладной. Сколько тревог соединено было в детстве с этим словом: змей нельзя пускать, в сад выйти...

Елец. Покупаю табак. Раньше тут был игрушечный магазин...

У Ксении. Она как бронзовая статуя: все в ней необходимо... Завожу речь о землеустройстве. — Я, знаешь ли, против этого... Николай раньше стоял за закон, а я ему говорю: куда же безземельный денется?.. — Входит повар Алексей с пескарями, советуется и уходит. — Куда, спрашиваю, безземельный денется? А черт с ним, говорит... Это вроде как вот сейчас повар пришел посоветоваться с пескарями. Он мне про пескарей, а я ему: черт с тобой! — Пауза. Глядит на меня долго, вдавливая в меня свою мысль... И повторяет еще раз очень значительно: — Черт с тобой! Не вникнув в дело, а прямо: черт с тобой! Хорошо это? — Нет... — Вот и я думаю: нет. Но есть это, я-то так думаю... Мы ведь люди старинные. Нынешние этакие и слушать-то не станут... Кадеты эти всякие... А я прямо тебе скажу: сволочь эти кадеты, мерзавцы. Мужики, скажу я тебе, скверные...

Рассказ о школе, подвале и как дом на кирпичи разобрали и около вырубили и [поровну] разделили.

Вы, говорю, Ксения Ник., елецкий министр-премьер... Краснеет, а потом говорит: — Ну, уж это не знаю, как ты говоришь «премьер», а только вот советоваться ездят многие.

Дети садятся за стол. — Как вы мудро устроились, Кс. Ник. — Не глупо. Вперед ушла. Так вот, может быть, [получилось], что и пришлось бы тоже уйти, так сказали бы, невестка выгнала. А теперь нет: я сама ушла.

Монах Леонид в соломенной шляпе, с заграничным образованием. Спрашивал, есть ли любить кого? (А Клавдия была полная). Раз приехал к Ксен. Ник.: — А у нас только селедка. — Ничего, говорит, я и утку съем. С тех пор старуха перестала верить в монахов. Есть ли кого любить? А нет, так можно и из духовенства.

18-го. Звонят по покойнику... Свинья ревет. Собака воет. Петухи кричат. Вчера вечером был у Николая Ростовцева. Рекомендует съездить к Лутошин. крестьянам: Гусев Данил и Федот Захар. Мальцев... По-прежнему в Ельце война купцов и дворян. Вот мы, купцы, устраивали лотерею: мы к ним ходили, почему же они-то к нам не пришли? Странный... Он, я тебе скажу, странный был... И религия-то его странная... Прихожу к нему, сидит, <*1 нрзб.*> Иван. Никол. Деньги. Вклады... Да на что их? Как, говорит, на что? Украдут... Вот видишь... Разные, я тебе скажу, странности: в грязи жить! Купцы и дворяне... Ростовцевы говорят про Алек. Петр.: он не Ростовцев, а Бурцев. А Петр ему на это: ведь это мало ли как народ ни зовет, вот намедни прихожу в гостиницу, а мужик говорит: где тут Чижиковы остановились.

Катерина Иван. показывает портрет и удивляется: как хорошо мухи на сахаре вышли. В лесу у Кутузова есть сторож Григорий, можно с ним при случае поговорить.

Разговор в земстве: прошлый год ни одного заявления о переселении, а теперь с декабря по 6 апреля 4213. Со дня издания закона по 1 марта укрепилось 1369 домов. А по

20 апреля 1700. Площадь земли 329 десятин 891 саж. Великое дело овца!

Сначала укреплялись моряки, такой элемент! Типы земские: с седым усом, в красной фуфайке и с кренделем...

Маника меня всегда с чем-нибудь поздравляет: жарко — с благодатью, холодно — с холодком, дождик — опять с благодатью.

20-го [Апреля] в понедельник вернулся в Хрущево. Тени в саду. Свет... Изумруд зелени под черными липами и вишнями.

Дуничка приехала... Пошли на парники... Редиска, салат... мыши... В лес! Мне [не] хотелось в лес... причины... в лесу вечером нехорошо, вечером в саду хорошо, а в лесу утром... Цветы... бледные в сухой листве. Возвращаемся в сад... Чудеса! За эти три дня соловьи прилетели, поют... Черный сад и месяц... и таинственный зов... Лягушки поют... ворожат... под их трель у террасы... летучая мышь... Дуничка седая уже... маленькая, вздохнула... Вот это сад! Какой прекрасный сад, а так остался без поэзии... Лидя отвечает ей: нет, она была, только внутри осталась, она скрыта.. Как, отвечает Дуничка, внутри, скорее вне: лес и сад — все это есть... а внутренняя жизнь его остается пустой... Тут и я вступился за сад... Я вспомнил Софью Алекс., сказал: как пятна солнечные красиво играют на ее груди... Я стал говорить о тургеневских садах, что в Лутовинове тоже мало было поэзии, но все липовые сады после Тургенева стали прекрасными... В [нас] самих должна быть поэзия... Дуничка ничего не ответила... А соловей пел, заливался в черном саду...

Весна течет правильно... Есть время весны, когда соловьи непременно поют в голом саду...

Дуничка: пустой сад... Сад остался таким и засох... навсегда.

(к девушкам в саду — очистка сада).

Вечером вошел к Лиде.

— У тебя цветы?

— Нет, это воздух такой... весенний.

На пруду опять от луны горели искры... И лягушки ворчали, и летучие мыши кружились у балкона, но ветрено.

Лягушки всё ворожили... Летучие мыши кружились... За оградой на пруду <*1 нрзб.*> от ивы [были] огненные искры... [столько] блесток между белыми столбами... и у плотины угасали отдельными, пропадающими без следа... утопали в пруду.

Соня рассказывала о Марьяне. Есть такая монашка в Мореве... ворожит всем... Окна в избе у ней забиты... гроб приготовлен, спит в гробу... к ней Богородица ходит ворожить.

Сюжет: у кого-то заболел желудок, он решил поменьше есть мяса и избрал постные дни среду и пятницу для поста. И так стал религиозным.

От трехдневного пребывания в Ельце остался такой осадок: смысл, идея изгнаны из русской жизни.

На обратном пути из города встречаются мужики со скотиной: в среду Преполовение, ярмарка.

В Ельце шел мужик и рассыпал клюкву, и вот ее стали топтать и топтали весь день.

Идет старый старичок... с костылем. Я поравнялся с ним. — Здравствуй! — говорит он. Я принял его за нищего. Денег у меня не было с собой. Я прошел молча. — Здравствуй, — повторил он... Я все молчал. — Здравствуй, — крикнул он сердито, — ты что молчишь? — Что? — спрашиваю. — С прошедшим праздником, — ответил он.

Подхожу к дому Михаила Евстигнеевича. Издали вижу его с лопатой в руках, седого, возле одного дуба — он дуб перелопачивает. Солнце сияет на его лице, на бороде. Издали и он замечает. Весь сияет, снимает шапку. Я делаю ему знак, он весь сияет... А когда я уже близко, вдруг делается странно серьезным, торжественным... когда произносит свое: «Здравствуйте, с прошедшим праздником вас». Наше рукопожатие и приветствие — серьезное выполнение обряда. Сенцы новые сделал... Марья Ивановна такая же... Говорим о знакомых, об Ал. Мих. О всех родных.

— А как вы? — спрашивает. Я ему говорю о своем.

— Отчего плохо русскому народу?

— От недоверия. Все прежнее пало с проведением железной дороги и банков. Теперь покупателя за рукав тянут к себе, а раньше: «У меня почин есть, сходи к соседу, он без почина». Раньше доли [товара] на бирже, а теперь вексель... Вексель! С бирки можно срезать, а теперь не срежешь. «Акциз» говорят молодые, а старики: разве можно — я купил дом, дом продам и землю куплю, это мое приобретение. <*Приписка:* не увенчалось успехом>.

Сцена из прежней жизни: идет по площади мужик не нашего вида: в войлочном колпаке и в зипуне и в лаптях. Купец и говорит мужикам на площади: пройди в этом колпаке, 50 р. дам. Один приказчик согласился, взял у этого мужика войлочный колпак и прошел. Эту историю видела жена хозяина приказчика и говорит ему, когда он вернулся: Знать же, наш приказчик деньги любит, когда согласился на этакий срам иттить. — Хозяин отказал приказчику в должности, и тот пропал.

— Торговля, говорю, ложь...

— Нет, не ложь, а тайна...

Сижу на лавочке, вижу, идет с палочкой, смеется. Говорит: дедушка, дай мне копеечку! Я ему дал... Он посмеялся и ушел. А через два часа проходит назад и говорит: вижу я тебя, дедушка, какой ты человек, насквозь вижу, мало таких...

А мимо в окне проходит мужик с лотком с блестящими предметами.

Ложь не терплю. Правда одна. Это можно так проверить: если через десять лет один и тот же человек об одном и том же другое скажет, значит, он лживый человек.

Беседа на бирже с Иванюшенковым.

Первое, я считаю, ум, второе — образование... Славянская душа...

Дворянство не трудоспособно. Интеллигенция не трудоспособна. Кончики ушей белые. Глаза водянистые и застывают как студень. Но кончики ушей чуть-чуть моргают. Нюхает табак и сморкается на пол, вытирается крас-

ным платком. Друг <*1 нрзб.*> приятель Булгакова. Как познакомился с Булгаковым: что нужно, чтобы сойтись с человеком? Искренность? Нет, выпить нужно. Заказали по рюмке, а я сзади показываю палец буфетчику: большие, мол. Глубоко религиозный человек Булгаков... Как Антей... Эртель... Бирку срезать — публичный протест. Купеческие дома — банки. Успокоение: 90% <*1 нрзб.*> черносотенной партии... сыграли роль, не имеют значения... Чаепитие... Учитель с газетой... Сашка с усами... Ему: отойди, Саша... не время... Иванюшенков командует (не имеют значения)... Школы открывают по-прежнему. Ремесленные школы. Хозяйственная часть школ взята из рук сельских обществ.

Ксения: идеи, идеи, что же тут хорошего.

Заседание землеустроительной комиссии: несправедливость о числе переселенч. мест. Земский начальник Хрипунов. Я в сельскохозяйственной энциклопедии работаю. А это в какой партии? Местность наша не так характерна: [другие места] свободнее, крестьяне.

Мужики говорят, что обижены, Бог сотворил землю для всех, а им не дают. Дать им земли, и будут они жить как природа в ее законах и дела им никакого не будет до того, что где-то за что-то борются люди, все это наверху добудут и навяжут им насильно, они примут, но сами не пойдут этому навстречу. Вот что значит этот крик «землицы», и согласно с этим криком в тон ему учит батюшка; что нам аэропланы, вот-вот Антоний Римлянин на камне приплыл.

А либеральные люди все твердят: «Самодеятельность!»

— Бог сотворил свет? — неожиданно спрашивает один мужик, — ведь не сотворил же Он его так, что одному тысячу десятин, а другому тысячу вершков?

Вечер. Барбарис поливать. Сосну сажать. Боярышник сажать. Непрерывно кричат утки на пруду. Морковь сеют. Картошку режут и садят. Овес наклюнулся... Петр говорит: по этой земле мог бы вырасти дремучий, да развору-

ют. Гонят скотину. Хороша поповская телка. Все заходят в свои стойла. Резку режут, месят с отрубями...

После ужина в саду. Немного ветрено: липы вершинами гудут. Но соловьи поют. Хорошо поют в Ростовцевой усадьбе... Сова ухает... Огонек в доме через черный сад... О чем говорят при лампе? О Крыме. Лидия в Крым собирается. Там хорошо!

Говорят про королеву: так соскучилась, что вся слюнями изошла.

22 Апреля. Утро. Хорошо, хочется на волю. Маркиза ворчит: подожди! Терпеливо дожидаюсь за столом... Окно открыто. Длинные тени лип ложатся по изумрудному ложу. Значит, рано... 6 часов! Галки звонят... во все колокола. Горлинка воркует. 1-я горлинка. Она устроилась где-то на липе.

Утро как открытое окно... Молоко вскипает, уходит и заливает спиртовку. — Молоко ушло! — Ой, ой, ой... — бросилась маркиза. — О Господи, да как же я его упустила. — Выпиваю положенные два стакана и иду за Зорькой и потом с нею в сад. Горлинка все воркует, все звонят галки, и пахнет травой... Не землей, а травой...

В конце аллеи, замечаю, бабы работают... Земля такая черная, а они светлые, светлые... Сеют морковь. Моряк-караульщик принимается им что-то рассказывать о зайце: зайчик ходит к бане каждое утро. Девки ленятся... — Эй, вы, девчата! Чуть что, — говорю я, — и расстроилися... — Мужики! — презрительно говорит моряк-мещанин и принимается развивать свои теории: — Золото пропало все... Не так чтоб как прочия страны... Должно быть, распространение России...

Ухожу от него за ружьем зайца искать... Вот утро... Меня поднимает, зовет уйти без дум дальше и дальше... Это утро достойно, чтоб ему отдаться. И я отдаюсь ему... Хочется мне только взять все с собой... нужно наблюдать... Говорят, я наблюдательный... Это сказали мне тогда... это надежда... Вы, говорит, очень наблюдательный... Нет, отвечаю я, это я пережил с <*1 нрзб.*> (а я сказал: она такая, что весь внешний мир преломляется в ее [образе], «я» ломается, а оно не должно бы ломаться). Я ловлю себя... Про-

шло уже лет восемь, а все вот возвращается... В [черном] саду в двух шагах от меня поет на тонком сучке соловей, ножки у него как тонкие проволочки. Не боится... Тонкий, худой... В это время все птицы не боятся, хоть руками бери. Останавливаюсь на валу, где [путь] в страну обетованную. Там уже поднимаются зеленые клубы... у пруда. По плотине едет светлая лошадь. Направо виднеется море озими. Озимь ровная...

Спускаюсь вниз, прохожу через ручей на южный склон. Как солнце печет! Облака на небе такие выразительные. Почему-то вспоминается Кавказ... Странно тепло. Прошлый год по этим склонам было много фиалок. Только подумал — и вот она глядит на меня из-под сухой листвы, первая. Над ней орешины выпустили свои сладострастные апрельские золотые куколки. Не пахнет... Вероятно, потому, что жарко. А тогда не пахли розы, потому что было холодно... Потом ночью они у нее в комнате запахли. И как! Ее охватило чувство... Стало душно... Она была совсем счастлива... Она воображала меня таким прекрасным, великодушным... Все разрешалось так просто... *<2 нрзб.>* ее, она одумалась... Все это был сон... Я его недостойна. Я не могу быть его женой... И ушла бледная из дома и подала чуть ни плача письмо... я не могу... Чего же я хотел? Все было... Она все отдавала... А я хотел то, чего сам не знал, чего в ней не было. Это правда. Я в ней видел то, чего в ней нет... Я не ее любил... Кого же, кого... спрашиваю я себя... до сих пор... люблю и не знаю, кто она... какое-то безликое начало...

И вот уже несколько разумных вещей вышло из этой безумной неестественной любви. И сколько еще выйдет... Опять я ловлю себя... Мне помешала кукушка. Она кукует в этой светлой зеленой дымке ветвей по краю Ростовцева поля... Но кажется, дальше... Где же? и еще дальше там у дороги, где плывет на горизонте мужик...

В парке отдыхают два мужика... Пашут... запоздали с севом... Мерин похож на жеребца... Мерин степенный... веселья нет.. Другой мужик: без яиц какое веселье! Спускаюсь к ручью. Виднеется зеленый склон, и на нем пасутся. Пасутся табуны Стаховича... Цветы больше желтые и си-

ние, целый склон цветов... Я рву их для Дунички... Перебираюсь на ту сторону. Пастух хитростью ловит лошадь... Поймал кобылу... И вокруг стоят молодые кони, и у всех выпущены кончики внизу... И в осинках тоже... их серые черви лохматые повисли на каждом сучку... так что даже тень от них... Везде пчелы гудут... Поднимаюсь к караулке. Два стражника и сторож. Спускаюсь через ручей и наверх. Снег еще лежит тут... Зорька протирает горячие сосцы... То и дело садятся возле маленькие птички... День непуганых птиц. Непрерывно с одного склона на другой перекликаются кобчики: пи-пи-пи...

На валу замечаю того сторожа, который говорил об акцизе. Заговариваю. Другой с удовольствием оставляет соху и вынимает кисет с табаком... Намедни зайчик пробежал! Всякая птица прилетела, если муха летает, значит, всякая птица.

Начинают жаловаться... Новый закон: стравка! Наверху головы пустые... а ноги одни ходят. Мысленное ли дело, чтобы ноги одни ходили.

Ну, будет ***кроволитие***... Непременно будет... Потому что как и при Фараоне тоже были всякие бедствия, а все-таки Моисей вывел... И Моисей будет... Казни уже были... Одна казнь: лопухи покрыли все поле... [Говорит] он опять по-своему, тут другая казнь... как опять потише... и так до десяти раз, а потом все-таки Моисей... Будет Моисей. Такой человек. В каждом человеке и ангел, и дьявол, а в Моисее будет только ангел... И тогда будет земля всем, и акциз все будут платить.

Стравка! Пока держатся этих полосок, всё стравка... Нужно оторваться... Земля Божья... почему же она Божья, если из-за нее стравка... Земля неповинна, люди виноваты... Они сами земля... Коварная... Зовет и обманывает... Или мы себя обманываем... Или мы плохи... Земля хо-рошая! Дуб растет... Самая первая земля!

24 Апреля. Описание с утра 22 по 24. Утро было единственное... Я им воспользовался. Мы уговорили Дуничку остаться. К вечеру были слышны отдаленные рас-

каты грома, и потом стало холоднее. Почему? «Тучки ходили, громушко гремел — вот и похолодало что-й-то».

Маркиза выдала бабам квитки.

Я этим утром спугнул баб в лесу. Они резали коклюшки. Увидели меня и пустились бежать. Неслись с пучками орешника в руках вдоль вала до лозин, свернули к деревне. Версты две неслись... Иногда можно услышать шум в кустах. Это женщина деревенская с мешком травы спряталась. Про Соф. Ал. говорят: она в таком случае останавливается и часами стоит, наслаждаясь мучением лежащей женщины.

Рассказал об этом Никифору. Он не виноват. Он пахал в это время. Просит купить ружье. А то страшно. Как же не страшно: два каких-то человека ходят в лес, один ночью, о том ничего неизвестно, а другой днем, среди бела дня рубашку моет. — Кто ты такой, — спрашиваю. — А тебе, что? — отвечает. Верно, по волчьему билету...

Вечером ждали Леонарда, но он не приехал... Сколько разговоров о нем. Так когда-то щебетали Дуничка с Машей о Михаиле Стаховиче: часами, днями, что-то, волнуясь, переливают. И так это пропадает даром где-то... этих маленьких женских волнений и слов... Отсюда и начинается быт, эта вечная, бесполезная, бездельная болтовня, из которой потом вырастают правила и формы. Так пчелы жужжат...

Ночью я проснулся от раскатов грома... Открыл глаза. Огненная птица влетела в мою темную комнату. Опрокинулась вниз золотистою длинною шеей и исчезла... Я понял: гроза. В полусне взглянул в окно. Там в бледном свете сияла ограда, и пруд, и ветлы... Я уснул, как мертвый, говорят, была страшная гроза.

После грозы утром... хмурое холодное утро +1,5°. Около 12-ти повалил снег громадными хлопьями в кулак... Казалось, будто с крыши гигантского дома дворники счищали снег... И он падал большими шмотками...

Снег и холод выбили грача из гнезда. Встрепанный, он уселся сначала на верху липы, на голом суку, ничего

не понимая. Снег бил его сильнее и сильнее. От холода и ужаса он закричал.

Огород побелел. Липы поседели. Изумрудное ложе под ними поблекло. Между зелеными рожками сирени везде улеглись холодные кристаллы снега. Черные стволы дикого винограда завились белыми [локонами].

Все белело и белело... Не осталось признаков весны.

— Вот и весна! — вздохнула Дуничка.

— Это Бог знает что такое! — подхватила маркиза.

— Как же теперь цветы... — рассеянно сказал я, — померзнут?

— Какие глупости! — ответила маркиза — Полевые цветы померзнут! С отроду того не бывало. Померзнут. Что ты болтаешь...

— Но все-таки головки поникнут, — сказала Дуничка...

И так все стало в саду седым и белым. Еще раз отчаянно крикнул грач и спустился ниже в густые сучья, съежился и замер.

Конечно, весна победит... Все это будет цвести. Но какая могучая сила в этом холодном объятии. Я люблю эту угрозу зимы... Не знаю, почему люблю. Силюсь объяснить себе это, вглядываюсь долго, долго в падающие хлопья, в белые лавочки... И не могу объяснить себе...

Дуничка уехала... Маленькая, седая, и слабая, и сильная... Светлая, как снежинка... То, что в ней холодное, то большое, большое, а то, что теплое, — маленькое, то погасающее, то опять загорающееся. Огонь ее никогда не горит пламенем. В этот раз мы много говорили с ней про Маню. Почему она не вышла замуж? Она именно этого хотела всегда. Она сделала бы счастье всякому...

Ей Анна Павл. мешала. Она имела над ней огромное влияние. Почему эта вздорная женщина могла иметь влияние на умную и образованную Маню? Разве она не сильная? Нет, она сильная. Она имеет влияние на окружающих. Но перед матерью она уничтожилась. Раз влюбленный в нее юноша предложил ей переписку. Она была этому очень рада, но отказала. Почему? Потому что она могла услышать от матери такое требование: Маня, по-

кажи мне его письма. Я не могу это делать потихоньку, сказала Маня. И я не могла бы, сказала Дуничка, но я бы стала это делать открыто.

Таинственное влияние матери... Меня взволновало это, потому что с моею было то же самое...

Отчего это? Я подумал сначала так: эта сила матери основана на знании тайны. Пока дочь не [замужем] — она не может знать... Бывает, что и знает... Но эти рождаются без жизненной силы. Их силу кто-то раньше использовал. Они только знают о ней, но не чувствуют. Самое большое — они чувствуют только тоску. Моя, может быть, именно [без] этой жизненной силы...

И поскольку была сила (а не знала), она была покойной, и этой тайной владела другая, опытная старая женщина. Моя куколка боялась дать мне свои фотографии, боялась в Париже пройтись со мной, потому что кто-нибудь из хозяев увидит со мной — неизвестным молодым человеком — и напишет в Петербург. Она боялась всего... Но в моей комнате — ничего. Вдали от матери, в этой комнате на чердаке, она жила сама. Это были ее цветы...

Чтобы проверить себя — я сказал Дуничке, как объясняю я себе отношения матери и дочери... Она не нашлась, что сказать. А мама совсем не поняла моей метафизики и сказала: — Просто Анна Павл. была сильная женщина, сильнее Мани, и с детства поработила ее... — Но ведь сила тоже требует объяснения? — ответил я... В чем ее сила? Бывает физическая сила, бывает нравственная сила... бывает денежная... Сила разная бывает... Дуничка еще рассказывала про себя... Как она заявила о себе.

Как братья распропагандированы. Как Илья Ник. в 17 лет бродил по России, а потом стал «французом». Говорим об Иван. Ник. Как она не хочет видеть в нем семьянина, а я помню таким. Какие дураки вышли его дети. Как глупа и неприятна эта немка. Говорили о Грише, о его эгоизме и трагизме его жизни, о близкой катастрофе, о романе с доктором возле умирающего ребенка и о костюме (дорогом) несчастной матери...

Проходят эти люди, родные и бесконечно чужие. Внешние факты говорят о них... Факты навязываются, образу-

ется цепь... И так висит эта цепь чужих, бесконечно чужих людей, и родных. И если кто-нибудь умрет из них, то цепь сомкнется... подрастающие дети. Неожиданно вырастающие, как грибы, дети — все это образует не то стену... глухую стену... или зеркало, куда время от времени судьбой определено смотреться.

Пришла Марья Ивановна, вся черная, как таракан. Но черные тараканы неприятны, а она ничего, поэтому я называю ее Тараканницей. Пришла она, конечно, по делу, но сидит много часов, не говоря о деле. Прелюдия. Церковь обокрали. Разбито окно, но отверстие маленькое, вору невозможно пролезть. Вор, говорит М. И., сидел в церкви и ушел в двери. — Зачем же он окно пробил? — А это для близиру, — ответила М. И. и помолчала. Она всегда разделяет свои речи паузами. И кажется, главное в ее визите не говорение, а самое сидение. Она молчит. Мама молчит. Часы тикают.

— Батюшка быка себе купил. — Что вы, быка! — Хороший бык, породистый. А сколько заплатил, не сказывает... — Холодно! — вхожу я. — Холодно! — отвечает она. И молчит.

Все огородники замечают: как на Евдокию мороз, то и на Благовещенье мороз... Но только теперь это не действует. Теперь все переменилось по-новому. Раньше после грозы бывало теплее, а вот опять холодно.

— Расскажите про Марьяну, — прошу я.

— Марьяна поссорилась с батюшкой, костылем ему в церкви погрозила. Благодать ее началась с того времени, как к ней странник пришел. Она ему ноги омыла. Когда умер, поминала. Она всех своих поминает. Когда кто хороший умирает, она говорит: вот мои добродетели умирают. Умер Борис. Богатый и умный и старый. Марьяна перекрестилась. «Хороший мужик. Хорошо умер».

На заре до солнца мужики лошадей через пруд прогоняли. Лошадиный праздник. Егорий. Вечером приехали Леонарды. Надо изобразить отношение правосл[авного] общества к декадентской литературе....

25 Апреля. День холодный и серый. Возле террасы еще лежит немного вчерашнего снегу. Озимь зеленая потемнела, как океан. И далеко на горизонте плывет на телеге мужик, как черный парус.

Сад маркизы. Из окна: белые столбы. Купальня на пруду. Плотина с ветлами. За прудом гумно: половень, сгоревшая рига, остатки прошлогоднего омета, направо отсюда вал и за ним земля — бархат черный. На конце его длинный узкий зеленый край. Это озимь начинается и опускается вниз. На другой стороне лога опять черная земля и по ней узенький зеленый кантик — рубеж. По нем можно далеко идти, но отсюда он коротенький, пробегает через зеленый квадратик с черным, через желтую полоску прошлогоднего жнивья и уже исчезает у низкой желтеющей стенки дубовой поруби. Это почти на горизонте. Направо от поруби далекое сине-зеленое открытое море весенних полей. И в самом конце, где, вероятно, уже и земля закругляется, намеком угадывается церковь как синий парус далекого морского корабля.

Из гостиной. Балкон забит. На террасе — простой стол, дубовая скамейка, белая тумба и на ней почему-то серп, вероятно, забытый в прошлом году. Над террасой решетка для дикого винограда с черными прошлогодними листьями. Направо и налево от террасы два сиреневых куста с зелеными рожками. В детстве, я помню, эта площадка была покрыта двумя большими клумбами. После вокруг площадки выросли высокие ильмы и стали затенять ее: цветы перевелись, площадку посыпали песком и играли в крокет. Между ильмами зачем-то чахлые елочки. Против террасы через площадку длинная, всегда хорошо выметенная липовая аллея — краса сада. В окне ее виден вишняк и немного неба... Три пары лавочек.

Налево от аллеи два гигантских дерева, под ними яблонки, всегда рвущиеся к свету, бросающиеся от тени к аллее, к ильму и от ильма к аллее, неправильные, заблудившиеся в лабиринте теней. Направо тоже яблони, замкнутые еловыми аллеями. В глубине их баня с черепичной крышей.

Теперь сад черный. Если так холодно будет, то и май будет черный. Но рано или поздно сад оденется. Тогда площадка перед террасой будет окружена высокими зелеными стенами. Яблонки, даже [высокие] ильмы будут закрыты. И только один просвет в конце аллеи останется. Аллея тогда будет главным путем из колодца, а из нее во все стороны между стволами ходы в высокую траву между яблонями.

Вышел погулять за ограду. Прошел мимо попа, мимо усадьбы Ростовцева к столбикам. Вернулся. Не захотелось возвращаться через кладбище и сад. Опять тем же путем назад. Возле домика дьячихи стоит драная кобыленка с сохой, а сзади нее полуоблезлый жеребенок в бороне. Такая маленькая лошаденка, как пони. И велика же ограда! От церкви до самой деревни. Кто-то из мужиков сказал: и богатая же наша Мар. Ив., усадьба протянулась от церкви до деревни. Виднеется несколько соломенных крыш и дальше зеленая озимь. Крыши такие старые, а озимь такая молодая и свежая. У столбиков виден весь двор. Видно все: каменная стена, отделяющая помещика от деревни, постройки с железными крышами, круг колодезя, маточная старая и новая. Павел с Михайлом возятся у длинной доски. Подхожу к ним: — Сиверко! — Сиверко, Мих. Мих., всякое растение остановилось. — А овес подрос. — Овес только. А так растение по зорям растет. А зори сиверкие... Дюже жарко было, вот и вырос овес. Оттого и вырос... Не успели переломить. Упустили. А по сиверу и ломать можно: корень не вянет. Метать под картошку нельзя, земля еще не рассыплется, <*1 нрзб.* ложится. У господ другое дело, там с осени мечут.

Дома маркиза распекает приказчика: — Раз скажу, два скажу... Это странное дело... тебе бы стыдно было, а он... корыто разбито! Ведь это потеха! Это, помилуй Бог — вчера нашла: что-й-то сомнение какое... а оно разбито. — Кормушка. — Не кормушка, а корыто, у тебя памяти никакой нет. — Ясли... — Какие ясли? — Не корыто, а ясли разбиты.

Входит З. Как холодно!

Маркиза другим тоном, и точащим, и деловым: навоз возить! Горничной: накрой как следует, пырнула!

Леонард.

З.: — Положим, там во Франции много таких. Чем он может заниматься? Ну, тут прямо явно живет.

— Кто же там знает, а может быть, идеально, как Тургенев с мадам Виардо.

— Может быть... Но ведь у этих такая маленькая квартира, как же это... Вы продумайте все до конца: направо комната с четырьмя детьми, налево спальня... Потом, связь Тургенева подлежит сомнению. Тургенев как художник слишком много требовал от женщины, что может дать ему женщина? А тут... Нет, не может быть, чтобы так явно.

— Конечно, наводит на размышления, на сомнения, а там...

Лидя загадочно улыбается: — Нет, это надо разобрать, это, наконец, начинает проникать в народ...

— Народ! Да народ-то раньше всех узнает. Маша в связи с их поваром... А Маша такая звонуха, небось везде разнесла. Простой гораздо лучше видит.

Завязывается спор... Мама кричит: ешь, ешь биток. Я не слушаю. Спор разгорается и стихает. А мама горестно: а биток так и остался.

Содержание спора: тут свобода, а то как же иначе понять. «Этого быть не может! — Тут можно предположить только, что раньше у него было это... а потом он стал любить идеально. — Нет, а как же старшая девочка на него похожа. — Нет, что же такое, старшая, раньше было так, а теперь идеально. — Как же это может быть? Опять назад? Так не бывает! — Этого не может быть! — Чего же он тут толчется! — А зачем он жену приводил? Зачем показывал? Обобрал жену и живет так.»

Играют в карты. Мясом расплачивается.

Лицо не такое, вид не такой. Леонардовый костюм... он слишком черен. — А может быть, он ограбил жену и платит. — Может быть. — А привыкли жить хорошо! — Надо быть слишком слепым... на глазах... неужели так-таки на глазах? Он довольно угрюмый (ревнив?). — Нет, он такой

по натуре. — Какой тут, «друзья», вот что странно! В карман друг к другу за спичками лезут... — Совершенно без зависти супружеской. — Но как же это так? — Она все вздыхает о матерьяльных средствах. — Конечно, мало. — Но только костюмами своими она мало занимается. — Немку наняли, она их обшивает и все делает. — Последнего мальчика все трое любят. — Собаки гамят! — Шантаж... — Тогда бы ненависть, а то душа в душу, без задней мысли. За спичками в карман. — Ухаживает? — Какие глупости, он просто относится почтительно.

Как медленно оправляется весна от тяжелой раны, нанесенной [зимой]... Оправится.

У избы Никифора опять разговор о теще. Не помирает! Стало быть, Бог держит. Не наша воля. Ух, и плоха была... и плоха! Стало быть же, она нужна... В тридцать дней одно яблоко съела. Бабы говорили: такая с погоста придет, так за мертвую бы почитали. А дух! Дух съел нас зимой. Избенка маленькая! А духу! — Вы бы помыли? — Нельзя отмочить, дюже завоняет.

Новая глава к теще: теща ужимается... Когда бы она с пониманием, а то чуть что, я, говорит, уйду. И очень просто, что уйдет: манят. Как шкилет была, все суставы видны, ну прямо никуда. А тут, поди вот, ожила: я, говорит, уйду... Невестка дом ее купила. Общество выпило и с тещи, и с невестки. Вот ведь что: с безумного человека четверть выпили! А бумаги настоящей не составили, невестка и завладей поместьем... Теперь и меня жмут... Что делать? Поставь, говорят, и ты четверть... а ежели я четверть поставлю, выпьют, а теща уйдет.

Садовник надел все новое, идет прогуляться к лугу, поглядеть на гумно. Копнул луночку, взялся за головку. Лук держится... Щетку пустил! Теперь теплынь и теплынь нужна! Зори две теплые, и овес во какой поднимется. Хороши зеленя, хороши! Ро-о-вные... Ни глудки, ни камня. Все закрыто. Как в один день сеяны.

А в саду почки [побиты]. Редко какая с цветом. Зайцы сучья объели. Как ножом порезали побеги. Да где... ножом

так не срежешь... Сады переводятся, потому что господа переводятся. Как он мужикам попадет, так всё распашут. Ему бы только земля! Только бы до земли дорваться. Так он повадился к земле и повадился. Весна придет — он как червь капустный закопается. Зима заморозит — и он притих. Мужику первое дело земля, больше ему ничего не нужно... Сады там, цветочки, разное это такое ему ни к чему.

Боже мой, как свинтила меня тоска. Закрутила, заела, слоняюсь утро как шальной, ни на что не способный, старый. Отчего же это? У мамы тоже есть такое... Как вчера... Все было так хорошо, и вот... Лидя говорит: — Почему яиц нет в зеленых щах? — Отстаньте вы от меня! Ты сама бы распорядилась. — Я не могу... — Мое ешь! молчи! Цветочки сажаешь, для меня она цветочки сажает...

В эти дни какие-то необычайные грубые, ядовитые слова у нее выпаливают, абсолютно она зла и неприятна... А потом пройдет, и совсем другой человек, добрый, хороший... Где скрыты корни этих чередующихся настроений? Не так же это? Это как далекие глухие отзвуки грозы и бури. Может быть, и не при нашей жизни совершились эти непогоды, и никак уж мы в них не виноваты... Но отблески, отзвуки мы слышим и видим теперь. Думаем, это так пройдет: такой характер. Но это не так.

Паломничество к Марьяне. Дорога в Морево через сад, по тропинке валом и Левшинскими задами в поле. 5 часов. Времени до вечера много. Иду не торопясь. Озимь такая чистая... Такая молодая. Скотину гонят с поля. По зеленому, по рубежу идут двое — мужчина и женщина. Так это молодо... Есть же что-то и просто в земле. Может быть, и правда мы привыкли к садам и украшениям, а мужик любит просто землю. Родился и радуется. Хорошо так смотреть с плоскости. А вот передо мной овраг прямо по зелени. Овраг, другой... Один рождается прямо на поле, другой вырос из канавы, из вала, отделяющего нашу землю от Левшинской, третий сбегает с другого склона. И все три оврага сходятся к нашему пруду. Тут большая балка идет далеко к [полям]. К этой балке сходятся все бесчисленные

овраги полей... У нас на склоне засел лесок, и потому овраг не растет, у Ростовцевых тоже. Дальше имение Стаховича... дальше блестят крыши помещичьих домов, Дубровка, Танеево, Морево — все как на ладони. Солнце проглянуло над равниной, облака громоздятся, фантазируют над этой землей и все расплываются... Все как-то у них не складывается ничего определенного.

Перед Моревым глиняная Швейцария, теперь там шесть оврагов громадных обступили тропинку. Едва-едва можно пройти...

Раз жизнь должна умереть, то и дух должен перестать творить жизнь. Или же жизнь возможна без смерти. Или же дух должен сделать жизнь бессмертной.

Рыночная и одухотворенная жизнь — дух может достигнуть того, что вся жизнь будет духовная — жизнь и дух сольются — это и есть христианский аскетизм.

Шамордина пустынь.

У г.г. Ключаревых мальчик упал и стал горбатым. Супруги явились к о. Амвросию посоветоваться. Он им велел поступить в монастырь. Так они и сделали. А горбатый вырос, женился, прижил двух девочек и умер. Для детей этих Ключаревы и купили Шамордино...

Юродивый Пахомий ходил возле реки и что-то все мерил. Его спрашивали, что он мерил. — Келью... Тут можно жить, тут двоим, тут будет Палладия, она с Богом ладить будет... — Дивились... А юродивый такой был, что сам старец перед ним вставал. У Пахомия мох на лице, а у самых бровей вместо глаз щелки чуть видные. И правда скоро тут келью [выстроили] и поселили юродивую Палладию. Эти юродивые все вперед предсказывали...

В различных деревнях видели один и тот же сон, будто Шамордино высокой [стеной] обнесло, и в воротах Царица Небесная постригает тридцать девушек в монахини. Тридцать постригла и сказала: а других примет мать София...

Скоро тут помещица Болотова. Отец Амвросий посоветовал взять послушание: замуж выйти, и назначил ей

жениха. Она пришла в гостиницу, кто-то спрашивает ее и входит: — Я от о. Амвросия. (Власть-то какую имел!) Она вышла замуж. Скоро он заболел... — Поживи еще, рано, — сказал старец. Он пожил год и умер. (Власть-то какую имел!) После того Софья прямо была назначена игуменьей (она ходила по кельям и читала с монахинями, но не столько читала, сколько рассказывала).

У купца Перлова была жена богомольная, а он ее все чем-нибудь развлекал: театр устроил, кинематограф, граммофон, наконец пришло ему в голову монастырь устроить для жены, и устроил Шамордино. Купец живой, подвижный...

Он все, бывало, говорит: Бог в долгу не останется. Я раз все потерял: деньги, товары, и дух потом потерял, но все опять вернулось. Бог в долгу не останется.

Ему говорила тетка его родная: — Ты мужчина, тебе хорошо, а я вот женщина слабая, я не могу, четырех сыновей потеряла. Не могу я смириться. А муж так и в могилу ушел, не смирившись... — Бог в долгу не останется, — говорил купец.

Постриглась Феврония Ивановна тайным постригом... Она во всем уступает другим, тянет ее к людям... ее не собьешь... похожа на Иодору Ивановну... Замуж собралась выходить, и вот жених небесный. А старец все руку до локтя ощупывал... Любят людей мягко, Христовы невесты... смиренные... не любят рассуждений... в рассуждении гордость (этим раздражают), их близкие люди Афанасий и Анатолий. Анатолия чаша полная, вода через край бежит, и внизу бабы... Бабы келью разрушили. <*1 нрзб.*> его заперли, и когда он ходил за водой, то бабы настигали. Грудь болит. Осмотрится, не видит никто, и плеснет водой за грудь... В этих людях и есть самое-то православие... (Иван Павлович).

Потерялись верши. Бат. с сыновьями едут на лодке искать их. Везде быстрая вода шевелит колышки. Они подъезжают к колышкам, поднимают верши. Слышится: щука, подусты, налим, налим! От меня со скифского холма виды... Монастырь прислонился к лесу. Луг изжелта-зеле-

ный. Озеро... Лицо природы, полное. Будущее: зацветает луг (клевер, запах трав прямо душит, залетая в окно [к] батюшке). Крик коростелей и перепелов. Огни рыбаков на берегу и косцов, ночующих в лугах. Как сменяются вечерние тона на лугу. Лес шоколадный от почек, но еще не зеленый. Стефан — рыболов. Ширь... Сладостно — тревожный и большой вопрос. Черные в белых платках богомолки протянулись по берегу от красной часовни к селу. Кто-то окрикнул батюшку: поговорить нужно.

Налим! Налим! Колено реки, струйки-быстрики малиновые плывут. Первая лягушка-турлушка. Сколько радости впереди, какой великий, еще неизведанный мир. Сколько родного в этой шири и сколько дает она ответов вперед, когда будут косцы на лугу, работа... Когда луг зацветет. Внизу у склона горы давно еще я заметил женщину, у нее стройная фигура, как у ивы, и бессильно, печально опущенные руки, как у березы. Я думал, что лицо у нее прекрасное. Теперь я вижу в лице этом безнадежность, впалая грудь, как у чахоточной. Она без всякой внутренней энергии приходит к горе, берет камень и несет его к большой куче сложенных камней. Груды куч возле берега показывают, что она давно уже складывает их; как только оттаяло на горе, так и принялась носить камни. Это для училища. На хорошем месте на горе строится земская школа. Возле женщины еще две молодые девушки и парень. Тот, который пришел будто за требой, перебранивается. Они все молчат. Работа молчаливая, безрадостная. Одна девушка жалуется мне: живот оборвала. Парень кричит на нее: работай, не разговаривай. Это семья Семена Драного, где дня не проходит без брани и побоев. Та стройная женщина — жена, вовсе забитая. От внутренних раздоров в семье и работа идет так, молча. А тот, кто пришел будто за требой, пришел жаловаться батюшке: это его место, а Семен Драный отбил его.

Разрушенная церковь. Из Кармановки возвращались с тяги утром. Виднелось имение Романовых. Тут начали жить Р., тут и кончили, а теперь выросли на сажень от земли. Лес возле большой, а <*1 нрзб.*> Бог знает где. Не осилил землю и ушел... А вот другое имение (Павловой,

возле Володонова). Фруктовый сад, окруженный липовой аллеей. Мы по этой аллее проходим в густой липовый парк. Тут везде длинные аллеи. Одна из них... Сквозь темные стволы виднеется деревянный дом. Летом, когда все закрыто зеленью, нет этого тяжелого чувства. Теперь, ранней весной, в неодетом липовом парке, когда сквозь старую листву еще только что начала пробиваться молодая трава, нерадостно разглядеть старый дом в старых липах. И наверно знаешь, что тут доживает свой век старуха. За парком церковь, без шпиля и креста, без колоколов, без дверей и окон. На месте колокольни груда кирпичей, из которой там и тут пробились березки. Железная крыша церкви ободрана, и остались только дранки, на которых вырос довольно большой широкий куст. Мы входим в церковь осторожно, боимся обвала. По углам стоят кусты бузины, посредине березка. Старуха Федора рассказывает, что бабушка ее венчалась здесь: о церкви ни мы, ни отцы наши не помнят, а бабушки мои венчались в ней. Из алтаря, когда мы вошли, что-то огромное шарахнулось в окно, и одно совиное мягкое перо кружилось долго в алтаре. Наверху на железных [балках] было много таких перьев. Внизу на месте престола виднелась черная яма, и над ней на рогульках висел крючок от котелка: видно кто-то в непогоду укрылся в алтаре и варил себе картошку там, где когда-то был престол. И видно было в окне теперь яркое солнце, оживающий весенний парк, и в весенних солнечных лучах ветви орешника прямо в алтарь свешивали золотые сережки. — Отчего разрушена церковь? — спросили мы старуху Федору. — Бог знает, — отвечала она, — кто говорит так: господа прежние потухли, а кто — собака под колокольней ощенилась.

Сюда: «пропавшие приходы». Церковь была при фабрике в крепостное время; с падением крепостного права фабрики прекратились, церковь содержать стало некому, и так она мало-помалу заглохла...

27 Мая. О запрещении (мадонна Рафаэля).

Любочка Ростовцева приехала к маме и просила быть ее чепчиком на предстоящем балу.

<*Приписка:* «чепчик» от chaperonir (фр.) — сопровождать>.

Она была в голубом тарлатановом платье. Мама в это время сидела в своем кресле и раскладывала старинный пасьянс: Николай умирает, Александр рождается. Хотя и круто было воспитание в семье Ростовцевых, но радости свои были: шерстяное платье к Рождеству и батистовое с оборочками к Пасхе, в будни — девичьи думы за пяльцами, в праздник — бисквит. Любочка лжи не знала. За пяльцами вышивание на Шамордину пустынь и беседа с Февронией о старце Амвросии. На балу влюбилась, но была так скромна, что не смела высказать свое чувство, а напротив, с кажущейся гордостью и презрением отвергла предложение. Посватались три жениха: А.М. Ростовцев, Клушин — учитель (с которым потом неприятности из-за сына-гимназиста), и неизвестный третий (судейский — судейские в то время играли главную роль).

По совету Февронии отправились посоветоваться со старцем. Он спросил ее об их материальном положении и, узнав, что Ростовцев помещик, посоветовал. Л. А. утаила, что они родственники. Оставшись наедине с собой, она испугалась и снова пришла к старцу и рассказала то, что утаила.

Старец ей выходить отсоветовал, ссылаясь на множество несчастных случаев от браков между родственниками (как такие браки называются?). Любочка, выйдя от старца, в своей вере поколебалась (быть может, на нее подействовало то, что старец не отгадал ее обман, изменил свой совет исключительно оттого, что она ему сказала). Вышла она замуж за Ростовцева. А старец был человек мудрый. Он знал законы лучшей жизни в этом краю: советовал лучшее возможное, выносимое людьми.

Вышла замуж. Первое несчастье. Грех. Пошла к старцу. Ответ: терпи, надейся и молись. Ростовцев — неудачник (Чижиков). Мать крестьянка... Отец купец. Он неудачный инженер. Когда он женился, то отец оставил ему имение, а сам переехал в город. Он стал вести имение как инженер, имея в виду настоящее, о прошлом и будущем не думал. Первая ссора из-за срубленного дерева: ему не

жалко было старинного дерева (ильм), ей — горе. Вот тут-то письмо к старцу и полная отдача себя навеки ему (старец, однако, не может всю правду сказать, он дает среднее, выносимое, зная, что нельзя требовать от человека невозможного, что жизнь есть жизнь и, пока она не прожита, нельзя от нее отрывать).

<*Приписка:* Лидина сосна>.

Теперь она ничего не делает без совета со старцем, но этот путь «живи и терпи» приводит ее ко лжи. Муж «творил» (водопроводы), она хозяйствовала и так делала, что другие думали, будто он хозяйствует, а не она. Мелочи хозяйства. Измельчала. Сближаясь с бабами, дошла до полного слияния, сохраняя необходимую для хозяйства хитрость и эгоизм.

В будущем возможно развитие этого эгоизма земли до того, что сын, умирая с голоду, не может получить от нее ничего, а она только для него и делает все. И она-то посоветует и настоит на том, что сын женится на той, на которую указал отец Амвросий. Быть может, жизнь сама по себе представляет ложь, и потому советы старца не приходятся.

«Жребий отца Георгия». Сын женится. Жена, подобная Люб. Алек., продолжение ее и старца. Трагедия жены есть конец Любовь Александровны. Итак, фабула такая.

Итак, Люб. Ал. хозяйствует, мельчает, лжет (заключительное ее слияние с народом: езда в вагонах третьего класса, муж в городе). Алек. Мих. попрекает ее, что она бесплодная, а сам...

NB. Хотя «я» частица материи (жизни) должна осознать себя и умереть в сознании, но должна сделать это сама, когда ей настанет время, а тут не она сама, а чужая воля: старец — и потому ложь.

1910.

Белёв.

19 Декабря. Алекс. Ильич Зотов. Козельск. Владелец гостиницы.

Пассажиры 2-го класса из-за тесноты в первом. Добродушный толстяк Зотов. Спрашивает: — Откуда, ку-

да, из земской управы от Алек. Ивановича? — Нет. — От Ив. Иван.? — Нет. — От кого же письма? — От аптекаря. — От провизора хромого? — Не знаю, хромой ли он. — Где же он посоветовал остановиться? — У Х. — Там насекомые, там клозет на дворе, а прислуживает пьяный мужик или баба. Надо остановиться в Московской гостинице. — А потом сам рассказал, что это он и есть хозяин Моск. гостиницы Зотов. 71 год — молодец. — Память у меня замечательная, что прочел, то и осталось. — Есть такие <*3 нрзб.*> — от Зотова [до] учителя Петра. — Нельзя Петра признавать — сына казнил, а так человек настоящий, [почему] цари ничего не видят...

— Пишу в газетах. — Хорошее дело, единственно, так чтобы вывести — в этом все. — «Русск. Ведомости», считает редактором Скворцова... — Толстой — фокусы, умный человек, а так фокусы, потому что граф... Все графы обманщики. Они все обманщики. Политиканы. Они все понимают. А народ... хе-хе, — надулся, глаза стали маленькими, и захохотал и опять: — А народ-то... мужики-то... А впрочем, само собой придет. Некрасов на что народник, а в душе реакция. В газетах пишете: точка ваша правильная. Я в душе и по совести трудовик: я начал рюмочки мальчиком мыть, потом был вторым помощником буфетчика, потом устроил в Козельске «Яр» и свою гостиницу. Повара слушаются, жена слушается, не имею права любить жену и дочь, но как она (жена)... образованная, то советуюсь. Самая лучшая жена... По совести я трудовик, а так черносотенный, потому что нельзя, там мальчишки ничего не понимают жизни, а так говорить нельзя же с ними и мне (в душе трудовик, а так черносотенный).

В Амвросия и в других я не верю, а верю Богу и умному человеку.

А Толстой — все фокусы. Вот это самое... Ну-те...

Нитку нашел: Зотов мой учитель.

Я молчу, а говорю только в своей гостинице.

Народ глуп. Пантелеймон Сергеевич Романов (Почт. станц. Сомово).

Злотоструй — Покровская ул.

Ольга Федоровна Коробова.

Москва, Б. Никитская, Хлыновский тупик, д. 8, кв. 1, Варвара Ивановна Орлова.

Старуха: ноги отламливаются.

Старик: знает, что и под кореньями растет.

Черт проехал на дикой козе: барыня пустила урыльником в водовозову жену. Гармонистова жена.

23 Декабря. Мороз... Здравствуй, нос красный!

Идешь, живешь?

Пьяный мужик по разубранной морозом аллее гонится за бабами, ругается... На морозе голос прочищает. — Пусть бы пьян, да умен был, — жалуется жена...

Незнакомые сходятся и разговаривают со смехом о пьяном мужике.

Розвальни подкатываются, сшибают с ног...

За Окой засыпанная снегом деревня, будто юрты хазар.

В лавочке к Новому году продают бабам старый календарь.

На лошадиных мордах — седые бороды.

Незнакомая дама подходит: у вас ушки побелели.

Андрос, а по прозвищу Перец (ядовит). — Перец! Перец! — он выскочил из лавки.

Тепловод на реке, не замерзает. Кости содрогаются. Кости живые. Ко второму пришествию встанут. Разговор с городовым о воде парижской... По нашей местности капиталы обыкновенные...<*1 нрзб.*> от мороза сидит, богатые спят... Елка в деревне не состоялась: крышу раскроют. Тепловод.

В Белеве я бывал в самом раннем детстве, и теперь, когда вновь встретился с ним, через призму прожитого он мне кажется волшебным сказочным городом. Да и так, без призмы, он очень красив. Почти в каждом доме сад, многие улицы совсем немощеные и даже зеленые. Там перекинулся деревенский самодельный мост, и возле него лепится мельница-колотушка, которой сто лет; там домики-завалюшки такие тоже старые и темные, что даже кажется, будто даже пар от них какой-то выходит. Тут все в прошлом, и как попал сюда, так и сам начинаешь ра-

зоблачаться. Я гулял за Окой в богатых заливных лугах, люблю вспоминать, что тут, в этой роскошной целине, в древности жили хазары в шатрах, а по ту сторону Оки, на холмах, разделенных девятью мелкими речками, — вятичи, и платили дань белками. В то время белка называлась «бель», и, вероятно, оттого стал называться Белев, а не от белого льва, о котором белевцы без гордости, но с большим юмором рассказывают. Я люблю этот город детской любовью. Знакомых тут у меня почти нет, и оттого мне очень хорошо. Недалеко от моего домика живет старик-генерал на пенсии. Он тоже часто спускается к мосту и о чем-то все думает и думает. Иногда я искоса разглядываю, что он делает своими руками, и оказалось, он гадает; закрыв глаза: сойдутся два пальца или не сойдутся. Я стал приглядываться к другим соседям и снова увидел, что и они часто гадают с закрытыми глазами. Генерал, подумал я, научился этому здесь, в Белеве, и, вероятно, я тоже, когда постарею, буду гадать. Сколько грачиных гнезд на деревьях, сколько церквей и голубей на церквах. Идиллия полнейшая. Я зову сюда всех, кто может жить на пенсию.

Голубь на вершине дерева.

В это тихое пристанище я приехал из Петербурга на Рождество первый раз зимой. Весь город засыпан снегом. В домике зябко, можно только у печки стоять и греть спину. В Сочельник хватил страшный мороз, а мне нужно бежать на другой край города елку купить. Бегу вприпрыжку по ивовой аллее, разубранной инеем. Возле меня бежит пьяный мужик и гонит перед собой двух баб. Ругается ужасной руганью, и так здорово, что иней сыплется, что другие пешеходы, улыбаясь друг другу, говорят: — Голос на морозе прочищает!

Пьяный валится с моста. Бабы останавливаются.

— Был бы пьян, да умен, — говорят они...

— Мороз, — отвечают им прохожие.

Везде народ на улице кишмя кишит — просто удивляешься, до чего много везде. На почте я дожидаюсь три часа, чтобы отправить заказным письмо, и все-таки не дождался, пустил простым. Долго я тут прислушивался и присматривался, как чиновник вызывал мужика и спра-

шивал: — От кого ждешь? — От сына, от сына... От сына или от племянника... — В лавочке на моих глазах продали бабе новый календарь прошлого года... Мороз... Розвальни подшибают. Какая-то прилично одетая дама подошла ко мне и сказала вежливо: — Господин, у вас ушки побелели...

Наконец я добрался до площади, где торгуют елками... Я выбираю себе дерево... Перехожу иногда к другому и прихожу в отчаяние. Это не елки, какие мы привыкли видеть в городах, а просто сукй, и самые плохие, измятые, без крестов... Очевидно, все деды белые, убеленные инеем, никогда и не видели и не знают, что такое рождественская елка... Выбираю сук, везу его домой и думаю, до сих пор думаю, глядя на это дерево, которому не позавидует последний городской бедняк (елка ворованная).

Эти люди, живущие в лесах, не знают, что такое елка... Люди, которые тысячелетия говорят, что они *<1 нрзб.>* елку.

Мне хочется взять эту елку и поехать в нашу деревню и устроить... Мои домашние возмущаются... Растащут игрушки... они разобьют и [начнут] прыгать. Я не еду, но у меня первый раз в голову забирается: до чего же это все не здешнее, не народное... Мое однобокое деревце очень печально...

А раз это не здешнее, то устраивать его надо так, как там, за границей, под Рождество... когда родился Христос. Я объясняю, как там... сходятся дети бедняка. Никто из родителей не может прийти, потому что все стряпают. В одной комнате я ставлю против закрытой двери диван и сажаю всех рядом, там стол с орехами, и открываю дверь... елка горит... Дети набожны... Девочка говорит о Рождестве Христа... [рождественские песни] и говор... речи увлекательные... стихи... пение «Рождество Твое, Христе Боже наш...» Славят... Стихи...

Повеяло детством, когда мы все пели «ах ты, воля моя, воля...» Религиозное служение... будто секта какая-то (железнодорожники и немцы). Ни одного человека на улице.

Приходила старуха за дочкой, все хвалит, хвалит, но не то... Избави Бог, если елку под Рождество. Немцы и

железнодорожники... А если бы я устроил завтра, то это ужасное сидение ...

Революция.

В Рождество в Белеве как разговеются, идут на кладбище и разговаривают с покойниками. В узелках несут крупу, пшено, овес, пирог для птиц, слетаются птицы... Иней на кладбище. Покойник только что не выйдет. Вот и первые дни прошли, вот и праздники проводили.

Елку под праздник, избави Бог, делают только немцы и железнодорожники. А знаете почему? Елки эти ворованные, он зайдет в засеку: хап, хап, хап...

Сныхово, Белевского уезда. Николаю Михайловичу Никольскому.

На утро едут прощаться на кладбище. Я [не еду на] кладбище, не знаю, что делать с собой, улицы пусты. Выхожу на Оку. Река дымится. Паводки были. Сторож собирает копейки... рассказывает о мужском и женском монастыре и о том, что барки перестали ходить, железная дорога, и отчего река не замерзает: тепловод... Я вспомнил воду в Париже. Сена. Ока. Из нашего сословия. А купцы? Хохочет... У них капиталы обыкновенные... по-старинному. Что ж они делают... Спят. Наелись и спят... Спят купцы, наелись, [наговорились] с покойниками. Картина *<1 нрзб.>* этой стороне, а на той стороне через заливные луга идет паровоз.

28 Декабря. Треснула изба. Старуха говорит старику: помолись! Вышел старик, стал против месяца и молится: двенадцать лысых, мороз сломите. Уперлись лысые. Треснула изба и села, дыры засветились, матица лопнула. И сломился мороз.

Мужик-боровик огромный, с большими губами, упрашивал [маленькую] девочку: выходи за меня, в узелке носить тебя буду. А она ему: нет, боровик!

Сны: источник живой воды и мертвой. Упадет мысль в живой — и будет жива, в мертвый — и кончено. Ощущение мертвого ручья и живого. К птичьему кладбищу.

У хороших мужиков непременно в семье дурочка или дурачок — это их Бог, любя, наказывает, а то как же бы они жили так, без горя... Очень уж они хорошие (Василий Петров и Анна-старуха).

Икона из рога. Церковь на печи. Акафист.

Рязановский. Кострома, Вознесенская ул., д. № 45, кв. 1 (против Троицкой церкви).

Фотьяновская мельница: черный дом, белая крыша, дерево... река с лозинами, огонек...

Берег реки, черная кайма берега, к нему сугробы, избы, снег, будто вода белая.

В Мишенской: стук! вышел мужичок из сугроба... Акулину... Не гадают. Избушки и дерево возле лозника... теснятся ближе к избушкам, дерево с избушкой. Собак нет, один огонь: старуха старика дожидает от всенощной. Увидела — испугалась.

Полтора Петра.

Гадание: съесть кусочек хлеба и за дверь, покрыть поленом, полотенцем и под святой угол...

Вода на сковороду и в воду игла и под стол— вода, будто река; игла, будто кладки. Ложись на лавочку, сними чулок. Придет суженый, снимет другой чулок и переведет по кладке за реку...

К Новому году пришел в город. Все спят.

1911.

1 Января. Похороны. Ехал за границу, а попал на похороны в родной город. Через 15 лет вошел в дом: все уменьшилось. Титов — сенная болезнь, глаза, кафтан, открытость и распорядительность. Петр Федорович, купец-идеалист. Оба в ссоре за покойника Еремеева, умер в вагоне, протоиерей и настоятель...

— Как нести, где нести? Звонить в церквах по пути?

— Вот уж не знаю... Как нести, как Богу угодно.

— Позвольте вас покорнейше спросить, как нести?

— Вот уж не знаю.

— Нет, как же, что же, ведь надо дать направление...

— Это как Богу угодно... Вот как хорошо, все собрались Игнатовы, по случаю такого семейного удовольствия. Богу доход! Протоиереи-то ваши устарели.

— Нет, позвольте, это не так, против нашего протоиерея вы спасовали, он в свежей памяти.

— В свежей ли?

— Нет, позвольте, так нельзя говорить, [спасовали], я говорю, [спасовали].

Пословица: старого убить, а нет старого — купить.

Руки развязала. 18 лет бы тому назад. Без всякого назначения, лучше бы на помин души.

— Старого убить... Дело... Раз не делаешь, так на что же нужен, такое отягощение...

— А может быть, это для чего-нибудь тоже и нужно.

— Это уже религиозное... Лучше всех была Над. Павл., она и любила, и верила.

А Гриша шел в толпе хулиганов. Как бросилась толпа к вагону... родных оттеснила: вы там насмотритесь, а мы здесь ... день праздничный... Ящик разбивали... Куликов швырнул шапку: чтобы дела были! И другие повязались платками, как бабы, и пошли... Мостик... Свечи огромные... Семья певчих. Любопытные... хулиганы, все хулиганы. Гриша кого-то ударил, идет в шапке... В церкви, как внесли покойника, зеваки сразу. Толпа хлынула. Куликов кричал: пропустите родных, без полиции не обойтись. Кричал больше всех. Несут, а кругом: с Новым годом!

5 Марта телеграмма: «Сегодня Саша скончался» — всего два слова. «Саша» — жизнь, и «скончался» — смерть...

Хрущево.

Правда общая и коротенькая. Правда — в тайне своего «я». Слабость — потеря «я», расщепление на две правды, и между ними колебания есть неправда: в этих колебаниях является чужая, всегда неправая воля, тем неправая, что она ослабляет борьбу.

Маня думает: если он выздоровеет, то вернется к той, если умрет, то какой же смысл в жизни.

— Господи! что же это такое? — говорит в бреду больной, а она думает: как же это он был неверующий, а вот теперь говорит: «Господи!»

Ночью, когда она стоит на коленях возле кровати, странную форму принимают на стене тени пузырьков и бутылок от лекарств, по этим фигурам она старается угадать будущее. Она тревожится, если он произносит имя той, но он это в высшем смысле произносит, непонятное для Мани, и она ревнует...

Сердце перестало биться, дыхание слабеет, с каждым вздохом рот шире раскрывается, глаза в ужасе ищут чего-то наверху, потом легкое поверхностное дыхание, один глаз закрылся, и скатилась слеза... она целует в ужасный большой рот, сиделка связывает челюсти, и снова Саша прежний, спокойный лежит.

После смерти начинается жизнь у могилы: просит поскорее привезти из [леса] елок, а то креста еще нет и скучно, венками всю могилу не украсить.

Мать, у которой дети, неистребима.

Жаловалась Маня, что с ней обращались как с вещью, но брак — непременно рабство. Земная любовь такая...

13 Марта. Девятый день. С пучком тончайших свечей входит батюшка и неожиданно для всех говорит: — Нет утешения, нет утешения! — и приступает к панихиде.

За дверью слышится разговор: — Пощупал — вымя пустое. — Покормил бы. — Не ест. — Посолил бы. — Не берет, что хошь!

Маня встречается с нами, родными, взглянет на одного и заплачет, и на другого и опять снова заплачет, с каждым встречается новая, для каждого новая, а не сразу для всех: на этом чувстве, вероятно, и основана панихида на местах, где жил покойник.

Потом сидели, разговаривали: — Где же милосердие? Бессмыслица. — Это отчаяние, вера придет. — Проблеск надежды явился, думал, это ему испытание, вот теперь вернулся и все поймет, теперь будто отец к детям вернулся, и вот смерть, какая ж тут вера? — Она придет. — А может быть, наказание? — А на что оно? — Дети у тебя остаются, тут с детьми много горя, а крупицы радости все

14 Зак 4404

покрывают. — Лидя вдруг вскакивает с рыданиями и говорит: — Вот, когда нет покою, вот, когда плохо.

Узнаем о поведении няньки во время кончины Саши.

— Там десяток яиц принесли, по 15 к., брать?

— Няня, ведь я вам говорила: делайте, как хотите.

Нянька ничего не понимает и опять пристает. Какая-то звериная правда продолжает действовать, когда все кончилось: обе союзницы в хозяйстве теперь смертельные враги.

То же и с появлением родственников: на могилу явился родственник Коротнев и, выпивши, говорит: хорошо, что умер, а то бы к той вернулся. Когда все простились и гроб хотели спускать, простились и решились, вдруг Коротнев говорит: открой! и опять открывают, и опять бросаются к гробу жена и дети. Другой тут же рассуждает потихоньку: я ему советовал, е...и потихоньку и живи с женой, все так делают, живи по-человечески.

При дезинфекции все цветы погибли: финиковую пальму двадцать лет выращивали из косточки, погиб потосфор, цвел каждый год великолепными цветами, и никогда он так не цвел, как в этот год.

Когда Саша заболел, то ему стало совершенно ясно, что они теперь обе соединятся, он знал, что смертельно заболел, и не мог себе представить, как при таком событии они не соединятся. Он велел теперь все вещи вернуть в Лебедянь: ружье, граммофон и другие свои игрушки.

Маня сама сделала трагедию: она вдруг из безличной скучной жены выросла в какую-то огромную женщину несокрушимой силы, она вдруг устранила для него все боковые обходы, и он побежал по узкой тропе прямо навстречу смерти. Теперь он не разрывал, как нужно, с одной, и прямо из одной сферы должен был перейти в другую, покатиться, как метеор, и сгореть.

Нянька видела Сашу во сне: лежит больной, худой-прехудой и вдруг поднимается и говорит: ну их к черту; я сам себя вылечу. Встал и пошел. А дом будто не наш.

Астаповский буфетчик-старик говорит: А может, это не Бог, а сам жизнь свою не берег, а жизнь — самая цен-

ность, зачем ехал? — Да беречь-то как: идешь, и вдруг обрушится, или путь по железной дороге... — За то железная дорога ответит. — Да не в деньгах дело-то. — Верно, бывает человек, что никакими деньгами не купить.

Маня и Маруха. Маня выросла в большой небогатой семье и так воспиталась в ней, что и определить не может, где она кончается и другие начинаются, и ей кажется, что кто-то неизвестный руководит ей: судьба. А та знает себя точно и привыкла рассчитывать только на себя.

Правда увлечения и долга, личная и общественная. В отдельности ни то, ни другое не правда, настоящая правда в той силе борьбы, с которой выступает защитник той или другой правды (социализм и анархизм).

Возле Мани у Саши почему-то должна была умереть правда звериная и почему-то не могла начаться правда человеческая.

— Вот она (Маня) теперь сидит у могилки и знает, что он у нее, а не у той Марухи (отравилась, с отравленными кишками), а Маня сидит у могилки и твердит: мой, мой!

Так говорят, а Мане приходит мысль в слабую минуту, что они там свидятся.

Говорила Маня сопернице, указывая на труп: — Полюбуйтесь, что сделали!

Та, отравленная — Маруха, и у нее будто бы хвост есть, только без шерсти, просто косточка: не видно, когда садится — под себя прячет, а как встает — топорщится.

Снилось, будто Саша хоронит себя и с такой нежностью, с такой любовью убирает свое тело цветами.

Жабынь.

13 Марта. Потемнело, невидимые раньше тропинки как веревочки протянулись по двору. Далеко за белыми полями показался синий лес и будто говорил: «я жив!»

Причащают в церкви массу младенцев, от их крика кажется, будто не в церкви стоишь, а в юрте, окруженной стадом ягнят и козлят.

13–17 Марта. На снежном поле грачи прилетели, побеждают светлые горячие полдни, чернеет на полях больше и больше.

<*Приписка*: Жабынь: монастырь и деревня под Белевом>.

Держит морозец, держит, держит, да как пустит. Мужики ждут, готовятся, едут в город сошники чинить, телеги собирают. Настанет пахота, <*1 нрзб.*> там краснеет, там синеется.

— Ну, поезжай! Ишь, разломались!

В снежных сугробах то пропадает, то показывается дуга, едут, будто плывут. Все голубое, ослепительно белое, больно смотреть.

— Вот-вот оборвется и отрежет деревню разлив.

18 Марта. Солнце — [днем] все вышеет и вышеет. — Вода гуляет? — Нет, еще держит.

Поехали и провалились: только спинки лошадей видны. Рано, заря не колыхнулась еще.

Город весной: вечером пошел снег, так стало темно, звезды яркие, как в пустыне, едем по грязи вечером на санях, натыкаемся на что-то белое, [слышно] ругаются: это три мужика пихают лошадь. — Отчего лошадь не идет? — Не емши, сено 75 к. пуд, лошадиный пост...

20 Марта. Мелкие, серебряные на солнце птицы летят. — Какие птицы?

21 Марта. Серый день, вчера мост развели. Едут мужики еще на санях, останавливаются у Святого колодца, поочередно погружают в ведро свои лохматые головы, а лошади пьют из корыта.

Типы монахов. Братец Иванушка. Рыженький монашек с собачьим лицом в веснушках. Хитрый гостинник, на вид очень ласковый. Тупой и злой монах возле купальни. Монах-карьерист в сером подряснике катается на велосипеде: жених. Ермолай — рыбак.

23 Марта. Начало ледохода. Я сидел неподвижно на пне у реки и вздрогнул: там, где тропинка была черная через реку, блеснул ручей, и другой, и все шире и шире, и один громадный белый стол отделился и двинулся, а по краю стола будто белая лебедь сидела, сосны же наверху оставались неподвижными, рыжими...

Еще немного спустя пошел дождь, и река пошла по-настоящему, вся река, как громадная серо-черная движущаяся дорога. Старое уходило, и Бог с ним. Тихо, и только чуть слышно, будто где-то кипит большой самовар, и время от времени в тишине кажется, то будто кто-то в реку свалился, то стрельнуло.

Чешутся льдины одна о другую, то скрипнет, то вздохнет, льдины плывут за судьбой. Завтра река выйдет из берегов, снегу много, подземная вода пойдет из жил земли. Все серо, влажно, орут петухи.

Река разлилась, мост сняли, нет сообщения, горюет гостинник: остались богомольцы без калачей.

24 Марта. Весь луг сняло, остались только две сумежные гривки, и по ним вороны разгуливают. Проплывают дворы, изгороди, избы и даже бабы. Через реку хотят докричаться мать и дочь, водой разделенные.

Запел скворец на березе. Кулик пропищал. Щука икру мечет. Утка за водою летит.

Монах идет в теплом [пальто] с поднятым воротником, будто больной, а на самом деле самый здоровый и самый хитрый. — У вас лавочка была? — спрашивает женщину. — Нет, у моего мужа живот больной, служит, а теперь хочет полечиться. — Хорошее дело. У нас тут генерал жил с больным животом, восемь лет одну рыбу ел и уехал здоровый, благодарил.

— В урожай больше богомольцев, в плохие годы богомолец не едет, а впрочем, Бог его знает почему: бывает, в голодный год вдруг повалит народ, будто щука полой водой. Река ушла в берега, на черном лугу беспорядок: там грязная льдина брошена, там бревно, там забор, там лужа. У хозяина с перепоя голова болит, вышел было, хотел Богу помолиться, зашептал молитву, а жена ворчит. — Не бреши! — крикнул он и продолжал молитву...

Утиный охотник залег в шалаше, привязал свою подсадную утку «Крякуху» и уснул. И привиделось ему, будто селезень прездоровенный плывет мимо шалаша, изловчился и схватил этого селезня между крыльями; бьется в

руках селезень, скользкий, юркий, и вот-вот выскользнет, схватил его охотник покрепче и вдруг проснулся от боли: сидит он в шалаше один и крепко держит свою коленку, а на реке не то что селезня, а крякухи нет: по реке густо второй лед идет: с самого верху.

Река ушла в берега. На черном лугу беспорядок: там грязная льдина брошена, там бревно, там забор, там лужа. У хозяина с перепоя голова болит, раскидался и лежит в грязи, отдыхает...

Как лед пошел, баба на льдине проплыла, кричит, визжит... Потом корова... Потом забор....

За водой утка летит. Утиный охотник залез в шалаш, смотрел на свою кряковую утку и уснул, и привиделось ему, будто селезень здоровенный-прездоровенный плывет возле самого шалаша. Захотелось охотнику поймать селезня живым, растопырил ладони и хватил в заплечье между крыльями. Бьется селезень, скользкий и юркий, и вот-вот выскользнет, а охотник что есть мочи впивается в селезня и шепчет: «нет, голубчик, не уйдешь, задушу, а не выпущу, лучше живым сдавайся!» Очнулся охотник от боли в коленке: ни в селезня он впустил пятерню, а в коленку. Глянул на реку, а утки нет, и где была утка, лед идет, густой, серый и грязный, последний лед; вчера пруды разорвало помещичьи...

Утку затерло льдинами и понесло. Дня три она плыла, голодная, подо льдом. Рыбаки запустили сак под льдину, и вдруг выскочила утка прямо с веревкой на лапе, худая-прехудая. Принес утку мужик с бараньими глазами и монашек длинный, худой и черный, как угорь... Пятерик. Столковались за рубль. Посадили утку на пол, посыпали хлеба, овса, налили воды. Она и не прикоснулась, а стала на одну ногу, загнула голову и уснула... Выспалась, поклевала овса, попила и крикнула.

В теплые полдни монахи зашевелились, [поднялись] и пошли гулять по полям, как черные грачи. В полдни веселая тишина в лесу, ручьи журчат, вечером подмораживает. Месяц среди неба, последний перед Пасхой, как лезвие источенного топора с закругленными краями. Вдруг

где-то разбиваются, как стекло, лужи, выходит чудовище: грива лошадиная, а морда наполовину только лошадиная и наполовину старушечья, подошла, кивнула головой и дальше прошла, разбивая вдребезги лужи. Ах, опоздал, опоздал: швырнуть бы что-нибудь, и рассыпалось бы чудовище золотом. И только промелькнула в голове детская сказка, выходит из леса человек в овчинной шкуре и спрашивает: лошадь не проходила тут, лошадь потерял. Тени леса неодетого при месяце паутиной [черной, тонкой] раскинулись по снегу.

26 Марта. Из гостиницы мы переехали на дачу. В избушке пахло соломой.

<*Приписка:* фигуры на сучках и в струйках — вся жизнь.>

Легкий ветер сбивал шишки с елок и сосен, и они, падая на крышу, пугали нас. Избушка под соснами, внизу монастырь и река и сбоку тропа богомольная. Для странников изготовлен сахар: по кусочку на странника. Будет тепло, когда зацветет черемуха, а черемуха, когда будет тепло. Съютились в одну комнату, как пчелы, как рыбы в лазах. Холодно: пчела не летит, рыба тоже в лазах. Вода спала, и льдины остались на лугу изнывать. Весь луг покрыт этими льдинами, а вечером, при заре, кажется, находишься в какой-то стране полуночного солнца. Дуб один, самый старый из четырех братьев, громадными корявыми лапами захватил большую льдину, и она повисла в воздухе и капает, будто плачет, в горячие полдни. (Развить: когда растает льдина, позеленеет дуб. И еще: разлив как преображение планеты, вода гуляет).

Ледяная весенняя дорога по талому полю. Все небо завешено. Березы белеются, ветви их сильно забурели. Летела кукушка и на лету куковала — сколько еще времени пройдет, пока она закукует в зеленом отзывчивом лесу. В лесу на подсохшем листу ожил комар и зашевелился, и расправил крылья, и полетел.

Дубы позеленели (а тот, что со льдиной был, еще не [позеленел]; дуб и дубиха, он зеленеет, а дубиха стоит с желтыми листьями, старая, значит, дубиха... зазеленеет...

Первые горячие искры огня солнечного в мартовский полдень и первая капля воды из желоба... Капля первая из поломанной ветки березы. Краснеют свежие пни зимой срезанных берез, краснеют как кровь, и вот перед нами кровавая порубь березовая.

Лесное, водяное, охотничье, сказочное.

Чтобы лес понимать, нужно уметь замереть на ходу и быть неподвижным, как дерево. Деревья — живые неподвижные существа — друзья животным. Ветер — их враг. В тишине выходят животные между деревьями, когда зашумит ветер — прячутся. Прислушайтесь к тишине, и у вас будут глаза как у них и уши зашевелятся.

Чистое поле глазасто, лес темный ушаст.

Редки сухие березовые, ольховые оболоночки, сосны, заметные на высоком кряжу — место прозорина, заблудиться нельзя.

У каждого была своя весна, но не каждый сохранил о ней живое воспоминание; кто забыл ее, тот разорвал связь с природой. Природа — это вечная память любви.

Весну все-таки помнят многие, но осень переходит немного людей: осень — смерть, умер в малом кругу и воскрес в большом. Нет! без осени и зимы нельзя сохранить весеннюю память.

Весна была ранняя, затрубила в лесу пастушья труба далеко до Егория. Бабы заголосили на заре далеко до соловья. Комар закусал. Заяц белый успел вылинять. Распушилась озимь.

Гуси летят, журавли. Со стороны деревни послышались какие-то дикие крики, и мало-помалу из этого узналась песня: нутром заголосили бабы.

1 Апреля. Вербная суббота. Земля отходит. На дороге водой налились колеи, блестят, как мокрые рельсы. В каждой луже видно молодое весеннее небо и облака. Не-

видимый где-то свистит пролетевший кроншнеп, певчие дрозды поют, вальдшнеп тянет, бекас и божий баранчик кричат. Вечерняя голубая и малиновая дремы. Мало-помалу ночь оживает, и начинается таинственная жизнь болот. Летает много жуков, а лягушки из воды все еще не выходили.

Когда умер Христос, то содрогнулась вся природа, а теперь у нас когда умирает кто-нибудь, то содрогаются только близкие: волна недалекая. Чем жизнь моложе и цельнее, тем сильнее ответит волна. Но природа стоит, кажется, равнодушная. И кажется, что это отдельный мир, это хранилище общего мирового начала никогда не поколеблется от нашего горя. И там бывают бури и плач, но живым [людям] мало понятные. Умер человек и перешел туда, в мировое хранилище. Если он своего здешнего не дожил, за него мы доживаем своим горем. А он там со всеми, то мчится ураганом на верху леса, то плачет дождем, то улыбается солнышком, и мы узнаем тогда свое в этом общем. Рыдай, мать, над свежей могилой: сына убили японцы. Рыдай! — волна дальше идет, там другая мать, третья, но хранилище общего семени неколебимо. Мы горем своим доживаем, чего человек не дожил.

На западе вечером играли зарницы. Шел золотой дождь. Дождь был сначала у нас, а над городом сияло солнце, потом у нас стало светло, а город закрылся. Вдалеке — там шел дождь, а потом когда проходил, то словно занавес отодвигался и медленно показывалась церковь за церковью

6 Апреля. Ходил пешком в Белев. Славно было утром, шел по морозцу как по мосту, а теперь разогрело, распарило, липко. — Николай, пощупай как путь, ты в сапогах. Сухо? — По самое ухо! Влип. — По травке держись!

Промыло славно, прочистило луг, только самая большая льдина осталась, лежит, изнывает на солнце, да, та самая большая, обнятая дубом все висит.

— Изнывает!

И заговорили о дубе, что их тут стало четыре, раньше и звали их «четыре брата» (Маша-бомба).

Озимь зазеленела, лозинки зеленые задымились, березка сережки выкинула и побурела, почки набухли, время настойку делать и птица теперь всякая прилетела, кроме ласточек: те прилетают, когда муха вольная станет. Дуб же все черный стоит и по черному стволу его ручейки бегут. Эх, кабы земля — набил бы овин, кабы луг — посадил бы сена угол.

У ствола липы, погруженной в золотой ручей, на закате солнца танцевали комары. Козодой прилетел, все птицы запели и даже дятел — птица смерти — не забивает гвозди, а тоже сидит и как-то со всеми поет. И везде-то, везде дрозды трещат и поют в ожидании вечерней звезды.

Маленькое озерко, в которое погружено теперь каждое дерево, теперь заблестело из леса в полумраке множеством светлых глаз.

Выставил раму, попробовал выйти из дома без пальто — хорошо! Началась большая красная теплая заря. Земля вовсе растаяла. Пашет мужик— и за пахарем [летят] грачи. Везде дрожит марево, зеленеют озими, в лесу пахнет новой корой, березовым соком. В березовой вырубке стали кровавыми пни. В лесу почки лопаются, замираешь, слушаешь, стоишь как во сне и вдруг просыпаешься от свиста крыльев: две птицы неслись одна за одной в любовном <*зачеркнуто*: экстазе>, не отставая, не цепляясь за стволы и ветви, не задерживаясь глухими зарослями.

10 Апреля. Березовая пасха в лесу. Одна большая береза вышла на озимое поле из леса и, высокая, остановилась в своем брачном наряде, <*приписка*: сережках>, стыдливая, живая и такая красивая, что все вокруг от нее стало красиво: так всегда с настоящей красотой бывает: все хорошеет вместе с ней. Кровавые старые пни сочатся <*зачеркнуто*: даже старые пни сочатся>, и пчелы, и бабочки садятся на них. Орех и ольха цветут, и луг, промытый, чистый, мужает, и к нему теперь даже заметно ластится речка. По зеленой озими по меже влекут мужики крест, и далеко раздается вокруг: Христос воскрес!

Девочка Наташа принесла мне похристосоваться красное яйцо. Хотел ей дать в обмен, отказалась: — У вас яйца покупные. — Хромой монах-рукоделец пришел тоже похристосоваться: и даже теперь все озирается, не подслушивают ли сосны и березы: у него в уме всегда что-нибудь — понаушничать на игумена.

Вечером в лесу было слышно с одной стороны хороводные песни, а с другой долетало: «Христос воскресе из мертвых».

Когда умер Христос, то вся природа содрогнулась. Когда мы умираем, то содрогаются только близкие, а природа стоит равнодушно.

17 Апреля. Красная горка. Под ивами старухи закусывают, молодуха под елью зеркальце повесила и оправляется. У ручья девочки в красном, одна одной меньше, как матрешки складные. По краю зеленого поля на окопе сидит черный странник в скуфье и с собачкой, будто неживой, единственный пень среди поля.

Рождение месяца. Месяц недавно родился. Вечером не долюбил на звездном небе, немного обошел: когда ночные лягушки запели, стал спускаться [медленно] ниже, ниже, покраснел и скрылся, когда ночь еще едва началась. За ним все время неотступно следила большая звезда, и, когда он скрылся, она еще ярче засияла и светила много ярче молодого месяца.

Родительская — праздник, спешит народ к родителю на погост. Погост наш веселый, сосны высокие, летом всякая ягода и цветы, внизу песочек — лежать хорошо; в других местах в воду хоронят, а у нас песочек, помирать не страшно: лежат себе, ничего не знают, сядешь на камушек, поплачешь и разгадаешь.

Далеко от кладбища вокруг по полям разносятся голоса: под каждой сосной голосит женщина. Одна, молодая, обняла сосну и ревет, а на сосне свежие зарубинки крестиками, чтобы могила не потерялась. Молодую отрывает старуха от сосны: очень уж заревелась, без памяти воет. — Чего ревешь, перестань, не воскреснет от воя, один

Господь воскрес. — Бабушка Федора на голом месте и не плачет: давно уже померли все, и могилка с землею сравнялась, и в той могилке, может быть, человек уже двадцать чужих лежит. А осталась у Федоры только зарубинка на сосне, и вот она тут против зарубинки крошит теперь яйца для покойников, кладет блины и поминальники; батюшка с пономарем обходят, собирают поминальники, а потом бежит пономарев поросенок, собирает остатки, и после поросенка слетаются птицы доклевывать крошки.

Дожидаются батюшки: не путем идет батюшка, могилку Федоры пропустил. Камушки и отметинки на соснах — памятники. — У нас в деревне крепче плачут, у вас в городе духу не хватает. — Старушка веселая, курносая, блудница старая, потеряла могилу своего мужа: в деревне так водится — пока баба молодая, все таится, а когда постарела, всем открывается в своих грехах, потому что тут расскажешь людям, там легче будет, люди грех снимут.

<*Приписка*: Погост сырой — покойники стали ходить, лежат в воде>.

Роса! Не утренники, не морозы, а роса настоящая на молодой траве. Скоро Егорий. Егорьевская роса лучше овса. Скотина и теперь в поле, а [дома] только овца.

19 Апреля. Зелень лугов слилась с зеленой озимью. «Ежи ежатся». Пескарь пошел. Батюшка их вершами, но на удочку падуста и шелеспера. — Что художник! — философствует он опять, — он все общее, общее, а вот взял бы как-нибудь, что-нибудь и пошел, и пошел бы! Да что тут: тут Великий Художник трудился. Смотрит, серое пятно, что это? от облака тень, а как изобразить? невозможно изобразить. Вот рыба пошла, кругом пошла и вглубь забрела, вот полоска светлая, ловко! А там, гляди, еще, где тут художнику!

Коровы переплывают Оку. Плывут, как идут. Ужасно орет свинья на деревне, все время орала, а когда смолкла, взвился костер над рекой, и в костре у светлой воды показалось черное животное <*2 нрзб.*>, и вокруг черного бороды, руки, лохматые головы.

Вечереет... — Батюшка, налим уснул! — Встрепенулся: это верши его вынимают. — Художник, художник, а как же сама-то река? — спрашиваю.

А река теперь коленами раскинулась, прижалась к луговой груди, широкой, могучей, будто верная жена ложится верно спать на широкую постель; так у темного берега что-то нашептывает одним лицом, а другим переглядывается с молодым месяцем, и чем дальше ночь, чем крепче луг уснет, тем ярче второе лицо реки и месяц ярче, и в этом лунном союзе выступают высокая колокольня и толстенькая церковка. (В это время, когда крепко спит батюшка со своей матушкой, прежний батюшка церковь открыл, и с кладбища собираются покойники, и им служит лунную обедню...)

Богатые купцы ездили в монастырь из-за леса: очень хороший был лес, хорошо было здесь и согрешить, и покаяться, но какому-то настоятелю пришло в голову лес свести возле монастыря, думал, что вырастет опять, а он не вырос, возле каждого пня теперь выросли только кусты бузины. Купцы стали ездить подальше в другой скит, а сюда приходили бабушки набрать бузины: бузиной хорошо самовары чистить. И монастырь обеднел, и сложилось в народе поверье, будто оттого монастырь обеднел, что леший с водяным поругались: леший увел лес подальше от воды, и купцы ушли к лешему.

Возле винокуренного завода есть пруд, куда стекает барда и всякая дрянь, так что даже вокруг озерка осоки пожелтели и вся земля отравлена. В этом вонючем черном затоне поселилась лягушка-ухалка и так ухает, что кажется, днем на ясном живом небе от каждого уханья остается мертвое пятнышко, и ночью не верится, что солнце опять взойдет. (Букольница краснопузая, поймаешь — богатство, а поймать нужно так: броситься за ней, не глядя, не видя ничего, зажмуря глаза, в пруд. Один сумасшедший монах и бросился.)

Птицы не летят, не поют, и одно только продолжается — воронья неуклюжая любовь.

23 Апреля. Егорий. Соловей запел. Хорошо стало вечером из-под сосны с крутобережья смотреть за реку, на луг. — Здорово, черт знает как здорово! — твердит батюшка. На западе разгорается небо после заката: Бог чертит тут план будущего дня. Кобчик возвращается с луга сюда и засыпает где-то на сосне. — Здорово, черт знает как здорово! — говорит батюшка и догадывается по кобчику, что перепелки еще не прилетели: кобчик пустой вернулся. Ворона нечаянно налетела на спящего ястреба, спугнула его и погналась за ним. Батюшка смотрит за ними внимательно и удивляется: как это ворона обижает ястреба, а он их боится. Когда в мраке наступающей ночи и ворон, и ястреб скрылись, батюшка решил: — Вязаться не хочет с ними. — В зеленом сумраке на лугу быстро мчится какая-то точка, и еще много, это мчится, играя, табун лошадей: луг еще не заказан. Вдруг клюнуло. Батюшка дернул и вытащил порядочного падуста и все забыл прежнее, и снова началось: вот что-то горошком катится вдоль крутобережья, что это такое? Смотрит внимательно батюшка, хочет узнать непременно, какая это птица летает-катится; на повороте реки птица взмыла и сверкнула крылом. — Утка? Ишь, как ловко! Какой это цвет? Как это определить? Серебряный? Нет, не серебряный. А ловко, черт знает как, куда тут художнику. — И начинается новый поток мыслей, и вот, вот батюшка уж добрался до самого большого Художника, и вот уж хочет сказать свое любимое, что душа — поэтесса, как вдруг опять клюнуло. Раз! Двухфунтовый головель!

А Великий Художник за это время изменил все свои планы, бросил оранжевый цвет и чертит на западе новые планы в малиновом цвете с пламенем; на востоке, где день прошел, все голубеет, голубеет, [становится] спокойней, спокойней, и вот она, первая за день сотворенная, показывается звезда. И батюшка ее увидел и подумал, что недаром прошел [день].

Потянули над лугом туманы, пахнуло сыростью, вот когда река подняла свое второе лицо навстречу месяцу (лунная обедня).

Березы опоздали и празднуют Пасху на Фоминой: только теперь стоят во всем наряде над купелью, и с каж-

дым днем все больше и больше теперь под ними против купальни поднимается странников. Приходят купаться и часто спрашивают: есть ли стежка в Оптину пустынь? Пришли как-то три женщины с Чернигова: у одной сердце болело, у другой голова, у третьей озноб; вошли в купель они и стали визжать, выть, рыдать. Принесли они сюда все свое горе, нужду, нищету; все дома терпишь, и не видно боли, а тут у святой воды оказались. Одну вынесли замертво и положили под березами. Пел соловей, а полумертвой, задыхающейся женщине вливали в рот воду и тело окуривали ладаном.

Солнце село, ушли кликуши, опять спокойно журчит ручей и поет соловей, и хорошенькая гимназистка [вышла] к реке, поет: «Ночь», и, словно в ответ ей, издали откуда-то слышится турлыканье и курлыканье журавлей, и, наконец, там где-то, очень далеко, на заре вечерней показываются ряды темных крыльев.

И кажется теперь, что два бога управляют на свете: один, молодой и зеленый, слушает пение девушек и смотрит на журавлей, другой заведует святой водицей и купальней и курит ладаном возле воющих кликуш. <*Приписка*: Бог счастья, надежды, жизни, радости и Бог [страданья], неминучей судьбы, греха>.

Егорьевская неделя — первый звук трубы пастуха, первая песня хоровода на селе. На болотах зеленеют осоки, зеленая трава из воды, сверлят воду разлива бесчисленные зеленые сверла — подводное дыханье растений — пузырьки. Идешь к токующему тетереву по зеленеющей луже и на ходу замечаешь, что раньше тебя тут лось прошел. По сухому теперь смело бегают ежи — пригнутые к земле старички со своими рыльцами, испугаешь — не сразу спрячется, а угнет голову и смотрит искоса, будто скряга согнулся над сокровищем и трясется, тронешь — свернется в клубок и, словно бомба, шипит и трясется, и вот-вот взорвет ее... Везде на кочках клочки белой шерсти линяющих зайцев, но еще запоздалый белый пробежит по зеленому, будто живой снег. Тетерева, совы, лягушки, бекасы — Божьи барашки. Задумчивая заря — время ос-

вящения почек. Хорошо, если к этому времени приходится Страстная, и потом, когда первая зелень, — Пасха.

Озимь в собачью лапу. Грязная прежняя большая дорога теперь вся зеленая, как зеленая река, и по бокам зеленые ракиты, и все теперь зеленое, даже изгородь, сплетенная из срезанных сучьев, зеленеет. А сосны теперь стали ароматные. Везде поют хороводы: и за рекой, и тут, позади, и в Б[елеве], и в Снохово, но лучше всего поют за рекой.

Сгорбила цапля крылья, опускаясь на луг, моргнул поплавок. Клюнула рыба. Раз!

У св. колодезя. Больной монах чахоточный всегда лежит на одном и том же месте на лужайке против [колодезя], все один. Теперь он залучил к себе мальчика, показывает ребенку ветку трилистника и учит: — Этот листик во имя Отца, этот — Сына, а этот — Святого Духа. — А где же мамин? — спрашивает ребенок, — где мамин листик? — Маминого листика монах не показывает.

Скрипнуло что-то. Мужики везут огромное бревно, дуги, оглобли, бревна, борода. А бабы-богомолки идут, разговаривают про о. Петра:

— Чаю не пьет! На досках спит! Служба долгая, а сам веселый. Батюшка помогает, но есть такие вещи, от которых только поможет колдун: вот носит детей мать к колдуну: умается и кончено: умереть назначено — умрет, выздороветь — выздоровеет.

В угловой башне монастыря жил раньше старый монах-пасечник, пчелиный мудрец, а потом, когда рамочные ульи пошли, позвали ученого-пчеловода, и тот объявил всю мудрость пасечника глупостью.

11 Мая. Рожь и кузнечики. Река засыпает, а луг прощальную песню поет: кузнечики, перепела, коростели.

У кряжа чей-то разговор: — Кто ты? — Чиновник без должности. — Куда идешь? — На должность иду: ищу. — Почему же ты без должности? — Из-за батюшки Гапона.

Первая весна — разлив, преображение планеты, вторая — когда лягушки запрыгают, зашлепают тяжело, за-

квакают, запоют, откроется лягушье царство, и тут вместе с ними совы. Третья — Егорьевская, когда раздастся в лесу первая пастушья труба. За это время бывает и очень тепло, как летом, и вдруг холодно, и непременно вьюга со снегом, дыханье зимы. Холод и ветер, и всё такое медленное: безвременное.

Разлив — гуси и кряква: над водами крик птиц пролетающих, свист куликов. Разлив — дубы, до крон погруженные в воду разлива. Разлив спал — и лужи прорастают, дубы поднялись, льдина в объятьях дуба. Развертывается старый дуб.

Разлив — преображение планеты, расширение души, русское явление, как большие колокола. Русские люди в разлив: мать и дочь разделились — Ока и Жабынь.

Следующий после Егорьевского период — валы комариный и соловьиный: хорошо поют соловьи, но и тут же комар кусает, болото — не липовый сад.

Запахи — снежный, разливный и потом до гниющего болота.

Можжевельник-кипарис ночью будто человеческая фигура тебя подстерегает. А ночи светлые, рождаются от светлой зари, придет такая заря и не кончится. А заря начинается в мартовском горячем полдне... Зори — это время, когда облака громоздятся, и в них в золотых венцах, с бородами, в кудрях старцы Патриархи сидят на своих креслах и воздают хвалу Богу Сидящему, и мимо них проплывает успокоенная голова Прометея.

Озимь зазеленела. Лозинки зазеленели чуть-чуть. Береза побурела в почках, почки набухли, время настойку делать. Птица всякая прилетела, только ласточки нету. Ласточка на Егория прилетает. Ласточка летит, когда мушка вольная.

Эх, кабы земля — набил бы овин! Эх, кабы луг — посадил бы сена угол.

Кроты заработали. Водяная крыса переплывает весеннюю лужу, голова маленькая, следы как от парохода, далеко слышно шлепает заяц, спугнул — и мчит по лу-

жам, брызги летят белые, и в брызгах радуга, а он мчится, мчится.

Разлив. Под кустами разостланы белые скатерти, с каждого сухого бугорка хочется красное яичко скатить. На березке высоко над [землей] показался мальчишка. Он залез, а другие вместе с лошадьми и собакой смотрят на него. Зачем он залез? Посмотреть, как хозяин гуляет, как он раскинулся на широких заливных лугах... — Здорово хозяин гуляет! — говорит он сверху. И другие следуют за ним. Присматривается к городу... — Дома залило! Лавки залило. По улицам на лодках ездят... Вот как разгулялся хозяин, из домов, из лавок всех повыгонял! — Всю березку облепили мальчишки и девчонки, и вижу, лошади смотрят на них и завидуют. Собака-овчарка лапится.

На берегу Оки в роще у монастыря на пне — у самого края пень — и на пне монашек черный, неподвижный, сам как пень, смотрит за реку в деревню. Велика тяга монаха куда-то. Когда спадает вода. Эта сила — магнит.

В теплый полдень монахи повеселели и пошли в поле гулять, снизу я видел, как наверху один за другим в колпачках, тонкие и широкоплечие, шли один за другим черные монахи.

Внизу вокруг церкви с плащаницею на голове и большим хвостом народа обежал батюшка и опять в толпе исчез в церкви, и оттуда чуть слышно пение и видны огни через окно. Когда-то, где-то люди уловили правду Христову и устроили церковь. (Не помещается в старые мехи новое вино, проливается.)

Маша-бомба. Прозвали потому, что она в рот песку набирала и говорила: бом, бом... (История Маши... за Осипа, полная кадушка, замуж выдавали, она к Амвросию, тот ей велел в монастырь, она под диван, напугала жениха: бом, бом). У Маши (юродивая) дар Иисусовой молитвы. Твердит сначала всегда, а потом в сердце уходит и вместе с толчками сердца стучит молитва.

Главное ее свойство: тоска. Два года камень с горы на гору катала (убивала плоть?). Но тоска схватывала,

заглушала Иисусову молитву, и тогда она шла к людям и говорила: Бога потеряла, Бога потеряла. Собирала кузнечиков, стрекоз, червей, все это жалела. Раз ее пустили ночевать, она червей развела... Конец ее: тоска необъятная... В Киев идти! У нее всегда была в руке ветвь большая... и Пахомий говорил ей: под деревом! И вот вышли они на большую дорогу и пошли к Киеву. Гроза... Она бежала под дождем в [тоске] в безумной, так бежала к тому месту, где «четыре брата» — четыре дуба — стоят, и стала под деревом... Дуб упал и раздавил ее... И теперь на дороге там три брата стоят.

<*Приписка*: рано умерла>.

Судьба Маши-бомбы.

Зеленые склоны, насекомые, бабочки, тяга, стихийная тоска, широкая дорога... У Маши три куклы: Вера Надежда, Любовь.

Вера монашек в предопределение, вера в то, что Старец знает судьбу...

Живыя мощи — [мертвый] гниет за «прелесть»; она возгордилась, потому что к ней стали ходить за советами, и пошла не тем путем и погибла.

Евы: «бабочки отца Анатолия». Его голос в гостинице... Мария Григорьевна...

[Ушел], как будто оставляя пораженным собеседника. Сделав еще два, три шага, он вернулся и продолжал: — Карпия полтора пуда весом, а налимы, такие рябые и полосатые, сазаны, красноглазки. Шелесперы...

Монахи, проходя из церкви в свои кельи, останавливаются и с улыбкой слушают. Послушник Вася, обрадованный общим бездействием, начинает кидать камешки в стену, забавляясь, как они далеко отскакивают.

— Щука попалась, — продолжает Ермолай, — била хвостом, думали, убьет, ловили, ловили, а у меня была в руках острога, сейчас она цела, только покривилась, нужно было ее вверх ставить, а я поставил вниз, покривилась. Нацелился я и — раз!

Ермолай пригнулся и опять потянулся шепнуть свою тайну: — Три пуда весу!

И пошел в Святые Ворота и ушел, было, но вернулся опять...

— Кадушку рыбы из этой щуки насолили и двадцать фунтов икры. — Щучья икра хорошая, хороши молоки. — Хорошая, — говорит Ермолай, — в наших озерах вода чистая и икра хорошая, змей нету, а если и есть, щука здесь со змеей не живет. Вот мурена — ту нельзя есть, та со змеей живет. Знается... В печуре вместе сидят... — Какой же змей? — Дрекол,— отвечает Ермолай, — змей Дрекол живет в печурах с рыбкой муреной, через семь лет у него крылья вырастают, если только человек не увидит, а увидит, так остается... — Так остается... — Раз меня чуть не [съел]. На крючок мне попался. Тяну его, думая, рыба большая, дернул, а крючок оборвался. Сижу я потом ночью через сколько-то лет, смотрю: огонь, глаза горят, и летит на меня [змей], кольцами свивается и развивается, губу протянул, съесть меня хочет, а на губе мой крючок висит, хорошо заметил: и зазубринки...

Два месяца в Жабыни до 15 октября.

Колокольный архиерей.

— Ученик Кривого! — гордо сказал мне звонарь Жабыни Семен Иванович.

А где живет Кривой? Кривой живет в Нищей слободке у Рыбки. Нищая слободка приютилась пониже мужского монастыря у самой Оки, гнилые домики темные, будто выброшенные на берег разливом. Тут живет Петька Ротный, что собак обдирает, моряки, стрельцы; день прошел, и Слава Богу! «Рыбка», где живет Кривой, не женщина, как можно думать, а мужик; прозвали его «Рыбкой» за маленький рост и за то, что когда пьяный напьется и пляшет, так рыбкой ложится на землю.

— Кривой дома, уйти нельзя, сапоги пропил, ну а когда услыхал, что выпить, так выпросил у рыбкиной жены скороходы, за это Рыбка с ним пошел...

Страсть к звону Кривой получил с детства. Еще тогда ходил по Нищей слободке и собирал худые кружки. Пробьет дырочку в дне, повесит на гвоздик и начнет звонить, как в церкви, на всякие манеры. Колокол большой, будничный, полуелейный (второй от большого), третий от

большого — будничный, и маленькие, из которых один называется «визгун». В полуелейный звонят по маленьким Апостолам. Бывает красный звон (трезвон) — в три приема — выражает торжественность церковную. Унывный звон — по покойнику. По-постному переводить колокола. Бывает звон по обязанности или от себя, когда поднесут.

Учился сначала и мог только одно вызванивать, что другие звонят: ти-ли-дом-дом! — и больше ничего. А теперь — что только задумаю. Что только придет в голову, только бы веревки в руки попали...

Монашки звонят: к нам у баню, к нам у баню.

Монахи: будем, будем, не забудем, как отслужим, так придем!

Я отвечаю: а мы видим, да не скажем! Девки в лентах, бабы в бантах!

Когда «Верую» поют к обедне, то в колокол ударяют 40 или 60 раз, чтобы кого нет в церкви, так свою молитву бы прочел.

Ладные и разноголосые.

За 75 коп. трахнул! Давайте священническую часть!

Тринь-тринь-диннь-динь-дон — обыкновенный звон. Рассыпал на тридцать три манера. Городской звон: голубь в свете и звоне бьется о стенки, как птица в стеклянной клетке.

За полбутылки на 24 фигуры.

По богатым покойникам.

Иду в опорках, а все: «здравствуйте!» Звоню, а священник в церкви сам «о свышнем мире», а сам под окно слушать звон.

Отбарабанил за пятерку.

При кончине священника, потеря хозяина: раз ударил, и, когда кончился гул, еще раз, и так редко до 12 раз.

Пролеты в колокольне — от них сила звона и от высоты колокольни.

Старая колокольня без шпиля, а наверху [золоченое] яблоко и над яблоком крест.

Плохо себя вел на колокольне, а батюшка говорит: «Звонарь, как архангел Гавриил, благовестит радостную весть, а ты...»

Как сорвался язык из-под Ильи Пророка и пробил колокольню.

Когда ударишь в колокол — потолок качается. Размер под звон большого колокола.

Когда был послушником, то от неудачной любви бросился с колокольни: «ну, матушка колокольня, ты меня родила, от тебя помру!»

Подрясник зацепился за крышу (ветром железо оторвало).

Свадьба в Нищей слободке.

Не верю: вот небо, вот земля, вот и продувает.

В Бога верю, но попов считаю за самое за последнее — я сам себе поп: вот тебе небо, вот земля, вот и продувает.

Кривой гордится своим петухом: он его окрасил в розовый цвет, чтобы он как по петушиному делу, так был бы розовый.

Мокрый день. Грачи черные нахохлились и сидят на заборе, будто монахи.

И справа и слева тучи заходят, и уже каплет на реку. Дождевые и рябые кружки расходятся. Луг потемнел. Река меняет лицо... то потемнеет, то блестит серебром. В реке все отражается. Река и луг. Ко всенощной. С неба, где [еще] светло, с облака синего и светлого слетают серебряные птички. Летят сверху и звенят серебряными крыльями, ближе, ближе... И вдруг переменилось: не птички серебряные спустились к серебряной реке, а по зеленому лугу опять из далекого скита тройка со звонкими колокольчиками. Скачет, скачет, ближе, ближе. И только показалась дуга на ракитной дороге... Трах! колокол церковный, двери...

Белевская газета: Ольга Алексеевна (по Ветхому Завету). Сжилась с вещами до того, что уж и не отличишь ее от вещей. Инспектор реального училища, бывало, как выпьет, начнет разговаривать. Ольга Ал. вернется из кухни и ахнет: инспектор сидит лицом к капоту О. А., кото-

рый всегда на стене висит, и разговаривает с ним, а то с креслом, с диваном... Сама О. А. скажет: живем, батюшка, по-ветхозаветному, квасы варим, брагу... И вдруг вся просияет: а Тат. Мих. на Красной горке перевенчалась.

[Без даты]. 29 Марта. Кончилась грачиная весна: грачи теперь гнезда устраивают. Сны весенние, сладкие, встречи во сне: в каком-то городе, в каком-то большом белом доме виделись мы: она была у окна в розовом. — Это он самый? — спрашивает. — Он! — А как же говорили, что он влюблен в меня и сошел с ума? — Нет, он существует.

Самое горькое, самое тяжелое воспоминание делается во сне сладостным, все свои катастрофы, такие маленькие, деревянными обломками плывут по большому лучезарному, сияющему небу, и по-прежнему, по самому старому прежнему где-то горит в середине синего неба неподвижный огненный цветок, как и тогда...

Снилось мне опять, будто я приезжаю в Питер и надумываю снять комнату у X. Но мне как-то неловко поднимать об этом вопрос. В ожидании хозяев хожу и думаю: нет, кажется, мне комнату не сдадут, пообедаю, а там будет видно. К обеду сходится много детей и Саша, который здесь же и живет. Вид у него обыкновенный, но лицо неясно. Наливает мне зубровку, хихикает. Мы разговариваем о похоронах. На твои похороны, говорю, приезжал Высший. — Высший! — изумился Саша. И я проснулся в ужасе, что разговаривал с покойником.

Сашу я спросил тогда: имел ли он в Лебедяни близкие отношения с М.? — Это было, — сказал он, — и сыграло большую роль: ведь я с женой не жил, и вообще у меня с ней был только один месяц в начале.

В черноземной степи нашей гóры не называются даже холмами и отроги — релями и гривами; все, что возвышается над степью, называется вершками и отвершками: горы — вершки, отроги — отвершки. Ничего не заслоняет глаза, и такими другой раз волшебными островами кажутся дворянские усадьбы, такими гигантскими и обыкновенные липы. Но в одной усадьбе я знаю, правда, одно почти сказочное дерево — такое мощное, такое высокое

дерево ильм. Никто из самых глубоких старцев не помнит его [меньше], чем теперь, и есть предание у наших до сих пор еще сентиментальных бабушек, что его охраняют Прекрасная Дама с голубыми бобрами.

Ах! — переживая те далекие времена, я не смогу не сказать этого «ах!» — ах, у многих из нас была своя Прекрасная Дама, но какому редкому счастливцу она помогла устроиться в жизни: мы в юности на одно мгновение встречались с ней и расходились, удивляясь потом своей собственной глупости. Между тем, по словам моей бабушки и по другим документам, которые собрал я по дворянским усадьбам, [видно, что] покойный старик Константин Павлович Азимов чин действительного тайного советника получил именно благодаря Прекрасной Даме с голубыми бобрами, охраняющей гигантское дерево.

Наши Азимовы — те самые, которые некогда при Иване Грозном в гербе своем [имели] голубого бобра — животное едва ли теперь уже существующее, тогда вымиравшее. Вскоре после этого Грозный царь, увидев, что Азимовы в России сильно множатся, и на что-то рассерженный, сказал: «Вы плодитесь, как свиньи!» — и велел им носить в гербе не бобра, а кабана. И пошли у них с тех пор Азимовы с кабаном в гербе.

Милая моя бабушка, когда счастливо сходится у нее пасьянс «Александр умирает, Николай рождается» любит намекнуть мне, что Александр Николаевич Азимов и Николай Александрович в свое время оба ей оказывали исключительное внимание, только она ни на одном не могла остановиться, потому что оба они были прекрасны, и, чтобы не обидеть ни того, ни другого, вышла за моего дедушку — богатого купца. Моя бабушка не исключение: очень многие старушки нашего края, испытав тяжелую жизнь с нелюбимым мужем, сохраняют до могилы чарующие воспоминания. Только я до сих пор не знаю, кого же именно любила моя бабушка, а главное, что значат эти голубые бобры: если рассказ начинался с Александра Николаевича, то бабушка старалась всячески очернить Николая Александровича, уверяла, что это два совершенно разных рода Азимовых, у Александра Николаевича в гербе — го-

лубые бобры, у Николая Александровича — кабан. Если же сладкие воспоминания [начинались] с Николая Александровича, то старушка неизменно рассказывала, что оба они были двоюродные братья одного и того же Азимовского рода с кабаном в гербе, и только Николай Александрович потом уж, когда получил чин действительного тайного советника, объявил происхождение своего рода от голубых бобров, ничего не имеющего общего с родом кабаньих Азимовых.

Как быть тут историку? Роюсь в письмах, дневниках и записках, езжу на именины, на свадьбы, на похороны, слушаю соловьев, набираю цветы, всех и вся расспрашиваю, была ли у Азимова настоящая Прекрасная Дама с голубыми бобрами. Трудное занятие, потому что никто не смотрит на Прекрасную Даму серьезно, все улыбаются, для всех это было некое нереальное даже [прекрасное] мгновение. Но я смело беру это мгновение себе, я отвечаю за его действительность, его значение, и ставлю свой собственный флаг, как на вновь открытой земле: я открыл его, как необычайный остров, зимними вечерами, когда у бабушки счастливо складывался пасьянс «Александр умирает, Николай рождается» и она принималась мне рассказывать о Прекрасной Даме с голубыми бобрами.

И мне этот сад с высокими деревьями все равно как родной сад, много раз я тут в детстве бывал и со страхом смотрю на деревья — мои сверстники: уже мелки плоды их и тронуты короедом стволы, и зеленая тля гложет их листья. Я хожу по аллеям с порыжелым листком в руках, поют соловьи и кукует кукушка, но уже не для себя и своего будущего слушаю их, и часто мне кажется, будто это не живая кукушка в саду, а бьют старинные бабушкины часы с кукушкой. И вот это историческое гигантское дерево, где венчались Коля и Саша. Рукой покойного действительного тайного советника написано, как это было: Маруся и Варя приехали, Коля повенчался с Варей, Саша с Марусей, обошли три раза дерево и стали жить семейной жизнью. Проходя долиной любви, Коля слышит Сашин страдающий голос, поет в аллее свиданий: «Светит месяц, не зарница, хочет Коленька жениться на... Марусе».—

Ах! — я не могу опять удержаться от «ах!», читая дневник действительного тайного советника — ах, как горько было услышать Саше эту песню: он сам женился не по любви на Марусе, а вздыхал тайно по Варе! Мальчики бросились друг другу в объятья [и поклялись] хранить всю жизнь супружескую верность: Коля — Сашиной возлюбленной Марусе, Саша — Колиной Прекрасной Даме Варе.

Все это было так, но я чуть-чуть сомневаюсь в Саше: Александр Николаевич жив еще до сих пор, с детства я помню его: он не [такой] спокойный человек, чтоб нести крест для возлюбленной своего друга. А скорее было, по-моему, так, что Саша был только свидетелем чувств своего друга, как это и видно из дневниковой записи: однажды ночью Коля при месяце разбудил Сашу и объявил ему, что он не Азимов. Я Азимов, сказал он, только совсем не такой, как ты: в нашем роду в гербе голубые бобры, а у вас — кабаны.

Саша не пожелал вести свой род от кабана, и оба друга навеки поссорились. На этот момент записок я и ловлю установленное событие: Николай Александрович Азимов, отец нашей теперешней [бабушки], был с раннего своего детства мечтателем, ему еще в детстве явилась Дама с голубыми бобрами, и она помогла ему сделаться действительным тайным советником, а не наоборот, как рассказывала моя бабушка и все обыкновенные Азимовы, будто когда Николай Александрович достиг чинов и разбогател, то зазнался и [считал] свой род, происходящим от других Азимовых, не имеющих ничего общего с кабаньим родом.

Деревья — сверстники дедушки, бабушки и родоначальника, которого никто не запомнит. Борьба между ними: ильм задумался, могила деревьев, сквозные стволы.

На всякое дело был мастер. И все шло у него клейко (что?). И шутить он мог: шуточки и присказки у него без перерыву шли, в [компании] соберутся — он первый, а ежели его кто обругает, ругается с ним, так он его так отделает, что и уйдет ни с чем. За год до смерти или за два — все отошло, шуточки эти, присказки все отошли, меньше,

меньше, и сидит он, бывало, за столом как чужой. Видим, что потухает... Вот снег...

Иван указал на льдины большие, черные, выброшенные на луг в полую воду. [Льдины] капали по капле, по капле... — Вот как снег, — сказал Иван, — изнывает, так и он стал сходить. За год до смерти стал куда-то собираться, выйдет из дому и пойдет. Ты куда, спросишь. Домой, говорит. Ну и вернешь его. Сильный был человек, возьмет камень и начнет камни метать. Ты что, спросишь. Я, говорит, лягух выпускаю. Ну, потом лег на печь и лежит. Не как прочие старики лежат, а тихо. На двор сходить, бывало, слезет, велишь ему тебя руками за шею обхватить и протащишь. Умер тихо семидесяти лет...

— Есть теперь старики, которые могли бы рассказать о старине?

— Нет, теперь нету. Раньше были старики могутные, жили по сто двадцать лет, а теперешний семьдесят лет старик — разум, говорит, вышибло.

В старинном саду, кажется, живая, настоящая кукушка кукует, а бьют старинные часы с кукушкой.

К соловьям до того привыкаешь, что не замечаешь их, [как] тиканья старинных часов.

30 Марта. Весна остановилась, снег хлопьями...

Мартовские облака.

Провинция, быт.

Идет женщина по улице и вслух жалуется монашке на изжогу.

— От грехов, милая, от грехов, дорогая.

Женщина испугалась и тут же покаялась: на пятом месяце от дворника...

— Вот от чего изжога твоя!

<*Приписка*: Курица — с веревкой в три аршина и красной тряпкой, чтобы узнать, где села>.

А. А. Петров, богатый купец, холеный, с розовой поросячьей кожей и большими мешками под глазами, любит поесть хорошо, сделать помарки и заметки на книгах об искусстве, готовый всегда рассуждать о чем угодно, при-

нять вид замечательно умного и образованного человека. Так его долго и считали очень умным, пока он не коснулся дел общественных: вдруг оказалось, глуп. Едет он в своей бархатной шляпе на розовом затылке по Ламской слободе, смотрит мещанские домики, и странно, что козлы, всё козы и козлы попадают ему на глаза: коз в Ламской слободе держат. И вот ему мелькнуло в одном домике: на куче у дуба сидит девочка, играет с мальчиком, и коза возле них, совсем как в греческой повести «Дафнис и Хлоя». У девочки нога была одна совсем голая выше коленки, какой-то чистотой необыкновенной, детской сладостно пахнуло на А. А. от этой голой детской коленки, и надолго запомнилось.

Живем по Ветхому Завету, квасы варим, брагу только перестали.

У священника дома всё из коробочек, хозяйство матушки в коробках от зубного порошка.

Два попа-врага, толстый пузатый фарисей и худенький сельский, у реки: толстый хотел бы искупаться, но холодно, боится. — А на что же благодать? — говорит сельский. — Благодать для сильных, а для немощного, я не понимаю, как вы такие вопросы делаете...

Пет. Фед. Мигунов пострадал за то, что весну сделал, нарядил весной куклу и обнес ее три раза вокруг городского сада. Три раза только икону обносят, и потому ему запретили. Ренсковый погреб (в 40 саж. от Духовного училища). Еще Пет. Фед. окрасил своего петуха в розовый цвет.

Тип смиренного попика: смирный, мухи не сгонит, а когда начальство распекает, виновато говорит: семья!

Окраины провинциального города — поля, дома сливаются снегом на всю зиму, как поля. Посадские девушки (монастырские новобрачные), лицо белое, мучнистое, в тюлевой наколке, за пояском [маленький белый кружевной] носовой платочек, в одной руке мешочек с подсолнухами, в другой горсточка их, ко рту поднесет, клюнет, как птица, и [боком] смотрит по-птичьи.

— Потеряла, потеряла! — кричат ей.

Обертывается: смеются мужики.

— Бесстыдники!

Весь город [смеется] так.

Мужик уже хотел, было, лапти надевать, чтобы идти нести икону, и вдруг стало известно, что архиерей не дозволил о. Петру икону снимать: икону он один только снять может.

— Да и на ложах наших умиляющееся, помянем в нощи имя Твое!

— Почему ты хочешь дочь твою Марьей назвать? — спрашивает священник.

— Да, батюшка, дети все зовут «Маша, Маша». Так часто дети дают имена.

Владимиров — интеллигент, адвокат: частный поверенный по мужицким делам. Служил на железной дороге, был в партии соц.-дем. и никакого там не имел значения по-бестолковости. Теперь, когда стал деревенским адвокатом, влияние его огромно (я не какой-нибудь узурпатор!): вошел в жизнь, в быт. Он и педагог, учит своего мальчика, в тень его превратил, жену в тень превратил, пьет, бушует — гроза улицы, сильный человек (Паниковка и железнодорожная слобода — две партии, из одной попал в другую; елка на Паниковке в Рождество, а у жел. дор. под Рождество.)

Рыжий батюшка маловерующий (в конце концов, по-поповски верующий); все тайны объясняет: «симпатическое средство».

Два брата: один был член управы и задался целью все деревенские избы железом покрыть, другой оставался в имении и занимался садами и сажал при церквах сады. Были врагами. После них через двадцать лет крыши стали железные и сады при церквах выросли...

27 Апреля. Лысовка. Именины Александра Гавриловича: съезжаются все родственники. Старик во время именин умирает. И тут же внук рождается. Описание самого обыкновенного праздника со всеми подробностями,

изображение этим трагизма будней: там, на станции, сидит сын (Николай Толмачев), огромный мужчина, в дамской комнате с четвертью водки и всех пугает. Страх матери, что он появится на именинах.

У мужиков кулачный бой. Николай подговаривает их срубить рощу. Лесоохранительный комитет ее рубить не разрешит. Николай подговаривает срубить и, когда срубили, зовет казаков — в этом сюжет всего рассказа.

Эта роща досталась Толмачевым от Лутовиновой незадолго перед этим, и Николай являлся, но комитет не разрешил. Надежда Алекс. о получении наследства дала знать Боборыкиным по деревенской почте.

Почта деревенская... арендатор садов: арендует и у Толмачевых, и у Боборыкиных. Передает Боборыкиным, что Толмачевы теперь счастливы.

Старая сентиментальная любовь Надежды Александровны к старику Боборыкину. Это одна из особенностей изображаемого быта: сентиментальность и грубый реализм. Старик посылает сына-аристократа (или старик умер, а сын и мать, сын хочет жениться на крестьянке, а мать хоть на мелкой, да дворянке). На именинах решается роман: жениться на крестьянке.

Начало повести: Николай хлопочет в Лесоохранительном комитете, не добивается и едет в провинцию к матери и застревает в дамской комнате.

Боборыкин и Николай Толмачев: 1) [Боборыкин] аристократ, застенчивый, сентиментальный, «романтик», болезненный страх перед женщинами — этим объясняется его брак на крестьянке; культ единственной женщины. 2) Николай — победитель женщин, гигант (Леонард) и пр. — словом, это два существа, противоположные на небе и на земле, и в России видимы такими.

(Боборыкин — Саша, Коля; Николай — Борис, Леонард и проч. — «классики»).

Эти два героя, как борьба сентиментальности матери и ее практики: значит, нужна женщина, подобная Любови Александровне.

Эти мелкие помещики характерны, между прочим, своей полной откровенностью с крестьянами, которые,

немые перед миром, свидетели всего. И вообще жизнь этих простых людей в мелком хозяйстве до того слилась с жизнью их господ, что изображать можно их массовую душу и отражать, как в зеркале, душу их господ. И вместе с этим прием описания — господского посредством мужицкого.

Одно из возможных начал. Еще в те далекие времена, когда Коля с Сашей приезжали к нам венчаться вокруг нашего огромного ильма — родоначальника всех наших ильмов в парке, помню я, как они были различны в характере. Коля венчался с моей сестрой Надей, Саша с Марусей. Предложения были сделаны на моих глазах: Коля первый подошел к Наде, Саша к Марусе, все мы вместе потом спустились в долину Любви и трижды парами обошли гигантское дерево и потом сделали себе гнездо наверху и уселись. (Я дружил больше с тихим Сашей...) И вот вечером я нечаянно услыхал [разговор] на верху дерева... Он испугался, но я был друг, и он признался, что любит Надю, а женился на Марусе и проч...

Еще в те далекие времена намечалась нить... теперь все стало ясно.

Наше имение Толмачи, Саша — Александр Гавр. Боборыкин, теперь я могу начать свой рассказ.

Возвращусь в наш сад и обниму деревья; свидетели — все деревья, глухая крапива и проч.

Второе начало: Возвращаюсь в сад родимый и обо всем спрашиваю: и боюсь спросить о дереве: цело! вокруг этого дерева мы венчались — все в форме дневника... А если не дневник, а повествование, то надо начинать с Николая: едет из Петербурга рощу рубить.

Деревенская гроза. Мама вяжет и ведет серьезный разговор с умным инспектором народного училища: — Ужасно я боюсь грозы — И опасно в самом деле, убивает, — отвечает он. Хлопает окно.

Помещица внезапно переходит от теории к практике: — Полюшка, затвори окно скорей! Ну-те! — обращается она к инспектору. — Ужасна эта нечаянная смерть от грозы: убьет сразу, без покаяния, кончина внезапная,

ум ищет объяснения: за что? — Поднимает [голову] — катится бочка по двору. — Бочку, бочку, ловите бочку! — кричит помещица. — Шуты гороховые, видят, гроза собирается, а не могут бочку на место поставить... Ну-те! Церковь это, однако, предвидит. — Вы о грозе... — Да, о внезапной кончине. — Из желобов полилась вода, вспомнили, что чаны не поставлены. — Чаны, чаны, скорее чаны! Ну-те...

Помещичий двор. Возле чана утка привязана за лапку, а утята разбрелись по всему двору, и она весь день орет...

Учительница Елизавета Андреевна. — Хорошо бы жить в лесу, умываться прямо из родника. — Ну-те. — Ну и прочее всякое такое, вот как жили ... в лесу, как Генрих <*2 нрзб.*>. Скоро женщина всеми завладеет, а то уж мужчина ни на что не похож стал. Ибсен сказал: будущее принадлежит женщине и пролетариату.

Учительница Кондрикинская с темными влажными глазами. У нее чистенькая постелька, розовый фонарь, везде тюль с ирисами от Мальцевских заводов, уютно, тихо, все, чтобы принять его. Она серьезно влюбляется в каждого своего поклонника и отдается всегда, воображая себя Татьяной. Павлик был у нее, ходил в сумерки. Она зажигала лампаду, садилась на диван возле него и пела под гитару:

Вечный холод и мрак в этих душных стенах,
Озаренных сияньем лампад,
И вселяет невольно таинственный страх
Образов нескончаемый ряд.

Павлик обнимал ее, а она все пела:

Раз весной вместе с лунным лучом
Мотылек в мою келью впорхнул,
Он уста мои принял за алый цветок
И лобзаньем к ним страстным прильнул.

Она скоро [надоела] Павлику, но через некоторое время опять навестил — было уже поздно: его место занял богатый помещик, седой старичок. — Я вас люблю, — ска-

зала Кондрикинская, — но я другому отдана. — Седой милым рядится! — сказал Павлик.

Мать до того привыкла мужикам во всем отказывать, что, когда лезет в дом мужик, она уж кричит: нет у меня! да как ты смеешь! Раз в такую минуту, когда лез мужик, у меня заболела голова, начиналась скарлатина. — Мама, — говорю я, — кажется, я заболел. — Да как ты смеешь! — крикнула мать.

До того соединяешься духом с жизнью людей, что при хорошей погоде, если нет дождика и поля страждут, не радуешься и переживаешь общее мужицкое горе: не радуешься роскошному саду, солнцу, воде.

Ив. Вас. не едет в Италию, потому что боится потом вернуться в Россию разочарованным.

Лидя ищет закономерности и боится случайного.

Лидина психология: делает дело только по теории и пр.

Четыре тяги.

Первая тяга в марте, когда вальдшнепа не было: лошадь, мужик, морозец, звезда, тяга — только вальдшнепа все-таки нет. Вторая с Ник. Ник. Третья — один: 5-го апреля, убил одного; четвертая (шестое апреля) — убил двух.

Тяга 5 апреля.

Каждый день что-нибудь новое: сегодня я первый раз вижу у ствола липы, погруженного в золотой ручей, в вечерних лучах танец комаров. Ствол темной липы заслонил [малиновое] заходящее солнце, и неодетые ветви кустов кажутся золотой паутиной. Козодой прилетел. Дятел хохлатый, тесно припав к самой верхушке березы, поет, не долбит своим смертельным стуком, а поет! Везде, везде поют еще певчие дрозды...

Против заката над серой порослью, над нежными, тонкими, как свечи, стволами березок молодых показалась первая вечерняя малиновая дрема леса... а в лесу стихали певчие птицы.

15 Зак. 4404

На деревне стучали вальки. Из города долетает грохот проходящего поезда. И тем сосредоточеннее отдавались тонкие, как свечи, стволы берез малиновой дреме и ветви с набухшими почками тянулись в малиновое небо; [всё] ожидает звезду. Теперь всего поют две-три пеночки в лесу. Малиновая дрема поднимается выше, а внизу поднимается голубая, глубокая. Звук ручья, который все время и раньше журчал, теперь наполнил весь лес, будто большой рой пчел прилетел и гудит. Или это так от тишины в ушах звенит и гудит.

Всё ожидает звезду.

Бекас проблеял. Кажется, он где-то в глубине болота... ночи навстречу... Кажется, это ночь отзывается своими звуками, когда все дневное уступило.... Блещет печальным светом звезда, всегда нежданная и нечаянная. Маленькие озерки, в которые погружено почти каждое дерево, теперь заблестели из-под леса.

На родине.

Сколько раз слышал я рассказ моей матушки, как вышла она в зеленом платье с кружевами и села на диван.

— И увидела я против себя черную бороду и больше ничего, так больше ничего и не видела, — говорила мне матушка с большой горечью. А уж последний раз, как она это мне рассказывала, было ей за семьдесят. И все-таки с горечью рассказывала. С горечью и я слушал этот рассказ.

Тетушка моя по матери Дуничка, лет на десять моложе ее, могла уже и не так поступить, как мать моя. К ней тоже приехала свататься черная борода. Заговорила борода о лошадях сначала, какие у них хорошие кони, и какая цена им, и продаются ли. После этого борода вдруг как-то и сделала предложение. Дуничка не растерялась и говорит бороде:

— А я думала, вы приехали к нам лошадей покупать!

<*Приписка:* Такое короткое время: выйти или не выйти?>

С тем и отпустила жениха. И другого так, и третьего. Это ей позволяли, а на курсы все-таки не пустили, и ос-

талась тетушка ни с чем, устроила школу, учит деревенских ребят и живет у моей матушки. Вот когда, бывало, зайдет речь о том, как замуж выходила моя матушка, тихо [вздохнет] Дуничка и как-то осунется вся и скажет:

— А все-таки ты любила. — Да разве это любовь! — уже не с горечью, а прямо бунтовски воскликнет моя горячая матушка. — Любовь — это, я понимаю, когда во всем видишь хорошее, и весь мир становится как... розовый... как... — Запнулась. — Как? — спросит Дуничка. — Как розовый.

Дальше у нее как-то ничего не выходило. Дуничка хорошо ее понимала без дальнейших слов, но упрямо неизменно твердила:

— А все-таки ты любила.

И как бы пришпиливала мать мою этим словом: налицо были дети. И втайне моя матушка все-таки презирала девственность Дунички. И Дуничка, конечно, должна была презирать замужество моей матушки. Об этом не нужно и догадываться, это само собой выливалось в домашних сценах и шпильках.

— Равноапостольная! — раз как-то небрежно сказала моя матушка, и я на всю жизнь без понимания запомнил это слово.

Было это в Страстную среду. Не помню, из-за чего-то они сильно поссорились, расхлопались дверями. Дуничка заперлась у себя, не выходила к обеду, к чаю. А матушка моя в эти недели говела, и непременно в среду перед исповедью нужно ей было у всех нас просить прощения. Постучалась она к Дуничке раз — не отворяет, два — не отворяет. Черная как ночь ходит по коридору моя властная матушка. И в церковь нельзя идти непрощеной, и бешенство подступает, нельзя, не хватит духу попросить прощения кротким голосом. Наконец собралась с силами: в третий раз постучала в дверь и совсем не своим, таким притворным, фальшивым голосом говорит:

— Дуня, прости меня.

Дуничка была неверующая и в церковь не ходила принципиально. И должно быть, ее, кроткую, очень уж раздосадовала моя матушка, а может быть, и голос-то

притворный показался противным. Только Дуничка через дверь отчетливо и насмешливо отрезала:

— Не прощаю!

— Вот так и равноапостольная! — крикнула матушка и пошла исповедоваться непрощеная. Пасха всегда ссора.

На Пасху, я помню тоже, когда приехала Толмачиха, большая приятельница моей матушки, был у них такой разговор вполголоса. Матушка рассказывала: — Дуничка сделала пятнадцать пасочек и каждому мальчику и девочке по куличу, по пасхе и по крашеному яичку дала.

А Толмачиха тонко улыбнулась и говорит: — Счастливая! Вот мы со своими болванами всю жизнь маялись, и конца не вижу. А у них как все чистенько: дала по яичку, и прямо к лику святых.

— А... ничего не выходит: готовит из мужиков передовых людей, а самые передовые... уходят в городовые, да в писаря. Уходят в городовые. И в писаря.

— Чем же это плохо: хорошие городовые и писаря — самые нужные люди, — говорила с тонкой улыбкой Толмачиха.

Тут вошла и сама Дуничка с фиалками и с томиком Надсона, и разговор о ней оборвался.

— Ну, как ваши экзамены? я слышала, к вам опять экзаменатором назначен Стахович.

Дуничка вспыхнула. Это у нее так и осталось до седых волос, как только произнесут это имя, Дуничка вспыхивает.

Я помню как во сне тот год, когда Стахович приехал экзаменатором к Дуничке: высокий господин, бритый, в английском кэпи — ничего особенного, на мой взгляд, но вот, помню, у Дунички с мамой был на языке только Стахович. Не могу передать этих женских разговоров о Стаховиче, как не могу рассказать, про что журчит вода по камням. Слышится мне шелест ивовых листьев, склоненных над ручьем, — что это значит, не знаю. Вижу кустики наших бледных фиалок под орешниками. Дуничка, такая маленькая, тоненькая, срывает их, я во всю мочь стараюсь найти побольше: это так важно, так нужно! Вот

еще, Дуничка! Вот еще! Вот еще! Идешь в шумящей прошлогодней листве, дрозды поют, капает березовый сок, кинешь глазами, и вот еще. Вот еще! Даже и матушка моя, вся такая деловая, выходила той весной собирать фиалки. И когда потом возвращались с фиалками домой по старому саду, сели на лавочку и на лавочке все время, все время о нем: европеец, европеец! Это, я помню, говорили, и больше [не помню].

Мать в Стаховиче видит жениха Дуни, а та: свету, свету!

Экзамены прошли где-то за стеной, но он потом обедал у нас. Дуничка была вся в переходящих красных пятнах. Меня заставили спеть «Ах ты, воля, моя воля» и прочесть стихи Некрасова о генерале Топтыгине. Экзамены прошли великолепно. Он где-то написал о замечательной школе. Говорили сестры о Стаховиче все лето, осень и зиму. Опять ожидали, но приехал другой, и потом опять другой, и больше уже Стахович не приезжал. Дуничка теперь всегда жалуется на плохих экзаменаторов.

Люблю я теперь иногда приехать к старушкам. Попрежнему на кладбище с грустью смотрю на жалкую деревянную решетку вокруг заросшей могилы моего отца. Прихожу домой, завожу речь о могиле, и так мало-помалу слово за слово цепляется, матушка начинает рассказывать, как вышла она в зеленом с кружевами платье и села на диван.

— И увидела я против себя черную бороду... — А все-таки ты любила! — скажет с горечью Дуничка. — Да разве это любовь! Такая ли настоящая любовь? Я понимаю, любовь, когда во всем видишь хорошее, и весь мир становится... — Какой? — Розовый... — и смотрит на Дуничку: верит, что у нее розовый мир...

Дальше матушка ничего не знает, [что] сказать, и запинается. А как знает Дуничка розовый мир. Ей жалко матушки, и она говорит: — А все-таки ты любила. — Любовь — все-таки ты любила, — твердит упрямо Дуничка равноапостольная.

Дуничка, лет на десять помоложе всего матушки, так и кипит, так и кипит! Горит, возмущается. Еще больше возмущается Дуничка, когда мать начнет хвалить свое девичье житье в старинном купеческом доме, готова принять бой: — Деспотизм, грубость...

Матушка, тоже очень горячая и властная, пропустит мимо ушей «деспотизм», а потом как-нибудь [кстати] и расскажет, что в передней у них всегда стоял бочонок со свежей икрой, откроешь бочонок — и совочек в нем: кто хочет, подходит и ест, сколько хочет. Косинька*: — И такой запах от этой икры, мухи, девки грязные вечно спят на сундуке, вообще очень уютный уголок!

Ссора — включить до: в девках осталась, равноапостольная. Примирение, [когда] матушка рассказывала, как она замуж выходила. А лучше через всю 1-ю часть рассказа провести ссору и закончить примирением.

Хозяйка и учительница.

Когда-то из этого уютного уголка бежала Дуничка к матушке и тут, в деревне, вот уж сорок лет учит деревенских ребят. Матушка замуж выходила...

Как я мужика любила...

Когда врозь, то начинают тосковать, друг без друга не могут жить. Когда вместе, ссорятся: из-за лошадей, Косинька в зависимости от лошадей, от хозяйства вообще — как она на поле: хозяйка...

Споры: — Я говорю, ты деспот! — вдруг выпалит Дуничка и убежит. — Уеду.

— Уезжай!

И когда кто-нибудь к ним приедет, то мать жалуется и хочет расстаться (подумаешь, серьезно, а это так). Ссоры — сначала ругаются, а потом мирятся.

Малейшая царапина, напр.: — Сестрица, дай мне лошадь. — На что тебе? — Это «на что тебе» уже возмущает Дуничку ужасно, она пересиливает себя и говорит ей причину: — Съездить в город... — Зачем тебе в город? — Лошади свободны, но хозяйка отчет требует...

* Косинька — домашнее имя Дунечки.

За картами: пасьянс, обе смирятся, и вдруг — скандал. У Дунички копилось за лошадей, а у той... ее односторонность и (что-то еще), и постороннего человека [обманет] самая мирная картина; не пасьянс... [а] значит, терпели, терпели, терпели, и вдруг лопнуло — как вскочит и: — Деспот! — Равноапостольная!

Зависимость от хозяйки, а какая зависимость хозяйки от Дунички: Марфа и Мария...

Боборыкины. Любовь Надежды Ал. (институтская) к Боборыкину: она мелкопоместная, он аристократ, разошлись, сохранили сентиментальное чувство любви, наплодили дочерей. Наследство получила и велела передать, что «мы теперь богатые». Явился <*1 нрзб.*> аристократ с живыми глазами и маленькой проседью, как будто ухаживает за Машей, или так кажется. Не верит: куда же он возьмет ко двору простушку? Она выходит замуж, и он является и объясняется в любви матери: поздно. Муж умирает. Он опять ухаживает, не решается. Исчезает. Письма к своей матери... И на коленях стоял, вошла Лиза: становись на колени. И Лиза стала женой (от княжны до крестьянки).

Любовь Александровна религиозная: перед причастием вынимает вставные зубы.

Николай Толмачев скупил всех извозчиков перед театром и, когда кончилось представление и публика вышла, сел на одного, и все уехали.

Николину рощу нельзя было срубить (заложено), и вот когда забастовка, сам научил мужиков рубить и, когда было срублено, позвал казаков.

У Любовь Алекс. было три жениха, поехала посоветоваться с Амвросием, за которого выходить (Алек. Мих. — крестовый брат): не посоветовал за родственника, а она ослушалась, и через неделю пошли нелады, и она пишет письмо Амвросию: смирение, терпение. И он был «атеист» и стал через силу... (гречневая каша, обращение атеиста).

Вижу, первая и все-таки непосредственная причина появления на свет моего героя в 18... точно не помню ка-

ком году, в детской нашего дома. Эта детская была расположена так, что из одной двери могла появиться нянька, а из другой мать. Комнату няньки по-старинному звали девичьей, комната матери называлась спальней. Дом был зимой холодный, и жили только в трех комнатах: в этой спальне, в детской и в девичьей, остальные комнаты наглухо забивались и обтягивались войлоком. Спальня была разделена альковом коричневого цвета на две половины: в одной стоял огромный комод и кровать — тут спали; в другой половине был круглый стол под висячей лампой и диван — за круглым столом ели и пили чай, на диване весь день лежал больной отец и постепенно умирал, то отнимается рука, то нога. Что он был замечательный стрелок и страстный садовод, рассказывали мне после его смерти, а я помню его только на этом диване. Однажды наша семья собралась за круглым столом к обыкновенному вечернему чаю, мать налила большую кружку и хотела нести уже ее к столику больного, вдруг, совсем неожиданно он сказал, чтобы его подняли и посадили за стол. Мать с помощью няньки подняла его и посадила на кресло рядом со мной. На столе был лист порыжелой писчей бумаги с цветными карандашами. Больной стал здоровой рукой рисовать для меня лошадей, петухов, всякую такую живность, еще какое-то совсем особенное животное с синим толстым хвостом. Я хотел спросить его, какое это животное, но вдруг ему сделалось дурно, и опять его уложили в постель. Он бормотал в постели что-то бессвязное и показывал рукой на меня. Поняли, что он хочет что-то сказать мне о своих рисунках, и положили меня с ним на кровать. — Это голубые бобры, — сказал он мне про синих животных, — есть такие голубые, драгоценные...

Я спросил его, где водятся голубые бобры, не у нас ли в саду? Но он мне сердито крикнул вдруг: — Что ты мне в глаза тычешь? Убирайся. — И прогнал меня. Много с тех пор, как я помню себя, получал я всяких булавочных обид, казавшихся мне всегда ужасными, но [это] я даже за обиду не счел, а за обыкновенное ужасное и непонятное,

отчего бывает страшно, но не обидно. Тревожно спалось мне в ту ночь, снились голубые бобры.

В неизвестной стране за садом я просыпался много раз и слышал неустанный хрип в спальне, словно огромная муха запуталась в паутине и паук ее беспокоит. А в доме как днем была суета: нянька то и дело шныряет из девичьей через детскую в спальню, мать ворчит, раз что-то упало тяжелое. А чуть забудешься, опять снятся голубые бобры, такие необыкновенно прекрасные животные, эти бобры с голубыми хвостами по зеленым деревьям.

Тот хрип, похожий на жужжание обреченной мухи, продолжался до утра и на заре стих: отец мой умер. Все стихло, и в тишине родился мой герой с голубыми бобрами. Это не я, обыкновенный, как все, человек, рожденный обыкновенной женщиной, кажется, даже без всякой любви, а совершенно особенное существо, странствующее по жизни за голубыми бобрами. Я разумный человек, невольный свидетель его безумных исканий.

После 1-ой [главы] (отец) — осталась мать: как она ездит на дрожках: она и мужики (труд ее и мои голубые бобры, и развить в главу о Лермонтове).

Отец мой был потомственный почетный гражданин, но никогда бы не согласился герой мой [с] голубыми бобрами признать его своим отцом. Я смутно помню, как мы переехали в Елец и поселились в большом бревенчатом доме у Хренникова, половину этого дома занимали мы, а половину — хозяева Хренниковы. У нас очень ***скушно***, как будто мы жили всегда под страхом гостей, что вот приедут гости и застанут нас и увидят нашу тайну. Поэтому, когда кто-нибудь приходил, мать бросалась на какие-то внешние разговоры, ужасно гремели тарелками, мать обрывала внезапно разговор, выбегала к тарелкам и там ссорилась, еще больше гремело. От всего этого нам становилось стыдно и страшно, что возьмут нас и тоже вовлекут. Да так и бывало: когда разговор истощался, мать заставляла нас войти, ставила рядом, и мы должны были петь: «Ах ты, воля, моя воля, золотая ты моя!»

Было стыдно, ненужно, фальшиво. А за стеной был всегда шум, звуки рояля и стройное пение. Семья Хренниковых была огромная, множество мальчиков и девочек. Там был у них настоящий рай, игры в саду, и почему-то все это было в доме за стеной, в саду за деревянным забором. Однажды как-то Миша — мой герой с голубыми бобрами — увидел в щелку одну из девочек Хренниковых, Катю: она проходила между яблонями в ситцевом платье, вся голубая.

— Она! — решил Миша. И с этого времени начал совсем особенную жизнь.

<*Зачеркнуто:* Она была недоступна>. Это было тайное.

Из своего.

В Белеве раз оборвался язык на Илье Пророке, рухнул, пробил под собой все колокольные подмостки и очутился внизу — так же вот и в моей судьбе однажды случилось: звонил, звонил и вдруг лежу у земли, немой... был в мировом центре, в Париже, и вдруг лежу где-то на полустанке между Ельцом и Тулой...

А в колокол бьют, и он звонит, и странно мне слышать этот звон: и мой, и чужой. Я лежу в пустоте, немой...

Но если у меня тайный друг. Его нет, и он есть. Он такой близкий и единственный и совсем неприкосновенный и непознаваемый.

Он и близкий, и далекий: стоит мне сделать усилие сказать о нем, приблизиться к нему, как я чувствую, что язык мой — колокольный, стопудовый лежит, глубоко зарывшись в землю. И если друг мой во сне хочет приблизиться ко мне и показаться, то кажется только в уродливом виде.

Я бы хотел звонить о самой простой человеческой радости в большой колокол: до того проста моя сущность, и между тем я лежу немой. И вот недостигаемый друг есть простая радость близости, то, что есть у всех. У меня у одного нет того, что есть у всех, и это есть предмет моей печали. Она, которая приходит ко мне как призрак, в живом виде есть то, чем обладает весь мир. И так весь мир в сво-

ем простейшем становится предметом любви моей, и, пожалуй, не любви, а любования: я любуюсь простейшим.

Бывает в моей жизни, как и во всякой, что не нахожу выхода из круга обыденных, остро кусающих мелочей — и вот тогда стоит мне только удалиться и стать лицом к реке или лесу и там затихнуть и забыться, как я возвращаюсь назад с радостной душой, и то, что невозможно было решить рассудком, сделает полдневное облако, отдыхающее на краю ржаного поля, или верхушки деревьев в тумане, или золотые свечи — бор на закате. Что это? не друг ли мой [тайный] улыбнулся мне?

В лесу я наткнулся на изгородь, и за нею было много животных: коровы сытые, овцы, и черные кроны [больших] деревьев — пятнами играл на них солнечный свет. Под елью висела колыбелька, и в ней лицо здорового ребенка. Я с восторгом смотрел на него, и так мне хотелось иметь своего ребенка, как женщине бесплодной хотелось и казалось возможным и прекрасным делом взять себе такого ребенка и посвятить ему себя. Я знаю, вся природа ответит на мое желание, но только я не могу сказать это своему другу; я скажу ему, и он с отвращением не примет слов моих, а между тем от него исходит эта радость, это стремление, как будто сзади меня светит солнце и все вокруг прекрасно, а обернешься посмотреть, от чего так хорошо, и захочешь сказать туда — там черное солнце, и радости моей не принимает.

Она так мне говорила: — Помните всегда, всегда, раз навсегда запомните, нет такой мелочи в жизни, которая не преломилась бы во мне и прошла бы незамеченной.

Все преломляется, и мир становится черным. Но отчего же солнце все-таки светит и мир такой прекрасный? Вот этот спящий младенец, и мать к нему подходит (Фрося).

Сныхово (Снохово — сноха Грозного). Переправа: зову лодку, а с того берега: вы чьи? Дом батюшки: что это наставлено, нагорожено, кладбище? крест на могилке? рубашки навешаны? Нет, это ульи стоят — пасека батюшки. Внутренность дома [соединяется] со скотным двором,

[собой] представляет что-то переходное от жилища человека к хлеву: у одной печурки диван [у стены] а на [полу] навоза воз, везде мухота. Положил меня отдохнуть, сам батюшка взял у меня носки и сунул в печурку, а из другой печурки вынул горсть подсолнухов: «не желаете ли?» А то на лавочке любят беседовать, там пономарь, протянул молча руку к пономарю, и тот [отсыпал] подсолнухи, щелкают и беседуют о художестве. Пришел спросить о деле, но только начинаешь о деле, батюшка в философию, так ничего и не узнал. Философия же его все больше о том, что культура ни к чему. Верует инстинктом, самый обыкновенный поп, а так либерален.

12 Мая. Страшная гроза. Лева говорит, что стреляет страшный красный человек.

Мужик корову вел продавать в город, а убогий убил мужика, положил под рогожу в телегу, остановился ночевать. Утром лошадь не идет, вся деревня собралась помогать: лошадь не идет. Открыли рогожу и поняли, отчего лошадь не шла.

Магнит. Иван Семенович попал в монастырь по ошибке. Сознает, что жизнь монаха на 18 лет короче, но только в мир идти тоже не может, отвык, пойдет в деревню — и будто в стадо скота попал, что-то тянет опять в монастырь. — Что тянет? — спросил я. — Магнит! — ответил Ив. Сем.

Харчи у них ужасные, люди изможденные, желтые, ходят как тени в сосновом бору, и вдруг откуда-то у них возьмется козлиный смешок...

13 Мая. В женском монастыре старую икону хотели уже на воду спустить, а она вдруг стала в лике меняться: когда кто с верой затеплит свечу, станет светлой, без веры — темная. И вдруг икона стала вся неизменно светлая. Народ повалил в женский монастырь.

Игумену мужского монастыря стало завидно, и он объявил, что икона покрашена.

Сидит батюшка на своем балкончике, и читает молитвенник: «всякое дыхание поет!» — Поет, — удивляет-

ся он, — поет. К балкону странник подходит и хочет наняться в работники. Эти люди только по воле работают, а чуть по обязанности — не могут, и, зная это, батюшка не говорит об обязанностях, а просто: живи! Тут матушка вскидывается, и редко ошибается. Нанялся Иван Большой. — Ну, Иван, будешь переезжать реку на пароме, крикни, что есть духу... Голос есть? — Есть! — Крикни, вот что крикни... — выбирает самое красивое местечко из молитвенника. На заре встал батюшка и дожидается крика (чтоб проверить бродягу), разные крики, и вот сел Иван Большой, переехал [реку, повернул] оглобли, а дела не делает и проч.

— Странник честный! ловко! — а сам думает: — Значит, странник и нечестный бывает... бывает: ловко! — В милости строгий и в гневе: — Вот, ну поди ты! Черт знает как хорошо, замечательно!

Когда приходит мужик и жалуется на жену, батюшка говорит: — Узнай! примечай за ней, не плохая она женщина, а ты узнай ее...

В семинарской книжечке записано: «никогда никто не узнает и не оценит твоего “я”, принесенного в жертву ближнему» — это поверхностное заключение оказалось верным.

Рыбак Иван Ильич сиганул без креста, и тут ему смерть приключилась. <*Приписка*: К монаху, кинувшемуся за лягушкой в пруд: сюда же волнение от запаха цветов — на тонкой волосинке небо и пропасть, и в пропасть угодил Иона к чертям — сиганул без креста>.

Пастух лежит на лугу: ногти у него кривые, впиваются в землю, как корни; к нему приходит иногда женщина и ногти обрезает, зашивает портки, лежит он и смотрит [на] заходящее солнце и видит вечером, как солнце отъело кусок месяца, и он уже светит ночь ущербленный, а и на другой день опять отъело кусочек... Потом он видел, как новый месяц родился, и за ним следила большая звезда и река: звезда на небе, река на земле: месяц в реке.

Вознесение. Рожь колосится. Христос на небеса тянет рожь за волоса.

17 Мая. Пришел мятый маринованный старичок Иван Михайлович, пришел поздравлять — [каждый раз] непременно приходит, как будто к празднику его достают из уксуса и подают к столу; говорит он про божественное и про хороших людей, постоянно прибавляя: «не плоше вас».

20 Мая. Холодно. Где-то град выпал, или утопленник лежит ненайденный в воде.

По голубому небу ходят большие крупные облака, в такой день, когда облака крупные, говорят, картошку сажать хорошо: крупная рождается. Холодно, где-нибудь покойник лежит без погребения; пока не оглодают человеческое тело, все будет холодно. Узнали, что холодно было оттого, что невдалеке град выпал: планида шла полями, выбила рожь на одну треть, человека в лесу громом убило, а на реке обрушила каменный берег, так что до середины реки стала мель.

1 Июня. Поднялись высокие сильные травы, зацвели луга, все полевые и лесные цветы, несметной силой засвистел комар. Днем от комаров зайцы из леса выходят и ложатся в полях. Рожь колосится, и показались грибы — подколосники, молодые, как ледяные в росе, в одну ночь вырастают. Гуляют по лесной поляне ежи смелые: увидит нас, скосит черное мохнатое, не то свиное, не то старушечье рыльце и узнает: худые или добрые идут; идут все худые: свернется и запыхтит так, словно где-то за лесом далеко мотор идет.

8 Июня. Это окончился союз луга и реки благополучно: дети реки и лу́га — цветы — процвели. Луг цветет, неделя до сенокоса. Птицы вывели, и соловьям петь стало неловко: начнет и оборвется, подавилась кукушка ячменным колоском — весна кончилась. Летние цветы зацвели: луговые астры. Теперь весь луг как море, и когда едешь, кажется, плывут по морю один по одному белые, лиловые, синие, красные кораблики. Хочется удержать навсегда это луговое цветущее царство, построить мир по образу этого луга с бессмертными цветами. Но тут не должна

быть отдельная воля, потому что отдельная воля может установить царство только насилием, а насилие ведет к ограниченности и окаменению. Человек должен найти свою волю в источнике, из которого вытекают все отдельные воли.

<*Приписка*: Цветы — вырастают по грязи... конец: цветок: три листика>.

[1913 ?]

Песочки.

13 Июня. Заповедная чаща. Часовенка (что старше).

Странник пришел умирать. Александр и Паша. Сурьезный странник, много не говорит, а вроде как приказывает. «Поставь самовар! — Да я не хотела бы, сахар дорог. — Почем? — 18 копеек фунтик. — Ничего, поставь! — А откуда родом? — Вам на что? Там моя родня, как зайцы в поле». Так и сказал: зайцы. По волосам странника и по разговору — скопской. Молчком ляжет. Помолится и добрым утром скажет «с добрым утром». А там уже, говорит, куда Бог повернет: «Умру — похороните. Не бойтесь! У меня бумага есть. Выздоровею — уйду, куда, вам знать не надобно». Хотела отвезти в другую деревню, а он говорит: «Это вы меня с пьяницей пустите, не поеду». Узнал, что пьяница! Это всех и поразило: волосы длинные, может, что и знает.

Пришел странник, старик холодный, голодный, лоскочет зубами: добрые люди, дайте мне обогреться. Обогрели его, напоили, накормили, он лег и вставать не хочет и не может. Стали спрашивать, кто такой? «Я — заяц в поле. — А родня твоя? — Родня тоже все зайцы». И опять замолчал. Суров.

Одни разбойники покаялись и отдали богатства свои награбленные в монастыри, другие не каялись, а зарывали клады в землю. <*Приписка*: монастыри богатели — черные попы, земляные клады — колдуны>.

Есть в лесу ключ, там везде клады зарыты, и наткнешься, бывает, на этот ключ, а потом места не найти: один мужик наткнулся и просеку прорубил, мало просеку — у

ключа штаны положил, а на другой день пришел — просека заросла, ключа не нашел, и последние штаны пропали.

Душистое сено, лиловые колокольчики, а ночи светлые курятся белыми туманами. Пробирается лугом убогий заяц и выбрался на высокий речной кряж, тут по кряжу тощая бесплодная земля и растут цветы — бессмертники сухие, мох и лишайники. Убогий заяц с вывихнутой лапой тихо плетется по вечернему цветущему лугу, волоча широким следом больную лапу. Красный хищный зверь догоняет его, ближе, ближе, увидел его... Заяц прилег. Зверь остановился: пока не двинется, зверь не схватит. Зверь поражен: заяц лежит и смотрит на него открытыми своими глазами и, может быть, думает: перележу! Зверь долго стоял, свесил, красный, на зайца губу, распустил слюни и не выдержал, отошел, стал невидный за кустом и там долго, долго стоял, пока туманы белые синими холстами не легли, а потом выше поднялись и закрыли зайца.

Красный подошел — заяц лежит и смотрит. И зверь отошел совсем: ему стало страшно. А там из туманов уже летели черные вороны клевать умершего зайца: заяц перележал.

А вокруг него была земля на высоком кряже постная, сухая, цветы бессмертника сухие, мхи и лишайники; и виделась только эта вершина земли, все внизу было покрыто туманом, и только темными остриями кое-где виднелись верхушки елей и сосен.

(Ляда — капище, ляда на лисьих норках.)

17 Июня. Зарница играет по ржаному [полю]. Пахнет клеверами, весь луг цветет, везде васильки и большие лиловые колокольчики. По реке везде плывет ивовый пух.

20 Июня. Варлаам жалуется двум бабам на игумена. Я, говорит, из монастыря лавру сделаю. Посмотри, что сделал: ограда стала серая, рухольный, все холсты украл, звонарь ушел.

21 Июня. Еще вечером я видел, как на лугу на тонкой былинке мать-птичка сидела, и былинка склонялась от тяжести птицы к гнезду, а сегодня уже нет этого места: на ранней заре блеснуло сорок кос.

Роща на Шелони. На высоком берегу Шелони, где были некогда новгородские битвы, есть маленькая деревушка Песочки, возле нее сохранилась старая заповедная роща и в ней древняя часовенка, замшелая. Часовня как деревья: когда снег зимой выпадет и облепит, и облепит белым стволы, часовня тоже стоит белая, а когда весной снег растает и от весенних теплых дождей мох на стволе начинает зеленеть, зеленеет и часовня. На крыше ее зеленой стоит небольшой темный крест, а сосны вокруг прямые и чистые, словно свечи. Так и кажется, что с незапамятных времен собрались они [к часовне] сюда помолиться, привыкли и стали свечами стоять. Но это только кажется: заповедная роща старше человека.

Как эта роща стала мужиков кормить. Из чего что взялось: стали ездить господа. Крестьяне переселились в свои пуни. Избы стояли в полях, а пуни в бору. Нехорошо <*3 нрзб.*>, крестьяне опять вернулись в избы, а господа в пуни пошли.

Послушник И. С. спрашивает игумена: — Послушание ни к чему не приводит? — Поживи, доживешь до настоящего человека. — А где же начинка жизни?

Полдень — большое белое облако легло отдыхать на рожь.

На лугу у сена пьяного пономаря свалил под копны и докладывает: поглядите, ребята, священного бычка свалили.

6 Июля. Дожди, сено попрело, рожь твердеет. Покосы с красными цветами. Дождь теплый... парной. Рябина закраснелась.

(В ночевке бес ухватил жеребца за ребро, помчался в табун, а жеребцом правила маленькая девочка, и прибежал жеребец в ночное и взвился на дыбы и пошел на

дыбах к своей любимой кобыле: девочка полетела при хохоте.)

Утро. Щенок Букет. Весь день в песке лежит, хватается за пастухов кнут, хвост колечком, пастух трубит, трубит и не глянет, что у него щенок на кнуте едет.

Дороги наши известные: эта идет через бор к реке, по этой не ходите. Другая дорога с незапамятных времен, еще с Рюрика. Князя Рюрика. Этого самого, вот что при Иване Грозном бил новгородцев. Вы ступайте все прямо, прямо, по правую руку будут наши поля, по левую Мшицкий лес, у них изгороди и у нас изгороди, а в нашей изгороди есть провора. — Что такое провора? — А вроде проверены, такие провержины есть. — Ворота? — Вот, вот — ворота. Идите в ворота и увидите, березка сломанная — туда не ходите на березку, в мох зайдете.

8 Июля. Казанская. На круглой гривке возле мокрого места, где вчера торопились сено убирать, опасаясь дождя, теперь птица разгуливает: лесные голуби, грачи, и даже цапля серая почему-то сидит теперь на сухой гриве, окруженная полевками, луговками и лесными птицами.

«Иди по белой дороге. Станет под ногою мокреть, зеленеть, а все дорога — иди до ручья: мелкий ручей, четверти на две. Перейдешь ручей, и вскоре тут колеины разъедутся: туда след пошел по зеленому, а дороги настоящей нет, дорога оборвется: сырое место, травка зеленая, мошок, колчеватник, мочежинки, кустик кустика кличет».

Пошел он, как рассказывал дед, к месту, где дорога обрывается и начинается Моченый лес...

12 Июля. Начало июня. Рожь цветет, полное лето...

У батюшки рой строился, а матушка секла курицу крапивой, засиделась курица. Вдруг одна пчела под матушку — так и села матушка и кричит. А работники все видели и умиляются. — Иван, — кричит батюшка, — рой улетел, куда, ты не видишь, Иван, рой полетел? — Как не видел, — отвечает Иван, — в улей вобрали. — В какой улей? — В матушкин, в большой. — Посмотрел туда батюшка и пошел матушке мед огребать (сказка собственного сочинения).

Близится Петров день, цвет на лугах и блеск кос на солнце. Птицы давно вывели, не поют, а молча наслаждаются семейной жизнью; только последняя кукушка одна кукует грустно, может быть, в тоске о своих под горячую руку весной разбросанных детях.

К Петрову дню падают срезанные лиловые колокольчики. Будто огромный еж, ползет по дороге воз сена. Громоздятся на синем красные дворцы в облаках. Луговые пуни набиты сеном — можно спать в них и жить так в лесу, сколько хочешь: каждый кустик ночевать пустит. Между сосновыми перелесками — нивы желтой стеной, озими, как песок раскопанный.

Жмурово. Заблудился. Сараи — [незнакомой] деревни. Гряды леса. Лешинская тропа. «Поставь на дорогу». Ночь со светляками. Собака лает на что-то — огни! Весь луг покрыт светляками, и чуть ворчит верхушками казенный лен, а то кажется, будто идут мужики, разговаривают и ругаются, а то — будто море плещется.

Поиски воды, нашли яму, и вдруг собака прыг в нее. Сарай и худой дворик. Сарай с новой крышей. Сопка с осинками. Левый ключ. Некошеная полоса. Вырубки. Мхи и примхи, гривки, кузнечики.

Лето, видимо, переломилось после грозы: стало холодно, исчезли комары, на березках выступили золотые [листочки], пахнуло осенью сразу.

20 Июля. Илья. К Илье жаворонки петь перестали. В лощинах между рожью и овсом девочка — верхом едет, кричит: батюшки, батюшки!

Лен цветет голубой, картофель белый и синий, гречиха ситцевая. Белая июньская-июльская дорога. Тихо. Жаворонки не поют. Тарахтят телеги. Луг зеленый, его скосили, но он поднаддал нежного немного и еще лучше стал. Круча лесная как ядрами прострелена — ласточки. Блестит лужа. Девушка по клади с ведром, девушка — заря. Зубрят серпы, отбивают косы. Мухота: мухи виснуть на иконах стали.

(Весеннее: приехал ранней весной, вышел — не понравилось, стал читать книжку и читал ее долго, долго и потом вышел: какая весна кипела!

Петровками березовый лист хорош, сделай веник *тире* и засечешь насмерть в бане человека, а лист не оторвется. Дед наломал березовых сучьев целую гору березовую, зеленую, сложил возле завалинки, сидит и с утра до вечера вяжет веники. Прохожие подсаживаются отдохнуть на завалинке и похваливают: «вот так веники, вот так веники, полные, душмяные, так хороши».)

Комары поют дождичка, высоко мак толкут.

Глубокая северная осень, когда в лесу капель, кашель и насморк, и все разворызгалось.

Река становится. Тянет давить замерзшие лужицы, пробовать лед на реке, качаться на тонком льду. Многие тонут от этого. Реку на четвереньках переползают.

К зиме чижик в лес, а снегирь из лесу к дому.

4 Сентября. Осенняя тоска, ветер, волны тоски и ветер, и полнейшее слияние с природой, мысли переплескиваются.

Осень. После дождя перед лесом трепещет вся в серебре осина (далеко [серебрится]). Начались осенние дожди, тяжелые утра из ночи [выходят], нехотя к полудню выглянуло солнце. Мухи виснут на иконах. Птицы улетают, покинутый лес цветет смертельным цветом.

— Слышала от старых людей, примешь худого человека — не прибудет, не убудет, а придется хороший... так... ведь он странник, может быть, он Богу угодил. (Сюжет: борьба мужа с женой, победила жена.)

NB. Умер и сказал: а роща ваша — заповедная, не рубите рощу (хотели рубить... и стала роща доход приносить, дачники наехали.

За обедом Левушка есть не хотел, капризничал, заставляли есть насильно, пролил слезу за супом, подали жаркое, опять слеза. — Опять слеза, — сказал я мальчику, — это от жаркого? — Нет, — говорит, — это еще от супа. — Подали кашу, Петя есть не стал. Мать в досаде

хлопнула его салфеткой и прогнала в угол, Петя ревел, а у Левы тоже слеза. — Это какая слеза? От Пети? — Нет, это от жаркого. — Конфузливо улыбнулся и вдруг засмеялся отчего-то, а на ресницах, на щеках, на носу, на губах все еще катились старые слезы от супа, от жаркого, от Пети и от каши.

Так и погода у нас на севере: то заплачет, то улыбнется сквозь слезы детской улыбкой.

Сегодня было хорошо: с утра весь день дождик лил, под вечер расчистило все небо и оставило только на востоке большую тучу, как мраморную плиту, и по ней встала радуга. После дождя в лесу закуковала кукушка, ежи выбежали. А в мраморной туче гром гремел. Последнее облако брызгало. Мы спрятались под огромную ель. Там было сухо, и комар весь собрался пережидать погоду, искусал нас больно всех. Но дождик скоро прошел. Мы вышли, а комар весь остался под елкой. Пахло березой, как в Троицу. На соснах молодые светлые побеги как свечи, а на елях новые лаковые шишки как подарки висят.

13 Сентября. Хватил мороз, лес почернел, не видно золота, гусь спешит улетать и журавль. Вечера с пламенным закатом. Утро строго крепкое. До восхода солнца на вершину покрытых морозом деревьев садятся [дикие] краснобровые, черные, лирохвостые петухи... Озимь седая. Заяц крепко лежит. Гриб-боровик замерз на моховой дороге и стоит твердокаменный.

Отрясла березка золото в грязь...

Молодой месяц спешит вылезть на небо далеко до зари, белый, в белой рубашечке, и ничего у него не выходит, не светит, а только на все небо стремится. Месяц старый, с ущербиной, показывается далеко после зари и правит, мудрый, всей ночью полную ночь. И чем старше он, тем все осторожней, все поздней выходит. Только под самый конец старый месяц глупеет и после утренней зари не сходит, смотрит на зарю, как старик на девочку...

Летописец — ученый человек, ничего не боится, все знает, да клад ему не дается, а простому человеку и дается клад, да всего боится простой человек и взять клада не может. Бывает, придет на указанное место, и загорится свеча, стал копать и перепугался — что покажется? — и убежал. Так и живут теперь: летописец за деньги указывает место, простой человек ковыряет, видит, а взять не может, так и лежат клады невырытые.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПАВЛОДАРА В КАРКАРАЛИНСК
(Сибирский дневник)

1909.

Москва. ***От 29 [Июля] утро 6 ч. — по 3 Авг.***

Тюмень вечер 10 ч. Я вчера вечером отослал вещи на Курский вокзал и в 6 утра вышел искать извозчика. Все спит на улице: коршун плавает над Кузнецким мостом. Я подумал: в Петербурге коршуна не бывает на Невском. Извозчик о церквах: я спросил про одну, и он стал называть все. У билетной кассы артельщик: в Сибири живут чисто, калоши в сенях снимают, очень хорошо, дюже хорошо, но за границей лучше: там никаких алкоголей нету, горничная 10 р. жалования и делать совсем нечего, барыня — дите ихнее, и больше ничего. Очень хорошо, дюже хорошо... Сибирь — денежно, а грязно.

Покупаю газету, теперь последняя: жизнь будет отставать. Пейзаж московской губернии: рожь поспела, овсы зеленые. Серпухов. Ока. Копны московские маленькие, где-то блестит новь. За лугами лес... белое шоссе, полуразрушенный дом у реки... синяя даль... фабрики дымят, долина, налево лесной берег, холмики ржи, церковь белая, облака сухие, сухая синева лесов. Холмы зеленые с березами как шапки, стада в долинах. Скошенное сено у лесника. Уголок леса на поле ржи. Веточки с сухими листьями у стога сена. Цветы у воды в затоне. Пробились желтые листья на березах, как седина. Склоненная береза на поруби. Косит облог косарь, а внизу ольшаник и змеится вдаль, не видим ручья, а только цветы. Легкая прорезь началась и оборвалась навсегда. Одна между ивами серебристая проселочная дорога уходит под дубки. Холмики с откусанными зубками. Осинник, рядом поросль, бабы

гребут сено рядами, рожь и рядом березняк, и вьется дорога сухая змеей. Босоногая девочка: в одной руке бутыль с молоком, в другой ягоды. Ржаное поле, за ним зеленая копна, луга, по бокам березовая роща.

После Тулы наш пейзаж: земля почерней, тяжелей. Тяжелые копны... по черной земле... легкие и тяжелые земли.

Узловая... Заря — привечернее стадо, гуси белые на лугу... подсолнухи... Тени от подсолнухов, от копен... от телеграфных столбов, от куч досок по сторонам дороги... красный мостик на каменных столбах в поле... серебрятся осоки на солнце.

Машет косарь, за ним согнутая женщина вяжет — вечная пара! Золотятся верхушки соломенных изб, низы (стволы) лозинок, гуси розовые.

Знакомство с о. Борисом Герасимовым. Вагон киргизов с русскими, дурные разведки, верблюжий караван в 3000 человек, теперь прекратился гон, караваны оттуда сюда.

Ссыльные М. и Федоров 1-й; писал Шелгунов неверно, что близок с Чернышевским, раз встретились у Шелгунова, Чернышевский сказал: «Ну и родственник ваш! Тургеневский Базаров с него». Федоров <*1 нрзб.*>. Женились на казачках. Конечно, врозь... Что может быть общего?.. В связи с письмами графа Толстого: женщина — реальность, начало, вечно противоположное Христу... Толста́я права... она козочка — не больше... что общего с Толстым? Почему так нападают на козочку? Не фарисейство ли? В глубине души самая идеальная связь, «облагороженная», основана на том реальном языческом... простой любви к мирским вещам... дополнение к козочке — мишура, несущественное...

Два молодца-коммерсанта о сартах: деревни — мазанки окошками во двор... публичные дома полукругом, на порогах сартянки... страстная... жар распаляет женщину... ослабляет мужчину... неудовлетворенные... путешественник в степи, лошадь пала... доплелся до деревни, повалился, амазонки явились, сартянки, груди свесились... их

три... в плену у женщин, мужья едут, он убегает, сартянка с кинжалом, но убивает не его, а другого.

Рябой добряк, толстый, похож на Анзимирова, маслодел; стиль: пошто... нет, ты не учи, раз хуже скотины. Место прекрасное, жительство хлебородное, а что <*3 нрзб.*> так самим-то жителям есть нечего. О бродягах: девочка с красным пятном на лице, хромая, припадает, ей дали огурцов, арбуза, она поела и свернулась калачиком на лавке и была похожа на спящую нищенскую одежду. Ее разбудили... Билета нет... Откуда... не знает. Куда — не знаю. Ее высадили... где ее родители... дом и все... Так я говорю. Купец отвечает: от себя, она сама, значит, ей так лучше... вообще о бродягах: «какая у них память: прошлый год я дал рубашку, на другой он приходит и говорит: вот прошлый год ты рубашку дал...» память... положит, и делов-то ему только... Один поблагодарит, другой обманет, разные...

Вот сахалинцев распустили, оттого и все несчастья... кто церковь обокрал, кто..., etc.

Где леса перевелись, а где очень много. Насекомому жить негде, вырубили, чистота! раньше по 1 р. сажень дров были, теперь 5 р. Петербург! а то и вовсе кизяками топят. Правительство ошиблось, переселенцев пустили, а стражу сняли, они хоть и пьяницы, а леса охраняют...

Нападение китайцев... грязные, пропитанные [потом] кофты, выбрит [гладко], косы с вплетенными веревочками... курят... в дамской: красавица... на полках китайцы, вокруг косы и косы... упорство... мягкие, взрываются, злятся, потому что мягкие; если бы русские мужики (которые грязнее китайцев), но свое ближе, а чужое отвратительно... на полке горилла <*1 нрзб.*> нос... может, и своя горилла, но у чужих виднее... обезьяна и обезьяна... Хулиган: ругает, зачем вы нашего государя обижаете... Сибирский хулиган. Чернокосые, чернокосые! Аптекарь едет в Семипалатинск... студент вост. факультета Петр Кирилл. с женой... мать с двумя дочками... у батюшки весь поезд знакомые... какие все хорошие люди... как противно смотреть сначала, и как он хорош, сосед, как проедешь с ним и разговоришься... член суда, адвокат барон Врангель, мальчик

его друга, две девочки сибирского торговца с полки глядят и мальчики... сколько близкого между людьми, как держатся они друг другом... с чайниками... Добрый толстяк выпивал рюмку перцовки одну, завинчивал флягу, сердито развинчивал и выпивал другую, и еще, и еще...

Как пейзаж изменяется: Уфимская губерния: поля огромные и далекие, края синих гор, и оттого они кажутся еще больше, копны очень маленькие, земля опять светлая... завтра Урал.

Она высокая, глаза серые, большие, будет бить мужа, нос прямой, дикая. Я говорю с ее матерью-старушкой о китайцах, она смотрит дико, будто не хотела [знать], что я говорю, но, видимо, и хотела и некстати спрашивала: — Что, они курят опиум? — Опиум, — отвечаю я. И она смолкала и каменела. Я еще спросил что-то, она ответила. Я ей рассказал об Урале. — Ночь не спать. — Нет, спите, но я проведу ниточку и буду шептать: «усни глазок, усни другой», а на заре дерну. — Она засмеялась, сразу вспыхнула и побежала и спряталась за вагонами... Я ей рассказал легенду о попе и свирели... Вспыхивает и каменеет. Ночь... мост через Белую... черная ночь и [кричит] перепел... кузнечики... мы глядим... под нами гудит мост, от этого даль широка... хочется сказать, и все пустяки. Своего Бога, говорю я, нельзя узнать... да, соглашается она и спросила: как бы так, чтобы не изменяться... а то завтра я буду другая. Сибирский грубый народ... Поезд наш стучит по полям... полон запахами во тьме. Безответно... Дико... Утро, река в 2 часа. Она спит. Я опять засыпаю... Выхожу: она смотрит на Урал.

Какой силы должно быть чувство, чтобы победить и утром, чтобы вместе с птицами любить!

Хмурое небо. Тучи задевают горы, курятся вершины. Урал — старые горы, невысокие. Долины зеленые со стогами сена, опираются то на березу, то на сосну... птица-хищник мокрая сидит над копной. Долины: тут будут пахать. Поезд в проломинке гор, свистит в них: смотри... Как стучат колеса в горах! Дождь... Мы закусываем... Солнца нет... Она меня спросила: что же вы, книжку обещали? я сказал: дам. И больше ничего за все утро. Я теперь хочу

попросить у нее соли. Подхожу к ней и говорю: Дайте мне соли...

— Соли! — изумилась она и поглядела осторожно сверху, не понимая, что это значит... — Соли, — говорю я, — обыкновенной соли... — У вас нет соли? — У меня есть, у меня много соли... — Вынула из корзины баночку (из-под икры), я отсыпал и ушел бы... мать говорит: напрасно, поссоритесь, нельзя брать соль.

Дождь проходит, змеится поезд. Петля. Другой поезд. Дымок где-то в петле от поезда затерялся и тает. Сильней стучит поезд, отбивая какую-то песню, проникая в горы. Сибирская береза. Завал в горах. Старый козел. Ловцы-разбойники. Искатели драгоценных камней. Облава на коз. Она мне дает адрес, не в Москве, а во Владивостоке, и как вспыхнула. Поезд вовсю... Я сердит. Я с другой барышней. Как она на нее поглядела: каменный лик. Мы не хотим говорить. Вражда заводится. Злоба растет ни от чего... Я ей это сказал. Она смерила меня... Ничего не ответила.

Сейчас будет столб Европа и Азия. Продают открытки. Я выбираю. Она выбирает. Сейчас, сейчас! Открытки: Тоголай, Златоуст. Столб промелькнул [очень быстро]. — Какие у вас выбраны? — Я отдал и ушел, и возвращаюсь и слышу взрыв смеха. Вижу: она стоит вся розовая: у нее такие же открытки. Как гремит поезд в горах!

Я говорю Врангелю: поедете на Алтай, бросьте. Невозможно. Сан его... он идеальный, но... Скрытое презрение и уважение у меня к нему: гармоничный человек...

Начинается спуск от Златоуста... Горное озеро [проехали мимо] и вот, наконец, долина. Мы за Уралом, поезд стучит, но один только ритм, больше ничего. Мы с батюшкой купили тетерку. Разложили на корзине: соли нет... Я иду к ней. Она сидит бледная, апатичная... Я подхожу к ней. Она надменно сверху спрашивает: — Что Вам? — Соли, — говорю я, — у меня соли нет... — Все женщины смотрят на нас насмешливо... Я чувствую неизмеримую злобу в ней, презрение... — Со-ли! — Да, — говорю, — мне не хочется покупать, дождь. — У меня нет соли... — Вы же говорили, что у вас много. — Она далеко, завязана. — Я покупаю со-

ли на вокзале и громко говорю батюшке: вот вам соль, я купил. Я не простился с ней. В Челябинске захожу, провожаю батюшку, она сидит в вагоне. Она удивилась, она даже встала и говорит: «Вы зачем здесь?» Бледная-бледная. «Еду во Владивосток». Не верит. «Да, еду». На площадке: «Кому же писать, Марье Моревне? — Как хотите». Она уходит. Поезд стоит целый час, но она не показывается. Мы не простились. Мы никогда не увидимся. Я забыл проститься с Врангелем, со студентом, мы забыли все друг друга. Потом вспомним, расскажем: где-то виделись, но как сон.

Недремяный сон! сказала одна простая женщина. Как это чудно: одни спят в дороге, а другие никак не могут спать, и лучше так, не спать: а то недремяный сон, хуже всего.

P.S. Станция на Урале: поезд как бы скатился... Дама из первого класса. К ночи: я ей сказал: у вас серые глаза. Камни и камни, в камнях высечена дорога, там и тут высечено.

К русскому мужику: хотел в баню, а попал в вагон, мы извозчики.

<*Приписка*: Бог, хлеб... земля>.

Ташкентцы рассказывают о сартах: (к грохоту поезда и жару). Батюшка знаком со всем вагоном. Сибирь велика: спрашиваю, далеко? как сказать... верст 200... 2 тысячи... про сарта: он никаких нечестивостей не знает, а пойдет куда, его обманут.

Поезда под углом сходятся и вот-вот разобьются...

«Алтай», значит, «гора». В наших полях: воспоминания о мечтах о земле обетованной. Переселенцы: в полях... как хорошо их к златым горам. Итак, Адам и Ева были изгнаны... работай в поте... земли нет. Но пока земли-то нет, до тех пор нет и спасения. Работай... пока земли нет, нет и Бога... и одна мечта о хлебе...

Урал, подъезжая к долине: озеро... молодая еловая гора, а за ними в тумане уходящие [горы]. Урал ровный... цвет хлеба и сосен... серый, холодом веет, весь Урал как

одна густая бровь старика... В равнине... поезд [показался] и пошел в горы...

Европа и Азия в столбе.... Весь Урал как белый дымок паровоза, тающий на синеве лесов... однотонный. Аненково, etc...

Челябинск. Про переселенцев мужик: как птица летит весной, так и переселенцы. До осени туда, с осени до масленицы назад. С масленицы опять вперед. Назад едет, лохмотьями трясет, вшей бьет... Грязь. Добрая акушерка. Квадратный доктор Фогель-кадет. Поиск его. Случай с шапкой в конторе: кричат на меня, выгнали вон. Тут хохот. Я у них: — Где начальник? — Да вот же начальник. Кричал, что шапку не скинул. Нельзя, нужно вперед снимать... Переселенцы — масса... он... психология обратная. Психология ходоков. Колониз. движение... История... веяние нового закона... Разведки... приготовление участков... диких... движение в истории и в году (переселенцы в пути, переселенцы на месте... их мечты и пр...)

<*Приписка:* 1) сходятся поезда и расходятся. 2) тает дым. 3) бабушка говорит: недремяный сон. Иртыш>.

От Екатеринбурга до Тюмени. Пейзаж: раньше леса в полях, теперь поля в лесах. Случайность полей. Где жители? Брошенные поля и ни начала, ни конца, границ нет. Форма копен Сибири: торчком, и уж грачи табунятся: на каждой копне грач...

Еврей из Екатеринбурга — все знает. Культурность его: торговец... и цельность, еврейская развитость и приземленность.

Станция серая (кирпичная). С тоской смотрит на меня молодой человек, будто у него зубы болят. Лица сибирские, Большаков, и на голове зеленая шляпа с пером. Бог знает что... Мне с ним не хочется говорить и спрашивать, кто он; неприятно, что он все время снизу глядит на меня. — Да кто же вы такой, — спрашиваю я наконец. — Я управляющий цирком! — Вот что! Интересно, разговорились. Хотел в Тюмени цирк строить. Есть отделения. Артистов 60 человек, барышни... борцы, всякие сословия: мусульмане, есть французы, немцы, сын хозяина — дрес-

сировщик животных: 15 лошадей, два верблюда, свинки. Дело рискованное. Артисты дóроги: особенно полетчик (500 р. в месяц). В России всего и есть только 4 семьи полетчиков. Скучно ездить и ездить, устраивать... — А как, — говорю я, — компания... — Не очень: я раньше думал, что пьяницы, но другой только придет, сделает свой номер и уйдет. — Отчего же вы не стали артистом? — Презрительно сжимает губы: — Мне двадцать три года, неужели я пойду в артисты... — Но ведь хорошо быть полетчиком? — Что же хорошего? — Да вот, жалование большое и... — А потом что? Вы знаете жизнь артиста: сначала балаган, потом цирк, а годы пройдут и никуда, да еще ребра поломаны или вовсе разбился. Голова что-то болит. Станция дрянная: скверно. — Опять глядит на меня тоскливо и тяжело, и злость.

— Слушайте, — говорю я, — отчего же вы не полетчик? — Он сердится, [мне] 23 года, неужели я пойду в артисты? И зачем? Настоящий артист во время бенефиса просит разрешения убрать сетку, проделывает номер без сетки и вот тут уж и сорвет...

— Хорошо быть полетчиком! — Что ж хорошего? — Да вот, одобрение толпы. — Презрительно сжимает губы, подергивает плечом, покачивает головой и соглашается: — Да, человек рисуется своим номером вполне. — Опять молчание, опять глядит... — Слушайте, отчего же вы не полетчик? — Кровь выступает у него на щеках. — Да... для каждого дела пристрастие...

Тюмень. Приехали ночью. На вокзале. Узнаю дамскую уборную. Вспомнил два забытых имени товарищей. В Петербурге не вспомнил бы. Значит, в данном месте вспоминается и переживается по неизвестным причинам забытое; значит, есть и такое место, где можно вспомнить все... Дядя и управляющие. Разговор о новейших изобретениях и рухнувших домах. Чувствую себя неловко.

Вечером охота на уток с Ваней. Тюмень низенькая. [Улицы] узкие... запах пристани.

Вера считает уток: я буду считать, а вы стреляйте. Хлопает руками [на уток]: взлетают... Одна во тьме озарена зарей, падает через голову...

NB. Киргизка мужественная, мчится по городу верхом, волосы развеваются. О верблюдах: лошадь встретится и бежит (запрещена езда на верблюдах), и как не бояться: страшный урод, горбатый, на своих же на четырех ногах, а какой... Кто-то хотел ехать, впряг верблюда и лошадь. Сначала лошадь рвалась, потом верблюд сердился и плевал... и все разбились. Он ипохондрик... изверился... Белый красавец-верблюд...

NB. Беркуты. Архары. Верблюды. Дрофы. Золото. Кержаки. Киргизы. Степь. Поезд, герой...

5-7 Авг. Тюмень, ***7-9 Авг.*** Омск. Город: толстый киргиз на лошади. Шишка, жена капитана. Кассир: чайку убил — перестал охотиться, граммофон, две ветлы, электр. фонарь, сладкозвучие, степь, граммофон, костры.

На пароходе «Плещеев» 9-го 5 ч. дня.

Переселенческий пункт. Беседа с чиновником. Один живет на барже, другой хвалит его, Павел Иванович. Мужик — царь — Бог. 1) Движение и 2) водворение, устройство, направление движения из Петербурга — ходачество тоже направлено: запрещение ходаческого движения. Движение вне регистрации. Лучшие переселенцы едут самовольно, [селятся] на Алтае. Ходок: еду, потому что продал... Дополнить... Психология мелочей (во сколько обойдется ложка — бабы; чиновницы при переезде на дачу с детьми; Фрося при переезде на дачу).

Золотопромышленники — пионеры горной промышленности, потому что это не требует капитала.

Пассажиров мало. Мой сожитель по каюте — агент фирмы, едет по делу спирта. Господин с дочерьми. Два революционера. Выпивают... Господин: мнение об Андрееве: — Двоится; но я считаю его гениальным. — Все так писатели: Достоевского тоже ругали. — Революционер обертывается и говорит: — Мне известно, что Достоевский бранил Тургенева. — Да, в «Бесах». — А Тургенев не бранил Достоевского. — Сказал, и все замолчали. Тяжело стало. Господин: — А все-таки тяжело жить в Сибири. Когда я попадаю в Омск, мне кажется, уж такая культу-

ра... — Бледная женщина в бараке; чиновник: ты куда едешь? — назад. Доклад о китайской границе.

Утро ***11 Августа.*** На лугу у берега три киргиза сидят. Две телеги, два вола, подальше верблюд медленно удаляется в кусты. Стайки уток катятся над водой... на песчаной косе стайки куликов. Шатровое утро.

За чаем рассказы о киргизах и переселенцах.

1) На реке Чар пришли поселенцы и стали жить, их стали выдворять солдаты, но они упрямились (хохлы) и потом ушли.

2) Селение Карповское, бросили свои участки и пошли в глухие места. Послали солдат их выдворять. Солдаты отказались стрелять в русских.

3) Возле Павлодара поселенцы заняли самовольно места. Киргизы прогнали табун лошадей по полям, разломали и бросили в реку караулки. Караульный пришел в деревню, сказал. Население вооружилось и двинулось к зимовщикам. Старуха-киргизка выстрелила из револьвера, эти ответили, убили одного, пятерых ранили. Киргиз успокоили, а потом хлестали длинными шестами (краше лошадей загоняют). Случай был 3-го года.

Киргизы любят «напрашиваться», хитрят вечно. Вечно торгуются: есть гривенник, дает задаток за кожу 3 р. — продаст за 3 р. 5 к. и нажил пятачок, переход от кочевья к торговле.

Хорошо устраиваются немцы: поселки в ряд (землянки) — он поставит землянку, живет кой-как, а поставит мельницу, и сразу видно: немцы живут.

Приходят дельные люди и живут хорошо. Пример: пришел из Самарской губернии, стал делать кадушки, день и ночь работают, посеяли хлеб, землянки сделали, жен посадили, а сами опять назад кадушки делать, потом сняли хлеб и поехали на свои участки на верблюдах и своих лошадях.

12 Августа. Утром за чаем старичок из Семипалатинска сказал: вам в Каркаралы нужно ехать не из Семипалатинска, а из Павлодара. Я сложил свои вещи и слез в Павлодаре. Весь план путешествия изменился, как обухом

ударило, и я поехал в Тартарары. Павлодар сквозной, желтый песок, ни одного дерева, поднимается ветер и уносит городок в степь. Верблюд с повалившимся горбом. Киргиз в цветных штанах. Спина старого солидного киргиза в сине-зеленом халате с палкой, плавная походка, возле домов без крыши. Киргизы на лошадях — срослись — древнее... Один приехал на корове... Женщины укрылись халатами, только черные глазки. Киргизские физиономии как спелые дыни.

Моя попутчица — жена лесничего. Как похожи эти киргизы на японцев. Приезжают и уезжают куда-то в степь. Разве можно ходить по степи! Она желтая вся, и лица киргизов будто спелые дыни. Сколько в этой степи этих людей с косыми глазами? Как все это непохоже на наши места. Азия.

Опишу путь от Омска до Павлодара... Коньяк Шустова. Таратайки.

Пишу из степи: вставай, подымайся, рабочий народ.

Холод. Хмурое небо. Переселенцы у пристани. Жена пропавшего капитана прячет холодные руки. Я дал ей «Русскую Мысль», купил свечу, ташкентские фрукты, мы слушали с ней граммофон. Сладко-звуки. Две лозинки. Электр. фонарь. Степь. Мы едем по Иртышу искать капитана. Пароход где-то в степях не прошел. Публику просят сойти. Я остался в степи с женой капитана. Она и киргизы. Поезд и степь. Пароход и степь.

Степь и слияние с людьми (постепенное), все начинают мне служить.

Хутор на берегу Иртыша (рассказ о нем еврея из Тобольской губернии).

Переселенцы: у шпиля: Наталка-Полтавка в степи.

Река серая. Песчаная отмель косой... Орел на пне огромного дерева — недалеко чайки. Никого нет кругом. Желтая некошеная трава на берегу. Мелкие кулички, копны. Волна разбивается белыми птичками. Зачем мы приехали сюда? и наш след на реке, будто чьи-то тяжелые шаги по зеленому росистому полю.

16 Зак. 4404

13 Августа. Моя попутчица — жена помощника лесничего. Мой страх перед массой ее вещей... Переправа через Иртыш. Пароход остановил паром... Паром не дошел. Киргизы бросают скотину в воду. Обращение свободное со скотом. Один бросил корову в воду, сел на нее и погнал... другой на лошадь... все живо... цветные шаровары и халаты... малахаи... на другой стороне степь: юрты, похожие на керосиновые цистерны, дым, скот... С той стороны идут киргизы... Какая она, степь?.. Мы около степи... Вся степь... Степь — лицо...

Верст на десять луг; мелкий кустарник, высокая трава, копны, виднеются зимовки, могилы, где-то косят хищники. Птичьи стаи — дрозды-скворцы... Чайки... У моей спутницы на руках три цветочка в жестянках от печений, на коленях — с живыми цыплятами. Цыплята на ящике с вареньем... Варенье течет... Течет туда с соленьем. Мешает шляпа... Гитара... Бутылка красного вина. Сначала незаметно, а чем дальше в степь, тяжесть в ногах...

После луга другой пейзаж: голая степь, желтая, солончаковая... Соленое озеро, возле 2-го пикета Джаман-Туз... Заря малиновая... Озеро блестит светлой полосой... одно... пустынно. В озере соль... на четверть воды... Озеро охраняется... Мы располагаемся на ночевку... Она достает мешок с бараниной... Стремится к супругу... есть не хочет, чай не хочет... Смотрит на меня: — Вы, должно быть, много едите... Мой нож. — Зачем нож. Дайте мне.— Кладет под подушку. Я ложусь на шубы. Она рассказывает, что боялась ехать со мной. Я сержусь, говорю: неужели нельзя узнать. Нельзя... Принцесса какая!

Выезжаем на рассвете. Юрты киргизов-рабочих. Склад кизяку. 50 р. в год и содержание. Просыпаюсь: старуха бьет блох при свечке. Кадет и барышня. Симпатичные попутчики. Выезжаем на заре: озеро так блестит и утром так же пустынно, и такая же узенькая заря над озером... Вчера вечером к нам подъехал из степи всадник, спросил... Про что он спросил... Верблюд пропал... Сегодня опять два всадника. Про что они спрашивают. А про того же верблюда. По всей степи идет вопрос про верблюда

— почта. Линия горизонта волнуется, приближается, постепенно переходит даль в горы... Как ножницами обрезали... Желтое... Показывается синий порог... Солнце... Три дрофы поднялись из степи. Я пропустил описание ночи в пустыне: — Какие у вас звезды... — Большие? — Большие... — Низкие?.. — Как фонарь... Красная звезда. Вот! Тоже Медведица... Единственное дерево... И все приезжающие вспоминают: ох, это вот где дерево.

Обратные переселенцы — фура. Караваны верблюдов: сарты везут шерсть... Арбы на волах... Караван верблюдов и волов... Ночевка в степи. Верблюды у дорог под арбами спят... Скрипит арба, значит, киргиз... Азиатская упряжь — волосяная веревка, пестрая, чуть держится — все на кошемках, где на веревочках. Луна заходит за тучу (вот когда мы остановились, а не у озера), становится темно. Спутница моя рассказывает про странную сибирскую воробьиную темную ночь в мае перед грозой...

Холодно... В степи нужна шуба. Руки замерзли у попутчицы... Я беру себе цветы и сам мерзну. Она [поворачивается] спиной и свертывается на подушке, и спит... Пожалел... а сам весь сдавленный. Наивный эгоизм ... Остановились на полпути... Из степи таинственные голоса... чибисы. Пищат цыплята жены лесничего...

Ай! Ай! — окрик на лошадей. — Ай, Чагатай (имя), — какой-то окрик в степи. И все это неправда...

Синий порог Баян-Аульских гор. Перекидка вещей попутчицы: мелькают красные этикетки вин. Пищат цыплята, ночью кошка забралась. Жена лесничего борется с кошкой... пищат... В холоде ночью закутывает цветы в платок... Синий порог... Белое в степи... Что это? Голова верблюда... Есть целые скелеты. Кости... Синий порог... Переселенцы обратные. Хозяин из Полтавы. «В Россию? — Нет, пошукаемся, нет ли тут какой земли...» Соль выступает на дорогу. Как снег. Я пробую землю ... соленая... Казак смеется... Тени от облаков (не от горы). Солнце между горами и нами, потому горы синие. Что это на желтом... Как лось... два рога... Верховой?.. Нет, это верблюд шагает, и сзади его арба... Юрты будто белые кули ... Вот такая же жизнь на лу-

не... Вокруг мираж и марево, так и тут обманчивые сонные озера... Как в географическом атласе. Одинокая зимовка. Киргизов нет... выжжено... они у ручьев и колодцев... Мелкие колкие травки, другая как полынь душистая.

Не то хищники, не то дрофы, на телеграфных столбах хищники... Колесо рассыпалось... За версту искать винт и гвозди... Выдергиваем из ящиков гвозди. Находим острые камни... ужасные экипажи... все пробуем заколачивать, заклинивать, даже жена лесничего.... Связываем кошемкою и веревочкой. Казак о киргизах: все на кошемках да на веревочках... Лошади заупрямились, нейдут... киргиз ласкает... и бьет, и ласкает...

Возле станции Кара-Сор на озере шеи диких гусей и головы уток. Сворачиваем к ним. Колесо рассыпается... Жена лесничего показывает свой характер. Гуси улетают... Жена лесничего сердится окончательно... У станции я хочу чаю, она не хочет... ехать и ехать. Почему она стала мрачная? Не испугалась ли наших легкомысленных отношений... У меня обмараны цыплятами башмаки, я весь стиснут, кости болят... Злоба на жену лесничего. Перепрягают лошадей... Мрачный казак... Я сержусь на него... Мрачные сибиряки, угрюмые люди, будто вечно хмурится небо. Обращается коротко, отрывисто... лишнего не скажет... Своеобразное общение... Мрачный казак... Я не умею обращаться с сибиряками. Вспоминается прежнее, далекое странствование по Сибири из ученических времен. Жена лесничего окончательно смолкает, сердится. Ночь холодная. Луна. Резко очерченные лица и шапочки двух киргиз в кибитке. Степь — море.

Пытки: и холодно, и тесно, упираюсь ногами в варенье. Жена лесничего ругается, она ворчит... ни с того, ни с сего. Не я ли ее обидел? Хочу закурить, осторожно... ее цветы и рука... вынимаю спички. Она свертывается на подушке... Я дрожу ... Через несколько часов она спрашивает: — Озябли? — Нет... — пробует мою руку... — Холодная... а моя, смотрите, какая горячая. — Я мужественно держу цветы и думаю: вот она, женская доля — эти три маленьких южных цветочка, и сколько хлопот и мук из-за них...

какая упорная, стоическая сила... Решил с попутчицей... Ночь темная, воробьиная, чибисы, цыплята... Рожи в лунных облаках. Жена лесничего смягчается надо мной... Я прошу киргиза петь. Он поет одно и то же... хорошо... что-то испанское слышится в мотивах аккомпанирующего инструмента... Лунная ночь, юрты как цистерны... Жена лесничего рассказывает, как ночью пастушки поют у стада... Чья-то степь... Кто-то пользуется ей... Поют... Горы выше и выше. Ручеек между холмами, и радостна встреча с деревьями. Только один ручеек, и уже все оживает. Направо темный силуэт. Мрачно и дико. Песня киргиза в горах. Дафнис и Хлоя. Они живут именно так... Что я думаю?.. О каком-то чудесном озере. — Чудесное озеро, — говорит жена лесничего.

Такое озеро, и птицы сколько! И так хорошо: откроются эти темные горы — и какое-то озеро. И я буду здесь жить и войду внутрь этой пастушьей жизни, где люди даже хлеб не едят.

Ямщик красивый, скоро женится. Калым заплатил. Многоженство.

Жена лесничего поверяет мне свои интересные наблюдения на пароходе: один учитель бросил жену и живет со свояченицей, и еще что-то, и странно... Лесничий... Вы не знаете его: он сам доит коров.

Поиск квартиры у кондуктора. Я на почтовой станции. Я попросил шубу. Не дала. Поесть забыла дать... Я голодный... какой это черствый эгоизм, везет — цветочки... Может быть, она и с лесничим так же, как со мной, и немудрено, что он доит коров...

Как жутко... Эта степь страшная, и эти люди все практичные, и я один так зря, безумие это путешествие, у меня никакого дела... все спрашивают, зачем, я сам не знаю, зачем... Все эти переживания с обыкновенной стороны — чепуха, глупость, безумие...

На станции выпивает старичок Аким с молодым в красной рубашке. Я притворяюсь веселым... Как мне трудно рассказать о себе. Аким, верно, когда и в морду может дать...

Как тяжело! И вспоминаются слова матери станичного атамана: а было время, когда в нашей степи каждая сопочка зеленая.

Аким рассказывал: был мировым судьей, был уездным начальником. Уезд. Река Чу и тигры. Охота на тигров в юрте. Кабаны. Киргизы не боятся. Я изумляюсь: доктор за 700 верст. Страна Майн-Рида. — Ничего, ничего... все обыкновенно, — говорит Аким. — Все очень просто...

Жена лесничего тихая, смотрит на меня сбоку, поглядывает: какой я, боится. Дает мне поесть. Сама не хочет и злится.

Она пересиливает себя и смотрит, скоро ли я кончу. Я думаю: она хочет примириться, или же так: она говорила, хочет довезти кость лесничему. Я еду, победа на ее стороне. Опять молчание. Отбирает подушку... Ругается... Зажженный окурок падает в повозку. Я, перевертываясь, толкнул ее... Она беспокоится. Потом стискивает зубы и говорит: лишь бы моя шуба не загорелась.

Лошади у нас дикие. Их запрягают... Пускают сразу, и мчимся в гору. Устают — и на дорогу. Коротки постромки, особенно на дикой...

Художественная география... Земля — ковер... Я художник. Я пишу об этом ковре... Долину запомнить и изобразить...

Едем не останавливаясь. Деловой разговор с женой лесника. Она побаивается меня. Все так быстро перекидывает, что вижу только этикетку красного вина... Я опять мякну: вот эта бутылка попадет в лес, кому-то... трогательная бутылка... шляпа измялась совершенно... она же бережет баранью кость, какой эгоизм! Вся мысль вертится около попутчицы... Куры пищат смешно...

Пишу: она рассказывает, а по пути эпизоды, разговор обрывается и опять начинается, символическая попутчица... И тогда все так было, так же я чувствовал...

Спускает занавес... Холодно... Отбирает шубу. Я остаюсь на торчке... Злюсь... Она запела... все в тумане... цветы отдала казаку... Я склоняюсь к подушке... Она недовольна...

Молчит... Такая злоба. И месть: лошадь остановила. Денежный расчет на последней станции... Каркаралинские горы при восходе солнца розовые... Вот они! Дико... горы... Лес маленький, большой... Жутка перспектива жить... все будущее смотреть... Это дым... Занавеска захлопывается... Она ругается... Я спрашиваю о каком-то деле: черт его знает. Вылезайте. Я давлю цветы, она ругается... Подает руку, не глядя в глаза: прощайте. Я на станции: 7 часов утра 16-го августа...

Осеннее пастбище Кузек — стричь баранов. Это происходит два раза: первый весной в июне, и второй с половины сентября до половины октября. Шерсть для кошмы, для собственного потребления у бедных. Богатые продают ее сартам, оставшимся с Куяндинской ярмарки для скупки шерсти. Встречные обозы по пути и есть сартов: караваны с шерстью направляются в Петропавловск. Весной на стойбище Джайляу (спокойствие, отдых, нет мошки, пьют кумыс, свадьба и проч.). Жизнь настоящая только в степи. Когда-то, может быть, не было вовсе зимовок. Например, старики до сих пор зимуют в юртах и говорят: я живой не хочу лезть в могилу (могилы как зимовка). Имущество кочующих (богатых) остается в селе или городе (раньше-то было меньше затей, а теперь столик, стулья).

Самое близкое место пастбища от зимовок верст 50, далеко — 200. В день проходят не более 15 в. Колодцы определяют место остановки. Пока не дошел до места, не строит юрту, а джапу — из тех же кольев — палатку. Приедут в Джайляу и свяжут жеребят для регистрации молока (иначе кумысу не будет). Джайляу главным образом по р. Нура. Джетак (лентяй) не кочует, «лежит», даже жене велит лошадь привести. Узнать подробнее о лентяях.

Такрау — местность, где в Каркаралинском уезде родится хлеб и где киргизы при помощи арычной системы переходят к оседлому быту. Быть может, было время, когда киргиз не имел представления о хлебе. Переход совершается под влиянием сношений с русскими.

Киргизы в настоящее время до сих пор на Джайляу по случаю засухи.

Каркаралинский уезд, самый лучший для скотоводства, называется «арка», что значит «хребет земли» — пуп земли.

И дал же Бог.

Вошел царь степей скромно и важно со слугой...

Легенда о Баян. В местечке «Таран» она потеряла гребень (таран — гребень). В Нар-чек (чек — кричит верблюд) потеряла верблюда. Каркыра — головной убор, здесь в горах она потеряла головной убор.

Кос-Агаш (кос — балаган — палка). Царь степей обещал показать мне все удовольствия, если только у меня найдется досуг.

Рассказ Д. о себе. Борьба с отцом. Разлом. Вне быта.

Не быть с детьми. Неизбежность культа личности. И конец этого: церковь без обрядов. Счастливцы киргизы.

17 Августа. Рассказ переселенца. Умываюсь и говорю киргизу «аман». Переселенец рад: — Вы российский. — Говоришь по-киргизски? — Нет, мы российские, из Оренбургской губернии. Большую задали начальству... переселенного и уездного сменили собственно через нас. Ходоки побывали, говорят, ручей... Мы поехали, деньги в Павлодаре взяли. Приезжаем: ручья нет. Поехали на первых колесах... Тут, вам сказать, уши развесишь. Мы бунтовать. Переселенный приехал. Пишите, говорит, бумагу на другой участок. И вот вся в этом штука, бумаги не было. Ежели бы бумага, хоть вот этакий клочок, папиросу свернуть, так... и была бумага в сундуке, да жена ушла, сундук заперт был. Эх, всю я Сибирь без малого исходил, только вот в Семиречье не бывал... Ну, мы перешли на другое место, в «заводную степь», так называется, сам удивляюсь, почему так называется. Участок был проектировочный. Мы заняли. Приезжает переселенный: долой, кричит. А мы не послушались, посеяли. Другой раз приезжает переселенный, и за ним киргизы человек 200, и тут он так ругаться, что если бы убить его, так не ответили бы. Грабьте их, бейте их, велел он киргизам. Мы тут бумагу нашли, подписали и к киргизам — потребовали подписать. После этого переселеннный уехал, и приставили к нам стражу

охранять урожай. Собрали, и все хорошо. Но потом разошлись, осталось 7 душ.

— Плохо, что не могли вы с землей справиться.

— Зачем, на наше место другие придут... Место хорошее. Отбились.

Все назвать: «из-за клочка бумаги».

Ночь. Ищу дом. Колотушка.

В маленьком дворце. Белый, с белыми столбиками поперек улицы... если бы губернатор, то мало: малый дворец. Доложить... Не докладывают. Выходит... седой. — Климат хороший, но... В наш город приехали, как под стену, вы... в ваши годы нельзя выжить. Климат чудесный. Тонкость личности в Сибири, и тем грубее там... Личные отношения в Сибири. А если бы вы знали, как тонко у киргиз... — Мое объяснение: считаю долгом. Ответ: посмотрим.

Киргизские названия мест:

Бас-кудяк (закопанный колодец), происхождение. Киргизы скрывали от чиновников место и закопали колодец, и стало так называться.

Кара-бидай (черный бидай — черная пшеница) и название озера. Сын родился, и его именем назвали местность. Лошадь родилась бурая, и назвали ее именем местность. Тай-коныр. «Балта-жогалган» (потерянный топор). Теперь, впрочем, все места названы. Из-за земли ведутся споры. Примеры: «Два царя» — братья поссорились, и волость разделилась на две. Землею богатых киргиз пользуются часто бедные. Надо изучить хозяйство одного аула. По виду и не узнаешь царя степей: ходит старичок в длинном халате, приглядывается и пощупывает баранов, а у самого табун 12 тысяч голов.

Вчера неудачная прогулка в горы, вернулись с полпути, но все-таки почувствовал удивительный и чистый горный воздух...

Картина города с гор: оазис и стена... Из окна почтовой станции: улица и маленький дворец.

18 Августа. Переехал на квартиру в другой части города. Татарин о религии киргиз: с усмешкой: у них свое,

степное, они по-своему, дикий народ, «царь» умеет подписать только свое имя...

Четыре высоких белых стены, кухня, двое тихих супругов, портной и его жена, грустная жизнь евреев, бездетная... Счастливые люди киргизы. Почему вы не уйдете к ним? А вот надо в балаган сходить (электр. театр)... Уйти в степь... Кто-то ушел от воинской повинности. Какой-то ссыльный по своему желанию ушел на Лепсу и пропал: стал киргизом. Д-ч рассказывал вечером о себе: это его самое больное место... Как найти себя, быть убежденным... хотел не раз уйти к киргизам, но дети остановили... Ходил к Чанчикову. Город под вечер: сухие горы и лесные... Татары в разноцветных халатах. Киргизы в малахаях... одни гонят баранов, лошадей, одни стоят верхом на баране и выщипывают что-то (метки делают). В косых лучах спины овец, пыль... Для них я что-то особенное, киргиз не подаст вида, что заметит, но через 10 даже лет скажет, что встретился, в такой-то одежде, особенно если на лошади, то какая лошадь и проч. ...А так пустынно на улице. Торговые люди заняты. Татарки не гуляют. Глядят на меня, любопытные, из окон... И так неловко быть центром этих всех глаз.

Вечереет сразу. Застала тьма.

Сколько людей исповедовались мне на дороге. Сколько жаждущих рассказать о себе... с проезжающим человек смел, стремятся ухватиться... Кучка сосланных евреев, Мессия...

Как странно... вот я вышел к площади... на другой стороне все высыпали на балконы, сейчас говорят обо мне... а он останавливается... никто не останавливается... я кручу папироску... что он делает... все более и более любопытно... он закурил... и ушел...

Ч[анчиков] живет в маленьком домике за Каркаралинкой... речка сухая, по ней едет киргиз на арбе. Толстяк, добряк этот Дмитрий Иванович, охотник... Лошадь дома, дверь открыта, значит, дома... К нему заходят киргизы, молча садятся и молча уходят...

Разговор об архаре... Стадами ходят... Показал свой маршрут, принес шкуры архара, пули. — Убьем, непременно убьем... а если мы не убьем, так Али-баба убьет... Как-то раз он потерял беркута и стал скакать в карьер по горам, а я испугался и подъехал к обрыву, сам не решился, пустил лошадь и сам скатился: все равно ничего со мной не будет... Докатился до поля, а беркут на камне сидит. А раз Али-баба стал на вершине горы и завыл по-волчьи, и со всех сторон стали стекаться волки... Если ему нужно будет мышь подозвать, он и по-мышиному может, крадется как кошка, этим живет... А дрофу, это что... — смеется толстяк... — это мы вот только выедем и убьем...

— Она невкусная, на кошку похожа...

— Ну, это как приготовить... Дрофа, черт ее возьми, такая, что ее как убил, так сейчас кишки вынь, положи ее где-нибудь у колодца, прикрой зеленым и вернись домой — мочить и мочить, и будет как курица... А хорошо с маленьким ястребком на перепелку — собака выгонит, он сидит и сидит. А соколов надо хо-ро-шей, чистой пищей кормить, если чуть что, сейчас пропадет, ему стрелять свежих птиц. Сокол утку не видя, не бьет... Если уток застигнет сокол, так бросаются на воду... А дрофу как хочет бить, они испражняются, он и не берет, такие гадкие птицы... желтые гуси и утки (ворновки)... Для архаров самое главное место — Каркаралинские горы... ходят стадами... А на р. Чу есть все: тигры и все... Туда ехать — брать запас воды, верблюды и 20 лошадей гонят...

Куланы (дикая лошадь), к ним пристают киргизские лошади и дичают...

Жизнь киргизов проста. Царь степей бродит по базару в таком же халате и не прочь другой раз сесть на барана и вырезать метки.

Как вкусны молодые жеребята! Гостеприимство и проч. Жалуется, что не зарезал барана. Когда купец разбивает палатку в степи, то ему ведут из соседнего аула лошадь и барана, если много аулов — много лошадей, это называется Ерулик (лежу, не кочую). Годны ли пули 32 калибра для архара?

Как нужно одеваться охотнику степей: сапоги с кошмой, чтобы выдернуть ноги из стремян, с карманами для спичек и табаку, халат из «армяги», халат на верблюжьей шерсти... чтобы ночевать в камышах... и ничего...

Гостеприимство: ведь степь такая... прямо удивительно: спи на лошади, взял с собой только плетку и ничего больше и пропал хоть месяца на два.

— Хоть на год...

— И буду сыт, и все...

А как ни хороша природа здесь, но бедна: птицы не поют... выйдешь в лес... пролетит ворона, тетерка вылетит, хищник, и больше ничего.

Где эти звонкие леса?

Мое объяснение с Д.: надо самому, в основе безумие, для людей безумие, для себя нет... — Но нужно быть убежденным... Вот хозяин И., тот уверен — тот прямо из кирпичей складывает дом... — У меня обратное: все, живя умом, упустил в чувство; я, живя чувством, никак не могу, не стремлюсь оседлать жизнь, коня... Жизнь тоже любовь... Можно съесть любовь... съем, и кончено... но можно...

План: ядро: 1) поездка к Акаеву на неделю до 1-го сентября. 2) Поездка на архара до 7-го... В промежутках экскурсии в окрестности Каркаралинских гор. Уроки киргизского языка.

Хорошо ехать к дрофе на верблюде...

Раз я увидел у озера гусей, ползти нельзя, что делать? Али-баба взял корову и из-за коровы всех перестрелял...

Киргизы — дети.

Нет... Хитрые... Му́ка с ними торговать...

Обо мне знают в Голодной степи...

Из географии Семенова: степная растительность борется с лесной и в лугах и долинах уступает.

Ковыльная и полынная степь.

Гениальная идея.

Нет, чиновничья...

Осуществление гениальной идеи: телеграммы, письма с оказией. А время проходит в хандре... И как зато хорошо

стало вечером в поле, когда вырвался из этого тесного городка...

Грязная юрта у города, кости и беременная киргизка. — Вот какая чистая! Сухая степь, сопки. Кабанья щель... Озеро соленое, белый соленый прибой, белые растения, не то соль... сухие, сухие камыши, 4 утки, подстрелил ястреба... и позади желтые сухие волны... быстро темнеет... захватывает тьмой... Я иду на крик птицы — гусь, журавль, арба — и подхожу не к озеру, а к черному месту, и тут загораются огни в юртах... и звезды на небе... метнулись птицы... не видно дороги... Красная звезда как фонарь... месяц из-за сопки... он яснеет... ночь в степи... Такая светлая степная ночь... Крики киргиз...

20 [Августа]. Какое богатое солнце!

Лошади будут... В ожидании лошадей завтрак: у порога на кирпичике сидит человек, повязан белым платком: воды прошел... живет тут в избушке, пролетарий...

Все нет лошадей!

Поездка вокруг Каркаралинских гор (верст 40).

Степь, телеграф. Столбы, киргизы подъезжают, спрашивают и уезжают, поворачиваем влево, показываются красивые горы... овцы и козлы лежат на камнях, заезжаем в стада, киргизка возле юрты, сама похожа на юрту... Есть другой путь сюда, «по худым» камням, но почему-то повезли кругом. Встретились с казаком и киргизом: все на пожаре, все разъезжаются с пожара, потому что не кормят... направо и налево горы, ясно, камни, небо, ели и сосны маленькие... Пожар, дым, голубые и желтые горы... Шум пожара, огонь ползет от сосны к сосне, будто поезд шумит... озеро в камышах... стрельба уток. Поиски Егора Ильича — на пожаре. И чаю напиться нельзя... поле жнут... не заметили овес... Зять Егора Ильича, красивый казак... Едем дальше: киргизы складывают юрту: перекочевывают от пожара... услыхали — цыплята пищат... девушка-дикарка с орлиным пером в шапочке цыплят схватила, другая козла тащит за рога... Поиски колодца... Каменный колодец, неуютный под соснами... Есть русская зимовка... У скалы изба... цветы... вода. На окне самовар, пары чайные,

варенье... Кумушка и хозяйка... Пьем чай... шумит пожар. Кто тушит: Семен Петров., Петр Иван., Иван Митр. ... всего пять человек... Подымаемся в горы по камням... лошади приучены, добираемся до вершины, море хвойное, в середине красное дерево, несколько золотых берез (осень не сказывается)... Назад... Сидят к хвосту, думал, Лазарь Исаевич устроил это, а это он запутался... еще киргиз, говорит по-русски, угощает... мы должны проехать... «Седло»... мчатся, пыль, хочу перегнать, и он думает перегонять... смирные тетери... пламя пожара, дым, боюсь... смело в дым, мы среди огней... огни... пни, деревья снизу... и в середине огонь над землей... будто камни горят и желтое и неожиданно голубое небо, и горы, где нет дыма... сломанное дерево горит... огонь, озеро... Пресное. Пресное... Казак пьет... он один тушил и бросил... все объяснилось тем, что дрова нужны... разрешают брать паленый лес...

Господа и рабы (казаки и киргизы)... озеро... красные горы, задумчивые каменные фигуры... две сестры щеками друг к другу... далекие от мира... прекрасные, потому что не действенны... осталось одно прекрасное... Алекс. III... его шапка... еще другие все задумались... хороши эти дикие памятники... Замки на горах... стены каменные... Лепится камень по самой-то горе... Поднимаемся в гору... Сейчас откроется город... стада... Киргиз на быке... и он скачет, и бык держится за одну веревку, подхлестывая туда и сюда... Я сажусь на быка, и так мы въезжаем в город.

Нет хуже быка: упрется, и полетишь... На корове ездят...

Вечером: дети мчатся на баранах, козел — ревет... дикая любовь киргизок (не понимаю!).

21 [Августа]. Блестит соленое озеро в степи, голубое озеро (как степное облако — небо), дым наверху как облако... пожар перевалил.

Когда сарт на верблюде едет, то молится, поэтому киргизы смеются: Богу молится.

Киргизка как маленькая юрта... На голове перо совы (от порчи).

Поездка в аул Токмета.

В 5 дня. Собака Ушар — у нее дети в ауле Токмета. Наездники порют лошадей к бегу. Просторная езда. Лошади-бегунцы...

В 8 верстах озеро. Закат в степи... Косач полетел... Не успели выстрелить.

Страшное для киргиза — только поймать у него известную в городе лошадь, с поличным — ее метка... не докажешь.

С горы показался аул из 7 юрт... Самое лучшее время — вечер, стада стекаются... Щенки встречают Ушара, стараются сосать, Дружок тоже по-своему пользуется, возится, ребятишки грязные сбежались, все смотрят на собак... собирают стада... ягнят привязывают к петлям на длинной веревке голова к голове, за овцами коровы... женщины доят, доение козы, бедные осенью не доят... огромный козел посредине, похожий на А.П. Телецкого... блеяние... Другие кусты сзади... сопки... долина между холмами...

Не хочу оторваться... степь живая... только теперь понимаю ее жизнь, раньше — пустыня... Вечером зовут в юрту... Для нас очищена и приготовлена юрта (белая) только что женившегося сына... все ковры и подушки стянуты сюда... низенький столик, сундуки из мороженой жести, расписная кровать... луна вверху, как в театре Комиссаржевской... керосиновая лампа...

Выхожу опять наружу: пылает самовар, огонь из трубы, козел огромный остановился, освещенный, другие укладываются...

Талабаев приехал. Он тесть Токмета. Сам Токмет широк, усики как крысиные хвостики... Талабаев маленький... лицо узкое, похож на китайца, медно-красный... Сын Токмета и другие...

Выхожу опять... Картина: луна, стадо лежит... жует, бараны... один стонет, я протискиваюсь между животными...

Восходит с востока (немного на юг) из-за горы большая звезда... я думал, Марс, а это иначе... Если эта звезда, говорит хозяин, идет низко, то зима будет холодная, теперь поднимается высоко и скоро, зима будет хорошая... Если рано после заката — плохая зима, если поздно — хо-

рошая. — А вы что знаете про звезду? — спросил меня хозяин... Я сказал, думая, что это Марс, что она самая близкая к земле, почти такая же, как земля, и что на ней живут люди... — И мы тоже думаем, что она такая же, как земля. Но тут появился настоящий Марс, хозяин сказал, это называется Темир-Казык — железный [кол]. А есть самая большая звезда Шолпан (та, о которой про зиму).

Есть звезда за два часа перед восходом, называется Есек-Корган — гибель ослов, предание о ней: будто сарты приняли ее за другую, думали, день, а оказалась ночь, еще два часа, и за эти два часа они заблудились — не хватило воды, и погибли. Большая Медведица — семь воров. Звезды похожи на гусей.

Подали самовар. Хозяйствует Даур-бек, слуга Д. Он замечателен тем, что украл невесту: вон там, из-за горы... привез к хозяину, и тот заплатил жениху 350 руб.

Другие сидят вокруг на коврах. Курт — хамни кислые из бараньего молока... Ырымшик — крошки желтые из вареного молока. Сары-май — масло коровье. Куйрык — масло баранье. Айран — главное кушанье. Им одним питается шесть месяцев киргиз, варится из цельного бараньего молока (как простокваша). Катык — гуще Айрана (в Айране воды). Баурсаки — плов с салом.

Пьют чай... Я опять вышел. Опять картина лунного стада... Далеко у крайней юрты фигура цыгана. Сам хозяин как старый козел в целом стаде, догадываюсь: выбирает барана... Мальчик (его сын) в полосатых штанах верхом и въезжает в юрту... Я осторожно прохожу мимо юрты, баран уже лежит... женщины у огня делают... Кровь в тазу выносят собакам.

Немного спустя в блюдечке вносят тостык (киргизский шашлык) — из бараньей грудинки с кожей, лучшее...

Кечёнь — веревка для привязи ягнят.

Разговор за чаем... Что такое арка? 4 ф. нашего мяса = 10 ф. Петропавловского; от кумыса здесь пьянеют, а там вода; мясо Петропавловское — солома, здешнее — овес.

Меня знакомят: я ученый. Доказательство: география Семенова. Узнают тысяцкого. Спрашивают только, где же его трубка, он всегда с трубкой. Узнают другого, третьего... Меня признают за ученого. По шапкам и по лицам... Перекачевка (рисунок, верблюды) — мелкий рисунок, но узнают: не наш уезд: шапки и лица не такие...

— Не такие?!

— Даль-озе — точно так.

В ожидании ужина рассказы охотника.

1. Токмет о том, что было с отцом Талабаева. Вышел... Где снег, где снега не было. Собака залаяла... Медведь. Не видно. В норе... две собаки убежали, одна собака повела к берлоге (вот какая собака!). Медведь в берлогу, собака за ним. Темно, сучья... стал собирать сухие... сильный ветер был. Против берлоги сложил сучья, оставил дырку для собаки, все остальное закрыл... сухая трава... спичек не было, выстрелил, зажег травку... протянул руку в берлогу, вытащил за заднюю ногу собаку... поджег огонь, медведь рявкнул.

Пожарище — оторвалась собака, у меня обгорело лицо... ехать — лошадь не идет, когда лошадь устанет, под гору не может идти... опять выстрелил... рычание... с топором. Словно дрова от жару свалились и закрыли отверстие... камень от жару ... обухом топора отверстие, собака... внутрь на медведя... за собакой... большая берлога 8 аршин, пощупал — нога медведя, он влез под камень, спасался от огня, мертвый, а собака объедает уши. Шкура медведя оказалась 9 четвертей.

2. Рассказ Талабаева.

Семь волков съели лошадь... Хозяин просил отомстить.

Стал выслеживать, оказалось 7 следов... возле места, где ловят беркутов, увидел волка: то выскочит, то спрячется. Это волк его выслеживал... Есть другая объездная дорога... выход на высокую гору: три лежат, один большой, два маленьких, и с той стороны четыре и 1 на карауле... Можно стрелять, но подождал, когда вместе... Три пошли на мох (любят отдыхать на солнце)... Дожидаюсь, когда дойдут до пня... Когда поравнялись, большой впере-

ди, два маленьких сзади... Когда поравнялись, я засвистел, они остановились... Большой назад, маленький вперед, еще раз выстрелил, застрелил маленького, а те четыре на прежнее место, ищут большого, два легли, а три глядят, сидят на задних лапах. Один, маленький, начинает выть — звать того... Потом я завыл, один ко мне, остановился, остановился около маленького и стал оглядывать, застрелил, а четыре сидят, воют, я вою, не идут долго, не утерпел... спустился, я увидел: те лежат, они пошли ко мне, и мы встретились... Я испугался и на камень, один оглянулся, я застрелил, а те три убежали.

3. Рассказ. Перед Покровом выпал снег. 12 волков вышли к горе... играют... вижу кровь, значит, съели, значит, сытые, обрезки, след... на вершине следа не оказалось... привязал лошадь, иду пешком... спят, некоторые приподняли головы... один спокойный, я подумал, убитый (бывает, волки дерутся и убивают друг друга), головы ко мне, я выстрелил под ухо, хвостом вильнул (значит, жив). Три ко мне (1-й раз испугался в жизни). А это они от испуга выскочили на камень, на стену и убежали.

Горностая подзываю, лисица лежит в рытвине из боязни беркута, и, когда я подозвал Горностая, она выходит...

Стало холодеть в юрте... Надели шубы и стали толстые...

Собака залаяла, испугала. Вышел старик: два волка подходили...

Ужинать... Скатерть засаленная — гордость: много мяса едят... Блюдо с бараном. Печень... острые ножички... дочиста... еда соленая, соль руками... без хлеба... голо... кости дочиста... и кости чистые, как в степи, и снаружи сало, и фыркают, и всё... Мытье рук. Хозяин поливает, хоть гость 10-летний мальчик. Поели, отодвинулись и спать (без церемонии). Ночь... Рядом со мной Д. Вот: один брат в степи, а другой тут и завидует и мучит, что развил другие потребности. Лошадь трет задом о юрту... Пукает... Льется... Внизу чувствуется земля. Зажег спичку: в юрте один Талабаев. Луна... покой... Опять дремлю.

Проснулся... дверцы открыты. Талабаева нет, и такое солнце! Талабаев сидит высоко на сопке на камне, как ис-

тукан серый, глядит по сторонам... В кустики... Умывание... стада нет... до чая пройтись... с камня видно: разбросано стадо. Земля казачья. Скота Д. 10 верст в длину, 5 верст в ширину.

К обеду: мне дали баранье ухо... что с ним делать... Потом выпотрошили голову и тоже мне в чашку... (потом осталась голова, и я вспомнил о костях в степи), после барана суп в общей чашке.

На охоту!

Тазы за веревочки. Ружья за плечами. Выехали: уполномоченный... портной на лошади... Ширь... Месяц молодой. Вот она, полная жизни степь, когда сядешь на лошадь. Гость уезжает выгонять зайцев, я с собаками наверху... выше и выше горы, видел лесной пожар... Возле зимовки косачи... много их, сидят возле «зубов», громадные... я распугивая, не видя других, боюсь выстрелить... Съезжаемся возле зимовки... Первый заяц (обходили местечко), стреляю... заяц в норе горной... Съезжаемся все у норы, рассуждаем, бородачи... глядят и сверху чуть-чуть не поймают, серый сверху в кусты, упускает... живая сцена... выстрелы... портной с колотушкой в степи... Путаница... степь... У аула стреляем ястреба, обед и сбор на архара.

Талабаев упирается. Прижать Токмета. Политика Д. Решено, едем. Какую лошадь на архара: такую, чтобы могла спорить с архаром, выдержанную, не горячую. Разница архара от домашнего барана то, что у архара хвост как у козла... Но лучше всего снять юрту...

Коммерческий альтруизм.

Гроза в степи... Девочки юрты укрепляют. Ветер, песок в дверь на вертушку... Даур-бек протягивает руку к вертушке. Рука Даур-бека. Мальчик на кровати (цвет лица, глаза), ноги черные, лошадь льет за юртой... Сборы на архара: сколько хлеба, какие винтовки, одежда. Самое лучшее время... Сентябрь... холодно, спускаемся в долину... Мальчик кивает головой издали, девочка, любопытная, бежит от горы к горе, глядит, я кивал и ей...

На озере... Уток стрелять на перелете... Окружили озеро. В камышах до 1-го выстрела... Выстрелили... Взвивается утка к облакам: нет другого озера, облака синие, закат в степи... Табун в 400 голов у озера... Пьют воду... Д. узнает лошадей: эту, эту я продал... Вечереет: между горами звезда. Пожар утихает.

Наши собаки ночевали с нами на левой стороне юрты... в дверь заглядывал козел.

Монетки звенят на косе девушки. 4 хозяина, четыре сына, и одна дочь, значит, 4 колыма получит одна.

24 Августа. В лавке Д. встретил всех вчерашних киргизов... Здороваясь, спрашивают: — Когда видел? — Вчера... — Все радостно хохочут... Насколько они чувствительны к шутке... Насколько тоньше наших мужиков... Д. говорит, что у него много друзей, которые готовы умереть за него, как в романах пишут о неграх и т. п. Познакомил с каркаралинским интеллигентом Абаба [Карим] Курмановым... Рассказал поэму о Баян в лавке.

Карабай и Сарабай выехали на охоту, увидали беременную (самку), хотели застрелить, но один пожалел: у меня, говорит, беременная жена, и другой говорит — у меня беременная жена, и просватали неродившихся. Родились сын и дочь...

Карабай назвал Козы-Корпеш, а Сарабай — Баян-Сулу. Карабай умер, и Козы-Корпеш стал искать свою невесту. Конец: она попросила пить, он нагнулся к колодцу, она убила. На этом месте выросла трава Ткен (колючка), в которой разъединяющий дух К.

Возле Марса есть две звезды, называется одна «белая лошадь», другая «серая» — в связи с поверьем о Большой Медведице и семи ворах.

Поверье о Шолпан (звезда Венера) в связи с ненавистью к сартам: сарты (конкурирующая народность), сарты хотели ехать в ночь, приняли «гибель ослов» за Шолпан, но утром хватил мороз, и они все погибли.

Беседа с Д. И. об архаре: сборы. Вечер у Лазаря. Торговля в степи. Караваны с калымом. Акын (импровизатор), сленги (певцы).

25, 26, 27 Августа. Поездка с Исаком Инотовым.

Переводчик. Спор с портным: он говорит: потерся Исак между русскими, потому и хорош, был проводником у англичан... рудоискателей, служил у Поповой на заводе, ездил в Петербург. Исак похож на Земляка. Татарский тип в русском человеке: дух товарищества, общительности, семейственности. Лазарь о киргизах: у меня есть люди из киргиз, которые готовы умереть за друга, ловкость их, смышленость, политичность. (Портной... Раз поверил в друга — конец.)

Мы едем в долину р. Джусалы, плодороднейшую, где теперь множество аулов, к Джаиму, у него два сына Абзал и Абубакыр. Заедем к султану (торе) Махмуду. Выехали в 9 утра.

Баранта — свой суд; барантал — понятой исполнитель.

Боязно к незнакомым.

— Ничего, — говорит Исак, — раз мы их лошадь не задеваем, раз мы не трогаем, то какое им дело.

Радость: со мной человек, можно обо всем пытать. Название сопок...

Юрты возле города, не аул. Дети кизяк собирают. Кладбище. Отец Исака похоронен за сопкой. Поклонение могилам. Сына похоронят, где отец. Могилы в степи: с крышами и без крыш. Собрать материал поверий о могилах.

Поднялись на гору: видел г. Джаман-Тас (вид города, значит «худые камни»).

Опять о могилах: пятница-воскресенье. Через 8 дней начнется Ураза-айта (Рождество). Курбан-айт (Пасха) 12 Дек. В праздник палят барана. Пивоваренный завод, встреча. Кошемная почта. Киргизка едет в гости в город, гонят баранов, везут дрова? Карагай — [ель]. [Кайын] — береза. Тополь — терек. Черемуха — маш.

Чья-то собака привязалась за нами и бежит, и бежит...

Время, когда все киргизы съезжаются к зимовкам.

Показалась высокая гора Мырза — форменная гора, налево все видно. Кабаний шиш. Аул из одной юрты. Переночевали. Дымит лесной пожар. Который уж день пожар?

В юрте трое мужчин, женщина с широким лицом, среднего типа киргизка, ребенок голый, шоколадно-чугунного цвета, лежит возле юрты на песке, он — маленькое животное, как собака, как кошка, гложет кость. Гора Мырза, значит «форменная гора». Попоили лошадь в колодце: маленький пруд и глубокая яма, куда стекает вода, все окружено тальником.

В юрте: мать ушла доить коров, мы с детьми, дети сами живут: один валяется, другой ползет к столу, третий, старший, нянчит, он хозяин. Заболеет — пропал: для большого придет доктор, для маленького нет... Напились чаю, хозяйка потихоньку спрятала мои обсосанные кусочки сахара. Я сказал на прощанье: кош (прощай), размет (благодарю). Исак сказал: — Сейчас я скажу «кош». — Открыл кошму на юрте и сказал «кош».

Вьется зеленая змея... Это сухая речка перед долиной Джарлы. Так и называется — Кургак-Озен — сухая речка.

Думали, близко Мырза, а она все впереди. Доехали до Мырзы, открылась долина Джарлы. Впереди возле Мырзы человек едет на верблюде и кланяется, как на молитве... утомительно смотреть даже, как наказанный Богом вечно качается.

Долина окружена синими горами, синими разделенными грядами. — Отчего так сине? — Дым, лес горит, дым собрался у гор. — А там у них? — Это всадник пылит. — А там три дрофы? — Нет, это три куста чия. — А это черное пятно? — Это скот ходит. Много одиноких могил.

— Киргизы усердно молятся Богу. — У вас десять пальцев ровные? — Нет. — Ну и киргизы неровные.

Могила у дороги низкая, решили посмотреть.

— Нет, там есть хорошая могила, с крышей.

Посередине долины острая сопка. Аулы... Зимовка... Могилы... В долине кругом сторожа-горы.

— Где Джаим? — Перекочевал... Там... — Это близко? — Долина... знаешь, как в долине: вот близко и посчитай...— Речку-то переедем? — Да, переедем (обыкновенно так отвечал, его стиль). — Спросим у пастуха, где бараны... Да, спросим у пастуха, где бараны.

Пылит перед нами стадо баранов и козлов. Рога козлов как засохшие листья полевых лилий, серебром отливают толстые курдюки... бараны.

Пастуха зовем... — Большое стадо баранов? 500 будет? — Да, с лишком будет...

Стадо движется за пастухом или пастух за стадом? Бараны, наклоненные головы, козлы тянутся вверх, обрывают листики чия... Маленький вихрь по дороге... Женщина ходит по степи, чий дергает для юрт.

Сбились с дороги... едем по кочкам... На дне долины...

Подъехали. Остановились среди аула. Вышел Абдулла в турецкой феске... Вышел полоумный старик. Отца нет. Много других... один глупый парень, глаза подо лбом. Все переспрашивают и при молчании — «гм» — и поглядывают... А там юрту приготовляют... Я себя обрек на растерзание... Приглашают в юрту. Какая чистота! Новая кошма, новое одеяло, новый ковер и чистые подушки... Я на ковре около подушек, рядом со мною Абдулла... Дерзкие, ожесточенные вопросы... Спасет ли книга? Нет, не хочет смотреть. Спасет ли Баян?.. Нет, не спасет... Уехать, но куда?.. Глупые парни... Учитель мулла-юноша, два мальчика: Оспан — живой, огонь в смуглых щеках, в глазах лукавство, и вот-вот взорвет... Утомленный Абдулла засыпает на своей и моей подушке... А старика все нет... И жутко: переводчик не интеллигентный (а старика все нет). Входит старик: седая борода, острые черты, широкие штаны, продранные от верховой езды и сзади заплатаны красным (красиво), чистая рубаха на виду: чистый бешмет (найти слова!), рука к сердцу: я не могу, тяжело по-русски... Опять допрос... Опять Баян... Мне стыдно за Баян... Спрашивают:— Ягненка или козленка? — Мой ответ... — Молодого барана или

старого?.. — Я в затруднении... — Молодые бараны сухие нынешний год, а старые жирнее... — Молодого...

Вечереет... Отлегло от сердца... Выхожу свободный... Сходятся стада... Вяжут ягнят и козлят... Табун остался в поле... Кобыл пригонят завтра... и привяжут жеребят, подождут немного и будут доить... Ягнята день на привязи, день в поле с матерями. Ягнят соединяют с матерями: красиво. А. мчится на двух баранах. Серке — самый высокий козел. Ешкы — коза. Старик бродит по стадам. Дальше все табуны и синие горы... вечереет в долине... Как красив этот белый старик... Бодаются козлы... Как дети кричат... Подъехал рабочий на баране и говорит: бата? Исак благословляет... Барана уводят в соседнюю юрту (исчезает за кошмой). Загораются звезды, знакомые теперь хорошо под конец, и в Петербурге так же: Ак Бузат — белая лошадь, падающая звезда. Шолпан — утренняя звезда. Гибель ослов — Корган — вечерняя, сарты приняли звезду за утреннюю и потому погибли.

За бараном... Еда быстрая... Подальше от стола пастухи и работники...

Аул состоит из 1) юрта старика, 2) юрта сына, 3) второго сына, 4) два брата, 5) пастухи лошадей, 6)пастухи баранов. Коровы пасутся сами. Хозяева ничего не делают обыкновенно, присматривают, ездят в гости. Но ввиду близости города сыновья торгуют: лес.

Сожрав барана, старик берет горсть объедков и сует в горсть сидящему в ожидании, как собака, другому кость... Они, как собаки, в углах жуют, идиллия!

Начинается мирная беседа. Старик спрашивает, знаю ли я законы... Киргизов обижают... Подать царю, как подать царю жалобу? Или в Сенат. Я объясняю: в Думу. В Думе мало киргизов. Я говорю: — За отобранные места выдают новые. — Да, это правда, выдают, но те обижаются: земля других...

Еще: есть ли в Петербурге бараны, какие? Я говорю: сухие, потому что ягнятся два раза в лето, и без курдюков и с козлиными хвостиками. Весь аул хохочет... А сколько в Петербурге домов? А сколько людей... Приносят кумыс... и

особенно торжественно: какое мое состояние? Удивляются богатству. Я объясняю: квартира 50 р. Опять о Баян: у них этого нет. Я объясняю: здесь они потеряли перо, там верблюда, еще кое-что — и все рады, и интересно, вполне сближаемся. Хозяин завтра едет на свадьбу: отпущу ли я его? Я отпускаю. Он благодарит и говорит жене (старой, у него есть молодая), что гость отпускает, та благодарит... Я стесняюсь, говорю Исаку, а он: не для тебя, а для Лазаря.

Волки приближаются. Депутация пастухов просит меня сделать два выстрела. Отгоняют стадо... Под звездами в тишине выстрелы. И всю ночь слышал беспокойный окрик пастуха: «ай», свист и другие звуки... В юрте много отверстий: как звезды... Вся юрта похожа на воздушный шар. Закрыли вверху. Мы летим где-то по небу... Опять просыпаюсь, мы на земле, открыта дверь юрты, лунный свет, стада, старика нет... Старик бродит между стадами, дальше и дальше... Звезды при лунном свете особенно зеленые, и какие-то зеленые волны, и впадины, и звезды во впадине... Открыта дверь: холодно. Исак затворяет. Нельзя: старик вернется. Старик вернулся и запел песню... хорошо... как-то особенно... Исак смеется: голос хороший, хорошо поет... старик не вовремя смеется... все не вовремя. Откуда песня... Что она значит, в ней и аккомпанементе... и все... просвет от старика куда-то, он ухватил часть степной, истинной жизни, и вот, когда все спят, поет...

Утро... Дверь открыта... Кобылиц пригнали... Вообще и вчера один в юрте, а в дверь видно: то кобыла пробежала, то козел, то промчался киргиз, и синие горы видны...

Мне чудилось ночью: волк схватил ягненка, и жалобный крик ближе, вокруг юрты, и дальше, и дальше, и где-то замер... и крик, и топот табуна и пастухов.

И так и не знаю, что это значило: может быть, просто пастух ударил собаку, и она с воем бежала... Кобыл прогнали. Привязали жеребят... Бараны ушли, остались привязанные ягнята.

Чаепитие... Старик опять отправляется в гости. Оспан и другие мальчики берут книги, садятся против двери и поют, чистые мальчики... Так славно... Старик так любовно поглаживает... Киргизы вообще любят детей... Старик похож на большого козла... Вчера, когда он пошел в стадо, я ему сказал: вы царь, лучше царя, тот сидит в пыльных стенах, а в степи хорошо... Старик просто спросил: почему я живу не в степи? И мне вдруг показалось: как ему объяснить?

А. принимает роль хозяина: он оказывается прямой и хороший, но грубоватый парень. Дети всё читают, к ним третьим учитель. Учитель содержит несколько аулов, и платят скотом. Старик хохочет...

Прощание... Приятно остановиться... Кумыс на дорогу. (Есть киргизу — барана и выпить три ведра кумысу.) Я предлагаю деньги детям. Отказываются.

Женщины кизяк собирают... Нам дают проводника до Махмуда.

Едем дальше... Степь... Трава ошаган, вроде акаций. Зимовка, набитая сеном. А скот и зимой в поле. — Нехорошо зимой! — Очень неприятно, но все-таки живут. — Киргизы большею частью грамотные? — Есть грамотные, есть неграмотные. — Но каких больше? — Как можно знать, из 10 душ кто грамотный?

Марево: между юртами, будто пожар, дым, марево...

Приехали на озеро Копча. Воды не видно, одни тростники. Сколько тут, верно, гусей и уток. Раздолье охотнику. Оглобли подняли, сделали палатку от солнца. Закусили. Исак занят чаем. Я пошел искать гусей. Заблудился в тростниках... нет ли волка. Птиц нет: гуси вывели и улетели. Страшно. Держался могилы направо, потерял могилу. Вышел к зимовке. Там дети, и за дверью черные глаза. Почему так рано на зимовке. Детям по три копейки. Убежали, тащат за рукава: раньше дети боялись русских, а теперь, поди вот! Русскими пугают детей... Меня ведут через сени во двор, в комнату, еще в комнату, сияющая татарка на кошме возле подушек. Она, узнал я потом, молодая (вторая) жена татарина, а пара глаз — дочь от 1-й жены...

Я объясняю: Исак! Показываю рукой... Приезжает черный всадник: брат. Отдает лошадь мальчику, ставят самовар. Исак является. Я у подушек. Пара глаз. Исак заводит речь о Петербурге: бежит народ, если заденешь, назовут невежа. Если крикнешь знакомому на другую сторону — нельзя. Все приговаривают: трудно жить в Петербурге...

Переехали так рано на зимовку, потому что приготовили избу для сына уездного начальника: охота.

Едем дальше... Молодая татарка вышла на крыльцо и машет рукой и платком, и все время машет, пока я не скрылся.

Выше долины Джарлы... мало аулов... Подъезжая к ферме: грачи. Не грачи, а косачи. Сторож. Стреляю. Один присел. Подхожу к кусту... подполз... Пастух заметил меня, пустил в карьер: спросить, кто я. Спугнул тетерева. Я в лес... Потерял калошу. Убил тетерку. Ужин есть. На радость барина, на радость Исака...

У Исака юрта убрана вся различной шерстью, чием... Жена... Мать... Дочь 6 лет (переговоры о сватовстве, хороший киргиз копит калым для приданого... плохой хозяин пользуется калымом).

Маленькая дочь: Биби-гайя... больна... красная... в жару... для маленьких не зовут доктора... в юрте холодно... страшно за детей... Стихия...

Исак моет ноги... Я вдруг вижу его чистую ногу. Исак молится на восток.

Звезды в юрте... Постоянные окрики: ай! и слышу. И вдруг в юрте: ай! Мать выскочила из кровати и пустилась. Что это? Только утром: четыре коровы чуть не на смерть забили ее корову...

Ночь: юрта похожа на воздушный шар... Просыпаюсь: люк открыт, мы на земле... Объяснение ночных происшествий: коровы бодали. У меня возле подушки: голова тетерки...

Самое главное: вечером Исак готовил тетерку, она старая, добыл масла, много возни, наконец, она на тарелке, пахнет жарким... Мы едим с Исаком... Нет, горло не резано... Мрак. Как мы близки были с ним, и вот чужие... как

разъединяет религия... Он поклоняется чему-то прошлому, он несвободен... Молится чему-то прошлому... Какое отвращение по поводу этого к человеку: между нами нерезаная курица.

Лазарь Исаевич об этом: фанатики, отвратительные люди, мерзавцы... Отец его: сам зарежет барана, осмотрит его легкие и так съест... Отвращение еврея к религии...

Попил чая у подушек, кошка из-под стола мешает... Брысь! И у них брысь... Тпру... И у них тпру... Но! Нет: чу! Думал: сколько у нас татарского... Объяснял, почему у нас общие слова: когда-то татары господствовали, мы получили от них эти слова... теперь русские: самовар и прочее...

Что получили они от русских?

Каркаралинский уезд — образованные и богатые киргизы. Не настоящие — степные киргизы. У Д., напр., дети занимаются и торговлей... Исак: — Куда лучше, в Петербург или в степь? — В степь. Но уже не вернуться. — Почему? — Потому что не могу жить без баурсаков... — Баурсак! вот что отделяет Исака от степи.

Старуха все приговаривает: Аппак-менын. Забыл: по приезде к Исаку возле подушек: устал! Исак удивляется: привыкнешь.

Едем на охоту возле фермы на тетеревей. Запрягая лошадь, говорит: телом не жирный, не сухой, масть саврасая — чистые слова... другой скажет — вот моя лошадь, а я такой привычки не имею.

На охоте в ущельях гор: березки и сосны... Ясная осень: невредимые мрачные утесы и сосны, и только по березке можно узнать про осень. И те мгновения охотника, когда схватываешь всю природу: чистый воздух, и скалы, и все... Стрелял тетерку... Исак ловит сзади живую. Думает, я убил, и спешит резать горло... Он фанатик резанья... Подстрелил зайца: режет. Другого, большого... закружился в трех шагах и бежать... Я пожалел заряд... Исак бежал за ним. Возвращается назад: забился в нору. Просит меня прийти помочь с другой стороны... Лазарь: и хорошо сделал заяц, что ушел в нору. Фанатик зайца. И заяц свобод-

ный, и хорошо; написать и обдумать спасающегося зайца! Обиделся... те же подушки... И как все-таки хорошо: то, что Исак должен работать без рабов, делает его человечным, и жена, и семья делает его похожим на рабочего, он не киргиз...

Возвращаемся: озеро большое... утки... чайки...

Гора желтая, отороченная соснами, похожа на киргизскую шапку, отороченную мехом...

Лисица живая для шапки дочери... драка с собакой.

Мрачные Каркаралинские горы... Курганы (круг и полукруг).

Жизнь городка в горах...

Возвращение... Тучи собираются: не едут на охоту на архара... Струсили... Телеграмма: «документ выслан». Ура!

Степь широкая... Лазарь — практик, энергичный, человек между степью и культурой. Дм. Ив. — охотник, между <*1нрзб.*> (человек с браунингом) и степью, жена татарка, настал час: лишь бы до пенсии, и потом приволье!

И ручные лошади пристают иногда к диким.

28 [Августа]. Сборы на архара: пекут тукачи, селитра для архара, варенье. Доставать сапоги киргизские... (узнать название), пули на архара... мешок сухарей... Вторая телеграмма... третья... Надзор полиции. Радость... Ошиблись: радость Лазаря... Жажда людей у него... Мне дают штаны и сапоги — узнать их название. Разговор с Лазарем о «человеке со звездами» и о «паровозе»... Паровоз сам по себе, а вы... Я ему объясняю, как далек я от жизни, что такое мечта, как люди мучаются этим... и как похожа мечта на поезд в Сибири... Он определенно... не понимает колебаний... не понимает дикой любви...

Я еду в край степей... Пусть я [чужой] человек, но часть моя, которой я лечу в степи, чужда корыстных целей, я далек от них и близок им, я [часть] их жизни, как они встречают меня... И вот направо и налево располагаются злые и добрые силы... Одни помогают, другие препятствуют... Кто препятствует? Второй после Лазаря помощник Яков. Вас. Он содержит семью, а сам холостяк, безумно любит сест-

ру... Хочет найти в горах семью березок, выкопать и посадить в своем саду.

29 [Августа]. Прогулка на Чертово озеро... Яков. Вас. и портной в горах. Налево местность называется Боголы, тут есть Тугулукова гора. Некий Тугулуков постоянно молился на этой горе, а другие говорят, воровал: там есть естественный погреб, куда складывают мясо ворованных лошадей. Рассказ Як. Вас.: как здесь считается опасным ехать в Мекку: не вертаются.

Направо гора Ак-Тас (белый камень), дорога пылит, свернули в лес на слепую тропинку... Что тут шиповнику! и на нем шпанские мухи бывают... А то бывает серый мох, красивый, и цветы... Налево вытянута Боголы, и тут-то в ней Мухтаров ключ, направо собственно Каркаралы и вскоре «Угол» (горы сходятся в ущелье, и конец им).

Сухо... Спичку уронишь, и весь лес вспыхнет... А когда лето смешанное (дождь и солнце), то благодать.

Як. Вас. ищет березку пересадить себе в сад, его пленяют кучки березок: четыре вместе! и сам кормит четыре сестры. Светлый березняк, ангелы крыльями машут.

Зеленые пни! Когда-то был тут огромный сосновый лес, сгорел, выросли березы. Взбираемся выше и выше... — 1000 ф. над уровнем моря! — восклицает Яков. Вас. Чертово озеро... два диких утеса, на одном прежде был крест... Между могил сверкал... Губернатор не нашел ничего остроумнее, [чем] воскликнуть при виде Чертова озера: настоящая Швейцария, а архиерей — освятить освещенное озеро. Тысяцкий говорит: я открыл его — марал бежал, я преследовал, смотрю — стоит в воде...

Готовят кувардак... Я скалами — к Кресту. Ущелье в елях. Два замка наверху... китайская стена, находят медные трубки, стена от Оренбурга до Китая... через Акмолинск... Березки сгорают от осени... Сосны на плотах сложенные... много таких. Стрекозы припадают к камням. Одинокие птички пищат... Белые бабочки над лесами... Шумят леса, то на той, то на другой стороне... Одному

прийти. Одному жутко... Зовут — шашлык поспел... Мчусь по камням. Остынет.

— Как барыня? — Ничего... — А барышни все уезжают, остаются немногие... танцуют, и не так, чтобы очень... остаются тут немногие... плохо танцуют, и как-то у них все не ладится.

Счастливые люди только киргизы!

— Да, — говорит Як. Вас., — но у них только плохо одно — джут (бескормица): каждый год гололед, но страшно весной, очень подтощают стада, при каком-то ветре держится дней 20—30, и стада гибнут: подрезают ноги, бараны лежат. Из табунов в 2000 голов остается по 300 штук...

Посреди самого города голые горы, а раньше (по полям) был лес...

Вечером в клуб. Знакомство с С. (мировым судьей)... Киргизы хитрецы... Настоящих смотреть на Балхаш или к Китайской границе.

Еда барана: съедают и кости в грязных тряпках отсылают жене...

Родится ребенок: для крепости соленой водой смазывают, маслами, прогревают на огне и завертывают в баранью шерсть...

Кабаны на Балхаш просто ходят...

Я не ем баранов: принесут немного, остальное отсылаю женам... Злятся...

Акаев вор! Табуны ворованные...

Осадок: ничего нет у киргизов... плоскость...

Не религиозны... Обряды... есть, а жрецов нет...

Мировой судья — холостяк, знает все подробности о местных людях, детище — клуб... фельетон... Шерсть — джабагы.

30 [Августа]. У Филиппова (переселенский начальник). Случай на р. Чу: киргизы едут... Верхом... 50 верст в день... опасно: в буране кто-то погиб... Филиппов заказал окорочек дикого кабана и тигровую шкуру...

Радуются моему избавлению... Дома: приход Дебогана и послание от уездного начальника... От губернатора приказ: я Хлестаков... день-то не почтовый, значит, просто начальник привез документ.

Так и есть. Инженер Алек. Влад. Миронов. Его поведение. Рассказ о переселении. Знакомство с лесничим. Я вместе с уездным пью чай: со мной любезны...

31[Августа]. Нанял Исака в Семипалатинске за 30 руб. — Задаток тебе. — Да, задаток... — Но ведь я не обману. — И я тоже так. — Начинается... как же быть? — Можно и оставить после...

Мы выедем 14 или 15-го... Приедем в Семипалатинск 22—23-го.

Уличные сцены: киргизы на корточках возле баранов, кругом их малахаи и лобастые широкие бараньи головы... Три мальчика с бронзовыми лицами на лошади верхом — все тянут ее в разные стороны: прямо статуя. Вечером, когда я, утомленный, засыпаю, мне рисуются в глазах с поразительной точностью бараны, киргизы вокруг на корточках, кто-то старый, похожий на козла, и в середине щупает барана под хвостом... всадники в малахае.

Сегодня к лавке подъехали три всадника, широкие, привязали лошадей к столбам, вошли, поздоровались и сели на пол на копчик, поджали ноги под себя. Это наши охотники, приехали справиться об охоте. Нужно взять картечи. Дмитрий Иванович отливает пули...

Киргизы в поле останавливаются и вместо воды отирают ноги землей.

Вчерашний вечер: лесничий, жена скучает и шутит с телеграфисткой... уездный начальник ухаживается, а сам только что посылал за мной полицейского... инженер и учитель русско-киргизской школы...

О переселенцах: устройство киргиз: не будет ли это то же землеустройство: не считаясь с народом — 10-15 десят. земли — будь земледельцем...

Как трудно понять солончаковые почвы и климат степей: заморозки возле Петрова дня...

Розовые дрозды... Выпь...

Апофеоз: охота на архара окончилась, с тревогой жду, что встретила в городе бумага...

— Как ваши руки, как ваши ноги, как поживают овцы, скот, бараны...

Лесничий рассказывал о киргизской песне, где степь сравнивается с юртой.

О фламинго розовом и сером...

В этом краю мало птиц, но те, которые прилетают, всегда интересны: отзвуки Аральского моря. Найти в Семипалатинске. Резниченко (фотограф), справиться о нем в подотделе у Троицкого. Найти художника Белослюдова...

Мировой судья прислал мне аксакала Касым Бижанова для поездки с ним на Балхаш. Я принялся его расспрашивать о том крае...

По Такрау киргизы занимаются земледелием... Хороший хозяин получает от выборного начальника арыка (Тогам-бастыгы) пай из р. Такрау на десятину, и хозяин засевает ее пшеницей, собирает 5-6 лет урожай и берет новую десятину, поручая ухаживать за ней рабочему; сам хозяин кочует, как обыкновенный киргиз. Из пшеницы приготовляют Бидай (жареная пшеница)... Исключительно земледелием занимаются беднейшие киргизы «джетаки». Там до сих пор есть старики, которые не строят зимовок, у них и скота больше, и скот лучше, потому что скот возле юрты, и он не поручается пастуху.

Аксакал — судья обычного права, зажиточный и хороший человек (белая борода)... Может ли он неправильно рассудить? Нет, тогда он не аксакал, а боксакал (говенная борода). Бий — ставленник [рода]...

Остановился человек у моей зимовки и стравил траву, я тогда угоняю его скот (барымта: свой суд)... Из-за этого, только из-за этого и случаются убийства.

Посылают ли женщине кости? Да, это называется саркыт, но не только кости, а и мясо. Вот откуда у чиновника привычка: съесть немного барана и отослать остальное жене.

Балхаш с этой стороны на версту, на две до берега в камышах, величиной с дом... потом песчаный берег и на

нем небольшие кустарники аксаула... Птицы там всякой видимо-невидимо...

Только к зиме подкочевывает народ к Балхашу и даже зимой на льду, на острове. Если бы в это время учинить охоту (очень удобную с загонка) на кабанов, то можно бы убить тысячи.

За тигровую шкуру отдают верблюда (40—50 р.). Молодых ловить просто: идут по следу, пока старые, спасаясь сами, не оставят молодых. Маленьких тигров пришпиливают вилами и завертывают в кошму.

Есть в Балхаше распевающие стихи о Баян... Думал о юморе киргиз... Как близко это русским... Как похож Исак на Земляка! Сколько в нас татарского...

1 сентября. Алекс. Иванов. Троицкий.

Сидит на пороге, точит пилу. Продолжает точить, предлагает чаю... Отказываюсь. Заводит речь о Чертовом озере. Как освящалось озеро. Открыли казаки, собаки марала гнали: вверху лают и внизу лают, а озера нет... Нашли, убили, освежевали, найти не могут... собаки привели. Даже и при освящении были признаки: телегу с дьяконом завезло... архиерей заблудился... услыхал, кулик кричит: значит, озеро. Туды-сюды — нет озера. Архиерей верхом — по сану нельзя, а тут...

Да вы что от чаю-то отказываетесь, почаевничаем!

Старик ставит самовар: все сам...

На кресте было написано: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Благодатию Божией освящено озеро сие и наречено бысть “Святое”. Силою креста Твоего, Господи, в бегство да претворится все супротивное бесовское действо».

Описание: когда молебен — лес шумит и буран, но невредимо стояли, а когда кончился молебен, то все стало спокойно.

Земли по Такрау превосходные, киргизы пользуются арыками прежних времен.

Да, вот он, арык! Под окнами канавка из гор — была пашня и затоплялась. Эти земли были дарованы Екатериной султану: Джаман-той.

Нет ни одного светлого кристалла в горах, где бы не было работано «теми» (джунгарами) — шахты на тех местах. Все теперешние. Есть верстах в 12 пещера и синяя полоска, и я добрался туда, искал марала и увидал, что вся пещера «теми» сделана маленьким зубильцем. Век был медный: находят медные кирки...

Охота... Бывает, марал убежит, нельзя собак бросать, идешь... переночуешь как есть, у костра...

И так это завидно: может человек справиться, и переночевать, и ничего не бояться...

Вздохи: а вот теперь... Да, я не для себя живу: травы от кровотечения... травы от зубной боли, от лихорадки... от живота — только маслом помазать... доктор... даже по почте отправляю...

Мы настоящие, Омские...

Охота: выше, ниже брать — на охоте руки сами работают...

Пещера Бехтау-Атау у Балхаша (там холодный родник: мясо резаных лошадей берегут).

Охота с беркутом: киргиз наверху горы с орлом... Лисица, выгнанная, готовится к бою с беркутом. С беркута колпачок снимают, он глядит и все замечает верст на 5. Иной раз «слепо» пускают... и волк... с волками не всегда справится... Он падает с шумом, как гроза, бьет в голову лапой... лисица, бывает, откусывает... другой в хребет... и сгибает... заяц увертывается... промахнется беркут и сядет поодаль, подождут, он опять на руку летит.

Красивая охота с ястребом... Быстрая лошадь мчится к озеру... утка поднимается, а он из-под низу, и это так у них бывает, но только в момент он наверху, утка внизу... Сядет на берегу... Отнимать нельзя.

Осторожно дают клюнуть, и он освобождает лапу... еще раз дадут и, прикрывая полой, прячут утку.

С белым соколом иначе: он бьет, одну убьет — бросит, другую, третью...

Беркут взлетает кверху, чтобы броситься саженей на 200.

У соседей девицу украли. 5-й день... Хозяйка встретила на базаре мать, кумушки укрывают... Прошел год, вернулся из Мекки отец ее и умер, осталось две жены — старая и молодая, молодая вышла замуж и очень почитает старую.

Говорят, дня через два калым — коров и лошадей приведут и поладят.

У хозяев 3-го Сентября Новый год, готовятся к встрече, чистят... 12-го будет Страшный суд... У Лазаря... Ехать в Новый год. Бежим от Нового года. Завтра поедем в аул Кали...У Якова Васильевича... О Лазаре: между братьями... планы яркие сменяются мрачными...

О путешествиях в Мекку: перерезанные арабы — 5000 человек... Расспрашивают киргиза о путешествиях в Мекку.

Украденная невеста красила в красное ногти, потому что отец ее был в Мекке.

2 Сентября. Опять не удалось выехать в Кызыл-Тау... Помешал еврейский Новый год. Явился полицейский: к уездному! Не уходит.

— Уходите, я сам приду.

Я хорошо знаю, что зовут меня, потому что получена бумага из Семипалатинска, но как передать это отвратительное чувство, когда зовут в полицию!

Во дворце. Начальник и помощник.

— Получите пакет. Какую вы сделали неосторожность, что не запаслись бумагами!

— Я не мог...

— Ведь вы не представили никаких бумаг...

— Я явился сам, и если бы мне можно было объясниться, я доказал бы... — Молчание...

— Я надеюсь, что вы оправдаете...

— Чем же могу быть опасен в политическом отношении: возмущать киргиз против переселенного чиновника? Но ведь у меня же в кармане телеграмма самого Козлова...

— Как?..

— Да...

— Вы оставите ее у нас? Паспорт ваш полежит в канцелярии...

В общем, осталось впечатление, что и боятся меня как литератора, и боятся оставить так... кошка прячет свои коготки. И все очень смешно...

Лазарь, напуганный, прибежал домой и догадался, что я в участке... Стали думать: не лучше было сначала остановиться у Акимова... или вовсе не показываться, первое ставило бы меня в тяжелые условия, второе — невыполнимо: в первый же вечер весь город знал о моем приезде (не забыть это блуждание по городу, когда все смотрят из окон).

План занятий...

3—13. Кызыл-Тау. Видеть всю охоту. Расспросить Дм. Ив. Побывать на пересел. пунктах. 15-го выехать в Семипалатинск, побывать у А. и приехать туда 22—28. Пробыть там три дня, выехать в Омск 26—27-го... 10-го или к 15 октября быть в Петербурге.

Население встречает Уразу. Евреи — Новый год...

Скука... Столько задержек... И все некогда: некогда в горы сходить...

Я буду описывать мое путешествие так: не определяя точно города, местности или называя переведенными с киргизского языка именами.

На пароходе мне встретился агент с машинами Зингера и советует ехать в глухой степной городок в горах... Я не мог сразу запомнить его название, в переводе оно значит: «Черное перо». Баян. Рассказали мне: потеряла в горах черное перо — головной убор, и место в честь нее назвали «Черное перо»...

И вот я попал в этот город... Добрые силы начали мне служить, злые — мешать...

Верблюд похож на... собирает в горбы материал.

Кто видел звезды из аула, того они будут всегда сопровождать. Когда-нибудь и по Невскому проспекту я увижу те же звезды и скажу: «Вот Семь Воров, вот Гибель Ослов, Шолпан...»

Я путешествую, изучаю, записываю, но как жалки эти собранные факты в сравнении с теми случайными впечат-

лениями... Я, собираясь куда-то идти, случайно бросил взгляд в окно: какая-то полуразрушенная избушка, и спокойный поворот головы верблюда, и желтая сопка позади его... Гонят стадо баранов, один киргиз на лошади, другой на верблюде, третий на быке...

На корточках сидят возле баранов киргизы и щупают баранов... Широкая и спокойная фигура в белом, такие длинные рукава, так просторно висит одежда... встречается, спрашивает: «Откуда ты?»

Банщик, сторож при полицейском управлении, смотрит на меня и говорит: — У тебя характера мало... я вижу...

— Как мало!..

— Мало, а у уездного начальника много!

А эти врезанные в небо черные утесы и желтые тлеющие березы в угрюмой синеве сосен в ясный день!

И тоска по родным полям и саду... Ничего нет лучше и глубже весны в родном краю...

Какая тишина! Непрерывно воют собаки у костей: тут недалеко бойня, и эти дурно пахнущие грязные юрты киргизов... Знаю, что над всем этим висят такие большие звезды... Заблудишься в этом городе, и всю ночь можно не встретить человека... шел на звук колотушки, и она все дальше и дальше... Какой же во всем этом смысл? (Городок — Россия, киргизы — русские).

Лесничий сказал: «Мне что, я могу жить лесом и охотой, а вот жена...» И женщины здесь какие-то заморенные, как эти горные лесные березки. Спросить — пожалуй, станет защищаться: у нас есть люди, вот лесничий — хороший человек, мировой судья... какие-то вехи... Вехи: два мировых судьи, Дебоган, Дмитрий Иванович... вехи, а вокруг-то них голая степь, и люди совсем особенные...

Сначала я подумал об уездном начальнике: какой же изверг он в семье! Но оказывается, семья прекрасная, сын с глубокими глазами, дочь—труженица, в доме, вероятно, хорошо. Может быть, это так понятый долг? Слуга закона... Какая это ослиность: ехать ради исполнения закона в голодную степь, где труп убитого давно сгнил... Какая

нелепость делать столько зла людям, ради какого-то долга, и мечтать: вырастут дети, им дать образование... Какие они тут странные, эти люди, получающие право на жизнь в этой степи откуда-то со стороны... Этот долг — последнее убежище в конец забитым людям... И вот они тут цари, вот утеха! Насколько здесь тоньше простые люди: как понимают и ценят хорошее обращение. Как говорят об этих барышнях-топографах, делившихся с проводниками пищей.

Иногда страшно подумать в пути: за это время, быть может, умерла мать, дети... Ведь так оторваться, как я, — значит уметь разорвать со всеми, значит объявить весь мир без родственников, значит, с другой стороны, в каждом встречном человеке видеть частицу мира, опираться на них, делать постоянные открытия...

Я совсем один, и я со всеми... Путешествие — это особый пост, «ураза» на все привычное... Нужно, чтобы каждый так постился... Нужно сделать, чтобы путешествие было без определенного дела и без каких-нибудь грубых непосредственных потребностей... Оборвал привычки, знакомства, привычную природу... Лопнул канат... И вот все живое в тебе ищет восстановить это нарушенное равновесие, хватается за людей, всяких, за новые деревья, камни... пройдет время и... связи восстановлены, привычки найдены... верблюд не останавливает внимания... горы, лес... все обыкновенно... Но смысл пережитого остался... остался какой-то налет, колорит жизни, и вот, право, не знаю, что это значит: какое имеет значение — география или роман...

Какая скука выдумывать повести в кабинете, когда стоит только предпринять пост на родственников и привычки — и каждый человек рассказывает повесть, каждый лист и камень... И как они все хватаются, тянутся ко мне, Боже мой, ищут меня...

3 Сентября. Такой светлый день, горы и степь такие близкие, и все-таки почему-то никто не ходит в горы... и трудно туда собраться.

Снилась мне Анна Харлампьевна, «Жучка». Нужно было сделать усилие, без этого усилия нет смысла, нет женщины... И Варвара Петровна (то же), там даже было все... стоило сделать шаг, и моя навек, но нет... не было силы?.. Не было желания... Она была тут, возле, в кресле, вся... я хотел другого, и самое скверное: смешивал то, другое, с этим и трепетал...

И так мне теперь все это ясно кажется, как просто счастье, как легко это сделать, но нет... Любить звезду, потому что она далеко... Любить и искать то, чего вовсе нет, оно одно здесь, оно самое возле, и любить не это, а отражение его на небе... Это бессмыслица полная, это безумие... И такая тоска за свою такую нелепицу... чего-то ищу, ищу, еще мгновенье, другое — и вот что-то хорошее... я уже думаю о своем путешествии, комбинирую и нахожу что-то фактическое, ощутимое... но это пришло из того...

Степь... То же самое: люди живут тут, вот она, жизнь под звездами в приволье степей, а звезды прекрасны, значит, нужно жить... И почему непременно так думать: прекрасно, значит, для испытания его... нужно пожить, почему непременно жизнь — мерило прекрасного, его корректив, какое утилитарное и грубое отношение к красоте...

Как бы ни строилась юрта, как бы ни загибались ее деревянные крючки и ни поднимался свод — все-таки это жалкое подобие... И так ясно: не удалось устроиться самому, войти внутрь жизни — и вот, куда ни пойдешь, везде кажется не так, непохоже на то и далеко от него... нужно пахнуть теми же запахами, чтобы их не замечать... И это бесполезно и бессмысленно — искать в жизни, в быту соответствия тому, что уже в самом своем источнике разделилось как небо и земля...

Новый год... Евреи такие скучные... чтобы пойти в этот день в горы... Портной брюзжит, что нужно одеваться. А еще портной... Сибиряки любят приволье, а когда станешь допытываться, что же это такое за приволье, скажут: здесь не нужно крахмальных воротничков носить.

3 Сентября. В ожидании поездки на архара в горы. Ясный день... Камень-гриб — в нем сосна, будто стрела...

Светлые сосны... За зайцем в ущелье к козам... Козы в горах: жуют, фыркают, громадный камень поддерживает сосны... Поездка колеблется: Лазаря не пускают. Тащат к старику... Новый год — степь — Талмуд... к старику пристают с мясом и проч.... он сердится, день сотворения мира: пожалуйста, кушайте... Современные люди всегда были... и т. д.

Выехали: речонки и кустики... Стрельба тетеревей... Рождение месяца видели... в долине над горой. Звезды... Чистота... Купанье. Темно; спрашиваем киргиза, а где аул Кали... Киргиз отвечает головой... челюстью, что далеко: под челюстью киргиза сарт может проехать два дня... Показывается во тьме аул, издали освещенные юрты похожи на низкую звезду, вблизи фонарь светится... Вечер у Кали: у архаров зубы плохие, скоро съедаются о камни, едят черный мох... Кололи барана: связали, благословили, и будто самовар вылили...

Паление головы: женщина железным прутом опалила, выжгла железом и вымыла дочиста. Даур-бек делит части барана, все чередом: чередом подходили к варению... кизяки в два аршина диаметром. Дм. Ив. закусывает курицей: курица на закуску... — Съедаете барана? — С половинкой управляюсь. — Еда молчаливая... Козлоногий мальчик в шкуре. Раздевание при женщинах: стеление постелей... Надо уйти! небо сентябрьское со звездами над головой... закройте небо (люк), закрывают палкой и веревкой... Костра не тушат: ураза, решили они не спать до рассвета (утренней пищи), по случаю уразы съесть остатки барана.

О чем мы разговаривали в этот вечер: о том, что из турпаков делают детям шапочки... об архарах и т. д.

Картина общей еды: в разных местах грызут кости: ураза.

Из разговоров: в соседнем ауле жених отказался от невесты, а она за нового, всё по соглашению. Даур-бек смеется надо мной... насмешливость киргиз.

4 Сентября. Утром... Вечером мы ехали и говорили: — Вот озеро... вот другое озеро... — а утром оно белое, сухое. Из разговора вчера: завтра надеялся убить дрофу...

Как ловить орлов, ястребов и беркутов, на верху горы сесть (ниже...) Приручение: на веревку садят, колпачок и спать не дают, и есть не дают, потом дают вареное мясо... Привязывают на веревку и шевелят, манят...

Утро, сухое белое озеро, верблюд ест соль, аул, который вчера светился, козы отправляются в степь, за ними бараны, коз всегда в стадо, чтобы лучше ходили овцы. Фиолетовые (страшные) края соленого озера. Верблюд будто пьет...

Вчера всё думал: как слово «да»? и решил кивнуть головой и промычать: э...

Едем с Лазарем, впереди Дм. Ив. Лазарь едет к богачу Турсунову, он подарил ему граммофон, и тот вот уже сколько времени зовет Лазаря побывать у себя, получить подарок, жена Лазаря посоветовала взять хорошую выездную лошадь: это называется состоять в тамырстве (тамыр — подарок).

Долина с верблюдами... Марево в долине Джарлы. Лазарь раз принял телеграфные столбы за караван верблюдов (идет как марево)...

Как вчера ночью мальчик всю ночь кричал на волков.

Буран в степи пыльный: Дм. Ив. пылит — это не Дм. Ив., а буран. Пройдет лошадь по дороге, и буран... впереди.

Перекати-поле... После долины Джарлы: местность, где с поля глядят сфинксы...

Каждый камень можно принять за аул... Да ведь это аул. И мы свернули к аулу...

На меня указывают пальцем: петербургский архар.

Дали лошадей...

Верблюды... Буран (верблюд в степи несется как зверь). Буран вырывает котелок у уполномоченного и шест...

Утром на небе были такие маленькие облачка, одна светлая гряда, и из нее все...

Вечер без звезд... Дождь будет... Остановились... Далеко аул. Дм. Ив.: «Аул близко, а дороги нет... ха, ха, ха...» Д. И.

удаляется в тьму... Ищут — не находят. Едем куда-то ... Там звезды... Или огонь? Нет, это волчишка бегает... Ложимся на землю, слышим лай собак... Кали не хочет ехать никуда: устал, ураза... Чудятся во тьме огни и огни... Вместо чая фруктовая вода и ляжки барана, освещение кизяком... искать воду — не нашли, а зимовка возле, но там блохи... К тому же показались две звезды... ночевать в степи, и видны две сходящиеся горы... Кали режет кости... Ложимся между арбами... Звезды... Думаю: вот жизнь охотника, можно же ночевать в степи... Раздеваемся, как следует... Дождь. Думаю, ничего... Д. И. подобрался и захрапел... Кали, распростертый на камне... Под телегой Д. И. Под другую телегу... Капает. Не спал всю ночь... Лошади отдохнули, их спутали и пустили.

5 Сентября. Утро. Зимовка: 10 зимовок... обогреться и обсушиться, поиски воды... Вода, молоко, цедим чай на кизяке. Ну, слава Богу, мало-мало отжил... Дым... зимовка... Как курил Д. И. под дождем в одной рубашке... Сначала лошадей привязали сзади (нельзя кормить сразу), и они нам мешали...

Вожжами достали воды...

Саптама-етык — теплые сапоги. Купы — теплый халат на верблюжьей шерсти.

Необходимость калош для приличия у киргиз.

Джаман-Тас. Едешь и смотришь на камни, и вдруг вспомнишь — с сентября, теперь у нас, у террасы астры холодные...

Когда подъезжали к аулу Кали, то небо было как раскинутая карта...

Наши охотники бросили уразу... Выехали уже под вечер...

В долине около Джаман-Таса путь наш пересекли три киргиза... Ловля лошади на холме, в долине... Канитель. Поймали маленькую, серую.

Буран налетел, снежный, с облаками... С облаков будто стреляют: полетит и ударит... Темные полосы, бледные, будто волосы, спущенные над долиной... Доехали до аула

промерзшие...Кызыл-Тау видно в 7 верстах... красный камень... Много архаров... Верблюдов много и скота, но лошади нет... едят жареную пшеницу... полна юрта голодных ртов, глядят... Хозяин не может нас пустить, потому что и сам пойдет в другую юрту, если только проедем туда.

Молодухи... одна в платке, значит, 1-й год замужем, потом наденет, как другие, белый головной убор: киймишек, в других местах убор сложнее: называется джаулык.

6 Сентября. Хотели встать с рассветом, когда они едят. Но не проснулись — весь аул проспал. Есть хочется... Идем с Кали уток стрелять на речке, заросшей тальником... Увидели: утки как поплавки... ползли... Кали ползет. Подстрелили, одна кружится... та, которая кружится, поднимается на воздух (Кали чуть-чуть не схватил с берега), и в воздухе круги, и исчезает... Дупель...

Едем... Белый значок топографов. Белые палатки... Свернули в горы... тут расписано красными осинами и березками. Тип тетеревей. Вот охотничье место. Охотничий день, серый... хорошо... Для охотника нет выбора в погоде, мы хозяева погоды... Выбор места: у воды, у деревьев — после нам оказалось нехорошо: нужно подальше от леса, а то нападают лисицы...

Качается, кланяется что-то, вижу круг... Это верблюд, нагруженный юртой, едет старик на верблюде... Это Лазарь нанял, а сам ночевал в ближайшем ауле, привез барана... Поставили юрту в $^3/_4$ часа: человек с палкой держит круг, другие вставляют, я привязал одну палочку, поставили чий, обтянули кошмой, сверху накинули кошму — и готово... Верблюду: Шок-чек, и он лег.

Своя юрта. Радость... Д. И. повесил хомут и вожжи как хозяин у ковра, и выпил здорово... Закололи барана... Д. И.: глядите, мясо шевелится... Объяснение: раз волк заел козленка, тоже мясо шевелилось; мулла разрешил есть: плохо зарезано, кровь... Все мясо шевелится... Теперь не будет. Д. И.: нет, шевелится. Д. И. задумался и смотрит... Стали говорить: есть не будем. Он сконфузился: съедим,

если оно и прыгать будет... Лазарь натягивает мясо на вилы, расправляет и обжаривает шерсть. Теперь не будет.

Кали прямо по приезде залег на вершину горы и сидит как камень. Труба подзорная не годилась.

Архары.

На скалах, за деревьями, смотрю: вижу, склоненная голова и темная точка. Группа киргиз с ружьями... На коней! Кали с Дм. Ив. подъезжали кругами... В ущелье Лазарь с Т. Я на гору с лесничим: он каждую сопку знает... Позади... Выстрел... Мечется коричневое, падает, бежит, еще выстрелы, под ногой выстрел с эхом...

Едет... Держит за рога... кровь из бока, пробитого насквозь пулей, голова, глаза, какие глаза... так и остались — и гордые, и, как горы, дикие... Так... посадка головы... радость охотников. Дм. Ив.: славные окорока. Сытые... Молоко бежит... Освежевали... Развесили туши... Голова так и осталась такою же... Мое скверное настроение: от вида убитого животного или оттого, что устал.

Под вечер ездили ставить сеть на беркутов. Смотрел архаров... Горы с дырами... Дикое место с башнями и уснувшими дворцами... Тут поставили сеть конусом... вырубили шесть кольев для этого, внутрь сердце и печень архара... орел не может сразу подняться, и потому сверху открыто... хорошо бы поймать сороку: будто бы клюет печень... Киргизы рыли чеснок... Старик какой-то присоседился к нам: он молился на камнях перед закатом солнца... Потом до вечера в долине у воды и березняка, и тальника, и на лугу, и на степи искали следов архара... видели... Дикое место: не коснулись... Заглянули в темную зимовку... Башни, будто тех народов... Ехали в ущелье в тишине: молчите, архары. Нашли кости архара... Когда ставили сеть: лошадей пустили, тумаки сбросили...

Вечером Лазарь и Дм. Ив. окончательно и безнадежно отдались киргизам...

Л.: — Я бы тут жил и жил.

Дм. Ив.: — Дня три еще могу, а больше нет.

Лазарь становится охотником... Можно ли сделаться охотником... Д. И. плохо стреляет, а все-таки охотник...

Решили на утро разделиться. Я хочу с Калием.

7 Сентября. Я с Калием. Выслеживание: поднимаемся на лошади по горе. У меня маленькая серая, у него рыжая... Бросаем лошадей: они никуда не уйдут... Хватаемся за холодные камни, лужицы от снега: кружки с водой, от них дыры, лошади пьют отсюда, ветер сдувает с горы; горы, грибы, на самом верху пастушьи заметки: принимаешь за естественные... Мало звуков, тишина, беркут махнул над долиной, внизу узоры березок... Раз выглянули: архар бежит... Дм. Ив. испугался... Он бежит, что-то желтоватое и белое... и скрылся в горах... Другой раз выглянули сверху, а близко внизу один архар, мгновенье и другое мгновенье... Мы за ним... к другой горе: не видно... Это архар. Камень... К третьей... Костюм Кали: бешмет [стеганый], шапка архарья, лежит как камень, оглядывается... Не я ли испугал? Нет, Дм. Иван. Кали: архар спать хочет. Полдень: архары поднимаются в горы и спят, не увидишь, сторожкие, когда спят. В аул ехать. Наша юрта стала называться аулом.

Дома в обед: Дм. Ив. все про убитого архара. — Я хотел его в лоб, но взял повыше... Как только из дому выедешь, так заусеницы: режет заусеницы... У киргиз никогда не бывает заусениц, потому что руками едят, смазывают салом руки...

Как прошел этот вечер... Кажется, опять все вместе, или нет: мы с Кали вместе... но предварительно будим Дм. Ив. — Ну ладно, все-таки не дома. Славно.

Заехали в дикие горы... Каковы они при луне? Пепельные... Блестит слюда... Дм. Ив. с лесничим отдельно. Страшные пропасти: мосты железнодорожные... Иногда держусь за <*1 нрзб.*>, чтобы не упасть... Заехали наверх... Кали скрылся... В ожидании разглядываю камни, вытаскиваем плиты, топаз, [плиты] мрамора. Долго ждали. Кали вернулся, усталый. Сердится. Токмет пристал. Для скорости спуск. Бий-джан... Я впереди, бешмет развевается, я в чепчике, чтобы архары не видели. По этому спуску

когда-то Дм. Ив. по снегу съехал... только камни. Суворовский перевал.

Вечер: добродушный смех... Раньше я начал протестовать: смеются, что не умею зауздить лошадь, что сажусь с правой стороны... спорю: Лазарь сердится...

Вечер: три черные камня, окорок для крестьянского начальника, блестит серебром стаканчик Дм. Ив-ча. Киргизы говорят хорошее про меня...

Кто-то сказал: чай жидок. Кали ответил: — Кайнаткан суда каснет бар — в вареной воде есть особая сила духа.

Лазарь говорит: — Он никогда не забывался так, как сегодня.

8 Сентября. Кали встал ночью, и, как молотилка, упорно: — Вставай, Дмитр. Иванович... — раз сто, — чай готов... Айда, ребята, пойдем архар стрелять... Дмитр. Иванович!

Дм. Ив. поднимается: вторая стадия. Теперь нужно еще угреть...

Дм. Ив. пробуждается: тумак в головах, бешмет и [штаны] — одет, под ним кошма и одеяло...

Он просит гребенку: пока не почешется, все в голове что-то копается... Умывается из чайника. Вот удивительно!

Вчера на ночь говорили пословицы:

1. Пост и моление хороши при сытости, а чалма чересчур фанатичного муллы лежит в говне.

2. Щука сплела вершины сосен (т. е. такая нелепица).

3. Когда есть у тебя конь-иноходец, езди, узнавай страны, земли; когда есть чем угостить, угощай народ.

4. Кто много ездил, тот знает, что далеко и [что] близко; кто много пережил, тот знает, что сладко и что горько.

Выезжаем рано по расчету: архары утром должны спускаться в долины, и их захватить.

Вчера вечером при свече: Дм. Ив., голый, ищет клещи: один, а сколько хлопот наделал. Другой... Клещ... Клещи попали, у меня ноги в пятнах... Бараньи клещи. Неудачно выбранное место...

Система Кали — удрать от компании, я заметил это и удираю. Он говорит: — Дм. Ив. испугал архар, они в горах... — Едем туда.

При бесплодных поисках похоже, будто ищешь квартиру в Петербурге... Вдруг Кали попятился... архар! К другой горе, к третьей... Архар... не камень. У ручья плоская гора, на ней что-то темное... Предварительно я все принимаю за архара... Нахожу темное... Спит! Сколько времени лежим! Не боимся, что кто-нибудь спугнет: никого нет... В природе все само собой, медленно, проснется — медленно пойдет к воде... Изучение местности. Степь желтая, на ней синие далекие горы: Нарчокуль... и близкие... какой же архар? Кали: голову наклонил... Спит... Не иначе как из-за того камня... пойдет из-за того камня и сюда побежит — стреляй, свисти... и он остановится... Уходит... шаги по камням, молчание... не видно, где прошел: за нашей горой... за лесом, и вдруг появился... я к нему: камень.

Как показалась лисица на горе, метнулась, остановилась, оглядела и опять исчезла... Тетерев смирный на дереве и на скале... Нет архара... Видели орлиное гнездо: прутья между тремя громадными китайскими болванами.

Я не ориентируюсь в местности, Кали — сразу... но я схватываю ее сущность.

Я и Кали. К архару-камню: направо камни окружены березками, внизу пепельный остров долины... горизонт — синее и желтое, и колеблющееся в волнах море желтое.

Токмет пристал. Едут два всадника... Переводчик... Потом мы замечаем еще две лошади... Для Кали важно: а ведь это не те две лошади.

В этих диких скалах так хочется остаться одному, но если приедешь один, то пустыня задавит дух, и только так кажется, что один что-то важное сделаешь: все дробит на мелкие части.

Выслеживание Кали: сколько он лежит на камнях, как не утомляет однообразие подъема, его выслеживание по закону природы, так должно быть (у него и поговорка

есть такая)... так же медленно и архары, покормившись, уйдут в горы спать.

Интересно, как оставляют лошадь в горах и не боятся, что уйдет.

Не то арба скрипит, не то ребенок плачет, а это баба едет на верблюде... в нашем ауле постоянно гости кормятся... Вечер: едим голову архара: как называется смесь лука, мозгов, ýха (головное), это Дм. Ив. ест прямо горстями... потом этими же руками чистит сбрую лошади, одной рукой, другой ловит жир.

Опять я вспоминаю: для охотника нет погоды... есть природа, то же и для путешественника...

Вечером ездил с Лазарем к фазану в степь... Палатка... Нет дыма. Инстинкт подсказывает! Анализ: я постоял в поле и [увидел] путь...

Характер мой и Лазаря... Поселки: Картытюлькю и Булькульдак.

Кулиджа — самец архар. Какпек-кулиджа — трехлетний архар... Актамак (белое горло) — самый крупный и хороший кулиджа.

Бий-джамбасы — название нашего аула — басы — пещера-бессмертие.

Могилы большей частью у дорог, чтобы проезжие молились.

5. Горы и камни портит ветер, племя Адама портят слова (плохие).

6. У меня в ауле круг, и все рассказывают мне изречения, как в древние времена: обычай сказать что-нибудь, последний не мог сказать, ему смертная казнь, он говорит: «многие рты уничтожают один рот». Ему на это: если ты это мог сказать, то, значит, не уничтожают — и помиловали.

7. Невиданное место имеет много углублений и ям (для того, кто не видел).

9 Сентября. Лазарь уезжает, вернется завтра вечером. Я к студентам. По степи верхом... Виднеются на

воздухе два человека, а два кругом ходят: бурата. Разговор с ними: земля хорошая, воды нет, арыками поливать. Ник. Вас.: три разряда земель: 1) люцерна, корочанник, желтые; 2) ковыль (шильник): хлебопашество и выпас; 3) солончаки и редкий ковыль.

В трех участках около 14 тыс. десятин. По названиям киргиз может судить о местности. Хлеб в Семиречье 20 к., в Каркаралинске 1.70 к.

У второго студента...

Кудай берген — Бог пошлет (архара).

Дома: ищу глазами шкуру... нет... Убит второй архар, освежеван, показывают на мясо. Убит наповал в горло...

Чиновничий [переселенческий] пункт: вопят богатые киргизы и бедные, нуждающиеся в хлебе... урожай дается в это лето сам-пять...

Украден филей. Кали вопит: настоящий киргиз. Даурбек приносит: лесничий украл. Больше нет разговоров.

Ковыль — куде. Полынь — джусан.

10 Сентября. Буженье Д. Ив-ча. Звезды... Рассвет: золотые горы, потом черные... Едем... Мороз... руки в рукава... Трава в алмазах: думал, роса, а это льдинки... Д. Ив. отъехал в сторону плавно по долине... Мы видим свежий след по росяной траве... Кали упал с лошади, крадется, выглядывает... Д. И. испуган: появляются на долине. Через тальник движутся... хочу стрелять... не дает... остановились, я стреляю... отпрыгнули и еще остановились... убегают далеко, и тут Дм. Ив. — бух.

Мы сердимся. Д. И. надувается и весь красный: — Вы испугали!

Мы идем по следам на песку... Сколько следов! Кали упал... Подкрадывается бегом... По долине идут архары, много... Покушали, идут спокойно в горы спать, одни останавливаются, покушают и дальше идут... Какая чистота... в долине сколько... Как не хочется стрелять... Стреляю: мимо, бегут, на камнях пригорок, останавливаются, глядят оттуда... еще раз стреляю... еще бегут... и тут Дм. Ив. — бух! бух!

Дм. Ив. лежит на камне, веселый: душа поэта не стерпела... Возле него лужа... Покурить!

Повыше взял.

Дальше... Д. И. опять в долину, мы в горы... Нашли место, где спал кулиджа — на песке в камнях, за ветром, наверху видно ему далеко...

Живут эти звери такой чистою жизнью, никому не обязаны...

Сколько мы изъездили гор с Кали: кулиджи нет...

Показался Д. И., машет рукой, думали — архар, он смеется, просит следовать за собой: «тут есть архары», а это зимовка с водой и травой, садится, курит, кони пасутся... хочет нас оставить до вечера, ложится и храпит...

— Ты уезжай с Кали домой...

Завтра мы уедем... а Дм. Ив. спит и будет спать...

Вчера: Т. выследил архаров, стрелял на 50 шагов и промахнулся.

Выпили чаю... А Дм. Ив. все спит в поле... Поехали с Кали... к орлиной сети. Увидели свежий след... Мне мелькнуло между горами: архары спокойные движутся... Кали. Привязать лошадь к ползучей сосне... Еще далеко... и другой... Кулиджа есть! Пасутся... Один кажется такой большой... Кали долго целится... Все бегут... от нас... одна к нам... Останавливается: я пустил пулю, взял выше: пыль на степи. Одна самка идет на нас... Кали пускает пули... Издали из-за кустов смотрит небольшой ягненок... а она все бежит на нас, безумная... Я стреляю в того ягненка...

Какое двойственное отношение: невероятно жалко, и стреляю... Она падает... Она останавливается... голова ее... падает... видно белое... падает у камней и куста... Ранена в середину... Молодец Кали... Самка сытая, молоко бежит... А Дм. Ив. все спит... Приехали, говорит, он крался к этим архарам...

Теперь вся юрта увешена красными телами... Вверху коптят окорока для крестьянского начальника...

Убита в 1/2 пятого, когда к вечеру архары спускаются в долины...

8. Лесник опять украл филей... Есть пословица: красноречие принадлежит всем, дело рук охотника пополам...

Бывает, убьет охотник лисицу, берет аксакал, а охотнику только лапка.

Я стараюсь изгладить свое неудовольствие этой пословицей, а у меня отвинтили часть подзорной трубы. Приносят. Если бы я был один, меня бы обворовали и довели до жареной пшеницы.

9. Молодая сноха хотя и бедная, но должна быть счастливой, а пастух хотя и худой, лишь бы стадо его было цело.

10. Если хороший гость, с хорошими пожеланиями, то овца принесет двух ягнят, если с худыми, последнюю задавит волк.

Какой теплый вечер после такого дня охоты... Ночь окружает юрту... Черная рама гор со всех сторон... На черной горе показалась звезда, и другая, и на небе звезды, луна... впадины гор блестят... топор заблестел и оглобли, в темноте лошадь оседланная. — Карауль всю ночь, завтра поедем... — Сидим все кружком перед юртой... тени яснее и длиннее... большая тишина... Кони жуют и жуют. Какой тонкий Кали... Добрый Дм. Ив., равный даже с человеком, питающимся жареной пшеницей (растяпой).

Светится уже нам аул в долине Бий-джан. Человек из соседнего аула, вернувшийся из Мекки: прихлебатель.

Вчера долина, когда выезжали — позади черная кайма, впереди лунные горы.

А как теперь в тех диких горах?

Дм. Ив. просит свою лошадь. Тут она и ест, и так ездят, сена дадут, а в бору ни х.., с позволения сказать.

Приехал Лазарь, привез Турсунова и с ним человека. Сын Турсунова, счастливый (счастье: лошадь и красивая жена), уселся, молчит... Тупой топот. Токмет схватывает ружье: волк гонит табун... Женские голоса, барышни приехали... Их на три почетные места: возле Дм. Ив. и Лазаря, дальше Турсунов и все другие; красные степные лица, красные кровяные тела архаров, черный Кали с 1 диа-

метра винтовкой: кровь и огонь... и ребра юрты, и звезды вверху.

У вас юрта без звезд! Как хорош огонь!

Съедание архара руками... Вычищение костей ножом... Едят, фыркают... Кусочки лука... Соленый бульон... Дорвались до мяса...

Первобытная жизнь.

Да, наш аул соединен не родственным, а охотничьим чувством — настоящая семья...

Кали хорош. Даур-бек хлопочет...

Барышня Соколова и Лазарь... У него мало общего с женой... дети соединяют... надеется, что детей устроит и бросит... а если такая барышня...

Уезжают... Всадник без головы...

11 Сентября. Не выспался... Кали: — Спать не надо! Едем убить кулиджу. — Ветер в горах... с высоты степь — море... синие волны... и тут взмах — и черное, и останавливается, в желтом и синем что-то волнуется. Приехали к орлиному гнезду... Взяли сеть. Есть в горах коленопреклоненная женщина с молитвенником в руках, есть тут дворец с башнями, есть морж, есть распростертый Мефистофель и есть лягушка с раскрытым ртом, есть клюв орла...

Лазарь рассказывал о барынте: ехал вчера, вверху человек 50 киргиз, внизу у реки тоже... Верхние в месть (их человека сослали за воровство, он вернулся и взбудоражил) порезали лошадей, поели и сами готовы на уступки, все с ружьями — барынта.

К вчерашнему вечеру: стулья из бешмета для барышней, у двери человек с пшеницей и горец — два типа: степной и горный, землепашец и кочевник.

Наши лошади: чубарая (пятна по белому — пестрая)... мухартая карая (гнедая), гнедо-карая (красная), саврасая (кремовая)... Вчера скопился целый табун: 18 лошадей... Связь с аулом... путы украли... верблюд, бык.

Сцена с путами... Конец: следы замести. Награда сухарями...

Долгие сборы: Дм. Ив. выбивает кошму, пыль летит. Трясет одеяла... Как он ночью ловил клещей... Блоха — это француз...

А старик с сыном вынули ковер, дернули за шнурок, порыв ветра открыл решетку, оказалось внутри белое... чайник, тумак, скатали чий, сложили и скатали кошму...

Горные и степные лошади по подковам — горные и степные киргизы. Лошадь убежала... Ловля лошади общими силами... Кали <*1 нрзб.*> и ловит... Верблюд все время жевал... Обмотали кошмы вокруг горбов направо и налево... Бык поднялся... Старик сел на быка, верблюд закачался. И остались на [дне] долины Бий-джана только горные камни, подстреленная сорока и чистые кости архара. Верблюд закричал, но старик, недовольный, не поднялся. Человек-бык Д. И.: не красна изба углами, а красна пирогами.

Перевалили горы и в этот день только успели добраться до аула Джатаки... Мы пили чай... Раскрытые рты окружили нас... Лазарь: клянусь, что каждый украдет... (Если мы захотим женщину, то нужно сказать старой Куста... (недопис.) Собачье... Проклятие купца: мошенничество. Шалбары — теплые штаны...

— Не лучше ли в клубе? — Нет, черт их возьми, [вино] и карты. Обыграют, еще и не проспишься, день ходишь сонный, а на охоту сходил — придешь свеженький.

— А лучше всего книжку прочитать (Лазарь).

— Хорошо себя чувствую; жиру убавилось...

Назвать истукана Турулова, мамырхан.

Тяжело, когда охотник начинает мушку терять, не разбирать. Дм. Ив. нарочно три раза в день стреляет из окна в камень перед домом.

Д. И. — все добродушие выливается (переполняется) смешком.

Ночью буран снежный.

12 Сентября. Утро: белая снежная степь, белые горы... В дверях лежит голова верблюда на земле, горб в сне-

гу... и думает думу... отдельную... такую далекую от всего этого аула...

Хорошо, что вчера закрыли архаров, а то собаки бы съели.

Я при стрельбе кулиджи вспомнил слова Д. И.: «под шерсточку брать»...

Какие грациозные головы... Какая чистая долина и такие чудесные глаза... И хочется мне сказать: ничего, я вдуну бессмертную душу... я чувствую, что я что-то создам из всего этого... Это жертва для моей работы... И сомнение: что ценнее — жизнь этого прекрасного животного или мое описание... Пусть оно будет прекрасное, но разве сможет зло, кровь?

Едем... в долине Бий-джан. Токмет бунчит... Киргиз всегда сочиняет, быть может, воспевает всю нашу охоту на архара? Рассказывает поэму о Баян.

Показывает на гору — Иман-Кара и Кара в 30 верстах друг от друга. На первой... стояли киргизы, на второй калмыки. Калмыцкий *<1 нрзб.>* увидал, на горе (за 30 верст) стоит девушка с распущенными волосами... А девушка: там стоит казак со впалыми глазами и горбоносый... Девушка велела подоить молока, плеснула им и ушла. А калмык говорит: это не девушка, это орел прилетел и испражнился. Киргизы порезали калмыков.

Наши спутники Кали и Токмет стыдятся заехать в аул: не держат уразу, просят есть в степи. Собираем кизяк... Послал за водой, привозят на веревке два ведра два верховых... На оглобле чайник на кизяке, чашки обкладываем кизяком, из других оглобель палатки...

Холодно. Белые мухи летят... сколько мяса... Киргиз подъехал. Гость. Он султан, уселся на корточках у огня, греет руки, глядит как волк, как мы едим. Что ему надо? Просит хлеба взять с собой (ураза).

Кашаган ат — лошадь, которая не дается ловить.

Курук — палка для ловли лошади.

11. Если товарищ твой кривой, ты старайся поджимать глаз, чтобы быть с ним под пару.

Аулы у горы Бехтау-атау: пещера темная наверху с водой, если переплыть, то занавес каменный, а там другая комната, забраться можно, а вернуться нельзя, там ночуют бесплодные женщины.

Доедем ли мы сегодня до Каркаралов? Нет... Дм. Ив. захотел горячего барана, и заехали в аул Куладжак. Сенопашни, грабли, двор для скота. Аксакал встречает, зовет...

Открыто живет султан: жена, дети в [юрте], хотят пить чай... Лазарь их просит пить вперед, потому что у них ураза. Беркут у дверей без головы... колпачок... Пищит, как детская игрушка... Для него корм: мясо в ковше... Кормят: открывают колпачок... Лучшие беркуты уральские...

Лазарю подарили орла и вороного коня. Орел называется Ак-ыик — белоплечий, он утащил 12 козлят, охотник прицелился в сайгу, в это время упал орел, промахнулся и, ошеломленный, лежит, охотник бросил сайгу и покрыл орла башлыком, завязалась борьба, охотник был ранен...

Вся степь говорит: Лазарь везет подарки от Турсунова. Турсунов поможет Лазарю получить долги кожами за проданные товары. Степное дело... ситцы и проч. дешевле, потом дороже — на кожи, кожа в Семипалатинске. Скупка скота для ярмарки. Мясное дело: свои табуны и подряды.

Аакын — поэт.

Султан учит детей русскому языку. Старший сын для хозяйства, но султан будет учить. А если уйдет? — Нечего делать. Возвращение невозможно. Студент ставил отдельную юрту... Несогласия при покупке кожи и проч. ...

Большая юрта султана. Лазарь вошел — как в зале, палки, как корсет: хорошо поставлены, сундуки и ковры и проч. ...

Джайляу у киргиз общее...

Дм. Ив.: причесывается, вот привычка, а не причешется — рук из головы не выпустит...

Утреннее едение в уразу называется «саресы», утром человек едет по аулу и будит: «Саресы булды».

Вечером Ауз ашар (рот раскрывать, разговеться).

Султан — что-то переходное. Настроение — спокойная мудрость... и спокойные переходы...

13 Сентября. Морозное снежное утро... Озеро со множеством уток. Дм. Ив. в камыши (желтый). Кали ползет как кошка в красном колпачке. Дм. Ив. сидит... стреляют... Кали объезжает озеро, гонит уток на Дм. Ив.... утки пролетели над тем местом, где сидел Дм. Ив., и покатились по воде, будто табуны, будто бегут по воде... всплеснули и сели. А Дм. Ив. запел: Матрешкина мать собиралась умирать, умереть не умерла, только время провела.

14 Сентября. Писание. Местность недалеко от Каркаралов: Алтын-тарак. Баян оставила золотой гребень. Все приметы по дороге.

Теперь архары-самцы в неприступных ущельях спят... Потом перейдут к стаду... По две, по три в семье... У них семьи... Горный мох... Гололедица на архаров...

15 Сентября. Сборы по отъезду: у уездного. Вечер у Лазаря. Чтение поэмы о Баян («Нива» 1839 г., приложение, февр.).

16 Сентября. Перед самым отъездом Як. Вас. (не забыть прислать ему немецкую грамматику) передал письмо от Фроси. И нужно же... Несколько писем от журнала привело меня в дурное настроение. За городом встречает Кали... Что-то лепечет, смущен... Следует ему все-таки выслать обещанное. Возле 1-й станции у телеграфного столба заметили цепу, собрали и остановились полдничать. Лошадей привязали постоять. Поставили телегу на подветренную сторону... Как это хорошо опять становится — быть хозяином своего путешествия на протяжении... Холодно... Журавлиный бисер на горизонте... над нами строятся ряды: учат молодых; жизнь в воздухе и внизу: киргизы кочуют на зимовки. — По-нашему журавля не стреляют: не едят, значит, нельзя. — Расстилают скатерть. Моем руки... Молятся на халате на журавлей... Исак режет... «Кто режет, любой кусок выбирает»... Свой треножник для чайника... У речки Кобчик — метнулся за птичкой и помчался вверх и скрылся, преследуя... Воро-

бьи поселились... Все время кричат журавли. Приходит в голову: все эти Каркаралинские переживания по существу те же, что и в саду маркизы: люди в кривом зеркале, и кто любит то, тот вряд ли может любить людей... Лошади попаслись... Попили воды... Им привязали к мордам мешки с овсом. Из-за ковыля видно, как Исак молится, хватаясь за бороду...

Едем мы 8 верст в час той деловой ездой, которой ездят киргизы.

Свернули с тракта в долину, ту самую, которая ведет к самодуровцам, к горе, за которой они живут: солонцы, аул, степь... Дрофы три, мы подъезжаем, они уходят, разбегаются и летят.

Почему это у Робинзона начало жития кажется так красиво и интересно, а тут не ожидаешь... Четырьмя ровными колеями змеится впереди сухая дорога.

Показались горы Кутай (Кутайская волость).

Закат в степи: зеленые тени в черных горах, синим подчеркнуты горы Кутай, синее — это озеро Балык-куль (рыбное озеро).

На сцену выступает выражение Исака: «кочующая дорога».

Просят войти в землянку, и на небе в долине повисла звезда большая...

17 Сентября. Ясное холодное утро. Морозно: земля стучит.

Происхождение озера Балык-куль: киргиз копал колодец, прочистил, и вот из него побежала вода.

Воры Акаева. Один из них провожает нас на верблюде рысью: как танцует верблюд, особенно задняя нога. Хотели стрелять турпанов с верблюда (турпаны гуляют на берегу), но они улетают. Начинают попадаться один из акаевских приближенных...

Три всадника приближаются. Спрашивают, рады. К аулу... Хозяин высылает аксакалов с приглашением... Отворяет кошму поэт. Кошемная дверь. Хозяин сидит по правую сторону коврика. Сзади него хозяйка в белом платке. Я замечаю возле нее масло и швейную машинку...

Долго сидим в ожидании переводчика... Хозяин указывает на печь железную вместо костра — усовершенствование; черная шапочка на седеющей голове, свесившиеся усы, полузакрытые глаза будто спящие, на самом деле спокойно и хитро думающие. [Странно], хозяин будто спит, а на самом деле распоряжается... Входят поэт и переводчик, учитель и дети... Обмениваются приветствиями, как иностранные короли... Чай с печеньем кондитерским, царская карамель, красные жамки. О переселении: желание, чтоб все оставалось по-старому, страх перед тем, чтобы киргизы не селились поселками. Он уходит. Переводчик объясняет: три юрты хозяина: старшей жены, молодой жены и матери, одна наша, для гостей, и 10 юрт для служащих... Младшая жена (быть может, старшая годами) досталась хозяину после смерти старшего брата. С родственниками живет отдельно из-за пастбища: не хватает всем.

Не угодно ли выйти? Вечереет... Со всех сторон сходятся стада и гости: прослышали, что приехали гости, значит, будут угощать... Старики (аксакалы) собрались в кружок... Серг. Иванович уводит меня к себе в юрту. Он на положении дальнего родственника, был учителем при том же ауле, у него было 40 мальчишек, но нашли «Биржевые Ведомости» и уничтожили школу, теперь торгует... Раньше выпахивал 5 га земли... теперь ни одного. Приглашают к ужину. Вечер... Луна... Стадо лежит между юртами, все юрты кругом вокруг стада, три юрты хозяина отдельно, стадо шумит, как река, как поезд... шу-шу-шу-щу... Одна молодая овца встала, почесалась и опять легла... — А козлы всю ночь будут стоять? — Нет, к утру все будут спать. — Как каменные глыбы лежат верблюды... Ночью от волков стерегут женщины и девушки... Ночью они часто поют...

Полна юрта гостей... Сидят все вокруг. Мое место возле хозяина. Рядом со мной, еще почетнее, два муллы, один в чалме, очень важный... Хозяин спокойно возле громадной деревянной чаши большой ложкой разливает кумыс, то и дело подают ему деревянные чаши, руки хозяина не знают усталости. Сзади него черной кучкой с белой головой сидит маленькая хозяйка, молчит... незаметно рас-

поряжается... У костра на корточках поэт и переводчик... После кумыс... — Вот сколько гостей принимает хозяин! — сказал переводчик. И так каждый день. Ежедневно доится 40 кобылиц, и все двадцать ведер кумыса выпивается. К управителю сегодня много народу. Мне предлагают сходить в другую юрту — матери. И там то же. Здороваюсь со старухой за руку, сажусь рядом, вижу возле себя ее ноги в сапогах. Пью целую чашку кумыса. Радуются. Никто много так не мог: ни мировой, ни другие чиновники русские. — Ах, если бы мой муж-старик был жив, — сказала старуха. Я ответил: — Вряд ли было бы лучше, чем теперь, лучше нельзя. — Это произвело шумное удовольствие. Перехожу назад... Там все поют и готовятся ужинать... Вот так ураза! — А как же так, — спрашиваю я, — где солнце не заходит... — поднимается долгий и оживленный спор... Я спрашиваю: — Мулла сказал, этого не может быть! — Другой сказал: — Не может быть, но нам разрешается. — Не может быть, это против шариата... — Шариат неправ, — сказал хозяин просвещенный, и все засмеялись... — Ну, как же? — спрашивал я, — решим? Один сказал, не может быть, и поверил, другой сказал, разрешается. Баран поспел! Ежедневно режется две скотины. Поэт дает умываться хозяину. Еще кто-то — мулле, начиная с них, поднесли и ко мне таз и полотенце. Хозяин усаживается за отдельным столом с семьей, детьми и табунщиками. Без табунщиков пиршества не обходятся. Перед нами горы мяса... Поливается соленым бульоном с луком... Двое режут...

От кумыса разлилась приятная теплота и дрема, самое благодушное и спокойное состояние... Голова совершенно прошла: лучше фенацитина.

Едят: шум от ртов, мелких костей и кусков и необычайная быстрота еды...

Обряд омовения... Опять [начиная] с того, кто умылся перед едой...

Я забыл, как меня расспрашивали о Петербурге: видел ли я царя, как их всех интересовали мои простые рассказы о Петергофе и Царском Селе.

После еды расходятся... я в палатке... Матрац покрыт простыней... Завтра ехать с беркутом, сегодня такой царский отдых!

18 Сентября. Утром будит С. Светлое утро, морозное, ясное. Беркут спит. Умывание чудесное на воздухе. Стада под предводительством козлов вышли и осыпали склоны... Морозные склоны... Искры блестят. Кобылиц привязывают, т. е. жеребят, доить часа через два... Еще во сне слышал, как колотят... это кошму делают из шерсти, разбивают ее палками, как цепами.

Как вчера после кумыса ночью лунной дети умчались в степь играть...

Чубарый козленок, который раз уже напрасно пытается проникнуть ко мне в палатку. На беркуте надета «томага» — колпак, на колпаке «тумар» — заклинание от лисицы и волка.

Выхожу на гору: табуны пьют воду... стада... аулы и аулы ... довольно сложное хозяйство.

Чаепитие у хозяина... Меня одевают: горностаевый легкий бешмет, сверху халат, саптома етык, пояс туго у самой груди, хозяин вручает нагайку, я иду не в ту сторону... дверь. Хозяин хохочет... Замечательная способность киргиза не церемониться насчет смеха... Хозяин подвязывает к колесу сумочку для бумаг, облицованную серебром, хотя там бумаг никаких нет... Утром, я заметил, пришел человек с синяком у глаза и разбитым носом, сидел, поджав ноги, у юрты хозяина, с жалобой: хотели украсть лошадей и побили... Второй беркут появился, более светлого цвета и меньшего размера. Первый, молодой, коричневый и больной, воспитан птенцом, поэтому его будут приучать брать волка. У меня вороной конь. У хозяина белый. Беркуты начинают прыгать, чувствуя приближение охоты... С вторым беркутом охотник — молодой, худой, славный парень... Другой охотник держит на веревке... Собаки лают, беркуты кричат... Машут громадными крыльями, срываются с рук и падают вниз, и охотник одним ловким движением ставит их на место... В размер крыльев, держит на правой руке. Переводчик с нами... Всего нас пока 5 че-

ловек. Лошадь степного царя: десять верст... Царское спокойствие.

Перед отъездом я ездил посмотреть, как доят кобыл. Мужчина, охватывая ногу, доит сзади, но предварительно дав пососать жеребенку... Молоко как сбитые сливки.

По пути только что перекочевавший аул, еще не одеты юрты и беркут... Взяли его... Другой аул навстречу кочует, и возле этого аула всадник с ружьем и беркутом на руке... Ему что-то сказали, он ответил: «Джарайт» — и скоро нас догнал.

Я еду и приглядываюсь на картину. Какая тонкая собака, как пружинка... особенно хвост — свернула, как сухой сучок. Царский беркут сердится, ему дают клевать серебряный наконечник нагайки... Приехал к аулу дядя Акаева... Он народный судья, толстый-претолстый, представился и сел возле юрты в степи... Тут ему два беркута... один, привязанный, раскачивается и танцует, переступая, другой — раскрывая крылья, все пищат, с одного снимают колпачок и не могут надеть, завязывается долгая борьба... Подъезжает молодой сын бея с кобчиком на руке, он горбоносый, смуглолицый, румянец пробивает через смуглоту... Едем все... И народный судья едет. У него нет беркута, неужели он будет выгонять зайцев? Из этих двух берет одного. Все 4 беркута... Процессия двигается в горы... Загонщик вниз, мы вверх... «Поднятие на Монблан!» — говорит С. Мы расстанавливаемся... Снимают колпачки: глаза пронзительны, смирно смотрит вниз, клюнет и пронзит землю, глядит, блестит коричневый глаз, вдруг сорвется, может быть, увидел, его на место. Колпачок надевают и на следующее место... Дикий крик. Коян! Далеко бежал заяц между сопками, за ним собака, мелькнули за другую сопку, по равнине вниз кто-то на лошади мчится... в заросли... Для орлов слишком далеко, собаки взяли. Передвигаемся опять... Ястребок вырвался и сел неподалеку. Его поманили... он сел на руку. Коян! близко... Пустили орла, он нехотя замахал крыльями и сел возле... Другой тоже... Раздался выстрел, свистнуло что-то, и заяц упал у наших ног... Сочетание охоты орлиной с собаками и ружьем. Поехали

вниз к брату Акаева. Уселись возле юрт у кизяка... Брат слушал доклад брата.

Поднимаемся к скале. Рассаживаемся между камнями. Даль направо... Налево: сопка, вокруг нее бежит заяц... на нас... Орел слетает... спокойно над долиной, меньше и меньше, похож на коршуна, и падает колом и садится, другой, третий орел... все садятся... Заяц в нору... Живо поймают. Каменная нора: нет. Поднимаемся на другую гору... Заяц в долине... За ним полетели орлы.... Я — скакать на сопку... Один орел летит налево, другой сидит на склоне... Его осторожно подзывают... «Уста, Уста», — показывают кусок мяса... Он долго не соглашается... Охотник нарочно не идет к нему... Поднимается и летит к другому... Тот скорее наклонился и увернулся...

Охотники собрались внизу... Опять заяц в норе. Бьют киркой... долго, нора большая — показались задние ноги... как он бьется... его душат... он кричит. С. ломает ногу... Проводник внизу в тальнике, заяц скачет... я возле... орел... страшно... он спокойно над зайцем и вдруг как молния — и какой вид! — запрокинув голову назад, торжество, гордость, всхохлилась голова, когти на голове зайца, кровь струится... заяц все тише и тише кричит... Орлу показывают мясо, он глядит... не выпуская когтей, пока глядит осторожно, режут зайцу горло под лапами орла, он вдруг махнет крыльями и поднимается за мясом, и зайца берут...

Едем к брату Акаева...

Кувардак из лошад. мяса: похоже на дичь. (Как молились охотники).

Плеяда — Уркер; испуганные овцы — испуганные овцы собираются в кучу.

Темир-Казык — железный кол.

Кус жол — птичий путь.

Аулы: там сыч видит, что будет. Вера в них: когда были язычники, то праведники спасались в этих горах. Приснилось богатство — будешь богат. Бехтау-Атау — лучшее аулье (у Балхаша).

Лошадиное мясо... Выехали ночью при луне... — Вон белый конь, вон серый! — сказал С.

Впереди едет ст[арый] царь, походка его лошади, взмах крыльев орла при луне — <*1 нрзб.*> лошади, особенно часто у молодого джигита... Засверкали звезды на степи... Шу-шу — шумит ковыль в ритм шага, все кучкой едут, то молчат, то песня, и тоже в ритм — шу-шу. Красота тесной группы на лошадях... Моя лошадь не поспевает шагом: то отстану, то перегоню. Лошадь мчится. Отставать неприлично. Вдруг Акаев останавливается, и все останавливаются сразу и слушают: где-то собака лает; направление или привычка при воровстве коней... Я пристал к отдельной кучке и быстро с ними. Устал... Наш аул?.. Такой же, но не узнаю; расположение другое и эти каменные горы-верблюды... Остановились... Догнал Акаев... Отдали беркутов... и дальше... Наш аул (кругом)... В палатке полно гостей: из Мекки.

Дикий крик в соседнем ауле, все поднялись: волк! Рассказ, как волка ободрали и пустили... Гостей выгнали. Улеглись, а они опять собрались... За ночь решить вопрос: ехать в Павлодар или Семипалатинск; Уткин сказал, что пароходы не ходят из Семипалатинска. Воспоминания.

Поездка по Джайляу: впереди богатые в экипажах.

Как маленький ястреб птичку ловит: ударил, промахнулся, и птичка утекать — тут не догнать, и пускают ястреба: взяв его горстью... «Ка! Ка!» и он просто взлетает и садится... как вырвался у С. и вместе с веревками улетел.

Когда ночью при луне ехал я и думал: неужели это все только декорация? Неужели связана жизнь этих звезд с жизнью этих людей как-нибудь так, что значение их не потухает...

Как в начале охоты в юрте с орла сняли колпачок, и сначала он, шутя, начал кусать и выбрасывать мясо, и как вдруг разыгрался, и дико засверкали глаза, и стало страшно, и скорей надевать колпачок, но не так легко, и вот долгая борьба... Как и с колпачком [на] охоте и по привычке выглядывает... Как хохлятся перья на голове, когда

овладел зайцем... и весь всхохлился... Как ему наскучит сидеть под колпаком, он встрепыхнется, и вдруг такая масса перьев, как на француженке. Как лошадь копытом землю роет, скачет, и хозяин дает серебряный наконечник нагайки... Хотели поймать волка и лисицу, видеть борьбу, но все проделали на зайце... Он летит над долиной просто, и кажется, будто это мальчики змей пускали.

19 Сентября. Ехать в Павлодар! Заботы и переговоры с Исаком... Его согласие: не брошу. Чай у Акаева с Уткиным... Рассказ Уткина о воровстве... Человек с разбитой физиономией... Акаев пишет пропуск. Уткин вынимает коробку из-под печений и оттуда бумагу и перо, наклоняется к плечу и пишет. Вон юрта: заседание возле <*2 нрзб.*> (суд). Кони на склонах, овцы, аулы... Уткин говорит, меня побаиваются, моя нетактичность... Поэт все время возле меня: очевидно, хочет что-то попросить... Обед для меня: (вот, вот) говядина. Вид вареной говядины на блюде... Прощание с хозяйкой. Хозяин отказывается: проводят... Выезжаем часа в 3 дня... Поэт провожает верхом... Предлагает токая. Я не могу дать денег, скажет, обманул. Я даю ему 70 к.

К вечеру мы приезжаем к дяде Исака — Архарубай. Дома только женщины, гладят меня по голове: кара, кара. Контраст: чайник на кизяке и айран... Солнце садится. Исак молится и молится... Тут возле зимовки <*1 нрзб.*>, а видеть не хочется, и не готово. Мальчик гонит телят с горы и поет и кричит: ой, ла, ла, ла... Спать... Ложусь в тележку: внизу кошма, потом сверху шуба и опять кошма, юрта, захочу глядеть — надеваю шапку и курю (сапоги всегда в ногах, штаны в головах)... Звезда. Я говорю: Шолпан пак. Женщина: нет, Есек-Корган.

Я думаю: в этом народе личность не создалась, разложившийся родовой строй дал на одной стороне воровство, на другой — гостеприимство.

Земля, по-видимому, не очень прочно связана с личностью...

Морозно. Звезды по степи...

18 Зак 4404

Ночью будит бык: трется о тележку, я ему кричу: чу, чу!

А луна все подвигается... Выглянешь, и все не так на небе... Бык! Чу, чу!

Опять выглянул: какие громадные желтые звезды догнали луну, распахнулись в золотой одежде низко-пренизко, и если бы мальчик ловил звезды сачком, как бабочек, то непременно бы поймал эту распахнувшуюся звезду.

Бык все трется. Чу! Чу!

Ахнули собаки все сразу. Сразу выглянул я: волк, где-нибудь волк, быть может, я увижу его, таинственного, и вижу на сопке, серебряная спина исчезла в тени, темная спина за ним, и другая опять серебряная спина... Скрученный крик женщин, выбежал весь аул...

Своим глазом видел волка.

Еще раз выглянул: висит хвост Медведицы, опрокинулась кастрюля, месяц теперь на этой стороне, весь небесный свод передвинулся... Все двигалось... И Есек-корган, и Шолпан передо мной.

В последний раз: солнце позади залило горы, тысячи звезд в степи, бледная, обессиленная луна, впереди оборвался неоконченный [концерт], брошен инструмент, курятся... Исак ловит лошадей... далеко блестит его ведро.

Вчера: хорошо бы проехать сегодня 80 верст, и он говорит: сорву, а потом... Спор... Он по-своему... Его езда 50, самое большее 60 верст в час.

Могилы — черная степная корона.

Схема времени: журавли на юг, киргиз в зимовки, передвигается медленно...

К утру: киргиз кричит что-то киргизу, тот не слышит... о!.. Услыхал друга: э-э!

Показалась в дверях женщина: на ней белый [головной] убор... а на ногах грязные рваные штаны... Как она вчера вошла молодая и стала, и глаза движутся во все стороны...

Как докладывал вчера Исак о женщинах: какое изумление на лицах...

Контраст: черный чайник на кизяках и звездная юрта (дырявая).

Я странный человек... или ненужный: как все располагается вокруг меня — доброе и злое.

20 Сентября. Едем в Б. Архар-бей провожает. Эта любезность очень полезная: с каждым шагом открываются вершины, и по ним все время рассказывает о пути. По долине сухой — желтая трава у пересохшей реки с деревом посередине... Называется «долина о 5 осинах». Потеряли дорогу: размыло водой. Какая-то видна [тропинка] к зимовке... Тут гуляют «саджа» — похоже на голубей. Стреляю, улетают: ум-мо-лю-лю... Зимовка богатого киргиза. Прохожу из комнаты в комнату, из стойла в стойло: рисую картину: казак, [сидящий] поджав ноги.

Выхожу... в степь. Большая могила Шоша-бейыт (могила стогом) — почетная. Две точки в степи... Караван... Движутся... Два верховых... Сколько времени проходит: долго. За это время Исак рассказывает, как роют могилы — сверху отверстие — человеку стать, горизонтально только положить тело, завернутое в Ахрет-мата (саван). Верховые оказались две арбы на быках, оглобли привязали веревками к седлу. Едут сено возить в зимовку... Мы пропустили дорогу. Нужно проехать около сухого дерева... Из сухой травы вылетает утка. Объясняется: один рассказывает быстро, другой э-э-э! и [снова] э-э-э... о-о-о-о! — и наконец болдык — понял. Показывает нам: Берыкел, Берыкел! А мы: джарайт, джарайт...

Долина, по которой мы едем, все поднималась к Кызыл-Тау <*1 нрзб.*> (долина о 5 осинах)... Последняя сухая осина от пересохшей речки и больше ничего. Нет: желтый тальничек... И Исак мурлыкал о долине в 5 осин и тальнике. Поднимаемся выше... Хорошая дорога пересекает наш путь. Исак называет нашу дорогу: кочующая дорога (я понимаю: ее смывает). По настоящей кочующей дороге два киргиза и баба верхом гонят трех баранов: отстали от каравана кочующего... догоняют.

Ехали, ехали всё в гору. Киргиз едет... Исак кричит: — Эй, бергелегэт (поди сюда). — Он не слушается... 100 раз кричит Исак, тот улепетывает и издали оглядывается. Русских боится... Это киргиз, лошадь которого останавливается при встрече. Наши лошади карат (вороной) и кулат (саврасый). Если б это около <*1 нрзб.*> мне от Хасана и Исака, то назвал бы: Хасан-карат и Исак-кулат.

Выехали на гору, и сразу аул на границе Каркаралинского и Б. уезда. Женщина в рваных штанах бьет кошму. Сказали, тут возле — закрытый колодец. Привязали лошадей, расположились возле колодца. Попоили лошадей и сами пошли к воде (не знаю, где, догадываюсь). Решили ехать до заката и остановиться, где есть вода, а лучше завтра пораньше выехать; когда ночуешь в степи, а не в ауле, то всегда раньше выедешь. Озеро показалось. Кызыл-Тау и аул правителя. Кызыл-Тау теперь небольшая гора, потому что стоит высоко... Правители все живут у гор, потому что Ныстау тут на горах не так заметается снегом, как в долинах...

Вечереет... Исак молится на коленях, и закат, и озеро... Отдых на молитве: по сторонам глядеть. Тишина... Песня пастуха: динь, динь... вроде струн. Мы не остановились в ауле, но все видно... Тишина. Исак едет за водой с ведром, визжат ручки ведра на всю долину... Пастух замолкает. Тихо идут бараны... Чу!.. Вдруг за аулом между горами над табуном повисла звезда. Озеро розовое: соленое или пресное...

Гам в ауле: волк пойман... Он за курдюки хватает... Волки... Их психология... Архары и волки — противоположности. Символы моих переживаний в городке... Уездный: волк и мельник, и жаль: семья — и волка жаль ободрать...

Человек долга. Долг не им выдуман... глупый долг, но нужно служить... что глупее долга ехать на Чу, но нужно... и человек, весь пепельный, делает зло, ненавидит [службу], но долг и семья.

Спанье: телега с подветренной стороны, она служит и поддувалом. Кошма на степь, сверху шуба. Исак на другой стороне, против лошадей... боится, украдут... если укра-

дут, аул ответит... ответит, даже если <*1 нрзб.*> приведет к аулу...

Степь и волки...

21 Сентября. Легкая прозрачная наволочь, то, что ночью на небе — как пятна выжженной степи... Оранжевая кисея при восходе солнца. Не очень рано в такой холод поднимаются в ауле. Первыми двинулись верблюды... Окружили водопой у горы... Киргиз <*2 нрзб.*> в аулы, но там стада с козлами во главе... Наши лошади не отошли далеко, трава хорошая...

Смешная сцена к Дм. Ив-чу: он заснул в тележке, баба привязала верблюда, утром верблюд увез Д. Ив. — мы искать Дм. Ив., а баба — верблюда и тележку. Даур-бек.

Проснулись в ауле: закурилась юрта, другая...

Не забыть: ночью у аулов стадо обыкновенно караулит девица с песней.

Как гаснут Плеяды при выходе луны (все позднее и позднее восходит луна) — когда слабо — Плеяды видны. Луны нет, небо все в звездах, но наш костер из кизяка заслоняет все небо. Напились чаю... вымыли руки, отвязали лошадей, костер погас, и сразу все небо открылось... и как постепенно светало в долине, хотя не видно луны за горой, и когда она взошла — погасли Плеяды.

Сегодня вода в ведре замерзла, оттаивали глинистую, ночью тушили костер ледяшками.

Вечерние думы... У Лазаря и у всех и в природе все есть, но все это так проходит, но в соприкосновении со мной все светится, вспыхивает какая-то особенная жизнь, и эта жизнь есть жизнь сознания. Но мой личный труд в области сознания: я — такой же, как и они — я; мой труд скучный для других, а результат особенный.

Ночью: но волки кричат скрученным горлом, пронзительно.

Купить немецк. грамматику Якову Васильевичу, очки Дм. Ив-чу.

Опять кочующая дорога... Забрели в заросшую илом речку. Зимовка, возле зимовки две черных юрты... Есть

мужчины? — Джок, — глухой ответ женщин... Поговорили еще: мужчины дома спят; боятся русских. Русскими пугают детей. Едем [дальше]. На горе пастух старик длинной палкой гонит стадо... Он рассказывал о дороге: едем неверно; тут будут тау и тас — гора и камень, надо ехать долинной дорогой. Обещает нам доехать к Б. в 4 дня.

Встретился обоз кочующих киргиз. Впереди мужчина на корове. За ним арба, прикрытая кошмой. Потом женщина на лошади. Потом много женщин в арбе и сзади верблюд, и по бокам верблюда в корзинках детские головы, потом молодой верблюд и старый желтый и старый белый, потом арба, прикрытая кошмой, и в ней множество ребят, всё [окружено] скотом. А впереди мы видели, как подготовляют зимовку, окна вставляют, трещины замазывают, копают лопатами, выметают, топят.

Еще человек встретился с мукой из Павлодара; к вечеру доехали до Б.

Остановились возле пустой зимовки в камнях... в виду Б. горы. Их кудрявые синие шишки были видны еще с Кызыл-Тау, но мы не знали, думали, это видны горы «Смерть калмыкам» (Калмактарга олим).

Исак говорит: степь зеленеет, осенью всегда опять зеленеет степь. Опять зовет одного киргиза, и он опять улепетывает: Бер сосын кет (дай и уйди), раздается напрасный зов Исака...

И все ближе и ближе синяя палатка за желтою степью... Большая синяя палатка и возле [степи] синие маленькие палатки: аул Баян.

— Доедем засветло?

Нужно непременно засветло доехать.

— Может быть!..

Меня раздражало это «может быть», мне непременно нужно доехать, а то я опять не увижу Баян... Но Исаку некуда торопиться, он жалеет лошадей, ему еще нужно будет везти муку из Павлодара.

Красавица Баян — и вот тут Исак с мукой... Вот звезды загораются... Исак все трус*и*т... У них непременно ссора... Необыкновенно отчетливо мелькает мысль: все эти — в руках Исака делают мое же дело, я делаю чье-то дело, но

ни мне, ни Исаку не достанутся плоды наших рук. И мы — поглядеть на нас, тоже такие неинтересные, а интересные над нами звезды, ковры зеленые под ними, покрыт зеленый ковер, и мы под ними как чудовища земляные, прочно спрятаны и кого-то услаждаем.

Виден уже стан. Видно, как [ровным] кругом лежит озеро, окруженное синими горами и лесом... Первые деревья... Лес в синих горах <*2 нрзб.*> подвигается и закрывает... спустились за сопку... все скрылось, опять показалось... как дико...

Такие <*3 нрзб.*> утки близко плавают... Озеро — круговая линия, [синие] горы вокруг, как палатки.

Иду к переселенч. чиновнику: Ник. Александр. Михайловский... Поручение от него: послать Бутурлину <*1 нрзб.*>, спросить, сазда ли это? Если они, то он сообщит...

Из-за охоты приехал, а охота промысловая. Охотник-декадент: правильную охоту желает... Что есть «правильная»? — По-моему, все правильно, что соответствует жизни людей и природе.

Недоволен степью: однообразие. Но он не живет ею... Если бы жил: разнообразие... Половина переселенцев. Картина: переселенцы, Уткин и Акаев.

О непригодности киргизских лошадей.

Из-за куска пахотной земли приходится захватывать громадную массу сопок.

Киргизы ковыряют землю, и русские потом за ними [распахивают].

Земли — тонкие слои, скоро выпахиваются, лет на 5 хватит.

Колодцы: пересыхают и делаются солеными.

Если завтра хорошая погода — еду в гору, плохая — дальше.

22 Сентября. Ночью воет буран. Утро — небо в ярусах, грядами темное серебро нависло, озеро зеленое плещется в черных горах. У дороги могила: прошлый год татарин умер, тут и похоронили...

Ехать три или четыре дня по голой ровной степи, смотреть на могилы и считать телеграфные столбы!..

Всадник с белой головой мчится... Женщина-джигитка, как она держится на седле... Спрашивает... Что она спрашивает? Потеряла мальчика... Мчится дальше...

У Исака все свое: потихонечку поедем. И ехали очень долго верст 30... Среди степи брошенная арба: это бросила та женщина, которая потеряла мальчика.

Обоз останавливается: торговцы, едущие на Баянскую ярмарку. Один [торговец]: — Бычишка красный лысенький пристал, будут спрашивать — скажите. — А где же бычок? — Съели. — Проходит время. Показывается другой караван, и там лысенький бычок... И проходит еще время — мчится всадник: не видали ли красно-лысенького быка?

Первая станция от Баян. Останавливаемся почему-то в зимовке [глиняной], возле станции степь [желтая]. В зимовке молодой киргиз трещины заделывает... Конура... Теперь так понятна радость людей, которые выберутся вон из конуры, понятно, почему они и мясо любят, и хлеб едят с аппетитом, у них как в природе, необыкновенно проста их жизнь... И еще мы как в природе, и Исак такой, как в природе: Бог даст, проедем, если ничего не случится, проедем, может быть, помаленечку, 30 верст [доедем засветло] может быть. Быть в тепле нужно, и вот ради [тепла] зимовка. И когда снова стало тепло, сбросили как скорлупу эту глиняную зимовку, и со стадом в луга... и будут резать баранов, глодать косточки и радоваться.

Сцена вчера: из юрты одна женщина с белой [головой], другая, третья, четвертая, пятая, и выносят [верблюжьи, овечьи мотки] приготовлять кошму.

Буран снежный: думал, лошадь на верху горы, потом <*3 нрзб.*> и этот куст вырос там и трепещется.

Буран... Мы замерзаем... Вечером... Появились хозяева. Старик певун — веселый и скверный внутри... Сам хозяин глядит мрачно, обдумывает и подсказывает подлости... Девиц с синими [губами] заставили петь... Мучают Исака.

23 Сентября. Тепло после бурана... <*2 нрзб.*> полусвет... Это сарт в чалме едет на верблюде. Это баба едет, и там далеко другие.

Что это бежит, мчится... Исак! Собака бежит... Прямо к нам... Велика степь... Одна бежит, отстала от хозяев, и так уже верст за 20... их [невозможно] догнать... Без надежды бежит... Последняя надежда — мы. Но мы не хозяева... Она останавливается, черная с белыми пятнами, худая, и воет... Мы едем, она воет и глядит туда и к нам. Мы не можем помочь, пусто. Она все воет... Повернула к нам: нечего делать. Побежала рядом.

Я сказал: на! на! Она опять отстала и опять принялась выть... Мы [медленно] едем... Она опять к нам, и бесповоротно и безнадежно бежит...

— Аулов мало, все на зимовке...

— [Совсем мало] аулов!

А вот тут все останавливаются, может быть, и есть тут вода... Да... вот колодец хороший, но кругом все стравлено, так что все останавливаются. Мы догадались: дорога такая ровная, что привязали ведра с водой [к арбе], сверху опрокинули деревянную чашку, и вода не расплескивается... Я уже привык иногда писать карандашом.

Степь ровная, как море, желтая... Исак согласен — он видел море. <*3 нрзб.*> от однообразия.

— Исак, похоже на море?

— Может быть.

Телеграфные столбы все подрублены: зимой останавливаются, нечем топить.

Чтобы любить степь, нужно быть кочевником, нужно ездить верхом, сидеть зиму в зимовке, любить скот... Как [сильно] нравится теперь мне трава, потому что я в ней понимаю, а раньше — желтая щетка.

Любовь к природе, как к родине человека, везде одинакова: и в голод степь будет тянуть, [если] в ней родишься... А другая любовь, но другие основания: любовь проходящая мимолетных людей. Две любви.

Степь осенью... Писать о степи осенью... Что тут красивого? (Губернатор: как Швейцария!), но есть две природы: одна похожа на Швейцарию, другая — на березку...

Темнеет... Темная масса с огнем... Спрашиваем: — Есть вода? — Есть вот там, где дерево (то дерево).

Я подхожу к темной массе. Две тени загораживают костер, одна поддувает костер, другая загораживает [ветер], и скот [ходит], и женщины у костра сидят. Я спрашиваю: руки, ноги здоровы?

Какое пастбище. Мы разводим костер... Два костра... Киргиз у того костра приподнялся и в молчаньи глядит сюда, а Исак на него... Женщина и мальчик подходят. Исак пьет. Дает чашку ей выпить, дает сахару кусочек... Женщина уносит кусочек и, видно при костре, дает мужу. Слышно, как тот грызет... Он отправляется смотреть за лошадью, она засыпает... Спит... Тише... Пламя у них тоже угасло. Брызнуло небо... Когда месяц взойдет, так уедут.

Такой теплый вечер после бурана... Арбы скрипят, будто множество собак погрызлось... Это те едут, которые порожние стояли.

Скота ходит (выражение Исака).

Мясо варим... Освещаем лучиной кизяк.

Будто завод работает, а это так телеграфный столб гудит. Какая-то птица редко: у-у, и еще через минуту: у-у-у... кругом; она, должно быть, большая, я ищу ее на звездах, большую, черную. Лежу в тележке... Вспоминается жизнерадостный лесничий и неизбежное превращение его в чиновника, т. е. гибель физическая и духовная... И думается: как-то непременно надо погибнуть, чтобы жить вечно, так ясно видны два человека в себе, и так понятна эта духовная личность, объявившая смерть плотской личности.

— Лошади далеко?

— Нет... вон.

— Соседи еще здесь?

— Здесь...

Делаем выстрелы для волка.

Соседи уехали... Напились чаю и уехали. Хвост Медведицы загнулся вниз, луна на той стороне — скоро рассвет...

Не забыть: вкус баранины в степи, вместе с нею глотаешь и воздух, свежий, как в море.

Матово-розовый рассвет обнаружил озеро Джамантуз (худая соль) и ту единственную березу, где бежит ключ и где Исак брал воду, там все пастбище сбито: там много останавливаются. Для кого эта желтая степь пустая, для кого — чудное пастбище...

Я думал о том небе, которому поклоняются в пустынях со звездами, где нет людей, и только дикие козы перебегают по оазисам.

Какими словами мы [выразим] относительно[сть] природы и людей, как это было видно из моих [впечатлений].

Смутно, как Млечный путь, проносится надо мной какая-то чистая отдельная жизнь у звезд, и так ясно, что кто любит ту жизнь, тот не должен любить людей. И так ясно спрашивается: кто же был Христос, не Он ли соединил это... увел людей к тому звездному миру... который во мне, как Млечный путь... и мы теперь не можем вернуться на землю.

24 Сентября. Не забыть вид тележки, освещенной кострами, с опущенными оглоблями...

Караваны воду в бочонках везут...

Пролетела высоко стая степных скворцов, увидала внизу на дороге своих и с криком спустилась, и другая, и третья, тысячи птиц на дороге (Каратургай).

Дрофа или гриф уселась на [желтую березу]... близко... на другую, на третью...

Неудачные выстрелы.

— Сколько отъехали?

— Не знаю, степь и степь, если бы часы.

Зимовка или обоз? Караван... Тут вода, вероятно, огонь раскладывали. Вода... Варят мясо и чай.

Пробую писать: эти [дорожные впечатления].

Караван из 20 верблюдов... Арба скрипит или верблюд? Киргиз увидел нас. Вода?

Остановились... Арбы скрипнули, верблюды [крикнули] и замерли. Хвосты так и остались в воздухе: которые повыше, которые пониже... Они совсем похожи на дроф, на

больших степных птиц, остановились, опустив головы, поднялись опять и зажевали клювами.

Караван идет, ветер бросает, будто пыль, множество птиц, и они собираются стаями. Я подстрелил одну... Один киргиз караван догнал и взял в <*1 нрзб.*>. У них считается за грех бить несъедобную птицу. Они безжалостны для съедобных животных, а чувство жалости остается к другим... Взяли воды, поехали. Остановились где-то ночевать... Спали до 3-х часов... В 4 ночи при луне выехали, я заснул, проснулся на лугу Иртыша, в виду Павлодар.

25 Сентября. Таким роскошным кажется этот луг после степи и лесов на равнине. Какая радость... Чай у реки... Церкви... Поселки.

Целый день стояли у Иртыша, дожидаясь парома. Азиатская переправа: корову столкнули и проч.

Пароход! Прямо на пароход... как в рай! Знакомство со Степ. Ник. Верещагиным и Антониной Львовной. Их рассказы: как возили маралов на плоту, как они ехали на [паровозе]... Торгуют дикими зверьми...

Киргизы считают перья филина талисманом, ощипят его и голым пустят. Скачущий филин в степи.

Медведя я за человека считаю, это не зверь...

Как ловят тигра: человек в кошме, а другие за ним. [Тигра] увозят в кошме, и все бросаются, душат и бьют...

Вечером: писарь почтовой станции Жарков. Писарь: — Я Вам писал письмо от... — Почему же вы сами не написали? — Не обладаю такой способностью, чтобы написать письмо и [отправить] по моей инициативе.

26 Сентября. Блаженство на пароходе.

Входит девушка, нескладная, развинченная походка, длинная, высокий лоб, белокурая... Какая нескладная! — подумал я. Она подходит ко мне и говорит: — Я одно знаю, что нужна вера и что нужно жить как Толстой, помогать людям.

Я изумлен...

— Кто вы?

— Мой отец служит у Любимова, я перед ним виновата, обманула его... Но я знаю, у меня есть вера, и что за меня молятся...

— А вы ?..

— Нормальна ли? Нормальна и чувствую себя нормальной теперь, но только прежде чем начать что-нибудь, нужно физически поправиться... Мне нужно...

Какая развинченность!..

— Мне лучше бы уединиться в монастырь... Но это надо обдумать... У меня это год тому назад началось, я много читала, а способности у меня слабые... Теперь 26-е число. Вот как раз год, началось 26-го числа того же месяца... Я шесть классов гимназии кончила... Надо как-нибудь помогать людям... А то что же жить так и жить, без толку както...

Сказала и исчезла.

Иван Тимоф. Деев (охотник, чучело).

(послать почт. <*1 нрзб.*> через Пржевальского).

Баба завопила и пошла.

27-го вечером — Омск.

28-го 5 в. из Омска.

2 октября в 3 д. Москва.

3 октября. Москва. 1-й экземпляр книги «Невидимый град».

4-го Петербург. День отдыха.

И как все усложняется сравнительно со степью.

5-го. Чувствую, что есть материал. Куча писем. Ответы.

Стоимость путешествия:

1 августа в Москве 418 р.

5 октября в Петербурге 150 р.

Истрачено 268

+ 100 р. от дяди 100

Истрачено 368

Из них послано Фросе 80

Итого на путеш. 288 р.

140 р. в месяц.

Общий план описания:

Душа охотника. Степь — Баян.

Охотники — чиновники и пастухи.

Описание: охотнич. стиль... каждое встречное животное.

Например:

6 Октября.

1 глава. Степь. Как я попал сюда... Рассказ... Конец: я вру... я видел двух женщин, из них легенда, содержатель просыпается (я писал ночь). Рассвет на соленом озере. Чай и его рассказ (М.).

2 глава. На [охоте] с Исаком. Я охотник. От охоты к поэме о Баян...

3 глава. В городе охотники. Приткнуть в 1-ю главу после рассказа: я как член географического общества... легенда и, как председатель, сам пользуюсь и т. д. (то, что писал Мирович)...

Дворец. Прогулки по городу, татары, *<2 нрзб.>*, тьма. Страх: обо мне узнали по кошемной почте.

Жизнь в городке: непрерывно солнце... Природа на каждый день и лесной пожар и степной — непременно в форме записок в связи с людьми... Например: лесной пожар дал повод усилить надзор (я опишу) — и то, что я проехал на быке.

7 Октября. Вчера вычитал: народная поэзия у киргиз как во времена Гомера. Это мне много даст...

Душевные провалы и воробьиная ночь.

8 Октября. Жена помощника лесничего здесь... Серые глаза красавицы Баян... Поиски Баян...

Звезды тут еще низки, а у нас они выше, а когда-то были так низки, что мальчики сачками, как бабочек, ловили...

Поэзия и жизнь: здесь так это ярко видел — противоположность...

Из причитаний: тоскует, как верблюдица по пропавшему верблюжонку.

Заклевали, как хищные птицы отставших от матери куланов (глаза выклевывают).

Капает молоко из сосцов кобылицы, потерявшей жеребенка.

1) Соленое озеро. 2) Как показалось у Дженаса. 3) У Диван-баши уездн. начальник. 4) За мною (смыслом) уезжают охотники — охота.

Городок — Россия. Я — смысл... И почему я не могу себя так вообразить. Одиссей так откровенно называл себя героем.

Изобразить кошемную почту. Степь... Два всадника встретились, то проехал горбоносый на серой лошади... всю степь... Как это давно... теперь я содержатель соленого озера... Вот оно лежит передо мной [соленое озеро]. Повторение: у них сломалось колесо и т. д. Но довольно, кто же я-то?.. Я — содержатель соленого озера.

Психология убийства: нельзя не стрелять. Киргизы на зимовке — осень (символ), а журавли на юг.

Почему в новой природе я плодотворно работаю, в старой — нет. Почему-то в новой по-новому живешь и ковер земной видишь во всем значении, в родных местах все перепуталось и все смешалось... Тут — в новых местах — смотришь по-новому на старую вещь и только успеваешь говорить: так вот это что, так вот это что!

Сколько в городе проходит забываемых впечатлений, потому что одни вытеснены другими. Вот в саду женщина в черном спит, осенние листья слетают, дети будят — и разбудят!

Соленое озеро.

Назад, вперед — четыре гладких колеи. Вокруг ровное желтое море. Как снег из-под короткой травы — соль. Пустынная степь.

— Ой, Алла!

Молятся Богу, кланяются — сарты там? Нет, караваны верблюдов, киргизы калым везут... Кланяется один, кланяется другой, третий, четвертый, пятый, шестой. Караван идет через степь. Идет к озеру, ой алла!

Нет, это не караваны, это телеграфные столбы качаются в мареве. А озеро?.. Мираж?..

Да нет же, не мираж. Вот уже солнце склоняется. Вот исчезла река, водопад, телеграфные столбы стали прямые, а озеро цело... Но странно — нет камышей, нет черных <*1 нрзб.*> караваном мест. Никто не отдыхает у озера. Птицы нет на фиолетовых странных берегах. Это соленое озеро, и не вода блестит, а соль... Соленое озеро! Ой, Алла!

Я живу в маленьком доме из глинобитного кирпича у самого этого озера. Я имею штатную должность. Озеро принадлежит казне. Каждый год я доставляю 1000 т. пудов соли. Я — содержатель соленого озера. Ой, Алла! — выучился я приговаривать у проезжих сарт и киргиз... Ой, Алла!

Жизнь моя у этого озера однообразна, как телеграфные столбы, как покачивания верблюжьих горбов в перевале... Но какие чудесные миражи я вижу у этого соленого озера. Я вижу мою родину, покрытую садами, рощами. Вижу ручьи... Вижу полную жизни равнину... И так странно подумать, что вся эта родина прямо переходит в эту пустыню... Вот этот розовый закат. Эти странные фиолетовые края, эти травы у реки, похожие на большую губку...

Ой, Алла!

Я — содержатель соленого озера, я занимаю штатную должность... Я [добываю] там соль и соль. Меня, как цепную собаку, привязали сюда... Но никто не [понимает] мою мысль, никто не понимает... описать свою жизнь: как я попал сюда, на это соленое озеро в фиолетовых красках. Я ехал в Сибирь искать лучшей [жизни]...

И все это вранье! Нет, все это правда, это даже больше правды. Я не содержатель соленого озера, я случайный проезжий человек... Но все остальное правда. Я ехал через Урал, он мелькнул передо мной, как седая бровь старика. Видел девушку с серыми глазами... Она мелькнула, как виденье, и исчезла. Потом я встретил жену помощника лесничего. Она завалила меня вещами. Я от нее убежал и, выжидая новых попутчиков, поселился у содержателя соленого озера. Было скучно и странно жить у этого озера, от нечего делать я из моей девушки и из жены помощника

сделал этот рассказ. Вот он просыпается, настоящий содержатель соленого озера...

— Вы все пишете, что вы пишете?

— Я описал вашу жизнь.

Он смеется. Ставит самовар. Присаживаемся к чаю. Я читаю ему. Он смеется и говорит...

— Очень хорошо выписано. Ой, Алла!

Боже мой, как рад я ему, этому мужчине...

Рассказывает про толстую купчиху...

Я бросил почтовую тройку.

Куда я еду... Я еду в степь... Я хочу ее искать, узнать, что это такое... хочу ее изобразить... Я художник в душе, но не верил краскам. И все это я выдумал. Я страстный охотник, когда я охочусь, я сближаюсь с людьми и животными, забываю и потом вспоминаю и записываю... И так получается картина природы. Как охотник я совсем другой человек, и мне не стыдно делать из себя героя, потому что не себя я описываю, а тот мир, который открывается мне как охотнику... который открыт всякому охотнику, если он только захочет описывать свои [переживания], свои ощущения... У настоящего охотника нет слуг... Каждый встречный человек, если он только понимает меня, мне дорог одинаково... Я уж издали узнаю, охотник или нет, если не охотник, то все равно...

Вот, например, Исак, мой переводчик и [проводник] на просторах...

Как охотнику мне мир людей есть продолжение мира животных.

Как охотник... я вырос, но еще [есть] другие места, и так весь мир есть продолжение моей родины. Как охотник я говорю слова из самой глубины природы. Для меня нет дождливых дней... Серые угрюмые дни мне дороже и т. д.

Я хочу изобразить степь... Попробую...

Фью-Чу. Фью-Чу!

Земля — ковер... Чудовища.

Родина хороша... Но лучше путешествия. Тут не спутаны впечатления.

11 Октября. Содержатель соленого озера — в Каркаралинск.

Степь. Какая она? Какая-нибудь она да есть. Я отдаюсь ей... Отдаюсь свободно... Но там я не свободен. Я не знаю, куда направит судьба. Свободен я и не свободен в целом.

Переправа через Иртыш.

Ветер задержал «самолет» на той стороне Иртыша. Здесь скопилось много верблюдов и баранов и быков...

«Самолет» задержал руль парохода у самого берега.

12 Октября. Переправа: по поводу слова «брысь».

Ветер задержал «самолет» на той стороне. Бараны, козлы, лошади, верблюды, всадники все в халатах, на быках, на верблюдах, на [лошадях], черные глаза из-под [малахая]...

— Подождем еще немного, Исак!

— Подождем еще немного, — ответил он.

Стадо быков окружает нас. Старик верхом сидит на баране и щиплет у него на голове шерсть — мотки делает. Верблюд улегся на дороге: у него между горбами на той и другой стороне две корзинки с [маленькими] детьми. Дальше ехать некуда.

— Тпру!

— Как, и у вас тпру?..

— И у них, тоже «тпру», — ответил Исак.

— Вот что...

— Вот что.

«Самолет» подходит к берегу. Масса скота с плота движется на нас. Мы на них... Сзади верблюд, сбоку бык — все напирают... Верблюды плюются — вспомнил я из географии, что если он на меня плюнет...

— Скорей, скорей... Эй вы, но!

— Чу! — стегает лошадей Исак.

— Ах, у вас говорят «чу».

— Да, у нас говорят «чу».

Быки, бараны двинулись... Наших лошадей, повозку оттерли на бок. Меня [задело] нагайкой, Исака с козел спихнул бык. Козел зачем-то залез ко мне на подножку.

— Ай, ай! — кричат дикие степные голоса.

— Ай, ай, Джамантай!

— Исак! мы не попадем.

— Может быть, — отвечает он.

— И еще ждать полдня?

— Может быть.

— Как «может быть»! — кипячусь и злюсь я... Что мне делать. Я не могу ждать... Пусть он тут остается, а я переплыву на ту сторону. Там степь... Вон курится аул на том берегу. Я пойду в аул, буду смотреть, спрашивать, буду трогать и копать эту незнакомую мне землю, разглядывать травы, там есть кусты, похожу в кустах с ружьем... А он пусть стоит...

Я осторожно пробираюсь на плот. Выбираю себе свободное место у руля...

— Ай, ай, — кричат на меня, не то на верблюда и с грохотом вкатывают повозку. Я отбегаю... Две коровы мчатся на меня, я опять отбегаю... Потом быки окружили меня, еще повозка, верблюд, баран. Что-то давит меня в спине... Бык чешет рога об меня. Корова хвостом сбила шляпу, и верблюд... А там с возков люди с красными хвостиками вместо усов хохочут мне прямо в лицо...

— Исак!

Он стоит между двумя горбами верблюда. Корова шлепнула в воду.

— Ха, ха, ха...

Плывет...

Верблюд бухнул...

— Ай, ай, ай! Джамантай.

«Азия!» — в отчаянии шепчу я про себя. Азия!

И вдруг что-то знакомое, такое знакомое узнаю я в этих спокойных фигурах... во всем...

В чем это знакомое?..

В том, что эти люди так спокойно <*3 нрзб.*>... В этих [черных] глазах на желтом лице столько иронии... Что-то неуловимое... Халат, халат... Халатность. Плывущая корова... Вся эта дикая переправа... отчаянные крики и спокойный смех и... Да, это что-то знакомое...

Киргизская степь <*1 нрзб.*> в Сибири... Средняя <*1 нрзб.*> и что-то такое близкое. Что это?..

По арбе я подхожу к тем двум, которые смеялись надо мной. Они мне что-то говорят... Перелезаю через быка...

Перелезаю через верблюда... И вот наконец в своей повозке, нет, мимо... Кошка на моем месте... Откуда эта кошка?

— Брысь! — кричит Исак...

— Как! — изумляюсь я. — И у вас тоже «брысь».

— Да, и у нас тоже «брысь».

— Вот что!

— Вот что.

И вдруг я понимаю все... То знакомое и близкое я теперь понимаю... Не школьные знания о том, что когда-то кочевники окружили славян, что Русь была под игом монголов четыреста лет, что все эти слова заимствованы от них... Нет... Все эти [школьные] сведения я теряю в пути. Я смотрю на все вновь... Не то... А так я понимаю... Я узнаю знакомые черты своих товарищей в тех лицах... Я узнаю всю ту загадочную половину русской жизни...

А корова все плывет...

Пристали на лодке... Между нами и берегом вода... Не теряются «ой! ой!». Кто-то спихивает корову в воду, швыряет баранов, тащит лошадей...

Седлают корову... Верблюд [с корзинкой]. Седлают быка, лошадей. Мужчина на корове, женщина на коне, дети на верблюде...

Чу! Чу!

Пыльные дороги... Сверкают [спины] баранов на солнце, серебряные....

И так подгоняют их всадники в халатах, в шапочках, похожих на детские капоры...

Степь. Не та, знакомая нам, Гоголева и [Толстого] степь с высокими ковылями... Нет, эта степь-пустыня желтая-прежелтая... Быки окружили меня... Как мне быть... Я чувствую, я весь в их распоряжении... Я чувствую себя скованным по рукам и ногам. Негодую... И со смехом вспоминаю, как я смотрел с парохода сюда... в эту степь...

Я смотрел на эти фигуры всадников, отраженных в воде Иртыша. Пароход тронулся. Я видел, как [плывут] к берегу лебеди... Как беркут [поднимается] с песка. Как весь какой-то чистый пейзаж словно омыла волна парохода. Эти верблюды, овцы на берегу. И вспомнились мне

Дафнис и Хлоя, и та природа, которая омывается волной. И вот я теперь тут. Степь передо мной...

Да, и тут моя родина... Боже мой, как необъятно все ее пространство... Есть ли в этом пространстве одна душа, прошел ли по ней...

Четырьмя колеями вьется степная дорога...

— Исак, это похоже на море...

— Может быть! — ответил он.

Путь... Мы подъезжаем к воде...

— Вода?..

Это соленое озеро... Это блестит соль... Как странно *<1 нрзб.>* . Закат на соленом озере с фиолетовыми краями...

Это казенное озеро... В том маленьком черном домике живет содержатель соленого озера — штатная должность...

— Я содержатель соленого озера, — сказал нам хозяин...

— Есть такая должность?

— Есть, штатная...

Два киргиза встречают нас.

13 Октября. Сколько препятствий на пути к звездам...

Что же такое это стремление к природе? Вот пройдет несколько недель, и воспоминания, как птицы, крыльями зашумят вокруг меня... Эти будничные разъединения... переживания у земли, каждое из них будет тянуться к смыслу, искать своего места в целом...

Было когда-то время, о котором мы теперь с такою болью вспоминаем и называем его золотым веком... Люди жили в раю... Но ведь это никогда не было... Это только воспоминания.

И большая низкая звезда — это только воспоминания... Когда-то в этой пустыне была такая кипучая жизнь... Потом все это умерло... И один свидетель этой жизни остался и разбросал по небу эти свои воспоминания...

И все народы, все люди думают, что такое звезды. Все хотят приблизиться к ним, понять их... Но это невоз-

можно... И безумно... Будем лишь обращаться за советом к этим покойникам...

Нужно трудиться... В поте лица нужно копать землю... И когда устанешь, когда сломается лопата и руки повиснут... то мелкие, мелкие звезды, как булибульки со дна стакана, медленно поплывут к небу... Мелкие, мелкие... А потом будут проходить века, они будут все крупнеть и крупнеть...

Новые люди по-новому будут копать землю. И новые будут [думать]... И горе тому, кто живой и сильный перестанет копать эту землю... и поднимет глаза с вопросом о жизни туда, к этим свидетелям неба...

Вот они, эти застывшие фигуры, эти женщины с молитвенником, этот повернутый Мефистофель... эти склоненные сестры.

Да, я понимаю, отчего в пустыне звезды большие, низкие, будто провешенные на нитях лампады...

К звездам, к звездам поднимается эта старая земля... А может быть, звезды спускаются к ней... Это здесь уже... а там, дальше, в совсем голодной пустыне... Там, где только дикие кони спешат перебежать от оазиса к оазису... Туда поднимается земля. Туда опускается небо... И, может быть, где-нибудь в самой дали, где и коней нету и только песок желтый-желтый и воздух чистый-чистый и тишина... И там в особые минуты, в полночь звезды спускаются к самой земле... И там, может быть, совсем маленькие чистые дети бегают с сачком в руках и ловят эти звезды и опять пускают... Ловят и пускают... И так до утра...

Нужно копать и копать.

Что я еще думал в пустыне...

Неизбежно погибнуть... И то, что Христос собрал людей и повел не сюда, не к земле, а от земли к звездам...

Мне временами было так ясно, все понятно, эти пути... Нужно как-то страшно сжаться, вот как эта окаменевшая лисица в ожидании беркута, и будет страшная боль... Тогда нужно еще сильнее стеснить себя, и вот уже боли не будет и откроется прямой путь к звездам. Нужно умереть от себя... Как-то насильно...

Христиане — это люди, влюбленные в звезды, и уходят они туда по своей воле. Но я только не знаю, как они там устраиваются.

Да, я чувствую, как над этим рядом моих бесцельных переживаний, воспоминаний строится какой-то [большой] шатер, купол воздвигается... И вот она построена, моя собственная юрта... И большие старые звезды глядят на меня в отверстие вверху...

Свое собственное небо... Но звезды в нем мелки... Я оставляю, иду под настоящее небо, большое, большое... И так странно — оглядываюсь на эту темную юрту... Кто-нибудь зайдет в нее... Отдохнет... обогреется и тоже увидит в [отверстии вверху] большие блестящие звезды и уйдет... И тоже оглянется...

Маленькая темная юрта под звездами... Нужно запомнить это местечко... Сказать кому... Эта юрта в долине Бийджана, возле кустарника, у ручья.

И еще вот что: от земли к звездам хорошо, но от звезды к земле — нет путей. И потому самые большие и низкие звезды живут по пустыням...

И потому нужно дорожить жизнью: звезда придет.

План. Пейзаж на Иртыше. Публика... Неприятно, но усилие — и они начинают служить... И даже как-то странно: вот сейчас я так отграничивался... А теперь все, все одинаково добрые люди... Служат мне... Киргиз рассказывает поэму о Баян... Оборвал рассказ на том месте, где Баян оставляла приметы, а купец стал искать ее.

Публика высаживается... Я охочусь... Сцена у озера К. и знакомство с Исаком... Он ищет, где красавица Баян потеряла черное перо... Глаза татарки. Можно из <*1 нрзб.*> сцену с книгой Девриена... Баян, Баян, все знают, но разгадать не могут... Я дополню из Дафниса и Хлои... Потом переливчатое: о пустыне... Тревожно-искательное недопонимание, пока не приехали в горы, где Баян потеряла черное перо.

Часть 2-я. В городке поиски Баян: стремление вырваться в степь. Часть 3-я — вырвались на свободу: поиски Баян и охота. Быть может, в 1-й части ни слова об охоте и анализ охоты только с 3-й части. То же и быт киргиз.

Пафос трех частей: 1) Пространство, 2) Жизнь, 3) Жизнь и звезды.

1) Пространство: поездка с Исаком, намеки на мое охотничество, степь; 2) Жизнь; 3) Охота, звезды, природа, киргизы...

Я этнограф. А сюжет? Хочу понять жизнь степи и ищу вторую часть поэмы о Баян... Мои поиски символизируют 1) тягу в степь, 2) мы и степь и т. д. Описываю краешками, не [по самой] сути.

Можно у К. в избушке, после моей охоты встречу с женой помощника лесничего. Раньше она там на пароходе и говорила про Баян... Теперь мы идем с ней. Переправа... Пейзаж степи и соленого озера... Соленое озеро... Мы одни с Исаком. Очарование... А в городе враг: он жандармск. уездн. начальник: он всех нас опишет.

Книга будет такая же, как «Колобок», но цельная, выдержанная. Избежать ошибки «Колобка»: невыдержанность и провалы в этнографию. Избежать ошибок «Невидимого града»: подчинение художественного голой идее.

Если там хорошо с природой, почему же так тянет домой. Откуда эта обычная фальшь любителей природы?.. Возвращаясь, я чувствую прежде всего чисто животные потребности... женщина, еда, чистота и, сквозь эти грубые зовы, страстное желание видеть что-то, сделать что-то, вступить в общение с другими, рассказать о себе... Тут на первых порах ощущается необычайный прилив сил: кажется, горы сдвинешь. И при первом удовлетворении страшная усталость, все эти обманом заявленные силы земли исчезают. Потом равновесие и работа... В результате: частичка жизни — прожито.

Способ работы. Выписывать материалы с подробностями по намеченному плану.

16 Октября. Соленое озеро. Черная избушка на берегу соленого озера... Кто тут может жить?..

— Содержатель соленого озера, — отвечают мне. — Человек добрый, первый во всем уезде, хороший, прямо хороший человек... У него переночуете.

И вот он сам... Этот человек со степным закрытым лицом, с мечтательными глазами...

Есть штатная казенная должность, узнал я, содержатель соленого озера...

— Не может быть!..

— Есть... Это озеро с лучшею солью... [добывают соли] до 1000 т. пудов... А я содержатель...

— Как же вы стали содержателем соленого озера...

— Постепенно... Простите... Вот у меня есть записки. — Содержатель соленого озера дал мне записки. Я стал рассеянно читать, поглядывая на малиновые стрелы заката над соленым озером... и фиолетовые странные края его... Но потом забыл озеро. Все смешно и грустно в этом маленьком рассказе, как грустна и смешна сама должность содержателя соленого озера... Вот выдержка из длинного рассказа: «Тогда я говорю ей: сударыня, не извольте беспокоиться...»

Россия! Родина, дорогая, дорогая моя. Никогда я не... Тут только, на фиолетовых берегах соленого озера, понял я, что люблю тебя, что ты прекрасна...

Тут соленое озеро, а там теперь первые желтые грозди повисли на зеленых березках... И не знаю, что сказать...

Осень — золотое время... Березки... Ручьи... [Осенние желтые] скверы... Астры холодные на балконе... Музыка падающих листьев... Люблю север... Тут нет ничего... Россия!

Я ей говорю: и здесь в пустыне хорошо, посмотрите, какие здесь звезды... Звезды здесь, говорю я ей...

— Большие, — ответила она... — Низкие?

— Да, низкие они... как фонарь... Вот звезда красная, как фонарь. Видите?..

— Да...

Она моя попутчица... Свела нас судьба просто и грубо, бросила в один тарантас, переполненный вещами... Тут была гитара, шляпа, ящик с цыплятами, тут была бутылка с красным вином, ящик с южными цветами. Она положила гитару между нами, шляпу мне за спину, на руки дала мне цыплят, в ноги положила корзинку и бутылку красно-

го вина, под сиденье свои шубы, голова моя приткнулась к верху повозки, ноги согнулись кольцом, меня стиснула.

— Вас не беспокоят вещи? — спрашивает она меня.

— Не извольте беспокоиться — отвечаю я ей... А сам думаю: что же это такое... выдержу так, а если не выдержу... если взбунтуюсь... Нельзя... женщина...

Так я терпел до ночи... Остановились на пикете... ночевать... Спрашиваю ее:

— Сударыня, будьте добры, достаньте мне немного соли...

— Соли? — говорит она... — Как же это вы не захватили.

— У меня она далеко...

И так это меня обидело, возмутило, но сказать ничего не сказал, отрезал кусочек баранины, съел без соли.

Она смотрит на мой ножик и говорит:

— Почему у вас такой большой ножик? Дайте мне его. — И положила к себе под подушку.

И взяла меня досада:

— Сударыня, — спрашиваю я, — за кого вы меня считаете?

— Ни за кого... Так себе... Какой же вы человек, что в дорогу солью не запаслись и ножик отдаете...

И заснула... А я заснуть не могу: такую загадку мне задала, испытать ли хотела, или прямо злобная женщина... Ночью кошка подкралась к цыплятам, запищали... Она кричит с гневом: прогоните, прогоните кошку. Я повиновался... И опять думаю: за кого она меня считает, за лакея что ли своего... Сударыня, говорю я, вы извольте сами заботиться о своих вещах... Как это вы смеете, кричит она на меня... Вы не забывайте, сударь, я женщина... Я и прикусил язык... Утром я встаю... Она чай пьет... Едем день — молчит. У меня ноги вспухли. Она меня спрашивает, заговаривает, я молчу и молчу или отвечаю односложно. Ночь наступает... Холодная, степная... Чибисы кричат, и так странно пищат цыплята попутчицы... Луна взошла... Какие-то рожи глядят с неба... [Цыплята] орут... Холод... Посмотрел я на нее искоса... Она вся горит, трясется, руки дрожат, а в руках все те же три южные цветочка, прикрытые платком...

Вдруг у меня что-то мягкое, мягкое, теплое пробежало по сердцу: вот эта степь-пустыня [желтая], эта старая земля с мертвенно-солеными озерами. И как это странно всё: эти три цветка, и вот уж как третьи сутки... Кому-то везет же она эти цветы, ради кого-то...

И вот эти цветы меня погубили...

Я протянул руку к цветам... Они как-то сами попали мне на колени... Она так и упала назад на подушку...

Помню, что меня грело... Я не чувствовал холода... хотя зубы стучали...

— Вам холодно? — спрашивает меня... И берет за руку... — Какая холодная!.. — Нет, — отвечаю, — теплая... — И опять едем...

Какая-то птица [кричит]. И звезда, всегда черная, летит...

Ложитесь, говорит, и вы на подушку... А как же, спрашиваю, цветы? Ложитесь, говорит... И я ложусь... Голова к голове... И так это странно: враги — лежим на одной подушке...— Здесь большие звезды, — говорит она. — Большие, — отвечаю я... — И низкие...— Как фонари.

Я женился. Я стал искать место. Одно, другое, третье... И вот теперь стал содержателем соленого озера...

И все это вранье!.. Содержатель соленого озера мне не рассказывал этого... А просто, пока этот одинокий и страшно добрый человек... Я сочинил этот маленький рассказ. Основание этого рассказа, впрочем, верное. У моей попутчицы были [гитара, шляпа], были и цыплята, и цветы...

— Бывает, это бывает, — сказал он... — И со мною тоже было, со многими бывало.

Она мне говорила: у меня муж больной... а какой он мужчина... Едемте, говорит, и для вас лучше, и для меня... Я и согласился тоже, как и все, по неопытности. Сначала не замечает, думал, обойдется, обижается. Тоже чего-чего в ней не было. Но думаю: как-нибудь доеду, как-нибудь [вытерплю]. А она мне и говорит: вы чего ворочаетесь!.. Думаю: не обидеть бы человека, то же самое... я начинаю ворочаться, она — кричать. Говорю осторожно: переложить бы следует. Вот, говорит, буду я для вас перекла-

дываться. Я ей отвечал: я думал, как вы более или менее порядочная: так тоже не хотите, как со мной поступаете... в таком случае, кричит... И начинает такую бузу. Доезжаем до [станции]. По прибытии туда она, даже [не глядя в глаза, подает руку: прощайте], какой вы невежа, прямо до [невозможности].

Яков Васил. сказал: — Ну, смотрите, голубчик, как бы вам беды не нажить... Бумаги у вас в порядке? — Я сказал: — У меня есть паспорт. — Это мало, — сказал Яков Васильевич.

Свежо... Чистый воздух. Желтая, желтая степь... Мы едем с Яков Васил. Едем день и ночь, еще день и ночь... Степь... Луна...

Верблюд... Степь волнуется... [Легенда о] Баян... Соленое озеро... И вот горы... Тут Баян потеряла черное перо...

— Красиво?..

— Дико...

Вот дом уездного начальника: вы были там... История этого городка. Жизнь в нем... Экскурсия в степь...

18 Октября. Рассуждение об ободранном волке. Я, христианин, умываю руки, пусть киргизы обдерут волка, я <*1нрзб.*> приручил волка.

Плот: [трещит], а все-таки не рассыпается. Россия.

Что теряют люди, переходя к оседлому быту: ну и лежи.

Есть где-то в Туркестане такая природа, что человек и [не видал].

Остались три обожженные камня и кости животных: человек был.

19 Октября. Я буду описывать осень в степи...

Мои грубые переживания в этой грубой природе както сгущаются в большие задумчивые звезды. И вот они здесь висят над этой желтой [землей] и сожженной травой, над этим соленым мертвым озером со странными фиолетовыми краями.

Звезды — это воспоминания чего-то. Они прекрасны. Прекрасны тоже мои воспоминания...

Я люблю, когда после грозы в майский день капли, капая с листьев, собираются в большие и снова падают до тех пор, пока самые-самые большие задумчиво не повиснут на ветках на целый день... Тогда конец грозе... И большие спокойные капли вспоминают на ветках как непонятно сдвигались тучи на небе и огонь и вода и земля непонятно и грозно объяснялись... О чем?.. Что они хотели сказать? — спрашивают спокойные задумчивые капли после грозы.

И еще светлее и глубже, чем капли на ветках, — звезды на небе в пустыне...

Глаза верблюда... Как уродлив, как нелеп его вид, похожий на птицу... Но почему-то, встречаясь с верблюдом в пустыне, долго не можешь оторвать от него глаз... В этих отрешенных от жизни глазах чудится какой-то сознательный и, главное, давно-давно взятый крест на себя... Что-то бесконечно более глубокое и сильное, но дикое... Нелепость природы и глубочайшее сознание этой нелепости... И вечный укор красивому и упрек...

Мне хочется плакать, когда смотрю на верблюда... Мне хочется думать: нет того... И вот оно есть, когда я гляжу в эти старые глаза... Оно есть, оно неизбежно... Они открывают желтые сопки... холмы степные, тысячи лет лежавшие и ожившие...

У меня есть приятель, похожий на верблюда...

Древняя фигура в горах расплывается, как облако... когда едешь на лошади... Когда лежишь, она остается, и вот коленопреклоненная женщина с молитвенником в руке. А вот она стала Мефистофелем, распростертым на земле... Сколько тогда волнений! Эти склоненные сестры, а одна большая <*3 нрзб.*> я ее видел вчера где-то... Все это напрасные волнения... Не люблю я смотреть на облака... когда каждая фигура говорит — все это неправда, какая это бумажная жизнь в облаках, какая-то карточная здесь.

Странные эти светлые открытые дни в степи... День, два, три — все одинаковые... И открытые ночи... Север никогда не глянет вовсю... А здесь днем весь день с утра

полным глазом глядит солнце... Ночью — полным глазом луна...

Поэма о Козы Корпеш.

1. Черный скворец. 2. Предсказатели о судьбе новорожденных: несчастье, если они когда-нибудь сочетаются браком. Карабай стал колебаться. Ажа-бай, дядя Сары, бай говорит: клятвопреступление — страшный грех, и Бог по вине твоей покарает и сына. Карабай изменяет обещанию. Ажа-бай решает содействовать. 3. Семья Баян: беден калым, Кудар-Кул. Он становится женихом Баян, согласно желанию матери. Ажа-бай уговаривает ее ждать жениха. Предсказатели говорят, что он придет, когда у него вырастет золотая коса... На месте своих кочевок он оставляет Алтын Таран (золотой гребень) и т. д. А Кудар-Кулу дает поручения: когда он выполнит их, тогда она и выйдет замуж: 1) сосчитать бесчисленный скот; 2) во всех местах безводной степи выкопать колодцы; 3) в низменном месте <*3 нрзб.*> чтобы стало озеро обозом в кожаных мехах в течение данного года, а берег обложить солью. И теперь есть озеро Тапсын.

Смерть Карабая. Игра в бабки: попал прямо в веретено и разорвал пряжу своей бабушки. Она обругала: не лучше бы тебе, большому, разыскать невесту! Выпытывает у матери, курмач горячий зажал в руку матери... Мать: брак-несчастье. — Я должен исправить грех отца... — А богатырь Кудар-Кул. Лучшего коня. Вооруженый гайзой (пикой) и клычом (саблей)... Мать и бабушка напустили колдуна. Дикой верблюдицей. Не испугался. Убежал. Бурная река. Бросился прямо в нее, и река исчезла. Ночь, лес на пути, и стал рубить лес клычом, только ударил — лес пропал, [погнался за] лисицей — и в нору... Стреляет в нору. Нагайка золотая... оружие, стремена, [колчан] стрел, когда ничего не осталось, опустил в нору свою косу — золотая. Потом лисица выбежала, но он не стал за ней гнаться — не соблазнила.

Приехал к Баян — аул. Тут сорной травой заросло. Кизяк... костер... Старик идет. — Откуда, бабай? (дедушка). — Али-бай — выгнанный Кудар-кулом. Повторил... спрашивает, покажи косу. Приметы... рассказал и умер. Табун-

щиком... Табунщик назвался Катур-Тази... Баян у небольшого стада и расспрашивает о женихе. Он стал заигрывать, она не обижалась... Раз коза сломала ногу. Упреки... Табунщик в объятия. Она ударила, и голова и шапка упали... глаза открылись, вздохнул, приподнялся и сел.. Три дня и три ночи прожили неразлучно жених с невестой. В конце третьего дня обнял подругу и в объятиях ее умер.

Баян. Велела готовить «ас» (поминальный обед) — для него сорок верблюдиц без верблюжат, сорок кабанов без жеребят, сорок коров без ягнят... и народ туда и ожидать ее в степи у колодца — она приедет с телом. Труп заделали в толстый войлок и ковер. По приезде туда притворилась больной... Выздоровеет, когда молодой джигит достанет из колодца воду... по косе Баян... кто спустится, за того замуж... Обрезала. Эта шутка та же, которую ты сыграла с моим женихом, сказала Баян; чтобы смерть пришла скорее, приказала закидать отверстие лесом и сверху насыпать курган. Велела рыть могилу для нее и жениха.

Поэма о Баян: аксакал возле арбы в степи ночью... Или наверху Каркаралинских гор у Чертова озера на пикнике...

Як бы трошки землицы в Полтаве, так я б в ту бисову землю не поихала.

Развитие впечатлений.

Последний день охоты: ветер, сверху горы видны — взмахи черные окаменелых волн, а там дальше сухой океан, еще дальше в нем синий взмах волн, и еще дальше какая-то жизнь: там океан волнуется, а еще не засох...

23 Октября. Слова из Даля.

Многоязычная толпа. Многополосные халаты. Шапки невиданного покроя. Сухое море — степь. Продетый в носовой хрящ шерстяной аркан, привязывают за хвост предшествующего верблюда... хозяева товаров, подобрав ноги... Ощупывают курдюки. Б. в синем чекмене с позументом по косому вороту, с остроконечной тюбетейкой набекрень. А девка, сидя на земле... основа из верблюжьего гаруса на самоцветную армячину... поправила бархатную, стеклярусом и перьями украшенную шапочку, а старуха [держит] в

одеревенелых руках своих жесткую, черствую сыромять, вымоченную в молоке, прокопченную в дыме...

Подобно таволге и ковылю, прирос он к пустыне.

Ага — старший брат...

Жених берет невесту (за калым), и влюбленный получает, бывает, только завернутую в бумажку алую шелковинку, немного гвоздики и два, три совиных перышка...

Коннорожденный народ.

Подготовляют, подморовывают, подъяровывают степных лошадей.

Девка, в алом бархатном [платье] под золотою стежкою, в трехцветных бухарских сапогах из чешуйчатой ослиной кожи, в острой конической бархатной шапочке, унизанной бисером и украшенной селезневыми и совиными перышками и темно-зеленым, искусно набранным висячим пером, длинными [плетеными] сетками, кистями и плетешками, из разноцветного бисера и стекляруса, — нету кречета на эту [красоту].

Бирге бол! держись.

И она плела, шила, скребла, вязала уздечки, ткала армячину, чинила платье и сбрую отца и братьев, выделывала жеребячьи шкуры на [сапоги] и дохи — вымачивала их в квашеном молоке, привешивала, смазывала бараньим салом: коптила и вышивала их руками — и дождь не промокал ее работы; и она копала и собирала марену и красила козловую замшу и овечьи шкуры; вьючила верблюдов, ставила и сымала кибитку, седлала и подводила отцу и братьям коней; мужчины холятся, валяются на кошмах и коврах, пьют кумыс и спят. Она рядилась при перекочевке в лучшие платья свои, убиралась ожерельями и запястьями, выпрашивала у отца и братьев бойкого скакуна...

Вьючные верблюды, коровы и лошади медленно и задумчиво ставили копыта свои в [следы] друг друга.

Тау, агаш, орман, туйе (гора, дерево, вода, лес, верблюд).

Саба моя полна кумысу, баран всегда найдется для гостей и ковер на подстилку.

Степь — дорога немереная.

В огненное лето пристал я к аулу киргизскому, на скале расположенному.

Из Аничкова — к стилю.

Ехал я на иноходце четырехлетнем... Где теперь сыскать долину для выхода. Нечаянно я попал в пропасть. Брат мой — сабля из лучшей стали. Свитый из лыка русский аркан сильно врезался мне в икры, и на [ноги] надели колодки. Хотя ты (о русский!) и враг мой — завязывай послабее: очень больно, душа моя.

Бекет! не езди ты, душа моя.

Я стонал и надрывался в темнице, как горюет верблюдица по своему верблюжонку.

Лежа поперек арбы, я пел, расшевеливая свое горе.

Я был один от Серик-бая, и хотя один, да герой. Сделавшись главою пятисот воинов и [подняв] белое знамя с черным верхом.

Как ушел ты, Бекет, душа моя, аул мой остался без господина. Подобно матке, у которой пал жеребенок, я пришла к тебе с невысосанными сосцами.

Если пуститься бежать вприпрыжку, то нет никого быстрее зайца. Хочу его поймать, — нет у него хвоста.

Описать Ас (поминки).

Изв. общ. Арх[еология], Ист[ория] и Этногр[афия] <*2 нрзб.*> Т. XIV, г. 1898—1899, стр. 210-211.

Байга — скачки.

Певцов поощряют: «ходда».

Байга: конец ее — кутерьма.

9-й месяц лунного года. Рамазан (пост).

Рай и ад до сотворения мира. В аду из огня Бог создал джинна Мараджи, и из ребра его — жену Мараджи... Они родили сына Азазиль. Он так [огромен], что в аду даже в ладонь не осталось места ни на [что].

Создал этот миф про Адама и Еву, Азазиль отказался повиноваться, потому что она из глины, а он из огня. Азазиль был изгнан и назван: шайтан.

10 Зак 4404

Джеты-каракши (семь воров). Две лошади вращались вокруг Кола. 7 воров не могут приблизиться, а все вертятся.

Плеяды: Уркер. Один из джиннов — Каракма — похитил одну звезду из Уркер себе, младшую сестру, девицу Уркер. Все это видно на небе с древних времен.

Одна птичка моя в одно дыхание долетает до рая, и в одно мгновение до фарыза — мечты.

27 Октября. Наша компания идет караванным составом — рассказ. Шу-шу-шу — овцы... Поездка лунною ночью с орлами... Я отстаю... А они вместе... Озеро и птицы... Караван плывет по пустыне... Верблюд за верблюдом... ближе и ближе...

И это вовсе не верблюды, а телеграфные столбы [колыхались] в мареве.

Песня неразрывна с киргизом: учение детей.

Импровизация: Исак и 5 осин.

Есть момент ощущения природы: я <*1 нрзб.*> и свое... Из себя выйдешь, издали из умершего, и вот природа тогда — декорация: висит луна, звезды все эти блестят и т. д. (когда ехали с орлами) — не есть ли этот момент высшего развития личности...

Русский пейзаж средней России — это какой-то полупейзаж. Любящее сердце открывает в нем свое, милое... Но есть человек... как человек, ставший посторонним, увидит полунамеки, полудогадки... И наскучит, и спросишь себя: когда же, когда наконец я увижу... И вот это соленое озеро: нет!

А с другой стороны: разве везде одинаковы звезды и месяц? Как глядит теперь месяц над Невским проспектом... Или Шолпан... И кто просто скажет: это тот же Шолпан.

И когда потухает свое <*3 нрзб.*>, декорацией кажется то... Сахарная звезда... Сахарный месяц...

8 Ноября. Рассказал Ремизову о своем арабе, о содержателе соленого озера и т. д. Он сказал: вот хорошо, пи-

шите «Степной оборотень» — рассказы, связанные одним фоном природы: степи.

Итак, решено: я степной оборотень.

I. Содержатель соленого озера.

Женщина в ауле: ей снился араб из Мекки.

После белых ночей первая электрическая лампочка встретилась с месяцем. Показались звезды, пока белые. Каждый день надвигалась ночь. Месяц глупел. Лампочки все ярче горели... Месяц постарел, телеграфные проволоки перерезали его, как глубокие морщины. Лампочка, довольная, завела вокруг себя маленькое освещенное хозяйство... Ночь осела над городом. Прощай, электрическая лампочка и телеграфный столб с белой чашечкой, и петух не кричит, и все...

Поезд тоже, вероятно, имел когда-то роман...

28 Ноября. Использовать следующее: картина запечатанных киргизов в зимовке... Журавли летят над ними и строятся... Как они строятся. Ведь тут-то мы видим, все уже готово, они летят треугольником, и... Да, [недавно] я видел над Каменноостровским проспектом летели лебеди... Я подумал, значит, они и над Невским летели... Рассказываю это на днях одному орнитологу, а он мне тоже рассказывает: не только лебеди, а и всякие птицы летят над Петербургом; отворю, говорит, иногда форточку вечером и слышу по крику, вот сегодня кулики летят, или вальдшнепы, или утки. Да, а в степи, там все это начинается. Журавлей тьма! Строятся они наверху, учат молодых... Ведь молодые еще не умеют летать... Какая там наверху жизнь! А киргизы... Ведь я хочу рассказать, сколько потеряло человечество, оседая... Киргизы запечатываются в зимовки...

29 Декабря. Если бы когда-нибудь звезды спустились с неба на землю, как скучно бы нам стало, как тяжело...

[1910?]

12 Января. Основное зло нашей жизни состоит в том, что мы стали невнимательны к каждому отдельному человеку.

Ученые больше других страдают этим грехом.

2 Апреля.

Архары (из путешествия в Сибирь).

1. Без открытого листа.

Без открытого листа у нас нельзя путешествовать, но в Сибири, я думал, этого не нужно: рисовалась она в моем воображении слишком просторною для таких мелочей. Не было и времени выправлять бумагу, и я поехал без открытого листа в киргизскую степь по Алтаю.

Страхи в Омске (распоряжение степного генерал-губернатора): Сибирь не такая просторная. Дальнейшее мое повествование будет о том, как постепенно необъятное понятие Сибири в одном из маленьких степных городков сузилось до микроскопических размеров.

2. Архары.

Я уже себе выработал прием наблюдений природы в [новом месте]. Для того чтобы получить всестороннее впечатление от [места], нужно найти себе какую-нибудь очень твердую цель, случай, по пути заинтересовавший. В этот раз [моя цель была] в виде добычи рогов архара, горного барана, обитающего в недрах Алтая. Все [пароходы] пошли по Иртышу. И вдруг все страхи. Спрашиваю: ни в каком случае. Как быть. Дебоган — жениться. Рыжие архары стадами. Я не доехал до Алтая и поехал в город N.

Михаил Михайлович Пришвин.

Спб. (Санкт-Петербург), Ропшинская, 30 А, кв. 16.

БОГОИСКАТЕЛЬСТВО

[1911]

Новгород.

5 Февраля. День прощения. Воскресение. В Святой Софии архиерей и пристав Сукин, впереди архиерей, позади Сукин дерется. Драка в церкви — характерное русское явление. При входе калеки, а на каменных ядрах мальчишки курят.

Пробуждение весны в феврале. Небо стало высокое, светлое. Как море небо стало, с кораблями на небе. Небо оттаяло... На небе ледоход, там открылось море, а тут все сковано. Утром ярче блестят дневные звезды на снегу, в полдень летит золотая капля, будто с неба. Вечером на красном черная птица, на черных деревьях стаи собираются, и внизу все белое, белое. А на деревьях кора оживает... И радостно, и трепет... волнение. Избушка, занесенная в сугробах, все еще закрыта снегами, выглянула на красной заре красными окнами, и малиновый снег лежит, и голубая тропа: протоптали коровы от избушки дорогу... На площадях собаки собираются. В садике солдаты играют с Машей. Шел солдат к Маше, плюнул возле двери и оправился, и другой солдат шел к Маше и как раз на то же самое место плюнул и оправился, и третий солдат плюнул и оправился — всего тринадцать солдат собралось возле Маши.

Под капелью на площади собрался русский народ, как воробьи; так же, как воробьи, и оглядываются, клюют что-то... и что-то болтают.

На северном небе цветы, только на северном небе я знаю эти нежные цветы, еще в феврале; северное небо весной такое прекрасное, каким никогда не бывает южное

море. С каждым днем все светлее и светлее, все больше и больше на небе цветов, уже и вечерами светло. А на улице сторож по-прежнему зажигает фонари, и стоят они, как пьяные гуляки, не зная, что близко-близко время белых ночей и вечного [невечернего] света.

Жалкий разоренный кинематографщик подходит ко мне и жалуется на губернатора: он разорил его — велел снести здание. Он доказывает мне пользу просветительного своего дела, просит написать о губернаторе в газету.

— На Пасхе будет казнь Марфе Посаднице, — говорит он, — и палач будет, и голову отрубят, и все честь-честью. — Но ведь Марфу Посадницу не казнили: она умерла в ссылке в Нижнем Новгороде. — Об этом будет особо читаться, приедет из Петербурга лектор, — успокаивает меня кинематографщик.

Церковь и кинематограф... Вот они, два полюса здешней убогой жизни. Молодежь в кинематограф, старый в церковь. Меня тошнит от кинематографа, и кажется мне, церковь — единственное убежище, единственная связь этого [нового] мира с прошедшим человечества. Но мне непонятны эти символы, и все пахнет покойником. Природа — вот мое убежище. Там те же вечные законы жизни, как и в церкви, от нее все было взято человеком для устройства церкви, но природа по-прежнему живет, а церковь уже мертвая. Откуда стремление прикасаться к этим вечным законам? Один их находит в церкви, другой — в природе, третий — в благоустроенном доме, сохранившем изящный вкус к старине, четвертый... Утомляет кинематограф жизни... стремление к существу, к глубине... экономия жизни.

— Цветов не надо ли? — предлагает мне женщина. — Где цветы? Давайте цветы! — Она открывает корзину: цветы из папиросной бумаги.

Семья С., в которой может уют создаться. Уют — результат традиций; там же, где нет традиций, не может быть и уюта. Уют плюс культура. Без культуры домашний уют превращается просто в запах. Улавливать...

22 Марта. Стояние. Красное пылающее солнце, выпавший за ночь снежок держит утренник, все белое-белое, струится река, везде звон: солнце, звон, огневые струйки, синее небо, белая земля, первая стайка скворцов на бугорке и первый запах земли на угреве — все вместе что-то младенчески чистое. По реке лед-моряк плывет. Полуденные реки пошли: Ловать, Шелонь, северные стоят, озеро стоит (а плывет это намерзь по Волхову). Оттаяли лодки и вышли на реку — скоро будет щучий бой. «Иван Грозный» плетется по мосту с корзинкой.

— На Пасху закроете пивную? — Каторжникам, и тем на Светлый день колодки сбивают, — отвечает «Грозный».

На берегу Волхова лежит камень с крестом, садятся на него отдыхать, на нем приплыл Иоанн Предтеча — сидят на камне.

Пасха на снегу. Скользкая дорожка к церкви посыпана углем, и по ней идут говельщики. Звон погребальный. Горит посредине церкви большая зеленая свеча, пламя колышется, дым. Священник в черной ризе читает: «Господи и Владыко живота моего!» Иконы старинные в церкви с загадочными чертами и странным сочетанием красок. Бог знает, откуда пришла к нам сюда, к этим живым обыкновенным людям идея, вложенная художником в эти черты. Мерещатся какие-то египетские символы, давно умершая жизнь, от которой остались в пустыне пирамиды и сфинксы. А эти простые говельщики молятся, и кланяются им, и падают на колени. Какая бездна между творцами этих символов и молящимся рыбаком и его старухой. И какая простота соединения с веками: Господи и Владыко живота моего! Мать моя, детство мое, лампада в чистой комнатке с разостланными половиками, старушка-няня, ложечка потихоньку съеденного варенья и тайный голос, что грех это, грех, что непременно будет время, когда Господь покарает за эту ложечку потихоньку съеденного варенья. Как спокойно и радостно вглядываюсь я теперь на Страстной в это продленное время. Мир в душе моей и созерцание какого-то вечного колеса жизни, вечного

закона, для всех и во все времена одинакового. Господи и Владыко живота моего!

Выхожу из церкви. Где-то сверкают на солнце бутылки с вином, скрип колес, шлепанье полозьев саней по снегу. «Ни на санях, ни на колесах!» жалуется кто-то. А все едут, — и на санях, и на колесах.

Вокруг меня базар. Сушеные груши и пряники, пасочницы, ветчина, дешевое мясо, конфеты, ситцы, барыня с горничной, пасхальные открытки, тысячи мужиков, закупающих и продающих провизию, смех, шум.

Изредка похоронный удар в колокол, но это, кажется, только еще сильней подгоняет жизнь на базаре. В церкви умирает Существо, пострадавшее за мир. Но мир знает вперед, что Он воскреснет, и по-своему готовится к радости. Сколько будет съедено, сколько выпито! А если бы им всем Христос был как родной, близкий, любимый человек, и они все у креста Его стояли, разве бы все это было? Значит, мир не стоит у креста, и радость, которой они встречают Воскресение, не Христова радость, и нет в этой радости ничего общего с Христовой радостью, и никогда они не поймут друг друга, и все это — ужасное кощунство, ужасные насмешки над умирающим Богом весны, жизни животной, природы.

Два солдата несут огромную корзину с яйцами, понесут, понесут и остановятся: яиц на целую роту. Сегодня этот утренний базар какой-то особенный, все это к празднику, все непростое это: ветчина, пасочницы, мясо, бумажные цветы, зелень — все это пасхальное, все для Святой недели, для радости... Жены-мироносицы идут из деревни к стоянию... Вечером цветы небесные... небо северное прозрачным сводом, и чем ближе к земле, тем цветистей, и у самой земли возле самого леса пурпурное, лес соединяет небо и землю (в тайниках церкви).

У старухи-торговки на базаре украли что-то, обернулась к иконе:

— А ты, куда же глядел, бородатый! (Никола Угодник).

Вонючая городская оттепель, пахнет нужниками, мясник несет на себе редину [вдоль] улицы, какие-то обрезки протухшие бросает и, увидев нас, так и остается, замирает с протянутой рукой. На базаре продают новые сани, много новых саней, от этих саней люди кажутся детьми и както у них так возле саней весело, свободно...

«Никола Сидячий». В Холмогорах есть мясник, всегда сидит на табуретке перед своей лавкой, за что прозван «Никола Сидячий». Бывает, раз в месяц или два попадет ему вожжа, вдруг он встает и, пьяный, начинает бить всех, кто подойдет, по харям. Все знают, что суда «Никола Сидячий» очень боится, и вот почему подставляют свои рожи для битья: на другой день приходят к нему и, грозя судом, берут за побитые рожи.

Логи — и за логами местность называется Залоги, там есть старая церковь, в которой служат раз в год, возле церкви землянка и в ней живет рясофорный послушник Лисофор. Один был Лисофор смиренный, ему во время разлива забыли пищу доставить, и он умер с голоду. Потом второму голову отрубил чужой страшный человек, думал много денег, а оказался рубль. Теперешний Лисофор всем хорош, только умом чуть-чуть недовольны.

Обер-кондуктор усатый, сапоги — шик, ходит львом. Купил себе копченого сига, ему говорят, что Волховский сиг в копчении выгоднее Ладожского.

— Скажите, пожалуйста, — говорит обер-кондуктор — рыба, на что уж, рыба, а и то разная бывает.

Трактирный паразит пьет остатки в рюмках и стаканах. Пьющему кажется, что он окружен такими жаждущими и потому [часто] можно слышать предложение: допейте! Если откажется, то еще: меня воротит, не могу, допейте!

Яша — мальчик о Боге: Христос-то был раньше не русский, батюшка его крестил.

Свобода — это фикция господ. Рабы и женщины фактически обладают свободой: господствуют: над буднями и над мужьями. И рабов боятся.

Храм построен по образу небесного купола, его колонны — лесные стволы, соединяющие небо и землю. В храме на приступочках сидят рыбаки и жены-мироносицы, у всех в руках копеечные свечи. Полумрак. Из дальней башни старинного храма доносятся чуть слышно голоса певчих. Какой-то сокрушенный сердцем рыбак тяжко вздыхает. Из этого мрака чудится озеро большое. Какая-то стихия [водная]. Сотни тонут. Женщины плачут, дети. И снова солнце сияет, и озеро спокойно. Разошлась [водная стихия], поглотила. Но купол небесный по-прежнему сияет. Они собрались сюда в храм человеческий. Здесь что-то прибавится к тому, что есть на озере, какое-то должно быть здесь продолжение. То непонятное, ужасное, что совершилось на озере, здесь понимается как что-то нужное. Здесь служат панихиду по утопленникам и укрепляют в сердце то, что умерло в жизни.

[***23 Марта***]. В соборе прозвенел печально колокол раз и два, медленно, но прозвонило восемь ударов. У Иоанна Милостивого пробило девять, у Николы Кочанного читали десятое, ближние замолкли, дальние церкви звонили, и все дальше, дальше, вся вселенная, кажется, звонила, отсчитывая Страсти Господни. А может быть, это там, на небе, звонили звезды, и тоже там, в тишине ночи, перед наступающей весной читают Двенадцать Евангелий? А в тени заборов сидела огромная черная собака неподвижная, удары колокола в соборе — она повернет туда носатую голову и прослушает все колокольные удары, потом обернется к Иоанну Милостивому, к Николе Кочанному и к тем дальним церквам, наполняющим всю вселенную. Двенадцатый удар лучше всех...

Читают Страсти Господни. По-прежнему вопрос: как допустил Господь, зная вперед, что с Ним сделают, людей распять Себя? У рыбаков нет этих вопросов, их лица темнеют, слова непонятные, но жалкие, сердца их жалятся, сердце в тайниках своих понимает все, но ум не укрепля-

ет испытанного сердцем, и, выйдя из храма, они забудут все... На улице молодежь болтает, и всюду с веселым смехом [идут] с фонариками гимназисты и барышни.

Издали в темноте улицы лицо освещенное казалось какой-то чудесной иконкой с живыми глазами. Небо все усеяно большими предпасхальными звездами, скрипят под ногами подмерзшие лужицы, в темноте на площади что-то шарахнулось большое, черное, и, быстро, мелькнув на свету фонаря, скрылось в тени забора.

С разных сторон звенело, всё звенело и звенело. Черный пес быстро... в одну сторону, в другую, отблеск фонаря прямо в его темный угол, глаза засветились поволчьи... в темноте... он вдруг вытянулся и завыл на всю площадь.

Со всех сторон к площади подходили светящиеся фонари... весело шли, веселый треск льдинок под ногами.

В каждой самой маленькой часовне свечи горят, и, кажется, читают Страсти Господни.

24 [Марта]. Канун Пасхи. Ужас праздника. Мать, разлученная с детьми, потерявший жену — по жене, всем... тяжело и скучно.

Священник — герой. Разве может быть на Руси священник-герой? Что-то нелепое... Монах еще туда-сюда, но священник...

— А как же его матушка, дети? — спрашиваю.

— Он вдовый, — отвечают мне.

— Ах, вдовый... ну, тогда другое дело, — говорит моя спутница, — вдовому путь не заказан.

Ильмень
(Сестра разбойников)

14–15 Апреля. Сергово между Клопским и Перекомским монастырем.

Три трактира, и один называется общественный, из окна озеро, и тут после Ильи собираются ловцы чай пить.

За хозяина в трактире Елизавета (Сенина) — вековуха, девушке за тридцать, лицо у нее чуть в рябинках, незначительное лицо, незаметное, но когда заговорит, то глаза светятся темные, говорит так ясно и решительно, что повернуться некуда, и так видно, что ясность мысли опирается на какую-то вековечную правду жизни.

И вот эта правда. Умер отец. Девочки должны за младшими братьями ходить, замуж выйти нельзя... нельзя, нужно трудиться для семьи ... «нельзя» у нашей вековухи злость возбуждает, бунт против всего, а так сомнения нет в основе, и, подчиненная основе (семья, труд — священное), она просветляется и светится. Сестра разбойников (песня и сказка есть), ловцы — разбойники. С Ильи лов, побывать там, посмотреть.

Бог крепости, силы. Слабому интеллигенту и барину (Обломов) среди них будет казаться, будто все это злодеи, воры; между тем, виноват он сам один: что он слаб, что он незаконно утончается. Так райская природа весной кажется ужасной, когда видишь среди нее зарастающий кустами дом, в котором некогда жил человек. Слабость от греха — своего или чужого родового, искупление этой слабости — Христов путь, а сильный во Христе не нуждается, он не дожил до Него и может принять Христов закон лишь условно (как мужики). Естественный подвиг (Елизавета) в естественном законе (семья — труд) — рождение Христа в законах природы — семьи, труда. Естественный Христос — из недостатка, пополнение. Искусственный Христос — церковный. Вывод: нужно по Отчему закону жить, а Христос сам приходит — утешитель каждого отдельного человека.

Пашня утонула — гряда зеленых полос утонувшая, а сверху церковный крест виден в облаках, и, кажется, выедешь на гряду и увидишь неземную красоту.

Монастырь в облаках на островке разлива, белое, белое и синее на небе, вода, ширь и звон на воде мягкий, церковь с облаками, церковь в связи с природой, что-то стихийно-великое, и молитва паозера тоже в связи и значительна, и судно крылатое... белые чайки... на воде крылья

вилочкой... чайку строитель церкви тоже помнил, когда создавал церковь, и облака, и берега (зеленая завеса полей), и эти мельницы — избушки и колокола, чтобы звон был слышен везде и непонятно откуда: от Ефрема Перекомского, от Спаса или Николы Кочанного, или, может быть, с неба.

Одно за другим плывущие суда в молчании на парусах, лодки живые, кажется тогда, в них что-то рыбье.

Поплескивает волна о судно, и потом, дома в постели, воспоминание о плеске, словно обрывки соловьиной песни из родного сада.

Древо жизни. Жизнь похожа на дерево: кора черная, треснувшая, все корявое, корни в грязи, но то же дерево — пахнет корой, на нем зеленые листья, сучья поднимаются к синему небу... поэт — птица на дереве, славит Господа, а под корнями живут хвостатые черные звери, в корнях могильщики, пилильщики... Поэт все это знает, все чувствует, но все-таки славит Господа, даже когда повалят дерево, даже [когда] сук остался. Так весной, когда свежими сучками ивы заплетают заборы, на этих ветвях распускаются листья... И кажется жизнь листка-поэта легкомысленной и сам он глупым (живущим над корнями).

Я во сне почуял в себе народного поэта: это чувство, когда с раскрытой душой идешь к старику, это сочувственный, простой разговор, когда меня за своего считают (табаку! и проч.), когда скажешь «черт ее дери»... и «по душе»... и поругаешься с извозчиком... и все одинаковы... и себе на уме...

— Монастырь... Молится... Клопский, благородный... все больше из благородных подвижники и св. угодники, потому что нам воспитания никакого... в собачьем кругу живем.

— Как камень в лесу мохом обрастает, истертый, а станут люди ходить, обойдут камень — станет беленький, так и мы: куда мы ходим, что видим!

— Хочешь, покажу поросеночка с красной головкой? — И показал: бутылку из-за пазухи.

— Осенью погода (закроет церковь одну, другую пониже, все закроет, вода темная, и все вдруг станет ясно-преясно), так и человек: то замрет, то опамятуется...

И, кажется, нельзя никогда сказать про этих дикарей худое... Природа у них основа добра и... зла. Зло не исчерпано... и тут один миг от варяга до нас...

Бог в этих волнах, и людях, и старых лодках, и ветре.

И я там... Один шаг — и с меня уже больше ничего не спросится...

Четыре полуденных реки вливаются в Ильмень-озеро, и вода, если смотреть с Юрьева, в Ильмене выше Новгорода. Отчего же Новгород до сих пор не залило водой? Оттого, что в Писании не указано быть залиту Новгороду.

Весна. Лук на кухне пророс...

Лодки оттаяли, раскрыли паруса и как белые птицы замелькали по всей шири разлива...

Вода-то вздынувши.

А ты помнишь, Михайло на Мсти у Крутого кряжа щук лучил: полный челн нарыл.

Ловец ловит, а рыбак просох убирает.

Становить *вотамана.*

Ну, покамест, до свиданья, извините!

Лес и птицу выгубили.

Круглый тупо ходит, сел и замлел, подняться не может.

Ляга — лежинка, лежник.

Гуси на наших носах.

Время года: прыщики большие на березах.

Рано были утки явивши.

Лед мотается то туда, то сюда, лед пошел, всё в кучку кладе, всё кладе, поклало ледяные кряжи и белые груды.

Барин хлеб привез сладкий, вкусный, душмяный, все по ломтику режет, и все хлеб в одном положении.

Своя же баба только на чужом сарае и то слаще.

Не торопивши... вши... — мягкий ритмический диалог в трактире: записывать, изучать такие разговоры.

Что в голову приходит.

Искусство писателя состоит в том, чтобы написать о себе и не обнажиться (1914 г.).

Обыватель признает вечность и неизменность законов жизни, и он живет между этими законами: боги на Олимпе, и ничего не поделаешь с ними. От этого признания он обрастает, зарастает. Принципиальный человек действует обратно, стремится всю жизнь сделать скелетом. Трагедия интеллигента — Гамлет, обывателя — Экклезиаст (1913 г.).

Исторический Христос и бытовой. История есть хаос сознания, и Христос в ней — принятая на веру величина: точка смысла, тут его притягивают к объяснению, а в быту он непроизвольный и случайный гость. Там — единство, здесь — множество: совершенно два различные бога.

Настоящий Христос-Бог ничего не нарушает, это момент последнего разрушения и первое начало созидания. Где такой Бог?

Христианская мысль: не для того ли созданы все эти маленькие серые люди, чтобы на них испытали мы силу любви своей к жизни и силой этой приобщали их ко всему миру?

Мещанство есть такое состояние духа, когда вещь получает самостоятельную ценность без отношения к существу человека.

Смысл жизни есть чисто личное сознание, усилие личности стать на свои собственные ноги. А так о смысле жизни никто не думает и не любит об этом думать.

Законы естественные, общественные и личные. Для мудреца нет общественных законов, хотя он делает вид, что признает их: он сам творит их, а так как он вид имеет обыкновенного человека и ему никто не поверит, то для опубликования себя прибегает к существу сверхъестественному, к Богу. По этой системе создался абсолютизм.

Любовь к женщине есть творчество всем доступное.

Русский Бог страшен тем, что требует поглощения личности.

Звон и ворчание. Один звонарь звонит, а другой ворчит, что хорошо тот звонит. Звон необыкновенно радостный призывает к жизни, а масса жить хочет, и все валом валят к счастливому звонарю и славят Бога вместе с ним. Так, может, и возникла вера в Бога жизни: хоть раз из ста удайся, о разе все будут говорить, потому что все жить хотят, и будут звонить, звонить. Счастливые создали Бога, несчастные — черта, у счастливых рай, у несчастных ад. Значит, вера есть сама жизнь, а неверие — смерть, отступление.

По сектантам-рационалистам можно судить, что может из русского человека сделать хороший человек, а по мистикам — что может сам с собой сделать русский человек.

Свое Евангелие я, как и многие русские люди, купил у баптистов. След живых исканий, живой жизни и есть вера, а всякое голое утверждение — демонизм.

Вся тревога и страдание людей на земле оттого, что всё всегда на земле скоро изнашивается, как все игрушки у детей ломаются, и кажется, будто есть такая вещь, такая прочная, которая никогда не ломается. Жизнь и есть вера в эту игрушку, как только окончилась вера в неё, окончилась и жизнь, и человек осыпается, как дерево осенью. Свобода — это картинка в старинной книге судьбы. Дети берут эту книгу только из-за картинки, взрослые читают книгу, улыбаясь картинке, старые не смотрят на картинку, пропуская ненужную, и читают только желтые страницы судьбы. Закон духовного развития основан на росте жизни, а закон жизни — на сохранении её — в этой противоположности живет все человечество от сотворения мира и по сей день.

Собрать побольше материалов о монастыре про чудеса...

Топили колдуна... Кукушка куковала... В непоказаный час я родился... Горестное размышление... и вдруг из воды голова... И ушла к водопаду...

Дуб девятиголовый (трехголовый) и на каждом сучке колдунья... Из пузыречка помазалась и полетела... А другая помазалась и не полетела...

Близко к жизни — хаос, далеко — все сливается. Между тем и другим есть своя ясная точка зрения. Найти её, постоянно колеблясь между далеким и близким, — вот цель художника.

Умные люди учат, безумные люди ищут. Потом каким-то образом (каким!) умные становятся глупыми, а безумные — умными и тоже начинают учить и под конец тоже становятся глупыми. И так далее...

Есть две точки зрения на русскую жизнь: одна, что у нас нет ничего нового и задача публициста доказать, что и в Европе так точно было; другая точка, что это только в России так; впрочем, первые, когда видят скверное, отступают от своего и говорят, что это только в России; вторая партия, когда видит скверное, говорит, что это не наше, а когда хорошее — наше. Тараканов в Пруссии называют русскими, а в России пруссаками, и, наверное, есть такое приятное животное, которое у нас называют русским, а в Германии прусским (найти это животное).

У белых попов, а может быть, и у черных, вообще в духовенстве, нет в религии антихриста и эсхатологии (чувства конца), это есть только у народа и у интеллигентов: интеллигентам это передалось от народа.

Аскетизм как цель есть величайшая нелепость. Он есть покров ханжи и лицемерия... Аскетизм как принудительная монастырская система есть величайшая нелепость. Настоящий аскетизм является сам собой, как морщины на лбу, как следствие глубочайших переживаний.

Толпа... голов, загнанных в церковь... несчастье приводит к Богу, в счастье Бог не является. Бог счастливых — есть ли такой Бог, тот Бог, который в радости является и радостью жизнь освещает и зовет к творчеству жизни.

А Бог неудачника: голые лбы, бараны, коровы и все такое, так это нужно, так недаром это истязание...

Сущность демократизма есть крест рабства. На Западе женщина-рабыня несет на себе идею свободы, у нас свободная женщина несет на себе идею рабства (это общее соображение неожиданно проливает свет на сущность Татьяны).

Демократ — ненасыщенная воля.

Гений есть власть распоряжаться умами людей в разные стороны. Гений неожиданностью своего появления разбивает и покоряет всех поодиночке.

[Желаю] света, спокойной уверенности, любви, непрерывности, вечерней зари в ожидании утренней, дня бодрого и деятельного с пробуждением птиц...

Культура по отношению к гению — лицемерная панихида. Цивилизация ни нравственна, ни безнравственна точно так же, как и природа, это просто сила, пожалуй, сила природы (человек — та же природа), но человека в ней нет. Человек еще явится и воспользуется ею, как рельсами для перевозки тяжестей: все приберет к рукам.

Идеи — это скелеты, и самая хорошая идея без облекающей её плоти — только скелет. А что такое эта плоть?

Если бы черти нас снизу не поддирали, так разве могли бы на небо смотреть?

Видел я на своем веку хорошее и худое: худое вижу, терплю, хорошее... а уж как хорошее увижу, так и запрыгаю.

Сказано в Писании: и ложь есть во спасение; но если нынче ложь, завтра ложь — когда же правда будет? Взял я да стрелянул правду. Стрелянул, а им косо показалось.

Нос наварил (напился).

Для милого дружка сережка из ушка; сам не пьешь — другого угости.

Дурной мат. Так ругался, что гасли лампады, иконы к стене перевертывались.

— Что покупаешь? — Покойной женке на сарафан. Пришел Спиридон — солнце повернуло на лето, потом Рождество, Крещенье, Масленая, а после Масленой цыган тулуп продает.

Встретились два купца, один через каждое слово приговаривает «бознать-что!», а другой «черте-что!» Оба при этом хохочут, радуются чему-то, будто век не видались, сошлись два близких друга. — Муки-то, муки-то бознать-что! — Подошвы-то, подошвы-то черте-что!

Лампу притаила, зажгла фонарь и пошла ставить на ворота крещенские крестики.

Изнойно (в Елецком уезде означает «холодно, морозно»).

Волтужилась с кем попало.

Истяжный, гонкий лес.

17 Апреля. Возле Юрьевского монастыря два неких человека поднимаются мне навстречу и, вынув члены, с матерными ругательствами встречают меня, стараясь брызнуть мочой на велосипед...

Выражение чувства личной свободы. Одно другого стоит, но если бы теперь стали прибегать к насильному крещению, то хулиганство было бы явлением более нравственным...

Трактир под Софийской гостиницей в праздник. Молодежь преступного вида: у кого уши без мочек, у кого асимметрия черепа, разноглазие, узкоглазие, скошенные лбы, заостренные лбы, выбитый глаз, другой выбитый глаз, третий выбитый глаз, и все правые, ловко ударить с руки. Тот, у кого выбит глаз, красивое, миловидное лицо с той стороны, где выбит глаз, а как глянешь на другую сторону, где живой глаз... Красивое лицо, но туловище — неуклюжий обрубок, и ноги петушиные. Это третье или четвертое поколение пьяниц, но они уже пьют не водку, а чай с сухарями.

<*Приписка:* Качалкин>. Хромоногий художник проходил между столиками до ветру, и некий человек сказал:

«Хромой, убогий!» Другие захохотали. Ободренный хохотом, он принялся издеваться: «Хром, хром в сучий дом!» <*Приписка*: два с полтиной — четвертак>. А потом встал и сам пошел до ветру и, встретившись там с глазу на глаз с хромым, сказал: «Прости меня, Христа ради». — «Бог простит», — ответил художник. (На народе язычник, про себя — христианин).

Архидиакон. Гриша босой останавливается перед домом, ставит корзину, тряпье, снимает пиджак, штаны и кричит: благодетельница Елизавета Ивановна и Анна Ивановна, за вашу рубашку полтысячи лет, Еловый сучок! Палец ко рту и барабанит. На углу стражники. Подойдут стражники. Гриша рассмешит, и стражники уйдут (только сочувствуют Грише). Наконец показывается пьяный архидиакон, нацеливается, берет корзину, портки и несет торжественно по улице, а Гриша при хохоте толпы уходит. Идут куда-то в болото.

Яша. Снежный болван. Парусиновый халат. Дно халата. Моржовая шапка полпуда. Посох пуд. Вериги. Можно тронуть: изымай! проверяли в трактире: верно, тяжелая шляпа. Говорили, с деньгами. Шапку отняли — он повесился.

Сапоги подкованы лошадиными подковами.

Гриша, вот тот настоящий был, в нем было... Потому что, первое, ум его детский.. Ребенок... бывало, высунет руку из кармана и скажет: — Гриша, яйца отрежу, — и пустится бежать! А встретится в первый раз и назовет по имени и отчеству. Это откуда у него? Вот это настоящий. Настоящий ребенок и не от мира сего.

Старец прославленный. Княгиня очарована, устраивает ему монастырь. Когда монастырь готов, она предлагает ему снять сан и жениться на ней. Он колеблется и соглашается. Тогда княгиня его выгоняет. Он становится босяком.

22 вечером Новгород.

23 Июля. Сильная река, плоты, монастыри на берегах и зеленая даль с копнами сена. Волхов все такой же, как и в старые времена.

Слоновая долина (записи реставратора церкви Никола Мокрый Брод).

Св. София, звонница и служба в ней, такая же служба, как и в те времена. Волхов и св. София — кажется, всё основание неумирающего старого. Остальное всё археология, старинные редкости, схороненные между новыми каменными домами и магазинами.

На Софийской звоннице печально звонили, так печально нигде не звонят, только в Новгороде. Из Софийского собора выходит крестный ход через Водяные ворота к Волхову. — Почему такой печальный звон? — спросил я звонарей. — Мы не знаем, — ответил звонарь, — не нами заведено.

Почему, в честь какого события сегодняшний крестный ход? По случаю чуда Знаменской Богоматери во время нападения суздальцев, чуда в знак избавления от недавней холерной эпидемии, или это совсем новый ход?

Большинство не знало, а просто шло и шло. Один старичок даже заблудился: думал, ход будет вокруг вала, и пошел по валу, а потом валом вокруг всего города, все думал, начнется ход, обошел весь город, не найдя, попал в трактир: «Вот чудо-то!» Вытирая пот с лица, выпивая стакан за стаканом пиво, он всем рассказывал свои блужданья, и слушатели все говорили: «Вот чудо-то!»

Было мне так в этот день, словно я, реставратор маленькой церкви Николы Мокрого Брода, приехал на великое историческое кладбище и слушаю разговор покойников; чуждый всем, я участвую в их торжеств. богослужебных ходах. И должен реставрировать старинные фрески, в блеклых красках и оборванных линиях угадать прежний [древний] образ Бога, которому они поклонялись когда-то. Я не умом, а сердцем хочу постигать этого Бога, как Он был в действии, как Он жил и как теперь действует, какая связь времен? Старичок выпивал пиво и, заблудившись на крестном ходу, перебил меня вопросом: — Вы чьи? — Археолог, — сказал я, — реставратор церкви Николы Мокро-

го Брода. — Хорошее дело! Ну, а как же вы, божественное дело делая, сознаете вы Бога? — Бога сознаю, — ответил я; — но только <*3 нрзб.*>, а мне кажется, Бог должен быть вечным. Я верю, что в нынешнее время Бог и должен установить связь времен.

В разлив деревню заливает, видны только князьки да трубы, все перебираются из Нижнего Брода в Верхний Брод.

30 Июля. Стена Детинца, населенная старухами и бродягами. Хранительница живоносного источника живет под стеной, через ее часовенку проход за стену, вокруг всё кирпич: зубцы стены, пробоины древних башен, какой-то бродяга в пробоине и множество птиц. Старуха глядела на меня дымчатыми голубыми глазами, вялая, ко всему равнодушная. Казалось, рухни стена на ее голову и раздави ее — ей все равно. Я спросил ее — Не страшно? — Бог милостив... — Я посмотрел на стену, она еще прибавила: — Пять смертей не бывать. Я смотрел на эту массу птиц и красный кирпич развалин, на эти капустные разведения у старых стен, а старуха, вероятно, думая, будто, что я все еще не понимаю, как она может тут жить и не бояться, сказала: — Старые мы, это молодые боятся... а мы старые... нужно умереть — смерть одна, не миновать. Упадет стена, стало быть, Бог это. — Бог? — А то кто же?

Ламская слобода в Пасху: какая тишина! Лозинки распускаются. Пьяный мастеровой ковыляет через улицу. В стене Богородицы, новая лампадка горит. Пахнет сырыми кожами и дубом. Тишина, человек поглощен праздником, и на его пьяном месте воскресла березка, такая прекрасная со сказочными, золотыми сережками. Никого нет, собаки бегут христосоваться.

Акушерка говорит: — Я люблю утонченных людей, утонченность — мой идеал!

Звонница. Крестный ход. Почему звон, почему идут — не знают. И старуха не знает, почему ей назначено жить под стеной Кремля. Никто не знает из них, почему крестный ход, служба когда...

И серый человек в черном колпачке у стены один, старушка благословилась в Петербург ехать, архиерей забрал к себе, как забирают чудотв. икону. Змий (серый) и дитя (Яша) молится в притворе — два противоположных типа.

Еврей и католичка — победа любви и что из этого выходит.

Переплываю Волхов. В лодке важный солдат со знаком отличия. — Подберите свою собаку! — говорит он мне. — Моя собака вам не мешает. — Она может меня хвостом задеть. — Моя собака, вы знаете, кто? — Кто? — спросил солдат. Все люди удивленно смотрят на меня, на собаку и на солдата. — Кто моя собака? А вот кто: это генеральский шурин. Ему солдаты честь отдают.

Бойницы новгородского Детинца у самого окна, звонница, просветы на старой башне. Вокруг меня профессора, учителя, археологи, все они спешат, волнуются смотреть какую-нибудь ризницу или камень, на котором св. Антоний приплыл из Рима в Новгород. Там идет разговор о том, что видел чудотворную икону без ризы, только разговор, как снимали ризу, прибитую к иконе, вырвали с мясом гвоздь. Никто из этих ученых людей вовсе не интересуется тем живым основанием, создавшим эти чудеса, народом, верящим до сих пор еще, что св. Антоний на камне из Рима приплыл. Не замечаю я из окружающих меня лиц и чисто специального интереса: большинство приехало прямо из любопытства посмотреть Новгород. Один историк в большом изумлении стоит на Волховом мосту и разводит руками. «Как же, — говорит он, — я всегда представлял себе, что Торговая слобода выше Софийской, а вот она ниже...» Вот спешат смотреть старинные вещи. Я спрашиваю себя: какое основание имеет этот интерес к древностям? Политическое, практическое? (Арсений, гр. Уваров, Иловайский), чисто научное? (Покровский), а большинство просто верит, что вот прежде когда-то в сказочном прошлом была сказочная страна Господин Великий Новгород. Большинству вовсе не рисуются на основании обломков старины картины этой страны, а просто вещь старинная — хорошо, новая — плохо.

Приглядятся, набьют глаз, что это ценно, заводятся шныряющие аппетитн. собиратели — и кончено... вещи, а той страны, которая за ними, не нужно... Сергей Иванович и другой дилетант ищут страну (развел руками на мосту). Но вообще нужно искать... И вот бегут, едва дышат, к Нередице в жару...

Разговор о консерваторах: в России <*1 нрзб.*> консерваторов, <*1 нрзб.*> нечего охранять: так известно, что консервативные люди разрушают больше (попы замазывают изразцы).

Тема: изучить на съезде памятники Новгородской древности и потом опрашивать народ, узнать живое отношение к этим памятникам, не археологическое.

Типы: малиновый викарный — как лампада теплится в розовом стаканчике. Вечно волнуется, и на всякое волнение — улыбка на розовом лице горит, как лампада в розовом стаканчике. Апухтин. Кланяется, будто кидая свою голову в пропасть, с баками, бритый, глаза мутные, коллекционер, на всех выставках выставляет свои коллекции. Арсений, жеребец, усвоивший дурную привычку: когда говорит, торжественно возводит очи горе и тут же, будто не найдя там ничего, быстро опускает, вскидывая холкой, и опять вскидывает, будто перед ним три яруса: земля, публика и небо. Директор тверской гимназии (Аверкиев) очень мил и добр (археологи больше других сохраняются). Московские ученые: толстяк ломает надвое франц. хлеб, будто подкову. Лучницкий, заменивший любовь к женщине любовью к старине. Директор говорит, что все в женщине, и женщины коварные.

Типы губернские. Старинные здания времен Александра I, дух губернатора, губернское правление и присутствие. Полукруг. Архивная комиссия.

Черный (Цвиленев) — думают, что умный и много работает, а он так сидит. Молодой камер-юнкер ничего не делает, посвистывает и напевает. Непременные члены и советники: князь, важный, но без грима, румяный, с военной выправкой, извозчикам не платит, извозчики его

боятся. Полый Сучок [Масальский]: нос тонкий, как из бумаги вырезан, голова толкачом, а усы толстые.

Губернаторша верующая. Змея выползла из цирка, крестьяне убили и принесли губернаторше: «тоже из археологии». Принесли какую-то птицу с длинной шеей и положили на губернаторский двор: птица все пела.

Советник, который ничего не знает и всех спрашивает, как ему быть (а закон на столе), вечно торопится, бегает. Другой тоже не знает, а все пишет, хочет по-своему. Губернатор мечтает о времени, когда у него все будут с высшим образованием. Университетский: бывают такие университетские, что как с гуся вода.

Губернатор выходит в белых брюках, выгоняет чиновника, на другой день является жена пострадавшего, он целует ей руку и переводит бедняка на лучшее место.

У городского головы привычка позабавиться, когда видит мальчика — дает ему гривенник и говорит, обругай меня скверными словами: подлец, мерзавец. Мальчики не всегда соглашаются: очень уж совестно. (Не такого ли происхождения это: мальчики ругаются, а мудрый голова подзывает и дает гривенник: обругай меня!) (*Вариант:* Новгор. городской голова, когда его ругают мальчишки, ловит одного и просит пойманного обругать его за гривенник негодяем — мальчику, конечно, трудно бывает это, но раз ученье головы плохо кончилось. Обругай меня воришкой, говорит голова, мальчик и отвечает: вор!)

Мировой на суде просил женщину повторить, как она ругалась, но она повторить не смела (и умный судья оправдал женщину: ругалась вгорячах).

Петр Фед. Мигунов (Умен? Гений!). Гений сидит на стуле в своей лавке, сыновья за прилавком, как кто войдет, подымется и будет стоять, пока тот не уйдет. Если очень [почетный] — предложит выпить чайку. В середине разговора скажет: «На жизнь бывают разные взгляды, мои взгляды обыкновенные: как в лавке торгуем, так и в жизни. Жить нужно по совести, подлости не делать и знать, что Старому хозяину рано или поздно придется

дать отчет. Как же это может быть, чтобы все так прошло, непременно уж и там есть какая-нибудь да жизнь. Вот и все: мои взгляды обыкновенные».

Утро в Новгороде; бродяги встречаются и закуривают. — Я не раздевался, под лодкой ночевал, а ты? — Я тоже под шапкой.

Два мальчика санки везут: идут на ту сторону за угольями. И спорят: «Нет, Боженька. — Нет, Иисус Христос!» — «О чем вы спорите, дети?» — спрашиваю. — «Я говорю, Боженька старше, а он говорит, Иисус Христос».

Две барыни с корзинками разговаривают о прислуге: наняла! Слава Богу, хорошая и прочитать может: увидит «Булочная» и прочтет «булочная» или «мясная»...

А это... Кто это барыня? Мамзель! Петербургская блядь возвращается на родину в престольный праздник, ее манит честность, за деньги в своей слободе она первое лицо и благодетельствует...

Русские маленькие церкви только теперь, когда разучились строить, кажутся маленькими. Древние церкви, если аршином измерить, то меньше теперешних, но никто не скажет, увидев их, что маленькие церкви. Кажется, величина памятника зависит от пропорции его, положения, соотношения с другими предметами. В Новгороде, где на каждом шагу... старинная церковь, где, изучая памятники, можешь себе вообразить, что живешь... в каменном городе, и весь город состоит из церквей, все кажется маленьким в сравнении с этими древними стенами, аскетически суровыми, с узенькими щелевыми окнами. Вглядываясь в суровое величие... древнего Великого Новгорода, — вся... жизнь... кажется миниатюрой. Федор: «В старых церквах внутренности больше было». Вид Новгорода: видны старинные церкви, а новые незаметны [нет пропорции], и между старыми высокими церквами маленькие домики. Церквей так много, что стоит только подумать о них, как древний город воскреснет, а новые дома кажутся церковными караулками. Дом-канарейка.

Читают о падении Новгорода, сводя его к внутренним причинам: внутреннее разложение и отсюда сила врагов. А я думаю о прошлогоднем своем анализе Сашиной болезни (внутреннее разложение). Законы духовные: борьба добра со злом, законы внешние <*зачеркнуто:* я — хозяин мира>.

Но с другой стороны, помимо меня, моего мира, в окружающем меня мире внешнем — изменения, независимые от меня: сто лет тому назад вспыхнул водород на потухающей звезде, и свет от вспышки через сто лет достиг земли, и это небесное явление как-нибудь повлияло же на жизнь? Причем тут я? И когда сосредоточишься на этих внешних явлениях, то мало-помалу исчезает вера в чудо, в Бога: так, вероятно, возникло нынешнее безрелигиозное отношение к миру — человек оглянулся вокруг себя.

Ярославово дворище, где было вече. Теперь тут лавчонка со всяким хламом и много церквей, маленьких, суровых новгородских церквей съютилось. В одной церкви над дверью полукруглое отверстие и над ним изображение распростертого Спасителя, а из отверстия слышится хохот: там, за стенами, как раз под Спасителем, целая семья чай пьет. Живут там, будто птичье гнездо. Я позвал: «Сторож!» Из-под Спасителя высунулась голова и рука со стаканом чая.

Над главою Ангела в огненном кругу облачный Спаситель в червленом хитоне с голубой хламидой, перекинутой через левое плечо, благословляющий обеими руками. Над главой Спасителя четвероножный золотой престол, на коем среди огневидного Серафима раскрытая книга. Ангел-хранитель припадающий. Сребропозлащенная риза.

«Писари, писари, о писари! не пишите мя благословляющей рукой, напишите мя сжатою рукою. Аз бо в сей руце Моей сей Великий Новгород держу. А когда сия рука Моя распространится, тогда будет граду сему скончание».

Основан монастырь Никольский, и в тот же день Никола приплыл из Киева.

Ильинская церковь на Славне. Икона «Покров и Стена необоримая». Остров Березай — латинский поп в его светлице увидел образ [на двери] сотворен.

Мирожский монастырь. Икона «Проста Царица одесную Тебе».

Возле Ярославова городища у Волхова много детей копаются в хламе. Один находит какую-то железку, и все бросаются: «Нашел? Что нашел?» Видно, и дети тут стали археологами.

Мещерин — барин — организатор Союза русского народа. Лазаревич — черносотенец.

Шли против барина, в каждом барина видели... который царя обошел, царь — святое... гнездо... у нас общество, а они для себя.

В 905 году нас как ошпарило, прошло, огляделся я вокруг себя и весь народ проверил.

Общество у нас (черносотенцы), а они для себя. Между тем, они именно для общества (интеллигенция... земцы), а эти для себя.

Ругать критикуют тех же господ, сами господа и господ критикуют? мальчишки, которых сечь нужно; а там вечное святое (где Царь <*3 нрзб.*> и Воля).

Элемент буйный, элемент несправедливый. Святая власть. Лазаревич — тип раскидистый, мятущийся, взорванный неожиданно, выпущенный, как зубр из капкана...

Значит, «общественный деятель» в глазах черносотенца кажется противообщественным, потому что у него основной исход — свобода, а у черносотенца — воля. Свобода — закон, ограждающий личность; воля — беззаконие, ширина земли, при которой должна быть палка, иначе люди съедят друг друга.

Свобода — существует исключительно для личностей, для всех нет свободы, потому что «все» — не все личности, во всяком случае, не согласные личности и сходятся между собой в узлах материальных, потому-то и разделяется мораль на личную и общественную.

Закон духовного развития (личного) основан на риске, беспощадном отношении к себе, а закон жизни других, их материальной жизни — на сохранении: и потому к себе я должен быть беспощаден, к другим милостив, других я должен устраивать, кормить.

Типы: бороволок (Большаков).

Александр Яковлевич Заболоцкий, перевозчик, бороволок. Попали в непонятную (17 октября). Михаил Горелый да Михаил Лисичкин прибежали к вам, а вы, помните, граммофончиком наслаждались... Толпа идет с одной стороны, толпа идет с другой стороны, куда нам деваться, попали в непонятную. А помните, Алексей Митрофаныч тут подвернулся. «Это красный», — говорят на него и окружили. «Нет, — кричит, — ребятушки, я не красный», — выхватил царский портрет, отрекся трижды, как апостол Петр, и пошел впереди.

Законное основание для личности — в деревне, в городах живут хаотически, каждый [человек] для себя живет, а общее делается само собой на веру (как складывается понятие о хорошей жизни как общей цели), в новом строе узаконивается, и вот то, что личное в закон входит, это не нравится (кажется, будто за чьей-то спиной кто-то хочет для себя устроиться).

Мужики, обряженные в шутовские костюмы, едут, те же самые бороволоки, но живут на светлой земле.

Ушаков, Кулебакин. Это похоже на узаконение смертной казни в славянские времена: каждый убивал, а когда узаконили казнь — содрогнулись. «Рано начали», — осуждают молодых, и оттого все попали в непонятную — худой момент: дуть и бить наступил...

— Что вы ребята, мы такие же, как вы! — Нет, батюшка, знаем мы вас. — И начались счеты личные: обиженный бил обидчика, работник бил подрядчика, муж бил любовника жены. «Ему надо поддать» — на кого у кого зуб был, тот того и бил. Что делали в это время женщины? Надзыкнули хорошеньких ребят... пристав-полицмейстер. Избили молодежь, разгромили земство, женскую гимназию и собрались в гостинице Соловьева обсудить, что дальше

делать. Сашка-поездошник сказал: «Что там за душой, надо бить, у кого магазины»... другие — бить хозяев. Стали вспоминать, каких хозяев бить: первее евреев, а потом у кого на кого зуб был, тот того и называл. Мужики твердили одно: «бить барина», и тут всякий мелкий служака барином стал.

Лазаревич не согласился — избили Лазаревича, и союз распался: одни говорили — бить только...

Некий человек изготовил для интендантства тысячу пар туфель и, чтобы иметь большее значение, надел значок «Союза русского народа». Генерал увидел значок и отказался взять туфли.

Слово «свобода» и выступление компании... с манифестом о свободе, переживание Вани, его трагедия: он принимает красоту за добро и видит, что добро с «их» добром расходится. Погружение его на дно, и вот оттуда весь хаос Сборной улицы, значит, нужно описание чувств Вани, естественный результат которых, знакомство с людьми, погруженными в вечные законы природы, обломки плывущей по волнам природы... собор, базар ввожу в реальность, и лейтмотивы: вечные законы природы и по образу их церковь...

Водка, подкуп, все дурные привычные стороны жизни захвачены с собой (как без этого?); высокий бледный, волосы всклокочены, руки огромные неуклюжие, желтое лицо, желтые волосы, усы — все желтое; вступили черносотенцы и [много] делали зла и вдруг переворот в другую сторону. Обрисовать его переворот.

Легенда о разорванном портрете царя — основа для разгрома гимназии: вытащили на улицу дневники, журналы, от бумаг вся улица была белая. Митинг молодежи в Летнем саду (встречная толпа, выстрелы), Была ли основа для легенды — среда православная? Люди без завтрашнего дня с вечными законами: Сион, гадающий на пальцах.

8 Сентября. Перунов остров.

10 Октября. Покров. Вспомнить, описать то чувство рокового, стихийного и подлого страха (теперь близко к

нему — та рефлексия при общении с провинциалами), то ожидание удара из-за угла, страх от жандармов, полиции, от учителя гимназического, от суда, от того, что делаешь не как все и как нужно, а сделается само как не нужно, и что в этом уже не я виноват, а все скажут, что это я. Вероятно, это чувство общее многим русским, судя по тому, что оно появляется во мне особенно сильно при сношении с провинцией, чиновниками мелкими, самолюбивыми, забитыми судьбой или поднявшими головы на почве жалования в 2000 р.

11 Ноября. Закрыть глаза, но сердце радуется, сердце чувствует что-то хорошее, бодрое, светлое.

Холсты белые разостланы на крышах, на земле белее белого самого чистого льна.

— С обновкою! — встречают.

17 Ноября. С обновкой.

Волхов становится, плывет лед-шорох, медленно, на чистые места утки домашние садятся, и там еще небо виднеется, но сейчас же затягивается и закрывается льдинами, и на льдины везде садятся вороны.

Адвокат у трактира с бумагой и женщина.

Девушка с ликом Мадонны выбирает граммофонные пластинки «помодней», вальсы, «Осенние грезы» и проч... Грустная сладкая музыка. Амурские, Дунайские.

29 Ноября. С обновкою! У Бога много всего! (Снег выпал). Дядя Михей (снег).

Днем лед-шорох остановился, закрывая, затаивая глубину отраженных небес. Вечером, на заре, месяц молодой взошел в розовой дымке. На крышах, на плечах церквей лежали белые одежды, заревым отраженным пурпуром сияли золотые кресты. В великой славе замерзала река и к полуночи стала. «С обновкой, с обновкой», — кричали утром. А наутро пела телеграфная проволока над ней панихиду.

Мороз был не слабый и не крепкий, чистенький морозец стоял. И говорили, что скоро будет мороз в сто градусов. Звезды вылупились.

Новгород из Юрьева зимой — зимняя сказка... снег... море... снежный разлив (розвальни — скифы)...

Вора поймали! Лунная ночь: серая трава. Отношения теней. Фантастическая береза — высокая. Чистота во дворе: при лунном свете все чисто. Флигеля, домики, крашеные охрой, с мезонинами, сошлись близко, тесно, будто средние века. В окне печка с плитой. Огонек на плите под [лежанкой] русской печки; Мария Антоновна, жена городового, звонит к евреям, звонит к актерам и всем говорит одно: «Вора поймали! в саду... мой-то на посту, и позвать нельзя — воры уйдут: пусть, при народе не убежит, хозяин держит»... Белое пятно в кустах: надворный советник. Корзина бельевая стояла на дворе, хватилась М. А. — нет корзины, туда, сюда, а корзина под грушей, в кустах ноги лежат.

Испугалась, что хозяин на нее скажет — она грушу отрясла, и пошла доложить. А хозяин велел саблю вынести и, махая саблей, сел под грушу на вора и держит его долго, пока не сошлись актеры и все жильцы. Увидев интеллигенцию, хозяин, одной рукой придерживая вора, другой отирая пот с лица, вымолвил: «Фу, как разволновался!» И когда пришли еще евреи, сказал вопросительно: «Ну, теперь можно пускать? Заметим лицо, следите за ним». И пустил. Но вор не поднялся и, продолжая лежать в траве, проговорил: «Я не пойду, я тут спать буду! — Чего же ты не бежишь?»

Пришел городовой и увел вора. А надворный советник обходил дом, потом с фонарем чуланы, заглядывая в нужники. «Вместе с домом и воры заводятся, как тараканы, и хозяин должен думать. Отчего крысы заводятся, отчего воры — кто виноват: заборы новые... или так уж назначено — как дом, так и вор».

К описанию нашего двора: сопоставить сон как особое чувство, мало исследованное, с чувством обоняния, первичным чувством.

Он выходит на двор рано утром с немытым лицом, и несмытые клочки сновидений странно встречаются с бодрым рассветом. Голодные остервенелые коты на крышах зелеными сумасшедшими злыми глазами смотрят на него,

судорожно извивая хвосты. Два его дворовых пса вышли на траву, обнюхивая балясник, травинки, читая историю ночи в тончайшем ощущении запаха ночи через свежую утреннюю росу. Ночные клочки облаков и болотных туманов расходились. Мокрая ворона оправлялась. Конец: он умылся, и все кончилось.

Непостижимое нам чувство собачьего обоняния: читают столбики, читают камни-романы... Клочки запахов и клочок сновиденья, и кажется сновидением особое такое же собачье чувство и пр.

Имеет двор с пятью флигелями, но мечтает купить где-нибудь отдельную лачугу, поселиться в ней и писать Христа. А прозвище ему «полковник».

— Европа! Мы в Европе живем — вот она, Европа эта самая: идут по улице три парня, сторонись, не посторонился — обругают, а если сам обругал, так и чкнет еще ножом. Самая Европа! А то пришли трое, сели у полотна железной дороги на поле и обещаются: кто первый придет сюда — зарежем! Пришла свинья — зарезали. Потом их судили.

А один мальчишка-кузнец сковал себе шило длинное, четверти в две, и на вечеринке одного парня, когда тот на гармонии играл, чкнул. И никто не заметил, отчего это вдруг парень повалился, думали, пьяный. Доктора позвали, — оказалось, проткнул. Европа, в самой Европе живем!

Объяснение всем этим явлениям — будто бы влияние Пинкертона: это все геройство. И жесты усваиваются: рукой повел, глазами, и все как у Пинкертона. Когда-то народ верил, что книга с неба падает и пишется Богом, и, прочитав, уходил в леса. Мальчики читали М. Рида и бежали в Америку. Теперь, прочитав Пинкертона, изображают героев. Узнав это объяснение, становится все-таки легче: ведь это вовсе не в натуре природы, это дело рук наших. Как декадентство возникло (в борьбе за личность), так и тут свое декадентство через Пинкертона. Бурная химическая реакция освобождения.

20 Зак. 4404

Мыс Челюскин и Спас Нередица: культура связи. Цивилизация дробит быт. Процесс цивилизации: вперед едет воин с мечом, потом [монах] с крестом, потом купец. Свергаются боги и воскресают внутри.

Долбня Ивана Грозного.

Герцен. Нередица. Федор и французская София — день прощения... торжество православия. Пристав — долбня, архиерей, поклоны (Устьинский)...

Беседа с Устьинским. О Гермогене. Во главе церкви Царь. Он управляет через Синод. Русский народ не создал пророков (Соловьев). — А Толстой? — Что же Толстой — у него рука была при дворе, этим и спасся.

[1912]

1 Февраля. Типы новгородских обывателей: «Иван Грозный» и печник Кудрявцев. Оба православные. Кудрявцев утвердился в Боге, когда бросил пить. Бог от запоя спас. «Иван Грозный» — неудачный кабатчик, враг спиртных напитков, а должен торговать вином: крест его. Человек крепкий. Члены общ[ественного] клуба изводят его насмешками над религией до того, что он топиться хотел. И кантонист-атеист. Позолотчик-сектант, церкви не признает, толстовец <*1 нрзб.*> Н. И. Ушаков земец, прогрессист и друг. Черта между обывателем и прогрессистом (интеллигентом). Черта та же самая в крестьянской душе.

У «Грозного» нос попугайчиком.

Новгородские долбежники (прозвание от долбни Ивана Грозного), или гущееды (едят гущу: горох с перловой мукой).

— Долбежники, может, и не худые, да меня они назло били, и ничего в них не понимаю.

Стали обсуждать железную дорогу и подумали — не обратиться ли к депутатам, стали разбирать, и, наконец, к какому обратиться депутату, и разобрали, что всем им, депутатам, дорога не выгода, и не стали подавать в Думу: одним миром мазаны.

— В Европе выгодно заниматься общественным делом, у нас — нет: им занимаются идеалисты. В идеал воз-

водится общественность, но в ней идеала, может быть, и нет, а это обыкновенное земное дело...

Поиски квартиры, квартирная старуха спрашивает о ребенке: — Ребенок мал, а, между прочим, глуп, сколько лет ему? шесть — значит, по деревьям лазает. Не лазает? Нет, лазает, я, батюшка, насмотрелась на детей, много видела на свете всего, много хлебнула, ребенок мал, а, между прочим, по деревьям лазает. Вы не из Полтавы? Нет, ну, слава Богу, а то у меня жилец был из Полтавы сумасшедший, в Полтаве все сумасшедшие. Вы не из Полтавы, стало быть, ну, все хорошо. У меня чистота, у вас спрашивать буду, чтобы чистота, аккуратность и воспитанность.

9 Ноября. Собрание у печника Кудрявцева. Филодендрон и лимонные деревья, качающаяся мягкая мебель, божница с лампадами, фабричные роскошные плакаты вместо картин. Печник из тех, у кого жены — страдалицы, и обыкновенно выживает уже вторая или третья. Жена сидит в черном новом, но от времени порыжелом платье. Дети от самых маленьких. А в дверях назади бородатые печники. Миссионер не обычный иконописный, а для этих печников и черносотенцев. Вот любопытный факт из жизни современной провинции, быть может, единичный, но характерный: один знакомый священник-миссионер обращает свою деятельность не в сторону сектантства и старообрядцев, а черносотенцев. К собраниям в частных квартирах этих самых черносотенцев привлекаются сторонники и левых партий, даже евреи. И вот ничего особенного не происходит. «Иудеи» мирно разговаривают с православными, и [иногда] спрашиваю себя: да существуют ли черносотенцы, не есть ли они создание... Я присутствую на втором собрании у мукомола. Обстановка см. выше. Левые задали вопрос, как это может быть, что если православие не пало, то почему же убийства, грабежи и т. д. Другими словами, вопрос, на который должен ответить миссионер, — это согласование современности с древними идеями православия.

Легенда об Адаме и Еве. Как это? Несправедливость. И объяснение: яблоко — это волшебство, это искушение

колдуна, плоти. [Тут] государственность не поможет: в Европе то же зло. Это зло — личное присвоение (яблоко) и конкуренция.

Спасение не вне нас, а внутри, каждый о себе должен думать. Личное совершенствование. Голованов о личном спасении: — С чего начать? Колесо жизни: как выйти из колеса. Вот крестьяне какого-то села устроили общественную подачу милостыни, нищих извели. Начнешь и уйдешь, а как бы просто.

— Извините меня, я человек необразованный! Как бы нам скомбинировать, выйти из этой тяготы? — Сразу ничего не выйдет — нужен срок, не сразу. — [Не] сразу? Если мне и удастся лично себя спасти, то другие так останутся. А чтобы вся механика двинулась, а оно все крутится, то есть никак ничего не поделаешь. Извините меня, я человек необразованный, как я могу, то есть против этого самого колеса. Начать бы с какого-нибудь маленького вывода! Как найти связующий цемент?

Голос из толпы купцов: — Кудрявцев: ваша точка — не точка, а комар летающий, жужжит и мелькает: истинный Бог, я так понимаю, — забор, нельзя человеку без забора жить, необходимо живому человеку прислониться к забору. Бог есть забор!

Самое главное — Христос или корова. Нарисовать то, что держит около коровы человека. Сильна коровой радость и голосом певчий с попами сходится. Толчок: кум-поп денег не отдал. В коровах правда (отчего и неистребимы помещики, а когда социалист говорит, что корова должна быть общая, это для Самирока непонятное). Корова или Христос. — Мы стоим на правде, чтобы у всех было общее. — И Христос будет общий? — Христос — это дело другое, что ты говоришь! — Другое, вот то-то и штука, а если я ему корову отдам, а он съест, и опять у него ни коровы, ни Христа не будет? Нет, тут нужно, чтобы коров христианам отдавать, надо сначала найти базу объединения, а потом отдавать коров. И еще я так понимаю, что корова и Христос — до того дело разное, и я всякую мысль о корове должен оставить, а вы хотите на коровах Христа

поставить, или коровы, или Христос, а ежели без Христа корова ...

Саморок. Грамотные разбрелись по свету. На памяти наших отцов пришел в Меченый лес с Ильмень-озера атаман рыболовной артели... сел на печь, пристал к жене грамотной, стал грамотным. Выродок-Саморок (вид Рябова). Любил коров, после раздела увел своих коров в Новгород и стал арендатором городской скотопрогонной площадки. Жизнь его с женами и бабами. Корова и женщина: считали за колдовство, как он обходился с коровами, а он говорил: вот баба, попробуй, обойдись с ней нахально: цоп! — так она тебе такое цоп! покажет, а обойдись, как полагается мужчине с женщиной, — и она тебе все отдаст, что хотела и чего не хотела. Жена говорила, что сладко масло, а как оно добывается горько. Женщина! а ведь какую мудрость сказала, так прислушайся к каждой твари, и у каждой есть природный свой разум, только она не знает, что он есть у ней, и не развивает. Психология битья жен у купцов, вот, напр., молитва купца около Спас-Чекряк. Ум у меня громадный, я ничего не сделаю, не подумав.

Корова подобна птице небесной — поела, сыта и спит, а человек не так, все чего-то беспокоится, и чем беднее, тем больше, и допусти ты бедняка до министров, они еще суетнее будут, чем нынешние министры.

Матушка, стало быть, была к церкви привержена, а у меня голосок был, и пел, и стал сходиться с попами, и, наконец, даже кум был поп и 50 рублей не отдал: понял, что попы нечестные, главное, потому понял, что, когда о главном заведешь речь, отворачиваются. Как только скажет свой вопрос Саморок, так сейчас к печке прижмет: семинаристов в угол поставит. — Какой это вопрос? — Отчего так: Бог — Творец, стало быть, Он же Творец, а то кто же меня сотворил — верите, что есть Творец? — Кукарин: — Верю! — Твердо веришь? — Твердо! — Твердо веришь, то скажи, почему это так сотворил Он его по своему образу и [подобию], чтобы один давил другого? — Он сотворил правильно, а это он [человек] согрешил. — Врешь! — хлопнул рукой по спине Саморок, — врешь, от себя говори, а не от Писания; ты и я, почему ты поп, а я мясник и должен

корову бить, а ты жрать, сейчас говори, чтобы без закона, а по существу. — Вот ты как. — В этом и есть вопрос, чтобы по существу. — А... да вот как... а это я ни, ни... нет, ты прямо как мы с тобой, а это к чему, стало быть, привык, ты брось, брось, я тебе говорю! — Прижатый поп сидел углубленно...

Этим вопросом расшевелил всех попов, и поднялся шум, и Саморок сам себе изумился: как же это он, грязный и темный человек, мог целый город затронуть, что же было бы, если б настоящий человек... И увидал великую грязь и что у людей эта грязь только прикрыта («Вопрос» в требовании Бога живого). Случилось так, что в этом состоянии он пить стал четвертями (на обеде гостя, как котенка, вышвырнул), и однажды на двор его вышла одна корова и стала гадить, и он взял вилы и вилами убил ее. Это видел дьякон, бродячий пес, ничего не сказал, а вечером показал Евангелие от Павла и убил его, а «закон» сам не признает, дьякон выше закона был (дьякон — Щетинин).

Попал к баптистам: вышел такой же, как и Степан Петров, и начал говорить просто, и все были просты, как дети, и он проникся; понял, что и они, как Перс, закон не признают, а по начальному, детскому закону живут: у детей ведь святые чувства, не наши, не выгодные... И принял он [от баптистов], что они правду знают, а что от буквы говорят, то это для виду, потому что, когда говорят ему от буквы, он вертит глазами (с буквой помирился), как бык, т. е. согласился в основном, а то, что говорили, для чего-то нужно... И целыми днями стоял и плакал, и купцы говорили, что это водка у него из глаз выходит.

Ходит в трактир, забастовка, революция, переживания Саморока, а Перс тут где-то в стороне и время от времени встречается и ядовито ухмыляется. В конце концов, после забастовки Саморок отдается Персу и пропадает из города, а все, что раньше было — это «куда деть себя», куда деваться со своим естеством, не знает, куда деть свое огромное чудовищное естество.

Объяснение своей веры диакона... я верю, что Бог непознаваемый. Вот, вот! Что он без конца... Да, да! без кон-

ца, и что он во мне. — Испугался: да как же так в тебе... это я! А то не я, то не мое. Живой, живой! Воскресение: я убью тебя, отдайся в рабство — и будешь свободным, я воскрешу. Иди за мной. — И Саморок пошел, и пропал казначей. Удивились в городе: куда он пропал... Россия, где-то без конца, без начала степь, и там апостол Павел пишет свои Послания.

<*Приписка:* пьяное сердце мягче, и шире, и больше, пьян я жизнью (это после трезвой жизни у баптистов)>. Пьяный я лучше, у меня сердце мягче и больше, пьяный я жалею, а трезвый ничего не жалею... как я блудил (у Ростовцевых) и вдруг решился, как апостол Павел, во все стороны.

Новая земля... Степь, горы... новая земля... И конец — новая земля в Петербурге: однажды снежный вечер, цветущий сад, ветка сирени, шел Мережковский и услыхал про сирень. Разговор, который [вел] Легкобытов-Саморок, и начало романа его с Мережковским.

Период в трактире: сцена — Любомудров и Косокрайний (<*2 нрзб.*> я уж такой косокрайний, мне давайте настоящие ответы!).

Есть такое зеркало, страшное зеркало, в которое посмотреться самому хорошему человеку — и все равно будешь с кривой рожей. Есть такая особенная точка в сердце, возле которой все нажитое изо дня в день с великим трудом меркнет и где всякая жертва не принимается и отвергается. Думаешь, вот теперь отвергнуто, ладно же, я подожду — примешь! примешь! И вот жил долго и мудро, и, кажется, нажил и окрылился, и опять говоришь: Господи! вот я! И только что сказал, вдруг в следующую минуту и полетел Бог знает куда. Корова вошла во двор, корову ткнул вилами...

Сюжет для рассказа: казначей, печник или купец? Кудрявцев — огромный, сильное тело, глаза, жопа... (найти черты для купца-громады). Пил, как пил, четвертями! (вообще как пьют сильно?) Куда мне девать свое естество? Замучил жену, замучил другую (у купцов первая жена — страдалица, и только вторая выживает). Вторая ревнивая,

сестра. Проповедь баптистов, а он им: «Куда мне девать свое естество?» Обратили его, и он целыми днями стоял на коленях, и слезы (в религии всегда много слез) ручьями текли, и купцы смеялись: это водка из него слезами выходит. Стал читать Библию и дочитался, что из ребра Ева и Лот жил с дочерьми, и сестра ухаживала за братом, и вот он за чтением Библии, и ему приходит «мысль» (мысль — самое вредное). За это его выгнали баптисты, и он снова запил и стал говорить, что ничего не было религиозного с ним, а так это...

Второй сюжет: соединить Кудрявцева (потерял землю) с Кукариным (сказать матери — блудница!) и с Легкобытовым (сказал и остался один) и нашел новую землю.

Каждую вещь под принципиальность можно подвести, только что из этого пользы? Адвокат Боголюбов — тип для изучения толпы; председатель, ему все равно, но он отлично чувствует это — чем угодить толпе. Хлопуша. Он и Голованов — дело толпы. Голованов — сердце ее <*1 нрзб.*> таких поверхность. Хлопуша-адвокат — дитя [толпы], вера средних. Ушаков — оратор-разум (люди родятся и вовсе без веры). Кудрявцев — темная сила, взрывами, Бог его от запоя спас! Жены-страдалицы (Достоевского картина: жена в блеклом черном платье с подносом в руках)...

Сашка-поездошник. Старушки-бобылки. Печник, купец, молящийся своему Богу против запоя. Скрипучий пожилой и худой мужчина, что ноет, как будто зуб болит, а как заноет, повторяет: Господи, Иисусе Христе!

Наблюдать возникновение общественности в русском народе. Сюда: тип Умнова (варяга): «Нужно смету составить, а они о несправедливости рода человеческого». Умнов — тип идеального мещанина: водопровод, водосливы.

Уважают Хлопушу [адвоката]: когда у губернатора он речь говорил, то все заметили, как он перед этим три бутерброда съел: «С пониманием человек, [поел] — и есть на что опереться!»

Тип: Голованов. Дитя общественное. Вывелся на людях. Подкинут был стекольщикам и стал стекольщиком,

вырос среди черносотенцев... выводит к свету, косноязычный, идеалист... неясность мысли...

— В городе пока зарабатываешь — и живешь, на город расположиться нельзя. Я, что зарабатываю, отсылаю в деревню семье, это мое пристрастие. А человек не может жить без пристрастия. Ежели не семья, то в карты станешь играть. Свобода выходит пуще неволи, вроде болезни затягивает — дома не усидишь, пойдешь в трактир, и вроде там почище, посвободней, кто-нибудь газетку прочтет.

— Почему вы не пишете о нас? — Материала нет. — Кругом беззаконие, а у вас материала нет!

Капернаум. Споры о войне. Сергей Ив. — представитель религии человечества, и Молочников — толстовского сектантского христианства.

Спорят о некоем пострадавшем толстовце, сидящем теперь в арестантских ротах за отказ от исполнения воинской повинности. Спор завязывается из-за письма толстовца, в котором он выражает чувство своей преданности воле Бога, пославшего ему тяжкое испытание. Серг. Ив. возмущается покорностью и говорит, что она не от Бога. Его вообще возмущает покорность толстовцев: вот забастовка всеобщая, человек замученный, забитый свет увидал, разве это не правда? А толстовцы не принимают этой правды, называя ее зоологической, а не человеческой. Вот и по поводу войны тоже: «зажгли человека»! С. И.: — Власть не народ, а цари, а народу после войны кое-что достанется. Вот после Севастополя спихнули? — Да, спихнули. — А после Японии? — Спихнули. — Нет, не спихнули хоть, а все-таки кое-что прибавилось народу. — Молочников: — Это не способ! — и доказывает: — Во-первых, не всегда достается, а во-вторых, вред «способа» — что он есть оправдание войны, если меня насильно пошлют на войну к японцу, — куда ни шло, но если еще подыскиваю оправдание своему поступку, — это никуда не годится.

Затем спор был о том: цари ли делают войну? Решили, что цари, а народ есть только материал: школы, воспитание, солдатчина формируют этот материал. Были такие, что сказали о войне: пусть потешатся, пусть, но чтобы

уничтожать, — я не согласен. К средствам воспитания народа причислили печатание портретов полководцев в газетах. Некоторым хотелось «встряски» — от нее будет лучше: война — встряска! Что цари войну делают — доказательство: предложить солдатам выбор, и они все вернутся.

Приказ Назым-паши: проявляйте милость к несчастным, которые сражаются, повинуясь своим начальникам.

Война есть новая демонстрация христиан, которые хотят завладеть всем миром, и это, конечно, будет; наше дело дожидаться — когда они завладеют, то передерутся между собой. — Как-нибудь устоят. Ну, а вы что скажете? — Вот об этом как-нибудь... Справедлива ли теория Руссо, что каждый народ достоин своего правительства? — Это тема для статьи о выборах. Ушаков: я думаю, что теория справедлива (мужики, два вагона выборщиков и пр.). Спор о войне, ссорятся... Третий: оба против войны, а вот сами воюете!

Много способов против войны, вот Бисмарк считает способом усилить Германию, Наполеон — завладеть всем светом и т. д. — вопрос в том, какой способ лучше.

— Причины войны... а потом самолюбие: не называй моего пирога лепешками!

Мое заключение: 1) Все это показывает, как, в сущности, линяет теперь идея «помазанника Божия». 2) Капернаум прежде всего обрушивается на коварную европейскую привычку создавать войну, и эта ненависть пока мешает целиком присоединиться сочувственно к восставшим болгарам.

— Как Самсон? — Какой Самсон? — Да вот что столбы-то потряс.

Сказание о правителе Иосифе и фараоне в Капернауме...

— Ты по два гумна молотишь.

— Я ж о людях говорю, а содержу свое (Кудрявцев).

— Вы такой народ <1 нрзб.>, что и галки вас боятся.

— Ой, Алексей, отрежу хвост!

— Хвост есть лжеучение (Исайя). Хвостом увлек одну треть с неба (Апок.).

Театр модерн: модерн, модерн, разве мадерна виновата? — Да я ничего, я не воюю, я только хочу ухо ему отрубить, как апостол Петр.

Вошел человек с большим хлебом и сказал: — Вот сколько зерен в хлебе этом, а ни одного не увидишь, все зерна смолоты, стали хлеб, вот так бы ...

— Будь у тебя одна дорога, а то у тебя их тридцать! (это о русском человеке, не имеющем принципов, жизнь к которому повертывается сама, и он, «оборотень» со стороны, внутренне может быть всегда искренним).

Оборотень. Душа Кукарина: живчик в душе, который никак нельзя поймать; вот, кажется, всей душой отдался ближнему, а живчик вдруг независимо от всего, что думал, что хотел, вдруг перевернулся, и все перевернулось на другую сторону. Пробовал считать до десяти, и чем больше считаешь, тем сильней потом взорвет.

Он как Бабья Нога — куда хочешь, туда повернешь.

Бабья Нога — сапожник, прозван «Дон-Жуан». У него душа коротка. Натура слаба, начинает и выдержать не может, человек несерьезный (мотив «Бисмарка»). Привязливая, любящая душа у сапожника, был религиозен, отдался бескорыстно «Бисмарку» и теперь о Боге слышать не хочет, но все-таки, когда ему вырезали благополучно грыжу, пошел и отслужил молебен. Жена сварливая, влюбился и убежал с другой, лавочку открыть хотел в уезде, но только год провел (душа коротка!), разорился и вернулся к жене, ехал на товарном поезде и сошел с задней стороны вагона и задами пошел к своему дому, и жена его приняла.

Объяснение с Персом: когда тот открывает, что нет ничего, а есть только начало в себе самом, на стороне нет ничего, а все у нас на земле. Разбойники. Бог в молчании... Когда Бог становится звуком.

В Капернауме. О Христе православном. — До Неплюева я держался старца Зосимы, а как Неплюева узнал, стал к Неплюеву. Церковь меня подчинила Христу, спасибо ей,

но остаток дней своих, подобно великомученику Стефану, посвящу на обличение [врагов Божией] матери. Драма его: семья и он, дело материальное и вера. Ищет путь слияния с другими во Христе, а получается не Церковь, а благотворительное общество. Христос духовный и гордый (Толстой, еврей), а православный Христос имеет дело с материей и смирением. Что это значит? Действительность нужно видеть... материя = отечество = нация = драма православного в том, что он не может отказаться от родины... без родины пустые слова о Христе. Нет пути ко всемирному от своего, и без своего — тоже пусто... Радость в Христе.

Тип Королева: торгует старинными вещами, аскет, чай не пьет, девственник.

О паозерах. Честность в артели — что за честность, это по рыбе, а так, в одиночку, ты хоть ему масло на голову лей, он тебя обманет (хорошее качество).

Переход от материального (экономист) к духовному: 1) разорение (кинематограф). 2) смерть сына — в отчаянии Христос...

Глаза ребенка и старого дикаря одинаковы.

Возмущение: какой же это смиренный народ — в театре народ подожгли, гусями живыми закусывали, или вот случай, известный здесь всем: мужик убил женщину и ограбил. «Почему убил? — спросил судья. — Я голодный был. — Отчего же ты лепешки не съел? — Да они скоромные были». — А все-таки народ смиренный и покорный! — сказал Молочников. — Все его обирают, грабят, а вот он не расходится, все сидит у земли — что ему земля, а вот он сидит. — Заврался! — Провокатор! — То есть как же так — провокатор? — И поднялся шум и крик. Кукарин и Кудрявцев, ростовщики, черносотенцы-погромщики, и старик Молочников. Личности. А Сергею Ив. что? Он подкидыш, у него отца-матери нет... С. И. отвечает: один молодой человек хотел стреляться, потому что отец его чахоточный был, а мать остановила: «Успокойся, отец твой в тебе не виноват», — он и успокоился и дожил весело до седых волос.

К чему Молочников сказал о смирении и покорности русского народа: к тому ли, что Христос живет...

Не смирение, а рабство, из-под палки смирение. Тема развилась бесчисленными примерами. И в самом деле ([главная] тема): не уходит от земли человек, потому что земля держит — анализ этого.

Сапожник (пристрастие — болезнь — трактир). Итак, вопрос стоит подобно Петербургскому (Вяч. Иванов и Мережковский): смирение во Христе, или покорность зверя под нагайкой. Там на стороне смирения стоит В. Иванов <*2 нрзб.*> и синодский чиновник [Тернавцев], здесь Молочников (толстовец) и черносотенцы. Прибавить сюда мнение Устьинского — обряд: «Владыко живота моего» и бух, бух... Прощеный день: «Господи и Владыко живота моего!» и бухает, и так привыкает, и будет покорен.

Здесь встречаются, значит, две правды 1) религиозно-христ. вечная ценность смирения (большая правда) и 2) общественно-политическое земное положение вещей: право каждого человека быть свободным, вытекающее из самого же Христова учения. Одна правда говорит — покорись, другая — освобождайся. В личности Сергея Ивановича (подкидыш, дитя толпы) и сходятся обе правды, и получается какое-то разрешение: он и смиренный (своего нет), а есть служение миру, и свое есть как общественное, — освобождение раба: свое в общественное.

Капернаум перед выборами. Резчик печатей. Религия — обман, а национальность в основе. Моисей и пророки — все они за народ, за кровь стояли, а Христос — Он один только расстроил: сымайте, говорит, рубашку (чего не хватало апостолам) — и так церковь сделалась. В основе, стало быть, национальность.

Серг. Ив. с величайшей иронией: — Вот пророк Елисей как с детьми поступил: дети смеялись, что лысый, а он позвал медведя и натравил: вот они какие, пророки! — Не горюй, С. И., этого не было! — Черносотенцы молчат или шумят. Председатель звонит в колокольчик. — Как не было! Давайте-ка Библию! — Дают Библию. Ищут. — Да я не о том, С. И., пусть написано, да этого не было! — А за

кого же вы Христа считаете? — Христос — это социалист, это наше время, как у нас социалист, так и Он. — Летучий авангард! — сказал [человек] с длинными усами. И потихоньку стал говорить: — Я против социалистов ничего не имею, я только не могу с ними быть, мне хочется единоличия, именьице, чтобы я жил легко, а социалисты путь прочищают для меня: это летучий авангард, легкая кавалерия.

«Бисмарк» о партиях: каждая партия есть постепенность, т. е. как только она захватит власть, так ей и конец приходит, и новая лучше готовится. Я считаю, [то, что] левая партия говорит, неосуществимо, так только, передовой авангард...

Эти отдельные (более слабые) люди покорили мир? («Бисмарк» — общественность, Кукарин — личность).

Искание в Капернауме начала всех начал и споры о первобытном.

«Бисмарк», Сапожник, Павел Емел. — саддукеи. Книжники и фарисеи: Кукарин, Молочников, серый еврей. Недоносок: бр́ат полковника, туловище огромное, ножки коротенькие, а лицо в кулачок и все кисло сдергивается в одну сторону, голос птичий, костюм — пальто с дамскими огромными пуговицами. — Попляши на крестинах. — Пляшет: как матушка и батюшка: перед Богом согрешил — и един Бог без греха! Влюблен в дочь протоиерея: полтора рубля, с колтуном, боялся людей, поймали, остригли (вшей!) — и стал привыкать (разноглазый).

Можно колокольный звон изобразить с женами-мироносицами.

У Молочникова Библия. Саморок говорит: это все лишнее, зачем эта книга? Вот газета — я понимаю: это надбавка жизни. А эта книга — лишнее. Вот есть у меня брюки, зачем-то еще нужны мне брюки в полоску, так эта книга — брюки в полоску. Первобытные народы жили и не нуждались в книгах, а жили лучше нас. — Разве паозеры лучше нас живут? — Это народ испорченный, вино напортило. А поставь ему на одну полку Библию, Еванге-

лие, Апостолов, Четьи-Минеи, а пониже постели на полке шкалик [стоит там], бутылка четвертная, — так увидишь, нижняя полка вся пустая будет, а верхняя останется. — А может быть, всегда первобытные народы вино пили? — Не будь этой книги, — так ты бы кусался. — Книга зубы опилила? — Книга! — Да как же я не знаю? — А мало ли что ты не знаешь: рыба плавает и не знает про воду, так и ты. — А вот я Севастополь видел, так там крест, и на кресте: «сим победиши» — это тоже книга сделала? — Молочников смущается. — Зерно останется, зерно в книге. — Нет, зерно в жизни! — Бойся закваски саддукейской! — Нет, бойся закваски фарисейской!

Где же начало человека: в книге, через века пронесшей искру Божию, в церкви, поучающей этому и приобщающей к человеческой культуре, или в жизни, в природе, вечно обновляющейся и отменяющей старое? Где начало вещей?

Начало всех начал.

От времени толкаешься между людьми и приноровишься... — Нет, самое-то первое начало? — Самое первое начало от животного. Чем человек отличается от всего живого? — Грехом, что грех свой сознает. Вот Адам как почувствовал грех, так стал один. — Все равно, и лев так, и собака. — Нет, брат, у льва, если он грех почувствовал, так и другой лев тоже грех, и все львы хвостатые, а он один Адам, и другого нету. Вот и вы как почувствовали, что икона ваша греха не знает, так вы и стали один в церкви...

— Почему вера падает, разбойников, воров и мошенников много становится? — Потому что земли мало, народ множится, а земли все то же, больше народа... а в большой яме и мусору больше: вот отчего воров и разбойников больше становится. Мир больше стал, и разбойников больше.

Набрано много, а формулировать не могу!

— А меня вот что бьет, — говорит старик. — Стану я молиться и вижу, как дьякон лентой не так, подошел бы к

нему и сказал: зачем тебе лента дана! Священник, боровшийся с кабаком и сам погибший в нем.

Барсова пятнистая шкура. Горы и холмы понизятся, и кривизны исправятся. Поле все из разных полос, и на каждой полосе родится колос, и каждый колос живет для себя. Так и крестьянин, повинуясь земле, живет для себя, и только и только на далеком расстоянии кажется близко поле крестьянское, — заняты общим делом. А приглядишься — у одного колос как бич, у другого васильки, клопец да костра.

Кудрявцев: — Нельзя идти по всем стопам Христа: у нас детей не будет, никого не будет, и все будем праведники, по всем стопам Христа нельзя идти.

— За святыми прячетесь!

Националисты все с иностранными фамилиями.

— От гордости в бедности умер. А вернее всего, был человек передовой.

Иван-царевич Сергей Иванович или Иван Дурак — будь время другое, был бы городовой (или юродивый), а теперь социалист, дитя общества.

Кукарин — ростовщик, погромщик, не скажи на площади епископ удачного слова, он резал бы. Капля Христа, смирился... жестокость, близость с Коноплянцевым. Что это? Противоположность Сергею Ив-чу полная: у того ничего личного, у этого все свое личное, но личное где-то утончается, и тут страх, грех, покаяние и высота, с которой падает и на которую поднимается, и, в общем, цельность натуры, утончение, интересность, непроницаемость... улыбочка... глаза как лампадочки и нежная розоватость лица. У Сергея Ив. — белое, прозрачное, хрустальное, общее, широкое, открытое: смирение тайное в крови. Главное отличие между ними: у одного личное, у другого общее. И прав Кукарин, упрекая Серг. И-ча, что он ни матери, ни отца не знает.

Кукарин, Голованов. Кудрявцев прямой, громадный, орет, матюгается, одна кровь, одно язычество, отечество, царь, древний родовой тип. Бог его спас от запоя, и он Ему

благодарен... нечто цельное, простое, прямое; как Кукарин... Сложное, двойное, сложенное из двух противоположностей.

— Не в Бога богатеешь. Личное совершенствование начинается действием таким по отношению к себе, которое в то же время помогает другим — общественное дело. А то живем так, что по улице нельзя пройти!

Печник возражает: — Как же общественное, я работать начинал, руки в крови, а другой лежит! (языческий индивидуализм, земля). Дорога никому не загорожена. Как от запоя избавился, как при последнем запое молился (как молятся при последнем запое, что обещают Богу, какой это Бог). И вот Бог смилостивился, и я стал печи строить на диво! И никому не поверю, что нельзя бросить вино, потому что от себя Бог — воля, сила. Первоначально надо с нутра начинать. Я хоть неученый человек, самоучка, учился грамоте, но слышал, как Господь Иисус Христос говорил: «Нужно принимать на себя!». Священное Писание все притчами, то есть загадками, а разгадать загадку может только простая душа.

Печник: — Не верю, что не может человек! (Голованову). У крестьян земля по-разному обработана. — Твой дар свыше, что ты умеешь ковырнуть!

Тип Кудрявцева: не говорит, а дерется.

Полковник Божерянов в революцию мальчика за то, что... «вставай, просыпайся». Его взяли за это в Петербург и сделали генералом. Он и там какого-то офицера выругал, а тот связи имел, генерала лишили оружия, и он возвратился в Новгород и теперь сидит в штатском и молится в церкви.

20 лет с женой прожили — дурой не назвал.

Я заметил — вы не присели, значит, совесть есть у вас, я люблю это, и я такой же.

Смерть Павла: — Папа, говорит, мама, подите сюда. — Я сел к нему на кровать и, сам нищий, хочу ему что-то сказать, а что я могу сказать? Паша, говорю, отдайся Богу! — Рад бы я, батюшка, отдаться Ему, не могу: я на

земле связан. — Потом стали мы с ним делить, что кому отдать из его имущества, все разделили. — Папа, говорит он, и приподнялся на подушках, ну теперь я освободился. — Что ты, Пашенька, говорит мать, перестань, это он тебе все наговорил, не слушай его! Паша тогда приподнялся на подушке и запел: «Я один со Христом, на земле я чужой». И упал и кончился.

Лисья шуба... К ростовщику лисью шубу заложили... Сын умирал, угрелся... Завещал: отдайте...

Вот она, действительность! С этого разу я понял, что не надо бояться действительности и что самая последняя правда — Христос! Тут я принял Христа, как заразу (проказу)... Вот как сифилис принимается, так и я принял. Словно меня эта смерть елеем смазала. Это действительность, а то все воображение. — А любовь — действительность? — Смерть — как любовь, совокупление... И голос был: отдайся... и я отдался... Любил, а она отвергла, и с женой по-скотски совокуплялся всю жизнь, а любил ее, ту, не по-скотски, только она отвергла, а когда смерть, то как любовь.

Существо во мне заговорило, которое 2000 лет в затемнении было, а теперь вдруг воссияло.

Поэт церковного хора, Св. Писания. Не есть ли вера в загробное бытие, в Христа — сохраненная любовь поэта, и, с другой стороны, любовь поэта уже несет в себе смертное начало и враждебность к жизни, к быту, и не есть ли тут основа разделения духа жизни: действительность есть дух — Христос, а человек жизни сказал: действительность — это природа, а то все воображение. Фантазия поэта получила в смерти огненное крещение — непризнание фантазии за действительность...

Из поездки в монастырь Савва-Вишерский. — Супротив 10-ых годов, куда меньше народу идет. Потому холод! Старик Иван Иванович прогуляться идет, рад побеседовать. «Бисмарк» и он — два крайних типа. Родится человек религиозный и материалист. Заболотье — раз в году в церковь. У «Бисмарка» ссылка на это, а там сам стал через это попом и 40 лет в часовне читал.

— Кто же научил тебя, поп? — Нет, беглец из временно обязанных. Испытывать человека — дело самое пустое, а испытывать Бога... Нужно верить целиком. — Верно. — Я всегда говорю верно. — А как же в Писании сказано — солнце ходит вокруг земли, а не земля. — Это наука. Что мне наука? — У вас всё от науки: и сапоги, и одежда, только борода... — Вот-вот, что одежда, одежда пустое, а борода растет, о бороде будем говорить...

Прочитай 3-ю книгу Ездры — он тоже домогатель был (метод изучения народа и Библии). Когда услышишь такую ссылку, придя домой, прочтешь соответствующее место, так мало-помалу Библия раскроется в понимании ее народом и в образах. Страшная книга. Если критика, то где ее границы? Если без критики, то как устранить суеверие и вскрыть несогласие двух Заветов? И блуждает человек, ища беспокойно умом правды, а другой спокойно церкви отдается.

У сектантов мое, а это, как Ив. Ив. говорит, гордость, и быть того не должно. Священник плохой, священник умаляет, а что же церковь плохого сделала, кого она чему худому научила? Нет, говорит, пойду в избу, в избе молиться буду. И Толстой...

Такая вера могла сложиться еще, когда люди были неграмотные. «Издания разные» убили веру. Конечно, ему это легче; легче, веселее сходить в кинематограф, чем в церковь.

И вот та давка в церкви, когда нам отвращение, а Ив. Ив.: «А мне любо, когда много народу!»

О свободе и неверии: «тут свобода: хочешь — греши, и ничего тебе не будет, хочешь — верь, хочешь — не верь»... все определено (судьба), а свобода? Эту тему развить в беседе.

Вера — спокойствие.

Королевич и Кукарин. В заколдованном кругу (православия): оба [внутри] церкви, оба всю жизнь стремились уйти из нее и не могли. Психология такая: Христа узнаешь в церковных напевах, в богослужении, в этой мистерии, взятой из глубины стихии; идеальный путь, которому

научила Церковь, и видимая ужасная церковь. Церковь и жизнь. В церкви богослужение и возвращение домой. Христос и поп, Его изображающий. Птица, летящая в воздухе, и безобразная тень на земле. Многие видят одну только тень и получают отвращение к церкви, а те, кому дано видеть птицу, бесятся, когда окружающие, невидящие, должны спорить о тени («поп» — ругательное и «священник»). Кукарин и Сергей Ив.

... и потихоньку, сами не зная, стали религиозными.

Секты неинтересны, потому что в них нет вселенского... изучая животное, приближаешься к вселенскому чувству, изучая сектанта, удаляешься. Страх потерять эту вселенскость ведь и [не] дает уйти из церкви. И вот по окружности православия сидят люди, ненавидящие друг друга, как сектанты, [так и] православные. Королевич на площади, окруженный крестьянами, говорит о Кукарине: он ламит... что это — ламы? — Ну, да вот храм в Петербурге строят. — Буддисты? — Ну, да, да, ламиты. Он протестант, значит, протестует — и протестант. А Кукарин о нем: — Это аскетическое...

Возмущение против сект есть возмущение и против индивидуализма: индивидуалист должен включать все черты сектанта, но на его уродливости нет штемпеля, как у сектанта.

— 40 лет мне, душа корой покрывается. Кто под лодкой спит? — образованные. А у бедного простого человека всегда найдется красное яичко на радость к празднику, больше, чем еще у богатого, а под лодкой живут ученые, — сказал Кудрявцев. — Да ты с ними не спал! — Серг. Ив.

Кукарин и Серг. Ив. — материалист и спиритуалист.

... время, когда услыхал о бегстве Толстого.

«Бисмарк» — с толстыми рыжими усами и высоким лбом... важный. Жил я в деревушке глухой, кто раз в церковь сходит, кто в десять лет раз: церковь была от нас далеко. Это теперь всем известно, кругом, что делается, а тогда было глухо. Икону Николая Угодника к нам приносили, вот и вся религия. Когда приносят икону, то все

кругом и начинают говорить, что кто грешен, тот не приложится, — не допустит. А я был грешен, и ничего... С того самого времени еще начало меня от религии отталкивать. Еще с тех пор стало отталкивать, значит, была неправда! Религия есть фальшивая монета! (Картина душевная, изучить все толки и легенды об иконе, женщины творят легенду, какие женщины? Не те ли мироносицы, что ходят в Собор на архиерейскую службу? Изучить мироносиц и их потребность веры.) Да я про это не говорю, я про что же говорю: у нас-то она и есть, религиозность к земле, как и у всего живого, а у них выгода — фальшивая монета. Умирает у меня близкий человек и у религиозного. Кто больше чувствовать будет? Я! Потому что у тех опять-таки выходы есть. Религия — одно затемнение, всё выходы и обещания. Чающие и обещающие. А я заперт в человеке, в человеке всё.

— Чистое Христово ученье отчего не принять? Ведь Он тут-то и есть у нас на земле — человек. — Не иначе! — сказал Серг. Ив. — Земные блага только не у нас, а у церковников. — Не иначе! — повторил С. И. — Материализм! — закончил Кукарин. — Нет, у вас материализм, а у нас любовь к человеку.

Основа греха — отъединение. Как совершилось отъединение у меня? Когда я в первый раз это почувствовал? Насмешки старших братьев, преимущество Сережи в их глазах... Чувство мерзости от совокупления.

Капернаум.

Чужая тайна грудью крыта. (Тараканница. О Королевиче).

Пришел в Новгород человек с котомкой, набрал ребятишек и стал окна вставлять и мало-помалу разжился. Религия его: выбирал из Библии и Евангелия, что годится для его таланта-наживы. Жена была покорная во всем, крикнет муж — кончено! А в церковь оба редко ходили: у него дела по горло, а у ней три коровы. Попов не любил хозяин и шибко прибил раз жену, что дала ему двугривенный потихоньку.

Раз мы пошли Страсти слушать, из церкви приходим, а в избе чисто, солома постелена, он на лавке сидит и читает притчу о талантах и объясняет: отчего у вас крыши раскрыты — талант свой зарываете в землю. Я достал свое Евангелие, вышел в другую комнату и читаю вслух притчу о богатом и Лазаре. Услыхал, пришел ко мне, прибил и на Святой не похристосовался. (Рассказ долбника.)

«Еврейский раввин» — мещанский староста, наживался тем, что евреям за большие деньги доставал паспорта, за что и прозван был «еврейский раввин».

Трейер — богатый купец. Прямой человек и замечателен тем, что его не рассердишь, средство владеть собой — уйти, а у Кукарина способ — считать до десяти, но никак не выходит, и даже хуже: чем больше считаешь, тем сильней гнев. Трейер не одну вошь ловит и давит. И когда спрашивали его, почему он такой спокойный, он отвечает: потому что я из ничего вышел, отца без всего оставил, а потом я по три дня голодал и нажился, и опять обеднел, и опять разжился, так что я теперь уже спокоен: не одну вошь ловил и давил.

Если я обижен и напуган людьми и свернулся в улитку, то один только Бог может развернуть и соединить меня с людьми. Бог — поправка моя, я подхожу к обществу с именем Бога. Но какое дело обществу до Бога, там нет греха, нет виноватого, там люди есть, «жить» хотят. (Серг. Ив. и Кукарин: «мы победим!») Грех — личное дело, а его хотят навязать всему обществу. Грех — это чувство отдельности, а Бог — заполнение пустоты. А там этого чувства нет. Но как же тогда вышло на свете, что...

Мягкое Евангелие. Миссионер хочет составить «кружок одной шерсти», найти базу объединения на мягком Евангелии.

Кукарин предлагает в Капернауме всеобщую базу объединения. Сами не хотят и хотящих не пускают. С блохами воюйте, а шубу не троньте! Кружок одной шерсти... и нам тут найти базу единения. — Ваша база рушилась! — Сам ты в затемнении, сам не знаешь, что вперед будет. — Все гореть будем! как не знать. — У меня свое кадило.

Кто-то взял отрывной календарь и прочел из него мудрость, и все стали об этом разговаривать. Я остановился на «Братьях Карамазовых», а вы на «Бесах»! Вот имевши такой образ мыслей мало-мальски и смотришь в корень.

Пара: Кудрявцев и Голованов. Кружок одной шерсти (принципиальный) и среди него человек с прейскурантом, предлагающий всем одну базу объединения — Христа. А может быть в таракане виновата «принципиальность и платформа», неправедным единообразием попирающая многообразие земное, может быть, платформа не [закон], а только крышка. Это не база — это крышка! вопили тараканщики. Этот Христос не объединяет, а разъединяет, скажи только слово «Христос» и тебя другой в шею, нынче такое время, а настоящий Христос — правильность всеобщего объединения, а не то что одного кружка.

Хотите за базу взять, то нашему брату будет петля хуже теперешней — вы хотите всех нас в петлю поймать?

— Вам хочется найти мошенникам, ворам и разбойникам ход был, чтобы всеобщая покрышка была им. — Не покрышка, а ход! — кричат другие. — Ход, ход! — А что же такое вор? Отчего он заводится? Знаете, отчего? — Отчего? — Оттого, что в вашей базе дыра есть. Вы ее не видите, а он видит. Вы ничего не видите, кроме базы, а он все видит. Вы думаете — вот нашли покрышку, покрыли лохань, сели на базу и чай распиваете спокойно. А ваша база-то не покрышка лохани, а кружок с молочного горшка, плавает кружок в лохани, а они-то из лохани лезут: и мы к вам говорят, чай пить хотим! Вавилонскую башню строите, никогда не будет такой <*1 нрзб.*> покрышки. Вы не покрышку делайте, а ход, чтобы ход был ко Христу всякому вору, всякому злодею, и даже не только злодею, и супостату, и хулигану. Хулиганчики, хулиганчики, сколько в вас божественного! — Не понимаем вашей точки! — И не поймете, и нельзя вам понять ее, моя точка живая, а вы ищете мертвой.

Церковь организовала толпу по закону внутреннего развития творческой личности, а закон этот в трагедии,

в смерти. Социализм организует толпу по закону жизни толпы: производству материальных ценностей.

Сущность церкви та, что она делает из дикой личности соборно-творческую: пост, например, и следующее за ним Воскресение не есть ли психологическая сущность творческого процесса?..

Смерть Христова есть вера в жизнь...

Есть Христос — смерть или жизнь: «смертию смерть поправ» — добровольная смерть; в смерти, добровольно принятой «за други», — новая жизнь, смерть физическая — источник новой жизни, и тогда принимается с радостью. Жизнь так ценна по Христу (настоящему), что за нее нужно смерть принять, смертью жизнь купить.

Языческие страхи: жизнь в своем материальном, вещественном виде так ценна, что смерть за жизнь кажется просто смертью (Ликует буйный Рим). «Умереть за други» — значит дать людям веру (легенду), значит наследство духовное оставить: на этом основана церковь.

Сознание, что я умер за других, есть мое личное сознание, а что остается действительного после меня — это нужно проверить. Хорошо, проверяю: наследство — это в лучшем своем результате готовность и другого человека умереть за третьего, и третьего за четвертого, постоянная такая высота духа. Церковь же сделала из этого отпущение грехов.

Соц.-демократ сослан в лесах, как пропавший, как в степи, и потом он из леса выбирается — свет... люди. Они — начало радости и потом смерть: от радости бытия до сознания смерти. Но радость-то должна же быть.

Одни люди посвящают себя сохранению жизни (что есть жизнь? — плоть?), как Марфа, — из них выходят общественные деятели, рационалисты; другие люди действуют риском жизни, веря, что есть что-то большее жизни (что? дух?); если бы они открыли себя в момент искания, то их сочли бы безумными, и потому они действуют (ищут) тайно и, стало быть, лично (мир тоненький, но длинный). В конце концов, эти «та́йники» покоряют общество, тайное становится явным и обыкновенным (дух

побеждает материю). Но, принимая материальное, дух мало-помалу превращается в косную материю. Наряду с ним тем же путем и зло входит и также становится обыкновенным. Значит, этим личным путем человек входит в мир человеческого сознания. Общественники новые, социалисты, хотят уничтожить эту тайну, чтобы не было зла в мире, не было ночи, а только день, хотят оправдать Марфу, земное, общее (примеры Марфиной любви)...

Трагедия «Ивана Осляничека»: между большой правдой и коротенькой, нося в себе семя «голубых бобров».

Марфа и Мария.

Слоновая долина.

Европа.

Что-то хорошее в Слоновой долине — покойно! тут хорошо купоны резать, жить и резать, жить и резать. Хорошо еще потому, что в Слоновой долине рисуются какие-то очертания, силуэты целого. Тень проходящего века падает в Слоновую Долину.

Листья на ступенях дома священника. Кукарин в грязь упал и оттуда из грязи говорит, все говорит, не останавливаясь: — Не верьте другу, не полагайтесь на приятеля, от лежащей на ложе твоем стереги двери уст твоих.

— Жили бы на земле, крови бы меньше испортили, а то живешь на углу Садовой, ну что это?

В провинции люди умирают духовно раньше своей физической смерти, и вот мы живем среди покойников. (Слоновая долина).

Есть такое поверье, что умерший священник продолжает в своей церкви служить, но только по ночам и для покойников.

<*Приписка:* Спас во мхах — поверье, что сюда откуда-то из нечестивого места церковь ушла с семью праведниками и по ночам тут последний покойный батюшка покойникам служит обедню>.

Слоновая долина — страна, где все люди знакомые и незнакомые говорят на «ты» и где время считают по зво-

ну к заутрени, к поздней обедне, к вечерне или ко всенощной.

Тайна есть начало греха, грех заводится в тайне, тайно вкусили Адам и Ева от древа добра и зла, но отчего тайна? — отделение и, значит, грех. Тайна личности — посвоему... Освобождение женщины: чтобы Марфа не личности служила, а обществу: феминизм, фельдшерица Екатерина Семеновна... Типы «товарищей»: Ульрих — философ, честный немец, жизнь как вывод из философии. Горбачев: что значит «идейный»? — идея одна владеет... Переход от купца (Мих. Евт.) к сыну (Мих. Мих.). Им жить хочется (любить, напр.), а жить нельзя (стыдно жить, когда кругом нищета) — нужно создавать новую жизнь, но так, чтобы в ней было то, что не пережито, отсюда земля: счастье на земле, здесь, с исключением тайного, личного: так возникает государство будущего.

Не есть ли социализм стремление сделать тайное, личное Христово начало общим, спаять людей в одноличное существо, творческое, здесь, на земле? В таком случае, почему у них убийство, отсутствие творчества, рационализм, ненависть к религии и проч. и проч.? Социалисты все неудачники, «несчастные», которые хотят силой быть счастливыми и гордостью, а не смирением, и все отличие их религии от религии «счастливых» — что счастливые познают Бога смирением, а несчастные гордостью. Христово учение есть учение счастливых людей, которые хотят после всего жить, вечно жить, всегда полагаясь на волю Божью, а в социализме только воля своя. Переводя все это в психологию творчества, социализм будет произведение «передуманное».

Проклятие «неудачника» в том, что он не может возвыситься до самозабвения, до постижения мира «an sich»*, потому что ему мешает «личное», — вот эта маленькая зацепка есть основание для понимания всей разницы социализма и христианства. С Христом, но против Отца, а Христос был в согласии с Отцом: в двух Заветах, в Отчем законе.

* самого по себе *(нем.)*.

«Зацепка» есть основание гордости, гордость дает иллюзию совершенной новой жизни и разрыва с преданием — основу нигилизму. Голубые бобры для И. О.— основание будущей его веры.

«Зацепки» товарищей: у И. О.— пол, у Семена — вообще, быт, как и у Сергея Ивановича, лишенного семейного, общего всем, даже животным, счастья; обозленные здесь, они всю свою здешнюю готовность жить, иметь семью «переводят» (засмысливают, как немоляки) в идеи чужие; религия и общечеловеческая жизнь — [верить] и любиться у них получает принципиально земную номенклатуру, земля имеет общее с обыкновенной землей только в слове, слово выходит пустое (земля Израиля в Торжке).

Чем отличается интеллигентская трагедия (зацепки) от крестьянской: у крестьян «зацепка» — земля.

<*Зачеркнуто:* П[ослание] Р[имлянам]>.

24. Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда: ибо если кто видит, то чего ему и надеяться?

25. Но когда надеемся на то, чего не видим, тогда ожидаем в терпении.

26. Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших: ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными (П. Р. VIII).

16. И так помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего (П. Р. IX).

32. Почему? Израиль, искавший закона, праведности не достиг, потому что искали не в вере, а в делах закона. Ибо преткнулись о камень преткновения (П. Р. IX).

10. Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению (П. Р. X.).

20. А Исайя смело говорит: «Меня нашли не искавшие меня, Я открылся не вопрошавшим о Мне».

В крестьянской семье, когда девица замуж не выходит и как работница отдается в жертву семье: положим, что такая дева тоже предрасположена даже к этому — дома сидит, не ходит с парнями, а другую «не удержишь

нипочем». Такая дева и есть богородица — Христос есть создание не ее тела, а ее мечты (без греха). Семья Елизаветы дает представление о Христе, ее братья — христиане, кроткие.

Значит, Христос был всегда, во все времена в самой природе, и, быть может, то, что мы, христиане-церковники, называем Христом, вовсе не есть Христос. Что же касается тех «божественных» хороших людей, которые называют себя церковными христианами, то они были бы такими и без церкви и, вероятно, в других религиях, не христианских, поклоняются чему-либо подобному.

А вот Христово начало как деятельное начало европейской культуры, если таковое [есть], присуще церкви. Стало быть, Церковь несет Христа. И как тогда соединить противоречие: Церковь не имеет Христа — и Церковь несет Его? Быть может, так: Христос в природе, Церковь взяла это начало из природы и только распорядилась не так... И вот тут-то, для понимания этого, хорошо взять трудовую крестьянскую семью и проследить, как в самой природе естественно возникает Христово начало из Отчего со всей необходимостью и какую оно службу служит там... но только исход анализа — сама природа, род, семья, добывание пищи и пр.

Христос — необходимость, Его нельзя заставить силой прийти. И приходит Он в труде и в необходимости, и проповедь Его возможна очень там, где Он уже есть, а нужна проповедь для того лишь, чтобы соединить этих людей (может быть, проповедь тоже вытекает из необходимости, из избытка этого чувства Христа, и соединение людей уже есть высшая ступень), но что же значит тогда проповедь диким огнем и мечом — это, вероятно, страшное преступление, за которое, может быть, и расплачивается вся наша европейская культура.

Я знаю свой грех и чувствую как грех, но люди, мои сверстники, делали то же, не чувствуя греха, значит, не в самом преступлении моем грех (ведь и преступление мое не больше, а часто меньше других), а в сознании его, в чувстве боли и моей отдельности. От этого сознания кажется, что я не такой, как все, чего-то лишен, что все имеют, и,

значит, это чувство (сознание, обида и пр.) не из дела, не из факта, не из жизни пришло ко мне; и вот надо когда-нибудь это почувствовать, что не я виноват в этом: то (преступление) — общее миру всему, весь мир этим заражен, но сознаю это только я (по-своему — мое отъединение), и что вот это мое сознание нужно отделить, и что оно, начало его, непостижимо, что оно есть не грех, а дар мой. И в тот момент, когда я почувствую, что это дар мой, что это «я» и не «я» — не от меня, а «я» в том, что это «не мое» соприкоснулось с миром и стало узелком («я»). Должно быть, когда это станет ослепительно ясно, то явится и моя невиновность, и планомерное (сознательное) отношение к миру (воля), и правота моя; и это, должно быть, есть искупление и то, что называют: Христос спас...

Чего же бояться Христа? Чего сопротивляться Ему? Почему «язычество» право в своей борьбе? Разве Христос помешает язычнику в делах его?

Гамлет: сознание отстаивает свои права у природы, а у интеллигента (моего) природа в своем священном и вечном значении отстаивает себя и побеждает.

Христа рождение дает план — да! но это план только в том случае религиозный, если из цельности натуры, если целиком всего человека изменяет, но не дает ему план в «специальности» морали, так же как и воин (инок Пересвет) умирает для защиты земных (отечество) ценностей — он умирает и дает жизнь другим. Поэтому социалисты (защитники интернационального отечества) живут не так, как учат: проповедуют всеобщее мещанство, а умирают героями, проповедуют стадность... говорящая Марфа; их грех — что они говорят, они не должны говорить, Бог не дал им языка, как любящей Марфе не дал дара слова, призывающего к действию, к движению, а дал только слова утешения, любви, сохранения, дело дал (любовь к отечеству, прикрытая ничего не значащими словами, любовь к семье «в принципах»). И так социализм, с одной стороны, имеет черты сектантства (немоляки): нетерпимость, частичность, ложность от частичного приятия мира и гордость и пр.; с другой стороны, опять как сектантство,

сохранение чего-то вечно природного, присущего всему миру — и тут разница: у сектантов это вечное начало называется «истинная церковь», «Христос», «новая земля», у социалистов — «подлинная земля», «языческая земля», «звериное начало».

Тайны (пустыньки) социалистов... (личное): личность — герой — жертва жизнью, чем сильней рискует личность, тем больше она сохраняет себя, и смерть — высшее спасение, а к другому (ближнему) нельзя предъявить того же; наоборот, ближнего надо сохранять, щадить... и «Марфа» есть выражение этого, и социалист, жертвуя своей жизнью за сохранение жизни (земли) других, именно и дает живой пример этой обыкновенной веры в жизнь, в вещи жизни, в их — но... горнило жизни, игольное ушко (верблюд через игольное ушко).

Бог есть Дух, значит, жизнь в Боге есть одухотворение ее. Жизнь складывается так, что с внешней стороны люди живут, не зная о Боге, и Он сам изнутри жизни является нежданно, невидимо, чудесно. Семья, труд и всякие «отношения» есть условия Его явления, но не обязательные, и не от них Он. «Бог приходит к людям» — это значит, что Он изнутри общества, из отдельного сердца приходит к тем, кто на краю жизни живет, и складывается жизнь, как предустановлено, а вовсе не от себя или от Бога. Вот почему природа (а также государство, общество, которые находят в природе законы) есть бессознательно изначала заложенное творчество Бога... А человеческий Бог в человеке является и обратно направляется, воздействуя на природу.

Есть у меня бессознательная любовь ...

Не будь мужика в России, да еще купца, да захолустного попа, да этих огромных пространств полей, степей, лесов — то какой бы интерес был жить в России?

Примитивная (первобытная, народная) душа есть зеркало для культурной души: каков сам культурный человек, таким он и отразится в первобытной душе, и часто

кажется ему, будто он судит первобытную душу, мужика, а на самом деле он судит себя самого.

Так, в глубоких чистых лесных озерах, одинокие, отражаются корявые выворотни, муравьиные кочки, и сложенные у края поленницы, и дуб со своими дуплами и птичьими гнездами, и ракиты, и месяц со звездами. Душа — зеркало неподвижное и вечное, а случается там только наше собственное, то, что мы несем с собой и что называется культурой. Смотреть в душу-зеркало — значит судить самих себя, нас, людей культурных. Природа — зеркало — Бог Отец. Человек истинной культуры — Христос. Исследуя народную жизнь, нужно делать постоянные открытия, смотря в зеркало природы, улавливая необходимые, законные, неизбежные явления Христа по высшим законам и отделяя это от насильного и ложного, что называется тоже христианской культурой.

Есть во Христе оправдание войны, убийства, но не всякая война и не всякое убийство оправдывается Христом (разработать мысль): от убийства до Христа.

У мужика пустая голова, а не будь у мужика пустая голова, что делать умному?

За угорами леса да мхи, морошка растет.

Ражий (Даль)... Ражий старик. Бог место возлюбил: он работает, а Бог ему на другой год вдвое. Многограмотный. Комары суколапые и вялоногие. Гусей чернехонько. Забытное время. Довольнехонько живут монахи: берег рыбный.

Бог положил медведю морошку есть да ягоду, а то запихнется под снег, ногти сосет и еще сильнее бывает.

К Илье пророку звезды показываются.

Яблочки на ней висят наливные, листовицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные — кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Бог путь свой делает, Он — Создатель.

Монах высокого образования.

Ночи безгрешные — день сухой.

Скверно и нечисто помышление и леность и нерадение еже о молитве, еже друг на друга ненависть и вражда,

сребролюбие и вещелюбие — душепагубная страсть; миролюбие и словолюбие, Божие угожение.

Трудники и гостеньки.

Дождик спешит. Снег так и изноет на берегу.

Лес страшный, суземы на 500 верст.

Зачем мне врать: не два века жить.

Господь снегом наказал.

Чушь, которую может понять только русский.

Монастырь вести — не лапти плести.

Истина в пламени... Наука требует распятия себя... Ценности, рожденные пламенем, и ценности выше пламени в белом спокойном свете смерти... Первое от Отца, второе от Сына.

Найти целый ряд таких народных рассуждений о мистике, напр., о судьбе, о воскресении...

Круги природы — два мифа у всех народов: 1) о союзе неба и земли 2) об Эросе. Библия в обработке жрецов, стремившихся привести к единобожию, — как это обще и древне, и вот почему верящий как бы падает, отдавшись этой книге. Но мифа об Иоанне нет у евреев.

Летнее: туман — кресты в тумане, роса. Сказка: леший в немку влюбился.

Как я сделался охотничьим королем: Лутовиновские леса...

Моя охотничья дача. Типы охотников. Собаки. Описание дачи в подробностях: река Мшашка, летом с перерывом, и когда пускаешь клочок бумаги и узнаешь, в какую сторону течет речка — туда идешь. Излучины — запутаешься в излучинах. Ночевка в пути (светляки). Места проворные. Чистое поле глазасто, лес ушаст. Чувство бескрайности в наших лесах: окраины дачи, моховое болото, грязная корчевка.

Снимаю избушку: холодно — когда черемуха зацветет, будет тепло — отчего же она не цветет — оттого, что холодно.

Не бей ястреба (волка) — это свой, в своем саду он не тронет...

Звероподобные мужики — егеря. Я купил собаку за 30 р., и это возбудило жадность: 30 рублей! Хвастовство.

Осень. Разорвалась серая туча, а солнце не показалось, второе серое небо закрывало солнце. И второе серое небо разорвалось, а солнца не показалось.

И третье, и четвертое разорвалось на быстробегущие клочья, и вот наконец слегка обозначилось какое-то светлое пятно. Но тут вдруг по-новому дунул ветер, все небеса закрылись плотно, и потом, казалось, навсегда, — безнадежный мелкий осенний дождь...

Кукушка... У кукушки мужа нет, а полюбовник у нее ястреб.

Весна, как живое существо, никогда не бывает одинаковой: жизнь весны как складывается, ожидания.

В настоящей природе никогда не бывает так, что если поля страждут от засухи, то где-нибудь в помещичьем саду хорошо: нет, если в полях плохо у мужика, то и в садах плохо, и не смеешь радоваться.

Уток стая пролетела — будто полнеба опрокинулось.

Заблудший ручей с гор вышел, тек и тек.

На подозерице есть небольшая палестинка, и на ней всегда бекасы бывают.

Ворона кричит на дереве: дождя, дождя!

Заклинание морозу: «Морозик молодой, тебе на стояние, а мне на доброе здоровье». Подносит месяцу свиное рыло и ухо. «Мороз, мороз, поросенка не морозь, иди с нами ухо свиное кушать. Двенадцать лысых мороз сломите!»

Клюквы соберут, лес погрызут, когда зверина попадется — мясо поедят, редко в город выезжает мужик, других и век не увидишь.

Под четырьми выворотнями ночевала медведица.

Водливо, оводливо, комарно. Тишина на воде — рыба щетину показала.

Дичи у нас густо. — Много? — Густо. — Есть? — Есть. — Много? — Густо. — Очень много? — Гораздо густо.

Обняло болото.

Птица грач. Грач не галка: та норовит своровать, а грач безвредный; и чем только он кормится — Бог его ведает: ни на суслике его в поле не увидишь, ни чтобы около дома что своровал. Селится грач от себя, где ему любо, там и совьет гнездо. На Веряжи грачи живут на правом берегу, на левом нет ни одного грача, потому что на левом берегу народ живет разбойник. Грач не обижает человека, но и грача не обижай. В Юрьевском монастыре архимандрит великий был разоритель гнезд, грачи выждали время, когда архимандрит кончил обедню, собрались несметной тучей и с головы до ног окатили белым монахов.

Ежик — много у нас, обнаглели, не боятся. Свернулся, и как мотор. Взял я ежа, он устроил за ночь логово из газет. Представить себе его мысль: он как в лесу, газета — листья, а я — лесной хозяин: лампа — луна, хозяин сидит и курит, а ежу будто туман над озером (детский рассказ).
Ежик повадился кусаться, подберется под одеяло и за ночь все пятки обкусает.

[Петербург].
21 Декабря. Всенощная в Казанском соборе.

Дикий лес кругом. Леший из омута. Север. Церковь внутри леса.

Свете тихий!.. Звездочка—лампадка в алтаре. Звездочки внутри иконы. Ектения: работа и [молитва] помогают. Красные звезды над Царскими вратами. Престол внутри алтаря: колеблется пламя красной лампады на алтаре: престол или жертва. Жертва? Запах пота и тления в церкви от людей, если взглянуть непосредственно. И какая красота, если вдруг войти внутрь. Крест, напоенный

кровью. Красота храма... века... Красота природы только в храме: это постоянное: вселенная и другая, космическая, понятна в возгласе «и на земли мир...» — там за стеной... Так вот что значат слова Легкобытова «нужно создать человека» — за стеной звери, а тут в церкви создают человека... Но все отдельны в этой церкви... не действенны... А у хлыстов? Театр, красота... Как я раньше не понимал, что все, что в церкви, имеет за собой живую народную душу. Все — до этих ангелов бронзовых, спящих на колоннах... Блестящие сбоку чьи-то устремленные на лампаду глаза...

Отец Ионафан подгоняет, но ничего не понимает. Серафим понимал красоту...

Лекция Чуковского о литературе и самоубийствах. Самоубийство от разделенности с обществом. Это верно, но только слишком общо...

КРЫМ
(Славны бубны)

1913.

20 Февраля. На Неве лед вырубают (снежная). Ледники набивают, значит, скоро весна. А Петербург весь в снегу, и морозы на редкость прочные стоят. Но свет не тот, у нас на севере не в тепле дело, а в этом особенном свете. Предчувствие весны — единственного великого праздника — начинается необыкновенным этим светом, небо словно раскрытое море стало, лед преобразился в прозрачные облака.

У меня предчувствие весны вызывает часто далекое воспоминание, когда, бывало, мы учимся в городе и все дожидаемся, когда нас отпустят на каникулы. Приезжаем домой в деревню — рай, а не сад! все цветет, поет, ликует. «Ну как, хорошо? рад ли?» — спрашивают домашние. Как же не радоваться! Еще бы не радость! Никто не думает, не может вообразить себе, что вот уже готово сорваться у мальчика слово: «нет, не рад!» И теперь даже жутко становится подумать: что если бы сорвались слова и открылась бы тайна вся, сколько бы тут насмешек и сколько мучений было и отравы, той ужасной отравы, которая и есть источник всякого греха: страх людей, недоверие, уединение и одиночество... А тайна была в том, что однажды, еще той весной, когда в городе ледники набивают и продают моченые яблоки, в окне дома, где живет мой товарищ-первоклассник, я увидел сестру его: снежная, с голубыми глазами, смотрела на меня просто, без улыбки и грустно, как смотрит снег весной с голубыми тенями.

Возле дома моего друга был забор, весь утыканный гвоздями, и на этих гвоздях были теперь маленькие снежные куколки. Каждый день украдкой я потом проходил,

нарочно делая большой круг, мимо дома моего друга и видел, как одна за одной таяли снежные куколки в весенних лучах. Иногда, очень редко, и она показывалась в окне, куколки таяли, а она показывалась, и весь снег сбежал, подсыхать стало, на улицах в подножки играли, на заветном заборе одни только гвозди торчали, а она одна, моя единственная, снежная, не таяла и показывалась мне время от времени. И больше ничего! Я не сказал ей ни слова, ни разу даже не видел иначе как через цепь заборных гвоздей. Но что из этого! В душе моей была Херувимская, ей одной пела душа божественную песнь, и брату ее в тех же тайнах души моей я отдавал царские почести... И вот вся моя тайна этой весны: больше ничего: снежная <*зачеркнуто:* куколка>.

Как я ждал весны, как я ждал этого свидания с родным садом. И дождался невиданного, неслыханного: только в разлуке с отчим домом понял я, увидел все великолепие цветущего сада. Мне казалось тогда, что деревьев нет в саду, а [есть] зеленый особенный дом какой-то, я, кажется, никогда и не найду земных слов, чтобы выразить это особенное райское великолепие. Но вот спрашивают меня: рад ты? А я чуть-чуть не сказал, что не рад, и чуть-чуть не совершил ужасное: чуть-чуть не выдал тайну снежной куколки. В этом райском саду я, как первый человек, был теперь одинок и печален. И Бог сжалился надо мной, оставил неразделенной эту мою тайну до конца. И сейчас даже мне страшно подумать, что чуть-чуть не сказал тогда: не радуюсь этой роскошной весне.

Иней... Белые куколки на заборе. За одной веткой другая и третья, и в глубине ель. И чуть поводит береза. Идут мальчики, стучат по забору... сыплется. Одно мгновение — рассыплется. Для чего существует иней... мга. Красная мерзлая рябина в инее. Грезы. Воробьи и белый пух. В белой глубине красная труба. Метла дворника. Все кончилось: белые бесформенные кучи на снегу. Куколки белые с забора рассыпались.

Так оно и осталось. Когда небесный особенный свет начинается над землей, еще сплошь покрытой снегом, начинается в душе моей Херувимская далеким неведомым

краям, я как будто отрываюсь от [земли] и куда-то лечу: чудесное путешествие над снежной землей навстречу зеленому лесу, и, кажется, тысячи лет еще пройдут, пока закукует кукушка и соловей запоет, и что там, в зеленом лесу, будет чудесный конец [путешествия]. И Бог знает чего только я не переживал в этом путешествии навстречу весне. А когда совершится все, оденется лес и поля, и дачники все двинутся из города, и начнется настоящая, обыкновенная, общая весна, то ничего моего не останется для меня: все как будто давно, давно прошло, и Бог знает сколько пережито. Так бывает с интимными праздниками почти у всех, почти всегда. Собираются, собираются, священнодействуют, а когда наступил сам праздник... Боже, какая скука: ветчина, творог, красные яйца... Я не верю, и никто не верит в эти праздники.

А ведь должны же быть праздники! И есть они, как тайна, у каждого, как проходящие облака, незримый свет...

Когда я, бывало, весной уезжал на Север и, постоянно двигаясь вперед, всегда был вестником весны и достигал таких краев, где только чуть зеленеющие мхи и оторванные громадные плавающие льдины своим движением говорили, что где-то началась весна, — как страстно хотелось мне хоть на минутку коснуться этого южного праздника природы, [коснуться] земли, покрытой цветами. И вот теперь я разрешаю себе этот праздник: я еду на юг зимой за началом весны, увижу южное море, лес, обвитый лианами. И вместе с летящими птицами буду лететь [вместе] с весной на Север: будет долгая чудесная весна. Со мной неотлучно будет мое снежное детское божество, моя снежная дама, единственная, не растаявшая...

На Невском под дождем, окруженные экипажами и толпой, глазеющей на мокрые флаги и электрические лампочки, мы где-то очень долго стояли, и наконец страх начал овладевать: опоздаем к скорому поезду, не вырвемся! Там, на юге, куда я еду, сегодня читал в газетах, миндаль цветет, а вот тут какое-то сплошное торжество инфлюэнции. И вот уже чихнул, и мысли несвязные, коротенькие мелькают: «Какой миндаль цветет, сладкий или горький,

сладкий или горький? Сколько лампочек на доме? Насчитал пятьсот. А мне одна лампочка в месяц обходится три рубля. Сколько же стоят все эти лампочки?» Чтобы скоротать время, я начал уже лампочки [умножать] на число домов Невского, и все по три рубля, но вдруг поднялась палочка околоточного, и все извозчики двинулись.

Утром какое блаженство проснуться в поезде, мчащемся на юг по земле, в которую вглядываешься каждую весну с неослабевающим вниманием. И каждый раз задумываешься об этой тяге к земле. И странно! Вот уж сколько раз в [моей жизни] является мне на помощь член землеустроительной комиссии и начинает объяснять положение вещей. В этот раз мой спутник нотариус.

Как только я сказал ему, что живу зимой в Петербурге, он сейчас же начал:

— А, господин Петербуржец.

— Да я вовсе не петербуржец.

— Ну, как так не петербуржец — петербуржец. Чем вы занимаетесь?

— Пишу.

— Пишете, но что же...

В нашем купе ехал еще батюшка из И. И он попал в петербуржцы, и тоже попал в петербуржцы морской офицер. «Что вы делаете, что вы делаете, г-н Петербуржец!?» [Г-н] нотариус, что вы с землей-то делаете?

И начал нам рассказывать о хуторе... Обстановка рассказа. Земля...

21 Февраля. В путешествии самое главное — нужно как-нибудь заблудиться, чтобы исчез обычный расчет во времени и в месте. Помню, однажды летом на черноземе я так случайно заблудился: шел к приятелю, указали мне на лозинки, пошел туда, и вдруг поле вспаханное, не хотелось обходить, пошел прямо паром, очень устал. А когда добрался до лозинок, ничего там не нашел: просто были лозинки. Пошел в другую сторону, и опять напрасно: хутор был не тот. И все больше паром, черноземным паром приходилось блудить. Вдруг усталость от жары охватила меня страшная, и какая-то смертельная острая тоска схва-

тила за сердце, и земля, родная черноземная земля, стала мне казаться просто каким-то чудным, посторонним всему моему существу минералом... Ох, сколько бы тут нужно еще рассказывать об этой смертельной тоске в полдень на черноземе... Знаю только <*зачеркнуто:* что смерть не страшит>. И вдруг откуда-то радость, острая неудержимая радость: ноги идут по чужой минеральной земле, а в душе родная, настоящая, бесконечно большая земля, необъятные пространства и удивительные люди, и уверенность, от этого уверенность и радость бесконечная, что я захочу и буду по всей этой необъятной земле бродить свободно и заходить к этим удивительным людям. С той радостью я шел совсем как-то в ином измерении. Иное измерение! но почему же радость моя продолжалась, та самая радость, когда я попал наконец в довольно серую семью своего приятеля? Попади я до этого, была бы скука, а тут радость, и знаю, радость я другим дал, и умей я тогда писать, то мне за простую передачу этого настроения дали бы даже деньги. Отчего же это? Вот я и думаю, оттого, что заблудился, потерял на минуту все привычное, насильно заданное, чужое, и осталось свое собственное, подлинное. И в путешествии, я думаю, весь интерес состоит в том, чтобы заблудиться, и тогда что-то открывается, и новая земля и новые люди будут действительно новыми. Но как это сделать, я не знаю, тут одно упование...

Я не посмел бы осудить город и сказать, что вот город плох, а деревня хороша, этого нет у меня. Но я в городе не могу заблудиться. Я не успеваю как-то овладеть одной атмосферой, как вступаю в другую, одно перебивает другое, и получается мелькание. Раздать бы город, чтобы все эти чудесные дома, и памятники, и дворцы, и люди были в своей атмосфере, чтобы одно совершенно кончалось, а потом начиналось другое. Но боюсь, что одного большого города хватило бы слишком на многие земли. Но я не могу овладеть городской атмосферой и завидую пролетающим над городом перелетным птицам: кажется, они на лету все понимают.

Снял с пальца обручальное кольцо... Зачем оно в путешествии, где я должен быть совершенно свободен и готов делать самые бесстрашные опыты. Мне не стыдно, жена моя знает... она совершенно свободна делать такие же опыты. Да нас и не это соединяет, мы все это пережили. А все-таки как-то стыдно... Одно извинение, что бессознательно: посмотрел на нее, поговорил немного и незаметно снял и положил в кошелек. Ее зовут Ванда, она архитектор и страстный охотник. Мы познакомились с ней в Севастопольском поезде еще у Николаевского вокзала. Две подруги ее, некрасивые барышни, провожали и слушали подобострастно. Она явно позировала, то и дело слышалось: когда я строила дом на Морской, когда я строила дачу в Финляндии. Но очень уж она была интересна, эти тонкие змеящиеся губы, изогнутые брови черные — серые глаза — все было ей простительно. Я снял свое обручальное кольцо совершенно бессознательно, больше: если бы я заметил, как снимаю, то ни за что бы не стал снимать.

Мимо окна проносили золоченую клетку с двумя кошками. Это были генеральские кошки, я их хорошо знал: Лялька и Милька. Они тоже ехали в Крым. Их целую зиму лечил мой приятель, ветеринарный врач. Кошки страдали инфлюэнцией.

1 Марта. Симеиз. 22-го вечером из Петербурга. — 24 утр. воскрес. Симферополь. — 25-го Алушта — Ялта — Байдары. — 26-го Байдарская долина. — 27-го Узунджа. — 27-го вечер Симеиз. — 28-го Симеиз.

— Одно из красивейших мест! — сказали Анатол. Тим. и Б., лежа на пляже. Описание их сада (глицинии и проч.)... — Италия или юг Франции — что же может сравниться! — И задумались, и вдруг один говорит: — А представь себе, что это болото, а не море... — Смотрели долго, глупо смотрели: море ведь очень глупо, если смотреть нарочно — но на лодке нельзя, рыбу нельзя, и наконец воспоминания, и вдруг: а представь себе, что это болото! мочежинками — и в Турцию.

Вызывают друг друга пищиками от рябчика.

Калифорнийский перепел.

Миндаль цветет с января: а вот уже март, а он цветет, все цветет.

В Ялту с заведующим и доверенным табачной фирмы Бостонжогло: новенькие... Табачное производство: синдикат скупщиков.

На перевале Чатыр-Даг: один поворот — и кипарисы, кучки кипарисов-монахов, там два, там три, приближаются, встречают.

(Крымские контрасты).

Можжевельники и камни — вот основная природа, а потом природа в горшках. Скала Кошка, и там в сезон всегда демон поет.

Нет весны! Дождь не мокрый, снег не холодный. 1-го Марта. Метель в горах, солнце в долине, море волнуется. Через час горы сияют, море спокойно, тепло. Пришли к Лебеди — стало холодно, вышли — тепло. Дождь не мокрый, снег не холодный, нет весны. Страна, где два времени года: теплое и холодное. Среди зимы в декабре и январе расцветают подснежники. Кажется, тут нет правил: почки на дубе не торопятся, знают... просто... что им? — тут нет поста, нет правил: выглянет солнце зимой, и зимой расцветают цветы, когда пишут в газетах: «зацвело», что это значит? И осени нет.

На автомобиле ночью по берегу Черного моря. Большие звезды и разговор техников и мыс Одиссея, к которому корабли приставали. И разговор о Юрской формации и о том, как швыряют с высоты: бук, граб, дуб, орех... И вдруг среди этого воспоминание... Плыл дельфин, и все так просто было, и вдруг погрузился в морскую глубину, на поверхности разговоры, а там полуночное солнце и тревога белых ночей.

Как я увидел Байдарские ворота.

Море. Комната с окном на море и радость обладания (спокойного) — синее, зеленое, серебрится остров на синем...

Туманно... море как земля, как от земли пар поднимается, ветер прогоняет... прогонит, и [станет] тепло и ясно.

Байдарская долина. Крокусы на полях. Омелы на деревьях. Орехи в долине... срубили орех из-за тени... а что собирают с земли... поле не поле, лес не лес, река не река (каменная река), Черная река из-под скал, плодороднейшие лессы... чашечка кофе... Мустафа — орел. Татарки — цвет[ные] из-за углов, из-за плетней, посмотрели и метнулись, шли и исчезли... группа женщин смотрит... мулла... благородные профили... Турки на дороге... [Готское] кладбище. За железной решеткой женщины. Русский и татарин — их семейный быт.

И над всем — море! Сколько бы его ни бранили, что бы ни врали, оно все — море.

Можжевельники — хозяева. Страна без народности. Природа — проститутка: кто ни придет — всем улыбается синее море: пришли генуэзцы — от Афин до курорта.

То, чему студент изменил: никогда не видеть!

4 Марта. Осман — Пастух.

Стучатся — проводники. Слава Богу, начинается, вот обрадовался — весь город ожидает гостей: в крахмальном воротничке, синей куртке, и, наконец Осман, робкий и скромный старик, бедняк. — Если бы у меня была своя кофейня! — Проводники живут хорошо! — Ну да! — А как же вы живете, плохо? — Ну да, плохо: на ботинки нет. А чтобы открыть кофейню, нужно 100 руб. Вот если бы я как Ахмед, у него своя гостиница, лошади [хорошие], и живет с русской барыней... — Это нехорошо! — Нет, это хорошо: у него своя кофейня, своя гостиница... на деньги барыни, и даже лошадь [хорошая] мальпост. А потом, когда барыня ему денег перестала давать, он бил его кнутом. — Это плохо, Осман! — Ну да, это плохо! Я прихожу раз к барыне, [принес розмарин], говорю: чего ты хочешь? «Чего я хочу, у тебя нет, Осман!» Я принес [ему] черешен. «Не нужно черешни, чего я хочу, у тебя нет, Осман». — «Чего же ты хочешь?» — спрашиваю его. Она молчит и смеется. Тогда я привел ему молодого татарина Махмета, и он его... — Это нехорошо, Осман! — Нет, это очень хорошо: у Махмета теперь гостиница своя и лошадь мальпост. Нет, это

очень хорошо! А потом Махмет совсем стал богатым и бил барыню кнутом. — Кнутом, это плохо! — Ну да, плохо...

Что-то детски-милое, в то же время джентльменски-скромное и почтительное было в старике. Такой мне не помешает, я согласился взять его. А он, обрадованный, вынул свою книжку, где туристы расписываются. Много было всяких рекомендаций, что Осман хороший проводник, скромный, и между ними вдруг теплая надпись: «Милый старик! все благодарим тебя, помним Османа», и подпись сорок двух дам.

— А это я по дороге расскажу, пойдем и расскажу, а то времени нет. Ну да! Барыня тихо ходит, а со мной их шли сорок две барыни. Вот цветок — я прошел мимо, а он мимо цветка не прошел, один остановился цветок срывать, а другой идет, [отстал] и кричит, а третий ушел смотреть, как баранов пасут. Когда я с барышнями иду, у меня труба. Я трублю в трубу, и барыня собирается. Ну да! Летнее время дама туда-сюда ходит: там цветок увидит, землянику, там барашка, там камень. А я затрублю, он и собирается. Зато так тихо и ходят, ну да! А дама молодой, старый мало ходит, самый молодой восемнадцать лет, самый старый двадцать пять. Привык ко мне, и вместе кушать. Как отец родной. Кошелек потерял, я нашел. Прошел немного и опять потерял. Я был ему как отец родной.

Овцы, молодые ягнята медленно передвигаются по Яйле...

Я говорю ему: у нас воды нет, [еды] тоже нет, нельзя идти на Яйлу, заказали моджара с провизией везти на гору.

Купаются все... рядом лежат, а я как увижу, кто идет, трублю. Как он услышит трубу, скачет все из воды и одевается... Нет моджары. Спать ложатся кучками. Я купил барана у пастухов и пришел. Топим большой костер. «Живой, нет, мы кушать не будем». Сварил, покормил.

Дождь не мокрый, снег не [холодный].

Комиссионер. Вначале я не мог отличить грека от турок...

В Ялте я зашел в лавочку купить себе апельсин, молодой человек в феске продавал фрукты. Я подумал, что он грек, и, желая завести с ним политический разговор, говорю, что греки взяли новый город [у турок] — Греки? — повторил торговец. — Да, греки, — ответил я. — Греки? — опять повторил он и посмотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я понял, что со мной разговор вел турок, и не знал, как выйти из создавшегося затруднительного положения...

Турок завернул апельсины, а потом взял меня за рукав и подвел к какой-то книге. — Вот это книга? — Да, это книга. — Мулла говорит, что в ней написано: [пусть] греки возьмут Адрианополь и Константинополь возьмут, только через двадцать [суток] турки опять отнимут Константинополь. Но они будут стрелять не пушками. И не ружьями. А чем вы думаете? — Бомбами с аэроплана? — И не бомбами. Мулла говорит, они будут резать ножами. — Отмерив ладонью от кисти до плеча, он сказал: — Вот такими большими. — И посмотрел на меня глазами широко раскрытыми, большими, и в глубине их были темные маленькие черные точки. — Вот такими, булатными! — повторил турок, провожая меня из лавочки. С этого времени я решил узнавать: опасно. И, проходя мимо кофейни, зашел туда, кофейня полна была, облака дыму висели. Единственный столик незанятый был посредине, и я сел... Одновременно со мной сел какой-то кавказец, я спросил и удивился: в Феодосии (заходите).

Рассказ о том, как велика Москва...

Схема рассказа: как отличить турок от греков — необходимость явилась, когда я турку, покупая винные ягоды, сказал о победе греков... вон какие ножи! А потом в кофейной я обращаюсь с этим же вопросом к комиссионеру... и потом как я купил «Дюбек».

Черты всеобщего демократизма — до проводников.

Приезжие легко одеты, местные в шубах. Горячие полдни — миндаль — рояль черный — куры — лебеди — дворец Воронцова. 7—го четв. — из Ялты на Ай-Петри. 8-го в

Кокозы. Зубцы и Трубы, разбросанные дрова, выкинутая зола и проч. Надпись: расстреляны...

Куда ты, туда я бросился.

Чахоточный учитель — отпуск на две недели лечиться в Крым, едет в Бахчисарай. Зимой Новый год встречает одинокий человек. На луне.

Великое и мелкое. Моя молитва. Пасха — Рассвет.

Солнце просто как удивление. 6° тепла — весенний [ветерок].

Альпинизм мало развит.

Pinus как рождественская елка.

Если бы не уставать! Объездил бы я весь свет, обошел бы все земли пешком, все моря, реки, растения, людей всех бы видел, знал бы и чувствовал весь земной шар как свою планету. Но каждый год осенью я думаю, что устал, что пора бросить. А наступает весна, и опять то же самое. Стоит только подняться.

Письмо, конверт с ее почерком — упоение, [письмо], а нет ничего и никогда не будет, нет надежды, нет ничего. И все-таки весенние сны...

Весна! Море синее и на нем острова разные, холодные и теплые, на одном маслины стоят, и море синее... на другом холодная сосна с тупым плоским верхом подпирает синие тучи, тис, камень, и чайка сидит на нем и наклоняется, ожидая холодной волны... и один остров знойный, и [стоит] кипарис древний, и цветы вокруг синие как море, миндаль цветет. Синяя долина. Идешь и собираешь по ней цветные камешки... Ветры разные, дунуло холодом, обдало теплом — каждую минуту меняется. Где же весна? Нет ее, нет тоски — делай весну! И поднялась голубая птица с зеленого острова и полетела на север, и невиданную все встречали с великою радостью — голубая птица летела. Кто терпел и страдал, тому и радость...

Где весна начинается?

На юге у синего моря понял я, как и отчего весна начинается — было так непохоже на все: остров серебряный, темные кипарисы и сосны на снежных горах подпирали

тучи [синие]. Кипарис не знал, что делать с собой, и птица [голубая] пролетала [на север], а на море — серебряный остров... и что там где-то остров есть особенный, откуда все начинаются долины, и деревья «четыре брата», и голубая птица; и когда пришло время: ну, теперь пора! и полетела на север голубая птица, и кому надо, чей час был, радовались этому, и весна началась...

Здесь на юге все сразу: прошел теплый дождь, всю ночь с моря гуси летели невидимые — белые таинственные птицы... Утром <*3 нрзб.*> и весна...

Куры и зерно кукурузное. Кокозы: сады. Язык татарский, как и у киргизов, подчиняет все, почему это?

Лунный путь: из Петербурга... в гражданском чине или в военном? Видел, человек в красной феске копает сад. Он тоже из Петербурга... околоточный, живет с татаркой... Лунные горы повернули к луне [свои огромные] слоновые хоботы... крепость, замок над долиной... моджар крытое не украдет... лежит на кушетке человек и курит, а другие пьют кофе и разговаривают: на дороге белые кулиджи, и тополя до звезд, и кучи звезд (Стожары), и Венера с кулак.

Благословенная долина... Облака-горы, недоконченные творения, каждый может лепить [свои] образы животных. Настроение лунных гор то особенное: просыпается древнее, Египет, и былое, и звезды... Замкнулись сзади горы, и степь открылась, везде моджары, и переход к Бахчисараю, [едет] женщина на извозчике с [моджаром].

Хаос.

Мать в свет дочку выводит. Полная румяная дама с черными усиками и муж [чиновник] прокурорский. Лиля с модной болезнью и желанием жить вовсю в Ялте. Дама старая, с темными кругами вокруг глаз, и глаза играют, и, все понимая, смотрит на молодое поколение — сводница, и самой достается, учительница молодых.

Можжевельники мягкохвойные и можжевельники жесткохвойные.

Скала [сухая], а за ней гордые скалы равные встречаются с равными волнами, и только брызги [летят]. Дуняша — девушка, вечно отдается смиренно волнам и наверху вечно сухая скала. Солнце ее греет, и потоком сухим ссыпаются как ручьи шифера — сухой треск. Сухая скала.

Гул хаоса подземный... игра... в белой пене, как в сливках... довольная... тип доктора, который жениться хочет. Мужчин мало, все бросаются на нового, а он: жениться хочу, и физиологически объясняется так, что все от него разбегаются.

Хаос: камни, можжевельники, колючки... и там стучит молоток и бурки: фески, [гремят] бурки! Каменщик — грек, чернорабочий — турок...

Цветет айва японская, распускается камелия — восковая, безжизненная, словно накрашенная. А бамбук плохо перезимовал... Позеленела ива вавилонская... Розы пошли. Вечнозеленый [кипарис] освежился новой зеленью. Можжевельник — кора ободранная. Земляничное дерево. Бабочка-лимонница и [красный жук]... В горах красные мускулы тиса. Карагач одноплечный и двуплечный. [Маленькая] Соня: — Ты на лимане был? — Нет. — А я была... На Кошке был? А я была. — Маслиновые рощи, оливковые рощи... Тысячелетние маслины срублены, и камни бур[ками] взрывают турки: строится дача — новая мечта... Стремление к мечте так велико, что даже артистка одна назвала свою дачу «Мечтой», и в «Мечте» комнаты сдаются со столом даже и для приходящих. А над новой «Мечтой» воздвигается «Грёза» и еще выше «Эльвира», названная хозяином-полковником в честь своей возлюбленной «Эльвирой». Вилла [«Эльвира»] всем хороша, но всем стенки поставила: закрыли «Мечту» лепные украшения с факелом... дым от [огня]: факел горящий... Балконы, [кресла] и в креслах тела, потом тела перейдут на пляж: и постепенно чернеют.

Дороги: осыпанные деревья — кипарисы в пыли, туи в пыли, дождем омоет, и опять пыль. Цветение кипарисов — [летит пыльца] и пыль. Голубые бусы на лошади. Ишак.

Ялта. Кофейня... Комиссионер. Кофейня полна турками и греками. — Я — армянин... — В Феодосии холодно, а здесь тепло. — Ничего, что тепло, — сказал «интеллигентный человек», — зато здесь погода ненормальная... Вино здесь хорошо. — Комиссионер толкнул меня ногой. — 40 коп. ведро — мускат, сейчас есть партия 2 руб. ведро (мусульманское вино). Лафа! Есть партия табаку: 40 пудов, что если вашим знакомым? Розмарин яблоко, не желаете ли? Повез розмарин в Москву. Думал, москвичей миллион, смотрю, извозчик №34000. И везде на улице костры, и у костров извозчики греются. У меня лицо все чёрное в угле — топил вагон с розмарином. Хотел помыться... спросил у городового самый лучший ресторан. Самый лучший ресторан — помыться — прогнали, и в другом прогнали. Пошел, взял яблок розмарин и дал швейцару — пропустил, дал лакею — пропустил, обед подали: борщ так себе, без капусты! опять дал яблоко, и с тех пор постоянно в ресторане принимают как своего... Не угодно ли партию табаку...

Пошли искать табак... [Пришли] в деревню... [Идем] на Мордвиново. Заблудились. Умирающий проводник: я его лечу. Зашел. На дворе: дети, жена, собаки, куры. На траве положил... Грязевые ванны не помогли, электричество не помогло. Я сделал ванны из коровьего помета — не помогло, сделал из свиной требухи — не помогла! — Табак не контрабандный? Нет. Идите... Заблудитесь... переходите... к фонтану, за мечетью, но там собаки сердитые... Убит? лежа подумал, что убит. Селям-алейкум. Девушка у фонтана змееглазая с кувшинами... дорога широкая открылась, пошли и очутились на краю дома, это и дорога, и крыша, а на соседней крыше смотрит старик на идущую девушку. — Табак ищем не контрабандный. — Из Петербурга? Знаешь ты Османа? — Как же знаю, знаю! — ответил я. Обрадовался: на чашечку кофе. Изба, увешанная платками, девушка положила сахар, кофе; ногти, крашеные волосы... смесь русского с татарским. Когда мы уселись, старик опять: — [Скажи], ну так ты знаешь Османа! — Как же, как же — он продается в розовых пачках. — Осман? — удивился старик. — Да, табак, фирма Осман. — Э! Не та-

бак, а человека Османа в [Петербурге] нельзя не знать, он в черкеске ходит...

Катакомбы, хохлацкие песни, хохлушки — гарем, перекладывают листики [табака]... «Дюбек». За 200 руб. не продам. Принес самый лучший. Деньги. Чем же я могу... ничем: а только найди Османа и поклонись от меня Осману. Вышли: женщина машет рукой: на чашечку! Шепчет: ну, поклонись Осману.

Психология движения: на автомобиле через горы — от гостиницы... вид наверх... дешево... Есть какая-то неправда в движении, хочется — цель — двигаться, но препятствия... весь смысл — спешить. Чудесно путешествие, но есть в нем мука, сердце движения — в муке: двинулся — нужно двигаться, всякое замедление раздражает — и вот свободный автомобиль: тут одно движение...

Быки в канаве трясутся, глазами не смотрят... и страх, ужасный страх, а их за рога держат, и моджары... Тройка лошадей, три [делают] один круг, а глаза мигают, кровавые белки, храпят, глядят смело, бесстрашно, готовы в бой... Овцы так и остались лежать, а коалы поднялись... Какая-то незнакомая деревня... и камни гор... покрыты полями снега... радость, что бодро, быстро... смело необычайно... Я слишком глазами утомился и вот не смотрю, а слушаю помощника шофера; роман: она была слепая и зарабатывала ему шитьем, а он учился в консерватории и стал знаменитым музыкантом и забыл слепую девушку. Однажды он ехал на моторе, взорвалось и глаза ему опалило, он стал слепнуть и нашел девушку, и стали они примерными мужем и женой... Снег на Четыр-Даге, выше и выше... снег, снег... наверх выше — снег глубже, и вот один поворот — и дохнуло теплом и показалось голубое облако, поворот за поворотом, облако растет, теплое дыхание оттуда; на горах внизу — темные [кучки], я узнаю их — кипарисы! В виллах [много кипарисов], они выходят из домов — монахи, собираются кучками, становятся возле дороги рядами... Виноградник, пыль на дороге и синее море, и вас первые встречают кипарисы у дороги и чуть-чуть колышатся ... Кофе, вино [хлеб] и брынза... Пока пе-

рекладывают почту — чашечку кофе: старик с голубыми глазами у печки — море просвечивает... Кипарисы вверх, сюда вышли кипарисы, и море.

От Алушты до Ялты. Табачные люди из Москвы. Перевал... Табачные плантации. Гурзуф... поломка... Молодожены и табачные купцы... Ялта — зяблик поет, а у нас — когда еще запоет?

Из Ялты в Байдарскую долину. Автомобиль ночью: горы, ночь, море, звезды, на поверхности разговор: Юрская формация и шифера, оползни... Спускаюсь в глубину моря — ухожу в себя... Море Черное — пустое море, сероводород, и оттого оно синее... Ночевка в больнице и на моджарах по Байдарской долине.

Заходят в кофейню и спрашивают: нет ли по пути моджара?

Выгода владельцев вся в том, что они сидят: цены на землю растут и все остальное... с дачи подсобным промыслом.

Тип В.: сердится... я сейчас пойду... а я буду продолжать... увлекается и опять: а я буду продолжать — и потом уже не знаешь, как уйти, и лошадь даст, и кормит.

В конце марта в гостинице нет комнат, дачи холодные — ютятся в уголках. Крик ребенка: прислуга — система перекричать, и так звон в ушах. Кофе пьют — привычка, как мы табак. Бублики.

Итак: 20—21 — Феодосия, 22—23 — Отузы, 24—25 — Судак, в ночь на 26 в Алупку. 26 — в Ялту. 27 — Ялта. 28 — Алушта, 29 — Симф., 30, 31.

— Если бы летом приехали. — А разве теперь зима?

И потом, зависит от турок: спустят турки лодку или нет.

Карадаг: желтые жуки и черные... холм: гора смотрит на солнце и проч. Асан. Путешествие. Могила и спина.

Шурф — легенды Крыма.

6 Марта. День яркий, знойный. Утро. Море белое. 4-го приехал в Ялту, 5-го в Ялте: Учан-Су... 6-го Никитский сад. 7-го Бахчисарай через Ай-Петри.

Ненормальная погода! — сказал интеллигентный человек.

Утро яркое, море белое, миндаль пахнет, пчела гудит. Прибой зашумел... прибой рассыпался... пчела гудит возле миндаля, незнакомое дерево. Проснулся, и море...

Человек удил бычки.

Фиалки в Массандре: ящерицы с змеиными спинками, чужие, незнакомые деревья. Глицинии. Вечером спустился к стене, за стеной кипарисы и луна через них и в кипарисах ключик от потайной дачи, на море прибой, из-под моря искорки... золотое лунное море.

Впадина Учан-Су: говор потока спокойный и настойчивый и всплеск волны-борьбы и... спокойное море.

Бахчисарай 9 Марта после перевала пешком через Ай-Петри. Думал, дождь, а это фонтан на дворе.... Зубцы Ай-Петри.

Византийская часовня и устрицы.

Март... Жара... Мороженое... Небо синее и облака... будто сжали в кулак и выпустили спрессованные... Вид на долину — тополя... сады... Кизил цветет... Запах земли... луж запах — родины, и невыразимое: суть. Из марта в апрель.

Лунной ночью на моджаре по долине: горы-животные... львы, слоны на луну смотрят. Крепость... Пещеры... Степь... Горы и... — А, из Петербурга! А, видел... в феске — он околоточный — он тоже из Петербурга... Из Петербурга — в гражданском или военном чине?

Бахчисарай... дома... Женщина в белом на извозчике... Мечеть — он воздел руки, и женщина... за ним и тоже руки...

С греком на Ай-Петри... Лес и дачи — у моря. Ялта — легкомысленный город. Грек из Трапезунда...

В Кокозах дворец князя Юсупова.

Жена Вас. Ив. кукурузой кур кормит — у нас кукурузой не кормят — и я тоже не... Да как вам сказать.

Мой товарищ говорит мне: Господи!

Встреча с муллой... Кофейня: кушать хочу... в лунном свете моджары.

9 Марта. 1-й день в Бахчисарае.

Сфинксы... Каменная пустыня под городом... Собак много! бешеные? Садится солнце... Спешу к закату и к караимам в синагогу, но тропы нет. Собаки еще, и женщина тащила по камням куст колючего растения, и с ней дети: здравствуй! я подошел — все разбежались с криком... За лощиной на утесе показался человек — путник в чалме... Сфинкс повернулся к солнцу. Путник... метался: солнце садилось, и он не успеет: ему не виден минарет — наконец он подошел и... и когда солнце коснулось земли, поднял правую руку и замер... А в это время на всех минаретах муэдзины кричали: аллах, аллах! и стая галок поднялась, и ударили в православной церкви Великое! Солнце село — путник сидел на земле... Я спускался, всходила луна из-за сфинксов и... я стал наблюдать, медленно двигаясь, и первый раз я увидел, что двигалась земля — луна неподвижна, а земля двигалась, один за другим отроги перерезали луну, земля уходила влево и книзу, а луна была неподвижная, мертвая и мертво светила — заблестели полу[месяцы] минаретов. Я спустился вниз. Еще виднелась заря, и на ней я видел много летучих мышей, на улице... летучие мыши.

Котов много... извивая хвосты, шли они по черепичным крышам, но из черепичных крыш какие-то высокие стены, а над стеной лепятся еще крыши-балкончики и мавританские окна... Кот пробирается выше и выше... и где-то в высоте стоит минарет.

Центральная гостиница — фонарь... единственный. И кто-то остановился и сказал: — Какой чудесный фонарь! — Единственный...

Гулял в саду ханского дворца. Соня Кефели — зубной врач. Религия караимов и зубной врач — «Женский вестник». А вывески и главная улица... описать вывеску: зубной врач.

У Гаспринского... европейцы... муллы — враги просвещения... *<1 нрзб.>* мед... (Гаспринского). Царь есть тень Бога... Туберкулез от курорта.

Стена за стеной, лунное небо и на нем видны верхушки тополей и минаретов ханского дворца. На балконе вечером: лай собак — как в ауле, и стало ясно, что я в ауле...

По узкой улице автомобиль — пыль, мелькнули на лавочке ноги (торговец фруктами вымывался — воду разлил) ... хозяин кофейной выбежал — не выпьют ли кофе.

В Бахчисарае все время на людях: извозчик, у которого я вчера спросил дорогу в Чуфут-Кале, подает мне руку... Хозяин кофейной встречает радостно... Палку я спрашивал — не было, а теперь я иду по улице, и все спрашивают: ну как, достали вы палку? И, в конце концов, мне дают палку... качающий головой, оттого что с детства у хозяев кофе молол... на улице кушают чебуреки... уют от тентов и балконов — все открыты.

Толстые яркие халаты: одни широкие, как море, штаны, кумач и рубашки.

Подсолнухи посыпались со стены: мальчишки в фесках.

Мулла идет на минарет.

Успенский М.: монах...

Нигде луна так не восходит, как в Бахчисарае: из-за горы со Сфинксом между тополем и минаретом: прутики тополя движутся по луне... Полнеба звезд смотрят чудно, дивятся.

Я открываю сезон: проводники рады.

Число кофеен... проводники — один проводник имеет гостиницу и живет с русской барыней и... золотом растет, другой вот уже сколько лет мечтает кофейню открыть и не может.

11 марта в 12 час. — Севастополь.

Морские офицеры. Чистота. Белое — чистое, большое. Закат — что после заката? море. Закат — выстрел. Аэроплан. Европа! Трамваи. Вещи расставлены... а там шурум-бурум. Солдатская песня на море... На бульваре в уголку: луна-прожектор — ожидает луну офицер с дамой, налево и направо одинокий господин: но луна-прожектор, и звезды-фонари, и недоступное море — в Бахчисарае все доступно, тут море — зеркало... и дух плененный, и обры-

вается мысль: сапоги почистить, а особенно резиновые подметки. Электричество, а там единственный... фонарь.

7-го в 8 час. утра пошел на Ай-Петри и 12-го вечером в 8 вернулся в Ялту: итого, был в ходу 5 суток и видел Ай-Петри, Бахчисарай-Херсонес.

1) Яйла в бурю — луна. 2) Восход солнца на Ай-Петри. 3) Переход по Яйле в Кокозы — снежная человеческая тропа, Март-Апрель, Кокозы. 4) Бахчисарай. 5) Осман-пастух. 6) Севастополь — Европа. 5) По морю: повторение пройденного.

Крым и Петербург — внутренняя связь: мечта о юге в Петербурге, жалобы на Петра Великого. Осуществление мечты: покупка участка в Поповке. Природа мечты о воле весной: кочевники... Белокопытовы оседают, не уезжают, а немногие попадают на юг. Я не был на юге... Мне он всегда казался каким-то пиром природы, незаслуженным мной. Но я столько уже времени посвятил Северу, что кажется, заслужил. Ранняя весна — любимое мое время года. У нас весна... бывает в конце марта. На юге...

15 Марта. Симеиз. Колючки. Глициния. Иудино дерево. Тень под цветами магнолии, а листьев нет. У нас цветы на фоне зелени, здесь цветет миндаль, а кругом деревья. Уксусное дерево и терн... Земляничное дерево (красное). Дикие груши цветут, абрикосы. Садовые большие фиалки. Дачи-корабли на море: будто плывешь, встанешь — море и все море, корабль так идет, и большой свет, и все синее... Здесь — синяя птица... Вавилонская ива — зеленые листики. Старые маслины на берегу моря, тысячелетние, видавшие настоящих греков и генуэзцев и скифов-тавров. Молодые кипарисы как дети-послушники в монастыре и, старые, прекрасные, стоят и чуть-чуть колышатся, и кажется мертвые, а близко — каждая веточка колышется, дышит. А наша береза? Ясень, бук, дуб, граб. Сосна итальянская. А вокруг камни и можжевельники — коренные обитатели.

Выбор участка: 1) вода 2) поставка припасов жизни 3) сообщение.

Курорт-сад, а подлинная природа — сосны, можжевельник, камни и недоступные — высоко — сказки сосен на высоте. Яйла — дети: за Яйлой Москва.

Ящерицы... на стенах из-под плюща и лиан. Не лови за хвост — оборвется.

Вернулся с Яйлы — лето: миндаль листья пустил, днем жара, а вечера еще не глубокие, серые и прохладные...

Рак-отшельник...

Цветные камешки — хорошее занятие... Шиферы текут — ручьи из шиферов: солнце село, влага ушла, и посыпались горы ручьями в море.

Поток упорный, вливающийся в море, волна прикатит — отбивает его, а татарин сочиняет стихи: ты не любишь меня, я стану утесом среди моря и буду дожидаться — так и поток... и конец — вдали спокойное море.

В двенадцать часов взошла старушка-луна, оборванная, бледная, над морем.

На Яйле торчком... стоит, все говорят о лесных насаждениях: — Видите, какие прекрасные сосны. — Не вижу! — А вот, чудесные...

Не вижу и сказать страшно, что не вижу — вижу!

Катер к Симеизу... Дорога — железная дорога — над Кошкой от Фороса. Южный берег — маленький. Психология движения (путешествие) — все новое и новое, автомобиль — это одно чистое движение, чудесное как движение и... как музыка... и в тоже время смешно идти пешком, когда можно поехать.

16 Марта. Шторм на море разыгрывается. А ветер теплый, и на душе, будто в теплую волну вошел, 27 градусов, и где-то глубоко в душе упреки: о, если бы ты был холоден или горяч, но как ты тепел, то...

Подснежники и... и ветер...

Награда ученому: лето...

Цель ученого: засадить лесом, собрать воду. Когда это совершится — спустится вода, а когда это будет, то и в лесу будут дачи и дачи (цель византийской часовни: там был образец, а теперь использование...)

Ай-Петри.

Возможно? — Возможно. — А мне сказали, что невозможно. — И я говорю, невозможно, а когда ты пройдешь, будет возможно.

Мальчик на дороге: ходил за земляникой на Яйлу.

Зимняя Яйла — камни торчком.

Земля — новая земля... звезды близко и луна близко... Ай-Петри — утес над морем... облака... чайки... море без горизонта... туман... долина светляков...

На краю Яйлы: южный берег, пыль, виноградники, табак рассада, кофейня: хаджи в красной феске и другие: черные брюки, синие жилеты, красные рубашки — читают газету — безделье, на почве безделья — бескорыстные услуги.

Вид на долину не поддается описанию, превосходит всякое описание... философские рассуждения. Тополя, дворец Юсупова, минарет. Шум поезда.

Вечер теплый, первый весенний дождь (какой в Крыму дождь), кое-где звезды... Фонарь мраморный.

Кофейные дежурные.

Ручей Массандра: прекрасно это усилие... прекрасно путешествие как усилие геройское выйти из своего мира и увидеть общий мир, как свой собственный.

Аллея роз — листья раскрыты (и бутоны) и стоят как незажженные канделябры.

Шторм при солнечном свете... без дождя вырастают цветы странные.

Весна в Крыму.

17 Марта. Мои хозяева с утра сидят за планом нового дома. Ехали вместе из Ялты, стали подсчитывать, и оказалось, без нового дома никак не обойтись, и тут же решили устроить новый. Это очень просто.

Вот и Белокопытовы... никак не обойтись без третьего дома: сначала построили для себя только, потом стали отдавать комнаты, увлеклись, построили другой дом, и вышло так, что без третьего нельзя... — Не обойдется без

третьего! Выйдет гулять, и только о [том, сколько] комнаток... Супруга хочет вогнать побольше комнат, а он — чтобы красиво было, вот и думают. Маленькая Настя тоже дает советы.

Бакланы Крыма.

Доктор — все бросились на мужчину, а он каждой барышне: я жениться хочу бескорыстно... Физиологические основания — страшный доктор.

Арендованный приват-доцент — комнату дешево сдал, все разбились на две партии, и кончилось тем, что он ночью попал в спальню враждующей партии.

На камни. — Царева площадка... камни, можжевельники... Сладкие миндали переродились в горькие.

Поэзия домохозяйства: постройка дома. Бурка! бурка!

Дом строят: муж с женой, а ватерклозет где? Она... а он... и все сбил.

Родителям за Яйлой видится особенный мир: непременно мои дети увидят поля ржаные и всё, а дети, бегая возле моря синего, создают за родителями синюю птицу за Яйлой: там хорошо!

Настроение весны — в хозяйстве пахота, здесь комнаты держат в ожидании гостей-дачников.

Я привез весну в Бахчисарай: случайно упомянул слово «Чуфут-Кале», и вот появляются проводники в синих куртках. Франты в крахмальных воротничках не понимают, что я пешком пришел.

Калифорнийский перепел в клетке, а дело идет: ... ставят соседи.

Кипарисы-минареты.

Семья: кот Тифон, бабушка и дети — за хвост: надо бы обидеться, ну да Бог с ними; камешки и между ними красный жук и бабочки; чтение произведений больших писателей; врешь! — я никогда не рву! ... из своего окна я вижу розовые бутоны персиков.

Обыск: дама знакома с проводником.

Опрокинутый Петербург. Дачи из татарских деревень, а Симеиз — нарочитое, как Петербург. Буря — море раскачалось. Сиракузы — ненормальность природы и вдруг холодно, светит ярко и мертвая зыбь... и вся природа угасла и магнолия на моем столе закрылась. А то вдруг покажется такой соблазнительный мир цветов, наслаждений. Погода в Крыму как самая капризная женщина.

18 Марта. Прибой — гул осады и вдруг удар и... галька катится, и гул... стих... а остается острие — лезвие ножа, и что-то жуткое в этом, словно все после них было — дорезали...

С Царской площадки... теплое место... в Крыму кипарисы, а вокруг пустыня — дубовые мелочи... земля... капиталу не[куда] приложить — татарские видения: не работают, потому что земли мало и мало потребностей у них. И вообще Крым — это непочатый край.

В Алупке — грязно и камень... татарин старый... и под Ай-Петри, а внизу «тихий уголок» — дачи: рядом кузница, внизу караван-сараи, а в доме становой пристав, и «Мечта» и «Грёзы».

На Царской площадке тишина, природа, а то нет ее: или город, или суровая страна: камни, дубовые мелочи или можжевельник... обработка первоначальная 1 руб. сажень.

Лошадей на дачах не держат — дорого и нечисто, и стойла — места нет. Комнату устроить 500 руб., а берут за нее 300 в год. Капиталу приносит 10 %.

Соня: пойдемте гулять... не могу — босой... он — индийский принц; нельзя «он», а почему же ты назвал «он». Дразнит: а ты... В мешок посадим... Ссора из-за яичницы: не хочу есть, ты меня не любишь, если заставляешь. Братовские. Чай все сами наливают, как в Братове, и я слышу первый, а то сольют, и самовар весь день.

Подала какую-то жареную рыбу к столу. — Это кефаль? — Это навага!

Та самая беломорская навага! кефаль дорога, в Черном море мало рыбы... Керченские сельди, которые во всяком городе можно достать, нельзя достать в Ялте.

Ливни и потоки, валом идущие с гор.

А мальчики, смеясь, стоят и хохочут под волнами.

Купил миндалю — особенный такой же... Яблоки дороги — в Симферополе нипочем: потому что курорт — все дорого. Фрукты — серьезная статья.

Яйла, окруженная высокой стеной. За стеной Яйлы живет голодная Россия. Тепло... Холодно сегодня, а вот стены дачи высокие... за ней бук... вечнозеленый и кипарис... за ней, за этой стеной, нет ветра и жарко так, что куртку снял, а прошел стену, опять стало холодно.

19 Марта. Тихо. Солнце сияет и море — все зыбь на море. Кипарисы недвижимые, блестит лавр. Змеей змеится... и кипарис у моря горизонтальный. Холодно: осень, зима или весна — четкость кипарисов... в осеннем прозрачном свете (после бури на севере — вост. ветер).

Турок с апельсинами и Джоконда... и все-таки не опошлела. Грек — чистильщик обуви. Синее море, а есть еще лучшее: мраморное море, где насквозь видна прозрачная голубая волна.

Полдень в холодный день за стеной такой горячий... и тогда удивительны эти высокие стены с белыми мечами-ребрами, и всюду цветущие деревья миндаля, и нежная зелень вавилонской ивы, и сияющая как лед вечная зелень буков.

Они живут там в теплое время, в холодное, когда останавливается движение, кошмаром кажутся эти незнакомые чуждые деревья.

[20 Марта]. Феодосия.

Гахам. Газзан — молодой и бритый. Старый газзан... непунктированная Тора: красива под стеклами, как аналой. Молодой газзан. Трагикомедия: в жизни бывает постоянно... комедия и трагедия — я не признаю классических форм и назвал «трагикомедия». Нужна беллетристика, и потому я занимаюсь.

Татары не способны к развитию, а караимы способны — но когда разовьются, то станут европейцами? да! в этом и есть трагикомедия.

Спросить караимские легенды.

Этот газзан, который сам понимает, растолкует по-турецки, а который... тот не может, значит, никто не понимает.

Конечно, да, конечно, существует какая-то универсальная религия... <*2 нрзб.*> все (Европа).

Погода — сев.-вост. ветер... штормы, опоздало равноденствие, или русские холода сказываются — и русская зима сказывается! В Одессу пришло...

«Караимская жизнь». Москва, Александров переулок, д. 5. Редактор журнала «Караимская жизнь» — Садук Раецкий.

Брокгауз и Ефрон — караимы.

Записки о караимах — Гаркави, в университете спросить профессора...

Феодосия, Караимская ул. д. Крым. Аарон Ильич, [пароход]. Караимск. газзан.

У каждого караима шкафчик для гостей. Боязнь смешать с евреями: целое <*1 нрзб.*> гахамов (Портрет в Чуфут-кале), герой Пятикнижия... Татарский язык... без эпоса... Уничтожение или спасение в реформации. Приготовление к Пасхе. Трагикомедия выборного начала, 3 тысячи: неслыханное дело в духовенстве: лукавый поп. Гахам за молодых.

Бакланы, уснувшие на бакене, встречают нас носами и, тяжелые, поднимаются нехотя, один едва, едва летит.

Змейка от фонаря набережной — единственная незаинтересованная на черной воде между кораблями и канатами — особые морские канатные [узлы] и змейки (это когда и в шторм я уезжаю в Феодосию).

Шторм — пароход уходит в черное...

Феодосия — утро, буря, зима, а через полчаса в течение нескольких минут наступает весна. Караимы, хохлы, старый караим у фонтана.

Павел Михайлович Богданов — ветеринарный врач. Фонтан Айвазовского, офицер, орехи, зубы. В настоящее время караимы без вождя... Помпулов — потомственный дворянин и духовный вождь Караимского народа, конечно, веровал по-старому, но, человек умный и внимательный к жизни, хорошо понимал, что старое старым не удержать, и при своей жизни стал назначать в газзаны молодежь.

[22 Марта]. Из Феодосии в Отузы.

Археолог — учитель, швейцарец, в чужой стороне отдался музею и создал его, а ученик — декадент... проходят, как народ Крымского полуострова: окаменелый старик.

Вот офицер-армянин... все дни по горстке орехов: сцена у фонтана Айвазовского, аристократия и демократия.

Никто не знает в Крыму, что будет через час или через два...

— Говорят о постройке нового клуба... начальники! — тихо сказал офицер.

Шашлык... Петров искупался в море, соблазнился и купил себе дачу на камнях, исключительно из-за... и купил.

В Керчи севрюга бывает свежая 20 коп. фунт, а белуга такая попадается, что сел верхом и ногами земли не достанешь.

22–23 Марта. Коктебель, Отузы.

Карадах, навозный жук, оранжевый жук.

Ученый? Да, ученый: набрал в мешок, завязал и на том свете развяжет. Коктебель и Отузы. Индийская партия... Тоги — все тоги надели. Отузы, утро, туман (первый туман) и скворец (признак весны)... а возле дороги мандариновое дерево. Перекопка виноградников. Чубук режут. Цветы на винограднике...

Кофейня — вечно открытая, кофе — табак.

Ирисы. Миндаль — цветами от мух.

Облака в горах: кочующий туман, на небо не смотри...

Карадаг — могила камней.

Отузы. Целомудренные... и Отузы. Что хорошо? Люди хорошие.

Могила и татарин... святой Азис смотрит глазами на Мекку, а ноги и голова...

Мулла что знает? Мулла, мулла и есть!

Птицы и весна — птицы, а не растения.

Самое плохое — весна в Крыму, лето — не жарко, самое хорошее осень и зима, как наша осень.

В Ялте хорошая зима, а в Судаке лето, не такое жаркое...

Шторм и холод, ясный день, а потом туман.

Отузская долина, поиски участка... Говорит татарин о разделе участков.

Кутлак — староста...

Чуть погода захмарилась...

Купил... пять ведер вина.

Шампанское, реймское...

Зимой не поют — табу... сюда, в горы дятлы... татарское кладбище.

Зимой не поют (зяблик). Певчий... дрозд... в феврале...

Кизил — белый анемон (в феврале белый), крокусы (с января по балочкам); фиалки... миндаль.

Ящерицы — в январе, пчелы на дворе — зимой в декабре... сидят.

Мало воды — птиц мало. Заповедный корабельный лес.

Полезный зверь — волк, из тамана — лес, даже корову держать нельзя.

В Бессарабии на 10 р. больше вина, чем в Крыму, но хуже... Крым как Швейцария.

Сохранение берега. Сатрапы и ...

Порт и курорт, это не город или деревня, а просто Судак: борьба за пляж... Алушта — дорого досталось... Для иностранцев, как памятник природы: пусть видят, но не... уничтожать... Бичевник на реках. Коктебель, Феодосия, пляж... Цивилизация повторяется. Атлантида — древние искали лучше, во всяком случае, не хуже искали воду. Турки... не те турки... Вопрос о халифате в связи с войной — не Константинополь, а что? арабы, да они же, известно, магометане...

500 артезианских колодцев исключительно благодаря Головкинскому... под ред. Головкинского — лучший путеводитель по Крыму: статья «артезианские колодцы» и в Новороссийском календаре за 81-82 годы.

Яшма, аметисты, халцедон в Карадаге. От Байдарских ворот до Карадага — 150 верст.

24 Марта. По дороге из поселка в Судак к морю возле Генуэзской крепости услышал я самый мой родимый звук: где-то тут в сумраке наступающего вечера пела лягушка-турлушка, совершенно так же пела, как у нас в пруду в апреле, когда обогреется после первой грозы, когда первые соловьи пробуют запеть в начинающем зеленеть саду. И тут у Черного моря она пела, а весны не было: из тумана едва виднелась гордая Генуэзская крепость. Я вспомнил, что где-то на днях слышал лягушек-квакушек. И скворцы поют, и весна!

Природа крымская вся для использования, даже воздух — целебный, а не просто воздух и воздух, как у нас бывает, — хороший обыкновенный весенний воздух. Свет весной такой, будто вот его тоже отпустили по заказу вовсю: ярко-ослепительно сразу — убавьте, убавьте: стало холодно, прибавьте, прибавьте; нет облаков и жарко, ослепительно ярко, слишком много для весны, и воздух целебный — это не просто воздух, а что-то лекарственно очищенное, как дистиллированная вода.

Весна: перекопка виноградника и обрезка чубука, корявые лозы черные и на них ярко-красные фески и синие пояса. А там и тут без зелени цветет вовсю миндальное дерево.

Борьба винограда с пляжами-дачами: с одним виноградом выдержать не может, обречено на гибель...

Птицы зимуют и не поют зимой, а мало их, потому что мало воды. Птицы зимуют, но зимой не поют, и кажется, что они, как дачники больные, прилетают сюда лечиться, что только больные птицы прилетают в Крым... Зимой птицы больные зимуют.

Мне говорили, что около Судака есть греческая деревня, вся целиком перешедшая в мусульманство, что греки в

этой деревне до того отатарились, что только в Пасху еще сохранили старинный обряд дарить красное яйцо...

Отатаривание есть, вероятно, подчинение личности массе. Масса татарская, многие говорят по-татарски, и в массе тонет личность слабеющая. [Правда], в Ялтинском татарине еще можно узнать образ генуэзца и грека-эллина по чертам лица, но вся жизнь его татарская.

Так сады культурные дворянских усадеб, иногда брошенные, зарастают дикими растениями.

В кофейне Судака: Кейфах Хорум Корван-оглы. Кейфах — хозяин, сидит за столом, на нем феска, толстые черные усы, лицо с тонкими чертами... утонченное, а глаза прекрасные; когда он задумается — обращены куда-то в другую сторону мира, куда-то на Запад, где солнце садится и где женщины прекрасные... бескорыстные восточные искрятся его глаза. Но вот кто-то спросил чашечку кофе, и он тупыми черными глазами смотрит на спрашивающего и — странно! — понимает тупыми глазами. И кажется тогда, что есть вторая душа на земле.

Скиф пришел и пьяный...

Образ татарина-созерцателя... лентяя, раздвоенного: «кулак» Мехмет и «жулик» с прекрасными глазами, предлагающий купить участок. Если есть мешок хлеба на неделю, то зачем думать о другом мешке, пока не съест, не станет работать.

1. Весна.
Крокус
клочок поля
омелы
держи-дерево
орех
сели
II. В Узунджи: морозец, как у нас осень в октябре.
III. Шторм-хаос
IV. Черкай

Караим: у караима есть что-то неподвижное и тон... во взгляде как у филина, только тот, когда долго смотрит в

лицо, кажется, и ушки филиновые показываются. Филин, филин! неотвязно потом лезет нелепый образ человека-птицы.

На фоне татарской обывательщины как резко выделяется русский человек — сила протеста, молодость.

Отузы в глубине и Генуэзская крепость... Приятно, когда видишь виноградники, но большинство их принадлежит не татарам, и их уже охватили строения, где филоксера — болезнь... дачники: себе винограду хватит.

Погода — мать: был туман в Отузах, с туманом приехал, утром — туман! — но в крепости свет; тут [дачи] русские на склонах — прямо на хаосе довершены, и так величественно-холодно; так просто и красиво в простоте: камень и море; история-мгновение, дома-дачи-цветы, на мгновение вырастающие, бактерии, что уже и стыдно думать о родных, о погоде, весне; кажется, тут вечно...

Тарпейская скала: я думал, что вот упасть — и бросались и разбивались о скалы... и как это красиво, когда большие люди и война, и как страшно: коварная пушка в окопах и веревка на шее. И <*1 нрзб.*> наверху, что все это не так понималось: церковь наверху и татарская могила, и вопрос: о смысле готики и магометанства: татарская масса, [личность] поглощающая, а там личность — и что же такое личность: почему европейцы будто бы дали личность, а мусульмане — массу.

Погода... как мать... спускался к даче — цветет миндаль, и вдруг так тепло, так прекрасны эти цветущие деревья и пустынные горы, громоздящиеся одна на другую, и <*1 нрзб.*> где-то желтый и труд удивительный: преображение берега людьми для мирных целей. Интеллигентный хозяин: для общественных целей пожертвовал все свои деньги, и шурин д-р Фогт и Егерь.

На четыре-пять месяцев квартира в две комнаты и кухня 200 рублей, комната квартирная 25 руб., комната с верандой 40 руб., не на море 20 руб. и есть в 15 руб. и музыка... [Новые дачи] и особняки в три комнаты 250 руб. Страдания из-за воды: воду бочками.

Погода — только хочешь рассердиться, и вдруг в ту же минуту такая роскошь, так все ожило, что стыдно становится, и винишь самого себя, и покаялся, и все зовут вот сюда, на самое море. Но только сказали это, вдруг тут же и холод, и опять самому совестно за свою слабость, что поддался очарованию минуты. И, в конце концов, уезжая, конечно, видишь, что погода ни в чем не виновата и не думает о нас: она здесь по своим законам, когда улыбнется, когда рассердится мгновенно без всяких причин.

Маслины

Бурки, новая дача: тысячелетняя маслина срубленная, роща маслиновая, и среди нее возвышается дача в мавританском стиле.

Бахчисарайская луна и солнце

Путник вздымает руки [вверх]. Стаи собак голодных. Дети и мать влекут кустарники держи-дерева, испугались... Галки вихрем. Муэдзин на минарете Бахчисарайского дворца. Каменные сфинксы. Горные впадины — вид Бахчисарая, кофейня [сверху], башмаки. Как мне палку дали. Луна и косяк гор и тополя ханского дворца... Лунные женщины. Летучие мыши.

Соединить: Чуфут, газзанов, Соню, Бахчисарай, Феодосию и луну, Севастополь — выстрел, аэроплан, дети и телескоп: Сатурн.

Цепь: Чуфут — газзан — Соня — Солнце — Луна — Джейлау, пещеры-пастух.

О влаге

Бывает, [боишься] весны: когда рано сбежит вода и распустятся деревья (ранняя весна — страшно!), и вдруг жарко, и земля-зола, и птицы пугаются и не поют, все прилетят и ждут... (граммофон и соловей). Так и тут: диво-деревья цветут, сухие виноградники без поливки. Леса вырублены, лавина воды даром, и в результате жизнь камней, русло реки и рядом держи-дерево... пустыня; даром прокатилось. Источники: из-под скал.

Весна севера и юга.

На севере не бывает того старчески-расслабленного состояния природы, когда жара, все цветет, но не живет (от недостатка влаги), там жизни много: всегда или сурово, или по-детски чисто: старик и ребенок.

Весна: березы и морозец ночами, темные ели и сосны как сердитые староверы.

Крым — непочатый край

Треневы. Коктебель. Пахота плугом. Дача Алчевской и Авдотьи. Вид на лиманы с Кошки: город, скалы и можжевельники... Орех и семья Узунджи и Мордвиновы: малоземельные 10%, сторож земли. Непочатый край и переселенцы; Белокопытовы, Кузьмин, Богдановы, леса под Ялтой для санатория...

Воздух Крыма.

Коррэспондэнт, кор-рэс-пон-дэнт!

Весна. В Ялте дом Мордвинова — зяблик поет: на два месяца раньше... К приятелю: миндаль: с января цветет. Ненормальная погода! Зяблики [не] улетают.

Когда у нас в Средней России после дружной весны вдруг все зазеленеет и дождя нет, то вот так же природа в Крыму.

Ключ к вальдшнепу, к гусям...

Как будто палитра, краски разведены для того, чтобы строить весну: из этого материала создается весна, там запах весны, здесь только пробы, муки...

Все, не стесняясь своим цветом, цветет... Когда зимующих птиц застанет холод и гибнет масса птиц: вальдшнепы...

Движение.

Поломанный автомобиль и <*1 нрзб.*> шофер. Проклятие... [ехать] на лошадях. Лошади — существа инфернальные: гудок в горах — Невский Сепаратор!

От какой части населения: демократической или аристократической? Крым есть часть России. Первое, что встречается: держи-дерево и пустыня гор. <*1 нрзб.*> русского купчика за табаком и свежими улитками.

Сирах — широкий. Просто южный ветер. Нет, не просто: вот какое значение. К движению — автомобиль: звезды над Черным морем, шиферы и оползни: Черное море отравленное. Я погружаюсь на дно моря и слышу сверху высоко над собой... оползни, шиферы, шифер! После я понял их... сказку южного берега...

Медведь.

Земский начальник: иду без оружия, а вдруг медведь? Может быть, медведица в интересном положении... и не одна... как может медведь... Дачи, дворцы, из головы не выходит медведь: полезнейшее животное, леса охраняет.

Сказки.

В старину путешественники умели рассказывать небылицы о посещенных ими странах и тем совершенно испортили репутацию рассказчика в наше время. Стали бояться басен и сказок. Явились путешественники-ученые с вычислениями и фактами скучными, и после начались экскурсии с целью общественной и путешествие [стало] простым уравнением. Сказка, основанная на факте, чудеснее факта. В старину любили рассказывать сказку как действительность, почему бы не рассказать теперь действительность как сказку...

Необходимо это: я помню, в детстве мне привезли из Ялты разноцветные камешки и ракушки и рассказывали, будто там у них [горы] и если захочешь, то можешь подняться выше облаков. Облака... небо, а там за облаками: чудесно! Меня факт не страшит! [верю] в сказку о разноцветных камешках. Ничего не утаю, на все смотрю и сказку вижу. Необходимость сказки — вот что заставило меня ехать на юг, это детская сказка о разноцветных камешках, даю слово ничего не выдумывать и расскажу, как я встречал на юге весну...

Сказка о Жар-птице.

С мечтой о жар-птице я собрался на юг и взял билет в Севастополь, чтобы проехать всю Россию и очутится на юге 24 февраля. Когда я выезжал, был торжественный день и весь Петербург был увешан флагами. Экипажи...

там моросил дождь, инфлюэнция. Дальше: движение, Крым с автомобилями и Кошкой — курорты.

Кто жил в Петербурге в доме без лифта и поднимался по три раза на шестой этаж, тому уже не страшны Крымские горы. Не о трудностях и опасностях путешествия, не о Севере хочу я писать в этот раз, а все о том же волшебном колобке: как он опять увел меня в неведомую мне страну, где другое солнце, другие небо и земля, и трава, ее покрывающая, и сказки. Все новое — главное, сказки другие... Бывают сказки весенние и бывают сказки зимние, и, пожалуй, можно сказать еще летние сказки, но уж осенняя сказка — как-то не хочется рассказывать. [Пусть] глубокий старец или бабушка [рассказывают] детям сказку о жар-птице. И дети встречают весну... и вот под звуки сказки слетает с крыши голубь в полдень в капель... В полдень весна начинается... и заря утренняя, и заря вечерняя. А потом зори расходятся одна к вечеру, другая к утру, полдни разгораются, и вот жаркий день, и сказка уходит в тьму ночи. И чем (ярче) горит жар-птица, тем глубже прячется сказка. Лето все в труде... Осень вся уходит в себя — и зимой снова начинаю сказку об Иване-Царевиче и Жар-птице... Что же это значит? Иван-Царевич поймал свою птицу— и нет сказки.

Я не забуду никогда одну зимнюю ночь. Мы ехали из Новгорода в Гатчину и в Тосне долго дожидались поезда. Ночь и станция, на диване спит мой мальчик, и мы возле него дремлем... Утром на рассвете бодрость радостная... глубокие снега. И вот что-то мелькнуло... Что-то золотое? Вот опять мелькнуло. Это солнце восходит... Мчит золотое, мчит за поездом. — Это жар-птица летит! — сказал я мальчику. — Слава тебе, Господи, сказала старушка, — Спиридон-солнцеворот пришел, теперь уж больше света. — Жар-птица летит, — повторил я мальчику. А он так серьезно смотрел и не улыбнулся. — Она живет в этом лесу? — спросил мальчик. — Да, в лесу. — Мальчик верил этому, и все, улыбаясь, смотрели на него. А жар-птица все летела и летела за лесом, и все светлее и светлее крупная звезда... жар-птица летит... Я смотрел на мальчика... жар-

птица летит... — Жар-птица? — спросил я. — Да, жар-птица! — ответил мальчик... и вдруг солнце сразу вышло из леса и уж там... на высоте больше не летит. Лицо ребенка было серьезно... — Слава тебе, Господи, стало светлее... — Жар-птица остановилась! — говорит мальчик. И я видел, что он уже не... и знает, чем больше обман... жар-птица все равно...

С детства я думал, что жар-птица живет где-то на юге...

Охотники.

Цветет магнолия, а вспоминаю о болоте: как цветет болото моховое! Комаров! Доступно только избранным. Комаров!

Земская деятельность есть какая-то общественная поэзия — ялтинская особенно — и у каждого своя, маленькая: у председателя — охота, у санитарного врача — <*1 нрзб.*>, у дорожного техника — оползни и шифер.

Какой Крым? Что-то вкусное, сладкое, похожее на крем представлялось мне, когда я старался вообразить себе Крым на Невском. Была масленица и царские дни. Я спешил к севастопольскому поезду с припасенным задолго еще билетом в кармане. Началось одно из моих весенних путешествий в новые, неведомые мне страны. Чудесным до сих пор кажется мне это весеннее соприкосновение моего тайного, никому не интересного мира с миром большим, интересным.

В этот раз я хотел где-то на юге найти весну в Феврале и привезти ее в Россию, на север. Крым был только этапом в этом моем путешествии. Крым-крем, сладкое блюдо. А в путешествии, я понимаю, как и все русские странники, необходим труд, почти пост, необходима вера в припасенный в кармане кусочек бублика и запас горячей благодарности тому, кто бескорыстно покормит в пути и укажет дорогу. Без веры в священный бублик нельзя понять новую землю и людей, на ней обитающих. С этими мыслями, торопя извозчика, я выехал на Невский в длинный ряд экипажей, автомобилей, трамваев. Трепались мокрые флаги, толпа глядела на бесчисленные электрические лампочки и

взлетающие далеко где-то ракеты. Поскорее, поскорее бы только выбраться и не опоздать к скорому поезду. Вдруг поднялась палочка околоточного, что-то случилось впереди, и все движение было остановлено. Огромный флаг над моей головой качается и обдает зимним дождем, качается и обдает. А лампочки, не утомляясь, не мигая, не коптя, какие-то глупые, как бараньи глаза, и толпа собравшихся глядит в эти глаза исключительно для этого, и я между ними, собравшийся ехать за весной... Опоздаю! От скуки беру сюжет, соединяющий Крым с Петербургом, и разрабатываю.

Недавно у нас упала с четвертого этажа кошка, любимица нашей квартирной хозяйки. Было это ночью, кошка с пробитым боком корчилась в кухне на постели прислуги, хозяйка, одинокая женщина, была подавлена горем, рыдала и бегала от телефона к кошке, от кошки к телефону. Никто из ветеринаров не хотел ехать из-за кошки ночью, и все отсылали к одному специалисту: он исключительно лечит кошек и один на весь Петербург такой. Было уже далеко за полночь, когда мы, наконец, добились звонка к этому особенному ветеринару. И так мы заинтересовались все им: какой он должен быть, этот человек, посвятивший себя лечению петербургских кошек, что и не думали расходиться по комнатам: окружив раненую кошку, поглаживая ее, успокаивая хозяйку, в туфлях, без воротничков, стояли и дожидались. Все мы думали, что знаменитость в цилиндре с сигарой в зубах — счастливый шарлатан. Хозяйка спорила: друг кошек не может быть таким человеком. И слова ее оправдались: вошел господин очень серьезный, вдумчивый и такой в то же время полный достоинства, что всех нас расположил к себе необычайно. Когда была окончена перевязка, мы спросили его, что заставило его лечить исключительно «маленьких пациентов» (так он называл кошек). — Я лечу не кошек, — ответил ветеринар, — я лечу людей. Петербург — это город одиноких, неудовлетворенных людей. На почве неудовлетворенности возникает особенная загадочная болезненная страсть к животному. Часто бывали случаи,

когда вылечить животное, значит спасти человека. Я лечу и кошку, и человека.

Ветеринар рассказал множество таких случаев. Из них меня особенно поразил один, когда муж выбежал на лестницу, упал в ноги доктору и на коленях просил спасти Ляльку: спасете Ляльку, значит, спасете жену. — Ведь у нас нет детей, у нас нет детей, — повторял обезумевший муж. А другой случай был с богатой генеральшей: кошки страдали инфлюэнцией и заметно хирели. Всю зиму доктор лечил их, и ничего не получалось, кошки хирели. Генеральша высказала как-то неловко свою претензию, а доктор, обиженный, воскликнул: не могу же я для ваших кошек переменить климат! — Почему же вы раньше этого не сказали, — удивилась генеральша, — отправьте их в Крым!

Тогда вот и случилось это, по-моему, замечательное событие: а золоченых клетках, в особом вагоне, с особым человеком поехали генеральские кошки в Крым <*зачеркнуто:* по голодной России>. Вот правдивая история, услышанная мною от ветеринарного врача, [интересный] сюжет. Все для меня интересно в этом сюжете: генеральша, не имеющая детей, генерал, рыдающий на коленях перед доктором, труженик-ветеринар. Он, вероятно, из духовных: большинство семинаристов теперь поступает в ветеринарные институты, духовные врачи человека становятся врачами животных и, естественно, не удовлетворяясь, опять возвращаются к человеку, лечат животных для человека, и в результате чудесное звено, соединяющее Петербург с Крымом: по голодной России в золоченых клетках в необычном вагоне едут генеральские кошки. Как же они едут, что говорят овчинные тулупы, [встречая] на станции кошек. Нельзя ли сделать ветеринара влюбленным в генеральшу: он был семинаристом, она пансионерка Смольного института; аристократка и демократ-попович разошлись и потом долго, долго через много лет сошлись на кошках...

Мы стояли — минут пять, не больше, но такая это была минута, что, умей я записывать все, что думаю, вышла бы целая книга о кошках. Но как только мы двинулись, я

забыл все, хотя сам сюжет не оставлял меня. И за все время моего путешествия в Крым время от времени возвращался.

Снега, снега... Лозинки. Москва. Орел. Курск. Вся Россия в 35 часов за вычетом первой и второй ночи. Какая тут возможна речь о путешествии генеральских кошек. Голодная Россия их все равно не видит, это дело тайное, но сюжет все-таки не выходит из головы. Я рассказываю нотариусу: сошлись с ним на охоте. — А вы, должно быть, литератор, — спросил он, — из новых? Нехорошо. — Да как же, помилуйте. — Ну, что это значит, объясните пожалуйста. — Нотариус назвал одно произведение, другое, третье. — А вы не понимаете? — говорит выразительно. — Честное слово, не понимаю. — По-моему, вся ваша новая литература — издевательство над человеком. И опять стихи пошли. Ну, зачем это? Ведь это, по-моему, все равно, что машинкой усы прикручивать... А между тем, я сам поэт: все охотники — поэты. Самые лучшие люди — охотники. И опять живопись. Какая живопись! Сплошь декадентщина, безобразие. — Зачем так, — останавливаю нотариуса. — Изберите как следует, назовите кого-нибудь, кто больше всех вам не нравится, самого декадентского и разберем. — Да вот хотя бы Левитан, какое безобразие. — А вы видели? — Видел у знакомых рисунок: лошадь вверх ногами. Какое безобразие! Левитан, по-моему, хуже всех. Так вы, стало быть, из новых? — Не все ли равно? Ведь вам нравится сюжет с генеральскими кошками? — Это очень правдиво.

Есть сладкий и горький миндаль. Этот? Был сладкий, а теперь горький.

Они заслужили страданием. Так, стало быть, и за них кто-то болел, и страдал, и жил, пока стала черемуха прекрасной.

— А есть тут черемуха?

Я искал, но не нашел, говорят, будто есть, но только наверно уж она не такая. Я люблю кипарисы: чем старее, тем прекраснее — и они тоже — чем старше, тем прекраснее. Это одна из тайн, которую нельзя передать... и Бог

знает, за что страдают люди. Писал, был день яркий... Холодно стало... Берег суровый стал, море. Шифер и оползни! Я иду с ними и спускаюсь на дно моря: оползни и шифер.

Яйла какая-то — вот слово преследует...

Выхожу на поверхность.

Утром я обошел весь курорт: описание курорта.

Всем нужно что-нибудь делать, сидеть и дожидаться всем, невозможно там... медленно, все так медленно и... не успевает. Я не прощаюсь с Россией, я... Это только так говорят, что пешком: автомобиль, Байдары. Берег! весь берег от Байдар — пустынные дачи и охотничьи... Ялтинские сказочные богатства.

Если бы в Крыму, как у нас, были бы частые дождики, то был бы Крым — рай земной, и всякие деревья, всякие цветочки там росли бы в диком лесу. Но сухо в Крыму, и потому растут там в диком виде деревья только с сухой душой: сосны и можжевельники. А все же говорят, будто в Крыму и кипарисы, и лимоны, и всё... абрикосы, персики — всё посаженное и с большой заботой выращенное. Без человека... [пропасть] в Крыму. Значит, на человека нужно смотреть. А человек... что такое человек? Как все думают. Звук пустой. Человек есть капитал. Без капитала: нет воды, нет природы и нет человека (выжить [в целом] охотнику Коробьину).

Атлантида Попову: цивилизация повторяется.

Бегунков — строитель. Доктор да строители.

Уст[ами] охотника: пустить англичанина. Как пустить, англичанину нужен свой собственный клозет, без клозета не пойдет (к Форосу: не выйдет!)

татары — караимы
Яйла — дачи
Ялта — берег
дети — рай, море
идеальный курорт — имение

Симеиз.

Селям-башня. Мавританский дворец там с огромными окнами и... окнами и... полукружки, чтобы все они были наружу. Я занял комнату в башне этого дворца... Дамы скучают. Хоть бы один мужчина! Путешественницы: старушки из Алушты...

Я спрашивал у всех, возможно ли подняться на Ай-Петри и в Бахчисарай по Яйле — мне все говорили: невозможно! И был я на метеорологической станции, там тоже сказали: невозможно.

Я [зашел] отдохнуть в турецкую кофейню. Возможно ли пройти на Ай-Петри? — спросил я соседа. Он грек. — Невозможно, — ответил он. — А вы откуда? — спросил он. Я сказал: — Из Петербурга. — Ну, тогда возможно, — ответил он, — кто жил на седьмом этаже и поднимался раза три в день, тому все возможно. — Будет шутить: я спрашивал в Горном клубе и в метеорологической станции, говорят, невозможно. — Ну, значит, невозможно! — Да как же вы сейчас только говорили, что возможно. — Нет, я сейчас говорил, что невозможно, а когда вы пройдете, будет возможно. — И хитро засмеялся. — А как вы думаете, все-таки можно пройти? — А вы откуда? — Из Петербурга. — Ну, тогда можно: кто жил в Петербурге на седьмом этаже и три раза в день поднимался, тому уже горы не страшны.

Чепуха, но меня весь этот разговор ободрил и... по легкомыслию, грека взял... проводника. Будь что будет, и я...

На Ай-Петри есть метеорологическая станция.... мне спросить по телефону: возможно ли пройти туда и потом по Яйле в Бахчисарай. Но телефонный провод был оборван, и сказали в Ялте, что пройти невозможно. Я спросил еще в Горном клубе — этому очень удивились и тоже сказали, невозможно. Тогда я решил обратиться к населению и пошел [на] их базар: не может быть, казалось мне, чтобы местные простые люди, хотя бы при самых [трудных] условиях, не показали самой короткой и самой дешевой дороги: через Яйлу в Бахчисарай. На базаре я спросил армянина: возможно ли пройти к Ай-Петри и дальше в Бахчисарай по Яйле. — Невозможно, — ответил он. И, подумав немного, спросил, откуда я. Я сказал, из Петербурга. — Ну,

тогда возможно, кто жил в Петербурге и поднимался на седьмой этаж, тому уж не страшны наши горы. Возможно! — сказал армянин. Грек, слышавший наш разговор, тоже сказал мне: возможно, возможно! — Как возможно, — говорю я, — на метеорологической станции и в Горном клубе сказали, невозможно, а вы так легко меня отправляете. — Ах, так сказали, ну тогда невозможно. — А почему же вы сказали сейчас, что возможно. — Я сказал для вас, а не для всех, что возможно, а когда вы пройдете, то будет для всех возможно.

В это время подошел к нам молодой турок с широко открытыми глазами. Серьезно и просто сказал он: он проведет меня на Ай-Петри. Прекрасно было лицо... Я взял линейку, сел в нее с турком и поехал до первой... Турок говорил плохо по-русски, я понял так, что он из Трапезунда, ушел без [документов] от воинской повинности. — Как же ушел-то? — спросил я его. — Дал фунт серебра офицеру и... через море. — На лодке? — Нет, дал два фунта серебра капитану и... через море на корабле. — Больше он ничего мне не мог сказать о себе.

1. Рай. 2. Ай-Петри. 3. Яйла. 4. Бахчисарайская луна. 5. Херсон. 6. Ай-Петри и берег.

1. Осман № 3., видение. Алупка. Непременно использовать тему: Ай-Петри — видение, Алупка — рай. Рай. Граф Воронцов — художник, хочет на землю рай низвести, и что из этого получается? может быть, соединить эти Ялту-Ай-Петри и... Сюжет: просыпаются... Дух. Если героя взять... нельзя.

В Ялте нехорошо только впереди у моря, а в глубине ее есть роскошные улицы и аллеи кипарисов и пирамидальных тополей. Раз мы шли с моим приятелем по такой улице, он вспоминал свое детство: привозили его сюда маленьким, и жил он в пансионе какой-то бедной дамы, сохранились о ней хорошие, светлые воспоминания, вспомнил имя, фамилию (П.И.Агафонова), дом. По детской памяти стали мы искать дом, бродили мы там и тут, наконец, пришли к роскошному... не дворец. Тут мой приятель остановился: я хорошо помню, тут дом стоял. Мы...

и спросили: ничего нет удивительного, дама твоя... Но приятель мой: то была... П. И. Агафонова... Это было так удивительно, оба мы стояли пораженные и извинялись...

Она был в большой нужде тогда, кое-как перебивалась, помню, что... ее покупки — какие-то клочки земли, [пришло] в голову продать их, ну пустяк был. Раз как-то пришел вдруг покупатель и предложил продать... по 500 р. за сажень. Всего было 4000 саженей — два миллиона, и стала жить счастливо.

Никогда я не забуду, какая луна светила, когда я на моджаре ехал в Бахчисарай по долине Бельбека. Был я очень недоволен, пока темно было и луна еще не взошла, на своего владельца моджары, что он обманул меня, запоздал и не дал мне полюбоваться до заката солнца на живописные горы Бельбека. Но когда взошла луна такая особенная, такая большая и чистая, и горы — спящие черные львы и слоны везде стали показываться — как хорошо вокруг — и я забыл про все.

Судак.

В Судаке я долго не мог простить горам, что они совершенно лысые. [Когда-то] стоял сплошной корабельный лес. Я не мог простить горам за то... не могу простить по-человечески лысину. И все-таки я простил... Было это в часы расставания с ними. Генуэзская крепость и...

Покупка земли.

О счастье по дороге в Ялту мне пришла в голову такая мысль: был некогда на свете первый неудачник, наивный и добрый человек из русских помещиков средней полосы, ему не повезло, и он вообразил себе, [что] его описали, и продали с молотка имение — вот он и выдумал это счастье [покупка земли]. Он очень любил землю свою, сад, крестьян, хозяйство.

Симеиз — немецкий курорт, мавританские дачи, дачи — мечта! «Эльвира»... «Новая Мечта». «Новая Греза». Мемет-татарин, повар, снял дачу «Эльвира». Полковник посвятил своей возлюбленной, а повар Мехмет снял

«Эльвиру» в аренду... У всех мечта, но как только назовут: «Мечта вторая» (назвал Али).

Дворец Воронцова мавританский...

Дикий Крым: проводник Мехмет.

Скалы тем хороши, что недокончены, и каждый по-своему может творить, и кто-то докончил и назвал Диво и Кошка, и убийственно стало смотреть. И вовсе не Кошка, и по-татарски значило совсем не Кошка, а все увидели, что Кошка...

Моджары с табаком везут...

Алупка.

В кофейной чашки — турецкие башмачки, хозяин-проводник, турки, приехали две дамы, и все выскочили: сюда, сюда! бескорыстно. Мимо проехали дамы. Извозчик умотал голову полотенцем... и Бог знает что намотано. И опять возвратились, и хозяин спрятался за занавеску, священнодействовал с кофе: а гости один за другим заснули. Как в Алуште: у железной печи: пан симеизский и римлянин.

Играющие черные глаза. Каждый говорит, играючи глазами.

Соня: — Видел сад? А я видела. Был на камне? А я была и т. д.

— Прибой рассыпался, пчелы гудят — весенняя нерешительность — прозрачность — миндальное деревцо — замерзнет...

Люди: Раннебурская пара: они прожили два имения, а у него в кармане бублик для собак и конфеты для детей.

Комментарии

Настоящий том представляет собой ранний дневник Пришвина (1905—1913), который рассматривался писателем как материал для задуманного им романа «Начало века», очерков и газетных статей. Публикуя фрагменты из раннего дневника в 1978 г., Валерия Дмитриевна Пришвина писала: «Ранними дневниками, еще никем до сих пор не читанными, мы называем разрозненные записи на отдельных листах разного формата и разной сохранности... На некоторых помечен год написания, иногда приходится определять время записи приблизительно». Все эти, по словам Пришвина, «смешанные клочки», были распределены по темам — их названия написаны рукой Пришвина — и разложены по папкам при первой домашней обработке архива в 1939 году известным литературоведом Р. В. Ивановым-Разумником. В последующие годы к этой работе Пришвин не возвращался.

Когда мы приступили к изданию раннего дневника, оказалось, что его публикация невозможна без кропотливой предварительной работы. Текст каждой папки распадался на несколько хронологических рядов, часто не поддающихся датировке. Потребовался анализ материалов, разложенных по разным папкам и совершенно не соответствующих обозначенной теме, что повлекло за собой частичную реконструкцию текста.

Расшифровка и перепечатка рукописного текста дневника В. Д. Пришвиной и Л. А. Рязановой (1978 г.). Подготовка и реконструкция текста Я. З. Гришиной.

К сожалению, многие слова не удалось прочесть по рукописи. Такие случаи обозначены в тексте угловыми скобками (<>) и буквами нрзб. В квадратных скобках дается предполагаемое слово и расшифровка сокращений ([]).

В именной указатель не включены имена едва знакомых Пришвину людей, в частности, встретившихся ему во время путешествий в Киргизию и Крым, а также в др. местах.

Приносим благодарность за помощь в подготовке текста А. Киселевой, в подготовке комментариев Т. Бедняковой, С. Воробьеву, Г. Кремневу, А. Медведеву, В. Фатееву, а также за помощь в расшифровке и комментировании «киргизского» дневника А. Летучему, Б. Махуову и М. Махуову.

Ранний дневник (1905–1913) Михаила Пришвина занимает особое место в литературном наследии писателя. Дело в том, что в отличие от хронологической структуры всего корпуса дневника последующих лет, текст раннего дневника выстроен тематически: он представляет собой разложенный самим Пришвиным по темам (по папкам) материал. На одной из них написано: «смешанные клочки», другая состоит из вырванных листков, вырезанных фрагментов текста и является первичной заготовкой к роману «Начало века. Из эпохи кающейся интеллигенции», который был задуман Пришвиным, но так и не написан. Текст распадается на несколько хронологических рядов, многие записи с трудом поддаются датировке. В папках под названиями «Начало века» и «Новгород. Богоискательство» собраны записи, связанные с религиозно-философским исканиями народа и интеллигенции — сектантов и символистов, с которыми Пришвин познакомился и тесно общался в эти годы. Кроме этого, ранний дневник включает две папки, куда был собран автобиографический материал — «Любовь» и «Хрущево», а также папку с «киргизским» и «крымским» путевыми дневниками — «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск» и «Крым. Славны бубны».

Однако, несмотря на тематическую структуру, текст сохраняет присущий жанру дневника стиль: записи не подвергались литературной обработке.

Дневник Пришвина как художественное целое складывается из событий, разговоров, философских, эстетических, нравственных рассуждений, органично вплетенных в ткань жизни, из многочисленных биографических фактов, воспоминаний, снов, поэтического вымысла, набросков, отрывочных записей без начала и конца, черновых вариантов писем, а также рассказов или очерков. Но все это касается как раннего дневника, так и дневника последующих лет.

Исключительная особенность раннего дневника заключается в том, что в центре его оказывается рефлексия относительно собственного психологического опыта. В дневнике раскрывается история души человека, пережившего драму неудавшейся любви как жизненную катастрофу. Любовь выявляет существо его личности — невозможность быть «как все», что первоначально воспринимается им как «болезнь». Драма любви становится прафеноменом личности художника; с этого момента начинается его путешествие к глубинам своего «я», обращение к миру — природе и народной душе. Пришвин не раз вспоминал, как почти случайно от безысходности записал на листке перипетии своего романа, и вдруг почувствовал... облегчение; так открывается путь спасения — в творчестве, что у Пришвина принимает форму дневника, своеобразной феноменологии личности, феноменологии художественного сознания.

Дисгармония между «я» и окружающим миром составляет главную черту внутреннего мира писателя; мощная саморефлексия перевешивает, перехлестывает внешнее. Это отчасти объясняет сложность его творческого поиска: одновременно идет осмысление связи «я» с миром («что я значу в мире, какой смысл имеют мои переживания, как отражаются они во всем»). Любовь освобождает душу, размыкает круг собственного «я», обнаруживает реальность «ты» и универсальность связи «я-ты» с миром («Любить значит в то же время и единственная способность узнавать мир»). Пришвин приходит к абсолютному приятию мира («Люди все те же ... но так страшно переменился весь свет... Я вижу теперь все, что есть в них внутри... Мало того, я вижу даже вещи... Каждый камень говорит мне свою душу»). В акте художественного творчества воссоздается онтологическая связь художника с миром, выявляется целостность, органичность самого мира. Художник

нацелен не столько на игру воображения — творчество нового, сколько на «поэтическое описательство» («У меня нет вымысла, я изображаю подлинную жизнь»): его задача не построить новую реальность, а понять, заново открыть Божий мир («увидеть мир с лица»).

Пришвин-писатель отличается особой впечатлительностью человека, который сумел сохранить органическую связь с миром: мир для него — не только предмет художественного исследования, но и потрясающее переживание. Писатель как бы соучаствует в процессе рождения собственной личности; он сам еще не владеет творческой волей, в нем нет игры художника, игры субъективной, а есть Игра, которая совершается с ним самим. Соответственно, и художественный образ в раннем дневнике органично связан со всем спектром человеческих чувств и, особенно, с восприятием зрительного образа — созерцанием («Вышел вчера на балкон, и вот звезды... Глянул и заблудился там, на небе... Холодно... А я не могу оторваться... Что-то они значат...»).

Художественный мир Пришвина структурирует одновременно и хаос, и космос («Я так близко стою к природе и участвую в ее хаосе... Я песчинка, носимая волнами хаоса, и так искренно ищу смысла»; «я пишу для того, чтобы жизнь моя — хаотическая тайна, стала ясной, полной смысла»). В этом мире нет разделения на свет и тень («темный свет»), мир еще не очерчен, не дифференцирован — это поэтика колеблющегося мира, где все неустойчиво, включая и положение самого художника («Земля теперь мне рисуется в мареве ... Все колеблется, мерцает, двоится ... и я, может быть, сплющиваюсь, двоюсь, поднимаюсь на воздух»). В то же самое время в поэтике дневника возникает образ «круглого зеленого мира», который тянет к себе «пристроиться и вращаться вместе» — хронотоп космического времени, в координатах которого тоже существует художник («я — частица мирового космоса»).

В раннем дневнике писатель ориентирован на выявление связи своего «я», которое осознается как микрокосм, с макрокосмом — где и осуществляется связь всего живого («Я слышу дыхание... лилового колокольчика. Я его люблю. Он связан со мной. И через любовь мою к цветку я связан со всем великим миром»).

Текст дневника свидетельствует о мощной архаической интуиции художника, впечатлительности и способности видеть мир образно — он как бы не справляется со сплошным потоком образов: художественное сознание и рефлектирующий комплекс, а между ними — пропасть; нет середины, нет примиряющего; колоссальное напряжение между сознательным и бессознательным. Читая дневник, мы как бы присутствуем при рождении целого ряда архетипических образов: круглый мир, певучее дерево, древо жизни, золотой цветок, черная птица с зелеными слезами, черный сад, море и др.

Недостаток четкости восполняется атмосферой причастности к тайне мира («мир принят как тайна»), но и она еще не раскрыта («Как страшно то, что мир остается нераскрытой тайной»). Существование этого мира тесно связано с поэтикой сновидений — колебание между сном и явью, соединение сна и яви: сновидение переходит в дневной мир; работа сознания развивает образы снов, придает им форму, что, в свою очередь, стимулирует художника («На днях я видел сон. Я ходил под впечатлением его целый день ... сон стал переживаться в третий или четвертый раз ... сон — корабль образов в море настроения»).

Балансирование между сознательным и бессознательным, нарастание сознания, а также рефлексия относительно этого процесса («когда все будет чистое сознание») определяет содержание дневника. Или, другими словами, конфликт между архаическим сознанием и рефлектирующим со-

знанием современного человека, стремящегося к самопознанию, становится доминирующим, какой бы темы ни касался художник. Текст сохраняет следы борьбы между двумя полюсами сознания, образующими смысловое пространство дневника.

Особенность пунктуации (многоточия, заменяющие точки и запятые) подчеркивает дискретность художественного мира раннего Пришвина: каждый предмет и каждый образ выступает отдельно, независимо, однако мифологическая цельность общей картины очевидна: каждая деталь священна, каждое событие предельно важно, ибо имеет отношение к целому («Когда весной покрывается зеленью земля... как все серьезно... все прекрасно, но все серьезно»; «ландыш должен появиться — иду за ним»). При этом целое организовано не художником — все пронизано ощущением присутствия Творца мира («"Великий Художник"» работает спокойно, он так силен, велик и деловит, и ему так легко все, что будто и не работает, а все само собой строится»).

Наличие в поэтике раннего Пришвина хаоса как эстетической категории и сопряженных с ним образов, постоянно сопровождающее писателя чувство трагедии и одновременно избытка сил и радости жизни, обращенность к Земле, природе, к началам жизни как источнику творчества, острое переживание своей отъединенности и одновременно единства с миром, — все это дает основание говорить о дионисийском начале в мироощущении раннего Пришвина и о его типологической близости философским идеям Ф. Ницше. Это подтверждается и позднейшими оценками Пришвиным своего раннего творчества («Я был Ницше до Ницше, как были христиане до Христа»; «Над изображаемой мною эпохой ... висела философия Ницше»). С этой точки зрения крайне интересна подробная дневниковая запись случайной дорожной встречи Пришвина с Максимилианом Волошиным, которая состоялась 28 марта 1909 года. В их разговоре противопоставление аполлонического и дионисийского типа культуры предстает в образе двух «пустынь». Именно в этом разговоре, как никогда ранее и как никогда позднее, Пришвин осознает свою близость к дионисийскому типу культуры — к России «как молодой, жаждущей слова пустыне».

Обостренный инстинкт жизни уводил художника от словоцентричности — утонченная словесная культура ему чужда; он признает ее высоту, но отталкивается от нее. При этом художественный способ осмысления мира для Пришвина единственно возможный, а художественная форма осознается как одна из наиболее существенных проблем творчества («Набрано много, а формулировать не могу»).

В процессе творчества размывается граница между искусством и жизнью — жизненная реальность, жизненное действо включаются в творческий процесс, становятся творчеством. У раннего Пришвина в начале века этим действом было путешествие. Путешествие реализует возможность органического творческого процесса («едет и поет») — сам предмет художественного познания получает естественное остранение — именно к этому тяготел Пришвин-художник: жизни в путешествии предоставляется возможность открывать самое себя.

Проблема двойственности — культура (в европейском понимании) и жизнь (народное сознание, быт) — отразилась в дневнике в целом ряде человеческих типов и характеров. Пришвин понимает, что истоки конфликта уходят в глубину русской истории, коллективной русской души, а ее социологический аспект — народ и интеллигенция — наиболее очевиден. Интерес писателя сосредоточен на вопросах, возникающих в народной душе. С этой точки зрения интересны образы Саморока и краснорядца в раннем днев-

нике. Их яркая самобытность, нестандартность мышления и образа жизни привлекают внимание писателя. Это тип человека, который свидетельствует о процессе роста индивидуального сознания в народе, это «революционеры духа», в которых трагически неразрешимо переплелась невозможность продолжения традиционной жизни с обращенностью личности назад; по сути, это тип человека, указывающий на регресс, на кризис; архаическое сознание, претендующее на самодостаточность, не только в определенной степени агрессивное всякому культурному построению (науке, книге), но и принципиально независимое от традиции, культуры, веры («Ум у меня громадный, я ничего не сделаю, не подумав»). Их способность к автономной жизни возвращает к первоначалу, это некая «русская робинзонада» — для утверждения жизни хватает собственной натуры («Начать все вновь — главная моя и вообще русских черта»).

В эти годы Пришвин много внимания уделяет сектантам Новгорода, где он в это время подолгу живет. В храме древнего Новгорода, в атмосфере пасхальной службы, в «иконах старинных <...> с загадочными чертами и странным сочетанием красок» Пришвин прозревает сколок «давно умершей жизни, какието египетские символы», жизнь по сути реликтовую, хранившую «вечный закон для всех и во все времена одинаковый». Пришвина поражают «простые говельщики», сознание, которое сохранилось в истории и сохранило безмолвное понимание символов, сотворенных в веках. Однако при первом же приближении эта цельность превращается в пеструю мозаику лиц и мнений. Пришвина привлекает стихия свободной мысли собирающихся в новгородском трактире с библейским названием «Капернаум». Пришвин слышит множество голосов, он слышит нескончаемый спор людей разных взглядов, конфессий, занятий; все они примитивные философы, захваченные поиском смысла жизни. В дневнике писателя «Капернаум» — место бесконечного разговора, разноголосицы: это не хор, а «базар» (так назовет Пришвин свою пьесу в первые послереволюционные годы). Дневник заполняется разговорами на тему, которую Пришвин для себя формулирует так: «Искание в “Капернауме” начала всех начал, споры о первобытном». Не конфессиональность, но изначальная, стихийная религиозность доминируют в духовной атмосфере “Капернаума”».

Интересно, что себя самого писатель ощущает «археологом», «реставратором» — это метафора его подлинного поиска, который заключается в изучении обнажившихся глубинных пластов народного сознания.

Здесь шел не совсем богословский спор — народное сознание на выходе из своей традиционной вековой цельности обнаруживает богатство образов и понятий, язык выдает архаическое, мифологическое сознание участников («Существо во мне заговорило, которое 2000 лет в затемнении было...»). При этом весь спектр вопросов принадлежит современности — от фундаментальных вопросов мироздания («в чем начало вещей») до проблем христианства, природы человека, монархии, земельного вопроса. Все решается так же самобытно («Первоначально надо с нутра начинать»), в противостоянии культуре («Первобытные народы жили и не нуждались в книгах»). Это было сходно с тем, что Пришвин уже многократно встречал. В дневнике рисуется противоречивый процесс рождения индивидуальности, индивидуальной свободы. Пришвина увлекает сама атмосфера собраний: простой человек, в жестах и логике которого неожиданно возникает игра вечных символов.

Однако в сектантстве Пришвин не видит выхода к подлинной свободе («Секты не интересны, потому что в них нет вселенского <...> религиозная темнота, безрелигиозность народа»). В «Капернауме» постоянно обсуждается тот же самый вопрос, который ставит себе для разрешения Пришвин:

«сознание для жизни или жизнь для сознания?» В переводе на язык народной стихии этот вопрос звучит много проще: «Христос или корова?», т.е. что принять за действительность, видимую жизнь или невидимую.

Народное сознание мучительно колеблется между этими крайностями, создающими поле особого напряжения: на одной стороне оказывается «человек жизни», отрицающий Христа. Церковь, книгу, науку («действительность — это природа... а то все воображение»), на другом — «революционеры духа», идеология которых укладывается в слова одного из руководителей петербургской секты хлыстов «Начало века» Легкобытова. («Действительность отвергнуть — и вне действительности создать действительность»).

В 1908 г. Пришвин едет на Светлое озеро — туда, «где сходятся великие крайности русского духа». И здесь он видит признаки кризиса, проникающего в глубину некогда цельной народной души («простые несчастные сектанты Ветлужских лесов, потерявшие всякий смысл в поисках истинного Бога»), и здесь обнаруживает признаки проявления личностного начала на тяжелейшем пути развития свободы («Это душа протопопа Аввакума, освобожденная, блуждающая»). С этой темой связаны размышления писателя о современном христианстве («Религиозное чувство есть чувство личности, индивидуальности... тончайшее выражение личности»). Здесь же на Светлом озере Пришвин неожиданно находит нить, связующую сектантский религиозный поиск и богоискательство интеллигенции: несколько раньше здесь побывал Д. С. Мережковский, которого хорошо запомнили «простые сектанты» («Мережковский наш, он с нами притчами говорил»).

На заседаниях Религиозно-философского общества, которые Пришвин посещает с 1908 г., речь идет тоже о свободе («Смысл этой веры был, конечно, в освобождении... личности»). Развитие индивидуальной свободы, ориентированное на раскрытие всех творческих возможностей личности, всей мощи человеческой природы, выявляло и поднимало на поверхность глубинные инстинкты человеческой души. Без параллельного развития общественности этот рост вел к срыву, оказывался возвращением к архаическим, примитивным формам жизни. Парадоксальным образом в дневнике воспроизводится типично русская ситуация: рост внутренней свободы за счет утраты внешней.

Пришвин обнаруживает идентичность народного, сектантского и интеллигентского сознания: проблемы духовной и общественной жизни переплетаются, образуя клубок неразрешимых проблем. В этом свете духовное брожение в России сливается в понимании Пришвина в общий процесс и стереотип разделения на народ и интеллигенцию исчезает. Пришвина поражает, что, провозглашая свободу и хлысты и интеллигенты-богоискатели воспроизводят одну и ту же мифологическую схему господства и подчинения («Мелькнула такая мысль: как близко хлыстовство к тому, что проповедуют сейчас декаденты: все царства — Легкобытова, Мережковского <...> И процесс одинаковый: я — Бог»).

На одном из собраний Религиозно-философского общества Пришвина записывает в дневник тезисы выступления, по-видимому, Мережковского («Вот доломит — горная порода русской души: весь народ становится женщиной. Даже Толстой преклоняется перед Алекс[андром] Ш. А в «Войне и мире» изумительная страница: Ростов и царь-солнце. Тут мифология! и чем царь неправедней, тем он слаще»). В этом процессе трагического нисхождения Пришвин усматривает связь с глубоким комплексом русской души — в данном случае связь с древнейшим архетипом круга («Я сказал Мережковскому: — Весь народ русский внутри круга, весь он склонен»).

Вместе со всеми решая вопросы, которые ставило перед собой современное религиозное сознание, Пришвин размышляет в дневнике о значении истории и культуры («Христово начало, как деятельное начало европейской культуры»); Россия и Европа — подспудно в дневнике развивается тема о судьбе России. Выявляя творческое, деятельное начало в христианстве, Пришвин по сути обозначил некую антитезу традиционному обществу — это не ответ, но констатация другого религиозного и исторического опыта в лице Европы.

Пришвин чувствует психологическое сродство природы писательства и христианства («Мы, пишущие христиане,.. как бы мы ни боролись со Христом, мы все равно жизнью, бытом своим — христиане»). И сама личность художника, по Пришвину, воспроизводит христианский тип личности — так или иначе, но, уже осознавая себя художником, восстановив единство личности, он записывает в дневнике: «Я умер как стихийно-бытовой человек».

Колебания между стремлением к свободе и тяготением к мифологическим формам сознания, которые писатель наблюдает в самых разных социальных слоях общества, свидетельствуют о конфликте, зреющем внутри коллективной русской души. Пришвин не умозрительно постигает его смысл, а переживает лично («как рядовой»). Глубинные мифологические мотивы коллективного сознания становятся действующими символами; это круг и прямая — два полюса, вокруг которых строятся модели художественного мира писателя. С одной стороны, круг, символизирующий мир, ориентированный на архаические, примитивные формы жизни, мифологические основы народной души — жизнь природы органически входит в художественный язык писателя, актуализируется как культурный символ. С другой стороны, прямая указывающая в ту сторону жизни, где мир предстает как движение, становление, выход из «круга», разрушение мифологической цельности, как путь истории и свободы.

Обе модели мира значимы для Пришвина: он остро чувствует свою принадлежность к обоим мирам и переживает это как конфликт, связанный с его собственной судьбой — судьбой художника, неизбежный и трудноразрешимый: «Так легко вращается прекрасный зеленый мир, а я не верчусь вместе с ним, а иду тяжелой дорогой... прямой, прямой».

Я. Гришина, В. Гришин

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Дневники 1914–1917. — Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. СПб.: ООО «Изд-во "Росток"». 2007.

Дневники 1918–1919. Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. М.: «Московский рабочий». 1994.

Дневники 1920–1922. — М. М. Пришвин. Дневники. 1920–1922. М.: «Московский рабочий». 1995.

Дневники 1923–1925. М. М. Пришвин. Дневники. 1923–1925. М.: «Русская книга». 1990.

Дневники 1930–1931. — Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. СПб.: ООО «Изд-во "Росток"». 2006.

Собр. соч. 1956—1957. — Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1956—1957.

Собр. соч. 1982—1986. — Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982—1986.

Собр. соч. 2006. – Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Терра-Книжный клуб. 2006.

Личное дело... – Личное дело Михаила Михайловича Пришвина. Воспоминания современников. СПб.: ООО «Издательство"Росток"», 2005.

Цвет и крест. – Пришвин М. М. Цвет и крест. СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2004.

Путь к Слову. – Пришвина В. Д. Путь к Слову. М.: Молодая гвардия, 1984.

Хлыст. – Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998.

ЛЮБОВЬ

С. 5. *Что было бы, если бы я сошелся с этой женщиной?* — Имеется в виду роман с Варварой Петровной Измалковой, дочерью петербургского действительного статского советника, студенткой исторического факультета Сорбонны, встреча с которой произошла в 1902 г. в Париже во время путешествия Пришвина по Европе после окончания учебы в Лейпцигском университете. Варя стала первой любовью Пришвина, о которой он вспоминал в своем дневнике всю жизнь. Ср.: Дневники 1914—1917. 2007. Коммент. к с. 5. С. 555. Дневники 1918—1919. Коммент. к с. 173. С. 366; Дневники 1930—1931. Коммент. к с. 339. С. 677.

Через год... я сошелся с крестьянкой... — после возвращения в Россию в 1902 г. Пришвин работал агрономом вначале на хуторе графа Бобринского в Богородицком уезде Тульской губернии, а затем в Клинском земстве Московской губернии, где и произошла его встреча с Ефросиньей Павловной Смогалевой (урожд. Бадыкина), которая стала его женой. Сын Пришвина Петр Михайлович в своих неопубликованных воспоминаниях пишет о матери так: «Место рождения — б. Смоленская губ., Дорогобужского уезда д. Следово. Родилась в многосемейной бедной крестьянской семье. Основное пропитание добывалось жатвой серпом (хлебов) у зажиточных крестьян. По жатве была великая мастерица, отлично ткала холсты и плела кружева. По заданиям матери, которая практиковала как знахарка и «колдунья», изучила лечебные травы, грибы, кустарники, лес. Собирала, сушила и готовила разные лечебные настойки. При отличной памяти, знала наизусть все песни, свадебные обряды, игры, пословицы и поговорки, сказки, былины. Имела приятный голос и хорошо пела (краснопевка). В 17 лет насильно (против воли) выдана за нелюбимого зажиточного крестьянина в той же д. Следово. В первые дни после свадьбы сбежала от мужа к родителям, где поучили «уму-разуму» ивовыми прутьями. Несмотря на такую встречу, к мужу не пошла. Через несколько дней была перехвачена мужем на реке, когда шла по воду... В ночь мать собрала скудные пожитки и бежала из дома в Петроград к дальним родственникам. Устроилась там в прачечной и одновременно ходила на благотворительные курсы кройки и шитья. Там же научилась читать и

писать. Вскоре окончила курсы (помнится годовые) с отличием и получила звание портнихи» (воспоминания предоставлены Н. П. Бирюковой (Пришвиной)). Ср.: Дневники 1914—1917. 2007. С. 231.

Отношение Пришвина к «невесте» (Варя) и жене, может быть, больше чем что бы то ни было другое, демонстрирует сплетение романтической и реалистической традиций в его жизни и творчестве. Ослабление романтической традиции и развитие реалистической определяет существо жизненной и писательской стратегии Пришвина, причем первая не исчезает, а переплавляется, создавая реальность иного качества, реальность символическую или метафорическую.

С. 6. *У нас был ребенок и умер.* — Первый сын Пришвина Сережа (р. 1904), умер под Рождество в 1905 г. Ср.: «Как жутко вспомнить то далекое время в трущобах Петербургского Лесного института — ту елку с умирающим ребенком... Можно ли быть человеку более несчастным, чем я был тогда...» Путь к Слову. С. 110.

...*«С крейсера "Баян"...* — имеется в виду броненосный крейсер «Баян» 1-й Тихоокеанской эскадры, один из самых знаменитых участников обороны Порт-Артура, построенный во Франции по заказу русского правительства в 1900 г.

С. 9. *Были... на Волковом кладбище.* — Петербургское Волково кладбище известно «Литераторскими Мостками» (с 1861 г.), где похоронены многие деятели русской культуры и науки.

...*в Париже (у А. И. Каль) меня познакомили с молодой девушкой В. П. И.* — Речь идет об Анне Ивановне Каль (урожд. Глотова) — жена теоретика музыки Алексея Федоровича Каля, с которым Пришвин познакомился во время учебы в Лейпцигском университете. Скорее всего, А. И. привлекла Пришвина красотой («похожа на "Даму в голубом" худ. Сомова»), сложностью натуры (инфернальностью), откровенными разговорами («Не хочу добра, — говорит красивая женщина. — Добро скучно. Красота рождается из страдания. Она есть просветление страдающего человека (гордого?). Гордость красива, претензия — безобразна»). Во всяком случае, В. Д. Пришвина отмечает: «Кто знает, что повлекла бы за собой... встреча Михаила с Анной Ивановной, если бы именно у Глотовой в Париже Пришвин не познакомился с ее подругой Варварой Петровной Измалковой... Глотова вернулась к мужу, но говорила, что... ничего... в обычных формах отношений мужчины и женщины не видит... Через несколько лет, уже в России, она покончила жизнь самоубийством после какого-то романа». Путь к Слову. С. 83. «Пришвин в позднейшей (1935 г.) краткой летописи жизни отмечает: «Роман "Идиота"... Глотова» (РГАЛИ).

С. 10. *...раз даже приходил к психиатру...* — имеется в виду трагикомическая история посещения психиатра, связанная с любовными переживания. Ср.: Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 558—564.

С. 12. *...ее не хвалят, называют сухой, кокеткой...* — история первой любви в раннем дневнике представляет собой попытку художника восстановить хронику романа по разрозненным фрагментам, сохранившимся в глубинах памяти. Он пытается соединить начало и конец любовной истории, не только выстроить ее и в этом свете постигнуть смысл собственной судьбы, но также встроить ее в контекст своей нынешней жизни — семейной

(Фрося — Варя) и творческой («она есть мечта моя, творчество мое»), а также в контекст культуры (Прекрасная Дама, Версальская Дева). Ему, однако, не удается перевести любовное переживание в прошлое — текст дневника «выдает» подлинные чувства, которые, сопротивляясь логическому построению, заставляют обрывать записи-воспоминания. В текст внедряется целый пласт эротических снов, смысл которых заявляет о себе так же (или более) убедительно, как и память («мы упрочиваем в снах действительное»). Роман был кратковременным, но вскрыл всю глубину и сложность отношения Пришвина к женщине, обнаружил в нем натуру художника, стал источником его поэзии. Любовь дала творческий импульс — через впервые сказанное «ты» будущему писателю открылся целый мир («каждый камень говорил мне свою душу»). Ср.: «Кащеева цепь», звено восьмое «Брачный полет».

Хрущево. — Имеется в виду имение Хрущево Елецкого уезда Орловской губернии, где в семье Михаила Дмитриевича и Марии Ивановны Пришвиных, принадлежавших к купеческому званию, Пришвин родился. Небольшое дворянское имение было куплено дедом Пришвина Дмитрием Ивановичем, елецким потомственным почетным гражданином, и после семейного раздела досталось М.Д. Пришвину. Ср.: «Кащеева цепь», звено первое «Голубые бобры», главы: «Хрущево», «Курымушка».

Лебедянь... Монах... на Тяпкиной горе. — В Лебедяни, старинном русском городе на берегу Дона, в 60 верстах от Ельца, где сохранилась Ильинская церковь — уникальный архитектурный памятник XVII в., Пришвин часто бывал. По одним легендам название «Тяпкина гора» (исторический центр Лебедяни) произошло от разбойника по прозвищу Тяпка, по другим — отшельника, жившего в келье на горе.

С. 12. *И такие [глубокие], будто Мурма́н.* — В сказках и легендах Мурма́н — территория Кольского п-ва и Норвегии, где Пришвин путешествовал в 1907 г. Ср.: За волшебным колобком. // Собр. соч. 1982-1985. Т. 1.С. 323.

С. 13. *А Давид пророк [знает]... дым... в облака не складывается...* — в народном сознании причудливо соединились различные реалии ветхозаветной истории: Давиду, пророку, царю, строителю Храма, псалмопевцу часто приписывались сверхъестественные слова и деяния Господа, в частности, способность молитвой вызывать дождь. Ср.: Лев. 26, 4; Втор. 11, 14; Пс. 10, 6. — *Ред.*

Вот [на] Микольщину было... — имеется в виду день праздника святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских чудотворца, 6 декабря по ст. стилю.

...*Василий Блаженный плясал...* — ср. в Житии Василия Блаженного: «Если же проходил мимо такого дома, где пили вино, или пели бесстыдные песни, или плясали, то со слезами обнимал углы дома и на вопросы мимо ходивших отвечал: "Неподобающее христианам творится в этом доме"».

С. 14. *Далеко с поля слышно, как соловей поет в саду...* — Этот «мартовский» сад открывает череду образов сада в художественном мире Пришвина, архетипом которого выступает рай: это «черный сад» («У стен града невидимого», 1909), сонный сад («Иван Осляничек», 1912), крымский сад («Славны бубны», 1913), вырубленный яблоневый сад («В саду», 1918), сад детства в Хрущеве и Люксембургский «любовный» сад («Кащеева цепь», 1927), сад

художника («Наш сад», 1952) и, наконец, сад в деревне Дунино под Москвой (дневник последних лет). Ср. образ «черного сада» в повести «У стен града невидимого» (гл. «Черный сад»): «Весна запоздала... Соловьи запели в голом саду. Этого старожилы не запомнят. Маркиза брюзжит... Слыханное ли дело, чтобы соловьи пели в голом саду? Но спросить не с кого, нельзя рассердиться, разбраниться, отвести свою душу. И маркиза брюзжит. А соловьи поют. Деревья черные, как мертвые. На зеленом ковре и на голых кривых ветках далеко видны серые, хуже воробьев, птички с булькающим горлышком. Когда поет соловей в одетых деревьях, то трепещет зеленое сердце сада и откликаются соловьи всех времен, потому что все сады и все соловьи одинаковы. В зеленом саду соловью все помогает. Но тут, на голых ветках, он один, поет сам по себе. Подойдешь почти к самому — не слышит. Откуда это пришло? В саду маркизы, мне кажется, соловьи поют о том, что все люди прекрасны, невинны, но кто-то один за всех совершил тяжкий грех.* Дни идут. Сад одевается. Фиалки, черемуха, зеленая пыль в воздухе и висячие мостики от дерева к дереву. Но не могу я забыть соловья в голом саду, и все кажется, что в саду маркизы скрыто не простое и не зеленое сердце. Я не могу отвязаться от мысли, что соловей поет о грехопадении. Тоска. Тесно. Весна не ждет, проходит. Хоть что-нибудь удержать для себя!». Сад — одна из важнейших категорий в поэтике Пришвина. См.: *А. А. Медведев.* Мотив сада в творчестве М. Пришвина и А. Блока; *Г. Ю. Синицына.* Мотив сада в повести М. Пришвина "У стен града невидимого" и в дневнике 1900—1910-х годов // Сб.: Михаил Пришвин и русская культура XX века. Тюмень, 1998. С. 173—181.

С. 15. *...мороз до Ивана Богослова... и в петровки случается...* — праздник Апостола и евангелиста Иоанна Богослова отмечается православной церковью 8 мая по ст. стилю; петровки — Петров пост — зависит от Пасхи. Если Пасха ранняя, то на петровках может быть и мороз. — *Ред.*

...звезды... Глянул и заблудился там, на небе... Холодно... А я не могу оторваться... — В раннем дневнике обращает на себя внимание особенность пунктуации — часто встречающиеся многоточия, создающие своеобразную стилистику письма Пришвина в это время. Пунктуация, с одной стороны, выявляет дискретность художественного мира раннего Пришвина (многоточия разделяют текст на отдельные фрагменты — кадровая дискретность), с другой стороны, именно этим подчеркивает как значимость каждого кадра-фрагмента, так и символическую подоплеку картины в целом.

С. 16. *Маркиза воргит...* — Так иногда называет Пришвин в раннем дневнике свою мать Марию Ивановну Пришвину (урожд. Игнатова). Мария Ивановна была родом из г. Белева, «старообрядческого происхождения, впоследствии православная», — отмечает Пришвин в автобиографической справке (*РГАЛИ*). В 1880 г. после смерти мужа, Михаила Дмитриевича Пришвина, Мария Ивановна стала хозяйкой заложенного по двойной закладной имения Хрущево и всю жизнь работала «на банк», выкупая его: она сама

* Эту запись почему-то ошибочно толкует А. Эткинд в своей книге «Хлыст» (1998): «Это своеобразное анти-христианство: "кто-то один" не искупил грехи человечества, но совершил их» (С. 456); на самом деле в данной записи речь идет о грехопадении первого человека, изгнанного за это из рая, т. е. о первородном грехе, который тяжким бременем лег на каждого человека, коснувшись и лично «невинных и прекрасных».

вникала во все вопросы большого хозяйства и буквально вдохнула новую жизнь в имение, пришедшее в упадок при отце Пришвина. Ср.: «Хозяйку имения, куда я еду, мы прозвали «маркизой», потому что у нее серебряная голова и вообще величественный вид». Кащеева цепь. //Собр.соч. 2006. Т. 2. С. 414.

...стучит топором, делает балясинки... — балясины — точеные фигурные столбики под перила или поручни.

Соловьи поют и на Стаховичевом боку и на Ростовцевом. — Речь идет о соседних имениях Стаховичей и Ростовцевых. Фамилию «Ростовцева» получит впоследствии героиня романа Пришвина «Кащеева цепь».

С. 17. *В какую-то непоказанную пятницу...* — имеется в виду день, когда нельзя работать. Ср.: «По пятницам мужики не пашут, бабы не прядут», «Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться» (В. Даль).

С. 19. *...Дуничка встречала с учениками Пасху.* — Сохраняется орфография автографа. Евдокия Николаевна Игнатова, двоюродная сестра Пришвина, была членом народовольческой организации «Черный передел», а затем всю жизнь работала учительницей в деревенской школе (Мал. Сапрычка), организованной на собственные средства. Через Дунечку в раннем детстве Пришвин воспринял идеи народничества, но сама ее жизнь стала для него символом кризиса народнических идей. В летописи жизни в 1918 г. Пришвин отмечает: «Двоюродная сестра Дуничка учит любить человека (с Некрасовым)». См.: Личное дело... С. 9—19.

Две хозяйки... — речь идет о взаимоотношениях Марьи Ивановны Пришвиной с дочерью Лидией.

Сиверко — холодный, резкий северный ветер.

С. 21. *Два Аякса стоят...* — в «Илиаде» Гомера Аяксы — два греческих героя, два неразлучных друга, сражавшихся под Троей.

Мы с ней сумежные... — народн.: смежные.

Недоразумение не закон 9 Ноября, а «ораторы»... — «ораторы» — политические пропагандисты, часто социал-демократы, выступающие перед крестьянами с критикой Правительственного Земельного Указа Сенату о разрешении крестьянам выходить из общины и закреплять землю в личную собственность. Ср.: Заворошка // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1.

С. 22. *...а скотину выгнать некуда...* — Ср.: Дубовый Дол // Собр.соч. 1982—1986. Т. 1.

С. 24. *Вешние всходы...* — имеется в виду книга для классного чтения и бесед, устных и письменных упражнений в школе и семье Д.И. Тихомирова.

Хрестоматия. Тихомиров (изд. 20-е). Петр за границей... «Немецкая земля во многом непохожа тогда была на Россию... — Неточная цитата из учебника, излагающего русскую историю в форме упрощенного пересказа источников. Ср.: *Тихомиров Д. И.* Из истории родной земли. Очерки и рассказы для школ и народа. Изд. 9-е. М.: 1910. Ч. 2. Новая Россия. С. 34—35. (Коммент. В. Фатеева).

С. 25. *Разговор о курнике.* — Курник — пирог с курицей.

С. 27. *Бабочками я очень доволен.* — Ср.: Обеденный перерыв (1950) // Собр. соч. 1982-1986. Т. 5.

С. 28. *«на границе природы и человека нужно искать Бога».* — Ср.: «Есть ощущение Бога, который родится на черте, отделяющей природу и человека». У стен града невидимого //Собр. соч. 1982-1986. Т.2. С. 459. И много позднее: «В моих писаниях, даже самых лучших ... есть упрямство в избегании привлечения к природе напрямую человеческой души. Я остаюсь у самой границы встречи божественной природы человека, его духа с обыкновенной натуральной природой» (РГАЛИ).

Привычка свыше нам дана... — аллюзия на роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин», строфа XXI.

Богу и Маммоне... — маммона — богатство, в переносном смысле — корысть, стяжательство. Бог или Маммона — нельзя служить двум господам. Ср.: Мф. 6, 24; Лк. 16, 13.

Статья «Присыпуши». — Вперв.: Русские ведомости 1912, 1 янв. (фольк.) — дети, задавленные своими матерями во время сна и поступающие в распоряжение нечистой силы. См.: Собр. соч. 1982-1986. Т. 8. С. 502—503.

С. 29. *...старый ильм одевается...* — дерево из семейства ильмовых, известно также под названием вяз.

С. 32. *...делает карьеру в викарные дьяконы.* — Викарий — наместник, помощник; иногда — должность духовной особы высшего сана.

...мальчик крепкий, как каган... — каган — чугунок, котелок.

Яловые сапоги... — сапоги из кожи ни разу не телившейся коровы.

Появляется Дедок в дипломате. — Дедок (или Гусёк) — два прозвища хрущевского птицелова по имени Александр, с которым у Пришвина связаны воспоминания о раннем детстве, когда Гусек брал мальчика с собой на ловлю перепелов. Ср.: Сашок // Собр.соч. 1982—1986. Т. 1; Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 42—48. Дипломат — кустарная верхняя одежда.

С. 33. *Турки сделали резолюцию и свобода.* — Имеется в виду антифеодальная революция 1908 г. в Турции.

С. 35. *Вы фантазер! — сказала она...* — имеется в виду Варя Измалкова.

С. 39. *А если собинку выделить...* — собинка — земельное владение; насобить — присвоить, нажить, накопить собинку.

Девочка звенит коклюшками... — следуя традиционной технике плетения Елецкого кружева, известного с начала XIX в., на туго набитой ржаной соломой подушке латунными булавками обозначался узор и по нему закреплялись нитки, которые наматывались на кленовые коклюшки (продолговатые палочки, обычно от трех до восьми пар); они, в свою очередь, перекладывались и переплетались между собой в соответствии с узором. Елецкое кружево отличается мягким контрастом мелкого растительного и геометрического узора и тонкого ажурного фона. Кружево плели по домам женщины разного возраста, девочки в семье рано овладевали этим мастерством.

Муть о законе... — здесь и далее имеется в виду Земельный Указ от 9 ноября 1906 г., принятый по инициативе П.А. Столыпина, разрешающий крестьянам выходить из общины и закреплять полученный надел земли в собственность («укреплять») — указ, изменивший коренные законы крестьянского землевладения. В разных районах России хуторское движение развивалось по-разному: в западных и восточных районах очень динамично, в центральных губерниях крайне медленно. В эти годы в родных местах на юге России Пришвин наблюдает реальные последствия реформы, и в дневнике появляется целый ряд конспективных записей, заметок, а иногда и законченных по форме очерков, которые затем публикуются в газете «Русские ведомости» и журнале «Заветы». Многие из них впоследствии вошли в книгу «Заворошка» (1913), в предисловии к которому Пришвин пишет: «Первая часть этой книги — «Родная земля» представляет собой отклики деревенской жизни родного мне края; вторая часть, «Новые места» — впечатления от поездки с переселенцами в сибирские степи». Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. (Коммент. В.Фатеева).

С. 40. *А тещу укреплять укрепляй...* — Земельный Указ от 9 ноября 1906 г. предусматривал получение («укрепление») наделов на родственников. См.: Как я укреплял тещу Никифора (1909) //Собр. соч. 1982—1986. Т. 1). (Коммент. В. Фатеева).

С. 41. *...от боя переломлена «душевная кость»...* — по-видимому, имеется в виду ребро с левой стороны у сердца.

С. 42. *...анадысь...* — намедни — недавно, днями.

С. 43. *Тут турманы, летуны, космачи...* — турманы — порода короткоклювых высоколетных голубей, кувыркающихся в полете; летуны — почтовые голуби; космачи — голуби с сильным оперением лап.

С. 46. *...внимательность к глудкам...* — глудки (местн.) — определенный вид кочек.

С. 48. *...как нам ехать в Задонск...* — уездный город в Воронежской губернии, недалеко от Ельца, знаменит своим монастырем, прославленном в конце XVIII в. трудами и подвигами святителя Тихона Задонского (Указано В. Фатеевым).

С. 49. *...благорастворение воздухов и семенов земных!* — Неточные слова дьякона из Великой ектинии на Божественной литургии: «О благорастворении воздухов, о изобилии плодов земных...». Благорастворение воздухов — хорошая погода.

А Пушкин... описание его крестьянской избы... — см.: «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833—1834), гл. «Русская изба».

С. 53. *...у нас две половины, одна четвертного права... а другая душевая.* — Четвертное землевладение — форма землепользования в России с XVII в., когда за отдельной семьей закреплялось определенное количество четвертей — земли на четвертном праве были собственностью государства, и их запрещалось продавать — по реформе четвертные земли признавались индивидуальной собственностью крестьян; преобладающий тип землевладения — душевой надел, то есть количество земли, приходившееся на одну ревизскую, а после 1861 г. на одну наличную душу.

С. 54. *...клевер сеять или томашлак...* — томашлак — одна из урожайных кормовых трав, распространенных в дореволюционной России.

С. 55. *А сколько тут попуты!* — от глаг. «путать»: путаница.

С. 56. *... погубил же в двадцати городах в Италии...* — речь идет о сильнейшем землетрясении на Сицилии и Калабрии (1908), в результате которого погибло около 100 тысяч человек, о чем писала вся мировая пресса. См.: *М. Горький, В. Мейер.* Землетрясение в Калабрии и Сицилии, Изд. «Знание». СПб., 1909; *Блок.* Собр. соч. Т. 5. С. 350—359, 380—384.

Моисей... Фараон... Казни... — Исх. 5, 12. Ср.: Как я укреплял тещу Никифора //Собр. соч. 1982-1986. Т. 1.

С. 57. *Деревня Дубовый Дол...* — ср.: Дубовый дол // Собр. соч. 1982-1986. Т. 1.

С. 59. *...визгу много, а шерсти мало!* — Поговорка (полн.: «Стриг черт свинью: визгу много, шерсти нет». В. Даль) возникает позднее в художественных произведениях Пришвина. Ср.: В очерке «Дубовый дол» (1909): «Дали мужику свободу... Свобода, свобода, эх! Визгу много, шерсти мало!» и в «собачьем» рассказе «Лимон» (1937): «Все забияки такие... и наговорит-то тебе, и навизжит, и пыль пустит в глаза, но стоит посадить его в шляпу — и весь дух вон. Визгу много, шерсти мало!» Собр. соч. 1982—1986. Т. 4.

У нас это сергибус называется. — Дикорастущее съедобное растение.

...еще снитка есть... баранчики. — Снитка — народное название съедобного многолетнего травянистого растения — сныть; баранчики (буквица) — лекарственное растение, применяемое в народной медицине.

С. 60. *...только на переверть.* — Здесь: перекрутиться, вывернуться.

...отдание Пасхи... — день перед праздником Вознесения, когда начало вечерни, утрени и литургии совершается по Пасхальному чину.

Декокт пьет. (*лат.* — decoctum, устар.) — Отвар из лекарственных трав.

...сомины не есть. — (разг.) Сом, сомовина.

С. 61. *Они плавают, а она на берегу: квох, квох...* — Ср.: детские рассказы «Пиковая Дама» (1938), «Курица на столбах» (1941), где использован этот сюжет. Собр. соч. 1982—1986. Т. 5.

Велели землю «лешить»... — леха — одна двенадцатая часть десятины; лешить поле — разбивать на лехи.

С. 62. *Там монах у раки стоит.* — Рака (*лат.*) — гробница со святыми мощами праведника, святого.

...где-нибудь симментальскую телочку достать. — Имеются в виду коровы комбинированной мясо-молочной породы, выведенной в Швейцарии и в XIX в. завезенной в Россию.

С. 63. *Не то ли же самое у Ивана Алекс. с его Элладой?* — Ср.: «Необъяснимое: т. е. китайщина, восток, где жизнь не ценится (примеры необъяснимого: гвоздь в затылок убитого и многое такое знакомое нам "не для чего", "вдруг", "круг", "загадочность", "без выхода", "непонятное", "достоевщина").

Выход из необъяснимого... (У Рязановского — Эллада), вообще признание ценности жизни». Дневники 1914—1917. 2007. С. 222—223.

С. 64. *Душа... похожа на дрожину...* — дрожина (дрога) — продольный брус у летних повозок всех родов для связи передней оси с задней.

С. 68. *...острого слова борзый писец*! — Ироническое: бойкий писака.

... ни бес, ни хохуля. — Вариант поговорки: ни рыба, ни мясо, ни то, ни се; хохуля — выхухоль.

С. 69. *...перенесение мощей св. Николая [из] Бари.* — Мощи святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских чудотворца были перенесены из г. Бари в его родной город Миры в Ликии в 1907 г. (Указано. В. Фатеевым).

...«Гондольер молодой, ты в Гренаду спешишь... взор твой полон огня». — Неточные слова из песни «Гондольер» известного водевилиста и театрального критика Федора Алексеевича Кони (1809—1879), посвященной В. П. Боткину: «Гондольер молодой! Взор мой полон огня!»

...как Господь въезжает на осляти... — Мф. 21, 5-8.

С. 70. *Бокль сказал, что это от состава элементов... легкие дышат хорошо...* — имеются в виду рассуждения Бокля о том, что изучение законов природы можно использовать для изучения исторических и социальных процессов. Бокль Г.-Т. История цивилизации в Англии. М.: 1861 (Указано В. Фатеевым).

...ремантантные розы... — розы, цветущие два или несколько раз за сезон.

...эти синтифолии из Крыма... — имеется в виду сорт — роза Синтифолия.

С. 71. *...во время службы он увидел в толпе девушку, и страсть охватила его...* — Ср.: «С ним бывали и такие случаи из жития святых, когда опасность от огня нечистых внутренних движений предотвращалась испытанием на теле мучительной силы вещественного огня, напоминающей искушаемому мучения в вечном огне» (Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского и Задонского, всея России чудотворца. Одесса, 1902. С. 64). (Коммент. В. Фатеева).

С. 72. *...ученые, подобные господину профессору Мечникову, предлагают... средства от старости.* — Исследованиям проблемы старения посвящена книга И.И. Мечникова «Этюды о природе человека» (1904). (Коммент. В. Фатеева).

С. 73. *История Тихвинского ж[енского] монастыря и Скорбящей.* — См.: Жизнь новоявленного угодника Божия Тихона, епископа воронежского и елецкого, с присовокуплением избранных мест из его творений (изд. 2, М., 1862); Житие святителя Т. Задонского (СПб., 1866); *В. Михайловский.* Святый Т., епископ воронежский и задонский (СПб., 1873); Житие святителя Тихона Задонского (М., 1894); *прот. А. Лебедев.* Святитель Тихон Задонский и всея России чудотворец (изд. 3, СПб., 1896). (Коммент. В. Фатеева).

С. 74. *...как конфирмованные барышни...* — в католичестве — девочки от 7 до 12 лет, прошедшие таинство конфирмации епископом; в протестантской

церкви — публичный акт, символизирующий достижение юными членами церкви зрелого возраста (14—16 лет).

С. 75. *Сцена с подшальником...*— небольшой женский платок, полушаль, полушалок.

С. 77. *Яровой.* — Яровые культуры — засеваемые весной и созревающие летом или осенью в год посева.

С. 78. *...мы кострочку...* — сорную траву.

С. 79. *... стародавняя истина? <...> так долго нужно бороться, чтобы пробиться!»* — См.:. Альтенберг П. (наст. фам. Рихард Энглендер) — австрийский писатель, автор книги «Die M rchen des Lebens» (1907), в русском переводе «Сказки жизни». Цитата по изд.: СПб., 1908. С. 131. (Коммент. В. Фатеева).

С. 80. *Мама читает «Лествицу»...* —сочинение св. Иоанна Лествичника «Лествица, возводящая к небесам» (XVI в.).

...давал нам заряжать ружья... — имеется в виду Федор Петрович Корсаков, сосед Пришвиных по имению, в связи с которым в раннем дневнике возникает очень существенная для писателя тема.

Детство воспринимается Пришвиным сквозь призму острого конфликта природы и культуры. Жизненное начало в ребенке, требующее полноты для своего развития, в обыденной жизни часто встречает преграду в виде рамок и запретов — «надо» и «нельзя». Из всех встреченных в раннем детстве людей Пришвин выделяет соседа по имению как единственного, кто понимал, что подлинное усвоение культуры в процессе воспитания требует свободы, нарушения табу («детям нужно неправильное»). Именно парадоксальность ситуации в общении со взрослым как представителем культуры дает ребенку острое ощущение своего «я» («хочу») и создает возможность свободного выбора ребенком образа поведения. Редко взрослые решаются на такой рискованный эксперимент, и Пришвин понимает благие намерения родных и педагогов («Им хотелось сделать из меня хорошего мальчика»). Однако, по Пришвину, творческий импульс дается человеку в детстве для того, чтобы он подхватил его и включился в процесс мирового творчества. «Дитя — это творец», к тому же «обладающий полнотой воли» и «знающий правду» — представитель некоего универсального целого. Именно потому столь правомочным становится у Пришвина сам объект воспитания — ребенок, а запись получает продолжение («Им хотелось сделать из меня хорошего мальчика, я хотел найти свой путь к хорошему»). Ребенок (природа) хочет быть хорошим, и именно это стремление (природы к культуре) уничтожается методом репрессивной педагогики, но приносит неожиданные плоды и становится фундаментом личности в редких свободных взаимоотношениях со взрослым. Не дать угаснуть творческому импульсу — значит, по Пришвину, «сохранить в себе ребенка» — образ становится метафорой художественного творчества и верности поэтическому призванию. На протяжении всей жизни в дневнике сохраняется устойчивая связь «ребенок-поэт». Ср.: запись от 16 мая 1912 г.

С. 86. *Довлеет дневи злоба его.* — Мф. 6, 34.

...нынче страшная обедня... — Праздничная служба в день Св. Троицы отличается от обычной продолжительностью — помимо литургии, в нее входит чтение Часов и молебен с троекратным коленопреклонением. — *Ред.*

... звонят к обедне? <...> — Не к Достойной ли? — Имеется в виду положенный по церковному уставу звон, обозначающий начало евхаристического канона во время молитвы «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу», когда в алтаре совершается таинство Пресуществления Святых Даров. — *Ред.*

С. 87. *А разве мы, студенты, не так поступали?* — Имеется в виду юношеское увлечение марксизмом в годы учебы на химико-агрономическом отделении Рижского политехникума (1893—1897), когда Пришвин стал членом социал-демократического кружка «Школа пролетарских вождей» под руководством В. Д. Ульриха. Члены кружка занимались распространением революционной литературы среди рабочих, а Пришвину, кроме того, был поручен перевод книги А. Бебеля «Женщина и социализм», которая, по его словам, в то время звучала для него как «величайшая поэма любви» (См.: Большая звезда//Собр. соч. 1982-1986. Т. 5. В 1897 г. члены кружка были арестованы, и Пришвин провел год в камере одиночного заключения Митавской тюрьмы, а затем был выслан на родину в Хрущево без права продолжать образование в России. Ср.: Кащеева цепь // Там же. Т. 2. С. 205—213).

С. 88. *Родительская: идут после обедни с кладбища.* — Судя по времени года, речь идет о Троицкой родительской субботе, когда за богослужением поминаются умершие родные, а затем посещаются их могилы на кладбище. — *Ред.*

...Полодни бегут. — Полодни (полудни) — весеннее дыхание земли.

...сверток с большака. — Поворот с большой дороги.

С. 92. *...в геенну огненную.* — Мк. 9, 47.

С. 93. *Хорош Парис...* — в «Илиаде» Гомера Парис — троянский царевич, сын Приама и Гекубы, отличавшийся силой и красотой. Похищение им спартанской царицы Елены стало причиной Троянской войны.

С. 94. *...очень старый Приам...* — троянский царь Приам, который в «Илиаде» Гомера говорит о том, что хочет умереть раньше, чем увидит разорение Трои.

С. 95. *Петербург. У Игнатовых.* — Имеется в виду семья двоюродного брата Пришвина со стороны матери. Врач по образованию, в молодости за распространение нелегальной литературы на заводах Москвы, он отбыл заключение и ссылку. Впоследствии после женитьбы на богатой невесте (С. Я. Герценштейн) оставил медицину, и многие годы был сотрудником и совладельцем газеты «Русские ведомости». В этой газете с 1907 по 1915 г. Пришвин публиковал свои корреспонденции (многие из них вошли в книгу «Заворошка», 1913). В 1915 г., отмечая, что писание и в «Русских ведомостях» — «сплошное притворство», и в «Заветах» — «все это не мое, не мое» (Дневник 1914-1917. С. 151), Пришвин рассматривает это как «службу», то есть осознает себя не журналистом, не «общественным деятелем», а писателем, свободно выбирающим, о чем и как писать. Ср. воспоминания Ремизова: «Пришвин корреспондент "Русских Ведомостей". Под постоянным выговором своего двоюродного брата... Игнатова. "Писать надо с выводами".

А он хотел без выводов, как Чехов» (Кодрянская Наталья. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 322). Тем не менее, и в революционные годы корреспонденции Пришвина одна за другой появляются в газетах «Воля народа», «Воля страны», «Раннее утро» и др. (многие вошли в книгу «Цвет и крест»). В дальнейшем Пришвин также часто обращается к жанру очерка, который, безусловно, вырастает из его журнальных и газетных корреспонденций (по сути, законченных очерков); позднее некоторые книги писателя представляют собой циклы очерков.

С. 96. ... *и с утра танцую я матчиш». — Матчиш* — быстрый характерный бразильский танец, популярный в начале XX в.

Ах! Сказал Сирах. — Скорее всего, аллюзия на комедию Теренция «Самоистязатель», в которой одна реплика персонажа по имени Сир начинается междометием «Ах», что и привело к появлению присловья: «Ах! Сказал Сирах»; не имеет отношения к «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова».

...сутолитесь, а без толку. — Разг., произв. от «сутолока», т. е. суетитесь.

С. 97. *Николаевка, как она была грабиловка...* — имеется в виду Николаевская С.-Петербургско-Московская железная дорога (открыта в 1851 г.).

Прогулка на Стрелку. — Имеется в виду Стрелка Васильевского острова — Биржевая площадь.

С. 98. *Она мне сказала тогда...* — имеется в виду Варя Измалкова.

С. 100. *«Где остановилась философия... там начинается проповедь». (Шестов).* — См.: *Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ницше // *Шестов Л.* Соч. в 2-х тт. Т. 2. гл. XV. — Томск: Водолей, 1996.

...к этому загадочному красному солнцу... — ср.: Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т.1. С.516-526.

С. 105. ... *жизнь театр... каждый живущий — актер...* — Театрализация жизни — актерство как форма бытового поведения, маскарадность, игра — занимает в культуре Серебряного века очень существенное место и выражается в актуализации идеи «жизнь — театр», уходящей корнями в эпоху Возрождения («Весь мир — театр/ В нем женщины, мужчины — все актеры». В. Шекспир «Как вам это понравится»). Мотив театральности бытия, начиная от лирической драмы А. Блока «Балаганчик» (1906), обнажившей проблему, так или иначе возникал в произведениях целого ряда художников начала века. Кажется, что Пришвину скорее присуща противоположная модель поведения, которая традиционно противопоставляется повседневной театральности — естественное поведение человека, живущего реальной жизнью, скорее реалистическая, чем романтическая парадигма. Тем не менее, в той или иной степени можно говорить о влиянии модернистских идей на поэтику Пришвина, которое он и сам признавал. Он участвует в писательской игре А.М. Ремизова — «Обезьяньей Великой и Вольной Палате», где у Пришвина чин «резидента заяшного ведомства», в его любовные сны проникает маска, скрывающая подлинный лик («это нехорошо, снимать маски... но нужно»), мотив, который и в последующие годы не однажды возникает в дневнике; театр в начале века — в эпицентре культуры, драма — в центре художественного поиска и он отдает дань театру — в 1916 г. появляется «Базар. Пьеса для чтения вслух» — единственный и очень интересный опыт в

творчестве Пришвина; но самое существенное, что тема «мы актеры» вновь появляется и переосмысляется писателем в его позднем дневнике. Ср: «Без даты. Ведь жизнь наружная — не моя внутренняя — есть пьеса, в которой меня же разыгрывают. И есть такие тонкие артисты, что только через них я и узнаю себя. Что мне история? Ведь это меня же дурно разыгрывают в лицах»; «Без даты. 1941. Назови кого-нибудь, кто с людьми остается таким, каким он бывает с собой? — Но ведь хорошего в том мало, чтобы показываться именно таким, какой есть. Что, правда, в этом хорошего? Мы же, вероятно, собой недовольны и хотим сделать из себя нечто более интересное, чем мы есть, стать выше себя. Как ты думаешь? — я думаю, что... это происходит от... сознания невозможности перед всеми раскрыть свою личность. — Но ведь это и есть глубочайшая причина, почему мы играем и даем легенду вместо самих нас»; «Без даты. 1943. Больше всего меня смущает в Ляле (имеется в виду Валерия Дмитриевна Пришвина, вторая жена писателя, с которой он встретился в 1940 г.) ее вечная игра: в жизни она талантливый актер, вполне верит в то, что играет. Подчас я, несмотря на ее героизм в любви, сомневаюсь, не разыгрывает ли она и эту любовь? Именно героизм-то ее и наталкивает меня на эту мысль: так в природе не бывает. Так может любить только Божий актер... Ну а сам-то я разве не Божий актер? Разве я выбрал ее не для того, чтобы лучше было вместе играть?» «21 Июля. 1944. Каждая встреча одного человека с другим есть представление: каждый разыгрывает себя самого перед другим, но непременно бывает двое: одни актером, другой зрителем. Точно так же бывает оба пола, м[ужской] и ж[енский], друг перед другом представляются...»; «12 Сентября. 1944. Но вот для меня... Но, впрочем, нет: какой может быть вопрос, что и любовь наша — тоже игра, и мы не вправду любовники, а два мастера сцены сошлись, заинтересованные друг другом.» (Черновые материалы к книге «Мы с тобой». Архив Л. А. Рязановой).

С. 107. *...как я... (в Тюмени) пропел раз «Марсельезу»...* — после исключения из Елецкой гимназии за грубость учителю географии В.В. Розанову Пришвин в 1889 г. уезжает в Тюмень к дяде И.И. Игнатову, сибирскому пароходчику, где в 1892 г. оканчивает реальное училище.

... помнить Шопенгауэра: творчество есть забвение своего «я». — Ср.: «Идеи постигаются только путем описанного выше чистого созерцания, которое совершенно растворяется в объекте, и сущность гения состоит именно в преобладающей способности к такому созерцанию и так как последнее требует полного забвения собственной личности и ее интересов, то гениальность есть не что иное как полнейшая объективность...». *Шопенгауэр Артур.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Мир как воля и представление. М., 1992. С. 198—199. (Указано В. Фатеевым).

С. 108. *Слова Амвросия: «Любовь покрывает все...* — ср.: «Любовь покрывает все. И если кто делает ближним добро по влечению сердца, а не движимый только долгом или корыстью, то такому дьявол мешать не может; а где только по долгу, там он все-таки старается помешать тем или другим» (Агапит (Беловидов), архим. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Ч. 1-2. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1900. Ч. 1. С. 101). Опираясь в своем духовном опыте на знаменитый «гимн» любви ап. Павла (1Кор. 13, 4-8), преп. Амвросий в другом своем наставлении поясняет его так: ««Любы не превозносится, не гордится,

не бесчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла (то есть не помнит зла), не радуется о неправде, радуется же о истине; вся любит (т. е. вся покрывает), всему веру емлет, вся уповает (т. е. всегда надеется всего лучшего), вся терпит. Любы николеже отпадает» (от Бога и от людей в самых трудных обстоятельствах). Блажен, кто стяжал такую любовь; а мы немощные, хотя да стремимся к стяжанию свойств и качеств ее самоукорением, смирением и покаянием... Первая степень к достижению истинной любви есть искание прощения грехов правильными средствами» (Собрание писем блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. Сергиев Посад, 1906. Ч. 1. С. 153). (Указано А. Медведевым).

Был в редакции журнала «Тропинка» по приглашению дам, обративших внимание на мою книгу. Мадам Соловьева встретила меня вопросами о Религиозно-философских собраниях. — Журнал «Тропинка» издавали П.С. Соловьева, сестра философа В.С. Соловьева, и Н.И. Манасеина. Речь здесь идет о книге «У стен града невидимого» (1909). (Коммент. В. Фатеева).

С. 110 ...*какая-то отравительница.* — Ср. ниже: запись от 9 Декабря.

Путешествие к о. Георгию в Спас-Чекряк... — Ср.: очерк «Спас-Чекряк» о поездке к о. Георгию в «один из самых бедных приходов Болховского уезда» Орловской губернии в книге «Заворошка. Отклики жизни» (1913) // Собр. соч. 1982-1986. Т. 1.

На Архиерейском Соборе 2000 г. протоиерей Георгий Коссов из села Спас-Чекряк был канонизирован; мощи священноисповедника Георгия, обретенные 9 декабря 2000 г. в настоящее время пребывают в Спасо-Преображенском соборе г. Болхова. См.: *Усов* Н.Н. Источник воды живой. М.: 2004.

С. 111. *Барышник-прасол...* — прасолы — люди, скупающие в деревнях оптом рыбу, мясо или сельскохозяйственную продукцию для перепродажи.

С. 114. ...*сам будто кобчик...* — кобчик — хищная дневная птица из семейства соколиных.

С. 115....*а ты поставишь вентерь и гонишь...* — тип ловушки, применяемый для ловли птиц.

...*те лягушки, которые живут в буковищах...* — буковище — обвал, провал, ров.

С. 121. *А вы, Болховские... дулебы...* — (орл., курск.) бестолковый, невежа, простофиля.

С. 124. ... *переходить ли ей на отруба...* — отруб — участок земли, находящийся в личном владении крестьянина после выхода из общины.

С. 126. ...*опыт дает только худшее.* — Ср. вариант этой записи, в которой разговор с прихожанкой приписывается не Болховскому священнику о. Георгию, а священнику о. Николаю, с которым Пришвин встречался, когда жил и охотился на Оке в глухом уезде Тульской губернии (Ср.: Цвет и крест. С. 448—451): «Разговор священника о. Николая с матерью: — Чего же вы ждете? — Лучшего для своих детей, надеюсь, им лучше будет, чем мне. — Вы хотите для них меньшего опыта? — Наступило смущенное молчание. Священник думает, что жизнь в последнем опыте — зло, мать думает, что это в её только опыте зло, а так на стороне жизнь очень хороша». Трудно сказать, кому из священников принадлежал этот запомнившийся Пришвину раз-

говор, но в дневнике, как это часто у Пришвина бывает, в варианте записи, смысловое пространство разговора расширяется — возникает оппозиция религиозного и житейского

Ранний Пришвин, окунувшийся в сектантскую стихию, активный участник собраний религиозно-философского общества — не конфессиональный человек; он не только изучает, но ведет собственный религиозный поиск, пытаясь найти точку опоры в море религиозных идей. Сектантское мировоззрение не становится лично для него значимым, но сектантский тип личности интересует его как народный и художественный тип, он отмечает существенные для него черты сектантского мировоззрения: («Хлысты. — Что же вы поставите на место церкви? — Жизнь!»). С этой точки зрения, крайне интересным оказывается то, какие типы православных священников привлекают внимание писателя. Во-первых, его интересует старчество, начиная от старца Амвросия; священники, к которым за житейскими советами обращаются паломники («Отец Георгий (лучший из священников) <...> Что изумляет меня, так это творчество внутри православной мертвой церкви. <...> Большинство советов о. Георгия — советы дельного, практического человека, следящего за умственной жизнью общества. Сам о своем колдовстве говорит с улыбкой. Никого никогда не обидит <...> В результате от этой поездки осталось чувство большого удовлетворения в существовании такой личности»). Во-вторых, он отмечает приятие жизни и находит во взглядах провинциального православного священника близкое взглядам Розанова понимание «существа православия». («Помню, когда рассказывал о. Николай о своих планах устройства церкви радостной, наполненной ликами младенцев и вообще живых, семейных отношений <...> — Я вдруг понял за чтением Библии, что жизнь есть радость, счастье <...> В православии есть все, решительно все для радостной человеческой жизни, а только монахи его испортили <...>» Через год я получил письмо от о. Николая <...> "О церкви своей... Если хотите, у меня в куполе семья: Вера, Надежда, Любовь — малютки с матерью, отрок Артемий в синих порточках — деревенский мальчишка, Дмитрий царевич — детеныш. При входе ... Христос на открытом месте распростер руки ко всем, тут и убогие, и нищие старухи, юноши, матери, мальчики. Своя собственная композиция, единственная в мире, нигде не найдете. Цель: поставить Христа ближе к народу". И много еще я мог бы привести примеров, из которых ясно видно, что всем известное явление "обмирщения" духовенства совсем не совпадает с понятием падения». Цвет и крест. С. 450—451). В-третьих, его привлекает дерзновение и духовная свобода православного священника («Великую свою тайну открыл мне отец Спиридон <...> за кого он вынул частицу с проскомидии, за Льва Толстого, за Льва! Слово за слово разговорились, и еще узнал я: за папу римского давно уж молится отец Спиридон, за Лютера, за князя Кропоткина, как шла жизнь, о чем думал — находил лиц тех, и вынимал частицу, и так много их, живых и мертвых людей скопилось в церкви отца Спиридона. Тут были французы, немцы и евреи, и христиане, и язычники, и кого-кого тут не было. Для всех них отец Спиридон строил великий храм, подобный храму Соломонову. Это храм св. Троицы, где весь мир сходился во имя Отца и Сына и Святого Духа». Цвет и крест. С.320—323). Таким образом, сектантский и интеллигентский религиозный поиск в раннем дневнике Пришвина дополняется, а может быть, и несколько уравновешивается существованием «таких личностей» православного христианства, деятельность и взгляды

которых, ничего не разрушая, соответствовали самым смелым идеям русского религиозного ренессанса.

С. 127. *Мар. Ник... — это жизнь, которую Саша не мог осилить...* — Драма Александра Михайловича Пришвина — следствие его неудовлетворенности семьей и, возможно, профессией («Саша — какой-то артист по природе своей, которого нравственная Дуничка сделала доктором») — проявилась после встречи с женщиной-медсестрой, которую в семье Александра прозвали Марухой; имя ее неизвестно. Он оставил семью и уехал — с обещанием вернуться к жене умирать. Смертельная болезнь настигла его очень скоро, он вернулся к Марии Николаевне, а «Маруха» покончила с собой, как только узнала о его кончине — в овраге было обнаружено ее тело. Ср.: «Судьбы братьев, сестры и отца Михаила Михайловича свидетельствуют о характерах ярких и необычных. Натуры сложные, мятущиеся, ищущие, они не могли смириться с обыденностью, жили с устремлением к высокому идеалу, но не смогли воплотить его в своей жизни. Михаил Михайлович понял внутренний смысл жизни, тайну личности каждого из них, может быть, потому, что их поиск был для него самого существенным и важным<...> В брате Александре мы видим очень близкие Михаилу Михайловичу черты — художественное призвание и мечту о большой любви». Путь к Слову. С. 16—18.

С. 128. *... взял из Евангелия о Марфе и Марии.* — Лк. 10, 38-42; Ин. 11, 1-45.

С. 129. *Л. Н. Толстой... сам создал евангелие...* — имеется в виду «Краткое изложение Евангелия» (1881).

С. 130 *...опять будет «заворошка»...* — заворошка (разг.) — неожиданное осложнение, путаница.

С. 132. *...вижу, что она неистребима...* — имеется в виду Варя Измалкова.

...«прощаются тебе грехи твои», или сказать: «встань и ходи»? И коснулся руки ее, и горячка оставила ее, и она встала и служила им. Когда же взошло солнце... увяло и, как не имело корня, засохло. — Мф. 9, 5; Мф. 8, 15; Мк. 4, 6.

С. 133. *Покорны солнечным лучам...* — Строфа из стих. А. Фета «Еще люблю, еще томлюсь перед всемирной красотою...» (1890).

С. 134. *...у «графа» нет этого в природе<...> Некрасивая горбатая девушка, бедная — кажется, это вот зачем она?* — Записи относятся к концу 1904 г., когда Пришвин, переехав в Петербург, поселяется на Васильевском острове в доме вдовы чиновника Соколова (там его прозвали «графом») и оказывается среди «униженных и оскорбленных», кажется, совсем не изменившихся со времен Достоевского. «Проклятые» вопросы всплывают сами собой («зачем она?») — девушка-горбунья становится одним из персонажей тогда же написанного и пропавшего первого рассказа начинающего писателя «Домик в тумане». См.: Путь к Слову. С. 106—109.

С. 137. *...студент Берлинского университета...* — в течение 1900—1902 г. Пришвин учился на агрономическом отделении философского факультета Лейпцигского университета, а также прослушал летние курсы в Берлинском университете (биологическое отделение) и в Йенском университете.

Маруха. — Маруха (местн.) — возлюбленная, разлучница.

...Осип и его «экономическая необходимость»... — трудно сказать, идет ли речь о реальном человеке с таким именем — члене революционного кружка под руководством В.Д. Ульриха, в деятельности которого участвовал в студенческие годы Пришвин, или это имя будущего персонажа автобиографического романа, прототип которого трудно определить. Ср.: Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т.1. С.252-264.

...золотая куколка... по Марксу... — См.: *Маркс К.* «К критике политической экономии» (1859). Гл. 2 «Деньги, или простое обращение».

С. 138. *...бывало, нянька крестится темному окну...* — речь идет о Евдокии Андриановне, няне в семье Пришвиных. В воспоминаниях Пришвина традиционный в русской литературе образ няни, рассказывающей ребенку сказки и поющей народные песни, вытесняется и переосмысляется. Евдокия Андриановна непостижимым чутьем понимающая трагичность и неизбежность наступающего времени и не скрывающая этого понимания от ребенка, воспитывала в мальчике готовность к будущему.

...В сердце рядового, в его... душе рождается образ Прекрасной Дамы... — превращение «женщины будущего» в Прекрасную Даму, знаковый образ русского символизма, полная идентичность возведенного на недосягаемую высоту абстрактного идеала вечной женственности и книжного, столь же абстрактно-отвлеченного и далекого от реальной жизни образа «женщины будущего», обозначили важную черту мировоззрения Пришвина — отношение к романтизму; для него, все еще переживающего свою романтическую «парижскую» любовь, и уже соединившего свою жизнь с простой женщиной, и романтизм и революция были прошлым, о котором он постоянно размышлял, но которое, хотя и не бесследно, но прошло.

С. 140. *Потычка.* — Здесь: смысл.

С. 141. *...из Смольного вышла моя литература...* — вероятно, Варя Измалкова закончила Смольный институт благородных девиц, по крайне мере, известно, что ее сестра Анна Петровна, одно время была преподавательницей в Смольном институте и жила там. См.: *Гришунин А. Л.* Пришвин, Блок и В. П. Измалкова // Михаил Пришвин и русская культура XX века. Тюмень, 1998. С. 113-124.

С. 142. *...неужели директор банка в Англии есть бóльшая реальность...* — Пришвин считал, что Варя Измалкова осталась в Лондоне и служила в банке. О судьбе Измалковой см.: Там же. С. 113-125.

С. 150. *Петербург и... Россия и...* — петербургская тема занимает значительное место в творчестве Пришвина («Я начал свою литературную жизнь в городе света... я полюбил Петербург за свободу, за право творческой мечты... этот город света... в своей трагической славе встает передо мной и поднимает меня». Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 583—587) и с полным правом может быть включена в, так называемый, «петербургский текст» (термин В.Н. Топорова). Кроме дневника, где постоянно возникают обращения к поэме «Медный Всадник», к мифу о Петре, «униженным и оскорбленным» Достоевского, оппозиция «Петербург—Москва», «Петербург—коренная Россия», «Петербург—Ленинград», мотивы большого города и «маленького человека» в нем и т. д., петербургская тема развивается в очерках и художественных произведениях писателя, начиная от первого, утраченного рассказа «Домик в тумане» (1905), рассказа «Голубое знамя» (1918), романа «Ка-

щеева цепь» до рассказа «Город света» (1943) и романа-сказки «Осударева дорога» (1948—1954).

С. 153. *...«приидите ко Мне, все труждающиеся...»* — Мф. 11, 28.

С. 154. *Я ездил... по степям Средней Азии...* — имеется в виду путешествие Пришвина в Киргизию в 1909 г.

С. 159. *Из тюрьмы, когда выпустили, такой переход: женитьба=уверование в Бебеля<...> в каких тайниках детства коренится это начало: изучить Колю, наш дом.* — Не случайно, поставив знак равенства между событием личной жизни и идейным утопическим идеалом (женщина будущего), Пришвин вспоминает своего старшего брата Николая Михайловича, сердечные дела которого тоже были связаны с утопическим идеалом, только на первый взгляд несколько другого рода. Ср.: «Николай Михайлович ... был человек очень хороший, но, как все хорошие люди, он не знал, что хорош, и всю жизнь свою мучился, что он не такой, как настоящие люди. Где эти настоящие люди, кто они такие — в жизни он едва ли видел, но настоящий человек был ореолом его личного существования; после, в самые тяжелые минуты своей жизни, он недоуменно меня спрашивал: если все кругом так безобразно, то откуда же пришло к нему, что есть какой-то светлый человек?»; «Брат мой Николай имел душу такую же, как и я, но был несчастлив. Он ждал священной встречи с другом. И замечательно, когда он получил от своей дамы сердца согласие, то этот застенчивый до болезни человек, объявил свою свадьбу, как пир на весь мир <...> По пути на этот пир священный <...> на какой-то пересадке забыл в вагоне свой новый, только для пира сшитый сюртук и вдруг через это одумался. Можно ли, думал он наверно, на брачный пир явиться в пиджаке, а потом с пиджака перешел на себя<...> Подозреваю, что и другие братья, Александр и Сергей, тоже бродили возле этого брачного пира, около того священного союза». Литературные аллюзии помогают Пришвину понять смысл жизни каждого из братьев — в связи с любовной коллизией своей собственной жизни. Много лет спустя, читая Шекспира, он записывает: «Антоний очень похож для меня на брата моего Александра: бросил все, и медицину свою, и семью буквально за поцелуй — и умер<...> несмотря на бедную добрую медицину и такую же свою жену и двух девочек, сочувствие наше осталось с Сашей. Так и Антоний написан как будто во свидетельство того, что жизненно-поэтическая мечта у человека выше всех царств и добродетелей». В связи с переосмыслением образа Обломова, возникает Николай: «Обломов — бесхарактерный как тип и великий русский характер как личность (встанет когда-нибудь и все переделает по-своему). "Быт" люди наживают вместо плана и даже бытовой парад, например, именины, является сам собой по семейной традиции. На этом явлении в человеческом обществе создалась фигура Обломова. С точки зрения планирования жизни, "обломовщина" есть нечто невозможно дурное, а с точки зрения русского быта, Обломов есть дивное существо. Вспоминается брат Николай и его роман в отказе от всякого плана»; а перекодировка смыслов, связанных с образом Дон Жуана, связывается с третьим братом Сергеем: «По братьям своим вижу я себя, что у нас в роду были все однолюбы, и что брат Сергей, переходивший от женщины к женщине в поисках единственной истинной, как раз и был больше всех нас однолюбом». Обращаясь к детству в поисках истоков этого общего для всех братьев романтического идеала, Пришвин пишет: «Буду так думать, что романтизм

нашей хрущевской усадьбы вырос, первое, на почве дворянского гнезда (дед Пришвина выкупил имение разорившегося орловского дворянина. — *Я.Г.*), второе, купеческой елецкой крови, третье, и главное, что не было мужчин, а только хорошие женщины. Так создалось устремление к небывалому». Путь к Слову. С. 16—23, 36.

С. 160. *Большой соблазн послать сестре письмо...* — имеется в виду сестра Вари Измалковой.

С. 161. *...Маговей-птица.* — Маговей-птица — мифологический персонаж русских народных сказок. Ср.: Славны бубны //Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 553.

И было утро<...> И был вечер... — библейский ритм возвращает мир к акту Творения, когда утро и вечер длились в вечности («тысячи веков прошли»); возникающие картины смешивают масштаб и точки зрения, «очевидное и невероятное»: с одной стороны — невозможная высота, с которой океан кажется ворочающейся рыбой, и чайки, падающие в океан с этой высоты, и мир, закрывающийся клубами пара и дыма, и чуть ли не онтологическое одиночество лирического героя на скале; с другой стороны, народная примета, объясняющая поведение чаек перед дождем, возвращает соразмерную человеку высоту, многие деревья не горят, а только курятся, а колокольчик находится на скале не сам по себе, но вместе с героем. Сотворенный мир еще как бы противостоит человеку, но уже внятно его величие и очевидна любовная связь человека с миром, утвержденная молитвой. Интересно, что «колокольчик» аукнется в дневнике последнего года жизни писателя и снова обозначит связь с миром — временну́ю и пространственную: «1 июля 1953. Какой день! А сказать нечего: все в такой день само собой говорит. Только вот в больших синих колокольчиках впервые заметил внутри белые язычки, такие большие и заметные, что, кажется, взял бы за язык и принялся звонить на всю вырубку, на весь лес и во весь июль». Собр соч. 1956—1957. Т. 6. С. 721.

С. 163. *...гаснут дальней Альпухары золотистые края.* — Имеется в виду серенада из драматической поэмы А. К. Толстого «Дон Жуан» (часть первая, сцена «Ночь. У фонтана»). Известен также романс П. И. Чайковского «Серенада Дон Жуана» на эти стихи. *Альпухары* (Alpujarras) — живописные долины в Сьерре Неваде, в Гранаде (Испания).

...чудо насыщения пятью хлебами... — Мф. 14, 15-21.

С. 172. *Голубые бобры.* — Символ, не только связанный с образом умершего отца — своеобразный завет отца сыну (рисунок был подарен на память восьмилетнему Мише отцом Михаилом Дмитриевичем Пришвиным), но и знак иной судьбы, обозначивший рождение личности в мальчике. В дневнике писателя есть несколько записей об отце, связанных с попыткой понять самого себя. Ср.: «Отец мой не торговал, но был страшный картежник, охотник, лошадник — душа Елецкого купеческого клуба» (Дневники 1923—1925. С. 98); «в отличие от матери, он «никогда не читал ничего, даже газет, но был мечтателем по природе»; «от отца наследую нервность, от матери — нравственное здоровье» (Дневники 1918—1919. С. 365); «Чувствую, что природа моя пришла от отца, а справляться с этим чувством и стать на служение поэзии — это мне дала мать» (Путь к Слову. С. 24).

...Пересматривая материалы 3-го тома... — имеется в виду последний том под названием «"Славны бубны" и другие рассказы» первого Собрания сочинений Пришвина, которое вышло в издательстве «Знание» (1912—1914 гг.) по инициативе Максима Горького.

НАЧАЛО ВЕКА

С. 175. *...рассказал им [сразу] о «немоляках».* — Немоляки — старообрядческая беспоповская секта; с немоляками Пришвин встречался во время путешествия на Север. Ср.: У стен града невидимого (гл. Согласие Дмитрия Ивановича) // Собр. соч. 1982-1986. Т.2.; Саморок // Цвет и крест.

Как только я сказал, что на Светлом озере их помнят, Мережковский вскочил... — в 1908 г. Пришвин совершил свое третье путешествие — в Керженские леса Нижегородской губернии к граду Китежу, в результате чего была написана книга «У стен града невидимого» (1908). Ср.: «В отличие от большинства коллег, изучавших племена далекие от своей культуры, Пришвин ехал изучать собственный народ... путевые заметки Пришвина не претендуют на объективность; жанр их скорее стремится к рассказу об искреннем религиозном паломничестве. Повествование уходит от дневниковых записей светского туриста к истории раскольничьих общин и монастырей, вычитанной из книг, а потом — к дословному изложению собственных дискуссий с сектантами. Текст объединен лишь непрерывностью движения в пространстве природы и мифа» (Хлыст. С. 455). До Пришвина в этих местах побывали Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, о которых рассказывали Пришвину сектанты. Ср.: «Вошел... старик, который вчера проповедовал светлого и свободного Бога староверам... обыкновенный лесной мужик с нечесаной, клочковатой рыжей бородой, в лаптях... поклонись от нас Мережскому... Скажи... Дмитрий Иванович кланяется. Как сон, мелькнуло во мне воспоминание о слышанном и читанном про поездку одного из руководителей Религиозно-философского общества на Светлое озеро... Книжки к нам высылают, журнал... Они к нам пишут, мы к ним... Приносят книги, истрепанный, зачитанный журнал... с помарками, с отметками, спрашивают о всех членах Религиозно-философского общества. Слушаю их и думаю: "Какие-то тайные подземные пути соединяют этих лесных немоляк с теми, культурными. Будто там и тут два обнажения одной первоначальной горной породы"». У стен града невидимого // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 483—484, 509—510.

С. 176. *Алекс. Мих. растаял от моего рассказа.* — См.: Дневники 1918—1919, коммент. к с. 59. С. 360.

...Знакомство с Ал. Степановичем Прохановым... Высокий, грузный, лоб низкий, кавказец. — Пришвин называет Проханова «кавказцем», видимо, потому, что Проханов родился во Владикавказе.

С. 177. *Издает для этого журнал «Духовный Христианин»...* — имеется в виду молоканский духовно-экономический журнал «Духовный христианин» (1906—1917). (Указано В. Фатеевым).

Д. С. Мережковский — настоящий иностранец в России... — Ср.: Среди иноязычных // *Розанов В. В.* О писателях и писательстве. М., 1995. С. 146. (Указано В. Фатеевым).

С. 178. *Но как они с двух концов добрались к нему?* — Ср.: «На деле, идеи Мережковского и всего русского религиозно-философского движения начала века кажутся ближе к гностическим ересям раннего христианства и средневековья, чем к хлыстовству или другим народным русским сектам». Хлыст. С.190-201.

Я стал Завет с ними читать. — Имеется в виду Библия.

С. 179. *Так понимают ли сектанты Мережковского?* — Ср.: «Волжские "немоляки" не соглашались с ним в богословских вопросах. Для них Мережковский был чрезмерно буквален в своем миститизме <...> Любопытно, какой полный оборот совершает здесь история: с точки зрения "народа", писатель-символист читал тексты чересчур буквально, а неграмотный мистик требовал от него еще большей метафоричности». Хлыст. С. 192.

Надо познакомиться с «Русским Богатством»... — в данном случае интерес к народным духовным исканиям со стороны Мережковского Пришвин рассматривает в русле традиции народничества (хождения в народ); «Русское богатство» (1876-1918) — научный, литературный и политический ежемесячный журнал либерально-народнического направления, в котором печатались В. Вересаев, А. Куприн, И. Бунин, М. Горький и др. После 1892 г., когда журнал возглавили Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко, журнал стал центром легального народничества.

С. 180. *Я им говорю об Ионе во чреве...* — Иона 2, 1.

17 октября, когда уличная толпа с красными флагами с пеньем «Марсельезы»... — имеются в виду народные шествия по случаю принятия Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. («Манифест свободы»), суть которого состояла в обещании народу гражданских свобод (неприкосновенность личности, свободу совести, свободу слова, собраний и организаций) и выборов в законодательный орган — Думу. «Марсельеза» — французская революционная песня, слова и музыка К.-Ж. Руже де Лиля (1792) (вначале называлась «Военной песней Рейнской армии», затем распространилась в республиканской армии, в Марселе получила название «Марш марсельцев» или «Марсельеза»), ныне государственный гимн Франции. В конце XIX в. в России на мелодию «Марсельезы» в среде рабочих исполнялась «Рабочая марсельеза», текст А.Л. Лаврова (1875).

...*«Боже, царя храни»...* — Государственный гимн Российской империи на слова В.А. Жуковского «Молитва русских» (1815), муз. А.Ф. Львова (1833) просуществовал до 1917 г. С 1815 по 1833 г. гимн исполнялся на музыку английского гимна «God Save the King» («Боже, храни короля» муз. Генри Кэрри, 1743 г.) Стихотворение Жуковского «Молитва русских» включает еще несколько строф, в гимн не вошедших.

С. 181. *Отдал рассказ «У стен града невидимого» З.Н. Гиппиус...* — повесть «У стен града невидимого», написанная после поездки к Светлому озеру, была полностью опубликована в 1909 г. в типографии «Т-ва И.Н. Кушнера и К°».

... *что сказал и Ив. Павл. Ювачев («вы не для вечности пишете»).* — Известный народоволец Иван Павлович Ювачев (отец будущего поэта Даниила Хармса), приговоренный в свое время к смертной казни, замененной

пожизненным заключением, отбывал ссылку на Сахалине; после досрочного освобождения и возвращения в Петербург в начале XX века Ювачев стал автором мемуарных и религиозных книг.

С. 182.*...нужно научиться понимать красоту в простоте, декаденты все разбиваются о «Капитанскую дочку»...* — ср.: «6 Сентября 1933 г. Наконец-то дожил до понимания «Капитанской дочки» и тоже себя: откуда я пришел в литературу. Утверждение мира в гармонической простоте... Моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить, — то и другое для меня теперь археология, моя родина, непревзойденная в простой красоте, в сочетавшейся с нею доброте и мудрости, моя родина — это повесть Пушкина «Капитанская дочка» (РГАЛИ).

Вот что говорят о моем писательстве: человека нет. — Ср.: отзыв З. Гиппиус: «... при всей художественности описания сам он до последней степени отсутствует, и это делает его очерки или дикими от безмыслия, или просто-напросто этнографическими» (Русская мысль. 1912. №5. С.28. В статье «О "Я" и "Что-то"» З. Гиппиус (псевд. Антон Крайний) назвала Пришвина писателем «без личности», «легконогим и ясным странником с глазами вместо сердца» (Новая жизнь. 1913. № 2. С. 165, 168). (Указано В. Фатеевым).

С. 183. *...у Венгерова меня найти нельзя.* — Имеется в виду тот факт, что имени Пришвина нет в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» (1889—1904) и других справочных изданиях С. А. Венгерова. (Указано В.А.Фатеевым).

Программа моего реферата. Как завелся Розанов: от сахара к метафизике... самоучка... любовь к метафизике. — Возможно, Пришвин имеет в виду случай с сахаром из голодного розановского детства, когда 8-летний Розанов съел кусок сахара, за что был наказан матерью его брат Сергей. Для Розанова этот поступок — начало его нравственной рефлексии: «Почему я молчал? Много лет (всю жизнь) я упрекал, как это было низко; и только теперь прихожу к убеждению, что низости не было <...> я промолчал от испуга перед гневом ее, бурностью, но *не оттого, что будет больно,* когда будет драть. Боль была пустяки.» *Розанов* В. В. Опавшие листья. Короб второй (1915) // *Розанов* В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 349. (Коммент. А. Медведева).

На именинах у Рябова. — Михаил Рябов был лидером общины «Новый Израиль» в Петербурге. Ср.: «Пятьсот тысяч людей Старого Израиля и быстро растущая громадная армия Нового Израиля живут вместе с нами в той же России такой своеобразной жизнью, что страшно становится: ведь тут что ни шаг, то отживший миф и легенда, направленная в живую струю земной жизни, ведь это — не люди, а тени». О братцах. // Собр. соч. 1982-1986. Т. 1. С. 750—752.

...девушка в дверях (духовидица). — У раскольников, сектантов разных толков, которые отвергают все догматы веры и церковные установления и признают только духовную молитву, духовидица (духовидец) — тот, кто видит духов и пр.

Девушки в платочках: («табатёрки»). — Ср.: «...сидят *девки-поганки* и трут табак. Бывает, разыграются девки, окно забудут закрыть, ветер под-

хватывает табак, и вся Сборная улица чихает... — Будь здоров! — со смехом провожают... табатёрки.» Иван-Осляничек. // Цвет и крест. С. 242.

С. 184. *...плыл маленький кораблик Израиль...* — отдельная хлыстовская община именовалась кораблем, во главе ее стоял свой кормщик, иначе называемый учителем, пророком, иногда Христом.

...(под вечер, осенью ненастной). — Имеется в виду романс на стих. А. С. Пушкина «Романс» (1814), музыка С.Н. Титова.

Хулиганчики, хулиганчики, а сколько в них божественного. — Слова принадлежат Михаилу Рябову. Ср.: «Великан Рябов, косая сажень в плечах, красавец с горящими глазами. Несколько лет тому назад он, я помню, подавал митрополиту Антонию прошение, чтобы допустить его с проповедью христианства к хулиганам в притоны и вертепы, обещался всех их собрать "под голубое христианское знамя", приговаривая постоянно: "Хулиганчики, хулиганчики, сколько в вас божественного"». Ср.: Астраль. // Собр. соч. 1982-1986. Т.2; Голубое знамя // Собр. соч. 2006. Т.3.

Казаки 9 января верили, что во мне Антихрист... — 9 января 1905 г. (Кровавое воскресенье) — день расстрела мирной демонстрации рабочих, обратившихся к царю с петицией, который стал началом первой русской революции; речь идет о Щетинине.

«Ты выше я»... — Формулировка А.Г. Щетинина. О взаимоотношениях Легкобытова и Щетинина см.: Круглый корабль (Чан). // Собр. соч. 1982-1986. Т. 1.

С. 185. *...найденная вера [приносит] удовлетворение — чан.* — Чан — предмет культа у хлыстов. У Пришвина чан — метафора народной жизни, истории, где «варится некое сложнейшее по составу варево», судить о котором невозможно самим находящимся в этом чане: «Все крутится и орет от злости и боли, жара и холода, вдруг на одну только минуту отдышка, и все это вместе... обтираются, обсушиваются, закусывают, закуривают и благодарят Создателя за дивную Его премудрость на земле, на небе и на водах. Безделицу тут им покажи, какую-нибудь зажигалку чикни, и сколько тут будет удивления, неожиданных мыслей, слов, тут же рожденных, веселья самого искреннего, задушевного, пока старший не крикнет: "Ребята, в чан!" — и все опять завертится, только голос соседа услышишь в утешение: "Это, брат, безобидно, всем одинаково"» Путь к Слову. С. 164. Ср.: Русский чан (1918). // Цвет и крест. С. 202—204.

...как я в это чучело-то поверил? — Имеется в виду Щетинин. Ср.: Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С.792.

С. 186. *«Книжник», черный, лохматый...* — имеется в виду П.М. Легкобытов.

Скучал около Дягилева... — с двоюродным братом С. П. Дягилевым Д. В. Философов встречается в 1890 г., когда тот, закончив гимназию, приезжает в Петербург, и вводит его в домашний кружок А. Н. Бенуа, а затем отправляется с ним в поездку по Италии. В 1899-1904 гг. они вместе издают журнал «Мир искусства».

С. 187. *Стиль «Христа»...* — имеется в виду А. Г. Щетинин.

С. 188. *Образ, отвечающий этому чувству: «граф»...* — в раннем дневнике лирический герой Пришвина, его alter ego; Пришвин отмечает: «Некультурность извне и глубина внутри...», «У Гамлета сознание отстаивает свои права у природы, а у Графа природа в своем священном и вечном значении отстаивает себя.» Путь к Слову. С. 120.

...Отношение Верховенского к Ставрогину замечательно похоже на отношение Легкобытова к Щетинину. — Отождествление персонажей романа Ф. М. Достоевского «Бесы» с руководителями петербургских хлыстовских сект П. М. Легкобытовым (основатель секты «Начало века») и А. Г. Щетининым (лидер «чемреков») для Пришвина неслучайно; в раннем дневнике обнаруживается целый ряд записей, в которых революционные идеи, деятели, структуры уподобляются сектантским. Ср.: «История секты Легкобытова есть не что иное, как выражение скрытой мистической сущности марксизма... получается не земля просто, но земля обетованная <...> государство будущего вместо обыкновенного государства». Ср.: Хлыст. С. 454—486.

...Некий лысый колдун... — имеется в виду Андрей Белый.

С. 189. *...о «дульцинировании Альдонсы».* — Имеется в виду персонаж романа Сервантеса «Дон-Кихот»: крестьянская девушка Альдонса, превращенная Дон-Кихотом в даму сердца несравненную Дульсинею. Амбивалентность отношения к женщине, начиная от Вари Измалковой, связывается у Пришвина, в частности, с разрешением той же «дон-кихотовской» дилеммы («безумный роман с Альдонсой, обязанной быть Дульсинеей»).

С. 190. *...Сологуб солипсист, мы его знаем.* — Солипсизм (от *лат.* solus — единственный и ipse — сам) — философское учение, признающее несомненной реальностью только сознающего субъекта и объявляющее все остальное существующим лишь в его сознании. В этическом смысле — крайний эгоизм, эгоцентризм.

...жестом [лорелейной] богини... — Лорелея — персонаж скандинавских и немецких сказаний, золотоволосая прекрасная девушка, своим пением и колдовскими чарами заманивающая корабельщиков и рыбаков Рейна на скалы (золотистые волосы З. Гиппиус отмечают все мемуаристы).

С. 191. *Рассказ «Зорька».* — Рассказ под таким названием неизвестен.

...обожествление народа Горьким просто атеистично. — Пришвин излагает основные идеи реферата В. В. Розанова «О “народо”-божии как новой идее Максима Горького», который был представлен на заседании Религиозно-философского общества (26 ноября 1908 г.), посвященном обсуждению повести М. Горького «Исповедь» (Сборник товарищества «Знание» за 1908 год. Книга двадцать третья. СПб., 1908). Эта повесть обсуждалась в рамках темы «Народ и интеллигенция», поднятой в одноименном докладе А. Блока на заседании Религиозно-философского общества ранее — 13 ноября 1908 г. Реферат Розанова был напечатан в газете «Русское слово» (1908. 13 дек. №289. Подпись: В. Варварин) (Розанов В. В. О «народо»-божии как новой идее Максима Горького / Подготовка текста, примечания Т. В. Померанской и А. Л. Налепина // Контекст — 1992. Литературно-теоретические исследования. М.: Наследие, 1993. С. 93).

В «Исповеди» М. Горького Розанов видел следование славянофильскому обожествлению народа, наиболее выраженному Ф. М. Достоевским в

словах Шатова о русском «народе-"богоносце"» (Достоевский Ф. М. Бесы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 196). В народническом «обожании» народа Розанов видит скрытое выражение атеистичности русской интеллигенции и установку народа на самообожение, которое, являясь проявлением гордыни, противоречит самой сущности русской религиозности — смирению перед трансцендентным Богом: «Ну-ка, спросить толпу, спросить русских Иванов, Петров: не захотели ли бы они быть Господом Богом? «С нами крестная сила! Что за бусурманство!» — ответили бы они Достоевскому и Горькому. Да и воистину так: никогда человек не сливал себя с Богом, ни как масса, ни как личность. Это — последняя степень безбожия, безбрежное безбожие. <...> «Бог» — именно «не я», как утверждают Достоевский и Горький, «не я» и лично, и коллективно, народно. Бог — другое, небесное, т. е. внеземное. «Пришел с н е б а и сказал с л о в о» — вот суть религии и начало богопочитания. <...> Таким образом, вера в «народобожие» есть наша логическая интеллигентная мечта, совершенно не народная — во-первых, совершенно противоположная общечеловеческим инстинктам — во-вторых, и совершенно атеистическая — в-третьих» (*Розанов В. В.* О «народо»-божии как новой идее Максима Горького. // Собр. соч.: Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. М.: Республика, 1996. С. 530–532). (Коммент. А. Медведева).

С. 193. *... выходит, верую, Господи, помоги моему неверию...* — Мк. 9, 24.

С. 194. *Афонский йогизм.* — Имеются в виду афонские исихасты (термин, известный с IV в., исихия *греч.* — внутренний мир, тишина, уединенное место), монахи, живущие по строгому уставу, занимающиеся умной молитвой; обсуждался вопрос о сходстве между методами йоги и христианской мистики у афонских исихастов.

...Теперь причины: в схизме. — Схизма (*греч.* schisma) — церковный раскол, ересь.

...и спиритуализация... — спиритуализм — философское учение, признающее сущностью мира духовное начало, рассматривающее материальное как творение духа (Бога).

...непризнание Майи... — Понятие Майя в древнеиндийской религиозной философии многозначно: это и магическая сила сотворения мира и его иллюзорность, а также колдовство, чары, тайна; трудно сказать, какое именно из этих значений имеет в виду Вяч. Иванов. — *Ред.*

Религиозно-этический монизм... — монизм — философский принцип и способ рассмотрения многообразия явлений в свете единого начала всего сущего (материи или духа).

Кафолическое чувство... — или: кафолическая вера — вера всего христианского мира, вселенскость веры, или в русском переводе «Символа веры» — соборность (для Вяч. Иванова, текст выступления которого конспектирует Пришвин, термин «соборность» был излюбленным). — *Ред.*

Ремизов представил меня Вячеславу Иванову... — с А. М. Ремизовым Пришвин познакомился в 1907 г., подружился и стал членом организованной им «Обезьяньей великой волной палаты». В шутливой форме игры в «Обезьянью палату» проявлялся серьезный интерес к духовному наследию древней Руси, к национальной мифологии и памятникам народной культу-

ры. Стилистика Ремизова оказала существенное влияние на ряд русских писателей 1920-х годов (Пришвин, Л. Леонов, Вяч. Шишков и др.), которые выступили приверженцами «орнаментальной» или «гибридной» прозы. В воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, Ремизов отмечает: «Пришвин во все невзгоды и беды не покидавший Россию, первый писатель в России. И как это странно сейчас звучит этот голос из России, напоминая человеку с его горем и остервенением, что есть Божий мир, с цветами и звездами <...> что есть еще в мире и простота, детскость и доверчивость — жив «человек». (Личное дело... С. 67—70). Эпизод знакомства с Вяч. Ивановым вошел в рассказ Пришвина «Астраль. (Возле процесса Охтенской богородицы)». Собр. соч. 1982—1986. С. 587.

С. 195. *...спросил Гюйо про различение науки и религии...* — имеется в виду нашумевшее в свое время произведение либерального французского философа-позитивиста Ж.-М. Гюйо «Безверие будущего» (1887). (Указано В. Фатеевым).

...кружок В. Иванова, Розанов и Мережковский собирались для... — Падчерица В. В. Розанова Александра Михайловна Бутягина 2 мая 1905 г. вместе с Розановым присутствовала в доме Н. М. Минского (Галерная ул., д. 63) на «дионисийской мистерии» (*Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 157), цель которой была «испытать причащение человеческою кровью». Инициаторами ритуального причащения были Н. М. Минский и Вяч. И. Иванов. В нем также участвовали Н. А. Бердяев, А. М. Ремизов, Федор Сологуб, С. А. Венгеров с сестрой, Андрей Белый, В. Брюсов и др.

Подробности этого «действа» также со слов А. М. Бутягиной описал Е. П. Иванов в письме к А. А. Блоку от 9—10 мая 1905 г.: «<...> во время сидения в комнате каждый менялся местами со своими дамами. Потом вышли в другую комнату. Потом стали *кружиться*. И Ал. Мих. говорит, ничего не вышло: "Котильон"» (*В. В. Розанов*: pro et contra. Антология: В 2 кн. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. 1. С. 252). В центре «действа», по замыслу Вяч. Иванова, была «жертва», сораспинающаяся «вселенской жертве»: «"Сораспятие" выражается в символическом пригвождении рук, ног», в «ранке *до крови*» (Там же. С. 251). Е. П. Иванов оценил это «причащение» как проявление «бесовщины и демонически-языческого ритуала»: «Главное, что все это совершенно все же вне Христа...» (Там же. С. 253).

...Позже, вспоминая об этом «вечере» в статье «Напоминания по телефону» (Новое время. 1913. 18 ноября), Розанов воспринимал его как «одно из проявлений «декадентской чепухи»»: «<...> я помню вытянутое и смешное лицо еврея-музыканта N и какой-то молоденькой еврейки, подставлявших руку свою, из которой, кажется, Минский или кто-то "по очереди" извлекали то булавкой, то перочинным ножиком "несколько капель" его крови, и тоже крови той еврейки, и потом, разболтавши в стакане, дали всем выпить. "Гостей" было человек 30 или 40, собирались под видом «тайны» и не "раньше 12 часов ночи"; <...> "У *литераторов* и в *двадцатом* веке вообще *ничего серьезного* быть не может", — думал я, кажется не без основания, тогда; и пошел на собрание без всякой "думки". Но, я думаю, основательна была и вторая половина моей мысли: "А у людей старой веры и старого *корня веры* это, конечно, вышло бы *серьезно, трагично, страшно*"» (*Розанов В. В.* Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови // Розанов В. В. Собр. соч.: Сахарна. М., 2001. С. 337). (Коммент. А.Медведева).

С. 196. *М-те Манасеина, написавшая обо мне хорошую рецензию.* — С 1906 по 1912 гг. Н.И. Манасеина, детская писательница, вместе с П. С. Соловьевой выпускают в С.-Петербурге первый в России регулярный детский журнал «Тропинка». Рецензия Манасеиной о Пришвине неизвестна, но речь, очевидно, идет о книге «За волшебным колобком» (1908).

...рассказывала, какой нехороший гчеловек Чуковский... — в 1908—1909 гг. К. И. Чуковский широко известен своими резкими нелицеприятными критическими статьями, что делает его объектом ответной не менее резкой критики. Ср.: *Лукьянова И.В.* Корней Чуковский. М.: Молодая гвардия. 2006. С. 142—191.

С. 197. *Мальчик, выгнанный из гимназии...* — в 1889 г. Пришвин был исключен из 4 класса Елецкой гимназии за грубость учителю географии, которым был В.В. Розанов. См. коммент. к С. 17. Дневники 1914—1917. 2007. С. 557.

Лопка! Какое чудесное слово... — лопка (местн.) — лопарка, жительница Лапландии. См.: За волшебным колобком // Собр. соч. 2006. С.276.

...он похвалил меня еще в гимназии, когда я удрал в «Америку». — Всю жизнь вспоминал Пришвин о словах, которые Розанов сказал ему о детском побеге на плотах «в край непуганых птиц»: «Он заявил и учителям и ученикам, что побег этот не простая глупость, напротив, показывает признаки особой высшей жизни в душе мальчика. Я сохранил навсегда благодарность к Розанову за его смелую, по тому времени, необыкновенную защиту». Путь к Слову. С. 43.

С. 198. *...прекрасное стихотворение «Снег».* — Имеется в виду стих. З. Гиппиус «Снег» (1897). «Он тихо падает, и медленный и властный... / Безмерно счастлив я его победою... / Из всех чудес земли тебя, о снег прекрасный, / Тебя люблю... За что люблю -- не ведаю...»

...Очень много говорили вокруг о маскараде у Сологуба... — после женитьбы Федора Сологуба на А.Н. Чеботаревской у них устраивается салон, где собирается весь литературный и художественный Петербург, бывают танцы и новогодние маскарады.

...буду свободным от своей работы. — Видимо, имеется в виду работа над книгой «У стен града невидимого».

...Дама из «Вестника Европы»... — З.А. Венгерова была сотрудницей ежемесячного журнала буржуазно-либерального направления «Вестник Европы» (1866-1918).

...У нее была артистка Ведринская<...> рассказывала о «Мертвом городе», где она будет играть Бьянку. — Речь идет о Марии Андреевне Ведринской, одной из самых блестящих актрис того времени (в 1903—1904 гг. она играла в Новом театре Л. Б. Яворской, в 1904—1906 гг. в театре В. Ф. Комиссаржевской, с 1906 г. в императорском Александринском театре, а также у Мейерхольда). В данном случае имеется в виду роль Бьянки-Марии в драме «Мертвый город» (1898) итальянского писателя и драматурга Габриэле д'Аннунцио.

С. 199. ...*Струве занял время своей реформацией.* — По-видимому, имеется в виду тема выступления: могла ли русская революция осуществиться как русская религиозная реформация.

Я попросил его прочесть мою книгу... — См.: Дневники 1920—1922. Коммент. к с. 257. С. 317.

И так мы подошли опять к вопросу об интеллигенции и народе... — вопрос об интеллигенции и народе постоянно обсуждался на собраниях Религиозно-философского общества в то время, и 13 ноября 1908 г. доклад «Россия и интеллигенция» прочел А. Блок. Одним из главных оппонентов по докладу, выступивших в печати, был журналист Л. Е. Галич (Габрилович), который в статье «Народ и мы» («Речь», 1908, 7 ноября) полемизировал с Блоком. См.: *Блок А.* Народ и интеллигенция (1908) и Вопросы, вопросы и вопросы (1908) // *Блок.* Собр. соч. Т. 5. С. 318—344. О полемике на ту же тему, которая развернулась между Блоком и Пришвиным в 1918 г. см.: Дневники 1918—1919. Коммент. к с. 26. С. 355—357, 347.

...есть в нем такое чувство к Венере Милосской, что хотелось бы разбить ее... — в статьях «Памяти Врубеля» (1910) и «Крушение гуманизма» (1919) Блок развивает мысль о такой безусловной и неподвластной уничтожению стихии искусства, перед которой «самые произведения художника ... отходят на второй план» как «несовершенные создания», «обрывки замыслов гораздо более великих». Он пишет: «... дороже то, что Венера *найдена* в мраморе, нежели то, что *существует* ее статуя» (*Блок.* Собр. соч. Т5. С. 422), и позднее: «Сама Венера Милосская есть некий звуковой чертеж, найденный в мраморе, и она обладает бытием независимо от того, что разобьют ее статую или не разобьют». Там же. Т. 6. С. 109.

...Был у Охтенской богородицы. — Имеется в виду Дарья Васильевна Смирнова, основательница религиозной общины «Охтенская богородица» в Петербурге на Охте. Ср.: Астраль (Возле процесса "Охтенской богородицы") // Собр. соч. 1982-1986. Т. 2.

С. 201. *Читаю Гёте: письма из Италии.* — По-видимому, имеется в виду том «Путешествие в Италию», созданный на основе дневников и переписки (1ч. — 1816 г., 2 ч. — 1819 г., 3 ч. — 1829 г.).

Надо писать так, как живешь... — можно предположить, что Пришвин перефразирует слова А.С. Грибоедова из письма П.А. Катенину: «...и я как живу, так и пишу — свободно и свободно» (январь 1825 г.). — *Ред.*

С. 202. *Лекция Мережковского о Лермонтове...* — речь идет о лекции Д. С. Мережковского, составляющей содержание его очерка «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1908).

...вот хулиганов выпустить под голубое знамя... — см. коммент. к с. 184.

...помню, и я при уверовании в марксизм... — см. коммент. к с. 87.

С. 203. ... *о. Иоанн Кронштадтский молится за смерть Толстого...* — В своих проповедях о. Иоанн Кронштадтский подвергал «богословие» Л. Толстого и толстовство резкой критике («Ответ пастыря церкви Л. Толстому на его "Обращение к духовенству"». СПб., 1903; «О душепагубном еретичестве гр. Л. Н. Толстого». СПб., 1905), воспринимая Толстого как предтечу антихриста: «Толстой невозбранно поносит христианскую веру и ее истинное

святое и спасительное учение, и ее святые и животворящие таинства; о, злодейство, достойное казни! (Иуд.1,7-8)»; «Какая превознесенная гордыня! Знай нашего Льва, вышедшего из логовища Ясной Поляны и крепко рыкающего не только на всю поляну, но и на весь мир. Крепкая пасть, могучие нервы. И это — на краю гроба-то! А за гробом что будет? Весь ад пробудится» (*Кронштадтский И.* Христианская философия: Избранные работы. М.-СПб.: 2004. С. 390, 405). Об их отношениях см. подробнее: Приснопамятный о. Иоанн Кронштадский и Л. Толстой. Джорданвилль, 1960; Духовная трагедия Л. Толстого / Сост. А. Н. Стрижев. М., 1995. (Коммент. А. Медведева).

...Толстой убивал Шекспира. — Имеется в виду критический очерк Л. Н. Толстого «О Шекспире и о драме» (1903, 1907), в котором Толстой критикует творчество Шекспира с позиций утилитаристского нигилизма. Ср.: «О двух крайностях. (К характеристике времени)» (1910) // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 786—787. (Указано А. Медведевым).

Лекция Белого: поворот литературы к народу. — Лекция «Настоящее и будущее русской литературы» прочитана Андреем Белым в Петербурге 17 января 1909 г. См.: *Белый А.* Луг зеленый. М., 1910. (Указано В. Фатеевым).

Чтение теперь: Реклю, «Земля»... — речь идет о многотомном сочинении французского географа-социолога Э. Реклю «Новая всемирная география. Земля и люди» (1876-1894).

О Кавказе: Марков «Изучение хлыстов»... — по-видимому, имеется в виду книга Маркова Е.Л. Очерки Кавказа. СПб.: 1887.

Коновалов 50 р... — имеется в виду очерк Пришвина «Религиозный экстаз (По поводу диссертации Д. Г. Коновалова)» (Русская мысль, 1909, № 10, с. 43—53). В очерке, написанном по поводу указа Святейшего синода от 16 июня 1909 г. о лишении Коновалова ученой степени. В очерке Пришвин, в частности пишет: «Не так давно один пророк из секты «Людей Божиих», ознакомившись с содержанием книги Д. Г.Коновалова "Экстаз в русском мистическом сектантстве", сказал мне: "этот ученый никогда нас не поймет" <...> Другими словами: пророк предлагает поверить в себя и в своего Бога. Самостоятельное значение познания в его узкой храмине не помещается. Подобно пророку взглянуло и наше синодское духовенство. Книгу г. Коновалова, признанную на магистерском диспуте в московской духовной академии «научным событием», оно попросту отвергло, блестящая диссертация осталась непризнанной. Прочитав книгу и зная историю ее, я был глубоко изумлен: кому повредит это скрупулезное описание физических признаков сектантского экстаза? Не скоро я докопался до сути, но об этом — в последовательном ходе изложения книги. При чтении диссертации останавливает внимание, прежде всего, совершенно новый прием в изучении нашего сектантства. Богословы, как известно, изучают его в отношении к вечным ценностям. Схоластическая богословская мысль, получая факты из деятельных миссионерских рук, уносит их на небеса. Светская наука интересовалась вопросами мистического сектантства, главным образом, лишь со стороны социально-этической. Труд Д. Г. Коновалова есть у нас первая истинно научная работа в этой области. Автор настолько же богослов, насколько и медик. Это и придает специфическую особенность и достоверность его работе. Неудовлетворенный своим богословским образованием, он поступает на три года в университет, изучает физиологию, десяток лет собирает факты проявления сектантского религиозного экстаза и, наконец, решается опубликовать небольшую часть своей

работы. Факты явлений религиозного экстаза у хлыстов, у скопцов, шалопутов, прыгунов, малеванцев, в кружках Татариновой, Котельникова, Радаева и других сопоставляет он с явлениями религиозного экстаза у древних христиан первых двух веков, у средневековых католических святых и в некоторых мистических разветвлениях протестантства, а также с сохранившимися у историков картинами экстаза у языческих мистиков и со сделанными наблюдениями исследователей сект современного Востока. Если бы все эти факты и не были сведены аналитической и синтетической работой в целое, а остались бы разложенными, как кто-то выразился, в ящичках, подобно энтомологическим коллекциям — и то они бы имели громадное значение для последующих научных работ и практических целей. Миссионерам они годились бы для оспаривания, врачам и юристам — они помогли бы установить: имеют ли они дело с нормальным человеком, злостно извращающим религиозные догмы, или с больным.

Вершины этого исследования, однако, уходят далеко от чисто практических целей. Во введении автор набрасывает план своей обширной работы, первую часть которой, даже только первый выпуск первой части, представляет изданная книга. Предмета исследования: религиозный экстаз у сектантов. Задача его: описание экстаза, выяснение его природы и раскрытие его значения в истории сектантства.

Как под влиянием экстаза возникла «живая вера» сектантов в реально ощутимое общение с Духом Св., т. е. отождествление экстатических переживаний с действием Св. Духа в человеке?

Как под влиянием того же возбуждения возникают идеи религиозного и политического величия: сектантские «живые боги» — саваофы, христы и святодухи, богородицы, предтечи, ангелы, святые и цари? Как сложилась теория многократного перевоплощения Христа и душепереселения? Как дуализм и аскетизм от этического миросозерцания приводит к отрицанию ими брака, к «духовному супружеству» и «сухой любви»? Как произошли радения, т. е. способ искусственного вызывания экстаза с целью «завладения» св. Духом? При свете выводов, добытых путем изучения экстаза, автор намерен решить вопрос об историческом происхождении русского сектантства, начиная с хлыстовства.

Пока мы имеем только небольшую часть этой работы, именно: картину физических явлений сектантского экстаза. Эта часть, однако, выполнена с таким изумительным знанием дела, что у читателя не остается сомнения в праве автора обещать нам ответ на все выдвинутые им вопросы. Медленно подводит нас исследователь к картине сектантских радений, где собственно и происходит оживание далеких от нас библейских пророков, ангелов, предтеч и проч. Живой Бог Саваоф, Христос, Богородица снова на земле, как в Библии. Небо, созданное языческой, иудейской и христианской культурой, опрокидывается на землю, и вместе с тем сектанты оканчивают мистический круг и начинают вновь мировую жизнь. Одна знакомая мне ветвь хлыстовства в Петербурге так и называет свою группу: «Начало века»... медленно подходит исследователь к тайнам мистического сектантства.» См. о судьбе историка русских сект Д. Г. Коновалова в кн.: *Эткинд Александр.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. Новое литературное обозрение, 2001. с. 124—141.

...если Христа взять без церкви, то останется Евангелие, фермент, для одного он будет бродильным началом, для другого будет скучной брошюрой.

— Пришвин имеет в виду рационалистическое, морализаторское, утилитаристское восприятие Толстым Евангелия («возвещения о благе» в толстовском переводе): *Толстой Л. Н.* Краткое изложение Евангелия. М.-СПб.: Посредник и Обновление, 1906. 146 с.; *Толстой Л. Н.* Учение Христа, изложенное для детей. М.: Посредник, 1908. (Коммент. А. Медведева).

С. 204. *Читал ст. Шестова (Русск. М.) о Толстом...* — речь идет о статье Л. Шестова «Разрушающий и созидающий миры (По поводу 80-летнего юбилея Толстого)» (Русская мысль. 1909. №1). Вероятно, Пришвин имеет в виду близкие розановской философии семьи размышления во второй главе статьи Шестова о связи творческого расцвета Толстого «Войны и мира» и «Анны Карениной» с его счастливой семейной жизнью, с окончанием которой Толстой пришел к тяжелому духовному и творческому кризису. В третьей главе своей статье Шестов опирался на книгу У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта». (Коммент. А. Медведева).

С. 205. *Решил написать «Иван-Дурак».* — Произведение под таким назв. неизвестно.

...спинка стула с парными кругами... — венские стулья из гнутого бука.

С. 206. *Я верю Алексею Григорьевичу, я раб его...* — Легкобытов о Щетинине.

...сегодня же был в «Салоне». Долго смотрел на картину Сомова... — возможно, имеется в виду картина К.А. Сомова «Вечерние тени (Силамяги)» (1900) — пейзаж с радугой. Выставка «Салон» художников, входивших в объединение «Мир искусства», проходила в Петербурге в 1908—1909 гг.

С. 207. *Нивы побелели.* — Ин. 4, 35-37. Весь комплекс идей Легкобытова переходит из дневника в очерк «Круглый корабль». Ср.: «Свершился круг времен: прошло весна, лето, наступает время жатвы. Чающие Бога скоро предъявят иск обещающим. Спросят чающие обещающих, а у тех не Бог, а звук. Время жатвы приблизилось. Нивы побелели. Грачи табунятся. Маска сатира была сброшена, передо мной был человек, до того презирающий культуру, до того верящий в какого-то своего бога здесь на земле, страшного, черного, что те уважаемые ученые и талантливые люди на эстраде клуба казались малюсенькими пылинками, поднятыми случайным ветром перед ураганом». Собр. соч. 1982—1986. С. 792; см. также: Отец Спиридон. // Цвет и крест. 320.

У богородицы. 5) Поклонись мне — и будешь Богом... — имеется в виду Охтенская богородица Дарья Васильевна Смирнова. Также ср.: третье искушение Христа властью в пустыне. Мф. 4, 9.

...менады бежали безумные в горы... — менады в греч. мифол. вакханки, спутницы Диониса; источник мифа о менадах — трагедия Еврипида «Вакханки».

Бог Ягве у бедуинов — это образование лика, потом гремел Иегова. — Из контекста непонятно противопоставление Ягве и Иеговы — исторически это просто разная вокализация имени одного и того же Бога еврейского народа (а не бедуинов, как в тексте). Возможно, речь идет о персонализации некогда безличного, абстрактного понимания божества и его решающей роли в объединении еврейских племен («колен Израилевых») в единую нацию, в государство. (Коммент. С. Воробьева).

С. 210. *Розанов — книга «О понимании»...* — Книга Розанова «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (Москва, 1886) написана в духе европейской метафизической традиции от Аристотеля до Гегеля. Мысль Розанов оказывается близкой Канту, Фихте и Гегелю, что отмечал Н. Н. Страхов в отзыве на эту книгу: «Что наш ум содержит в себе нормы нашего познания — эта мысль провозглашена Кантом и до конца развита Фихте и Гегелем. Мне все кажется, что основания Вашей книги никак не могут разойтись с этим немецким идеализмом и что та *система категорий*, которую Вы дали, есть менее строгое и ясное повторение, например, системы гегелевских категорий». *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 18. (Коммент. А. Медведева).

...книга не пошла. — О печальной судьбе своей первой книги Розанов вспоминал: «Книга «О понимании» (737 стр.), через два же месяца по отпечатании, была осмеяна (рецензентами, очевидно, и не прочитавшими ее) в двух журналах, «Вестн. Евр.» и в «Русск. Мысли», и, не имея еще о себе рецензий и критики, легла на полках магазинов. Лет пять назад, очень нуждаясь в деньгах, я продал ее на пуды; по 30 коп. за том (вм. 5 руб.), подумав: «Sic transit gloria mundi» [«Так проходит земная слава» *(лат.)*]. На ее напечатание я все время учительства откладывал рублей по 15—20 в месяц, уверенный, что она делает эру в мышлении» (*Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 349—350). Невостребованность книги обусловила обращение Розанова к публицистике. (Коммент. А. Медведева).

Гёте сломался на востоке (Divon)... — имеется в виду поэтический цикл И. В. Гете «Западно-восточный диван» (1814—1819), отмеченый пантеистическими настроениями.

Эллин отбрасывает Венеру и создает новую, у него вечное творчество бога. — Ср.: «Греки подписывали под статуями: "делал" (такой-то), а не "сделал", сказывая этим о недовольстве своем, о незаконченности создания» (*Розанов В. В.* Гений формы (к 100-летию со дня рождения Гоголя) (1909) // *Розанов В. В.* Собр. соч. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 347); «Все — ангелы, а еще не Бог; греческое искусство было вечным усилием, а не самым делом; все выточенные фигуры были уже не люди, но еще и не боги; художник, Фидий, Пракситель все только "ἐποίει", а еще не "ἐποίησε"». *Розанов В. В.* В музеях Ватикана (1901) // *Розанов В. В.* Собр. соч. Среди художников. М.: Республика, 1995. С. 57. (Указано А. Медведевым).

Возрождение есть возрождение Эллады, а не семитизма и христианства. — К возрождению Эллады призывал Д. С. Мережковский, который видел в ней разрешение ключевых антиномий современной цивилизации: «Только здесь, в Акрополе, понимаешь, что значит дух свободного, великого начала. Все, что мы разделяем так мучительно и упорно; все, что доводит нас до мучительных противоречий — небо и земля, природа и люди, добро и зло, сливалось для древних в одну гармонию. Творчество художника было высшим подвигом, и подвиг героя — высшею ступенью красоты. Это — два откровения одного начала. Единое в единой душе человека». *Мережковский Д. С.* Акрополь (1897) // *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 358. (Коммент. А. Медведева).

Нумизмат — Розанов-Полетаев. — Имеется в виду учитель брянской прогимназии Полетаев, который упоминается в устном рассказе Розанова, записанным А. М. Ремизовым: «Учитель Полетаев с видением соблазняющих его собак (расск. В. В.)» (*Ремизов А.* Из книги «Кукха. Розановы письма» // *Ремизов А.* М. Собр. соч. Т. 7. Ахру. М., 2002. С. 46, 62, 531. (Коммент. В.А.Фатеева)

С. 214. *...написать 2-ю часть Града.* — Имеется в виду « У стен града невидимого».

С. 217. *Пишут о Л. Шестове, будто он делает какие-то изыскания о старости...* — в статье «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (философия и проповедь)» Шестов цитирует Ницше: «Эта жизнь, которая имеет своей вершиной старость, также имеет своей вершиной и мудрость, этот мягкий свет постоянной духовной радости. И то и другое, и мудрость и старость — ты встретишь на вершине одной горы: так желала природа. И пробьет тогда час — не сердись на то — когда приблизится к тебе туман смерти. Пусть последним твоим усилием будет движение к свету, последним вздохом твоим — победная песнь мудрости» (цит. по кн.: *Лев Шестов.* Избранные сочинения. М.: «Ренессанс», 1993).

С. 219. *Будьте как птицы...* — Мф. 6, 26.

С. 221. *...кричит газета «Копейка»...* — имеется в виду «Газета-копейка», которую издавал в Петербурге (1908—1918) и в Москве (1909—1918) журналист и общественный деятель В. А. Анзимиров.

(*Красная шапочка на Песочной*). — Красной шапочкой Пришвин называл младшую дочь (Верочка, в других записях Лидочка) хозяйки в доме на Малой Охте, где он снимал комнату, переехав в Петербург. Ср.: «... соединить с душой «графа» всех этих несчастных людей». Путь к Слову. С. 120, 105-109.

С. 223. *На христианской секции. Аггеев: о Леонтьеве: красота трагизма — сын, заколотый в жертву Богу, и его мировой судья.* — Речь идет об о. Константине Аггееве, одном из основателей и членов Петербургского религиозно-философского общества и его книге «Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства» (магистерская диссертация, 1910); один из тезисов диссертации — эстетизм как отвлеченное начало является враждебным религиозному, особенно христианскому миропониманию, — по-видимому, вызвал у Пришвина интерес. (Ср. об этом заседании христианской секции Религиозно-философского общества: *П. Перцов.* В обществе мистическом. // Новое время, 25 ноября (8 декабря) 1909 г. № 12108). (Коммент. Г. Б. Кремнева.)

(*Эстет Нерон, созерцающий горящий мир.)* — Известно, что маниакально подозрительный и жестокий император Нерон во время пожара в 64 году, уничтожившего большую часть Рима, пел, представляя себе, будто он видит пожар Трои.

С. 224. *...у Леонтьева нет Диониса, вот чем он отличается от Ницше.* — Ср. об этом заседании христианской секции Религиозно-философского общества: *П. Перцов.* В обществе мистическом. // Новое время, 25 ноября (8 декабря) 1909 г. № 12108. (Указано Г. Б. Кремневым.)

Мережковский: православие несет самодержавие. — О взглядах Мережковского на православие, самодержавие и революцию см.: «Несколько лет тому назад Мережковский пытался увидеть в русском самодержавии религиозное зерно, потенцию религиозной общественности, оправдывал самодержавие религиозно. Он скоро разочаровался. Теперь Мережковский пытается увидеть в революции религиозное зерно, потенцию все той же религиозной общественности, оправдывает революцию религиозно. Самодержавие и революция — крайние пределы, полюсы, которые Мережковский воспринимает не столько реально, сколько эстетически. Он не чувствовал действительности самодержавия и не чувствует действительности революции, остается в политике отвлеченным литератором. Мистическая идея самодержавия слишком мало имела общего с самодержавием фактическим, и так же далека мистическая идея революции от революции фактической. Мережковский как бы прозревает мистическую основу исторической эмпирики, а самой исторической эмпирики не видит». *Бердяев Н. А.* Мережковский о революции // *Бердяев Н. А.* Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон+, Реабилитация, 1998. С. 107-123. http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1910_4_107.html

Розанов требует меня к себе... — См.: Дневники 1930-1931. Коммент. к с. 260.С. 665—666.

С. 226. *У меня с одним Пришвиным была история ...> он сказал: напишите докладную записку.* — Имеется в виду история исключения Пришвина из четвертого класса Елецкой гимназии в 1889 г. преподавателем географии В.В. Розановым. См.: Дневники 1914-1917. 2007. Коммент. к с. 17, С.557; Личное дело... С. 20-25.

Он рассказывает, как плохо ему жилось учителем гимназии. — В 1913 г. Розанов вспоминал свое трагическое в то время состояние гимназического учителя, раздвоенного между рутинной «должностью» и миром мечты: «*Бесконечно* была трудная служба, и я почти ясно чувствовал, что у меня «творится что-то неладное» (надвигающееся или угрожающее помешательство, — и нравственное, и даже умственное) от «учительства», в котором, кроме «милых физиономий» и «милых душ» ученических, все было отвратительно, чуждо, несносно, *мучительно в высшей степени.* Форма: а я — бесформен. Порядок и система: а я бессистемен и даже беспорядочен. Долг: а мне всякий долг казался в тайне души комичным, и со всяким «долгом» мне в тайне души хотелось устроить «каверзу», «водевиль» (кроме *трагического* долга). В каждом часе, в каждом повороте — «учитель» отрицал *меня,* «я» отрицал *учителя.* Было взаиморазрушение «должности» и «человека». Что-то адское. Я бы (мне кажется) «схватил в охапку всех милых учеников» и улетел с ними в эмпиреи философии, сказок, вымыслов, приключений «по ночам и в лесах», — в чертовщину и ангельство, больше всего в фантазию: но 9 часов утра, «стою на молитве», «беру классный журнал», слушаю «реки, впадающие в Волгу», а потом... систему великих озер Северной Америки» и все (все!!!) штаты с городами, Бостон, Техас, Соляное озеро, «множество свиней в Чикаго», «стальная промышленность в Шеффильде» (это, впрочем, в Англии), а потом лезут короли и папы, полководцы и мирные договоры, «на какой реке была битва», с какой «горы посмотрел Иисус Навин», «какие слова сказал при пирамидах Наполеон», и... в довершение — «к нам едет ревизор» или «директор смотрит в дверь, так ли я пре-

подаю». Ну, что толковать — сумасшествие» (*Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 22—23). (Коммент. А. Медведева).

Он дарит мне свою книгу с трогательной надписью. — Розанов подарил Пришвину свою книгу «О понимании» с дарственной надписью «Поближе к лесам, подальше от редакций». Известно, что подаренный экземпляр книги сгорел в 1911 г. во время пожара, когда Пришвин летом жил в одной из деревень Новгородской губ. Экземпляр книги В.В. Розанова «О понимании» хранится в личной библиотеке Пришвина (ГЛМ) с наклеенным эсклибрисом Пришвина и надписью его рукой: «Завет В.В. Розанова мне: Поближе к лесам, подальше от редакций».

С. 227. *...Вдруг Протейкинский говорит: диктатор и самодержец, какая разница? Цинцинат, например?* — Протейкинский Виктор Петрович математик, дальний родственник Философова и Дягилевых. Ср.: «Вспоминается и другой ревнитель богословия, пламенно красноречивый спорщик, юродиво-патетичный Виктор Петрович Протейкинский» (*Маковский С. К.* Портреты современников. М., 2000. С. 273). *Цинциннат* (призванный от сохи) — пример добродетели по-римски. Римлянин времен ранней Республики, получивший известность благодаря тому, что высокое общественное положение и воинская доблесть сочеталась в нем с необычайной скромностью; по окончании срока своего консульства (460 до н.э.) он удалился в свое имение; во время кризиса был призван стать временным диктатором, а затем вновь вернулся к занятиям сельским трудом.

С. 228. *...доломит — горная порода русской души...* — доломит — горная порода, обладающая всеми свойствами природного камня — высокой прочностью, долговечностью, морозостойкостью.

А в «Войне и мире» — изумительная страница: Ростов и царь-солнце. — Речь идет о встрече Николая Ростова после Аустерлицкого сражения с императором Александром I. См.: *Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. 1, часть третья, гл. 18.

...чем царь неправедней, тем он слаще, пример: Щетининские хлысты. — Ср. о секте Щетинина: «Чучело, в котором жил будто бы бог, властвовало над этими людьми. Пьяница... не только пользовался имуществом и заработком своих людей, но требовал, когда ему вздумается, их жен, и они покорно отдавались не чучелу, а богу, который в нем живет». (Круглый корабль // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1 С. 793). Ср.: Хлыст. С. 523—528.

Ходынка — гекатомба Отцу. — имеются в виду трагические события на Ходынском поле 18 мая 1898 г. (начало современного Ленинградского проспекта) в день торжества по случаю коронации Николая II; во время выдачи подарков народу началась давка, в которой погибло и пострадало около трех тысяч человек»; *гекатомба* (*греч.*) — жертва, в Древней Греции — торжественное публичное жертвоприношение.

Секта «Нов. Израиль» вступила в новый фазис<...>. Роковое число 17 марта... — имеется в виду переворот в хлыстовской общине «Новый Израиль», или «чемреки» (р. Чемрек в Ставропольской губ, где Щетинин начинал свою проповедь), в результате которого Щетинин был свергнут и лидером общины стал Легкобытов, а община была переименована в «Начало века». Ср.: Хлыст. С. 470; Дневники 1918—1919. С. 26—27.

...как произошел этот процесс с Веригиным... — имеется в виду процесс сектантов-духоборов во главе с лидером Петром Веригиным. Духоборы («борцы за дух»), — сектанты крайнего протестантского толка. Движение зародилось во 2-й половине XVIII в. среди крестьян Воронежской, Тамбовской, Екатеринославской и др. губерний, где было распространено хлыстовство и куда, возможно, проникало учение одной из протестантских сект — квакеров.

...шествие духоборов в новую, уединенную гасть Америки. — Духоборы — русская религиозная секта пацифистской ориентации, близкая протестантизму возникла в н. ХУШ в.; подвергалась преследованию как со стороны церковной власти, так и со стороны государства за отказ от воинской повинности; эмиграция духоборов началась в 1898—1899 гг. при содействии Л. Н. Толстого (который призвал к сбору пожертвований в их пользу) и продолжалась в начале XX в.

С. 229. *...шествие... в страну дубов.* — По-видимому, в данном случае имеется в виду город Окленд (Oakland (букв.) — страна дубов), штат Калифорния, хотя известно, что духоборы уезжали из России как в Сев. Америку, на Кипр, так и (более семи тысяч человек) в Канаду.

...встрегал на Кавказе гасто книгу М[ережковского] «Петр»... Загем он неправду о нас написал. — Вероятно, имеется в виду книга Мережковского «Петр и Алексей» (1905), где автор негативно высказывается о сектантстве. (Указано В. Фатеевым).

С. 230. *Этот тупоумный Бонг-Бруевиг...* — см. о нем: Хлыст. С. 631—674.

С[венцицки]й, русский пастор, даже прославлен пьесой о смерти. — Речь идет о писателе, мыслителе, протоиерее (1917 г.) В. П. Свенцицком, одном из организаторов московского Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева (1906). В 1909 г. им была написана драма «Смерть», в основе сюжета которой лежит конфликт между общественной и индивидуальной моралью. «Смерть». 1909 (рец.) // Церковь. 1909. № 335-336. (Указано В. Фатеевым). О судьбе Свенцицкого см.: Хлыст. С. 244—254.

Тут о. Иона так хорошо заговорил о Христе... — имеется в виду о. Иона Брихничев, священник, в 1907 г. лишенный сана; разделял идеи «голгофского христианства» — издавал журнал «Новое вино», вместе с В. Свенцицким участвовал в создании «Союза христианской борьбы» с целью радикального обновления общественного строя. (Коммент. В. Фатеева).

С. 231. *...Бранд [рисковал] жизнью.* — Возможно, Брандом (имея в виду аскетическую жизнь) называл Брихничева В. Свенцицкий, который в это время занимался Ибсеном и сделал в 1907(?) г. доклад в религиозно-философском обществе им. Вл. Соловьева «Религиозный смысл "Бранда" Г. Ибсена», посвященный критике различных форм буржуазности и обоснованию принципов христианского социализма. (Коммент. В. Фатеева).

...хотя бы этот будущий «Степной оборотень». — Так называется один из очерков повести «Черный араб. Степные эскизы», написанной в результате путешествия в заиртышские степи в 1909 г. и опубликованной в 1910 г. Впервые: Русская мысль, 1910, № 11.

Да... круглый корабль. — Ср.: «Моряки ... рассказали мне, что во время Парижской выставки один помор-судостроитель решил представить туда русский корабль невиданной формы. Долго думал архангельский помор и наконец решил сделать корабль круглым и самому отправиться вокруг Скандинавского полуострова в Париж. И выехал... Круглый корабль проплыл благополучно горло Белого моря, но в океан не вошел. Последний раз его видели лопари у Святого Носа. — Хороши невиданные круглые корабли, — просятся у меня злые слова в ответ на обвинения самозванцев из народа, — но только такие корабли тонут». Круглый корабль. // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 794.

С. 233. *Птица Феникс, вылетающая из потухшего костра...* — Феникс — легендарная священная птица по преданиям древних, сжигающая себя в своем гнезде, а затем возрождающаяся и вылетающая из гнезда обновленной и юной; символ вечного возрождения.

С. 234. *Экзотеризм*! — доктрина, не содержащая тайны, предназначенная для непосвященных.

Лекция Аничкова об Оскаре Уайльде. — Вероятно, имеется в виду литературовед и критик Е. В. Аничков, с 1908 г. — профессор Петербургского психоневрологического института по всеобщей литературе и эстетике, автор очерка «Оскар Уайльд» в кн.: *Аничков Е.* Предтечи и современники. Ч. 1. СПб., б/г. С. 311-348.

Не хочу добра! — говорит красивая женщина. — Имеется в виду А. И. Каль (Глотова).

С. 235. *Идея о вновь изгнанном Адаме и о его искании земли.* — Ср.: Второй Адам // Цвет и крест. С. 206.

С. 237. *...за границей, до той страшной схватки.* — Имеется в виду роман с Варей Измалковой.

С. 238. *...за этот год совершилась потеря чего-то родного...* — имеется в виду смерть ребенка.

С. 239. *...повернулось в оттоманке...* — (*фр. ottomane, тур. Othman* — Осман, собств. имя) — широкий мягкий диван с подушками, заменяющими спинку.

...два попа. Один черный<...> Другой белый... — черное и белое духовенство, соответственно монашествующие и приходские священники.

С. 240. *...«блуда ради лишен Царства Небесного, а милости ради помилован».* — Ср.: Пс. 77, 32-39; 102, 8-13.

НАЧАЛО ВЕКА

Начало века. — Трудно сказать точно, когда Пришвин задумывает роман (или повесть) под названием «Начало века. Из эпохи кающейся интеллигенции» — похоже, что в 1909—1910 гг. Ранний дневник явно рассматривался писателем как материал для задуманного произведения, по крайней мере, материалы двух папок под названием «Начало века» и «Богоискательство» свидетельствуют, что речь идет о религиозно-философских взглядах сектантов и символистов; в раннем дневнике обнаруживается план будуще-

го произведения, множество черновых набросков, вариантов записей, рассуждений, портреты десятков известных и неизвестных участников напряженного духовного поиска — персонажи романа и даже их предполагаемые имена — однако, замысел так и не был осуществлен. После революции Пришвин постоянно возвращается к «началу века» и рассматривает революцию, социализм в русле развития религиозного (сектантского) сознания в России («Рев. движение (интеллигенции) в России несомненно отразило в себе характерные черты народного расколо-сектантского движения... В интеллигенции сложились такие же секты, из которых каждая имела претензию на универсальную истину. Победившая всех их секта большевиков до сих пор борется за универсальность (интернационал) и на наших глазах постепенно омирщается...» Дневники 1928—1929. С. 507.

Две папки получили названия «Любовь» и «Хрущевская папка» — сюда были собраны материалы автобиографического характера, и еще одна включает путевые дневники писателя — «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск» и «Крым. Славны бубны».

С. 241. *Меня нашли не искавшие Меня, /Я открылся не вопрошавшим обо Мне. (Исайя)* — Ис. 65, 1.

Вехи: семь смиренных... — аллюзия на посвященную книге «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909) статью Д. С. Мережковского «Семь смиренных» (Речь, 1909. С. 175), которая явилась расширенным вариантом доклада Мережковского «Опять об интеллигенции и народе», прочитанного на заседании Религиозно-философского общества 21 апреля 1909 г. (Коммент. В. Фатеева).

Шикарный жест Гершензона: европейский крах индивидуализма. — Имеется в виду статья М. О. Гершензона «Творческое самосознание», вошедшая в сборник «Вехи». (Указано В. Фатеевым).

F-а спросил Мережковский... — буквой «F» Пришвин иногда обозначает главного героя будущего романа «Начало века», «alter ego» писателя. В последующих записях герой иногда именуется «студентом», «графом».Здесь и далее записи воспроизводят впечатления Пришвина от посещений салона Мережковского. Ср.: Круглый корабль // Собр. соч. 1982-1986. Т. 1. С. 789.

С. 242. *Время эпоса, а не лирики <...>время города (Брюсов).* — В годы между двух русских революций Пришвин отмечает оппозиции: эпос — лирика, город — деревня, сильные люди — просто обыкновенные люди. Черты урбанизма в поэзии Брюсова появляются уже в книгах «Chefs d'oeuvre» («Шедевры», 1895) и «Me eum esse» («Это — Я», 1897). В данном случае имеется в виду книга «Urbi et orbi» («Граду и миру», 1903).

На этом стеклянном небе не было... сундуков из мороженой жести, старых салопов... — сундуки, обитые мороженой жестью, считались в конце XIX — начале XX в. фирменными невьянскими (Невьянск — город на Урале) сундуками; секрет «морозки» жести был привезен из Англии и доведен русскими умельцами до совершенства; узор возникает в процессе кристаллизации расплавленной смеси олова и свинца на жести при опрыскивании водяными каплями, причем любое минимальное нарушение размера капель воды, угла их падения или температуры нагрева смеси уничтожает эффект «мороза»; в настоящее время секрет этого искусства утрачен; салоп (*фр.*) — род верхней женской одежды.

...это человеко-божество. Следуют ссылки на Достоевского (Бесы). — Выразителем идеи человеко-божества в романе «Бесы» выступает Кириллов: «Теперь человек еще не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам бог будет» (*Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 93). Мережковский писал: «Идеи Кириллова о человекобоге есть один из тех поразительных случаев совпадения Достоевского с Ницше...» *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. М., 2000. С. 429. (Коммент. В. Фатеева).

С. 243. *...пряники (круглые жамки)...* — жамки (от глагола «жать») — дешевые мелкие пряники, обычно мятные, ручной лепки без декоративного рисунка.

Отец Спиридон и английская миссия. — Прототипом о. Спиридона (Цвет и крест. С. 320-323) был о. Александр Устьинский, разделявший идеи Владимира Соловьева об объединении католической и православной церквей («русские католики»). Их лозунгом были слова: «И будет едино стадо и един пастырь». «Соловьевцы», признавая формально главенство Папы, во всем остальном продолжали оставаться православными и русскими — имелось в виду объединение, а не подчинение одной церкви другой. Протоиерей Александр Устьинский утверждал, что такое объединение римских католиков и восточных православных христиан не касается ни догматических верований, ни литургического порядка; эти идеи, в среде православных иерархов не только не находили поддержки, но и вызывали крайне негативную реакцию. Пришвин, знакомый с Устьинским в предвоенные годы, записывает в дневнике 1920 г. следующий факт: «Снотворчество из факта: я был послан от Устьинского к Мережковскому и Розанову по делу соединения православной и англиканской церкви». Дневники 1920—1922. С. 119.

...ожидали русского Бранда. — Бранд — аскетически настроенный герой одноименной драмы Ибсена — здесь имеется в виду о. Иона Брихничев, но обычно — В.П. Свенцицкий, который 16 февраля 1907 г. выступил в Московском РФО с докладом «Религиозный смысл "Бранда" Ибсена», а 14 февраля 1908 г. прочел доклад «Мировое значение аскетического христианства» в Санкт-Петербургском РФО. Однако вскоре оказалось, что сам апологет религиозной аскетики вел далеко не аскетический образ жизни и был даже исключен из Московского РФО «за ряд действий явно предосудительных». Следует отметить, однако, что в 1917 г. Свенцицкий стал священником, вел подвижническую деятельность и принял мученическую кончину (см. о нем подробнее в кн.: Фатеев Валерий. Жизнеописание Василия Розанова: С русской бездной в душе. СПб.: Кострома. С. 378—385). (Коммент. В. Фатеева).

...племянницы, падчерицы. Ссора Розанова и Блока на почве этого... — считается, что Розанов усмотрел в статье Блока «Литературные итоги 1907 года» («Золотое руно». 1907, № 11-12) намек на его падчерицу А.В. Бутягину (Блок назвал собрания «словесным кафешантаном», а почитателями этой «болтовни» определил «дочерей и свояченец в приличных кофточках») и разразился в ответ язвительнейшим фельетоном «Автор "Балаганчика" о Петербургских религиозно-философских собраниях». Русское слово, 1908. 25 янв. (Коммент. В. Фатеева).

Ссора Розанова с Мережковским... — ссора произошла в начале 1909 г., когда Розанов отказался поддержать изменение курса Религиозно-фило-

софского общества в сторону сближения с революционной интеллигенцией, осуществленное кружком Мережковского, и демонстративно вышел из совета РФО, «дабы не нести ответственности за измену прежним, добрым и нужным ***для России*** целям» (*Розанов В. В.* Письмо в Редакцию // Старая и молодая Россия. М., 2003. С. 29). (Коммент. В. Фатеева).

...архимандрит Михаил... — речь идет об архимандрите Михаиле (П.В. Семенове), богослове Санкт-Петербургской духовной академии, активном участнике Религиозно-философских собраний. В 1907 г. он перешел в староверчество и был возведен в сан епископа, примыкал к «голгофскому христианству». Пришвин называет его «идейным выразителем» этой религиозной группы. Ср.: О братцах.// Собр. соч. 1982-1986. Т. 1. С.741-752. (Коммент. В. Фатеева).

...голгофское христианство... — имеется в виду кружок религиозных мыслителей, в который входили староверческий еп. Михаил (Семенов), В.П. Свенцицкий, о. Иона Брихничев, поэт Н.А. Клюев и др. Органом голгофских христиан стала газета «Новая земля». Пришвин дал характеристику «голгофского христианства» в 3-й главе очерка «О братцах» (Русские ведомости, 1910, 8 апр., 22 окт., 7 нояб.). Ср. в очерке «О братцах»: «Что же такое голгофское христианство и чем оно отличается от баптизма, толстовства, учения духоборов и, наконец, от христианства господствующей церкви? Все эти исповедания, по мнению епископа Михаила, держатся на одной великой ошибке: они исповедуют, что Христос принес в жертву за мир кровь свою и с этой поры совершено искупление мира <...> А Христос требует, чтобы каждый был, как Он. Как Он, принял Голгофу, взошел на нее. Почувствовал на своей совести зло мира, как свое дело, свое преступление, свой позор и принял на себя долг сорвать с жизни ее проказу. Христово христианство — постоянная Голгофа. <...> *Искупление не совершено до конца. Мир еще не спасен.* На Голгофе принесена только первая великая жертва за мир <...> Церковное христианство думает, что Христос ушел от земли, чтобы строить на небе чертоги для праведных, что земля — только темная, грязная дорога на небо, которую надо скорее пройти, чтобы прийти туда. Нет! Христос — Бог живых, *на земле* хочет создать царство Свое, — для человечества, соединенного с Ним». Собр.соч. 1982-1986. Т.1. С.748-749. (Коммент. В. Фатеева)

...(литургия в Финляндии: «достали чашу»)... — члены кружка Мережковского, приобретя атрибуты церковной службы, совершали «литургию» в домашних условиях, о чем в 1901 г. З.Н. Гиппиус писала в дневнике: «И во вторник я пошла купить чашу церковную и прочее. И долго искала, говоря, что в дар и в сельскую церковь» (*Гиппиус Зинаида.* О Бывшем // Дневники. М.: 2001. Т. 1. С. 95). (Коммент. В. Фатеева).

...это гарь такая, фигаро. — Ср. в очерке «Отец Спиридон»: «Заметила нагар на свечке...удалила. — Ты что это? — рассеянно спрашивает Спиридон. И матушка на это всегда отвечает каким-то «фигаро». Я долго не понимал, что бы значило это «фигаро», и по правде до сих пор не знаю, только думаю, что «фи», значит, скверно, потом еще гарь, и вместе выходит приличное для гостя название французской газеты "Фигаро"». Цвет и крест. С. 321.

С. 244. *...старика Византийского в чулане посадить, а самому к епископу кентерберийскому.* — См. коммент. к с. 243.

24 Зак 4404

Павликианство. — Христианская гностико-манихейская секта, возникшая в Армении в VII в., проповедовала дуализм, отрицала учение церкви о Богородице, Ветхий завет, таинства, крестное знамение, церковную иерархию.

(Давид стихами). — Псалтирь (*евр.*) — хвалебная песнь, благодарение Богу или Книга псалмов, одна из библейских книг Ветхого Завета. Автором большей части псалмов считается царь Давид.

Что рассуждать о Сладчайшем? — Имеется в виду: *Розанов В. В.* О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира. Доклад, прочитанный на заседании Религиозно-философского общества 21 ноября 1907 г. // *Розанов В. В.* Собр. соч. В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 417—426. Заглавие доклада Розанова отсылает к «Акафисту Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу».. (указано А. Медведевым). Ср.: Дневники 1930—1931. Коммент. к с. 576. С. 686—687.

Собрались для мистерии. — Речь идет об имевшем место в 1905 г. «собрании», на котором присутствовали Вяч. Иванов, Ремизов, Венгеров, Минский, Розанов с падчерицей, Сологуб и др. Блок в этом не участвовал. См.: Хлыст. 8-10.

С. 245. *Светлый Иностранец спустился в Капернаум...* — «Светлым Иностранцем» по-розановски Пришвин называл Мережковского. См. коммент. к с. 177.

Рабочий сапог. Падаль! Скандал. — Имеется в виду известный спор Мережковского с рабочим Виноградовым на заседании РФО.

(...«святые мертвецы» Добролюбова). — Видимо, речь идет о мотивах поэзии А.М. Добролюбова, который еще в гимназии увлекся идеями Уайльда, Шопенгауэра и стал апологетом культа красоты и смерти, а затем, будучи студентом филологического ф-та С.-Петербургского университета, писал «декадентские» стихи, проповедовал самоубийство.

...провинциал Алпатов. — Алпатов — уличная кличка Пришвиных в Хрущеве — имя будущего главного героя романа «Кащеева цепь», alter ego писателя.

...образованный человек, известный Лялин... — одно из имен главного героя задуманного романа «Начало века», прототипом которого был Мережковский.

С. 246. *А. А. Мейер имеет целью своей проповеди...* — примыкавший к кружку Мережковского Мейер развивал идеи «религиозной общественности», т. е. союза революции и религии. (Коммент. В. Фатеева).

С. 248. *Щетинин и Легкобытов. (Фауст и Мефистофель, искушение Господа дьяволом: Христос бросился).* — Щетинин и Легкобытов противопоставляются как искушающий (Щетинин) и соблазнившийся (Легкобытов), но это происходит скорее внутри комплекса морально-нравственных проблем и не касается сектантской идеологии в целом, хотя Легкобытов провозглашает «спасение» членов чемрекской общины. Ср.: Хлыст. С. 470, 482, 645.

С. 249. *Прочитай третью главу из книги Ездры...* — очевидно, имеется в виду 3-я книга Ездры.

С. 251. *Как только Молочников сказал, что народ смиренный, на него накинулись (так же, как Мережк. на Вяч. Иванова).* — Молочников — владелец трактира «Капернаум» в Новгороде, толстовец. Мережковский «накинулся» на Вяч. Иванова в докладе «Земля во рту», прочитанном в РФО 3 ноября 1909 г., за мысли о «русской воле к нисхождению», т. е. о смирении, выраженные в статье «Русская идея». *Иванов Вяч.* По звездам. Статьи и афоризмы. СПб., 1909. (Коммент. В. Фатеева).

С. 252. *...альбигойцы в Москве...* — Религиозное течение альбигойцев (фр. *L'Eglise d'amour* — Церкви Любви) усвоило религиозные принципы и антропологию ранних христиан, мистических учений Грааля, широко распространенное на территории Лангедока, Ода, Прованса, Арагона, севера Италии и др., имело приверженцев среди верующих различных исповеданий, в том числе католиков, а также среди последователей различных гностических религиозных толков и сект; проповедовали апостольское христианство и простую, строго нравственную и уединённую жизнь. Ср.: О братцах // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 752.

...(горбунья выходит замуж за молодого моряка). — Персонажи утраченного рассказа Пришвина «Домик в тумане».

С. 253. *С. В. Эфира (сын вольного эфира)...* — имеются в виду слова из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» («Тебя я, вольный сын эфира, / Возьму в надзвездные края, / И будешь ты царицей мира, / Подруга первая моя»), которые Алексей Щетинин, лидер «чемреков», использовал в качестве титула. Ср.: Хлыст. С. 121.

Марксизм и Легкобытовство <зачеркнуто: хлыстовство>... — для Пришвина очевидно типологическое сходство марксизма (революции) и хлыстовства (сектантства).

С. 255. *...микроскопы...*— искаженное: микробы. Ср.: «В прошлом году я был на именинах у пророка одной общины, близкой к тому, что известно обществу под именем хлыстовства... хозяин особым языком — нелепой смесью славянского с новейшим газетным — долго говорил и пророчил о последнем времени, когда даже "все микроскопы" (микробы) замерзнут.». О братцах. // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 750.

(Ты больше я). — «Ты больше я» — один из афоризмов Щетинина, который в разные годы с разных сторон обсуждается в дневнике Пришвина. Ср.: Хлыст. С. 328—329.

С. 257. *...я говорю, я крещусь во Иордане.* — Иордан — река в Палестине, место крещения Христа Иоанном Предтечей; второе значение — крестильная купель вообще. — *Ред.*

С. 259. *Охтенская богородица* — см. коммент. к с. С. 199.

Астральная пропасть. — Ср.: «...пропасть Астраль лежит между средними людьми, где каждый знает только себя, а другого не видит». Астраль. // Собр. соч. 1982—1986. Т. 2. С. 591.

Брось свой самовар! — Ср.: «Рябов теперь уже совсем по-дружески подходит ко мне и, глядя на мою вечно дымящуюся трубку, говорит: "Брось ты свой самовар!"». Там же. С. 590.

С. 261. *...(те жили любовью Лесбоса)...* — древнегреч. легенда гласит, что Зевс, навестив греческий остров Лесбос, влюбился в местную девушку, которая отвергла его, за что Зевс-громовержец проклял родину своей возлюбленной и уничтожил все взрослое мужское население острова. Считается, что истоки сомнительной славы острова заключаются в лирике античной поэтессы Сафо, восторгавшейся прелестью жительниц острова — лесбиянок.

С. 265. *Рябов. На лекции о Сверхчеловеке разгоревался... — о Лермонтова стихах.* — Имеется в виду посещение сектантом Рябовым лекции Мережковского «М.Ю. Лермонтов — Поэт сверхчеловечества». Русская мысль. 1909. № 3. (Коммент. В. Фатеева).

С. 266. *Шалуны. Сатир из рел.-фил. собрания: хохочет <...> они... шалуны.* — Речь идет о Легкобытове. Ср.: «Маска сатира была сброшена, передо мной был человек, до того презирающий культуру, до того верящий в какого-то своего бога здесь, на земле, страшного, черного, что те уважаемые ученые и талантливые люди <...> казались малюсенькими пылинками, поднятыми случайным ветром перед ураганом. Этот сатир-пророк, узнал я, не затем ходит в наше Общество, чтобы учиться, а хочет привлечь на свою сторону интеллигенцию. — В них есть что-то большое, — говорил он, — в них есть частица того, что и у меня, но только они с небом играют... Шалуны! — не раз повторял сатир-пророк. Слушая этого сильного человека земли, я не раз мысленно сопоставлял его с образом моего светлого иностранца. «Что, если бы они соединились в одно, — думал я, — и есть ли пути к этому?». Заканчивается очерк следующим образом: «Хороши невиданные круглые корабли, — просятся у меня злые слова в ответ на обвинения самозванцев из народа, —но только такие корабли тонут». При всех сомнениях и допусках в такой ситуации Пришвин безоговорочно становится на сторону интеллигенции и культуры. Круглый корабль // Собр. соч. 1982-1986. Т. 1. С. 792, 794.

...и вдруг ясно вспомнилось: краснорядец. — Ср.: Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 561-526

Антре! — Фр.: Entre — Войдите.

Словарь Брокгауза. — Имеется в виду «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» в 86 томах с илл. и дополнительными материалами — самая крупная дореволюционная русская универсальная энциклопедия, выпущенная акционерным издательским обществом «А. Ф. Брокгауз и И. А. Ефрон». Ср.: Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 142—143.

С. 267. *Окончила Смольный с шифром.* — Окончить Институт благородных девиц в Смольном с шифром (высшая награда) означало получить брошь в виде золотого вензеля, что давало право быть фрейлиной императрицы.

У психиатра: исповедь приколота на шпильку. — Ср.: Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 558—562.

С. 268. *Жизнь Виктора Ивановича Филипьева... (Филипьеву — энциклопедия...* — С В. И. Филипьевым Пришвин познакомился в 1902 г. после возвращения из Германии. Он становится помощником этого ученого-лесовода и крупного петербургского чиновника в составлении «лесной энциклопе-

дии», чем он занимался дома вечерами. Несколько мимолетных записей в дневнике свидетельствуют, что Филипьев оставил глубокий след в душе будущего писателя. «Я помню, в Петербурге, наблюдая жизнь, понял горе людей в том, что каждый из них разделяется на два человека: один на службе старается сделать как надо, а другой дома старается жить, как ему хочется»; «В молодости я спросил Виктора Ивановича "А разве нельзя это использовать?" Виктор Иванович поднял голову от своих бумаг, подумал и, вздохнув, ответил: "Использовать, молодой человек, можно все"». Путь к Слову. С. 89—91.

С. 269. *...без двадцатого числа жить невозможно...* — до революции государственный чиновник получал жалованье ежемесячно 20-го числа — потому одни всерьез, а другие с иронией называли чиновников «людьми 20-го числа»; здесь имеется в виду постоянная служба.

С. 272. *...говорят про куколь в овсе...* — куколь — однолетнее травянистое растение, вредный полевой сорняк, в обиходе так называли все сорные травы.

С. 273. *Господи, милостив буди мне, грешному!* — Лк. 18,10-14.

С. 274. *Кружок одной шерсти.* — Здесь и далее в дневнике воспроизводится обстановка религиозных диспутов в новгородском трактире «Капернаум». Ср.: «Капернаум — такое сложное учреждение, с такими разнообразными типами, что нет никакой возможности дать о нем понятие в двух-трех словах. <...> Человек заговорил! Какой глубокий интерес наблюдателю жизни — проследить момент появления слова, момент выхода его из глубины существа, затерявшегося где-то на Сборной улице, приобщения этого существа к человеческому обществу.<...> Чего уже стоит то, что буфетчик «Капернаума» за прилавком, за этим рядом бутылок, держит всегда наготове Библию, и гости временами требуют ее к себе из буфета для справок». О двух крайностях (К характеристике времени) // Собр. соч. 1982—1986. 780.

С. 276. *...ухо отрубить, как апостол Петр.* — Ин. 18, 10.

«Царство Мое не от мира сего»... — Ин. 18, 36.

«Мережковский — говорящие штаны!» — сказал Розанов... — ср.: «Мережковский есть вещь, постоянно говорящая, или скорей совокупность сюртука и брюк, из которых выходит вечный шум». *Розанов В. В.* Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М., 2004. С. 40. (Указано В. Фатеевым).

С. 277. *...Петр фигу показал патриарху.* — Имеется в виду упразднение Петром I патриаршества и введении в 1718 г. в качестве высшего церковного и правительственного учреждения в России духовной коллегии — Священного синода.

...нет Христа в православии. — Суть разногласий между взглядами представителей сектантских общин и Религиозно-философского общества Пришвин выражает в оппозиции: Христос духовный — материальный, гордый — смиренный, общечеловеческий — национальный (родной), интеллигентский — народный (православный). Оппозиция, в центре которой стоит понимание личности Христа, по сути, касается всего комплекса проблем русской жизни в начале XX века, а корнями уходит в глубину русской истории с ее вопросом о выборе пути.

...«снимайте рубашку». — Мф. 5, 40; Лк. 6, 29.

С. 278. *В основе, стало быть, национальность!* — Ср.: О двух крайностях (К характеристике времени) // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 782.

Вот пророк Елисей как с детьми поступил... — 4 Цар.; Ср.: Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С.783.

С. 283. *...где продавали палочки лакрицы... торговцы выдавали... за... акриды Иоанна Крестителя.* — Лакрицу получают путем вываривания и сгущения сока корня солодки; акриды — вид съедобной саранчи; питаться акридами (и диким медом) в переносном смысле означает питаться скудно, впроголодь — по евангельской притче об Иоанне Крестителе. Мф. 3, 4; Мк. 1, 6.

С. 284. *Я заяц в поле. — А родня твоя? — И родня моя все зайцы.* — «Заяц в поле» — так называется одна из картин первого действия в пьесе Пришвина «Базар. (Пьеса для чтения вслух)» (1916—1920), а слова принадлежат одному из персонажей по имени Странник, противостоящему окружающему и свидетельствующему об ином мире. Цвет и крест. 339—357. Дневники 1920—1922. С. 304—305.

С. 285. *...«ныне отпущаеши»...* — Лк. 2, 29. Эта молитва св. Симеона Богоприимца входит в ежедневный канон богослужения вечерни.

С. 287. *Почему же нет Минина?* — Имеется в виду нижегородский староста Козьма Минин, с именем которого связано одно из наиболее ярких проявлений гражданской активности при организации ополчения в XVII в.

В темном углу моей комнаты виднелся всадник на белом коне. — Имеется в виду икона «Чудо Георгия о змие».

С. 288. *Сапог рабочего и футуриста...* — интересно сближение рабочего и футуриста; типологическое сходство футуризма с революцией (в том, и в другом случае моделью бытия является акт переделки мира и человека), очевидно уже для раннего Пришвина.

Жорес: я хочу, чтобы все ездили в 1-м классе... — имеются в виду идеи уравнительного социализма Жана Жореса, политического деятеля Франции, одного из основателей Французской социалистической партии (1902).

(*Я — это Ты в моем сердце Божественный*). — Неточная цитата из стих. З. Гиппиус «Молитва» (1897): «Я — это Ты, о Неведомый/Ты — в Моем сердце, Обиженный».

С. 289. *Алекс. Мих. Бутягина потерпела крушение у Гришки Распутина...* — В мемуарах В. Микулич есть сведения о преследовании А. М. Бутягиной Распутиным: «Варв. Дм. боится, чтоб он не увез с собой в Сибирь ее Аличку. Мысль об этом повергает ее в ужас». А. М. Бутягину приютил к себе на это время друг Розанова В. А. Тернавцев, писатель-богослов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода. *Розанов В. В.* Полное собрание «опавших листьев». Кн. 2. Смертное / Под ред. В. Г. Сукача. М.: Русский путь, 2004. С. 160—161. (Коммент. А. Медведева).

Циклы идей... Джемс... — упоминание Пришвиным имени американского философа и психолога Уильяма Джеймса в ряду имен, определяющих культурную ситуацию начала века, не случайно. Прагматизм Джеймса, так

же как и его психология оказались для писателя традицией одновременно и очень близкой, и повлиявшей на его мировоззрение и литературную практику. К чтению Джеймса, по крайней мере, до 1921 г. Пришвин обращался неоднократно. Ср.: «*25 Октября 1919.* Господствующее миросозерцание широких масс рабочих, учителей и т.д. — материалистическое, материалистическое. А мы — кто против этого — высшая интеллигенция, напитались мистицизмом, прагматизмом, анархизмом, религиозным исканием, тут Бергсон, Ницше, Джемс, Метерлинк, оккультисты, хлысты, декаденты, романтики; марксизм, а как ***это*** назвать одним словом и что это?»; «*1 Апреля 1920.* ... думал о прочитанном вчера у Джемса, о потоке сознания и параллельно этому мне пришло в голову, что, в сущности, наш X1X в. был всецело занят исследованием внешнего мира, можно предполагать в результате этого процесса нагромождение материальных ценностей, пожар их (война), страшный духовный бунт (внутренняя сущность социализма — все это в XX в. обратит ум человека внутрь себя и последуют открытия совершенно теперь невероятные.»; «*11 Апреля 1920.* По логике — жизнь бессмыслица: все люди смертны, я человек, я умру. Психология, напротив, нашептывает, что жизнь совершается так, будто ей нет конца. Так жизнь существует вопреки всякой логике.»; «*2 Мая 1920.* Чтение Бергсона и Джемса. «Невидимый град» — научные открытия путем интуиции. Не знаю, верно ли учение прагматизма, но я, не зная этого учения, именно им пользовался <...> *3 Мая.* 1920. Забытое в высшем или "духовные вакации" (выражение Джемса): почему это "высшее" называется так, а то другое, повседневное, называется низшим?»; «18 Мая 1920. Плохо я разбираюсь в философии, совсем не умею критиковать <...> Но читая, я всегда знаю, что про мое идет речь или про враждебное мне и друг мне автор или враг, так вот Бергсон и Джемс мои друзья, хотя совершенно не сумел бы защищать их философию.»; «*4 Марта 1921.* Психология привычки. Воспитание состоит в развитии способности по своей воле привыкать к чему-нибудь и отвыкать — это значит быть свободным от привычек. Чтобы привычка приходила не извне, а изнутри. Захочу и брошу все и начну новую жизнь... Прочесть Джемса "Психологию". Думать: с какого конца приступить к литературной работе...»; «*2 Июля 1921.* Наш крестьянин противится техническому новшеству в земледелии, как всякий практик сопротивляется вооружению теорией в его деле. Не прав он: его ум должен быть открыт знанию. Но и наши переосмысленные теоретики, лишенные практической осмотрительности, тоже не правы. Нужна культура здравого смысла или уменье пользоваться знанием, обязательные и для теоретика и для практика. Главный смысл трудовой школы и есть эта культура здравого смысла, воспитание осмысленного действия. Не надо этим, однако, чересчур увлекаться, как Джемс, и говорить, что воспитание "сводится в конечном счете к организации в человеке таких средств и сил для действия, которые дадут ему возможность приспособляться к окружающей социальной и физической среде". Разве приспособление к среде может быть поставлено всепоглощающей целью воспитания? И сам Джемс потом говорит, что обновление жизни народа исходит от мыслящих людей, распространяясь сверху книзу. Значит, не приспособление, а действенная мысль у самого Джемса стоит в углу воспитания». (Дневники 1918—1919. С. 311—312. Дневники 1920—1922. С. 45, 53, 59, 60, 65, 144, 193). Прагматизм и психологичность (на первый взгляд противоположные друг другу парадигмы и только на первый взгляд очень далекие Пришвину), связанные у Джеймса в идее значимости «многообразия опыта... точнее многообразия

объяснений опыта» (А. Эткинд), присущи мировоззрению писателя на протяжении всей его творческой жизни.

...сфинкс исчез... — идея актуализируется в дневнике 1919 г., в тексте которого важную роль играет мотив молчания: по Пришвину в России традиционно носителем молчания, таящим в себе Слово, был народ, который теперь заговорил варварским, первобытным языком и заставил «молчать всех других» — интеллигенция замолчала («ни одной песенки не спето») и оказалась оказывается «новым сфинксом», хранителем духовных основ жизни («сфинкс интеллигенции, может быть, что-то есть в ее молчании»). Ср.: Дневники 1920—1921. С. 298.

С. 291. *Вспомните, как Лев Толстой отказывается от своей художественной песни, называя ее болтовней...* — см.: Дневники 1918-1919. Коммент. к с. 303. С. 370.

...аполлоническое просветление. — Мифолог. образы Диониса (бога экстаза, веселья, радости, покровителя земледелия и виноградарства) и Аполлона (бога света, божественного откровения, покровителя искусств, бога-прорицателя), олицетворяющих стихийное и гармоническое начало, широко обсуждаются в среде поэтов-символистов в русле популярной в начале века в России книги Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (СПб., 1906) и связываются с двумя типами культуры. Конспектируя Ницше, Блок выделяет слова: *«Аполлон не мог жить без Диониса»* (*Блок А.* Записные книжки. М.—Л.: Художественная литература, 1965. С. 79). Много позднее, в 1937 г., Пришвин записывает в дневнике: «Совокупление или творчество все равно сопровождается радостью, только совокупление — Дионис, а творчество — Аполлон» (РГАЛИ).

С. 292. *...судьба поэта-декадента Добролюбова: поэт бросает свое искусство, уходит в народ и становится вождем одной из очень могущественных религиозных сект...* — в 1898 г. А. М. Добролюбов, к тому времени автор сборника стихов «Natura naturans. Natura naturata», уже отрекся от декадентских идей и в крестьянской одежде, с посохом в руках бродил по северным деревням, записывая народные песни, заклинания, плачи и сказания. В 1903 г. в Поволжье он основал секту «добролюбовцев», известную введенным им обетом молчания. А в 1900 и 1905 гг. вышли его сборники «Собрание стихов» и «Из книги невидимой». См.: Дневники 1918—1919. Коммент. к с. 336. С. 371.

Есть еще очень талантливый, но малоизвестный поэт Семенов-Тян-Шанский... — имеется в виду Л. Семенов, единственный сборник которого «Собрание стихотворений» вышел в 1905 г.; после событий 9 января 1905 г. Семенов отошел от революционной деятельности; опрощение и религиозные искания привели его к сближению с сектантами, затем к толстовству, а в конце жизни к православию. Мотивы его поэзии связаны с идеей смерти героя, нетленной плоти и пр.

Я был свидетелем героической попытки художника отстоять свою личность и не броситься в чан. — Имеется в виду Александр Блок. Настоящая полемика по этому вопросу развернулась между Пришвиным и Блоком несколько позже. См.: Дневники 1918-1919. Коммент. к с. 26. С. 355—357.

С. 293. *...крест и цвет.* — Впоследствии Пришвин начал работать над книгой «Цвет и крест», которая, по его замыслу, должна была состоять из

газетных очерков революционных лет, опубликованных в различных петербургских газетах. В революционные годы в дневнике и газетных очерках появляется целый ряд записей, в которых «цвет» и «крест» не только указывают на трагическое раздвоение космоса русской жизни, на содержание новой жизни и состояние народной души («Русский народ погубил цвет свой, бросил крест свой и присягнул князю тьмы», «цвет измят, крест истоптан, всюду рубят деревья, как будто хотят рубить себе из них новый крест»), но и выявляют органичность будущей стратегии Пришвина-писателя («Я, может быть, больше многих знаю и чувствую конец на кресте, но крест — моя тайна, моя ночь, для других я виден как день, как цвет»). Крест и цвет в разные годы выявляет у Пришвина следующие оппозиции: молчание — слово, зима — весна, масса (стихия) — личность, народ — интеллигенция. См.: Цвет и крест. См. также: Дневники 1918-1919. Коммент. к с. С.368.

С. 293. *Рел.- фил. общество в Петербурге ничего не имеет общего с московским Соловьевским обществом...* — если в С.-Петербургском РФО под влиянием идеи «религиозной общественности», настойчиво пропагандируемой кружком Мережковского, отмечалось политизирование дискуссий, то в Московском РФО, где ведущую роль играли С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн, В.И. Иванов и др., преобладало стремление к обсуждению подлинно философских и религиозных тем. (Коммент. В. Фатеева).

...штундисты... — штундизм — сектантское течение среди русских и украинских христиан, возникшее в середине XIX в. под влиянием протестантизма, позднее слилось с баптизмом.

...о Горьком были доклады: поклонимся народушке. — 13 ноября 1908 г. Г.А. Баронов выступил в РФО с докладом «О демотеизме. Обожествление народа (по поводу "Исповеди" Горького)». В тот же день состоялся доклад Александра Блока «Россия и интеллигенция» (Золотое руно, 1909, № 1); в рукописи статьи зачеркнут первонач. вариант назв.: «М. Горький и народ (по поводу "Исповеди" Горького)». 25 ноября А. В. Карташевым был зачитан реферат В.В. Розанова «О народобожии» — опубликован под назв. «О "народо"-божии как новой идее Максима Горького» (Русское слово, 1908, 13 дек. Подп.: *В. Варварин*). 13 января В. А. Базаров выступил в Литературном обществе с докладом «Богоискательство и богостроительство» («Вершины». Кн. 1. СПб., 1909). В ответ на это выступление 20 января 1909 г. Д.В. Философов прочел в РФО доклад «Богостроительство и богоискательство». Ранее Философов опубликовал статью «Евсей и Матвей» (Московский еженедельник, 1908, № 29), также посвящ. обожествлению народа у Горького. (Коммент. В. Фатеева).

С. 294. *...эстетизм бесплодный, беспочвенный (группа «Аполлон»).* — Речь идет о литературно-художественном журн. «Аполлон» (1909—1917), связанном с символистами, позднее с акмеистами, одним из основателей и редактором которого был поэт и критик С.К. Маковский (1867—1962).

...министерство изящных искусств. — Ср.: Дневники 1918—1919. С. 336.

С. 295. *Так было, и вдруг Красная Армия повернула фронты в Царство Небесное.* — Запись относится к послереволюционному времени (армия стала называться Рабоче-Крестьянской Красной армией в результате декрета СНК от 15 января 1918 г.). В начале 20-х гг. Пришвин обнаруживает, что интуиции начала века, связанные с изучением сектантского движения и выяв-

лением сходства сектантской и марксистской парадигмы, находят реальное подтверждение в новой, складывающейся в результате революции жизни; видимо, поэтому в материалы, которые Пришвин относит к роману «Начало века», попадают и записи послереволюционных лет. Ср.: «Государственная коммуна в государстве, где народ считает издавна власть государства делом антихриста. Между тем религиозная коммуна считается в обществе высшим идеалом <...> Обыватель говорит обыкновенно: "Я ничего не имею против идей коммунизма", ему нужно сказать: "против коммуны религиозной". Заманить в коммуну может только мечта или же загнать государственный кнут» (Дневники 1918—1919. С. 333). К идее романа «Начало века» Пришвин, судя по дневнику 1914—1919 гг., обращается постоянно, по крайней мере, записи, о сектантах и деятельности РФО встречаются неоднократно.

Футурист огромным булыжником кидает в Толстого и кричит: чебулдыр! — Имеется в виду футурист А. Е. Крученых и его знаменитое стих. «на собственном языке» с начальной строкой «Дыр бул щил...» (сб. «Помада», 1913), ставшее символом футуристической «зауми». (Коммент. В. Фатеева).

...люби ближнего, как самого себя... — Мф. 19, 19; 22, 39; Мк. 12, 31; Лк. 10, 27.

С. 296. *Ярое око, каменный.* — Спас Я́рое О́ко (ярый — пылкий, сердитый, резкий) — икона Иисуса Христа, воспроизводящая, видимо, иконографический тип Спаса Вседержителя и отличающаяся особо строгим выражением лица и глаз.

...второй Адам... — Ср.: Второй Адам // Цвет и крест. С.206-207.

...и Михаил... — См. коммент. к с.243.

С. 297. *...по случаю праздника Революции.* — Запись из более позднего дневника первых послереволюционных лет.

С. 298. *И мне чудятся два креста снежной Скифии.* — Образ древней заснеженной Скифии возникнет в послереволюционной повести Пришвина «Мирская чаша. 19-й год XX века» (1922) так же, как и крест: «бушевал хозяин древней Скифии буран... но наверху было ясно и солнечно, правильным крестом расположились морозные столбы вокруг солнца, как будто само Солнце было распято». Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 663—667.

...лик нашего черного бога... — см.: У стен града невидимого // Собр. соч. 1982-1986. Т. 1. С. 391.

...родственница-курсистка... — имеется в виду Дунечка.

«Константинополь будет наш». — Ср.: «Константинополь рано ли поздно ли должен быть наш» (Дневник писателя, 1876, июнь, гл. II, ч. IV. // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 30 т. Л.: 1981. Т. 23. С. 48).

...пролетарии всех стран, объединяйтесь. — Последующие записи, вставленные Пришвиным в черновые наброски к так и не написанному роману «Начало века», подтверждают, что и после революции Пришвин возвращался к своей идее написать книгу, представляющую духовные поиски начала века и революцию как единый процесс культуры; судя по раннему дневнику писателя, революция помещается в контекст культуры со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами: начало века предстает как сплав культурного (романтизм), религиозного (сектантство) и социально-эконо-

мического (марксизм) поиска, в котором типологическая близость идей революции с идеями культуры начала века очевидна.

С. 300. *...показать всем «тайны образующее».* — Неточно цитируя слова из Херувимской песни Божественной литургии: «Иже херувимы тайно образующее...», Пришвин, вероятно, имеет в виду то традиционное наследие христианской культуры, которое по-своему интерпретировали декаденты и модернисты. — *Ред.*

С. 301. *Два светила восходят в сознании русского мальчика конца прошлого века...* — «русские мальчики» — метафора Достоевского, обозначившая суть духовного поиска молодого поколения в пореформенной России. Ср.: «"Легенда о Великом Инквизиторе", подведшая черту под "нигилистическим периодом" русской литературы, несет на себе отпечаток чрезвычайного умственного волнения той эпохи. По воспоминаниям Н.Н. Страхова, "все вопросы поднимались с самого корня, решались, перерешались и опять поднимались. Знакомые, не видевшие друг друга год или два, встречались между собой с горячими и жадными вопросами: "Ну, что? К чему вы пришли? На чем теперь остановились?"<...>". Это время, считает Страхов, Достоевский отразил как ни какой другой мыслитель. Подтверждением тому может быть хотя бы разговор в трактире Ивана и Алеши Карамазовых: "Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют?.. о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? — говорит Иван. — О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие?.. И множество <...> русских мальчиков только и делают, что о вековечных вопросах говорят у нас в наше время". Здесь читатель имеет право задать себе, по крайней мере, два вопроса: кто такие эти "русские мальчики" и что же это за "время", с каких пор начинается его отсчет (т. е. с каких пор русских мальчиков мучают мировые вопросы)? "Русские мальчики" — это не просто возрастная категория <...> "Русский мальчик" является <...> определенным не только психологическим, но и философским, и историческим типом». (*Марцева А.* Магистерская диссертация «"Легенда о Великом Инквизиторе" Ф.М. Достоевского в русской философии: истоки и перспективы»// http://humanities.edu.ru/db/msg/8125).

...чувство конца света им воспринято от русской старухи... — Имеется в виду няня Евдокия Андриановна.

С. 302. *«Будем как солнце, забудем о Том, Кто нас влечет по пути золотому».* — Первые строки стих. (1902), давшего название сборнику К. Бальмонта «Будем как солнце. Книга символов» (1903).

«Я — это Ты в моем сердце Единственный...» — См. комм. к с, 288.

Булгаков стал священником... — С.Н. Булгаков был рукоположен в сан священника в 1918 г.

С. 303. *...новый Пушкин — Валерий Брюсов — затерялся в романах падения Римской империи.* — По-видимому, имеется в виду, поэма В.Я. Брюсова «Египетские ночи», у Пушкина неоконченная. Брюсов является также автором исторических романов: «Огненный ангел» (1907—1908) (Германия XVI в.), «Алтарь победы» (1911—1912) и «Юпитер поверженный» (Рим IV в.). (Коммент. В. Фатеева).

...когда печаталась морально-религиозная повесть Толстого «Воскресение» в «Ниве»... каждое слово ее... передавалось в Америку. — Роман Л. Толстого «Воскресение», напечатанный в 1899 г. в журн. «Нива», одновременно печатался в Америке.

...я был в Сибири среди необъятного простора... — имеется в виду поездка Пришвина в заиртышские степи с переселенцами в 1909 г. См.: Адам и Ева // Собр. соч. 1982-1986. Т.1.

С. 304. *...я купил «Новое время»...* — «Новое время» (1868—1917) — одна из крупнейших ежедневных российских газет. С 1876 г. принадлежала А. С. Суворину, пригласившему на постоянную работу в газету В. В. Розанова, который работал в ней с 1899 г. до ее закрытия. (Коммент. В. Фатеева).

...издатель-немец моей первой книжки... — имеется в виду Альфред Федорович Девриен, швейцарец по происхождению, основатель и владелец «Издательства А.Ф. Девриена», где публиковались детские и юношеские книги, а также книги по сельскому хозяйству, естествознанию, географии и пр. и где в 1907 г. вышла первая книга М.М. Пришвина «В краю непуганых птиц».

С. 305. *... два бога у нас мирно уживаются в жизни: Христос и Антихрист.* — Христос и Антихрист — ключевые категории, «полюса» философского сознания Д. С. Мережковского, которые он соотносил с ницшеанской антитезой «Аполлон — Дионис» и с предельными понятиями Ф. М. Достоевского «Человекобог (Сверхчеловек, по Ницше) и Богочеловек (Христос)». *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский (1900—1902) // *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 9—10. (Коммент А. А. Медведева).

С. 306. *...умирать спокойно, безболезненно, непостыдно, свято, мирно и безгрешно?* — Соединение прошений из двух ектиний, возглашаемых дьяконом во время Божественной литургии. — *Ред.*

С. 307. *... говорил Керенскому солдат...* — поздняя запись, включенная Пришвиным в материалы к роману «Начало века».

С. 308. *...то ли он Дон-Кихот, то ли Бедный Рыцарь.* — Ср.: А.С. Пушкин «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829).

С. 309. *Розанов как-то увидел его таким гуляющим...* — Ср.: *Розанов В.В.* «Среди иноязычных (Д. С. Мережковский)» (Новый путь, 1903, № 10. С. 219—225): «<...> следя за его сутуловатою, высохшею фигуркою, идущею небольшим и вдумчивым шагом, без торопливости и без замедления, "для здоровья и моциона", я подумал невольно: "так, именно *так*, — русские никогда не ходят! ни один!!" Впечатление чужестранного было до того сильно, физиологически сильно, что я, хотя и ничего не знал о его роде-племени — но не усомнился заключить, что, так или иначе, в его жилах течет не чисто русская кровь». *Розанов В. В.* Собр. соч.: О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 146. (Указано А. А. Медведевым).

...Белая дьяволица... — в Сев. Италии существовало предание о женообразном демоне — Белобрысой Матери или Белой Дьяволице; «Дьяволицей» современники часто называли З. Гиппиус.

С. 310. *Розанов в своей книге «Люди лунного света» дает нам прямо анатомию психики таких людей...* — имеется в виду кн.: *Розанов В. В.* Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1911. Это сочинение — вторая часть запрещенной в 1909 г. книги Розанова «В темных религиозных лучах» (1909), которая была издана в первоначальном виде в 1994 г. См. о «людях лунного света» главу «Люди третьего пола» // *Розанов В.В.* В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 264-403. (Указано В. Фатеевым).

Духовную культуру человечества Розанов воспринимал как сублимацию, «модификацию пола»: «Спешат ли в далекие страны вновь открытой Америки или древнего Китая посланцы папы, прозелиты веры, возможные мученики: знайте, *это — девственники.* Они *никогда* не женятся. Спешит ли в духовную академию загасить лишнюю *светскость,* лишние *земные интересы,* излишнее увлечение *наукой,* а не *святостью* — строгий судья: и не спрашивая можно знать, что это есть лицо, никогда *не осквернившее* себя прикосновением к женщине! Кто слагал дивные обращения к Богу? — Они! Кто выработал *с дивным вкусом* все ритуалы? — Они! Кто выткал всю необозримую ткань нашей религиозности? — Они, они! <...> В *космологическом и религиозном* порядке он <«духовный содомит». — *А. М.*> предшествует размножению; размножение пришло *потом,* пришло *позднее,* и покрыло его, как теперешние пласты земли покрыли девонскую или юрскую формацию. Он — девонская формация; размножение — теперешняя» (*Розанов В. В.* Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1913. С. 101—102). (Указано А. Медведевым).

С. 311. *Хлеб Мережковского — его романы...* — имеется в виду первая трилогия «Христос и Антихрист»: «Смерть Богов (Юлиан Отступник)» (1896), «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (1902), «Антихрист (Петр и Алексей)» (1905) — и вторая трилогия из русской жизни: «Павел I» (1909), «Александр I» (1911), «14 декабря» (1918).

...нужно провести верблюда в Царство Небесное... — Мф. 19.24.

С. 312. ... *всякий мудрец имеет достаточно простоты...* — известная пословица «На всякого мудреца довольно простоты», которая стала названием комедии А. Н. Островского (1868).

С. 314. *...дворец искусств — министерство изящных искусств).* — Ср.: Дневники 1918—1919. С. 336.

ХРУЩЕВО

С. 317. *Продажа «града».* — Имеется в виду третья книга Пришвина «У стен града невидимого» (1909).

Второй том в «Знании». — См. коммент. к с. 172.

Картина Иванова (Христос). — Имеется в виду картина Александра Иванова «Явление Христа народу» (1837-1857).

С. 319. ... *я их видел в «Русской мысли» и у Венгеровой.* — В журн. «Русская мысль» (1909, №1-3) были напечатаны главы из книги Пришвина «У стен града невидимого».

А закон 9-го ноября... -- см. коммент. к с. 39.

Я десять лет жил в Париже. — С 1901 по 1909 г. с перерывами Волошин жил в Париже.

Я бродил в Средней Азии с караванами в пустыне. — Студентом Волошин был арестован в Москве за организацию студенческих беспорядков и выслан в Среднюю Азию, где в 1900—1901 гг. работал в составе экспедиции по изысканию трассы Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Путешествие по среднеазиатской пустыне дало ему возможность увидеть «всю европейскую культуру ретроспективно — с высоты азиатских плоскогорий». В «Автобиографии» (1925) Волошин напишет: «Полгода, проведенные в пустыне с караваном верблюдов, были решающим моментом моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры». http://lib.rin.ru/doc/i/50953p.html/

С. 320. ... *где-то Бальмонт говорит об этом пейзаже русском...*— возможно, имеется в виду сонет «Лунный свет» (1894).

...просветление... аполлонигеское просветление. Недаром же над гробницею Диониса стоит Аполлон. —

Подробное описание случайной встречи с Максимилианом Волошиным в дневнике Пришвина и их дорожный разговор представляет несомненный интерес в контексте культуры начала века, когда под влиянием книги Ф.Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (СПб. 1906) актуализируется и широко обсуждается проблема типологии культуры.

Оппозиция аполлонического и дионисийского типов культуры предстает в разговоре Волошина с Пришвиным в образе двух пустынь. Именно в этом разговоре, как никогда ранее или позднее, Пришвин осознает свою близость к дионисийскому типу культуры — осознает Россию «*как молодую, жаждущую слова пустыню*». Другая пустыня, в понимании Пришвина, волошинская, характеризуется «аполлонической» законченностью и оформленностью, ее истоком Пришвин считает все культурное пространство «*от Эллады до пустыни*», где «*каждая гастица*» земли «*пропитана геловеком*», где само слово, кажется, уже материализовалось и устремилось к свету — звезде. Возникают и две концепции творчества, связанные с двумя типами культуры. С одной стороны, творчество как аполлоническая игра, преображающая все, к чему даже случайно прикасается поэт, как обладание «*вегной игрушкой*» поэзии, как обращение к культурным символам и принадлежность к мировой культуре. С другой стороны, поэт, имеющий дело не с культурными символами, а со стихийным природным началом, требующим воплощения, словесной формы — это творчество как стремление и путь в лоно мировой культуры, и «игрушка» поэта соответствующая: не «вечная», а хрупкая, как бы ежеминутно создаваемая. В записи возникает очень важный для Пришвина мотив органичности культуры («*как-то смешно: наша земля с землеустройством, с мужиками, и это аполлонигеское просветление*»). И сам образ Волошина не становится для Пришвина идеальным образом поэта-счастливца, играющего своей «*вегной игрушкой*». К этому образу, как к образу каждого русского поэта, с неизбежностью примешивается что-то еще: сама внешность Волошина вступает в сознании Пришвина в сложное взаимодействие с его словами («*и сам он какой-то солидный, полный, с широким лицом, с бородой, похожий на помещика... сам он несет какое-то удивительное противорегие двух пустынь...*»).

С. 321. *...о пустыне (культурной), о звездах, о Распятом...* — вероятно, речь идет о стихотворениях, написанных под впечатлением от поездки в Среднюю Азию. Ср.: «Пустыня спит, и мысль растет.../И тихо во всей пустыне,/Широкий звездный небосвод/Да аромат степной полыни». Стих. «Пустыня» (1901).

...прочел ему о том, как перешептывается северная ночь с южной. — Имеется в виду глава «Море» из книги «За волшебным колобком» (1908).

...когда прочел «Согласие Д. И.» — «Согласие Дмитрия Ивановича» — название IV главы книги «У стен града невидимого» (1909).

Я... читал Короленко. — По-видимому, речь идет об очерке «Светлояр» (1905).

С. 322. *... перед заросшей бурьяном клумбой сидит заяц...* — ср.: вступление к роману «Кащеева цепь».

...Тяпкина гора...— см. коммент. к с. 12.

С. 326. *... недвига.* — Неподвижный.

С. 328. *щур сидит... на раките...* — мигрирующие певчие птицы с красивым малиновым окрасом, прилетающие на зиму вместе со снегирями и свиристелями.

С. 331. *Бывало, все тарлатан! — (фр. tarlatane).* Легкая хлопчатобумажная или полушелковая ткань для платья.

С. 334. *Раки перешептались...* — ср.: один из самых известных рассказов Пришвина для детей «О чем шепчутся раки» (1941).

С. 335. *... магнетизеры, к которым теперь ездят лечиться.* — Имеется в виду учение австрийского врача Ф. Месмера (1734—1815) о благоприятном влиянии на пациента магнитной палочки, а также таинственных флюидов, исходящих от «магнетизера», последователя учения Месмера.

Маркиза с Лидией умерли за хальмой. — Хальма (или трик-трак) — настольная игра («уголки»), похожая на шашки.

С. 337. *Латошит...* — латошить (вар.: лотошить) — спешить, быстро разговаривать, болтать.

...вот как Брюс предсказывает. — Имеется в виду так называемый «Брюсов календарь» — «Календарь повсеместный, или Месяцеслов христианский», напечатанный в 1709 г. генералом-фальцехмейстером Яковом Брюсом, а затем благодаря необычайной популярности в народе неоднократно переиздаваемый в виде книги. Календарь содержал сведения о времени восхода и захода луны и солнца, о движении планет, о затмениях, а также в разделе «Прогностик» содержал предсказания погоды, урожаев, эпидемий и войн.

С. 339. *Вечером к Стоянию.* — Имеется в виду утреня, совершаемая в четверг пятой седмицы Великого поста, на которой читается Великий канон св. Андрея Критского и житие преп. Марии Египетской.

... лимы над оградой... — лим — ценная порода дерева с красной древесиной, в народе называется «железном деревом».

С. 340. *Крыло пропало.* — Видимо, имеется в виду куриное перо (крыло), которым пользовались для смазки теста.

С. 341. *Ему маркотно показалось...* — не так, грустно, печально.

Редюшку подстели! — Самотканая дорожка.

С. 343. *В 8 час. Плащаницу!* — Имеется в виду вынос Плащаницы в Страстную пятницу.

Махотку дайте большую. — Махотка — кашничек, маленький горшочек.

С. 345. *...[просить] у нее чепчик для бала.* — «Чепчик» от chaperonir (*фр.*); имеется в виду приглашение сопровождать на бал.

С. 346. *Зять был крупчатник...* — мельник, профессионал мукомольного дела.

С. 347. *Монтекриста почитать...* — искаж., имеется в виду роман А. Дюма «Граф Монте-Кристо».

С. 350. *Вивисекция...* — Вскрытие животного в целях изучения его организма, чем и занимался Базаров, персонаж романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

А может быть, метапсихоз... — в русле вульгарно понятых восточных представлений *метапсихоз* - продвижение души из одной стадии существования в другую до перерождения в разные виды животных

С. 352. *Манкируешь...* — манкировать — пренебрегать делом, небрежно относиться к обязанностям.

...олеографическое изображение Касимовской невесты из приложения «Нивы». — Имеется в виду исторический роман В. С. Соловьева «Касимовская невеста» (1879). *Олеография* — многоцветная репродукция картины, написанной маслом, подвергнутая послепечатной обработке лакированием и затем рельефному тиснению для имитации поверхности холста и мазков масляных красок, широко применялась в н. XIX в. «Нива» — еженедельный иллюстрированный журнал, издававшийся с 1870 до 1918 гг. в Петербурге, одно из самых распространенных в дореволюционной России периодических изданий. А. Ф. Маркс, который издавал журнал до 1904 г., задумал журнал "для семейного чтения" (по образцу распространенного немецкого журнала "Gartenlaube"), чуждого вопросам политики; исторические романы В. С. Соловьева пользовались большим успехом.

С. 353. *Я говорю о цезаризме...* — здесь: имеется в виду политическая система, ведущая начало от Юлия Цезаря, сосредоточившего в своих руках всю полноту верховной власти — светской и духовной.

...вычитал из «Света» или из «Вече»... — консервативные петербургские газеты.

С. 354. *Анекдот об Иосифе прекрасном...* — Быт. 37-50.

...выше да выше, и полетел с ними... — ср.: Птичье кладбище //Собр. соч. 1982-1986. Т. 1. С. 617-618.

С. 358. *Шибаевка — это идеальный тип будущего...* — ср.: «Шибаевка и Кибаевка находятся между собой в вековой вражде: Шибаи барские, Кибаи государственные». «Базар (Пьеса для чтения вслух)»// Цвет и крест. С. 342. Местн.: шибай — барышник, кибай — буян, драчун.

...наделили своих бурмистров... — при крепостном праве — управитель имения из крестьян или сельский староста.

С. 359. *Этот закон против 5-й заповеди...* — пятая заповедь: «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли».

Гусь пролетит жировать, затурукает... — имеется в виду известное постоянное место корма.

Дупелиная высыпка. — Имеются в виду вылет подросшего молодняка и старой птицы и «высыпка» на определенных одних и тех же местах, которые каждый охотник, обнаружив, знает и держит в секрете как «свои».

С. 361. *Взмет-то хорошо раскородится.* — Взмет — первая вспашка участка, раньше занятого растениями, задерняющими почву, как, например, взмет залежи, клеверного поля, жнивья. Раскородить пашню означает разборонить.

...резку резать... — месиво корма для скота из резаной крошки сена, соломы.

С. 363. *...посадил этого галгонка на сук и плакал над ним...* — автобиографические мотивы «хрущевского» дневника отзовутся в будущем романе «Кащеева цепь» (1927).

С. 365. *...верша плывет...* — сети, ловушки для рыб.

С. 368. *А чересполосица...* — расположение земельных участков одного хозяина вперемежку с чужими земельными участками.

С. 374. *... опять подумал я, дело...* — Ср.: Крутоярский зверь (1911) // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 575—602.

С. 374. *Мадепалам.* — (от индийск. города Madhavapalam). Белая хлопчатобумажная ткань, полотняного переплетения, идущая, в основном, на белье.

С. 376. *Троеполье.* — Устаревшая система полеводства — трехпольный севооборот с чередованием пар, озимые, яровые.

Четырехполье. — Севооборот, при котором земля делится на четыре поля, последовательно засеваемые разными культурами.

С. 377. *«Душа по природе своей христианка»...* — классик христианской патристики, Тертуллиан, знаменитый карфагенский богослов и церковный писатель, в трактате «О свидетельствах души» более сложно трактует проблему, заключенную в распространенной и упрощенной цитате, однако именно в этом виде она вошла в обиход.

С. 381. *Кончился Март...* — имеется в виду старый стиль.

С. 384. *Шарабан.* (*фр.*: char a bancs) — Открытый одноконный двухколесный экипаж с несколькими поперечными сиденьями.

Омет. — Сложенная в кучу солома после молотьбы, скирды.

С. 385. *Кострика.* — сорная трава.

С. 386. *Лопари.* — По-видимому, здесь: бусурман, нехристь, делающий что-то не так как положено по традиции.

С. 389. *Преполовение.* — Половина Пятидесятницы — между праздником Пасхи и Троицы.

С. 390. *«Акциз»...* — (от *лат.* accidere — обрезать; *фр.* — accise; *англ.* — excise, excise-duty) — один из видов косвенного налога на товары или услуги, включаемого в цену или тариф. Выборочный акциз распространяется на определенный круг товаров и услуг массового спроса и предметов роскоши. Акциз в широком значении — универсальный акциз — представляет собой налог с продаж и налог на добавленную стоимость.

С. 391. *Антоний Римлянин на камне приплыл.* — См. коммент. к с. 583.

С. 392. *Прошло уже лет восемь, а все вот возвращается...*— Имеется в виду любовь к Варе Измалковой.

С. 394. *И Моисей будет... Казни уже были...* — Исх. 5, 12.

С. 397. *...с моею было то же самое...* — имеется в виду Варя Измалкова.

С. 408. *... старинный пасьянс: Николай умирает, Александр рождается.*— Многие пасьянсы в названии содержат отпечаток какой-нибудь известной личности или политического деятеля. Здесь, вероятно: Александр 1 и Николай 1.

С. 410. *Нельзя Петра признавать — сына казнил...* — имеется в виду «Дело царевича Алексея», сына насильно постриженной в монахини первой жены Петра Первого Евдокии Лопухиной, в связи со «стрелецким бунтом» обвиненного в измене и приговоренного к казни в 1718 г.

С. 411. *Некрасов на гто народник, а в душе реакция...*— возможно, имеется в виду комплекс художественных взглядов Некрасова, включающий как революционные идеи, так и христианский идеал.

С. 413. *«Рождество Твое, Христе Боже наш...»* — начальные слова рождественского тропаря.

«ах ты, воля моя, воля...» — псевдонародная песня неизвестного автора, прославлявшая царя-освободителя крестьян Александра П.

С. 414. *...двенадцать лысых, мороз сломите.* — В Архангельской области существует поверье, что если в сильный мороз выйти на улицу и насчитать из прохожих двенадцать лысых, то на нос последнего пересядет мороз.

Матица. — Балка, поддерживающая потолок в избе.

С. 415. *В Мишенской...* — село Мишенское находится в двух верстах от Белева по большой Болховской дороге на р. Выре — здесь в 1783 г. родился поэт В.А. Жуковский.

С. 429. *...куда стекает барда...* — вторичный продукт виноделия.

С. 434. *(Не помещается в старые мехи новое вино, проливается.)* — Лк. 5, 37-39.

...дар Иисусовой молитвы. — Краткая непрестанная молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

С. 437. *Иду в опорках...* — остатки стоптанной и изодранной обуви.

С. 438. *Капот.* — Домашняя женская распашная одежда широкого покроя.

С. 439. *...неподвижный огненный цветок, как и тогда...* — воспоминание о встрече в Варей Измалковой в Париже.

Рель. — Удлиненный, невысокий вал. *Грива.* — Гряда на пойме.

С. 444. *...совсем как в грегеской повести «Дафнис и Хлоя».* — Имеется в виду единственный полностью сохранившийся античный любовно-буколический роман «Дафнис и Хлоя» (2—3 в. н.э.), в котором любовь пастуха и пастушки разворачивается в идиллическом мире природы.

Ренсковый погреб... — магазин, торгующий виноградными винами (арх.: название всякого виноградного вина — «ренское», букв. рейнское).

С. 477. *Одно из возможных нагал.* — В раннем дневнике многие записи свидетельствуют о задуманном Пришвиным автобиографическом романе.

С. 448. *....от Мальцевских заводов...* — ошибка: «мальцевские заводы» производили хрусталь, стекло, фарфор, а не ткани.

Вегный холод и мрак в этих душных стенах... — Распространенная песня в стиле «шансон» на слова Мирры Лохвицкой «В монастыре» (1890); также известно под названием «Монашка».

С. 450. *Валек.* — Массивный, изогнутый кверху деревянный брусок с короткой рукояткой для выколачивания белья во время стирки и полоскания. Валек украшался трехгранно-выемчатой резьбой, росписью, иногда отверстиями с бусинами или камешками, которые при работе издавали своеобразный «журчащий» звук.

С. 455. *Крестовый брат.* — Человек, с которым обменялись крестами.

С. 457. *...в тишине родился мой герой с голубыми бобрами. Это не я, обыкновенный, как все, геловек, рожденный обыкновенной женщиной... а совершенно особенное существо, странствующее по жизни за голубыми бобрами. Я разумный геловек, невольный свидетель его безумных исканий.* — «Голубые бобры» оказались не только прафеноменом его личности, но и обозначили рождение художника; смерть отца становится точкой отсчета новой жизни, а идея «голубых бобров» — знаком двойственности, обнаружившей в нем, «обыкновенном человеке», его героя: действительно, до этого момента Пришвин-писатель ничего о себе, ребенке, нигде не вспоминает: до обретения «голубых бобров» его как будто и нет, а после — его жизнь становится иной, в ней появляется, — чтобы уже никуда не деться, никогда не исчезнуть — глубина, тайна, особенность, он чувствует, что он, настоящий, рожден не «обыкновенной женщиной», а отцовским заветом, что отныне его родовое, повседневное, оседлое, разумное существует, чтобы свидетельствовать о его поиске, странствии, безумии — то есть писать, быть художником. Весь автобиографический роман Пришвина «Кащеева цепь» об этом мальчике, который несет в себе еще не понятное ни ему, ни окружающим призвание.

...в главу о Лермонтове). — Идентификация с М.Ю. Лермонтовым в детстве — о чем Пришвин часто вспоминает в дневнике («мне кажется по-настоящему я Лермонтов») — становится вехой на пути культурной самоидентификации художника.

С. 459. *Она так мне говорила...*— имеется в виду Варя Измалкова.

С. 460. *...«всякое дыхание поет!»* — неточн. слова из стихиры на Хвалитех: «Всякое дыхание и вся тварь, Тя славит, Господи».

С. 462. *...планида шла полями...* — здесь: судьба, рок, провидение.

С. 463. *...по разговору — скопско́й.* — Скопски́е (устар.) — псковски́е.

Родня тоже все зайцы. — См. коммент. к с. 284.

С. 464. *Ляда— капище...* — Ляда — пустошь, заросли, покинутая и заросшая лесом земля. Капище — (от старослав. капь — изображение, идол): языческое культовое сооружение восточных славян.

...из монастыря лавру сделаю. — Лавра, в отличие от монастыря, подчиняется непосредственно Патриарху, а не епархиальной власти.

...рухольный... — в монастыре заведующий рухольной — кладовой, где хранится монастырская одежда; обязан хранить и обеспечивать нуждающихся новым облачением.

С. 465. *Пуня.* — Сарай.

С. 470. *...лежат клады невырытые.* — Несколько отдельных записей, которые не датируются, даются в комментариях:

«Говорят про мужиков, тронутых цивилизацией: "в них зверь пробудился". С таким же правом можно бы сказать: "в цивилизации зверь оказался при соприкосновении с мужиком". Серые мужики первобытные так и говорят об этих отщепенцах своих и презрительно называют их "рискунцы" и их отличием считают рога зверя. Обе стороны говорят о звере, а если стоять в стороне, то зверь кажется и у тех, и у других, и именно на месте... зверь ясно виден на месте соприкосновения того и другого, но откуда он происходит, вопрос нерешенный.»

«Едут по Николаевской ж. д. мужики. Между ними сидит дама в шляпе и читает книжку. Парень [простой] начинает возле нее <*1 нрзб.*> как-то особенно [сильно] чесаться, то там, то тут в самых... местах. Дама косится, но терпит, а другие мужики, выпивши, хохочут... достает из головы вшей и давит их возле дамы. Та берет свои вещи и уходит в другой вагон. При громком хохоте мужиков парень протягивает ноги туда, где сидела дама, и удобно устраивается. Выпивают, закусывают, курят махорку, запах везде стоит, запах селедки, махорки — ад, чистый ад.

И нужно же так: входит другая дама с маленькой собачкой в руках. Кондуктор расчищает ей место, приговаривая: "Местов нет! — Как это местов, а вот место, убери ноги!" Парень поднимается, дама с собачкой садится к окну к столику и спасается от смрада, уносясь глазами куда-то в окно. А между мужиками перемигивания. Черный вынимает селедку и кладет ее на столик возле дамы с собачкой и под самим носом ее потрошит, режет, выпивает и закусывает, выпивает и закусывает. Собачка и та боится, а дама в отчаянии. От селедки хвост остается. Мужик подвигает хвост еще поближе к даме. Та

вдруг схватывает хвост и швыряет в окно. А мужик вдруг неожиданно хватает собачку и тоже швыряет в окно...»

«Слова, говор, пословицы (1909–1913?)

Что ближе к губам, то и язык шевелит, эх мы грешные, грешные, языки-то мягкие!

Углей наморила. Бабушка возле печи углей наморила, все стояли в чаду, и говорит нам: чада мои милые!

Грозцы грозятся, жильцы живут.

Ночью было холодно. Утром мороз обдался росою.

У меня в голове свой посев.

Как все равно яйцо об стену ударили, так мы вам цену дали.

Тепло: каждый кустик ночевать пустит.

Вы были очень хороши и теперь сохранились.

Ушки от лоханки остались.

На грех родились, с грехом умрем.

Самостойчив!

Один дурак играет, другой пляшет — вот и все тут козье болото.

Бог-то знает наши дела, а лучше признаться человеку.

Ты загадаешь, а у меня уже дело.

Свычка...

Придет благословенное время — и поедем.

Руля сдал.

Проливина.

Теперь меньше тонут, время узнавать стали (баромат — барометр).

На многие руки семья размножилась.

Живем, как заяц на острову.

Бог не укрепил, и нам уже плохо.

Неудельная земля. Череззерница.

Мужики изнитились: сели на пенья и коренья.

Пока «человечек» в глазу цел — ничего.

Полно тебе прибутыльника слушать.

Покрыло все, как большая вешняя вода.

На чьем возу едет, тому и песни поет.

Этот свою росу оттоптал.

Молодая в чужой след вступила и зачахла.

— Есть у тебя собака? — Нет, я сам налаю больше собаки.

Рассердился на блох и шубу в печку.

Играете, так нужно и доигрывать, а то вы начнете и бросите, как дети.

Шея у него была толстая, и все-таки за шею схватить.

Это ей что шло, что ехало: не первый снег на голову, не то видали, что на печку падало.

Возьмешься за ум, когда только муха укусит за ухо.

Трус: чуть что — и под телегу: я не извозчик, я не я, лошадь не моя!

Похвалы: несут себя высоко.

Один гусь немного росы натопчет.

Любуйте...

Не могу, товар у них выписной!

Мед нам грамота.

Каждому доведись.

Стало... заря вышла тихая, вода легла, рыба щетину показала.

Добыли и пропили теплой рукой.

А теперь хворый, осыпался и не матюгаешь.

Вода чистая: в стакан нальешь, и не видно.

Бабы замлявились.

В новых богородицах скромности нет.

Сажали елки и для опоры втыкали осиновые колья: елки посохли, а колья выросли. Вот у нас теперь так.

Поминки: для каждого попа оставляли два места, поп два места занимает.

Идол лобан! Желтая дура!

Полеток. (Даль)

Нарыльный (красивый): я был малый нарыльный (бабы), а я, как сказать, нет того дерева, где бы птица не сидела (нет человека без греха).

Барыне надоели грачи — «гай», «гай» — велела гнезда разорить (мужик убился), лягушки — пруд спустить, часы остановить, собачий лай, петухи — и когда все это выполнили, от живого мужа уехала.

Не дорвусь доехать... Дюже неспособно — и туда, и сюда качается лошадь! Бить жалко: скотина бессловесная, ничего не знает, бей — она ничего, она сама опасается, по себе знаешь, выбираешь местечко посуше.

Кто-то с кем-то: собралась пара, Господь соединил.

И пошел бобыль-бобылем.

Слух-то есть, а говорить нельзя.»

Путешествие из Павлодара в Каркаралинск

С. 471. *Все спит на улице: коршун плавает над Кузнецким мостом. Я подумал: в Петербурге коршуна не бывает на Невском.* — «Петербургский текст» (термин В. Топорова) в дневнике Пришвина наполняется новыми мотивами: так идея Петербурга предполагает вытеснение природы культурой. См. коммент. к с. 150.

Косит облог косарь... — облог (южн.) — дерновая полоса между вспаханными полосами, иногда непаханая целина (В.Даль).

С. 472. *Два молодца коммерсанта о сартах...* — сарт — название туземного оседлого тюркоязычного, в основном, городского населения Средней Азии; одна из этнических общностей, потомки которой являются современные узбеки.

С. 473. *... а то и вовсе кизяками топят.* — Кизяк (кизик) — топливо из высушенного, укатанного и разрезанного на плитки навоза, используется в южных безлесных местностях; плохо горит и дает мало тепла.

С. 475. *Сейчас будет столб Европа и Азия.* — Видимо, имеется в виду обелиск «Европа-Азия», возведенный в 1892 г. около железнодорожного полотна на самой высокой точке перевала через Уральский хребет; установлен по инициативе и проекту инженера и писателя Н.Г. Гарина-Михайловского.

С. 476. *«Алтай», значит, «гора».* — Название происходит от монг. «алтын, алтан» - золотой.

...воспоминания о мечтах о земле обетованной. — Речь идет о Беловодье — легендарной стране свободы в старообрядческих русских преданиях XVII—XIX вв., прообразом которой был Бухтарминский край на Алтае.

Переселенцы... — см. ниже коммент. к с. 538. Ср.: Новые места. Адам и Ева (1909-1910) // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 698—731.

С. 478. *Полетчик.* — Амплуа в цирке.

Тюмень...Вспомнил два забытых имени товарищей. — В Тюмени у дяди И.И. Игнатова Пришвин жил с 1889 по 1892 г. где, после исключения из Елецкой гимназии, учился в Тюменском реальном училище.

С. 479. *Архар.* — Один из самых крупных горных баранов.

Кержаки. — Староверы, раскольники, от названия р. Керженец, притока Волги, где был один из центров старообрядчества.

...запрещение ходаческого движения. — Речь идет о движении в рамках программы реформ П.А. Столыпина, касающемся ходоков в Забайкальскую, Енисейскую и Иркутскую губернии для поиска, осмотра и оформления свободных казенных земель под переселение; движение во многих районах принимало форму самовольного переселения крестьян с семьями на новые земли, в связи с чем Главное управление землеустройства и земледелия вносило в систему ходачества коррективы, то ограничивая ходоков (переселенцев), то наоборот, восстанавливая свободное ходачество.

С. 481. *Коньяк Шустова.* — Имеется в виду фирма купцов Шустовых, которая в начале XX в. была главным поставщиком коньяка в России и за границей.

Таратайки. — Двухколесная тележка (простая или кабриолет).

...вставай подымайся рабочий народ... — Строка из песни «Отречемся от старого мира». Слова Краснухина Е. К. на мелодию «Марсельезы».

...дал ей «Русскую Мысль»... — ежемесячный научный, литературный и политический журнал «Русская мысль» (1880—1918), основанный В. М. Лавровым, умеренно-либеральное издание, сочувственно относившееся к народничеству. После революции 1905 г. журнал стал органом партии кадетов. В 1910 г. поэтическим отделом журнала руководил В.Я. Брюсов, критическим З.Н. Гиппиус, что изменило характер издания. После 1917 г. журнал был закрыт.

...Наталка-Полтавка в степи. — Аллюзия на оперу И. Котляревского «Наталка-Полтавка» вызвана встречей с переселенцами с Украины.

С. 482. *Малахай.* — У киргиз большая шапка на меху с ушами и лопастями, плотно закрывающими затылок и лоб.

... Джаман-Туз...— Совр.: Жаман-Туз — дневнике в таких случаях сохраняется написание автографа: «дж». В остальных случаях географические названия и многие слова, записанные Пришвиным на слух неточно, исправлены и переведены Махуовым Балтабеком и Махуовым Мухтаром.

«Пришвин всегда называет местные слова, которые встречаются ему во время путешествия, киргизскими и ни разу казахскими. В действительности среди них есть слова из киргизского языка (слово «бабай» — дед, старик — есть в киргизском, тогда как в казахском в тех же значениях ис-

пользуется слово «баба»). Однако есть и обратные случаи: например, слово «огач» — дерево (у Пришвина «агач») есть в казахском, а в киргизском языке используется слово «жыгач». Точно так же слово «тау» — гора — явно взято из казахского языка и мало напоминает по звучанию киргизское слово «тоо». Большинство же слов сложно идентифицировать как казахские или киргизские: два языка очень похожи между собой. Учитывая частые неточности Пришвина в передаче слов, записанных, вероятнее всего со слуха, многие слова можно отнести как к казахскому, так и к киргизскому языку. Если обратиться к географии, то, судя по конечным пунктам путешествия (Павлодар — Каркаралинск), Пришвин ездил (по крайней мере, часть времени) по территории современного Казахстана (оба города сейчас находятся на его территории). Надо учитывать, что и в царской России, и в начале советского периода русские люди не воспринимали казахов и киргизов как разные народы. Так, в СССР вначале (1920 г.) была образована Киргизская АССР (позднее названная Казахской), включавшая территории обоих народов, а отдельная Киргизия (вначале — Кара-Киргизия) была образована только в 1924 г. Это означает, что Пришвин мог общаться с носителями двух языков, не вполне это осознавая. Другой вариант состоит в том, что люди, с которым он общался, говорили на диалекте, который отличался и от киргизского и от казахского языков и решить точно вопрос о том, диалектом какого языка он являлся, сейчас очень трудно. Наконец, вполне вероятно, что со времен Пришвина оба языка претерпели изменения (хотя вряд ли существенные)». (Комметарий А. Летучего).

С. 483. ... *все на кошемках*... — имеется в виду кошма — войлок, свалениый из овечьей или верблюжьей шерсти.

...*про странную сибирскую воробьиную темную ночь*... — воробьиные ночи — короткие летние ночи второй половины лета (короткая как воробьиный скок).

С. 485.. *Дафнис и Хлоя*. — См. коммент. к с. 444.

Калым заплатил. — Калым (*тюрк*.) — выкуп за невесту ее родителям.

С. 486. *Постромки*. — Часть конной упряжи, пара прочных витых веревок или ремней, при помощи которых передается тягловое усилие с хомута на вальки.

И тогда все так было, так же я чувствовал... — имеется в виду роман с Варей Измалковой.

С. 487. ...*с Куяндинской ярмарки*...— имеется в виду Ботовская или Куяндинская ярмарка в Каркаралинском уезде Семипалатинской области, которая в начале XX в. по торговым оборотам была одной из первых.

...*пьют кумыс*... — кумыс (*тюрк*.) — кисломолочный напиток из кобыльего молока, полученный в результате молочнокислого и спиртового брожения; распространен среди кочевников-скотоводов.

Джетак (лентяй) не кочует, «лежит»... — или жатак; в казахском языке существует пословица: жалқау жатып бұйырады — лентяй командует лежа. (Указано А. Летучим).

...*при помощи арычной системы*... — система водоорошения и полива.

С. 488. *Легенда о Баян.* — Легенда о трагической любви Баян-сулу и Козы Корпеша существует в казахском и киргизском эпосе — их называют казахскими Ромео и Джульеттой. Ср.: «У Чертова озера (Степной эскиз)». // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 728—730.

В местечке «Таран» она потеряла гребень (таран — гребень). — Таран — причесываться. (Указано А. Летучим).

Каркыра — головной убор... — каркыра — украшение из перьев журавля-красавки на шапочке девочки или девушки.(Указано А. Летучим).

Кос-Агаш... — палки для монтажа палатки.

С. 489. *Бас-кудук...* — кудук — колодец, бас — низкий, затопленный, т.е., видимо, полноводный. (Указано А. Летучим).

С. 490. *Толстяк, добряк этот Дмитрий Иванович, охотник...* — Ср.: «Еще вошел в экспедицию секретарь уездного съезда, очень влиятельный в степи человек, Дмитрий Иванович». Архары // Собр. соч. 1956—1957. Т. 3.С. 559.

С. 491. *Ерулик...* — обычай приглашать новоприбывшего жителя в гости и в его честь резать барашка.

С. 492. *Из географии Семенова...* — имеется в виду кн.«Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей». Т. 18. «Киргизский край». Под общим руководством П.П. Семенова Тян-Шанского, вице-презид. Императорского Русского Географ. Общества и академика В.И. Ламанского, председ. отделения Этнографии Императорского Русского Географ. Общества. Под. ред. В.П. Семенова Тян-Шанского. СПб.: Издание А.Ф. Девриена. 1903. Ср.: «Интереснейшие степные картины мало-помалу обратили на себя мое внимание, я принялся, кроме того, просматривать единственную взятую с собой книгу — географию Семенова — и скоро вычитал там, что где-то около Каркаралинска в степных горах водятся архары. Непобедимое желание овладело мной: бросить переселенцев, плюнуть на аванс и заняться архарами <...> Мое одинокое путешествие превратилось в охотничью экспедицию, материалы рекой потекли в мои записные книжки. Я до сих пор не могу их использовать.» Архары // Собр. соч. 1956—1957. Т. 3. С. 556, 559.

С. 493. *Встретились с казаком и киргизом...*— Тюркские племена под общим именем киргиз-казаков (кайсаков) известны с XI в. С XV в. за народом закрепилось название «казахи»; устар. «казаки, киргиз-казаки(кайсаки) и киргизы» встречается, в основном, в русскоязычной литературе.

С. 494. *«Седло»...* — по-видимому, горный перевал; известен перевал Коровье Седло и др.

С. 495. *Поездка в аул Токмета.* — Ср.: «Токмет, бедный казах, на своем верблюде повез за нами юрту и съестные припасы»; «Я уже знал, что пережил Токмет: он был джетак, значит самый бедный казах, у которого джут (голодица) от всего стада оставил только одного верблюда. Такой самый несчастный человек в степи не может больше кочевать и должен заниматься земледелием». Архары. // Собр. соч. 1956—1957. Т 3. С. 559.

С. 496. *Темир-Казык — железный [кол].* — Темир — железо, казык — кол, клин; ошибка: Темир-Казык — Полярная звезда. (Указано А. Летучим).

С. 496. *Шолпан...* — утренняя звезда.

Баурсаки... — традиционное блюдо кочевников-скотоводов в виде маленьких лепешек прямоугольной или ромбовидной формы или небольших колобков, изготовляемых из теста во фритюре в казане; подается как самостоятельное блюдо или в дополнение к шурпе.

...тостык... — подается уважаемому гостю.

...арка? — Спина. Здесь: хребет

С. 499. *Возле зимовки косачи...* — имеется в виду тетерев-самец с косыми пучками хвостовых перьев.

С. 500. *...Баян-Сулу...* — баян — рассказ, сулуу — красивый. (Указано А. Летучим).

С. 501. *Лазарь о киргизах...* — Ср.: «Я взял записку <...> очень задешево устроился в кибитке и поехал за шестьсот верст от Иртыша к какому-то фабриканту фруктовых вод Лазарю Исаичу за архарами. За этот смелый поступок впоследствии я был награжден: мое степное произведение "Черный араб" освободило меня от необходимости писать в газеты на злобу дня <...> именно вот эта трудная цель — без средств, даже без ружья убить архара — позволила мне так хорошо ознакомиться с жизнью сибирских горных степей». Архары // Собр. соч. 1956—1957. Т. 3. С. 557.

...к султану (торе)... — потомки Чингис-хана.

Ураза-айт... — праздник окончания поста: все ходят в гости и приглашают гостей.

Курбан-айт... — празднование 70 дней после Уразы, сопровождается жертвоприношением скота.

С. 502. *...высокая гора Мырза...*— Мырза — величественная, важная.

...три куста чия. — Чий - вид ковыля, растущего в Средней Азии.

С. 503. *...в турецкой феске...* — мужской головной убор — круглая шапочка из шерсти или фетра в виде усеченного конуса без козырька большей частью красного цвета обычно с кисточкой; назв. от г. Фес в Марокко.

...чистый бешмет... — *(тюрк.)* верхняя мужская распашная одежда до колен, иногда стеганая, подпоясывается и надевается поверх рубахи под другую верхнюю одежду (черкеску, халат).

С. 504. *...и говорит: бата?* — Бата — молитвенное напутствие, благословение. (Указано А. Летучим).

С. 508. *Аппак-менын!* — Бледный ты мой!

С. 509. *...пекут тукачи...*— уйгурский хлеб, испеченный особым способом; считается, что потомки уйгуров (тюркская группа) частично обнаруживаются среди современных узбеков и киргизов.

С. 510. *Прогулка на Чертово озеро...* — По-видимому, речь идет о Чертан озере.

...марал бежал... — *(тюрк.)* крупный олень с большими ветвистыми рогами; водится в Сибири и Средней Азии, то же что изюбр.

Готовят кувардак... — правильно: куырдак; особое чабанское блюдо из мяса барашка или жеребенка, приготовленное в собственном жире; иногда так называется желудок барашка, нашпигованный кусочками печени, сердца и мяса.

С. 511. ... *джут...* — также: джют, жут — бескормица, массовый падеж скота от бескормицы (Указано А. Летучим).

Шерсть — джабагы. — Совр.: жабагы — линька шерсти. (Указано А. Летучим).

С. 513. *...это называется саркыт...* — остатки еды и питья, оставшиеся после знатного гостя. (Указано А. Летучим).

С. 515. *...было работано «теми» (джунгарами)...* — джунгары (жунгары) — предки современных калмыков. (Указано А. Летучим).

С. 517. *Население встречает Уразу.* — Ураза (*тюрк.*) — тридцатидневный пост у мусульман в месяце рамазане, в соответствии с которым мусульманин должен воздерживаться от пищи, питья, игр, зрелищ в течение дня до наступления темноты.

...агент с машинами Зингера... — имеется в виду представитель американской электротехнической корпорации Зингер, основанной в 1863 г. производившей швейные машинки и продававшей их по всему миру.

С. 521. *Талмуд...* — (*ивр.* учение, учеба) — многотомный свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма — Устная Тора (Закон), который, по вере ортодоксального иудаизма, был получен Моисеем на горе Синай.

С. 522. *...состоять в тамырстве (тамыр...* — тамыр — друг; обычай привозить подарок из дальней поездки — тадарик.

С. 524. *...заросшей тальником...* — Небольшая кустовая ива.

...джаулык... — совр.: жаулык — головной убор в виде тюрбана.

С. 524. *...поставили чий...* — загородка вокруг решетки юрты из чия, которым пользовались для плетения мебели и пр. (Указано А. Летучим).

...шок-чек... — шок — тянут за веревку, приговаривая «шок».

С. 525. *...тумаки сбросили...*— малахаи. (Указано А. Летучим).

С. 530. *...бурата.* — бурат — вздымать пыль клубами.

...урожай дается в это лето сам-пять...— на каждый посаженный мешок получить пять мешков.

С. 532. *...аул в долине Бий-джан.* — Бий — властитель, правитель, джан (жан) — человек.

С. 533. *Всадник без головы...* — аллюзия на роман Т. Майн Рида «Всадник без головы», который в гимназические годы обозначил для Пришвина поворот его судьбы; здесь «Америка» Майн Рида — метафора девственной природы, чем она и была для Пришвина всю жизнь. См. коммент. к с. 609.

...есть лягушка с раскрытым ртом, есть клюв орла...— природные нерукотворные формы в окружающей природе всегда обращают на себя вни-

мание Пришвина: в горах —скалы причудливых форм, напоминающие те или иные фигуры, в небе — формы проплывающих облаков, в зимнем лесу —занесенные снегом деревья, которые он фотографирует, называет «безобидными существами» и которым дает названия: «Сторож, закутанный в тулуп», «Материнский поцелуй».

С. 534. *Шалбары — теплые штаны...*— (его) кожаные штаны с орнаментированным низом штанин. (Указано А. Летучим).

...мамырхан. — Мамыр — спокойный, благодатный.

С. 535. *Курук...*— курук (укурук) — жердь с арканом, петлей на конце для поимки лошадей.

С. 536. *... прицелился в сайгу...* — Степное животное из семейства антилоп.

С. 537. *...заметили цепу...* — простейшее сельскохозяйственное орудие для обмолота зерновых культур, состоящее из длинной деревянной ручки (до 2 м) и короткого била (цепинка), соединенных сыромятным ремнем (гуж).

...Кобчик метнулся за птичкой... — дневная хищная птица из семейства соколиных.

С. 538. *...которая ведет к самодуровцам...* — ср.: «Переселенцев все бранят: сибиряки-старожилы, туземцы-кочевники. Даже чиновники бранят: им тоже нерадостно селить Адама и Еву среди этого безбрежного солонцового океана, заставлять заниматься земледелием в краю, природой созданном для пастухов. Этих переселенцев, куда я еду, особенно бранили: они самовольно заняли место, они — "самодуровцы". Киргиз мне показал рукой на какие-то траншеи у подножия гор и сказал: —Это самодуровцы живут.» Адам и Ева //Собр. соч. 1982—1986. С.708.

Почему это у Робинзона начало жития кажется так красиво...— Роман Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка...» — одна из любимых детских книг Пришвина; «Робинзон» в разные годы выявляет степень одиночества писателя на его жизненном пути. В 1924 г. очерк о послереволюционной жизни писателя получает название «Школьная робинзонада», а в 1930 г. , перечитывая книгу Дефо, он записывает: «Читаю "Робинзона" и чувствую себя в СССР, как Робинзон <...> Думаю, что очень много людей в СССР живут Робинзонами, что только тому приходилось спасаться на необитаемом острове, а нам среди людоедов». Дневники 1930—1931. С. 64.

Хотели стрелять турпанов... — водоплавающая птица из семейства диких нырковых уток.

С. 539. *... красные жамки.* — Круглый, обычно мятный пряник.

...нашли «Биржевые Ведомости»... — либерально-буржуазная, политическая, экономическая и литературная газета (1880—1917), с 1885 — ежедневная.

С. 540. *Шариат.* — (*араб.* надлежащий (правильный) путь, образ действия) — совокупность правовых, морально-этических и религиозных норм ислама, охватывающая все стороны жизни мусульманина и провозглаша-

емая в исламе как божественное установление; появляется в УП-УШ вв. в Арабском халифате.

Фенацитин. — Медицинский препарат-анальгетик, снимающий боль.

С. 542. ...*«Джарайт»*... — совр.: «жарайт» — хорошо, договорились.

«Поднятие на Монблан!» — Вершину Монблан между Францией и Италией называют «столпом Европы»; здесь: шутливо-иронически.

С. 547. ...*гуляют «саджа»*... — птицы степная или киргизская куропатка.

...болдык ... — понял.

С. 550. *Джок*...—нет.

Бер сосын кет...— дай, потом уходи.

С. 551. ...*сазда*...— солончаки.

С. 555. (*Каратургай*). — Жаворонок.

С. 559. *У Диван-баши*... — диван — орган управления, баш — голова, начальник. (Указано А. Летучим).

С. 573. *У меня есть приятель, похожий на верблюда*... — имеется в виду А. М. Ремизов.

С. 574. *Карабай... Ажа-бай*... — кара — черный, бай — богач, ажа — старший. (Указано А. Летучим).

Кудар-Кул. — Кудар — соперник Корпеша. Кул — раб.

...*курмаг*... — жареное зерно. (Указано А. Летучим).

С. 574 ...*бабай?* — Старик.

С. 575. ... *в синем чекмене с позументом*... — длинный кафтан, отороченный позументом — золотым шнуром, мишурой, тесьмой.

С. 576. *Сыромять.* — Недубленая кожа, выделанная из шкуры верблюда.

...*подъяровывают степных лошадей.* — Подъяровывать (яровать) скакового коня, значит готовить его для скачки, наезжая по утрам и давая поменьше корма.

...*собирала марену*... — корень марены является красителем.

Саба моя полна кумысу... — саба — большой кожаный бурдюк.

С. 577. *9-й месяц лунного года.* — Имеется в виду священный месяц Рамадан (Рамазан), связанный по времени с дарованием пророку Магомету первой части Корана.

... *шайтан.* — Дьявол, бес.

С. 578. ... до фарыза... — фарыз — обязанность мусульманина.

... *пишите «Степной оборотень»*... — так называется один из очерков повести «Черный араб» (1910).

С. 580. *А р х а р ы (из путешествия в Сибирь).* — Кроме повести «Черный араб» по записям путевого дневника Пришвин пишет очер-

ки «Адам и Ева» (1909), «Первые земледельцы» (1909), «У Чертова озера (Степной эскиз)» (Цикл «Новые места») (1910) и «Архары» (1921).

Без открытого листа. — Для путешествия необходимо было иметь открытый подорожный лист, разрешающий путешествующему свободно выбирать маршрут поездки по территории России.

БОГОИСКАТЕЛЬСТВО

С. 581. *В Святой Софии...* — собор св. Софии (1045—1050), выстроенный по образцу Киевской Софии в центре Детинца (Кремля), но отличающийся большей строгостью, лаконичностью и суровостью архитектуры. Судя по летописям, с этим храмом на протяжении всей истории была связана религиозная, гражданская и духовная жизнь Новгорода; у стен собора собиралось новгородское вече.

С. 582. *...сторож по-прежнему зажигает фонари, и стоят они как пьяные гуляки...* — Аллюзия на стих. И.П. Мятлева «Фонарики» (нач.1840-х гг.). Ср.: «Фонарики, сударики, / Горят себе, горят, / А видели ль, не видели ль, / Того не говорят. / Вы видели ль веселого / Гуляку в сюртуке / Оборванном, запачканном, / С бутылкою в руке...»

Но ведь Марфу Посадницу не казнили... — вдова новгородского посадника И.А. Борецкого, возглавившая антимосковское движение в Новгороде, после присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. была вместе с внуком выслана в Москву.

С. 583. *Стояние.* — Имеется в виду Стояние Марии Египетской — название утрени, совершаемой в четверг пятой седмицы Великого поста, на которой читается Великий канон св. Андрея Критского и житие преподобной Марии Египетской.

Иван Грозный плетется по мосту... — владелец кабака в Новгороде по прозвищу «Иван Грозный».

На берегу Волхова лежит камень с крестом... приплыл Иоанн Предтега... — имеется в виду «плавучий» камень, на котором чудесным образом приплыл в Новгород не Иоанн Предтеча (это ошибка), а Антоний Римлянин. Антониев монастырь (1106), основанный им, находится в северной части города на правом берегу р. Волхов.

...идут говельщики. — Постящиеся.

«Господи и Владыко живота моего!» — в Великую среду совершается последняя за Великий пост Литургия Преждеосвященных Даров и в конце ее читается молитва преподобного Ефрема Сирина.

С. 585. *...мясник несет на себе редину...* — по Далю, редкий — редина, редь, состояние чего-либо жидкого, неплотного.

«Никола Сидягий». — Ср.: Никола Сидящий (1923) // Цвет и крест. С. 528—532

С. 586. *Какая-то стихия [водная]. Сотни тонут.* — На материале новгородских впечатлений написан один из лучших ранних рассказов Пришвина «Никон Староколенный» (1912), текст которого помогает прояснить смысл беглых дневниковых записей. Ср.: «В эту бурную осень много тонуло рыба-

ков на Ильмень-озере. Вольному воля, да и кормиться же нужно, — едет в бурю смельчак на большое озеро и пропадает. В храме... жизнь этих пропащих людей продолжается, родные молятся о своих, покойники с живыми соединяются, невидимое с видимым, свет не обрывается, путь к Царствию Божию не зарастает». Собр. соч. 1982-1986. Т.1. С.480.

У Иоанна Милостивого пробило девять, у Николы Коганного... — Церковь Иоанна Милостивого на Мячине относится к памятникам архитектуры Софийской стороны (построена в 1422 г.); церковь Николы Кочанного — речь идет о церкви во имя св. Пантелеймона, поскольку новгородский юродивый Никола Кочанный преставился в день его памяти 27 июля (ст. ст.) 1392 г. и был погребен в ограде Яковлевского собора, а в 1554 г. над его могилой была воздвигнута церковь св. Пантелеймона. В 1661 г. была сожжена шведами, в XVIII в. восстановлена, а к началу XIX в. обветшала. В 1832 г. в день памяти Николы Кочанного императора Николая I, проезжавшего через Новгород, нагнал курьер с известием о рождении наследника. Царь велел назвать сына Николаем в честь Николы Кочанного (будущий вел. кн. Николай Николаевич) и принял храм под свое покровительство. В народе за храмом закрепилось название «Никола Кочанный». — *Ред.*

...вся вселенная, кажется, звонила, отсгитывая Страсти Господни. — В четверг на Страстной неделе на утрени читают Двенадцать Евангелий Страстей Господних; начало чтения каждого отрывка сопровождается звоном колокола.

С. 587. *Ильмень. (Сестра разбойников).* — Озеро, в которое впадают реки: Мста, Пола, Ловать, Полисть, Шелонь, Мшега; из озера вытекает река Волхов.

...между Клопским и Перекомским монастырем. — Троицкий Клопский монастырь (1412 г.) был основан на правом берегу реки Веряжа недалеко от впадения в озеро Ильмень. Перекомский (Перекопский) монастырь (1450 г.) был основан св. Ефремом, прокопавшим к нему из озера канаву (отсюда название); в 1611 г. монастырь был разорен шведами, а после восстановления туда были переведены иноки из новгородского Николаевского-Розважского монастыря, после чего он получил название Перекомский-Николаевский-Розважский монастырь.

С. 588. *С Ильи лов...* — со дня пророка Ильи, т.е. с 20 июля по ст.ст.

...молитва паозера... — паозер (новг., пск.) — приозерный житель.

С. 589. *...поэт — птица на дереве, славит Господа...* — в военные годы в дневнике появляется «славящая зарю» птица — у Пришвина это устойчивая метафора художника. Ср.: «Птичик, самый малый, сел на вершинный палец самой высокой ели, и, видно, он там недаром сел, тоже славил зарю; клюв его маленький раскрывался, но песня не достигала земли, и по всему виду птички можно было понять: дело ее — славить, а не в том, чтобы песня достигала земли и славила птичку». *Пришвин М.* Незабудки. М.: Художественная литература. 1969. С. 102; Повесть нашего времени // Собр.соч. 1982-1986. Т. 5.

С. 594. *...проливает свет на сущность Татьяны.* — Имеется в виду персонаж романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

...и ложь есть во спасение... — неверно понятое, сокращенное и ставшее бытовым выражение: «ложь конь во спасение, во множестве же силы своея не спасется», что в русском переводе означает: «ненадежен конь для спасения, не избавит великою силою своею». Пс. 32, 17. — *Ред.*

С. 595. *Возле Юрьевского монастыря...* — в трех верстах от Новгорода на высоком берегу, где Волхов вытекает из Ильмень-озера, стоит знаменитый Юрьев монастырь (XII в.). Предание приписывает его основание Ярославу Мудрому, который в крещении был наречен Георгием (Юрием).

С. 596. *Старец прославленный.* — Новгородские реалии обнаруживаются в произведениях этого времени. Ср.: Иван Осляничек (Из сказаний у Семибратского кургана) (1912) // Цвет и крест. С. 233-273.

С. 598. *Стена Детинца...* — «Детинец город», или Кремль — центральное укрепление Новгорода, впервые упоминается в новгородских летописях с 1044 г., когда князь Ярослав начинает строить каменный город. Стена Детинца, выстроенная в XIV в., несмотря на капитальную перестройку в XV в., на отдельных незначительных участках сохранилась до начала XX в. — *Ред.*

С. 600. *...бегут, едва дышат, к Нередице...* — имеется в виду церковь Спаса на горе Нередице, или в просторечии Спас-Нередица, выстроенная в 1198 г. князем Ярославом Владимировичем, в которой до Отечественной войны 1941-1945 гг. сохранялись древние фрески.

С. 603. *А я думаю о прошлогоднем своем анализе Сашиной болезни...* — имеется в виду история брата Александра. См. коммент. к с. 127.

...раскрытая книга. — Икона Софии Премудрости Божией новгородского письма.

«Писари, писари, о писари! не пишите мя благословляющей рукой, напишите мя сжатою рукою. Аз бо в сей руце Моей сей Великий Новгород держу. А когда сия рука Моя распространится, тогда будет граду сему скончание». — Имеется в виду надпись в барабане главного купола Софийского собора (XI в.). Расписывать собор князь Владимир Ярославич призвал иконописцев («писари, писари...») из Царьграда. Три дня писали они образ Спасителя с благословляющей рукой (по канону), а наутро рука оказывалась сжатой. На четвертый день был чудесный глас от образа Спасителя, который и отражен в надписи. — *Ред.*

Основан монастырь Никольский... Никола приплыл из Киева. — По преданию, новгородский князь Мстислав Владимирович тяжело заболел. Во сне ему явился Николай Угодник и велел отправиться в Киев за его круглым образом. Князь послал туда гонцов, но они были застигнуты бурей в озере Ильмень, возле острова Липно; в водах озера они обнаружили круглый образ св. Николая, приплывший из Киева. Князь исцелился, и в честь этого чуда выстроил на Ярославском дворище Никольский собор (1113 г.). В XVI в. образ Николая Угодника был перевезен в Москву и сгорел. В Новгороде осталось несколько списков с него, считающихся также чудотворными. — *Ред.*

С. 604. *Ильинская церковь на Славне.* — Имеется в виду древняя церковь Ильи на Славенском холме, выстроенная в 1198-1202 гг.; в 1455 г. перестроена заново, по словам летописца, «на старой основе». — *Ред.*

Икона «Покров и Стена Необоримая». — Одно из названий Тихвинской иконы Божией Матери. Это название получила после осады Тихвинского монастыря иноземцами в начале XVII в., когда защитила монастырь от врагов. Первое явление иконы было под Новгородом. — *Ред.*

Мещерин... организатор Союза русского народа. — Очевидно, речь идет о В. П. Мещерском, черносотенце, в молодости полицейском стряпчем, позднее уездном судье. В 60-е гг. написал несколько романов. Сотрудничал в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и др. изданиях. В 1882 г. начал издавать газету «Гражданин» монархического направления. В течение сорока лет проповедовал идеи самодержавия, православия, народности; имел влияние на Николая II. — *Ред.*

С. 605. *Типы: бороволок...* — сказочное племя в рассказе «Иван-Ослянничек»: «В толпе было много людей из-за Ведуги, где земля светлая, песчаная, неплодородная, но почему-то в лесах сохранилось много великанов с волнистыми громадными бородами. Эти люди в овечьих шкурах, идущие за иконой, показались князю остатками седой старины. <...> Светлая земля, населенная бороволками, показалась загадочной князю, и потом дома он внимательно разглядывал карту древней Сарматии. И там было племя, сходное с боровolоками, но только у тех бороволоков были копыта, рога и хвосты.» Цвет и крест. С. 243, 263.

Попали в непонятную (17 октября). — См. коммент. к с. 180. Ср.: Манифест 17 октября в деревне (1905) // Собр. соч. Т. 1.

...отрекся трижды, как апостол Петр... — Мф. 26, 34; 26, 70-75.

С. 606. *Сашка-поездошник...* — Ср.: «Сашка-поездошник, что грабит в поездах». Цвет и крест. С. 243.

...изготовил для интендантства тысячу пар туфель... — интендант (*фр.*) — до революции должностное лицо в армии, ведающее провиантским, вещевым и денежным довольствием.

...Перунов остров. — Видимо, имеется в виду Перунов холм — древнейшее урочище, где до принятия христианства осуществлялось поклонение языческому богу Перуну. В XIII в. на этом месте была построена церковь Рождества в Перыни.

С. 607. *С обновкою! — встречают.*— С первым снегом — местн.

Амурские, Дунайские. — Имеются в виду широко известные «Амурский вальс» М. Кюсса и вальс «Дунайские волны» Иона Ивано́вича.

С. 608. *Вора поймали!* — Ср.: Сборная улица // Собр. соч. 1982-1986. Т.1.

С. 609. *Объяснение всем этим явлениям — будто бы влияние Пинкертона...* — один из самых известных сыщиков мира, американский сыщик Алан Пинкертон, основавший «Национальное детективное агентство» Пинкертона (1850—1884) и прославившийся вместе со своими детективами («пи́нками») десятками успешных дел.

...книга с неба падает и пишется Богом... — имеется в виду Голубиная (Глубинная) книга — космогоническая книга, в которой, по преданию, записано все, что было от начала времен, и все, что будет до конца времен.

Голубиной ее называют потому, что ее принес на землю голубь (Дух Святой). — *Ред.*

Мальчики читали М. Рида и бежали в Америку. — В 1885 г., будучи гимназистом Елецкой мужской гимназии, Миша Пришвин, начитавшись Майн Рида (его любимым романом был «Всадник без головы»), с тремя друзьями-гимназистами совершил побег «в страну непуганых птиц». В летописи своей жизни (1918) он отмечает: «Побег в "Америку"», хотя иногда называет его «побегом в Азию»; «Конечно, тут книга виновата, что-то вычитанное... Прочитав книгу, мальчики бегут в неведомую страну, взрослые мальчики из народа начинают странствовать, искать невидимый град». (См.: О двух крайностях // Собр. соч. 1982-1986. С. 781; см. также: Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 95—111). Ср.: «Никто и никогда не пытался создать подобие энциклопедического словаря, где приводились бы биографии популярных личностей, начавших свою карьеру с того, что в детстве они удрали из дому. В нынешние времена Майн Рид хоть и переиздается, но особой популярностью среди молодежи его книги не пользуются. На рубеже XIX и XX столетий картина была совершенно иная, и русские гимназисты, начитавшись Майн Рида, в массовом порядке удирали "в Америку". Их ловили ... с позором возвращали домой, но они все равно бредили бескрайними прериями, индейцами... и прочей подобной экзотикой». *Евгений Манин* (Филадельфия). Убежавшие к славе. Журн. «Чайка», 22 июля 2002. www.chayka.org/oarticle.php?id=683 - 21k

С. 610. *Мыс Челюскин и Спас-Нередица: культура связи.* — Мыс Челюскин — северная оконечность полуострова Таймыр и самая северная точка Евразии — был впервые достигнут участником 2-й Камчатской (Великой Северной) экспедиции полярным исследователем С.И. Челюскиным в 1742 г., а спустя 100 лет был назван в его честь; *Спас-Нередица* — см. коммент. к с. 600.

В записи сложно сопрягается культура и цивилизация — не обычная оппозиция, а сложное взаимодействие, в котором парадигма географических открытий соотносится с идеей захвата (воин с мечом — начало цивилизации в открытом мире — свергаются боги, то есть все представления прежней культуры), но монах с крестом и купец с неизбежностью возрождают культуру и жизнь — боги воскресают (старые, в новом мире) — идея писателя заключается в том, что трагедия не в цивилизации, а в неспособности цивилизацию культурно обживать — при том, что историческая парадигма: «воин с мечом — монах с крестом — купец (можно было бы добавить — с рублем)» охватывает жизнь в целом.

Долбня. — Долбежить, колотить, бить.

Герцен. — В к 1840 г. А.И. Герцен был отправлен в ссылку в Новгород, куда прибыл в июне 1841 г. и где до июля 1842 г. был советником губернского правления Ср.: По градам и весям (В законе отчем) // Цвет и крест. С.448.

Беседа с Устьинским. О Гермогене. — Речь идет о нашумевшем деле Саратовского епископа Гермогена — бывшего друга, а затем врага Распутина, пытавшегося уничтожить его влияние на царскую семью. Протоиерей А.П. Устьинский — новгородский священник, состоявший в переписке с В.В. Розановым и знакомый Пришвина. (*Розанов В.В.* В мире неясного и нерешенного. М.: 1995. С.107—139).

И кантонист-атеист. — (Kantonist (*нем.)* — военнообязанный). С 1805 по 1856 гг. в России кантонистами назывались 12-летние сыновья (в частности, незаконные) бывших на действительной службе солдат и младших военных чинов, а также с целью христианизации дети еврейского происхождения (Указ императора Николая 1 от 26 авг. 1827 г. о воинской повинности), подготовляемые к военной службе в особой низшей школе. Кантонистская служба была отменена Манифестом императора Александра П от 26 авг. 1856 г. Возможно, впоследствии этот термин обозначал потомков кантонистов. — *Ред.*

У Грозного нос попугайчиком. — В послевоенной сказке-были «Кладовая солнца» (1945) оба главных героя, брат и сестра Настя и Митраша, получают такой же нос, который, как ни странно это звучит, «глядел вверх попугайчиком».

С. 611. *Легенда об Адаме и Еве.* — Быт. 2, 21-25; 3, 1-24.

С. 612. *...это для Саморока непонятное.* — Суморок (Саморок) — имя (нецерковное) встречалось в Орловской губернии; этимологическое значение — мрачный. Ср. у Пришвина в повести «Саморок» (1913): «Другого брата... звали Саморок за то, что он всякое дело по-своему начинал, за всякую вещь, самую простую, брался по-иному, как будто раньше его и люди вовсе не жили на свете». Цвет и крест. С.273-288.

С. 613. *...молитва купца около Спас-Чекряк.* — См. коммент. к с. 110..

С. 616. *Стал читать Библию и дочитался, что <...> Лот жил с дочерьми...* — Быт. 19, 36.

С. 617. *Капернаум* — город в Галилее, где Христос творил чудеса исцеления; в Новгороде это библейское название получил трактир толстовца Молочникова на Тамбовской улице, где собирались сектанты разных толков; трактир, в частности, посещал прот. А. П. Устьинский. Ср.: Сборная улица. // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 779—781.

...после Севастополя... А после Японии? — Видимо, речь идет о поражении России в Крымской войне (1853-1854) и в Русско-японской войне (1904-1905).

С. 618. *Справедлива ли теория Руссо, что каждый народ достоин своего правительства?* — Неточность. Это слова из письма посланника Сардинского королевства при русском дворе Жозефа де Местра (1754—1821) к императору Александру 1, выражавшие его отношение к изданным законам. См.: *Joseph de Maistre.* Lettres et opuscules inédits. P. 1851, v. I. P. 215. Возможно также, что это перифраза мысли Монтескье («О духе законов»): «Каждый народ достоин своей участи». — *Ред.*

...присоединиться сочувственно к восставшим болгарам. — После Первой русской революции 1905 г. в Болгарии прошел ряд забастовок и стачек рабочих.

Какой Самсон? — Да вот что столбы-то потряс. — Имеется в виду библейский Самсон, руками сокрушивший столб, на котором держались палаты, где находились его враги. — Суд. 16, 28-30.

...о правителе Иосифе и фараоне в Капернауме... — Быт. 39-41.

С. 619. *Хвост есть лжеучение (Исайя). Хвостом увлек одну треть с неба (Апок.).* — Ис. 9, 15; Откр. 12, 4.

...я только хочу ухо ему отрубить, как апостол Петр. — Ин. 18, 26.

До Неплюева я держался старца Зосимы... — имеется в виду Николай Николаевич Неплюев (1851-1908) — религиозный деятель, сторонник переустройства крестьянской жизни на основе трудовых братств, основатель Крестовоздвиженского православного трудового братства в местечке Ямполь близ г. Глухова Черниговской губ. (1889), которое было призвано заботиться о «христианском воспитании детей и религиозно-нравственном усовершенствовании взрослых». Старец Зосима — герой романа Достоевского «Братья Карамазовы». (Коммент. В. Фатеева).

С. 620. *...подобно великомученику Стефану, посвящу на обличение [врагов Божией] матери.* — Речь идет о преподобномучен. Стефане Новом, жившем в Константинополе и боровшемся до конца дней своих с гонителями икон, особенно икон Спасителя и Божией Матери, за что был подвергнут мученической смерти.— *Ред.*

С. 621. *Прощеный день...* — последнее воскресенье перед началом Великого поста, когда верующие на утрени просят друг у друга прощения. — *Ред.*

С. 622. *...саддукеи. Книжники и фарисеи <...>— Бойся закваски саддукейской! — Нет! Бойся закваски фарисейской.* — *Книжники* — особый класс специалистов-знатоков и толкователей Моисеева Закона среди иудеев эпохи Вавилонского пленения (605—536 гг. до н.э.). После возвращения из плена и восстановления иерусалимского Храма книжники руководят духовной жизнью народа и получают высокий титул «равви» — «мой господин». Описание и характеристику класса книжников см.: Сир. 38-39. *Саддукеи* — название одной из древнеевр. религ. сект, возникшей в эпоху расцвета династии Маккавеев (ок. 150 г. до н.э.) и объединявшей родовую и денежную аристократию. По свидетельству Иосифа Флавия, саддукеи, в противоположность фарисеям, признавали один только писаный Закон Моисея, делая акцент на его формальной, обрядовой стороне; саддукеи, в отличие от фарисеев, являли собой консервативную партию в иудаизме, отстаивая не дух, но букву Закона вопреки реальной, изменившейся со времен Моисея исторической ситуации. В догматическом плане саддукеи признавали абсолютную свободу воли человека и отрицали бессмертие души, воскресение мертвых, небесную иерархию ангелов и духов. *Фарисеи* — название одной из древнеевр. религ. сект, возникшей примерно в то же время, что и саддукеи. В догматическом отношении фарисеи, по словам Иосифа Флавия, «все совершающееся ставят в зависимость от Бога и судьбы и учат, что, хотя человеку предоставлена свобода выбора между честными и бесчестными поступками, но в этом участвует также и предопределение судьбы». Отсюда — известный либерализм и снисходительность фарисеев (в отличие от саддукеев) в качестве судей. Фарисеи верили в бессмертие души, загробный суд и последующее воскресение, — что, однако, по свидетельствам Евангелистов, не помешало Иисусу Христу резко порицать фарисеев за формализм и начетничество их богословской казуистики. (Коммент. С. Воробьева).

С. 623. *Четьи-Минеи* — сборники житий святых, составленные в соответствии со днями их чествования церковью.

...на кресте: «сим победиши»... — по преданию, римский император Константин Великий в 312 г. перед сражением против узурпатора Максенция увидел на небе крест с греч. надписью над ним: «Сим знамением победиши». Константин одержал победу, прекратил преследования христиан и объявил христианство государственной религией. — *Ред.*

С. 624. *...клопец да костра.* — Клопец, или голичек, вередник, денежник— растение, из которого вяжут веники; костра (кастрика), кострочка, или кострика— сорная трава.

Националисты все с иностранными фамилиями. — Ср. у В.В. Розанова: «...имеет свою пикантность то явление, что среди "чисто русских" людей главарями стоят не разные Поповы и Ивановы, а какие-то "волапюки" не то еврейского, не то венгерского или в самом деле цыганского корня: Грингмуты, Крушеваны, Юзефовичи» (*Розанов В.В.* Еще об истинно русских людях // Русская государственность и общество. М., 2003. С. 217). (Коммент В. Фатеева).

С. 626. *Из поездки в монастырь Савва-Вишерский.* — Имеется в виду Савва-Вишерский монастырь (1417) на левом берегу р. Вишеры.

А как же в Писании сказано — солнце ходит вокруг земли, а не земля. — Разумеется, в Библии нет буквального, «теоретического» изложения геоцентрической системы. Однако библейский язык, которым мы и теперь пользуемся метафорически, четко отражает геоцентрические представления древних — солнце «восходит» (над Землей) и «заходит» (за нее), солнце «останавливается» (над неподвижной точкой Земли) и т. п. — См., напр.: Нав. 10, 13; Ек. 1, 5; Ис. 38, 8; Авв. 3, 11. (Коммент. С. Воробьева).

Прочитай 3-ю книгу Ездры... — Ездра — священник-книжник, главный организатор иудейской общины после Вавилонского плена (536 г. до н.э.). Он способствовал: 1) восстановлению обрядности Закона иудейского по древним обычаям (до плена); 2) собрал и соединил в один состав множество ветхозаветных книг. 3-я книга Ездры в виде откровений изображает «смотрение» Божие о Церкви иудейской, говорит о пришествии Мессии и о последнем суде. См. 3 Езд. 2, 38-47; 7, 28-35; 43-45. — *Ред.*

С. 628. *...он ламит... что это — ламы? — Ну, да вот храм в Петербурге строят.* — Лама — тибетско-монгольский буддистский монах; буддистский храм был построен в Петербурге в 1909-1915 гг. (архитекторы: Г.В. Барановский, Н.М. Березовский, Р.А. Берзен). (Коммент. В. Фатеева).

...спиритуалист. — См. коммент. к с. 194.

...когда услыхал о бегстве Толстого. — Ср.: Отклики на смерть Толстого // Собр. соч. 1982-1986. Т.1. С.752-765.

С. 629. *Насмешки старших братьев, преимущество Сережи в их глазах...* — с самого детства Миши Пришвина проявлялась его никем не понятая полемичность по отношению ко всем — братьям, друзьям, учителям и вообще старшим; скорее всего, это неосознанное, но очень точно им впоследствии выраженное чувство впервые проявилось в связи с несложившейся гимназической жизнью и учебой, что никак не соответствовало ни его способностям, ни притязаниям: младший брат Сережа догнал его, оставленного на второй год во 2 классе. Ср.: «Когда я бежал из гимназии, это было не чувство дали? Нет, оно было. Я помню эту горечь, что "Азии нет" (то

есть дали нет и некуда бежать). Из одиночества рождается даль. А чувство одиночества, в том смысле, что я х у- ж е других, что такому, как я, нельзя и стыдно войти в коллектив (старшие, братья, мальчишки). Без этого чувства тоскующей отдельности я себя не помню, д о э т о г о я о себе сказать ничего не могу». Путь к Слову. С.40-44.

Тараканница. — Ср.: Цвет и крест. С. 243—244.

С. 630. *...читает притчу о талантах...* — Мф. 25, 14.

...притчу о богатом и Лазаре... — Лк. 16, 19.

Мягкое Евангелие. — Имеется в виду сектантское Евангелие в мягкой обложке и без креста.

С. 632. *...«смертью смерть поправ»...* — слова из пасхального тропаря.

...(Ликует буйный Рим). — Начало стих. М. Ю. Лермонтова «Умирающий гладиатор» (1836).

«Умереть за други»... — ср.: Ин. 15, 13.

...как Марфа... — Лк. 10, 38-41.

...тайное становится явным... — Мф. 10, 26; Мк. 4, 22; Лк. 8, 17; 12, 2.

С. 633. *Трагедия «Ивана Осляничека»: между большой правдой и коротенькой, нося в себе семя «голубых бобров».* — В повести «Иван Осляничек» (1912) амбивалентность мира — ключ к жизненной трагедии: языческий мир с водяными и лешими — православный мир с преподобными старцами; родоначальник, благоверный древний князь Юрий — последний князь, у которого нет наследника; ожидание конца света — появление наследника, откладывающее этот конец; однако наследник-младенец — не подлинный продолжатель рода, он взят со стороны княгиней и крещен в честь Ивана Осляничека, «снимающего обиды человеческие»; князь же, введенный в заблуждение, нарекает его именем древнего князя; ситуация не проявляется, но младенец, соединивший две ипостаси (род и личность), получивший два имени вносит в мир надежду на «снятие обид человеческих» (Цвет и крест. С. 233—273). Ср.: в романе «Кащеева цепь» (1928) «голубые бобры» — так же символ амбивалентности жизни, связанный с установкой на поиск «настоящей жизни», в нем таится завет отца сыну, который нарушает родовой ритм жизни; отец—мечтатель направляет жизнь сына по какому-то неизвестному руслу: «Явилась перед ним какая-то страна еще без имени и без территории; вот там, в этой стране... и есть настоящая жизнь, а тут у нас жить не стоит, тут — не настоящее. Он стал догадываться, где находится такая страна, и вспомнились ему голубые бобры, что они в Азии». Собр. соч. 2006. С. 95-96.

...стереги двери уст твоих... — Мих. 7, 5.

...покойный батюшка покойникам служит обедню. — См.: Отец Спиридон (1912) // Цвет и крест. С. 320—323. Прототип о. Спиридона — священник Александр Устьинский, с которым Пришвин был близко знаком.

С. 636. *...проповедь диким огнем и мечом...* — любое насильственное навязывание культа веры, например, Крестовые походы, инквизиция, охота на ведьм и т. д. — *Ред.*

С. 637. *...воин (инок Пересвет) умирает...* — святые воины-иноки Троице-Сергиевой лавры Александр (Пересвет) и Андрей (Ослябя) по благословению Сергия Радонежского приняли участие в Куликовской битве и погибли на поле брани в 1380 г.

С. 638. *...(верблюд через игольное ушко).* — Мф. 19, 24; Мк. 10, 25; Лк. 18, 25.

С. 639. *Ражий (Даль)...* — дюжий, дородный; крепкий, плотный, здоровый, сильный; хороший, годный; видный, красивый.

С. 640. *Трудники и гостеньки.* — Верующие миряне, выполняющие физическую работу в монастыре, и миряне, приезжающие на богомолье.

...суземы на 500 верст. — Сузем — глухой, сплошной, дремучий, дальний лес.

С. 641. *Весна как живое существо никогда не бывает одинаковой...* — весна — любимое время года Пришвина с ранних гимназических лет. В 1918 г., составляя первую летопись своей жизни, Пришвин отмечает: «Второй класс... Счет годов с весны». Ср.: Город света // Собр. соч. 2006. Т.3.

...есть небольшая палестинка... — «Палестинкой называют в народе какое-нибудь отменно приятное местечко в лесу» — коммент. М.М. Пришвина к сказке-были «Кладовая солнца» (1945).

С. 641. *«Двенадцать лысых мороз сломите!»* — См. коммент. к с. 414.

С. 642. *...хозяин сидит и курит, а ежу, будто туман над озером (детский рассказ).* — См. один из самых известных детских рассказов Пришвина «Еж» (впервые: 1924, под назв. «Ежик»). См. Рассказы егеря // Собр. соч.1982-1986. Т. 3. С. 388.

Свете тихий!.. — православное песнопение службы Великой вечерни. — *Ред.*

Ектения — грег. — одно из молитвенных прошений православной службы, возглашаемых дьяконом или священником. — *Ред.*

С. 643. *...«и на земли мир...»* — слова из Великого славословия православной утрени. — *Ред.*

Лекция Чуковского о литературе и самоубийствах. — К концу первого десятилетия XX века число самоубийств в России выросло настолько, что рассматривалось как общественная проблема. К.И. Чуковский был одним из немногих, кто в своих критических статьях постоянно обращался к этой теме. В данном случае речь идет о лекции Чуковского, прочитанной в ноябре 1912 г. и опубликованной в газете «Речь» 23—24 декабря 1912 г.

КРЫМ
(Славны бубны)

С. 644. *(Славны бубны).* — В результате поездки в Крым был написан цикл очерков «Славны бубны» (впервые: Заветы, 1913, №9 (под назв. «Трагикомедия»), № 10). Собр. соч. 2006. Т. 2.

Ледники набивают... — ледник — погреб, склад с запасом льда для охлаждения и длительного хранения продуктов летом.

С. 645. *... на улицах в подножки играли...* — игра в мяч с разрешением «подножек».

В душе моей была Херувимская... — имеется в виду Херувимская песнь («Иже херувимы») — поется на Литургиях Иоанна Златоуста и Василия Великого.

С. 646. *Инфлюенция.* — (устар.) — простудные заболевания.

С. 649. *... это болото! мочежинками...* — лужица, мокринка, часто покрытая мхом и травой, из которой еле заметно сочится вода.

Вызывают друг друга пищиками от рябчика. — Обычно на рябчика охотятся с «пищиком», поскольку в сентябре и октябре он легко отзывается на манок; лучшие пищики — точеные медные с железным вставышем.

С. 650. *Скала Кошка и там в сезон всегда демон поет.* — Легенды Крыма, связанные с горными хребтами, многочисленны. Легенда о горе Кошка, в частности, широко известна: она гласит, что отшельник, живущий в безлюдных скалах и совершивший много зла, под конец жизни был признан людьми, забывшими его давние преступления, мудрым старцем; злой дух, который не мог смириться с его незаслуженной славой, решил выявить его старые склонности и, превратившись в кошку, жил в пещере отшельника, пока тот, разъярившись, не вышвырнул ее вон; тогда добрый дух, превратил обоих в скалы.

... мыс Одиссея... — крымские места связаны с героем эпопеи Гомера Одиссеем: на мысе Меганом Одиссей встретился с одноглазым циклопом, а через подземные пещеры Карадага спускался в царство Аида. Ср.: «... у них тут могилы святых на вершинах гор, и всем им общее имя —Азис <...> В эту минуту святой Азис, может быть, и на меня перевел свои глаза: я вдруг стал понимать всю красоту этой суровой могилы на верху черного потухшего вулкана, и видел я море, цветистую линию гор, одну за другой уходящих в лазурную дымку, и возле одной из них сверкали весла триремы, плыл Одиссей...». Славны бубны //Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 558—559.

... разговор о Юрской формации... — второй период мезозойской эры истории Земли.

С. 650. *...Байдарские ворота.* — Горный перевал на старом автомобильном шоссе Ялта — Севастополь; построены в 1848 г. в честь завершения строительства этой дороги.

С. 651. *Омелы на деревьях.* — Омела — растение-полупаразит, не имеющее собственных корней и питающееся за счет дерева, на котором она живет.

...плодороднейшие лессы... — пористая осадочная горная порода, состоящая из пылевидных частиц разных минералов.

[Готское] кладбище. — Имеется в виду древнейшее Готское (готейское) кладбище в Биа-салах (Бахчисарай).

Осман—Пастух. — Ср.: Славны бубны, гл. Ш. «Любовь Османа» // Собр.соч.2006. Т.2. С. 565—570.

Мальпост. — (*фр.* malle-poste) — почтовая карета, перевозящая письма и пассажиров (до появления железной дороги).

С. 652.... *передвигаются по Яйле...* — платообразные безлесные вершины Крымских гор, проходящих тремя грядами по югу полуострова от Севастополя до Феодосии.

...*заказали моджара с провизией...* — по-видимому, имеются в виду устар. название племен (моджары, мочары, мещера) в давние времена соединившиеся с татарскими племенами.

С. 653. ... *как отличить турок от греков — необходимость явилась, когда я турку, покупая винные ягоды, сказал о победе греков...* — имеется в виду Первая Балканская война (окт. 1912—май 1913), в которой победу одержали страны коалиции (Балканского союза) — Сербии, Болгарии, Черногории и Греции. Ср.: «Один красивый юноша в красной феске стоял возле своей фруктовой лавочки и задумчиво смотрел на бакланов и чаек. Он мне понравился, и уж, Бог знает почему, я принял его за грека, подошел к нему и приветливо сообщил ему свежую новость: греки только что взяли еще одни город у турок. Оа мрачно переспросил: « Греки взяли? — И я вдруг понял, что турку я радостно сообщил о победе греков». Славны бубны. // Собр. соч. 2006. Т. 2. С 561.

«Дюбек». — Сорт табака.

С. 654. *Кокозы.* — Живописная горная деревня.

Куда ты, туда я бросился. — Ср.: «Вот <...> вот с этой скалы бросился барыня. С ним был Осман второй. Три ночи Осман был с барыней в горах. Когда барыня бросился, Осман сказал: "Куда ты бросился, туда я бросился". И прыгнул». Славны бубны. // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 567.

Pinus как рождественская елка. — Pinus — (лат.) сосна; здесь имеется в виду pinus pinea — итальянская сосна с характерной зонтиковидной кроной.

... *конверт с ее почерком — упоение...* — имеется в виду Варя Измалкова.

С. 655. ... *кучи звезд (Стожары)...* — русское народное название звездного скопления Плеяд.

С. 656. *Бурка.* — Инструмент для бурения скалы.

Карагач. — (*тюрк.*) Наименование вязов и ильмов, чаще всего имеется в виду вяз мелколистный.

С. 658. ... *он в черкеске ходит...* — мужская одежда кавказских и среднеазиатских народов: распашной однобортный кафтан без ворота часто из домотканого сукна черного, бурого или серого цвета, с длинными широкими рукавами, немного ниже колен, подпоясывается узким ремнем; на груди газыри — кожаные гнезда для деревянных трубочек, куда вкладывали патроны.

...*коалы поднялись...* — сумчатый австралийский медведь, питающийся листьями эвкалипта.

С. 659. *Отузы.* — Также Отуз — название древнего поселения. Ср.: «зеленые Отузы, покрытые святымираинами». Славны бубны. // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 559.

С. 661. *Караимы.* — В иудаизме секта, отвергающая Талмуд и раввинистический иудаизм и признающая только Письменную Тору, а не Устный Закон. В отношении крымских караимов термин одновременно определяет

принадлежность к вероисповеданию и национальность. Ср.: Славны бубны. Гл. VI. «Трагикомедия». // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 580–587.

... ударили в православной церкви Великое! — Возможно, имеется в виду Великий канон св. Андрея Критского, который поется и читается во время Великого поста.

... зубной враг — «Женский вестник». — Возможно, имеется в виду ежемес. общественный и научно-литературный журн. (с 1905, СПб), издателем которого была женщина-врач М.И. Покровская, хотя существовали и др. журн. под таким названием.

С. 662. *...спросил дорогу в Чуфут-Кале...* — остатки древнего средневекового караимского города-крепости в окрестностях Бахчисарая.

Нигде луна так не восходит, как в Бахчисарае... — ср.: «Я смотрел у окна в своей комнате один, как всходила эта небольшая луна горной пустыни. Диск луны был огромный полный, на нем медленно выдвигался одни самый высокий черный палец Ай-Петри. Я смотрел напряженно в этом черный край нашей земли; от этого видимый диск луны стал казаться большим сияющим полем, а по этому огромному сияющему полю черный палец Ай-Петри чертил свою линию — земля двигалась. Первый раз в своей жизни я действительно видел, что земля наша движется, видел, верил, понимал, удивлялся...». Славны бубны. Гл. «Алмазная гора» // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 574.

С. 663. *Скифы-тавры.* — Считается, что таврами назвали местных жителей греки, возможно называя Крымские горы так же как называли горную систему Малой Азии — Тавром; местность получила название Таврики.

С. 664. *Яйла — дети: за Яйлой Москва.* — Имеются в виду идеи и персонажи повести «Славны бубны». Ср.: «Под этим деревом его детки Соня и Костя бегают теперь безгрешные, как Адам и Ева в раю. Родились они еще в Братовке, но ничего не помнят, не знают, что такое ржаная солома, соха, мужик, береза, карась, куколь в овсе, кувшинки в болоте. Мир для них на юге — синее море, где на зеленых островах живет какая-то Маговей-птица, а на север — стена Яйлы и прямо за Яйлою — какая-то Москва». Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 553.

Цветные камешки — хорошее занятие...— Ср.: «... камешки-воспоминания прежней пламенной любви вулкана и моря: яшмы, аметисты, бериллы, топазы рассыпаны по берегу моря. Странные, с неподвижными глазами, в летнее время ходят по берегу взрослые люди и собирают эти камешки-воспоминания». Там же. С.559.

Не вижу и сказать страшно, что не вижу — вижу! — Мотив сада в повести «Славны бубны» очень интересен и важен; во-первых, крымский сад невозможно судить с точки зрения романтического пейзажного стиля усадебных парков — он другой, во-вторых, он оказывается событием в культуре уже постольку, поскольку прибавляет к природному ландшафту то, что никоим образом не могло появиться без человеческого творчества: становится «новой вселенной» («из воды, камня и света построй новую вселенную»). Кроме того, крымский сад — это чистое творчество из ничего («из этих палочек я создаю свой собственный сад»), он весь в будущем («здесь будет множество роз») и не виден постороннему («Где же обещанный сад, эти бамбуки, допотопные деревья, магнолии, кипарисы, дерево жизни?»);

в крымском саду важно не количество деревьев и цветов и не качество, но творчество само по себе, которое непостижимым, парадоксальным образом преображает жизнь: крымский сад уже здесь и сейчас представляет собой иное пространство, в котором реальные живые дети «бегают... безгрешные, как Адам и Ева в раю», в котором выздоравливает больная жена поэта и за это «благодарит Бога и благословенный край». К творчеству такого сада невозможно присоединиться формально — так его невозможно увидеть («он ничего не видит, притворяется, он врет»); крымский сад соединяет природу и культуру, земное и небесное, человека и Бога, потому что его творчество движется любовью — необходимость создания сада для спасения жены становится побуждением к творчеству и включает поэта в общечеловеческий процесс жизнетворчества: сад таит неизбежное прекрасное будущее, в котором деревья и цветы из невидимого мира перейдут в видимый и останутся навсегда («тис может расти тысячи лет»); войти в творчество мира можно только любовью («Полюби камень — и ты все поймешь»).

... о, если бы ты был холоден или горяч, но как ты тепел... — Откр. Ш. 15.

С. 665. *Хаджи.* — паломничество в Мекку на поклонение главному святилищу мусульман; *хадж* — человек, совершившие хадж.

С. 668. *Гахам. Газзан...* — и то и другое обозначает высшее духовное лицо у караимов; газзан, кроме того, совершающий службу. Ср.: Славны бубны. // Собр. соч. 1982-1986. Т. 1. С. 563—566.

С. 669. *«Караимская жизнь».* — Ежемесячный журнал, выходивший в Москве на русском языке в 1911-1921 гг.; основан караимскими студентами Московского университета.

С. 671. *Сатрапы...*— наместники шаха, возглавляющие администрацию сатрапии (провинции) в раннесредневековой Персии.

С. 674. *...филоксера — болезнь...*— болезнь, губительная для виноградной лозы.

С. 675. *Муэдзин на минарете Бахчисарайского дворца.* — Служитель мечети, призывающий с минарета на молитву.

С. 676. *Невский Сепаратор!* — Устройство для отделения сливок от молока.

С. 684. *Селям-башня.* — Видимо, башня надвратная («ворота приветствия»).

Я. Гришина.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

М. М. Пришвин. РАННИЙ ДНЕВНИК

На форзаце:

Липовая аллея в Хрущеве

Дом в Хрущеве, где родился М. М. Пришвин

Семья Пришвиных

На нахзаце:

Мужская гимназия в Ельце, где учился М. М. Пришвин

В. В. Розанов

Петербург. 1900-е годы.
(из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов СПб.)

Художественное издание

Михаил Михайлович Пришвин

РАННИЙ ДНЕВНИК
1905–1913

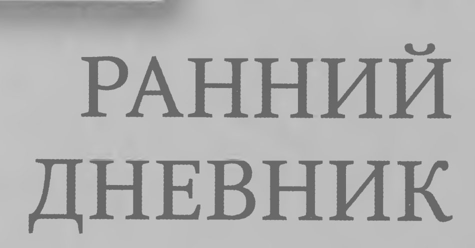
Редактор: *Т. Н. Беднякова*
Художественное оформление: *Г. Расторгуев*

Подписано в печать 14.08.07
Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Бум. офсетная. Гарнитура Octava. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 50,00. Тираж 3000 экз.
Зак. № 4404

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostok_publish@front.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 323-54-70

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

РАННИЙ ДНЕВНИК